

Maurice Choury
LA COMMUNE AU COEUR DE PARIS
PARIS, 1967

Морис Шури

КОММУНА В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

Перевод с французского *Е. М. Шишмаревой*
Вступительная статья и редакция проф. *А. З. Манфреда*

М.: Прогресс. 1970

По неизданным документам архива префектуры полиции, документам Национального архива, Военно-исторического архива и по опубликованным источникам.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.com), 2011, в год 140-летия Парижской Коммуны.

Документы, исследования, публицистика, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрель. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа, В.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр.Исполнит. Комитета Совета Р., С, Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отвред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)

А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге КПельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Тт.1,2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
М.Шури. Париж был предан: истоки Парижской коммуны (М., 1961)
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).
Цикл радиопередач к 140-летию Парижской коммуны

Эту литературу, аудио и видеоматериалы можно скачать в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diarv.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

в сообществе

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

и в библиотеке <http://politazbuka.ru/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья

Моим советским читателям

Глава первая. ОТ УЛИЦЫ ГРАВИЛЬЕ ДО ПЛОЩАДИ КОРДЕРИ, ИЛИ ОТ РЕФОРМИЗМА К РЕВОЛЮЦИИ

Глава вторая. КОГДА ТРОШЮ ЦАРСТВУЕТ В ЛУВРЕ, ИЛИ СТРАННАЯ ВОИНА 1870 г.

Глава третья. МИР ПРУССАКАМ, ВОЙНА ПАРИЖАНАМ, ИЛИ ПРОВОКАЦИЯ ГОСПОДИНА ТЬЕРА

Глава четвертая. 18 марта 1871 г. КРАСНОЕ ЗНАМЯ РЕЕТ НАД РАТУШЕЙ

Глава пятая. ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ НА ОРАЛА

Глава шестая. КОГДА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Глава седьмая. НОЧЬ НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

Глава восьмая. «КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ»

Глава девятая. В ПАРИЖЕ ЦАРИТ ПОРЯДОК

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Эту статью пришлось переделывать. Ее первые строки были о теме, которой посвящена книга, — о Парижской коммуне 1871 г. Это было естественно.

Когда было задумано советское издание последней большой работы М.Шури, посвященной Парижской Коммуне 1871 г, издательство «Прогресс» установило тесное и дружественное сотрудничество с автором. Весною 1968 г. М.Шури приезжал в Москву, он был бодр, оживлен, его воодушевляли большие надежды. В июне 1969 г. автор этих строк виделся в Париже с Морисом Шури, он закончил к тому времени новую книгу о Гюставе Курбе и увлеченно рассказывал о больших творческих замыслах, об уже начатом новом труде, о близящейся столетней

годовщине Коммуны — важной дате, к которой пора уже быта готовиться, засучив рукава. Он надеялся, что еще до этого побывает снова в Москве.

Надеждам этим не суждено было сбыться. 7 ноября 1969 г. Морис Шури скоропостижно скончался в Париже.

Книгу, которую мы начали готовить для советского издания вместе с автором, мы выпускаем уже без него.

И потому теперь, после смерти Шури, первое слово должно уже быть не о самой книге, как предполагалось ранее, а о том, кто ее создал.

Морис Шури родился в 1912 г в Париже, в семье рабочего. Он начал свой жизненный путь, как его отец и брат, — тоже стал рабочим. Ему было лишь 22 года, когда в знаменитые февральские дни 1934 г мощное выступление парижского пролетариата преградило дорогу наступлению фашизма во Франции. Так начались «дни, озаренные солнцем Народного фронта», как позже назвал это славное время Жак Дюкло¹. Мог ли остаться молодой парижский рабочий в стороне от этого могучего народного движения, открывшего после долгих лет прозябания столь широкие перспективы, породившего столько надежд! Морис Шури с юных лет стал членом комсомола, как и многие его сверстники, он идейно мужал и рос в школе политической борьбы того бурного времени. Широкое движение Народного фронта, главным вдохновителем которого была Французская коммунистическая партия, стало его первым университетом. Испытания, трудности, препятствия, вставшие на

¹ Jacques Duclos, Memoires, t .II . 1935—1939. Aux jours ensoleilés du Front populaire, Paris, 1969.

пути Народного фронта после первых круживших головы побед 1936 г., попытки расколоть единство народа, разрушительная деятельность тайных врагов Народного фронта внутри его организаций — все это требовало от молодого рабочего, от комсомольского активиста не только быстрой реакции, классового чутья, но и знаний, политической и исторической грамотности, умения обобщать уроки прошлого опыта

Комсомольская пора Мориса Шури, предвоенные бурные годы, годы надежд, завоеваний и поражений движения Народного фронта, стали для Шури временем упорного, настойчивого, систематического самообразования. Времена самоотверженных лионских ткачей, вступивших в героическую борьбу под предельно скромным, минималистским лозунгом «жить работая, или умереть сражаясь!», остались далеко позади. Сто лет спустя французский рабочий класс выступал уже как ведущая сила страны, единственно способная обеспечить путь истинного социального и национального обновления Французской республики. Сама жизнь, необычайно усложнившиеся формы и задачи политической борьбы предъявляли активистам рабочего класса новые высокие требования. Чтобы сохранить симпатии и поддержку аудитории в публичном словесном поединке с опытным противником, надо было быть во всеоружии знаний. Не все выдерживали это испытание. Морис Шури его выдержал. Он не мог учиться ни в Сорбонне, ни в другом высшем учебном заведении; вряд ли он имел систематическое образование. Пробелы в своей общей подготовке он восполнил жадным чтением; природные способности помогли самоучке преодолеть неисчислимые трудности; он научился не только выступать на рабочих собраниях и брать верх над противником в словесных схватках, он стал владеть и пером. Те же требования острой классовой борьбы заставили Мориса Шури сделать первые шаги на поприще политической журналистики.

Война, повлекшая за собой величайшие испытания для французского народа, все изменила в жизни Шури, как и в жизни остальных французов. Было логичным и закономерным, что молодой коммунист М. Шури стал мужественным участником движения Сопротивления. Французские коммунисты в освободительном движении Сопротивления — это воистину эпическая тема, о которой написано уже немало воспоминаний, рассказов, романов, исторических исследований, но многое все еще не сказано. Страницы биографии Мориса Шури служат тому подтверждением. Он был связан близкими родственными узами с героиней французского народа Даниель Казанова, сыгравшей такую выдающуюся роль в организации антифашистской подпольной борьбы партизан и франтиреров. Сам Шури со времени оккупации Франции немецко-фашистскими за-

воевателями целиком отдался патриотической освободительной борьбе. Он сыграл крупную роль в развертывании движения Сопротивления на острове Корсика и был одним из руководителей восстания 1943 г., приведшего к освобождению Корсики от фашистских захватчиков¹

Морис Шури сражался вплоть до полного освобождения Франции. Он закончил войну в звании подполковника Внутренних вооруженных сил (ФФИ), сыгравших крупную роль в изгнании войск оккупантов из пределов Франции.

После окончания войны Морис Шури выполняет ответственные поручения партии. В течение многих лет он работает в партийной печати главным редактором газеты для молодежи, затем главным редактором широко известного популярного органа Французской коммунистической партии — еженедельника «Юманите-Диманш».

Вряд ли кто мог бы узнать в опытном и авторитетном редакторе влиятельного партийного органа, талантливом журналисте, легком и умело откликавшемся на острые вопросы дня, простого рабочего паренька, еще сравнительно недавно просиживавшего все вечерние часы после тяжелого рабочего дня над книгами, совершенствуя свое образование.

В 1958 г., как уже было сказано, вышла в свет первая книга Мориса Шури, посвященная движению Сопротивления на острове Корсика. Книга эта стала в известном смысле переломной для последующей судьбы Шури. Она представляла собой своеобразное сочетание личных впечатлений участника событий с трудом историка. Книга была принята хорошо, и этот первый успех придал смелости Шури, побудил его посвятить свои способности, а бы даже сказал — свой талант, свои старания, огромное трудолюбие изучению темы, давно уже привлекавшей его внимание, — истории первого правительства рабочего класса во Франции.

Чтобы во второй половине XX в. попробовать свои силы в создании научного труда о Парижской Коммуне 1871 г., нужна была смелость. Это слово употреблено не случайно. За 90 лет, прошедших со времени героического восстания парижских рабочих весной 1871 г., было создано уже столько научных трудов — обобщающих сочинений и узких, специальных исследований, как в самой Франции, так и за ее пределами, в особенности в СССР, — что сказать нечто новое или даже обратить внимание на свою работу было делом далеко не легким. Дерзновенность замысла Шури усугубля-

¹ Этому была посвящена первая книга Шури — «Tous bandits d'honneur! Résistance et libération de la Corse» (Juin 1940 — octobre 1943), Paris, 1958.

лась тем, что автор не имел ни исторического образования, ни навыков исторического труда. Он был заранее поставлен в неравное положение по сравнению с профессиональными историками, продолжавшими работать над изучением этой неумирающей темы.

И все таки Шури рискнул. Он мне рассказывал во время наших бесед, какие сомнения, колебания, ботее того, страх, испытывал он в те долгие месяцы, когда шел еще дороже поисков. Но с той же настойчивостью, какую когда-то проявил молодой рабочий самоучкой постигая основы общих и политических знаний, зрелый журналист переучивался, овладевая профессиональными навыками историка и спецификой исторического письма.

В 1960 г. был издан первый собственно исторический труд Мориса Шури. Его темой были ближайшие, непосредственные предпосылки Парижской Коммуны, поражение Франции в войне 1870—1871 гг. Для названия своей книги Шури воспользовался наименованием старой полемической работы одного из боевых, самых храбрых участников тех далеких событий — Гюстава Флуранса «Париж был предан»¹. Название книги было выбрано, конечно, не случайно. Естественно, сразу же возникал вопрос: когда? В 1871 г.? Или в 1940 г.? Далекое прошлое Франции перекликалось с еще не остывшими воспоминаниями об испытаниях 1940 г., испытаниях немецкого нашествия в черные годы второй мировой войны.

Первая историческая работа Мориса Шури была небольшой. В книге не более 10 печатных листов. На последней ее странице автор обозначил годы ее написания: 1957—1960. Эту книгу в 10 печатных листов автор создавал три года, небольшая по размерам работа явилась результатом длительного, трехлетнего напряженного труда.

Смелая попытка Шури оказалась полностью оправданной. Его первый исторический труд был превосходен. Работа была выполнена не только на высоком профессиональном уровне, автор выступил во всеоружии знания предмета исследования, он умело использовал весьма широкий круг источников. Книга была отмечена бесспорным литературным талантом, у автора был несомненный дар свежо и ярко изображать то, о чем он рассказывал. Но Шури удалось и большее: в освещении этой темы, ставшей почти традиционной во французской исторической литературе, он сумел внести нечто новое. Разгадка секрета этой новизны, по видимому, заключается в том, что Шури подошел к событиям далекого прошлого с позиций человека, прошедшего недавно через все ужасы нового

¹ См. русский перевод М. Шури, Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны, М., 1961.

германского нашествия. Вернее будет сказать, что он взглянул на германское вторжение 1870—1871 гг. и на трусливое капитулянтство французской реакционной буржуазии той поры глазами участника движения Сопротивления, сражавшегося против фашистских завоевателей и их вишистских пособников. И этот обостренный тяжким опытом взгляд сумел заметить то, что ускользало из поля зрения его предшественников. Одну из глав своей книги он назвал «Франтиреры и национальное сопротивление». И это смелое название было подтверждено конкретным материалом, мобилизованным автором. Народное сопротивление прусским завоевателям, героизм простых людей, патриотизм народа, не желавшего склонить голову перед прусским милитаризмом, — все то, что многие авторы работ о Коммуне либо полностью замалчивали, либо намеренно уменьшали, предстало наконец в своем подлинном значении.

Но, показав роль народа в национальном сопротивлении иначе, правдивее, чем это делалось по большей части до него, Шури тем самым в какой-то мере внес изменения и в давно знакомую нам общую картину франко-прусской войны. Эта небольшая книга автора, остававшегося до сих пор неизвестным в мире профессиональных ученых, в кругах университетской науки, сумела показать давно известные вещи так свежо и в таком, хотя бы частично, новом ракурсе, что не заметить ее было невозможно.

Успех первого исторического труда побудил Шури целиком сосредоточиться на изучении все той же темы — истории Парижской Коммуны, исследуемой им теперь более пристально и скрупулезно.

Шури уходит из редактируемого им еженедельника «Юманите-Диманш», он отказывается от всякой работы, могущей его отвлечь от основного труда, которому отданы все его время и силы, — кропотливой повседневной работы в парижских архивах, собрания по крупицам материалов для задуманного им большого труда по Коммуне.

Все 60-е годы, вплоть до последнего дня, когда смерть неожиданно настигла его на улице, на пути в архив, он целиком, без остатка отдал изучению Парижской Коммуны 1871 г.

За это время Шури опубликовал несколько книг: «Коммуна в Латинском квартале»¹, «Эжен Потье, автор «Интернационала»², «Коммуна в сердце Парижа» которой предпосланы настоящие строки, «Добрый день, месье Курбет!»³. В эти же годы в разных

¹ M. Choury, La Commune au Quartier Latin Paris, 1961.

² M. Choury, Eugene Pottier auteur de l'Internationale, Paris, 1966.

³ M. Choury, Bonjour, monsieur Courbet! Paris, 1969.

научных изданиях были помещены его статьи по отдельным частным вопросам, связанным с большой изучаемой им темой. Когда я его видел в последний раз в июне 1969 г., он мне говорил, что готовит по заказу одного из крупнейших французских издательств большой сводный труд, посвященный истории Парижской Коммуны в целом. Не было ли это официальным признанием его крупных заслуг в науке как выдающегося специалиста истории Коммуны 1871 г.?

Бесспорно, не многие профессиональные историки, представители общепризнанной университетской науки, могли бы выставить на стенд для всеобщего обозрения столько полноценных научных книг, созданных за 10 лет, как это сумел сделать Морис Шури.

Однако в работе Шури важен не только количественный результат, хотя он сам по себе также заслуживает уважительного внимания. Морис Шури сумел внести в изучение истории 72 дней первого в мире правительства рабочего класса нечто новое, что обязывает отныне всякого интересующегося историей Парижской Коммуны обращаться к трудам новейшего ее исследователя.

Это новое в главном может быть сведено к двум чертам Шури, во первых, привлек для изучения истории Коммуны новые источники, которыми не располагали его предшественники. Это неизданные документы архива парижской префектуры полиции, Военно-исторического архива и не обнаруженные ранее документы Национального архива. Следует также отметить, что во время пребывания в Москве Шури интенсивно работал в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и сумел найти там и использовать в своих трудах ценные документы.

Следует заметить, что на современной стадии изучения истории Парижской Коммуны нужно считать уже исключенной возможность нахождения таких источников, которые кардинально изменили бы наши представления об истории правительства рабочего класса в 1871 г. Но если надо считать маловероятными какие-либо открытия, опрокидывающие установленные наукой представления о Коммуне, то отнюдь не исключено, что вновь найденные и введенные в научный оборот материалы могут внести и действительно вносят немало нового в освещение и соответственно в понимание некоторых частных вопросов истории Коммуны. Именно этого и сумел достичь Шури. Найденные и привлеченные им документы вносят немало уточнений, поправок, дополнительных сведений в освещение ряда конкретных вопросов истории Коммуны.

Но сказанным не исчерпывается то новое, что внес Шури в изучение темы его исследований. Шури внес новое в самый метод изучения истории Коммуны. После первой обобщающей работы,

исследовавшей общие предпосылки, или, как предпочитал говорить автор, истоки Коммуны («Париж был предан»), Шури перешел к скрупулезному, детальному изучению Коммуны по локально ограниченному району. Его первое исследование в этом плане, «Коммуна в Латинском квартале», полностью раскрывало авторский замысел. Исследователем ограничен пол его своих изысканий строго очерченными границами. Квартал за кварталом, улица за улицей шел он, восстанавливая картину повседневной жизни обитателей Латинского квартала в незабываемые дни Коммуны.

Конечно, взгляд исследователя был целенаправлен. Он изучал не жизнь в Латинском квартале во время Коммуны, а саму Коммуну в Латинском квартале, то есть действия коммунаров, функционирование правительства рабочего класса в пределах одного из районов Парижа.

По замыслу Шури он должен был шаг за шагом, постепенно пройти так по всем районам Парижа. Автор полагал, что, накапливая огромный, беспрецедентный, в сущности, конкретно-исторический материал, он сумеет воссоздать картину жизни Парижа и деятельности Парижской Коммуны как первого рабочего правительства с такой полнотой и детальностью, столь всеобъемлюще, как это не удалось ни одному из его предшественников.

Замысел был грандиозен, и он, вероятно, превышал силы и возможности исследователя, даже ученого такой неукротимой энергии и поразительной работоспособности, каким показал себя в качестве историка бывший простой рабочий, коммунист Морис Шури.

Первая книга Шури из задуманного им цикла, «Коммуна в Латинском квартале», показала, как много нового и интересного, в особенности в деталях, в подробностях, в каких-то неповторимых черточках в поведении коммунаров, которые можно разглядеть, лишь изучая предмет через увеличительное стекло, сумел увидеть и запечатлеть на страницах своей книги автор «Коммуны в Латинском квартале».

Но этот метод изучения истории Коммуны имеет не только сильные стороны, он имеет и вполне очевидные, бросающиеся в глаза недостатки. Изучая так, по районам, Коммуну, можно «за деревьями не увидеть леса», как говорит русская пословица, то есть, иными словами, за частностями, за деталями, за колоритными местными особенностями проглядеть главное в Коммуне — не увидеть, не понять черты Коммуны, как первого опыта диктатуры пролетариата, что как раз и сделало ее навеки бессмертной.

Морис Шури, по-видимому, вовремя заметил подстерегавшую его опасность. Вся свою сознательную жизнь он был политическим бойцом, коммунистом, продолжателем дела Коммуны. Мог ли

он обойти или хотя бы на время отложить рассмотрение главного в Коммуне?

Так родилась книга, для которой было найдено замечательное, полное глубочайшего смысла название — «Коммуна в сердце Парижа».

О чем она? О центральных районах столицы — Ратуше, Лувре, центральных площадях?

Возможно, что автору было нелегко расстаться со своим первоначальным замыслом, и так счастливо найденное им название книги сохраняет как бы двойной смысл. Если угодно, это по-прежнему исследование локально чем-то ограниченное; в нем идет речь о Коммуне в сердцевине великого города, о центральных кварталах столицы. Но ведь здесь — в сердце Парижа — и обеспечивалось кровообращение всего жизненного организма революции, здесь были сосредоточены все созданные творчеством народных масс новые органы революционной власти, здесь в здании Ратуши заседало первое революционное правительство рабочего класса — Центральный комитет национальной гвардии, затем Парижская Коммуна.

И в силу самой внутренней логики исследования «Коммуна в сердце Парижа» Мориса Шури перерастает в нечто неизмеримо большее — в исследование о самой Коммуне как правительстве рабочего класса, о революционном Париже восставших пролетариев как сердце Франции.

*

Как всякое подлинно большое историческое событие, Парижская Коммуна 1871 г., даже отдаляясь от нас все больше и больше во времени, не тускнеет, не стирается в памяти поколений, она сохраняет и ныне непреходящее значение для освободительной борьбы рабочего класса и идущих с ним вместе других трудящихся.

Широко известно знаменитое определение В. И. Ленина, данное им в 1908 г. «Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»¹. То была исключительно высокая оценка исторического подвига французских рабочих; она справедливо подчеркивала, что на протяжении всего XIX столетия Парижская Коммуна оставалась непревзойденной вершиной в освободительной борьбе всего международного рабочего движения.

Но не следовало ли понимать это замечательное ленинское суждение в том смысле, что Парижская Коммуна со всеми своими достижениями принадлежит всецело прошлой эпохе, пройденному этапу развития рабочего движения, формам классовой борьбы

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

XIX века, отличавшимся, как и все минувшее столетие, от нынешнего, XX-го века?

Конечно, Парижская Коммуна, как и всякое иное историческое событие, несет на себе печать своего времени и отмечена чертами своей эпохи. Но если поставить вопрос резче, острее — сохраняет ли исторический опыт Парижской Коммуны свое значение и за пределами XIX в., в XX в., в наше время, — то сущность выясняемой проблемы, как мне думается, сразу будет ясна.

Когда В. И. Ленин в марте 1905 г., на начальном этапе первой русской революции, писал «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»¹, то разве эти слова, полные глубочайшего политического смысла, не были открытым признанием преемственной связи международного рабочего движения XX в. с Парижской Коммуной? Разве весь последующий исторический опыт и в особенности опыт трех русских революций и дальнейшего развития Советского государства не подтвердил непреходящее значение Парижской Коммуны 1871 г.

Обо всем этом необходимо сказать с самого начала, потому что в политической и исторической литературе нынешнего столетия было немало попыток отнестись к историческому опыту Парижской Коммуны к области далекого, безвозвратно миновавшего прошлого, объявить его либо «устаревшим», либо вообще не применимым к резко изменившимся общественным отношениям новейшего времени. Острая идейная борьба, возникшая сразу же после провозглашения Коммуны, по вопросу об ее истолковании, раскрытии ее социальной природы, ее сути, не затихала, как известно, и многие годы после того, как были снесены последние баррикады коммунаров, она продолжается и ныне, вплоть до наших дней. Еще и сейчас находятся охотники «опровергать» то, что они называют «мифами Коммуны»², еще и ныне нет недостатка в историках, готовых в прямой или завуалированной форме умалить, принизить значение Коммуны, взять под сомнение сыгранную ею великую роль в истории освободительной борьбы угнетенных классов³.

Непреходящее историческое значение Парижской Коммуны 1871 г. заключалась прежде всего в том, что самим фактом существования в течение 72 дней власти рабочих она подтвердила и

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

² См., например, John Roberts, *The Myth of the Commune. «History Today»*, 1957, vol. VII, № 5.

³ См., например, Edwards Mason, *The Paris Commune.. New York, 1930; Jean Soughin, The Paris Commune and the French Politics 1871—1880, v. 1—2, Baltimore, 1955 и др.*

доказала истинность теоретического положения, сформулированного Марксом и Энгельсом в 1848—1850 гг., о том, что между капитализмом и социализмом должен быть переходный период, определенный ими двумя латинскими словами диктатура пролетариата

До 1871 г., до великого подвига французских рабочих это теоретическое положение основоположников научного коммунизма оставалось еще гениальной гипотезой, так как жизненная практика международного рабочего движения не давала ему конкретного подтверждения. Ни в 50-е, ни в 60-е годы прошлого века, ни даже в 1870 и начале 1871 г. никто в мире, включая и Маркса и Энгельса, не мог бы еще сказать, в какие конкретно исторические формы воплотится в реальной жизни диктатура пролетариата

Более того, французские рабочие, творившие революцию 1871 г., теоретически не осознавали того, что они творят, подавляющее большинство французских рабочих не было знакомо с идеями научного социализма, а их руководители — бланкисты, неоякобинцы или прудонисты — искали в Коммуне скорее возрождения определенных черт прошлого, чем рождения чего-то принципиально нового. Как известно, само требование провозглашения Коммуны и сам термин «Коммуна» был связан с французским революционным прошлым и прежде всего с воспоминаниями о Парижской коммуне 1792—1794 гг. эпохи Великой французской буржуазной революции XVIII в.

Тем более замечательно, что самой логикой революционной борьбы, в результате революционного творчества масс, гениального чутья проснувшихся масс, как говорил В. И. Ленин¹, парижские рабочие сумели найти единственно верные и необходимые меры, знаменовавшие не повторение прошлого, а смелое движение вперед, создание государства нового типа, которого не знала еще история.

Великий современник, а вернее сказать, и соучастник героической борьбы французского рабочего класса — Карл Маркс был первым, кто сумел раскрыть «тайну Коммуны». Он увидел в ней первый опыт диктатуры пролетариата. В потоке многообразных и по большей части противоречивых сведений, характеризующих деятельность революционного правительства в Париже, Маркс увидел главное. Главным, основным в героической борьбе французских рабочих Маркс считал слом старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины и замену ее государством нового типа.

Что это значило конкретно? В ходе подготовительных работ к своей знаменитой книге «Государство и революция» В. И. Ленин,

работая над немецким изданием «Гражданской войны во Франции» Маркса, в одном из черновых вариантов поставил этот же вопрос.

«Итак, коммуна = «определенная форма» пролетарской социалистической республики. В чем же именно это проявилось?»¹ Отвечая на этот поставленный им вопрос, В. И. Ленин перечислил и указал 19 пунктов, 19 признаков, характеризующих Коммуну как государство нового типа². В дальнейшем, продолжая работать над этим предметом, в котором он видел наиболее важную сторону исторического опыта, В. И. Ленин последовательно сокращал число этих признаков, соединяя вместе близкие, родственные признаки. Как известно, в окончательном тексте классического труда В. И. Ленина «Государство и революция», в знаменитой III главе «Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны 1871 года. Анализ Маркса»³, число этих признаков было сведено всего к нескольким.

Из этих нескольких признаков, характеризующих Коммуну как государство нового типа, и Маркс и Ленин на первое место ставят и придают наибольшее значение таким мерам, как уничтожение постоянной армии и полиции и замена их вооруженным народом, уничтожение старого бюрократического аппарата и замена его wybranными народом и сменяемым народом должностными лицами. Осуществление этих мер Ленин считал особенно важным, так как они практически и означали слом старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины и создание вместо нее государства типа диктатуры пролетариата. В то же время В. И. Ленин в отличие от правых социал-демократов, стремившихся противопоставить диктатуру и демократию, сближал эти понятия, он подчеркивал, что осуществление этих мер ведет к существеннейшим качественным изменениям буржуазной демократии, заменяется более высокой демократией — пролетарской демократией, демократией для большинства.

Тем самым Парижская Коммуна 1871 г., будучи высшим достижением освободительной борьбы рабочего класса XIX столетия, являлась одновременно началом нового исторического этапа революционной пролетарской борьбы. Она возвещала начало борьбы рабочего класса за осуществление своих непосредственных революционных задач — за низвержение власти буржуазии, слом старой буржуазной государственной машины и установление диктатуры пролетариата.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 213.

² Там же, стр. 213—223.

³ Там же, стр. 36—56.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

В. И. Ленин был первым, кто установил преемственную связь между Парижской Коммуной и созданной революцией 1905—1907 гг. новой формой революционной власти — Советами рабочих депутатов. В самом начале второй русской революции, буржуазно-демократической революции 1917 г., в ближайшие дни после падения монархии В. И. Ленин в далеком Цюрихе, составляя план реферата «Русская революция, ее значение и ее задачи», с которым он выступил 14(27) марта 1917 г. перед швейцарскими рабочими, ставил перед собой, перед своими слушателями коренной, кардинальной важности вопрос: «Что делать? Куда и как идти?»¹

С 60-х годов прошлого столетия, со времени знаменитого романа Н. Г. Чернышевского, «что делать?» оставалось главной проблемой, главным вопросом, стоявшим перед передовыми людьми русского общества. В той же предельно острой форме снова ставит этот коренной вопрос в марте 1917 г. и В. И. Ленин. «Что делать? Куда и как идти?»

И на эти важнейшие для политических судеб России вопросы Ленин отвечает: «К Коммуне? Доказать это?»²

Так за восемь месяцев до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин с гениальной прозорливостью определил, предсказал, что развитие русской революции должно идти по пути Коммуны.

Жизнь, как всем теперь известно, полностью подтвердила это предвидение. Выступая на Третьем всероссийском съезде Советов 11(24) января 1918 г. с первым отчетным докладом о деятельности Совета народных комиссаров, В. И. Ленин начал свой доклад с напоминания о Парижской Коммуне, которая представляла «зачаток Советской власти», и со сравнения «предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей»³. В Республике Советов, в Союзе Советских Социалистических Республик Парижская Коммуна 1871 г. нашла свое продолжение и завершение.

*

Книга Мориса Шури, как уже говорилось и как о том предвещивала автор в своем обращении к советским читателям, создавалась как исследование о центральных районах Парижа; она должна была стать, в соответствии с авторским замыслом, одной из составных частей в серии локально ограниченных исследований.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 481.

² Там же.

³ Там же, т. 35, стр. 261.

В процессе работы над своей книгой автор, отчасти потому что ощутил возрастающие трудности, связанные с избранным им методом, отчасти под воздействием самого материала — он ведь писал о «Коммуне в сердце Парижа», о ее центральных учреждениях, — отступил от первоначального плана. Книга, вышедшая из-под его пера, — это целостная, логически связанная история возникновения, деятельности и гибели Коммуны 1871 г.

И все же первоначальный авторский замысел наложил свой отпечаток на работу — с ним связаны как сильные, так и некоторые более слабые стороны работы.

Книга Мориса Шури будет, несомненно, прочитана советским читателем с большим интересом. Шури обладал — теперь, увы, приходится уже писать в прошедшем времени! — беспорным литературным талантом. Его книга написана живо, ярко; она населена не абстрактными условными фигурами, как то порой бывает в исторических работах, а живыми людьми, у каждого из них своя особая биография, неповторимые индивидуальные особенности. Автор приложил немало труда и старания, восстанавливая по крупицам — по свидетельствам современников, уцелевшим письмам, записным книжкам, сухим протокольным записям, случайно сохранившимся дагеротипам — и внешний облик, и черты своеобразия, и особенности политического мышления своих героев. В его книге множество бегло, но в то же время всегда ярко очерченных биографий действующих лиц Коммуны. За каждым из этих портретов, набросанных умелой рукой, стоит большой предварительный, черновой труд.

Враги Коммуны постоянно издевались над ней: «правительство никому не известных лиц!» Что же, в этих словах была доля истины. Люди, составившие первое правительство рабочего класса, действительно не пользовались известностью в буржуазном мире — они не были ни министрами, ни депутатами, ни владельцами нарядных особняков в фешенебельных кварталах Парижа. То были люди из рабочих предместий столицы, из кварталов парижской бедноты, горячие головы Латинского квартала. За исключением немногих — Варлена, Делеклюза, Флуранса, Гюстава Курбе и, может быть, еще трех-четырех имен, — большинство людей, возглавивших первое правительство рабочего класса, оставалось неизвестным за пределами своего батальона национальной гвардии или своего квартала или округа. Но это составляло не слабость Коммуны, а ее силу. То было подлинно народное правительство, подлинно народная власть.

Конечно же воссоздавать жизненный портрет, научно достоверную биографию вчера еще никому не известных людей, впервые в марте 1871 г. и не надолго, всего на 72 дня, вышедших на фо-

рум мировой истории было делом нелегким. Это было, понятно, трудней, чем рассказывать о жизненном пути какого-нибудь генерала Трошю, или маршала Мак Магона, или Тьера, о которых написаны десятки, если не сотни книг. И честь и хвала Шури за то, что он так умело, так мастерски воссоздал галерею портретов деятелей Коммуны — простых людей из народа, вернее даже сказать, сам народ, персонифицированный в конкретных образах его представителей.

Морис Шури сумел успешно решить эту непростую задачу, дуется, прежде всего потому, что строки его труда согреты искренней любовью к своим героям. Коммунист, принадлежащий к передовым кругам французского народа, Шури не может и не хочет писать о героях, о действующих лицах своего исторического повествования — о коммунарах 1871 г. бесстрастным тоном равнодушного летописца. Он видит в участниках народного восстания 18 марта, в защитниках последних баррикад своих духовных предков, своих предшественников. Он их вовсе не идеализирует, он их показывает такими, какими они представляются с расстояния в сто лет историку, со всеми их сильными чертами и с недостатками, порожденными условиями времени или простыми человеческими слабостями. Но при всем том автор не скрывает своих симпатий к людям, о которых он рассказывает, он не преуменьшает допущенные Коммуной ошибки, и все же он ею гордится. В этом искреннем чувстве глубокой, живой симпатии автора к действующим лицам героической истории Коммуны — одна из самых привлекательных сторон книги Шури.

Как уже говорилось, книга Мориса Шури выдерживает самую строгую проверку и с точки зрения ее профессионального уровня. Она хорошо оснащена источниками, многие из которых введены автором в научный оборот впервые. И все же главная ценность нового труда Шури, предлагаемого ныне вниманию советских читателей, заключается, как мне думается, не в этом.

В отличие от многих своих предшественников Шури подходит к изучению деятельности Коммуны в марте — мае 1871 г. по-иному. Тогда как традиционным методом изучения истории Коммуны, как и многих иных исторических явлений, было обычно исследование первоначально деятельности центральных органов, Шури, как правило, идет иным путем: он начинает с низовых органов, пытается прежде всего изучить и выяснить настроения и поведение народа. Этот путь, по которому сейчас (в разных вопросах) идут и другие прогрессивные историки западных стран, во многих случаях — хотя ему не следует, конечно, придавать абсолютного универсального характера — оказывается плодотворным. Шури, во всяком случае,

удалось лучше всего показать именно эту сторону истории революции 1871 г. — роль народа, революционное народное творчество, если можно так сказать, будничные повседневные формы участия народа в революционном строительстве. Шури это отчасти удалось потому, что в его распоряжении оказались источники, которых не было у большинства его предшественников, — материалы префектуры полиции. Полицейские сводки, донесения осведомителей, которые, конечно, требуют к себе сугубо критического отношения, в итоге позволяют лучше понять общественные настроения, мнения неизвестных людей. Сопоставляя этот род источников с иными свидетельствами и документальными материалами, Шури сумел в этой работе лучше и полнее, чем в других своих предыдущих книгах¹, показать созидательную, творческую роль народных масс.

Особо следует отметить научный результат, достигнутый Шури в освещении одного из важных вопросов истории революции 1871 г., имевшего для ее судеб едва ли не решающее значение. Речь идет об оборонительном или наступательном характере революции — идти ли немедленно на Версаль и ликвидировать правительство Тьера или ограничиться оборонительными мероприятиями в пределах Парижа? Страницы книги, освещающие страстные дебаты, развернувшиеся 18—19 марта как среди самого народа, так и среди его избранников в ЦК национальной гвардии, убеждают, что революционный инстинкт народа подсказывал ему верные решения, что сторонников немедленного похода на Версаль было больше, чем это ранее обычно представлялось.

Вместе с тем следует признать, что увлечение автора живым изображением конкретных, реальных форм участия народа в героической истории Коммуны в какой-то мере сказалось на ее теоретическом анализе. Возможно, это явилось следствием первоначального авторского замысла и автор предполагал вернуться к вопросам теоретического анализа опыта Коммуны где-то позже — гадать здесь трудно. Морису Шури нельзя поставить в упрек, что он освещает историю Коммуны в чем-то неверно. Но читатель, воспитанный на классических работах В. И. Ленина о Коммуне, читая эту книгу, ждет, когда же автор от конкретных описаний и от ряда верных по ходу изложения высказанных мыслей перейдет к широкому обобщению — к анализу опыта Коммуны по слову старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины, к анализу Коммуны как государства нового типа и т. д. Этих развернутых теоретических обобщений читатель в данной работе Шури не найдет.

¹ Например, в «La Commune au Quartier Latin», p. 84—89.

Следует сказать еще и о другом. В работе Шури, как и в работах других французских авторов, Парижская Коммуна 1871 г. рассматривается лишь в связи с французской историей и как результат своеобразных условий истории Франции. Споры нет, Парижская Коммуна — это прежде всего страница истории Франции. Советская историческая школа, ни в малой мере не отрицая национального своеобразия Коммуны, стремится, однако, рассматривать Коммуну 1871 г. не только в рамках истории Франции, но и в широком плане развития всего международного рабочего движения и как крупнейшее событие всей мировой истории нового времени¹. Понятно, что эта точка зрения не может быть кому-то навязана. Тем не менее она заслуживает по меньшей мере права быть здесь отмеченной.

Оценивая в целом новую книгу Мориса Шури, выходящую ныне на русском языке, можно выразить твердую уверенность в том, что советский читатель с интересом и пользой прочтет и помянет добрым словом это талантливое исследование о героических днях Парижской Коммуны нашего безвременно ушедшего французского друга.

Проф. А. З. Манфред

¹ См.: «Парижская Коммуна 1871 г.», под ред. Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда, А. И. Молока, Ф. В. Потемкина, АН СССР, т. I—II, М., 1961.

Сын парижского рабочего, я с отроческих лет привык любить и защищать Советский Союз, в котором видел наследника коммунаров, реванш Коммуны, восторжествовавшую Коммуну, прообраз мировой Коммуны.

Будучи командиром партизан на Корсике во время вражеской оккупации, я мог оценить, какую поддержку нашему народу в его борьбе оказали вы вашим яростным сопротивлением гитлеровской агрессии. Никогда мы не забудем неслыханных жертв, на которые вы пошли, чтобы преградить путь фашизму и раздавить врага в его логове. Они дают вам неоспоримое право на вечную благодарность нашего народа.

Недавно я впервые побывал у вас и сразу почувствовал себя как дома. Я увидел страну, жадно стремящуюся к культуре, книжные магазины и библиотеки, переполненные читателями, университеты, открытые для всех сыновей народа, обеспечивающие беспристрастный демократический отбор научной элиты. И это имело для меня немалое значение, ведь в силу моего рабочего происхождения мне пришлось покинуть школу в четырнадцать лет...

Я видел в музее Маркса бант со знамени Коммуны, который ваши космонавты взяли с собой как некий талисман, отправляясь на штурм неба.

Я увидел народ, преисполненный сердечности, доброжелательства, братских чувств по отношению к приехавшему из Франции товарищу. Я мог убедиться в том, какой престиж в ваших глазах придает нашей стране Великая Французская революция, бессмертная Парижская Коммуна, наше сопротивление гитлеровскому фашизму, наша борьба за демократическую и прогрессивную Францию, стремящуюся к социализму.

Я был немало удивлен и обрадован, услышав, что ваши историки говорят об Эжене Варлене, о Луизе Мишель и Вермореле как о товарищах, которые им очень близки. Да будет мне позволено поздравить их с присутствием им чувством пролетарского интернационализма, а также поблагодарить за решающий вклад, внесенный ими в дело создания широкого исторического полотна, посвященного федератам 1871 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AN — Archives Nationales
 APP — Archives de la Préfecture de Police
 BN — Bibliothèque Nationale

*

Народ, непобедимая сила народа — вот что увлекает меня в моих исторических изысканиях. Как говорил во времена Конвента наш Сен-Жюст: «Революция — в самом народе, а не в славе отдельных лиц».

Именно для того, чтобы постичь поведение народа, я принялся изучать Париж времен Коммуны квартал за кварталом. Настоящая работа — четвертая, посвященная мною коммунарам, — охватывает четыре центральных округа столицы, сердце Парижа. Там находится не только Ратуша, где обосновалась Коммуна, но и большинство крупных административных зданий, занятых разными организациями и газетами. Таким образом, «Коммуна в сердце Парижа» неизбежно становится общей историей Коммуны и народа.

Особенность этой книги состоит в том, что большая часть документов, по которым она написана, до сих пор не была опубликована; они взяты из архивов префектуры полиции, наиболее богатых и наименее использованных из всех французских архивов, имеющих отношение к Коммуне.

*

Мы приближаемся к столетнему юбилею Коммуны. Общество «Друзья Коммуны» хочет сделать эту дату крупным международным событием, начав день 18 марта 1971 г. с собрания в память коммунаров в здании парижской Ратуши. Мы будем добиваться создания музея Коммуны в Париже. Мы организуем большую выставку документов и воспоминаний о Коммуне и международный colloquium историков в нашей столице. Наконец, мы твердо надеемся, что сможем с помощью и в содружестве с советскими кинематографистами создать большой фильм о Парижской Коммуне.

Да здравствует франко-советская дружба!

Да здравствует наше братство в борьбе за мир, извращенный от войн и эксплуатации!

Короче говоря, да здравствует Коммуна!

Морис Шури

Москва, 28 мая 1968 г

Глава первая

ОТ УЛИЦЫ ГРАВИЛЬЕ ДО ПЛОЩАДИ КОРДЕРИ, ИЛИ ОТ РЕФОРМИЗМА К РЕВОЛЮЦИИ

Их трое — они дрожат от холода на ледяном сквозняке в подворотне темного двора, мощенного круглым булыжником. Высокий лысый человек, с вздернутым носом и глубокой морщиной поперек лба, держит в охапке старую чугунную печурку, не заботясь о своем и так достаточно грязном пальто; поэт с длинными, до плеч, развевающимися волосами и бледным лицом, на котором выделяются лишь огромные черные глаза, неуклюже тащит деревянный некрашеный стол, а третий их спутник несет в каждой руке по табуретке...

8 января 1865 г., Париж, улица Гравилье, 44 (III округ). Толен, Фрибур и Лимузен занимают комнату площадью 3 на 4 метра, где должно разместиться Парижское бюро Международного товарищества рабочих.

*

Анри Луи Толен родился в Париже 18 января 1828 г. Гравёр по бронзе, он с 1860 г. работает на дому — улица Фонтен-о-руа, 22. Мастер своего дела, он, однако, не любит набивать себе мозоли и думает «выкарабкаться наверх», опираясь на пролетариат.

В сентябре 1861 г. группа рабочих, среди которых был бронзовщик Пerrasшон, направила главе правительства письмо с просьбой предоставить льготы небольшому числу рабочих, желающих посетить промышленные выставки во Флоренции (1861 г.) и в Лондоне (1862 г.). Газеты «Le Temps» и «L'Opinion nationale» призывали парижских рабочих не проявлять равнодушия и пассивности в этом вопросе, и Толен, взяв на себя миссию заступника рабочих, помещает в «L'Opinion nationale» от 17 октября заметку, где заявляет:

«Если рабочие сами бездействуют, то лишь потому, что, когда инициатива исходит сверху, от хозяев, она не вызывает у них никакого доверия. А когда инициатива идет снизу, она наталкивается на непреодолимые материальные препятствия».

В начале Руер, глава правительства при Наполеоне III, отвечает отказом на просьбу оказать помощь рабочим делегациям. Однако предприниматели, могущество которых благодаря бурному развитию промышленности чрезвычайно возросло, желают, чтобы пролетариат ознакомился с последними достижениями техники, а император ни в чем не может им отказать. К тому же Наполеон III в это время настроен «благожелательно» к рабочему классу. Он пытается всеми способами добиться расположения рабочих, дабы сохранить пропасть, образовавшуюся между рабочими и буржуазными республиканцами после июньской бойни 1848 г.

Двоюродный брат императора принц Жером-Наполеон, выставивший себя «опекуном рабочих», — «социалист» из Пале-Рояля, прозванный в рабочих предместьях «Плон-Плон» (Ploп-Ploп), — принял Толена и еще двух делегатов и разрешил им создать Рабочую комиссию (состоящую главным образом из председателей рабочих обществ взаимопомощи), которая должна была организовать выборы делегатов на выставку. Каждое предприятие может избрать своих делегатов всеобщим голосованием... (Разве мы живем не во Французской республике... при императоре Наполеоне?) А в мастерских будет организована добровольная подписка для сбора средств. Императорская комиссия пополнит недостающую сумму с помощью субсидий от городских властей Парижа и министерства земледелия.

Толен — помощник секретаря Рабочей комиссии из одиннадцати человек, которая обратилась 21 февраля 1862 г. к парижским рабочим с призывом избрать своих делегатов. Принц Наполеон снимает запрет, который полицейская префектура наложила на первые мероприятия комиссии. В конце концов от двухсот тысяч парижских рабочих было избрано двести делегатов. Они проводят десять дней в Лондоне. Каждый из них получает 115 франков и железнодорожный билет второго класса. Им обеспечивают жилье, обед и бесплатный вход на выставку. В крупных провинциальных центрах также избирают многочисленные делегации. Под покровительством Императорской комиссии в путешествие отправляются 740 рабочих и 247 предпринимателей; расходы достигают 39 345 франков.

В Лондоне Толен и его товарищи вступают в кон-

такты с английскими рабочими. 5 августа 1862 г. на приеме, организованном британскими рабочими в честь пятнадцати французских делегатов, приехавших на деньги, собранные по подписке, английские рабочие обратились к своим французским братьям:

«До тех пор пока будут существовать хозяева и рабочие, пока сохранится конкуренция между хозяевами и споры о заработной плате, союз трудящихся остается для рабочих единственным средством спасения... Будем надеяться, что мы изыщем какое-нибудь средство международной связи и каждый день будем выковывать новое звено в цепочке любви, которая соединит трудящихся всех стран»¹.

По возвращении с выставки делегаты каждой корпорации выступили с отчетом о поездке перед своими избирателями. Рабочий класс начинает сознавать свою силу, и во время выборов 1863 г. в Законодательный корпус Толен выпускает брошюру «Quelques vérités sur les élections de Paris» («Несколько истин о парижских выборах»), которая позволяет уже предвидеть самостоятельное выступление пролетариата. Толен выдвигает свою кандидатуру, затем накануне выборов снимает ее, но в следующем году на дополнительных выборах снова выдвигает. Он сыграл видную роль в составлении и распространении «Манифеста шестидесяти», где подчеркивалась необходимость выдвижения первых рабочих кандидатов:

«Всеобщее избирательное право сделало нас политически зрелыми, но нам остается еще стать социально полноправными... свобода, кредит, солидарность — таковы наши мечты... в тот день, когда они осуществляются, не будет больше ни буржуа, ни пролетариев, ни хозяев, ни рабочих».

Толен собрал всего 424 голоса, около 2% поданных голосов, но идея брошена и постепенно пробивает себе дорогу.

Толен путешествует. В июле 1863 г. он снова в Лондоне с тремя другими делегатами для участия в между-

¹ Adolphe Clémence, La Reliure aux expositions de l'industrie (1798—1862), Paris, 1868 [на заседании комиссии, собравшейся у г-на Клеманса, переплетчика, на улице Жюиф, 19 (Марэ)], BN, V 38 485

народном рабочем собрании в поддержку польских повстанцев, где был создан подготовительный комитет по созданию Международного объединения рабочих¹.

Толен организует в своем квартале первую группу по изучению социальных вопросов — группу Тампля — и сообщает о ней в префектуру полиции, которая не чинит ему препятствий. В нескольких парижских мастерских собирают деньги (по пять су с рабочего в неделю), чтобы послать настоящую, независимую от властей, рабочую делегацию на большой международный митинг, который должен состояться 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс-холле².

Толен, сыромятник Лимузен, бронзовщик Перрашон входят в эту делегацию. Толен не столько заинтересован поддержкой дела польских патриотов, сколько идеей, вынашиваемой Карлом Марксом и воплощенной после митинга во вводной части устава Международного товарищества рабочих.

«Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом...

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран...

принимая во внимание указанные соображения, нижеподписавшиеся члены комитета, уполномоченные на это постановлением публичного собрания,

¹ См показания Толена (20 марта 1868 г.), «1er Procès de l'Association internationale des travailleurs», p. 49

² См.. Archives de la préfecture de police, dossier 1288.

состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле в Лондоне, предприняли необходимые шаги для основания Международного Товарищества Рабочих»¹.

По возвращении с этого памятного собрания Толен, Лимузен и Фрибур открыли на улице Гравилье бюро французской секции Международного товарищества рабочих.

*

Стол, поставленный Фрибуром в затхлом помещении на улице Гравилье, тот самый, что служил ему порой верстаком в его многообразной, но не вполне определенной профессии гравера-декоратора-орнаментщика, которой он занимается на улице Сен-Мартен, 26 (IV округ), когда у него на это хватает времени. Бледное, словно восковое лицо его оживляется, когда он говорит, легко увлекаясь и пересыпая свою речь простонародными выражениями, что ему очень идет. Во время выборов 1863 г. он посещает салон участника восстания 1848 г. Гарнье-Пажеса на улице Сен-Рок, 45 (I округ), где трется среди беспокойных студентов и суровых рабочих-бланкистов, которых беззастенчиво используют, хотя и презирают, буржуазные республиканцы из «партии адвокатов». Они вновь встречаются в Сент-Антуанском предместье, чтобы подписать «Манифест шестидесяти», в маленьких литературно-политических кружках Латинского квартала².

Фрибур призывает многих юношей, участвовавших в подпольных предвыборных собраниях и в окружных комитетах, созданных вопреки запрету императорской полиции, присоединиться к «Манифесту шестидесяти». Так создается первое парижское ядро Интернационала: из молодых интеллигентов, стоящих в оппозиции к империи, но также из молодых рабочих, ищущих выхода из нищеты, в которой прозябает их класс.

Помещение на улице Гравилье находится в самом сердце старого Парижа, с его узкими улочками, где ютятся бесчисленные мастерские ремесленников, изго-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 12—13

² См.: Cavalier, Profils éteints, APP, Ba 1004

товляющих безделушки, ювелирные изделия, очки, а также мастерские печатников, литографов, граверов и т. д. В ту пору в Париже приходилось в среднем не больше пяти рабочих на мастерскую¹.

Итак, Интернационал набирает своих членов прежде всего среди ремесленников, рабочих-надомников и среди аристократии рабочего класса, наиболее квалифицированных, высокооплачиваемых рабочих: типографов, переплетчиков, бронзовщиков. Но положение пролетариата столь плачевно, что почва вполне подготовлена для развития первой рабочей организации.

«Страж порядка» — Наполеон III старательно устанавливает опеку над рабочим классом. Свободы труда не существует. Прежде чем поступить на место, рабочий должен отметить в полиции «рабочую книжку», где записаны предыдущие места его работы. Глава государства сам назначает председателей обществ взаимопомощи, председателей и их заместителей в советах доверенных лиц (советах прюдомов). Хозяева присваивают себе права законодателей, судей и жандармов на своих предприятиях и за малейшую провинность налагают на своих рабочих штрафы², а то и просто выставляют за дверь.

В Париже насчитывается более 100 тыс. неимущих (в 1866 году — 121 330), а во Франции — свыше 3 миллионов безземельных крестьян. Частичная и сезонная безработица еще более урезывает бюджет рабочего.

Только 25 мая 1864 г. было признано право коалиций. Однако речь идет лишь о временных объединениях, от случая к случаю, постоянные рабочие организации по-прежнему остаются под запретом. Закон карает

«всякого, кто с помощью принуждения, насилия или обманном путем приведет к прекращению работы или окажет этому поддержку с целью добиться повышения заработной платы или ущемить свободу найма рабочей силы».

¹ Одним из самых крупных предприятий в центре Парижа был патронный завод Жевло на улице Нотр-Дам-де-Виктуар (II округ), где было занято сто рабочих.

² См.: «Procès de l'Association internationale des travailleurs», р. 81. «Всякий рабочий, пропустивший рабочий день и не предъявивший на завтра справки от врача, подвергается штрафу от двух до трех франков».

В своей работе о парижском пауперизме («Le paupérisme parisien») Фрибур замечает, что с 1846 г. номинальная заработная плата увеличилась, но повышенные стоимости жизни заставляют трудящихся работать все дольше, чтобы получить равноценный заработок (стр. 25), и приводит в пример шляпников, работающих почти без перерыва с трех-четырёх часов утра до десяти часов вечера (стр. 45)¹.

Первые шаги Интернационала в Париже весьма скромны. Первые два года он насчитывает всего не столько сот человек. Рабочий-переплетчик Адольф Клеманс, живущий на улице Жюиф, 19, получает членский билет № 227 и становится одним из его лучших новообращенных членов. Ипполит Адольф Клеманс родился в Париже 9 декабря 1838 г., он внук Клеманса, участника «Заговора равных». Человек серьезный, скромный и умный, он пользуется уважением рабочих своей корпорации. Его лучший друг Эжен Варлен вскоре тоже вступает в Интернационал (членский билет № 256)².

В маленьком помещении на первом этаже с окнами на север, в самой глубине двора на улице Гравилье, 44, — ныне каморке привратника — бюро размещается с трудом. Избирают комиссию из пятнадцати человек для руководства организацией. Комиссия собирается каждый четверг. Общие собрания всех членов происходят по понедельникам. Каждый член Интернационала должен еженедельно вносить в кассу товарищества по десять сантимов.

Когда бюро внесло вперед квартальную плату за помещение, касса его опустела. Чтобы отпечатать 7 тысяч членских билетов и 20 тысяч экземпляров устава, пришлось прибегнуть к кредиту. Некоторые статьи этого устава подчеркивают характер кооперативной ассоциации и взаимного кредита, который первые парижские борцы хотят придать Интернационалу:

«Статья 8.— В бюро парижской секции будет

¹ См. Э. А. Желубовская, Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции, М., 1956, I глава, а также: Georges Duveau, La Vie ouvrière en France sous le second Empire, NRF, 1946.

² См.: «La Vie ouvrière», 5 mai 1913.

находиться книга с перечнем условий, на которых участники этой организации могут продавать свои изделия членам Международного товарищества, параллельно с продажными ценами для публики...

Статья 10.— Если член товарищества меняет место работы и нуждается в кредите, он должен обратиться в Комиссию, которая определит размеры кредита, исходя из возможностей кассы и гарантий, представленных этим членом. Бюро откроет ему кредит на сумму, гарантированную Комиссией».

Таким образом, рабочий класс стремился, как ему советовал Прудон, «полностью замкнуться». Но жизнь не замедлила опровергнуть эти теоретические вымыслы. Парижское бюро Интернационала едва начало свою деятельность, когда разразилась стачка печатников-литографов.

12 августа 1865 г. хозяева печатников решили оставить в своих типографиях лишь тех рабочих, которые подпишут заявление о том, что они не состоят в Обществе сопротивления, «пытающемся навязывать расценки с помощью стачек». Без всякого предупреждения они уволили всех рабочих, отказавшихся подписать такое заявление.

К вечеру после этого решения хозяев 800 рабочих, отказавшихся подписать это позорное соглашение, явились в Комитет и записались в члены Общества сопротивления.

Несколько дней спустя состоялось собрание 1200 членов корпорации (в том числе 950 участников забастовки) для перевыборов Комитета Общества сопротивления. 25 инициаторов стачки были переизбраны, собрав более 900 голосов.

Несмотря на нужду и голод, забастовавшие печатники-литографы держались более семи недель благодаря кампании солидарности, организованной Интернационалом. Проблемы, возникшие в связи с помощью забастовщикам, обсуждались на организационной конференции, созванной в Лондоне 25 сентября 1865 г. От французских рабочих в ней участвовали Толен, Фрибур и Лимузен, а также Варлен, представлявшие 500 членов парижской секции. Пришлось пойти на тяжелые расходы, чтобы оплатить поездку, но Генеральный совет Международного товарищества рабочих, воодушев-

ленный Карлом Марксом и Эженом Дюпоном, обеспечил приют делегатам.

В конференции участвовали также политические изгнанники, составлявшие «французское крыло лондонских эмигрантов», и в первую очередь Везинье.

Пьер Везинье родился в Маконе (департамент Сона и Луара) в 1823 г. и во время декабрьских событий 1851 г. служил клерком у судебного исполнителя в Клюни. Во главе местных республиканцев он захватил мэрию, желая оказать сопротивление государственному перевороту, но ему удалось продержаться там всего сутки. Приговоренный к ссылке в Алжир, он бежал в Швейцарию, где стал секретарем знаменитого французского романиста Эжена Сю, а потом издателем-книготорговцем. Жизнь изгнанника приводит его в Женеву, Лозанну, Брюссель и Лондон¹.

У Везинье далеко не легкий характер. Склонный к подозрительности, он отнюдь не смягчает споры на конференции. Между французской и другими делегациями возникают разногласия. Французы высказываются против участия в Интернационале интеллигенции и женщин и против занятия политической позиции в польском вопросе. Везинье тотчас подливает масла в огонь: те, кто хочет обойти польский вопрос, попросту... бонапартистские агенты!

Но Карл Маркс высоко ставит французских делегатов, перед которыми в частной беседе подвергает резкой критике «Философию нищеты» Прудона. Варлену, в ту пору привлекательному молодому человеку, выпадает честь танцевать с дочерьми Маркса. Хотя Варлен и живет на левом берегу Сены², мы займемся им здесь, ибо он начинает играть все большую роль на улице Гравилье.

Варлен родился 5 октября 1839 г. в Кле-Суйи (департамент Сена и Марна) в семье сельскохозяйственно-го рабочего и приехал в Париж учиться переплетному ремеслу. С восемнадцати лет он участвует в создании союза переплетчиков и в августе 1864 г. возглавляет закончившуюся победой забастовку рабочих-переплет-

¹ APP, Va 1293.

² См.: M Chougy, La Commune au Quartier latin, ALP, p. 7 et suiv.

чиков. Вместе с Толеном и Фрибуром он представляет французскую делегацию на конгрессе Интернационала, открывшемся 3 сентября 1866 г. в Женеве. Одинадцать делегатов отправляются на конгресс, имея по 120 франков в кармане на проезд в третьем классе туда и обратно и на неделю жизни в Швейцарии. Генеральный совет Интернационала пригласил принять участие в работе конгресса французских студентов, которые только что заседали на европейском конгрессе студентов в Льеже; среди них был и Прото, который позже станет делегатом Коммуны в министерстве юстиции на Вандомской площади. Прото и наиболее активные из студентов выросли на идеях Бланки; Толен и Фрибур, которые в какой-то мере общались с окружением принца Наполеона, кажутся им подозрительными. С трибуны Женевского конгресса Прото повторяет обвинения, брошенные в Лондоне Везинье парижским членам Интернационала. Он без церемоний навешивает на них ярлык бонапартистских агентов. Спор чуть не переходит в драку. Прото изгоняют с конгресса: разрыв между бланкистами и интернационалистами длится целых три года.

7 сентября бланкисты собираются в парижском кафе «Ренессанс», чтобы обсудить между собой правильно ли они поступили, нарушив указания Бланки и открыто выступив против Интернационала. Дискуссия приняла бурный характер. Полиция, извещенная своими осведомителями Ларжильером и Греффе, ворвалась в зал. Прото удалось скрыться, но было произведено множество арестов, и среди схваченных оказался Риго, который при Коммуне станет делегатом при префектуре полиции. Эта красочная фигура — Риго, обладает ярким и острым языком — с той поры все более привлекает к себе внимание.

Рауль Адольф Жорж Риго родился в Париже 16 сентября 1846 г. Его отец, служивший в военном министерстве, в феврале 1848 г. был назначен супрефектом республики в Рибераке (департамент Дордонь). Смешанный после июньских дней за свои крайне республиканские убеждения, он нашел себе место старшего кассира в ювелирном производстве Кристофля.

Рауль Риго учится в лицее Наполеона (ныне лицей Генриха IV), это строптивый и дерзкий, но трудолюбивый

ученик. Ставши бакалавром гуманитарных и естественных наук, он поступает в лицей Сен-Луи, в класс подготовки к вступительным экзаменам в Политехническую школу, но через три месяца его исключают «за участие в бунте против одного из преподавателей». В его досье в префектуре полиции (АРР, Ва 892) не указаны причины этого «бунта», но, возможно, они носили политический характер, ибо Риго в ту пору уже сотрудничал в мелких газетах Латинского квартала, распространяемых в галереях Одеона; принципы этих листов, по определению генерального инспектора полиции г-на Марсейя, сводились к следующим трем идеям: в философии — материализм, в экономике — социальная революция, в политике — сила.

Развязный, небрежно одетый, всегда в движении, громогласный Риго пользуется авторитетом не только в кафе Латинского квартала, но и на правом берегу Сены. Там, в кафе «Спящий кот», на улице Кенкампуа, 41, он сочиняет между двумя кружками пива свое «Путешествие на планеты» («Voyage aux planètes»).

Риго создал себе словарь, из которого начисто исключил слово «saint» («святой»). Он возвращается к из Клу [вместо Сен-Клу] по железной дороге тюр. .» [вместо — сен-тюр — окружной] и т. п.; поливает неистовой бранью бога, священников, шпииков, правительство и общепринятую мораль. Законченный представитель богемы, Риго делит со своими однокашниками последние гроши, не заботясь о завтрашнем дне, что служит не последней причиной его популярности.

Он буквально боготворит Эбера и громогласно цитирует его в общественных местах, за словом в карман не лезет и ловко привлекает на свою сторону любителей посмеяться, бросая разящие иронические реплики. Кто-то говорит ему: «Революция подобна Сатурну, она пожирает собственных детей», а Риго тотчас парирует: «И правильно делает. Она действует так, по примеру Уголино¹, чтобы сохранить их мать». Риго громко заявляет, что, будь он префектом полиции, свой первый ордер на арест предъявил бы богу. Что касается «реактов» [реакционеров], то он не сохранил бы для них

¹ Персонаж из «Божественной комедии» Данте Заточенный вместе с сыновьями в «Башню голода», съел трупы детей, Прим. ред.

гильотину, ибо, говорит он: «Ее время прошло. Эта штука уже устарела У меня есть проект особой электрической батареи, которая может испепелить пятьсот реактов в одну минуту».

В лучшие свои дни он успевал отплясать кадрили в каком-нибудь зале Пре-о-клер, поспорить с приятелем, забывшим назвать его «гражданин», послоняться в одиночестве, приволкнуть за какой-нибудь гризеткой, а затем, издав свой боевой клич «Ау! Абу!» и подхваченный на плечи своими почитателями, возвращался с триумфом в Латинский квартал А если вскоре на Буль-Мише (бульвар Сен-Мишель) собиралась толпа зевак, то в центре ее непременно оказывался небольшой человек с откинутыми назад темно-русскими волосами, вызывающе вздернутой бородкой, в пенсне, с живыми глазами, размахивающий руками, в неизменных желтых перчатках

Что это — любовь выставить себя напоказ? А быть может, жизнерадостность и стремление оказывать влияние на публику? Ибо Риго старается привлечь к себе внимание не просто так, а с целью организовать среди студентов оппозицию Второй империи Это он подготавливает выборы французских представителей на Льежский конгресс, это он руководит демонстрациями на медицинском и юридическом факультетах в сентябре 1865 г. после исключения из университета Прото и пятерых студентов — участников Льежского конгресса

И вот 7 сентября 1866 г., во время полицейского налета на кафе «Ренессанс», Риго схвачен и включен в число обвиняемых по процессу 42 активистов

Следствие ничуть его не пугает. Риго отрицает всякое участие в деятельности какого-либо тайного общества, утверждает, что бывал в кафе «Майё» — которое посещал довольно исправно — лишь для того, чтобы встречаться с друзьями, признает, что подписал «Манифест к рабочим всех стран», напечатанный в «Le Courrier Français», и отказывается добавить к этому хоть одно слово, оставляя все остальное до заседания суда.

Полиция находит в его комнате «фото» (*sic!*) Марата, несколько революционных рукописей, статью «Бог — это зло», или «Рука провидения», нечто вроде плана, или брошюры, — «Побеги из тюрьмы ч боевые советы», рукописную тетрадь «Льежский конгресс», брошюру

«Кровопийцы» и восемнадцать исписанных тетрадей под названием «Le franc taupin, moniteur de la Taupinière»¹.

Риго еще не подвергался судебным преследованиям, 17 декабря его выпускают за отсутствием состава преступления «Не повезло! — заключает он. — Они не захотели показать мне Мазас²!»

*

В то время как на бланкистов обрушиваются первые репрессии, члены Интернационала продолжают тщательно создавать свою организацию Стачка бронзовщиков, начавшаяся в феврале 1867 г., дала заметный толчок этому движению

Предприниматели по наущению владельца литейного завода Барбедьенна закрывают свои мастерские, чтобы заставить рабочих выйти из Общества взаимного кредита. Рабочие посылают в Лондон трех делегатов (в том числе Камелина — будущего директора Монетного двора), к ним присоединяются еще Толен и Фрибур, чтобы просить поддержки у английских рабочих организаций. Они привозят из Лондона несколько тысяч франков, которые выкладывают перед собранием уволенных рабочих и нескольких отколовшихся мелких хозяев Это производит ошеломляющий эффект. Рождается легенда о богатстве и могуществе Интернационала. Хозяева капитулируют Рабочие даже не воспользовались этим, чтобы потребовать увеличения заработной платы, и впоследствии выплатили все деньги, полученные ими от рабочих обществ Приток новых членов в Интернационал заметно усиливается.

Толен бросает свой рабочий инструмент. Он находит себе синекуру — должность счетовода в лавке жестяных изделий Шаванья, на улице Фонтен-дю-Тампль, 7 (III округ).

В 1867 г. на конгрессе Мира и Свободы в Женеве собрались представители Интернационала и либеральной буржуазии Выразитель этой последней группы предлагает и добивается заключения своего рода пакта: рабочие обязуются помогать буржуазным республиканцам

¹ АРР, dossier 83 807, так называемое дело кафе «Ренессанс»

² Тюрьму — Прим ред

в завоевании политических свобод, а буржуазные республиканцы обязуются сотрудничать с рабочими в деле экономического раскрепощения пролетариата¹.

Это соглашение привело к участию интернационалистов во многих политических манифестациях в Париже: 2 ноября на Монмартрском кладбище, на могиле депутата Бодена, убитого на баррикаде в Сент-Антуанском предместье во время сопротивления государственному перевороту 2 декабря 1851 г., и 4 ноября на бульваре Бонн-Нувель в знак протеста против интервенции французских войск в Италии.

Но если интернационалисты выполняют принятые на себя обязательства (тринадцать из пятнадцати членов парижской Комиссии Интернационала участвуют в демонстрации на бульварах), то депутаты левой воздерживаются от выступлений. Интернационалисты требуют, чтобы они покинули Законодательный корпус, дабы парижане тем самым могли высказаться против «римской политики» императора. Депутаты левой отвергают это требование, и адвокат Жюль Фавр высокомерно и дерзко бросает делегатам: «Вы одни, господа рабочие, создали империю. Вам одним ее и сбрасывать».

Год заканчивается обысками в квартирах многих членов Парижского бюро Интернационала.

Парижское бюро возглавляет 700 членов Интернационала, но преследования приведут к значительному расширению организации. Ввиду того что Толен и другие члены парижской Комиссии подверглись репрессиям, в начале марта избирают новую Комиссию. Более молодые и боевые товарищи сменяют реформистских основателей движения, «прудонистов до самых печенок», по меткому выражению молодого Лафарга. Среди молодых руководителей выделяются Варлен, чеканщик Эмиль Ландрен (проживающий на улице Дебеллейм, 12, III округ) и рабочий-красильщик Бенуа Малон.

6 марта в шестой палате уголовного суда начинается процесс первой парижской Комиссии Интернационала по обвинению в создании общества, насчитывающего более 20 членов, без разрешения властей. К суду привлечены Толен, художник Франсуа Эжен Жерарден, ро-

дившийся 26 марта 1827 г.¹ в Эрбиньи (Арденны), Жан Пьер Элигон, 34 лет, рабочий-набойщик, бронзовщики Камелина и Пьеррашон, механики Мюра и Делаэ.

9 марта Толен, Фрибур и Варлен заявили протест против запрещения пропустить во Францию манифест, оглашенный ими на Женевском конгрессе. На другой день министр Эмиль Оливье, выдающий себя за либерала, вызвал представителей опальной Комиссии и, заверив их в своих симпатиях к Интернационалу, посоветовал ее руководителям вставить в свой манифест «несколько слов благодарности императору, который так много сделал для рабочего класса»².

Этот способ давления не увенчался успехом, и процесс продолжался. 20 марта Толен выступил в защиту Международного товарищества рабочих в довольно сдержанных выражениях:

«Товарищество может указать дату начала своей деятельности. Это 1862 г., во время всемирной выставки в Лондоне. Там встретились английские и французские рабочие, они беседовали и обменивались опытом...

Усовершенствование машин, говорили английские рабочие, каждый день меняет положение трудящихся; будем держать друг друга в курсе дел и искать способы обеспечить наше существование...

С того памятного 1862 г. нашим общим лозунгом стало: «Освобождение рабочих — дело рук самих рабочих».

Изложив историю деятельности Парижского бюро, Толен соглашается с представителем правосудия, что бюро причастно ко всем вопросам, затрагивающим рабочих: к стачкам в Париже, в Рубе, в Амьене; к конгрессам в Женеве, Лозанне и Брюсселе; но, добавляет он, во всех этих случаях бюро всегда противилось тому, чтобы к обсуждавшимся экономическим вопросам при- мешивали политику.

¹ Согласно досье Жерардена (AN, BB 23/741/722275). Буржен указывает как дату его рождения 20 ноября 1839 г. («Procès-verbaux de la Commune de 1871», t. II, Lahure 1945), но это, по-видимому, ошибка, ибо на процессе 1866 г. указывается, что Жерардену 40 лет.

² «Procès de l'Association internationale des travailleurs», p. 74.

¹ См. Fribourg, L'Association internationale des travailleurs, Paris, 1871, p. 116.

«Мы действовали лишь в интересах справедливости, стараясь примирить интересы рабочих с интересами хозяев. Все общества сопротивления или кооперации являются самой серьезной гарантией порядка».

Разве бороться с чудовищной системой штрафов значит заниматься политикой, спрашивает Толен.

Однако в конце его выступления уже сквозит угроза:

«Каким бы ни было ваше решение, завтра мы будем делать то же, что и вчера: в нас говорит не ненависть, не бунтарство, а сознание нашего права. Впредь мы намерены сами решать наши дела; у нас только один способ выйти из этого тупика: нарушить закон, чтобы доказать, что он плох».

Приговор довольно мягок: 100 франков штрафа. Обвиняемые подают апелляцию. Новая схватка состоялась 22 апреля. Защитник империи спрашивает:

«Возможно ли допустить создание своего рода генерального стачечного агентства, где, словно в конторе, по предъявлению документов оплачивают расходы коалиций, какими бы они ни были?»

Толен отвечает:

«Когда народ, принуждаемый силой обстоятельств, готов обрушиться на закон таким многослюдным потоком, что это грозит его уничтожить, для законодателей и судей наиболее разумный выход — самим уничтожить, упразднить или отбросить этот закон за ненадобностью».

Имперский суд утвердил приговор.

Во время процесса Толен отказывается от помещения на улице Гравилье, 44. Новая Комиссия обосновывается в двух шагах — на улице Шапон. Она усиливает пропаганду Интернационала, что дает повод для новых преследований и приводит ко второму процессу, начавшемуся 22 мая. Главный обвиняемый — Варлен. Его защитительная речь составлена в совершенно ином духе, чем речь Толена на первом процессе.

«Античный мир погиб, ибо носил в своем чреве язву рабства; мир современный погибнет, если он и далее будет пренебрегать страданиями большинства и упорствовать, утверждая, что все должны работать и терпеть лишения, дабы небольшая кучка людей жила в роскоши».

Далее Варлен дает портрет пролетария:

«...он рождается в нищете, получив истощенную кровь, плохо накормлен, плохо одет, прозябает в убогом жилище, оторван от матери, которая вынуждена бросать его без призора и ходить на работу, копошится в грязи, подвергается всевозможным опасностям и часто с младенческих лет уже несет в себе зародыши болезней, которые будут подтачивать его до самой могилы».

Чуть только он окрепнет, лет в восемь, он уже должен ходить на работу, где надрывается и чахнет в нездоровой атмосфере, терпит скверное обращение и видит кругом дурные примеры; его обрекают на полное невежество и толкают на путь всевозможных пороков. Он становится юношей, но судьба его ничуть не меняется. В двадцать лет он вынужден покинуть родителей, нуждающихся в его помощи, чтобы окончательно огупеть в казарме или умереть на поле боя, сам не зная за что. Если он все же вернется домой, то может жениться наперекор английскому филантропу Мальтусу и французскому министру Дюшателю, которые считают, что рабочим незачем жениться и обзаводиться семьей, да и вообще никто не заставляет их жить на земле, если они не могут найти средств к существованию.

Итак, он женится; нищета входит под его кров вместе с дороговизной и безработицей, с болезнями и детьми. И если, видя мучения своей семьи, он потребует более справедливой оплаты труда, его скывают цепями голода, как было в Престоне, его расстреливают, как в Фосс-Лепине, его бросают в тюрьму, как в Каталонии, его таскают по судам, как в Париже.

Ему нечем вспомнить свои зрелые годы, со страхом видит он приближение старости: если у него нет семьи или у его семьи нет средств, с ним обойдутся как со злоумышленником и отправят умирать в дом призрения для нищих.

А между тем этот человек произвел в четыре раза больше, чем потребил. Что же сделало общество с этими излишками?»

Затем Варлен дает портрет пресыщенного роскошью капиталиста и добавляет:

«А между тем этот человек ничего не произвел, он только наслаждался плодами трудов и лишений девяноста девяти из ста своих собратьев».

И Варлен, чья речь произвела громадное впечатление, закончил среди гробового молчания переполненного зала:

«Когда какой-нибудь класс утрачивает моральное превосходство, которое привело его к власти, ему следует как можно быстрее устраниваться, если он не хочет стать жестоким, ибо жестокость — обычный удел всех уходящих со сцены властей».

Можно себе представить, сколько шуму наделало это выступление в эпоху, когда «высшие классы» смотрели на рабочего как на илота... На этот раз приговор суда был более суров: три месяца тюремного заключения и по 100 франков штрафа для Варлена и его товарищей; приговор был утвержден имперским судом 19 июня. Комбо не преминул подчеркнуть глубокое значение этого осуждения:

«Если нас преследуют и если нас осуждают, то это несомненно потому, что мы стараемся улучшить условия жизни всех рабочих... «презренной толпы», как сказал когда-то Сегюр д'Агессо...»

Этот второй процесс не только не убил организации, но привлек в нее множество новых членов. Международное товарищество рабочих более жизнеспособно, чем когда-либо. Не имея возможности централизованно вести свою работу, оно перестраивается и ведет ее в маленьких группах (кружки по изучению социальных вопросов, рабочие объединения и т. д.) и еще более усиливается благодаря коллективному присоединению к нему рабочих обществ взаимопомощи и кооперативов (Общество солидарности литографов, Общество рабочих-переплетчиков и т. д.).

В силу сложившихся обстоятельств парижские интернационалисты смогли послать на Брюссельский конгресс (1868 г.) лишь небольшую группу делегатов. В нее вошли Толен, резчик Альбер Тейс (родившийся 19 февраля 1839 г. в Булонь-сюр-Мер), маленький человечек с рыжей бородой, спокойный, рассудительный, немногословный, обладающий множеством достоинств, который станет через три года директором Управления почт, и Жан Луи Пенди, рабочий-столяр, родившийся

3 июня 1840 г. в Бресте, живущий на улице Фобур-дю-Тампль, 17, и ставший во время Коммуны военным комендантом Ратуши.

На Брюссельском конгрессе прудонистские позиции большинства парижских интернационалистов потерпели провал. Бланки и его единомышленник Тридон, присутствовавшие в зале среди публики, приветствовали резолюцию о коллективной собственности на землю.

В июне 1868 г. был принят закон, разрешающий публичные собрания под контролем полиции. Первое такое собрание состоялось 18 июня в зале Тиволи. В следующем месяце Элигон, выступив на публичном собрании с изложением позиции парижских интернационалистов, протестующих против женского труда, встретил серьезного оппонента в лице независимого социалиста Гюстава Лефрансе.

Гюстав Адольф Лефрансе, родившийся 30 января 1824 г. в Анжере¹, внучатый племянник астронома Жерома Лефрансе де Лаланда и сын краснодеревца, служившего в армии Наполеона с 1806 по 1815 г., был воспитан отцом в республиканском духе. В 1844 г. он блестяще окончил Эколь нормаль. Человек действия, он скрывает под внешней холодностью темперамент истинного революционера, и его первые шаги в области преподавания, сначала в государственных, а затем в частных школах, для него мучительны. Он принимает участие в февральской революции 1848 г. и в 1849 г. основывает Братскую ассоциацию учителей-социалистов, которая организует частные школы для детей и вечерние курсы для взрослых. Лефрансе сам возглавляет такие курсы на улице Рамбюто. Введенное им преподавание в духе материалистических и социалистических идей встревожило власти, которые добились закрытия жур-

¹ Согласно досье Ва 1149 префектуры полиции и досье ВВ 24 847 Национального архива Жюль Клер в «Piloti des Communes» и Буржен в «Procès-verbaux de la Commune de 1871», t. II указывают дату 28 января 1826 г. Сам Лефрансе («Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 3) сообщает, что ему было 19 лет в сентябре 1844 г.

сов и, придравшись к тому, что Лефрансе держит у себя саблю, приговорили его 12 июня 1850 г. к трем месяцам тюремного заключения за незаконное хранение оружия. В 1851 г. его снова осуждают, лишают права преподавания и высылают в Дижон под надзор полиции, где он организует сопротивление государственному перевороту 2 декабря. Вскоре Лефрансе эмигрирует, проводит два года в Англии, затем возвращается во Францию. Он работает по 14 часов в день, раскрашивая за сорок су картины для издателя эстампов; женится, находит работу у землемера и лишается ее... за то, что присутствовал на гражданских похоронах; нанимается чернорабочим на вагоностроительную фабрику, что «дает ему право за три с половиной франка работать как лошадь на самой дьявольской работе» с шести часов утра до шести вечера; поступает в Дорожное управление Парижа, откуда его выгоняют в июне 1857 г. за отказ поддержать официальных кандидатов, опекаемых правительством; снова поступает на работу бухгалтером в ночное предприятие... по вывозу нечистот (компания Рише, на улице Ришелье, 110, II округ). У Лефрансе высокий лоб, глубокий и мягкий взгляд, смуглая кожа, светло-русые волосы и борода; весь его мужественный облик и умное лицо производят большое впечатление на толпу, которую покоряет ясность и точность его речи, горячей, взволнованной, придающей особую силу его ниспровергающим теориям. В нем сочетаются опыт педагога и жар пророка.

Полиция, следившая за Лефрансе более полувека, приписывает ему атлетическое сложение. Жюль Валлес, который разделял с ним заключение в Сент-Пелажи и вместе заседал на скамьях Коммуны, говорит о его тщедушной фигуре. Вот еще одно доказательство того, что историк должен остерегаться единичных свидетельств. Но так или иначе, был ли Лефрансе гигантом или карликом, своим первым публичным выступлением он вызвал сенсацию, обратившись к собравшимся громкогласным «Граждане!», словно возрождая 1793 год.

Бесстрашный оратор публичных собраний, объявляющий себя коммунистом и франкмасоном, Лефрансе оказывается, впрочем, прекрасным семьянином (разгуливающим со старомодным зонтиком, по словам Жюль Валлеса), мирно живущим со своей женой и двумя

детьми в скромной квартире на улице Лион-Сен-Поль, 7 (IV округ).

Второй выдающийся оратор публичных собраний, Рауль Риго,— настоящий профессиональный революционер. В июле 1868 г. он записывается на медицинский факультет с единственной целью вызвать там политические беспорядки. Он чрезвычайно активен, организует по всему Парижу гражданские похороны, ведет неустанную борьбу с полицией, выслеживая и публично разоблачая тайных агентов из бригады знаменитого шпиика Лагранжа, что привлекает к нему внимание Бланки.

Риго подвергается многочисленным преследованиям за нарушение законов о печати или несоблюдение правил о публичных собраниях, он бросает вызов суду и прокурору, который готов оказать ему снисхождение ввиду его молодости: «Господин заместитель прокурора, я не нуждаюсь в вашем снисхождении. В тот день, когда мы придем к власти, вы не дождетесь от нас снисхождения!» И будущее показало, что это не было простым бахвальством.

В Сент-Пелажи Риго оказывается в хорошей компании, вместе с Варленом, который отбывает свои три месяца тюрьмы, Жюлем Валлесом и Кюзере, получившим в июле два месяца заключения за статью об армии, напечатанную в журнале «l'Art» («Искусство»).

Гюстав Поль Кюзере родился 13 июня 1823 г., по одним источникам, в Париже¹, по другим — в Сюрене. Это здоровенный детина, крупный, цветущий, у него высокий лоб, пышные усы и эспаньолка. Одетый обычно в костюм среднего буржуа, с мягкой фетровой шляпой на голове, он ничем не привлек бы внимания, если бы не пронзительный взгляд его серо-голубых глаз. Этот человек — кондотьер.

Сын полковника пехотного полка, друга Луи-Филиппа², который вырастил его в своих войсках как сына полка, Кюзере окончил Сен-Сирское военное училище в 1845 г. К началу февральской революции он — лейтенант 55-го пехотного полка и 24 февраля, командуя отрядом, охранявшим Французский банк, отказывается

¹ APP, Ва 1015-1016

² Имеется в виду король Луи-Филипп Орлеанский (1830—1848). — *Прим. ред*

сдаться восставшим республиканцам. Вскоре Кюзере избирают начальником 23-го батальона мобильной гвардии и за храбрость при подавлении июньского восстания награждают крестом Почетного легиона. Вернувшись 55-й пехотный полк в чине лейтенанта, он не отказывается от привычек, приобретенных среди мобилей, и 31 марта 1850 г. его отстраняют от должности вследствие многочисленных взысканий за недисциплинированность и плохое командование. В 1853 г. его снова призывают в армию, и на следующий год Кюзере отправляется в Крым, где во время осады Севастополя получает два ранения, а в 1855 г. — чин капитана. Затем в 1856 г. он едет в Африку и после нескольких неудачных попыток колонизации Шершеля вынужден в 1858 г. выйти в отставку. В 1860 г. он отправляется в Неаполь и предлагает свои услуги Гарибальди, который назначает его подполковником при штабе своих войск, выступающих в поход против Королевства обеих Сицилий. Но он ссорится с героем объединения Италии и отправляется в Америку, где отдает себя в распоряжение правительства Соединенных Штатов и, получив чин генерала, участвует в гражданской войне против южан. Вскоре Кюзере получает права американского гражданства. По окончании войны он возвращается в Европу, обосновывается в Англии и, примкнув к восстанию фениев, участвует в походе на Честер. Преследуемый английской полицией, он бежит во Францию, где сотрудничает в революционной прессе и становится членом Интернационала. Впоследствии Кюзере был избран депутатом от I округа и военным делегатом.

Другой заключенный Сент-Пелажи (с 28 ноября 1868 г. по 28 января 1869 г.) — Жюль Валлес, типичный продукт Латинского квартала, но он вскоре заинтересует нас как завсегдашней кварталы Круассан, где выходит его ежедневная газета «Le Cri du Peuple»

Жюль Валлес, сын преподавателя, родился в Пуатье 11 июня 1832 г. Окончив учение в лионском лицее, он в восемнадцать лет приехал в Париж. Здесь он принимает участие в сопротивлении государственному перевороту в декабре 1851 г. и в борьбе против авторитарной империи. Отец, боясь, что деятельность сына пагубно отразится на его собственной карьере, впрягал его в сумасшедший дом Сен-Жак в Нанте. Как-то ночью сосед

Валлеса по палате, считая себя собакой, принялся лизать ему лицо, а когда Валлес запротестовал, стал колотить его по голове тяжелым сабл¹. Отец, напуганный последствиями своего решения, забирает сына из сумасшедшего дома. Валлес поступает классным наставником в канский лицей, а потом служащим в мэрию XV округа. В 1866 г. он публикует книгу «Отщепенцы» («Les réfractaires»), а в следующем году начинает издавать оппозиционный еженедельник «La Rue» («Улица»), запрещенный в январе 1868 г. В феврале 1868 г. за слишком смелую статью, помещенную в газете «Le Globe», Валлес попадает на месяц в Сент-Пелажи. В ноябре он снова возвращается туда же за «возбуждение ненависти и презрения к правительству» в статье «Неизданная глава из истории 2 декабря», помещенной в «Courrier de l'Intérieur».

*

Оппозиция смелеет. На публичных собраниях в зале Мольера, на улице Сен-Мартен, 159, в зале Редут, на улице Жан-Жака Руссо, пламенный Ланглуа, ученик Прудона, подвергает сомнению право Французского банка на монополию и ратует за беспроцентный кредит в ссудных банках².

Публика принимает участие в дебатах. Один оратор ведет атаку на Национальный эмиссионный институт... александрийским стихом!

В зале Редут идет дискуссия о капитале и процентах. Банкир Чернуски доказывает, что невозможно отменить проценты, «так же как нельзя при помощи декрета или иным способом отменить закон тяготения».

Сотни присутствующих оценивают смелые сравнения: «Капиталу свойственно приносить проценты, как яблоне — приносить яблоки».

Ланглуа и Брион переходят в контратаку: «Докажите ясно, как дважды два четыре, вот тут, не сходя

¹ См. APP, Va 879, статью Франца Журдена в газете «Le Cri du Peuple», 23 mars 1885, и A. Callet, Jules Vallès et ses amis, «La Nouvelle Revue», 1er septembre 1918 — 15 janvier 1919

² G. de Molinari, Le Mouvement socialiste et les réunions publiques, Garnier frères, 1872.

с места, что было бы неправильно и несправедливо ссужать рабочим капитал без процентов».

Дискуссии идут и о сравнительных преимуществах свободной любви и брака, о праве на развод, о законности наследования, о воспитании детей и о народном образовании. В зале присутствует немало и «социальных зодчих», вид у них часто весьма красочный, как, например, у Наполеона Гайяра, который зимой и летом носит красный берет; он нажил целое состояние, занимаясь башмачным делом, но все спустил, когда взялся за служение грациям.

Каждое публичное собрание должно тут же избрать президиум независимо от того, кто был избран на предыдущем собрании. Полицейский комиссар и два секретаря следят за тем, чтобы не нарушался закон, запрещающий касаться существующего режима, монарха, религии, политики и т. д. Что не мешает на каждом собрании выбирать почетным председателем публициста Рошфора, преследуемого правительством за его дерзкие статьи в газете «La Lanterne».

✱

В 1869 г. должны состояться всеобщие выборы. Они назначены на май. В тюрьме Сент-Пелажи Варлен обсуждает с заключенными, его товарищами по Интернационалу, и в частности с Ключере, проект избирательной программы. 9 января он пишет:

«Вопреки отказывающимся от голосования бешеным прудонистам, мы вступим в борьбу, конкурируя с буржуазными республиканцами всех мастей, чтобы укрепить раскол между народом и буржуазией».

Избирательная программа «К избирателям 1869 г.» была опубликована 23 января 1869 г. Следует отметить, что большинство подписавших эту программу живет в центральных округах Парижа, наиболее затронутых пропагандой интернационалистов с улицы Гравилье.

«Наступил момент, когда демократическая и социалистическая партия должна выступить самостоятельно.

Вместо того чтобы отдавать свои голоса кандидатам, лишь потому что они более или менее извес-

тны, суверенный народ должен сам выработать свою программу, составить список необходимых ему реформ, а затем избрать тех граждан, которых он сочтет наиболее способными выразить его волю.

В принципе избранные народом могут быть отозваны в любую минуту, как только они перестанут выполнять взятые на себя обязательства; но ввиду стоящих перед нами трудностей, мы должны по крайней мере потребовать, чтобы они постоянно поддерживали связь со своими избирателями и каждый год вновь проходили испытание всеобщих выборов.

Необходимо, чтобы все группы социалистов в ближайшее время сформулировали свои программы и пошли на взаимные уступки, дабы прийти к соглашению и выработать общую программу.

Что касается нас, то вот реформы, которые мы считаем неотложными:

1. Отмена постоянных армий и вооружение всех граждан.

2. Отмена бюджета культов; отделение церкви от государства; свобода религиозных и философских дискуссий.

3. Общая реформа законодательства; весь судебный аппарат должен избираться на определенный срок всеобщим голосованием; учреждение суда присяжных по гражданским и уголовным делам.

4. Всеобщее светское обучение, обязательное для всех и проводимое на средства государства; бесплатное питание для всех детей на время школьных занятий.

5. Отмена привилегий, связанных с учеными степенями.

6. Свобода ассоциаций.

7. Свобода собраний без всяких ограничений.

8. Свобода прессы, книгопечатания и книжной торговли; упразднение гербового сбора и денежного залога.

9. Свобода личности, гарантируемая постоянной и строгой ответственностью всех должностных лиц независимо от их ранга.

10. Установление прогрессивного налога; отмена всех косвенных налогов, ввозных пошлин и т. п.

11. Ликвидация государственного долга.

12. Экспроприация всех финансовых компаний и передача в собственность нации банков, каналов, железных дорог, страхования, транспорта, рудников с тем, чтобы поставить их на службу обществу.

13. Коммуны, департаменты и колонии освобождаются от всякой опеки в решении их внутренних дел и управляются свободно избранными доверенными лицами».

Под этим текстом стоят подписи: Э. Бросс, гравер, Банковая улица, 22 (II округ); Ж. Дюран, сапожник-закройщик, улица Сен-Дени, 307 (II округ); Т. Готье, корзинщик, улица Жарден-Сен-Поль, 24 (IV округ); Ж. П. Клером, публицист, улица Фейдо, 24 (II округ); А. Абль, механик, улица Севинье, 26 (IV округ); Ж. П. Элигон, набойщик, улица Гранд-Трюандри, 45 (I округ); Леви-Лазар, оптик, улица Севинье, 26 (IV округ); А. Люси, фабрикант чернил, улица Сен-Поль, 9 (IV округ); Сова, портной, улица Мольера, 31 (I округ)¹.

Во время избирательной кампании выдвигается новый оратор, молодой и горячий — Шарль Амуру. Рабочий-шляпочник, он родился в Шалабре (департамент Од) 24 декабря 1843 г.; приехав в Париж, он устроился на работу приказчиком к крупному торговцу Шийону, на улице Круа-де-Пти-Шан, а поселился на улице Рамбюто² в меблированной комнате «у господина Лекюире». В начале 1869 г. Амуру впервые выступает на публичном собрании. В афише значится: «Борьба человека с природой и способы поддержать эту борьбу». На самом же деле он говорит о борьбе с империей. Меньше чем за год Амуру десять раз привлекают к судебной ответственности за нарушение закона о публичных собраниях; в общей сложности его приговаривают к 34 месяцам тюрьмы и 4650 франков штрафа. Чтобы избежать этих наказаний, в апреле 1870 г. он бежит в Бельгию, где устанавливает связь с изгнанниками-интернационалистами.

¹ «L'Égalité», 23 janvier 1869.

² Его досье (АРР, Ва 931) не дает на этот счет точных сведений; упоминаются номера домов 1,51 и 53 по улице Рамбюто.

*

Под энергичным воздействием Варлена парижская секция Интернационала расширяет свою деятельность и влияние ее все растет. Ораторы Интернационала могут теперь выступать даже в бланкистских владениях, вроде Бельвиля. Более того, большое число бланкистов примыкает к Интернационалу¹.

Несмотря на такой расцвет Интернационала, рабочие кандидатуры очень немногочисленны, так как господствует мнение, что не следует раскалывать голоса оппозиции. Итоги выборов приносят серьезный успех левым, которые получают большую часть голосов в Париже, Марселе и в нескольких крупных городах.

Варлен чувствует, что следует еще усилить организацию, придать ей более четкую структуру, добиться ее полной независимости от республиканской буржуазии. В июне 1869 г. Интернационал создает свою собственную газету «La Tribune ouvrière», главными сотрудниками которой становятся Варлен, Толен, Клеманс, типограф Дебок, будущий директор Национальной типографии, и Андриё, будущий член Коммуны от I округа.

Жюль-Луи Андриё, родившийся в Париже в 1820 г., бывший преподаватель, которому приписывают авторство «Истории средних веков», вышедшей в серии «Народная библиотека», женатый, отец троих детей, живет на улице Арбр-сек, 19 (I округ) и служит в префектуре департамента Сена². Он станет впоследствии членом Исполнительной комиссии Коммуны и делегатом общественных служб.

*

Среди членов парижской секции Интернационала реформистские теории Прудона уступают место революционным идеям.

«Для нас,— пишет Варлен 6 августа 1869 г. своему товарищу Обри, вдохновителю секции Интернационала в Руане,— политическая революция и социаль-

¹ Бланки, живущий нелегально в Париже, читает сам и дает читать своим сторонникам «Нищету философии» Маркса.

² AN, BB 24 850.

ная реформа неотделимы и одна немислима без другой. Политическая революция сама по себе ничего не даст, но в то же время обстоятельства, с которыми мы сталкиваемся, убеждают нас, что мы не сможем осуществить социальную революцию, пока будем жить под властью такого основанного на произволе режима, как тот, при котором мы живем».

На Базельском конгрессе (сентябрь 1869 г.) французские делегаты могут представить активный баланс своей деятельности. В нем участвовали Ландрен и Пенди, которых мы уже знаем, и Жюль Кольмиа, известный под именем Франкена. Он родился в Гапе, но с 1865 г. живет в Париже, на улице Веррери, 42. Рабочий-печатник, он был принят в Общество сопротивления типографских рабочих, в составе которого в 1868 г.¹ вступил в Интернационал. Он также один из первых членов группы «Мармит» (Котел) (II круг), которая собирается в кооперативной столовой, созданной Варленом на улице Блан-Манто, 40. В противоположность Толену и Фрибуру, которые работают лишь когда не могут этого избежать, и Варлену — профессиональному революционеру, Франкен — настоящий рабочий. В конце марта 1870 г., когда он уже выполнял обязанности казначея Федерального совета, он продолжал работать у литографа Ангара, на улице Оноре-Шевалье, 5 (IV округ).

Другой человек, совершенно иного склада, который становится все более известным, — Артюр Арну. Он главный сотрудник Рошфора (только что вернувшегося из изгнания) и редактор газеты «La Marseillaise», которую начинают печатать 19 декабря 1869 г. на улице Абукир, 9, и которая, заменив покойную «La Lanterne», великодушно предоставляет свои страницы членам Интернационала.

Артюр Арну родился в Дьэзе (департамент Мерт) 17 апреля 1833 г. в семье профессора литературы Коллеж де Франс. Сначала он учится на медицинском факультете, затем работает в парижской Ратуше и, наконец, в 1861 г. становится журналистом. Тесно связанный со старым якобинцем Делекклюзом, он сначала печатается в газете «Rappel». Пишет Арну живо, легко и без-

злбно. Это красноречивый оратор, умеренность которого вызывает одобрение широкой аудитории. Высокий, в узком однобортном пиджаке, он держится прямо, и, если бы не длинные откиннутые назад волосы, его можно было бы принять за кавалерийского офицера в отпуску: таким видит Арну его современник и коллега Вийом, таким изображают его на карикатурах того времени. Валлес, который не отличается мягкостью... к другим, причисляет его к «аристо» (аристократам)!

В то время (21 января 1870 г.) этот «аристо» решительно становится на сторону пролетариев:

«Рабочие Крезю только что объявили стачку. Шапо из Рикамари и Обена, вы уже наготове? Там тысячи несчастных бедняков, которым надоело околевать с голоду, обогащая господина Шнейдера, его семью, его друзей, его акционеров, они желают есть досыта хотя бы через день.

Жандармы! Скорее в путь, с саблей в руке и наручниками в кармане... Префект, генерал, имперский прокурор! Садитесь в экспресс и подготовьте работу трибуналам... Судьи, облачитесь в ваши мантии, раскройте своды законов, отыщите самые суровые кары, отточите меч правосудия. Они требуют хлеба, так воздайте им свинцом, штрафами, тюрьмой...»

Интернационал организует кампанию солидарности со стачечниками Крезю. Бюро на улице Шапон слишком тесно, чтобы вместить толпу собирающих средства для стачечников. Пенди находит более просторное помещение на площади Кордери-дю-Тампль, 6 (ныне № 14), над баром Декомберуса, в котором он выполнял работы по поручению своего патрона деревообделочника Севестра.

Пенди и Тейс снимают помещение за 2400 франков в год. Это старое здание с потрескавшимися стенами. Узкая, темная лестница, описанная Жюлем Валлесом, осталась такой же, как и сто лет назад. На четвертом этаже расхлябанная дверь ведет в большой зал с низким потолком и голыми стенами. Несколько скамей вместо стульев. В глубине зала эстрада: доски, положенные на низкие козлы, — такова трибуна. Вот в своей суровой величавости знаменитая «Кордери», которая бросала в дрожь империю и версальцев...

Из Кордери Интернационал протягивает свои нити по всему свету. Ключезе, изгнанный в июне 1869 г. из

¹ «Один из самых преданных членов Комитета солидарности печатников-литографов», — пишет О. Тестю. (O Testut, L'Internationale, p. 146.)

Франции, выпускает в январе 1870 г. в Нью-Йорке обращение к американским рабочим, чтобы уведомить их о своем назначении на пост представителя Федеральной палаты Парижа в Америке:

«В настоящее время в Америке находятся два представителя Франции,— пишет он резко, без недомолвок,— представитель бездельников, назначенный Наполеоном,— в Вашингтоне, и представитель трудящихся, избранный ими самими,— в Нью-Йорке».

Отвечая 2 февраля на письмо Варлена, он советует ему остерегаться сектантства:

«Как вы уже говорили, мы победим несомненно, наверняка, если будем настойчиво добиваться успеха организации. Но нельзя упускать из виду, что организация ставит своей целью объединить действия как можно большего числа людей.

Итак, будем гибкими, постараемся сглаживать углы, будем братьями на деле, а не на словах. Пусть вопросы доктрин и индивидуальных взглядов не разделяют тех, кого объединило общее страдание, то есть общие интересы: за нас все и всё; надо признать, что если нас побьют, значит мы того заслужили. Я не знаю, какое участие принимали наши в последних волнениях¹; какую позицию заняли рабочие общества и каковы теперь их намерения?

Разумеется, не следует жертвовать нашими идеями ради политики, но было бы губельным, если бы они оторвали нас от политики, хотя бы на минуту»².

Варлен все свои силы отдает пропаганде. Он привлекает к работе в газете «La Marseillaise» добровольных редакторов, членов Интернационала. В их числе Антуан Арно, один из наименее известных и, однако, один из самых активных коммунаров, будущий депутат от III округа и член Комитета общественного спасения до конца «Кровавой недели».

Антуан Арно родился в Лионе 20 апреля 1831 г. Получив хорошее образование, он поступает на службу в железнодорожную компанию PLM («Париж — Лион — Средиземное море») и поселяется в Париже на

улице Нотр-Дам-де-Назарет, 54 (III округ). Среднего роста, худощавый, крайне близорукий, что придает ему застенчивый вид, Арно всегда очень сдержан и ненавидит болтунов. Если он принимает участие в публичных собраниях, в клубе на улице Вольта (III округ) или в зале Мольера, то не затем, чтобы бросать звонкие фразы и срывать аплодисменты, а чтобы методически обсуждать серьезные проблемы, например о капитале и труде (25 сентября 1869 г. в зале Мольера). Его слушают, потому что он внушает доверие, но широкую аудиторию его речи не зажигают. Зато его очень ценит республиканская интеллигенция: Рошфор, Флуранс, братья Реклю, Эжен Шатлен, Сапиа — все они его друзья.

В феврале 1870 г. Арно опубликовал в «La Marseillaise» серию хорошо документированных статей по вопросу о железных дорогах», за что был уволен железнодорожной компаний. Тогда он становится постоянным редактором «La Marseillaise», где открывает рубрику «Трибуна служащих», и играет большую роль в забастовке рабочих Западных железных дорог в Ренне.

Число читателей «La Marseillaise» непрерывно растет¹. После убийства ее молодого редактора Виктора Нуара принцем Пьером Бонапартом (10 января 1870 г.), ареста Рошфора и Флуранса (7 февраля), а затем и всей редакции «La Marseillaise» (8 февраля) самые пылкие революционеры призывают к восстанию, но парижская секция Интернационала в манифесте, напечатанном 26 февраля 1870 г. в газете «L'Égalité», убеждает воздержаться от этой преждевременной инициативы:

«Суверенные права народа поправны. Возмущение бьет через край: смельчаки не боялись поднять свой голос. Впервые после девятнадцати лет на улицах выросли баррикады... Мы готовы отдать жизнь за победу революции, однако должны сказать откровенно: нам кажется, что еще не наступил момент решительных и немедленных действий... Пока будем действовать с помощью пропаганды, а главное — организации; одним словом, ускорим окончательную победу, но не поставим ее под угрозу слишком поспешным выступлением».

¹ Тираж 100 тыс. экземпляров, рекордный для той эпохи.

¹ Речь идет о похоронах Виктора Нуара и последовавших за ними событиях.

² АРР, Ва 1015—1016.

Среди десяти подписей мы видим имена Пенди, Ландрена и одного новичка, о котором вскоре заговорят: Жоаннара.

Жюль-Поль Жоаннар родился в Боне (департамент Кот-д'Ор) 22 января 1843 г. Сын хозяина модной лавки становится рабочим, специалистом по изготовлению искусственных цветов, и живет в Париже, на улице Абукир, 126 (II округ). В 1867 г. за напечатанную в газете «Le Courrier français» статью он подвергается преследованиям и бежит в Лондон. Его избирают членом Генерального совета Интернационала и секретарем-корреспондентом для Италии. В 1869 г. Жоаннар возвращается во Францию, организует секцию квартала Сен-Дени и исполняет обязанности корреспондента Интернационала в Париже. Небольшого роста (1,68 м), стройный, с ярким цветом лица, густой черной шевелюрой и живыми карими глазами, он очень сильно косит и нос у него слегка искривлен на сторону, что не мешает ему, однако, быть опасным сердцеедом. К тому же он славный парень и смелый боец¹.

Варлен советует сохранять благоразумие и добивается отсрочки восстания, которое, по его мнению, приводит лишь к повторению июньских дней. Однако он не менее решительно борется и с реформизмом. 8 марта 1870 г. он пишет своему другу Обри:

«Я продолжаю революционную борьбу только с истинно социалистических позиций, но вы должны понять, что мы не можем ничего добиться, никаких социальных реформ, если старый политический порядок не будет уничтожен! Нельзя забывать, что в настоящий момент империя существует лишь номинально, а правительство является оскорблением для партий. Если в этих тяжелых обстоятельствах социалистическая партия позволит усыпить себя абстрактной теорией социологической науки, то мы можем и одно прекрасное утро проснуться под властью новых хозяев, еще более опасных для нас, чем те, которым подчиняемся теперь...»²

Если Толен и прудонисты не противились созданию Федеральной палаты, объединившей около 40 рабочих обществ и контролировавшей борьбу трудящихся за свои права, то теперь они, напротив, всеми средствами препятствуют созданию Федерации парижских секций Интернационала, которая вовлекла бы их против воли в политическую борьбу. Но когда император решил добиться одобрения своей политики с помощью нового плебисцита, Варлену в пылу борьбы против этого плебисцита удается убедить товарищей в необходимости создания политического центра — парижской федерации Интернационала. И ее создают 19 апреля на собрании в зале редакции «La Marseillaise», где присутствует более тысячи делегатов. Манифест, выработанный после обсуждения, предлагал отказываться от участия в плебисците или опускать незаполненный бюллетень и заявлял, что «единственная форма правления, которая может удовлетворить наши законные требования, — это демократическая и социальная Республика». Действительно, программа интернационалистов требует национализации рудников, каналов и железных дорог, банков и церковного имущества; демократической реформы налогов; отмены рекрутского набора и постоянной армии; бесплатного и обязательно народного образования¹.

Наполеон III легко переносит платоническую оппозицию буржуазных республиканцев; напротив, федерация на площади Кордери и ее манифест не перестают его беспокоить. Интернационалисты подвергаются новым арестам и полиция стряпает всевозможные «заговоры».

Риго, заключенный в тюрьму Мазас, пишет следователю в своем обычном стиле, перемешивая юмор с дерзостями:

«Нижеподписавшийся, ввиду ордонанса от 15 марта 1870 г., принимая во внимание, что... и прочая и прочая, по всем этим мотивам просит временно отпустить его на свободу. Лагранж приказывает задерживать нас в Мазасе, а вы подчиняетесь и в то же

¹ APP, Va 1128.

² «IIIe Procès de l'Association internationale des travailleurs», р 53.

¹ Среди подписей под этим текстом, оригинал которого хранится в Национальной библиотеке, мы видим имена Франкена и Жоаннара, Тейса и Пенди.

время заявляете с простодушным видом, что ничего не понимаете — впрочем, это в порядке вещей. Но хоть из любви к Богу, предписанной статьей 8 закона от 17 мая 1819 г, повинуйтесь до конца и т д и т д»¹

Адвокат бланкист Прото, защитник рабочего-механика Межи, который убил полицейского, пришедшего его арестовать, сам попадает под арест 1 мая 1870 г при обстоятельствах, взволновавших всю оппозицию.

Полицейский комиссар Клеман проник в квартиру Прото на улице Брак, 6 (III округ), где нашел набитый бумагами портфель. Едва он собрался его открыть, как Прото бросается на него и, выхватив портфель, убегает по лестнице. Полицейский, увидев, что добыча от него ускользает, стреляет из пистолета и тем дает сигнал тревоги. Привратник запирает ворота, агенты Клемана хватают Прото, затыкают ему рот и бросают в фиакр, который отвозит его в дом заключения при префектуре полиции.

Плебисцит должен состояться 8 мая. 4 мая Наполеон III назначает заседание Верховного суда, перед которым обязаны предстать многочисленные граждане арестованные по обвинению в заговоре против безопасности государства. Подогревая страх перед «красным призраком», он надеется прибрать к рукам буржуазию, которую пугают успехи Интернационала. В итоге если в Париже отрицательных бюллетеней оказалось значительно больше (184 345 «нет» и 138 406 «да»), то голосование по всей стране принесло империи около 83% голосов².

Заговор действительно существовал, но вдохновителем его был человек, извлекавший из него материальную выгоду, как о том свидетельствует следующий доклад написанный позже полицейским и ловким агентом-провокатором Перну³, который мы приводим полностью.

¹ Напечатано в «La Marseillaise», 2 avril 1870

² APP, Va 1218. Более точно 83% из числа поданных голосов, так как 1800 тыс человек воздержались (из них большая часть подчинилась призыву воздерживаться от голосования брошенному Интернационалом, который считал по словам журналиста Вермореля что тот, кто голосует против, тоже признает результат голосования, каким бы он ни был).

³ APP, Va 1218

«Заговор, рассмотренный судом в Блуа в июле 1870 г»

Жюль Фонтен, Дюпон, Петьо, Пеллегрен, Тони-Муален, Бенель Межи, Курне и многие другие в течение 1869 г довольно часто собирались то у одного, то у другого из них и обсуждали возможность организовать восстание и даже покушение на жизнь Наполеона III.

Г-н Лагранж (который как всегда стремился убедить всех в существовании постоянной опасности тайных обществ и потакал мании г-на Руера, пугавшего всех призраком республиканской опасности, чтобы собрать побольше голосов в пользу империи) с жаром ухватился за эти тайные сборища и дал приказ своему секретному агенту Герену проникнуть в этот заговор.

Этот Герен, рабочий с фабрики Фалько, в 1848 г был осужден за участие в июньском восстании, теперь он держал кабачок на авеню Сент-Уан.

Герен с 1861 г состоял на службе у Лагранжа и получал 150 франков в месяц. Не удовлетворившись проникновением этого агента в заговор, который он хотел раздуть, Лагранж ввел в него еще пять других тайных агентов, не знавших друг друга, а именно:

1 Рюо с Монмартра, который подписывался псевдонимом Антуан и был ранее осужден за участие в июньском восстании 1848 г (Во время Коммуны он был расстрелян на улице Аксо).

2 Шостена, служащего на железной дороге, ставшего тайным агентом три года назад.

3 Саппиа, по прозвищу «Большой» (чтобы отличить его от другого Саппиа, убитого 22 января 1871 г на авеню Виктории). Этот большой Саппиа был секретарем Мадзини и более двух лет получал от Лагранжа ежемесячное жалование 300 франков.

4 Вердые, связанного с префектурой только с 1868 г.

5 Гоудино, бывшего служащего на рынке и лейтенанта мобильной гвардии.

Шесть тайных агентов получили приказ форсировать заговор, и под предлогом тайного сбора денег для покупки оружия каждый агент получил отдельно

от Лагранжа денежные субсидии, сказав, что они собрали их среди друзей республиканцев!

На эти деньги Дюпон, Фонтен и другие купили пистолеты и распределили среди участников заговора.

Впоследствии, когда Межи убил агента Мура, он стрелял из пистолета, купленного на деньги, выданные префектурой!

Лагранж, который стремился состряпать крупное дело, настаивал на проведении химических опытов; вот откуда пошла занятия химией Дюпона и других, изучавших свойства нитроглицерина, и идея использовать его, чтобы взорвать Тюильрийский дворец, императора и префектуру.

12 января Лагранж надеялся начать выступление, и все его секретные агенты получили задание способствовать этому, но позиция, занятая Рошфором, помешала осуществлению заговора.

Банкет, состоявшийся 21 января в Сен-Манде, где Гронье, агент Феликса Пиа¹, произносил тост, был организован Фонтеном-отцом, который, сам того не ведая, действовал по указке тайных агентов. Наконец, дело газеты «La Marseillaise» 7 февраля и арест Рошфора в этом многолюдном квартале были лишь уловкой полиции, старавшейся оказать давление на общественное мнение, разжигая страх перед красным призраком.

Гюстав Флуранс² примкнул к заговору с полным доверием, без всякого расчета, следуя своим пылким идеям, умело подогреваемым и направляемым бригадой Лагранжа; этот последний не успокоился на вызванных в последние месяцы беспорядках, и ему удалось состряпать еще «Дело о бомбах», где секретными агентами Лагранжа были Соре, его жена и Лепе, втянувшие в него Флуранса, Русселя, Гретье и других...»

Что может быть легче, чем разоблачить заговор который ты сам же и состряпал?

¹ Участник восстания 1848 г., бежавший в Лондон.

² Гюстав Флуранс (родился 4 августа 1838 г. в Париже), молдой преподаватель Коллеж де Франс, пылкий боец-революционер столь же храбрый, сколь наивный, попался в сети этой провокации. Впоследствии был избран членом Коммуны. Генерал федератов, он был убит версальцами в бою 3 апреля 1871 г.

Третий процесс Интернационала открывается 22 июня 1870 г. Император решил нанести сокрушительный удар и обезглавить организацию, которая теперь вербует приверженцев десятками тысяч. Среди тридцати восьми подсудимых фигурируют Тейс, Пенди, Жоаннар, Франкен, Элигон, Ландек. Главный обвиняемый — Варлен — бежал. На втором процессе он считал необходимым присутствовать, чтобы предпринять контратаку. На этот раз такую задачу могут взять на себя другие; поскольку Варлен держит в руках все нити организации, его товарищи считают, что он не должен дать заточить себя в тюрьму в такое время, когда повсюду кипит революционное брожение.

«Я не состою членом Интернационала,— говорит в заключительном слове один из обвиняемых, механик Асси,— но я намерен после суда примкнуть к нему».

А Жоаннар заявляет:

«Я рядовой член Интернационала, и если был пока довольно нерадивым, если мало сделал для нашей организации, то мои товарищи могут все же на меня положиться, они знают, что я сумею наверстать упущенное!»¹

Обращаясь к обвинению, требующему сурового наказания «вожаков», рабочий-механик Комбо возражает:

«В нашей организации нет вожаков; каждый вносит в нее то, что у него есть: свое время, свою работу, свою преданность; а так как каждый вносит все что может, тот, кто вкладывает меньше всех, равен тому, кто вкладывает больше всех».

В заявлении, написанном токарем по меди Шаленом и отредактированном Бенуа Маленом, говорилось то же самое:

«Интернационал — первая ассоциация, избавившаяся от старого духа преклонения перед авторитетами, который до сих пор, во всяком случае на деле, господствовал во всех организациях и во всех пар-

¹ «IIIe Procès de l'Association internationale des travailleurs», p. 118.

тиях; он первый отверг идею руководящего комитета, чтобы доверить свое дело самим массам; разве он не сказал, что освобождение рабочих — дело рук самих рабочих? Нам больше не нужны спасители...»¹

Пенди разоблачает махинации, к которым прибегает обвинение:

«Для подкрепления обвинений против Интернационала было выгодно вновь вытащить на свет кое-какие формулировки из прошлого: страсть к ниспровержению, порочные доктрины, применение варварских и диких средств борьбы, одним словом все аксессуары, с помощью которых можно запугать и натравить на социализм всех благомыслящих буржуа...»²

Франкен доказывает, что Интернационал — не тайное общество:

«После того как основные права человека были декретированы Учредительным собранием, после того как оно провозгласило суверенитет нации и заявило о том, что все французы имеют равное право на труд, как могло случиться, что мы рождаемся рабами и, словно невольники, привязаны к личным привилегиям, к новоявленным баронам?»

Основного стимула работы, которым для печатника было бы право собственности на орудия труда (печатный пресс), его лишили декретом государства.

Когда мы увидели, какие широкие горизонты открывает перед нами Международное товарищество, мы признали в нем организацию, воплотившую в себе наши принципы, наши идеалы...

Уже в 1867 г. печатники-литографы послали делегата на конгресс в Лозанну...

29 августа 1869 г. на общем собрании, состоявшемся в амфитеатре Медицинского института (собрании, о котором заранее была извещена префектура полиции, а повестка дня опубликована в газетах), был обсужден устав, поставлен на голосование и

решен вопрос о присоединении к Интернационалу и избран делегат для поездки на конгресс в Базель.

Разве так действуют тайные общества?»¹

Ввиду отсутствия Варлена Тейса выступил на процессе как главный представитель Интернационала. Все его современники — как друзья, так и враги — единодушно в высокой оценке достоинств этого маленького и скромного человека: ясность взглядов, живой ум, вдумчивость, честность, уравновешенность и еще раз скромность, самое редкое качество среди людей, выдвинувшихся на передний план.

Устами Тейса защита обвиняет:

«Послушайте, господа! Прежде чем поносить наши экономические теории, прежде чем называть пустой болтовней еще, быть может, не совсем четкую форму, в которой выражены наши законные требования, прежде чем стараться натравить на нас наших сограждан, пробовал ли кто-нибудь серьезно разобраться в причинах этого широкого рабочего движения, существования которого уже никто не может отрицать?..

Вас больше всего поражает повсеместность стачек и вы приходите к заключению, что они происходят по приказу неких главарей, тайным знаком приводящих в движение рабочие массы. Так вот, поверьте, это совсем не так! Если в какой-нибудь отрасли промышленности вспыхивает забастовка, это значит, что начавшие стачку рабочие считают ее необходимой и никто не имеет ни права, ни власти ее вызвать или остановить.

Да, приказ приходит сверху: его дает ваша промышленная организация, ваш экономический режим, который находится в вопиющем противоречии с вашими политическими теориями и всеобщим избирательным правом...

Согласитесь, что народ по природе своей очень великодушен, ибо, непрерывно терзаемый голодом, безработицей, болезнями, он до сих пор не потребовал у вас отчета о происхождении ваших богатств. А между тем, возможно ли более унижительное зрелище! Все, кто живет своим трудом, рабочие, мелкие

¹ Ibid, p. 99.

² Ibid, p. 120.

¹ Ibid., p. 161.

предприниматели, мелкие торговцы, прозябают, еле перебиваются, а общенародное достояние принадлежит ростовщикам, темным дельцам, биржевым игрокам. Одна только группа капиталистов, заправляющих на парижской бирже, за восемь лет загребла миллиарды.

Председатель: Стойте! Вы не должны вдаваться в рассмотрение социальных вопросов, которые не подлежат обсуждению на судебном заседании.

Тейс: Но о нас говорят, что мы сумасшедшие.

Председатель: Никто не называл вас сумасшедшими.

Тейс: Здесь говорили, что у нас сумасшедшие доктрины, и я должен доказать, что это неправда.

Председатель: Здесь для этого не место, и я не могу вам этого позволить.

Тейс: Наши доктрины были названы сумасшедшими представителем имперской юстиции и мы вынуждены доказать обратное как перед судьями, так и перед общественным мнением. Мы хотим показать, что мы не безумцы и не люди, умышленно обманывающие публику. Мы никого не обманываем, ибо мы честны!..

Председатель: Я повторяю, что здесь не место для подобных дискуссий¹.

Все конечно. Обвиняемым больше не дают слова. «Либеральная империя» сбрасывает маску. 8 июля посыпались наказания: один год тюрьмы и 1000 франков штрафа Варлену, Жоаннару и Пенди; два месяца тюрьмы Тейсу, Франкену и Ландеку. Везинье, который не прочь заслужить популярность, тщетно жалуется перед всем залом, что не был осужден.

*

Стремительно приближается война, желанная для окружения императора. Камарилья в замке Тюильри видит в ней радикальное средство разделаться с оппо-

¹ Это происходило на III процессе Международного товарищества рабочих, а не перед Верховным судом в Блуа, как пишет Лоран. (См.: Laurent, La Commune de 1871. Les Postes, les Ballons, le Télégraphe, d'après des documents et des souvenirs inédits, Dorbon, p. 61 et 63.)

зишей и упрочить династию; что касается прусских юнкеров, то они видят в войне способ достигнуть объединения Германии.

12 июля Федерация парижских секций Международного товарищества рабочих, которая понимает неминуемость нависшей опасности, обращается с призывом к трудящимся всех стран¹.

«Рабочие Франции, Германии, Испании! Пусть ваши голоса сольются в общем крике осуждения войны... Немецкие братья! Во имя мира, не слушайте подкупленных или подневольных ораторов, которые пытаются обмануть вас, искажая истинные стремления Франции... Вражда между нами приведет лишь к полной победе деспотизма на обоих берегах Рейна... Рабочие всех стран. Чем бы ни закончились наши общие усилия, мы, члены Международного товарищества рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, посылаем вам как залог нерасторжимой солидарности лучшие пожелания и привет от рабочих Франции!»

Этот призыв подписали несколько членов Интернационала, еще остававшихся на свободе, в том числе Камелина, Толен и Эжен Потье, будущий член Коммуны от II округа и автор гимна «Интернационал».

Эжен Эдм Потье родился в Париже 5 октября 1816 г. в рабочей семье и познал тяжелое детство; самоучка и большой поклонник Беранже, он в четырнадцать лет, в разгар революции 1830 г., пишет свою первую песню, назвав ее «Да здравствует свобода!». Потье работает сначала упаковщиком, потом надзирателем в интернате, продавцом бумаги и продолжает писать песни; он встречается с Мюрже и Прива д'Англемоном. Последователь Бабёфа, Потье пишет в 1840 г. волнующую песню «Пришло время каждому получить свою долю», наделавшую много шума. Он принимает участие в июньском восстании 1848 г. и еле избегает смертной казни после захвата баррикад. Мастер по разрисовке тканей, Потье после переворота 2 декабря открывает небольшую мастерскую, которая вскоре начинает процветать. В июне 1870 г., когда его избирают председателем Синдикальной палаты рабочих-художников приклад-

¹ «Le Rappel», 12 juillet 1870

ного искусства, он живет на Севастопольском бульваре, 135 (пассаж Лемуан, где его жена и один из братьев держат банно-душевое заведение). В его мастерской, которая служит одновременно помещением для синдикальной палаты и находится на улице Сантье, 29 (II округ), работают около 20 рисовальщиков. Это обширное помещение, которое он снимает за 7 тыс. франков в год. Хотя Потье сам хозяин мастерской, он ни в чем не отрекается от своих социалистических убеждений. Это крупный, дородный человек с внушительной внешностью, редкой доброты, пользующийся большим уважением в своем квартале¹.

*

Империя усиленно разжигает военные страсти, устраивая манифестации «белых блуз»². В этой атмосфере шовинистического угара Интернационал не отступает. Накануне военного конфликта колонна из 500 человек, собравшихся по его призыву на площади Бастилии, сталкивается на бульваре Бонн-Нувель с полицейскими отрядами. Несмотря на приказ разойтись, поборники мира отказываются подчиниться, и полиции, только выпустив залп по толпе, удается овладеть знаменем, которое развевается впереди демонстрации³. Другие народные манифестации полиция разгоняет с помощью кастетов. 19 июля 1870 г., обуздав оппозицию, Наполеон III объявляет войну Пруссии.

Накануне в Блуа, перед Верховным судом, начался процесс о заговоре, имевшем целью «покушение на безопасность государства и на жизнь императора». Перед судом предстали 38 обвиняемых: ловко составленная мозаика из агентов-provokаторов⁴, членов Интернационала и сочувствующих (Дерё, доктор Тони-Муален, Фонтен-отец), республиканцев-якобинцев (Курне, Разуа) и бланкистов (братья Вильнёв, Межи и Теофиль

¹ APP, Va 1226, донесение Фонтена, 3/6/1871, см. также: Jean Vanloo, Les Poètes de la Commune, EFR, 1951, p. 133.

² То есть полицейских, переодетых в рабочие блузы. — Прим. ред

³ См. «Journal de Genève», 19 juillet 1870.

⁴ См. стр. 57—58 данной работы, рапорт полицейского Перну.

Ферре, впоследствии заместитель прокурора Коммуны).

Теофиль Ферре (родился в Париже 6 мая 1844 г., счетовод) выглядит задорным чертенком, он вечно в движении, за строгим пенсне сверкает острый взгляд. Он обратил на себя внимание полиции еще участием в манифестации на могиле Бодена на Монмартрском кладбище. Во время процесса в Блуа он держится смело и независимо. Когда председатель приказывает ему замолчать, он дерзко отвечает:

— Сейчас сила на вашей стороне, ну что ж, пользуйтесь ею; но когда она перейдет к нам — берегитесь... Я республиканец...

Председатель прерывает его.

Среди поднявшегося шума Ферре кричит, что ему омерзительно зрелище сговора судей с провокаторами, и заявляет, что в дальнейшем отказывается присутствовать на суде. Председатель возражает, что его принудят. Ферре бросает в ответ:

— Тогда вам придется меня принести!

Семнадцать обвиняемых приговорены все вместе к 173 годам тюрьмы и каторжных работ. Однако порок склоняется перед добродетелью: Ферре оправдан за его мужество...

Обвинительный приговор не привлекает внимания общественного мнения. Все взоры устремлены к границам, где начались военные действия.

Об этом периоде нам рассказывает неизданный документ, имеющий большую ценность: записная книжка Адольфа Клеманса¹.

«Воскресенье, 7 августа — Чрезвычайное собрание в моем обществе взаимопомощи. Придя туда, узнал о проигранной Мак-Магоном битве при Рейсхофене, о разгроме Фроссара и о введении в Париже осадного положения. Всеобщее ожесточение. Вечером внушительная демонстрация. Требуют оружия.

9 августа. — Империя в отчаянном положении и призывает граждан записываться в национальную гвардию. Положение наших армий настолько тяже-

¹ Эта записная книжка сохранилась в архиве префектуры полиции (cotes 11 № 132 du dossier Va 1013); за 1870 г в ней имеются ежедневные записи вплоть до 31 декабря, за 1871 г. — записи только за период с 1 по 18 марта.

ло, что почти все спешат записаться. Но проклятый режим и при последнем издыхании записывает лишь тех, кто может сам купить себе военную форму.

15 августа¹.— Праздник империи, которая не смеет даже петь «Те деум» Позорный праздник без официальных демонстраций Все убеждены, что этот праздник — последний

21 августа.— Уплата членских взносов в моем обществе взаимопомощи. Делаем поблажки или даем отсрочки всем нашим членам.

3 сентября.— Вечером узнаем о капитуляции Седана и сдаче в плен 80 тыс человек самим Луи Бонапартом, получившим 7 500 000 «да» на плебисците в мае этого года »

Глава вторая

КОГДА ТРОШЮ ЦАРСТВУЕТ В ЛУВРЕ, ИЛИ СТРАННАЯ ВОЙНА 1870 г.

После официального заверения военного министра, будто армия всем обеспечена вплоть до последней говицы на гамаше, войска двинулись на Берлин с легкой душой. 6 августа на парижской бирже объявляют о первой победе французов. Курсы акций поднимаются с головокружительной быстротой. В тот же вечер официально сообщают о проигранных сражениях при Вёрте и Форбах. К тому времени биржевые дельцы успели сорвать немалый куш, играя на «разнице» курсов. Народ в ярости осаждаёт биржу, а на Вандомской площади глава правительства предстает перед враждебной толпой. На Жюлье Валлеса, который вопит: «Долой Оливье!», набрасываются буржуазные национальные гвардейцы¹. Но по мере того, как поступают сообщения о новых военных поражениях, республиканские демонстрации ширятся.

8 августа, накануне созыва Законодательного корпуса, внушительная делегация с площади Кордери является на квартиру к адвокату Кремье, где собрались депутаты левой — Пельтан, Араго, Глэ-Бизуэн и иже с ними. Лефрансе и его товарищи предлагают им дать народу сигнал о немедленном выступлении, чтобы сбросить «это злосчастное правительство»². Но эти господа вновь повторяют клевету, пущенную в ход Жюлем Фавром: парижский народ покинул их в 1851 г., пускай теперь он сам берет инициативу в свои руки. Им возражают:

— Сегодня вы говорите, что народ должен сам взять инициативу в свои руки, почему же тогда несколько дней назад вы умоляли тридцать тысяч людей, собравшихся вокруг Законодательного корпуса, подождать, куда вы не подадите сигнал, который теперь отказываетесь дать?

¹ J. Vallès, *L'Insurgé*, EFR, 1950, p. 148 (Ж Валлес, *Инсургент*, М., 1960, стр. 112).

² G. Lefrançais, *Souvenirs d'un révolutionnaire*, p. 384 et suiv.

¹ 15 августа — день рождения Наполеона I. — *Прим. ред.*

— Потому,— в замешательстве отбиваются Араго и Пельтан,— что час выступления еще не пробил. Надо дожидаться падения Страсбурга, до этого ничего нельзя предпринять...

На деле, замечает Лефрансе, эти мнимые республиканцы связаны с бонапартистами единым стремлением: пусть лучше отечество погибнет, чем победить врага с помощью революции!

Вся стратегия императора диктуется не пребыванием прусских войск на французской земле, а страхом перед революцией в Париже¹.

В таких условиях поражение неминуемо.

*

Вечером 3 сентября парижские полицейские вовсю работают кастетами, разгоняя манифестацию граждан, идущих по Большим бульварам, выкрикивая: «Низложение!» Артюра Арну сбивают с ног возле театра Жимназ².

Демонстранты нападают на полицейский пост. Бланкист Пилес отвечает выстрелом на выстрел полицейского. Толпа катится рекой к площади Согласия и к Бурбонскому дворцу. Наступившая темнота и успокоительные речи представителей левой постепенно рассеивают народ. Но наутро 4 сентября толпы стекаются вновь. Правительство чувствует, что оно не в силах их сдерживать. Трошию (которого Наполеон III сделал губернатором Парижа) и депутаты оппозиции приходят ему на подмогу.

«4 сентября. Воскресенье (св. Розали),— пишет Клеманс в своей записной книжке.— Меня чуть не арестовали и не втащили в полицейский участок при мэрии на улице Друо: граждане вырвали меня из рук полицейских. С 2 до 3 часов— манифестация против империи. Провозглашение республики...»

На площади Согласия собралась громадная возбужденная толпа, но у нее нет вождей. Большинство извест-

¹ См: M. Choury, Les origines de la Commune, Paris livré, Editions sociales, Paris, 1960, p. 28 et suiv.

² Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, p. 16.

ных борцов, как бланкистов, так и интернационалистов, либо в тюрьме, либо в изгнании. Инициатива идет снизу. К середине дня простой тамбурмажор прорывает кордон полицейских и муниципальных гвардейцев, перекрывший мост. Его батальон не решается смести это препятствие. Тогда тамбурмажор поворачивается лицом к толпе, пятится назад, отчаянно размахивая железом, и прокладывает широкий проход, в который устремляется его отряд, целый батальон, а за ним потоком вливается толпа. Бурбонский дворец захвачен. Все кричат: «Долой империю! Да здравствует Республика!»

Десятка полтора депутатов ораторствуют в амфитеатре, больше всего озабоченные тем... как бы сохранить порядок. Троэль¹ очертя голову бросается вперед, выбивает окна Законодательного корпуса и проникает внутрь здания во главе целой толпы. Шатлен² сбивает шляпу с головы Шнейдера, владельца пушечных заводов, председателя Законодательного корпуса. Гамбетта, осаждаемый со всех сторон, объявляет о низложении императора. Народ требует провозглашения республики. Жюль Фавр предлагает сделать это в Ратуше. Если уж революция теперь неизбежна, пусть она хоть послужит нам на пользу, думают буржуазные республиканцы.

И по набережным несутся сломя голову жаждущие власти депутаты, чтобы первыми примчатся на Гревскую площадь. В то же время Шатлен и бланкисты

¹ Троэль — старый революционер-бланкист, «здоровенный дитя на пяти с половиной футов ростом, курчавый, с густой черной бородой и загорелым лицом; его темно-серые глаза в спокойные минуты смотрели доброжелательно. Но при малейшем возражении он приходил в ярость, и тогда глаза его сверкали, как у дикого зверя»,— пишет Поль Фонтюльё. (Paul Fontoulièu, Les Eglises de Paris sous la Commune, E. Dentu, Paris, 1873, Объективность этой работы сомнительна)

² Эжен Шатлен родился в Париже 6 декабря 1829 г. Рабочий-гравер, он участвовал в июньском восстании 1848 г. Самоучка, он становится преподавателем, журналистом, поэтом-песенником, организатором рабочих обществ взаимного кредита. Друг Эжена Потье, Пьера Дюпона, художника Пиккьо, последователь Прудона, он при Второй империи проходит такую же эволюцию, что и Варлен, и с 4 сентября 1870 г. по 18 марта 1871 г. играет видную роль (См: Jules Morizot, La vérité sur Eugène Chatelain, BN, Ln 21—23 202.)

взламывают ворота тюрьмы Сент-Пелажи, освобождают Рошфора и направляются с ним к Ратуше

Императрица Евгения поспешно бежит из Тюильри. В сопровождении сестры генерала Бурбаки, она выходит из Лувра через золоченую решетку колоннады Перро, где ее ждет фиакр, заказанный австрийским послом. Ее узнает какой-то гаврош «Хороша, нечего сказать! Вот так императрица!» Кучер, гони лошадей! Евгения мчится в изгнание через ворота Майо, и больше ее уже никто не тревожит¹

В то время как Евгения покидала Тюильри в фиакре, Трошю покидал его верхом, он направлялся в Законодательный корпус, лелея честолюбивые проекты. Миновав калитку, выходящую на площадь Карусель, он осторожно пробирался сквозь громадную толпу,двигающуюся от Нового моста к Елисейским полям, удрученный этим зрелищем

«Я никогда не видел ничего подобного,— говорит он,— хотя находился в Париже во времена революций 1830 и 1848 гг. Бесчисленное множество мужчин, женщины, детей, без всякого оружия, возбужденных, разъяренных, доброжелательных, угрожающих, бурлило вокруг меня и мешало мне двигаться. Раз десять мужчины со злобными лицами бросались ко мне и хватили мою лошадь за узду со словами «Кричи да здравствует Социальная республика!»²

На углу возле моста Сольферино Трошю встречает Жюль Фавра, который указывает ему место встречи в Ратуше. Там должны собраться те, кто хочет сотрудничать в деле спасения страны от «демагогии» и «дурных страстей». Буржуазные республиканцы собираются прибрать к рукам начавшуюся революцию. Необходимо отстранить «красных» от власти, ибо, как говорил Жюль Фавр³, буржуа не желают драться с пруссаками, «если рабочий класс будет вооружен и если у него будет какой-либо шанс одержать верх»

Жюль Фавр и депутаты левой без всякого труда

¹ По свидетельству графа д'Эриссона (Comte d'Herisson, Tableau de l'annee tragique, p. 76)

² См. General Trochu Une page d'histoire contemporaine de vant l'Assemblée nationale Dumane

³ «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», Cerf, Versailles 1872, t. II, p. 43 (далее «Enquete parlementaire»)

оттесняют нескольких интернационалистов, которым удалось проникнуть в Ратушу. Жюль Валлес отстранен без всякого стеснения¹. Старый Белэ, участник событий 1848 г., ограничивается лишь платоническим протестом

— А где же народ? Кто будет представлять его в вашем правительстве?²

Но вот появляется Рошфор, его вносит с триумфом ворвавшаяся бурным потоком толпа Шатлен, взобравшись на башенку Ратуши, укрепляет там вместо знамени красный пояс зуава. Неужели «чернь» захватит здание, сметет формирующееся правительство и установит «многоголовую и ужасную тиранию подонков Бельвиля»? Нет, ибо Жюль Фавр предлагает ловкий ход — включить Рошфора в правящую головку гораздо удобнее «иметь его внутри, чем вне правительства». Поскольку было решено включить в правительство только парижских депутатов, отстранить Рошфора просто невозможно. Он послужит ширмой и будет играть ту же роль, какую играл «рабочий Альбер» во Временном правительстве 1848 г.¹

Посоветовавшись с военным министром Паликао, который уже упаковывает свои чемоданы, Трошю соглашается занять пост председателя правительства, потребовав от Жюля Фавра заверения, что правительство будет защищать «семью, собственность и религию»³

Первый вопрос, который задали Трошю его новые коллеги в тот же вечер 4 сентября, был: имеет ли Париж какие-либо шансы успешно выдержать осаду прусской армии? Трошю без колебания отвечает отрицательно

— При настоящем положении дел,— говорит он,— пытаться выдержать осаду было бы безумием. Конечно, это было бы героическим безумием, но не более того. Я могу допустить, что героическое безумие каким-то чудом может привести к благополучному концу. Но не надеюсь на это⁴.

¹ Jules Vallès L'insurgé, p. 166

² Charles Beslay, Mes Souvenirs, Sandoz et Fischbacher, Paris, 1873, p. 303

³ Jules Favre, Simple recit, p. 89

⁴ Эти слова были преданы огласке Корбоном, мэром XV округа, вышедшим в отставку на другой день после вылазки под Бю занвалем, и напечатаны в «Le Rappel» 17 марта 1871 г.

Как заметил Карл Маркс¹, победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Имелись все элементы, из которых складывается победа, но для Трошю, Тьера и иже с ними врагом был не прусский солдат, а революционный пролетарий, парижский патриот. В борьбе с ним они были столь же рьяными вояками, как и жалкими пораженцами по отношению к Пруссии.

Программа этого правительства «национальной измены» превосходно охарактеризована Тьером в письме к его другу д'Оссонвиллю: «Видимость сопротивления и какой бы то ни было мир». Подчинить себе парижский «сброд» — вот единственный долг. Так называемая «оборона» будет лишь фарсом, уловкой, чтобы заставить парижан подождать до того времени, когда пруссаки смогут их усмирить: «Временное правительство помешало демагогам завладеть обороной Парижа и произвести во всей Франции громадный социальный переворот», — писал впоследствии Трошю с явным удовлетворением.

*

«Пока, — рассказывает Надар², — тут же рядом жалкое честолюбие и бездарность делят между собой места, наши славные парижане целиком отдаются блаженству вдыхать полной грудью воздух свободы, без которого они так долго задыхались. Они стекаются со всех сторон, кишат, как растревоженный муравейник, на набережных, на площади Согласия, куда я выхожу, и тянутся к дворцу Тюильри, который совершенно опустел и стоит за залпной решетчатой оградой.

Люди переговариваются с солдатами охраны, но вскоре им кажется, что переговоры слишком затянулись и тогда: «Раз!.. Два!.. Три!..» Три богатырских нажима толпы и решетка поддается, распахивается, и в широко открытые ворота Его Величество народ входит в свои владения...

¹ См. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Соч., т. 17, стр. 321.

² Nadar, Sous l'incendie, G. Charpentier et E. Fasquelle éd.

Но тут раздается крик: «Долой орлов!»

И правда, четыре громадных чугунных позолоченных орла, бесстыдно раскинув крылья, парят над оградой.

Тогда какой-то человек в рабочей блузе спокойно, деловито, раз пять подтянувшись на руках, карабкается вверх к одному из орлов, второму справа. Затем, обхватив перекладины ограды ногами и широко расставив руки, берет в объятия и крепко встряхивает орла, притягивая к себе: «Раз!.. Два!.. Три!..»

Орел сорван — к черту заклепки! — под гром аплодисментов толпы; повисший на оgrade разрушитель, качаясь под грузом непомерной тяжести, кричит: «Эй, там внизу! Берегись!» И тяжелая машина, упав, всколыхнула площадь и глубоко врезалась в землю.

И в мгновение ока с такой же сноровкой оставшиеся три зловещие птицы были сброшены вниз тремя другими рабочими...»

Возле вывесок торговцев, поставщиков двора, повсюду водрузили стремянки и энергичные молотки расплющивают изображения Баденге¹. В одно мгновение дощечки с названиями улиц, прославляющими императора, летят на землю, чему мы обязаны, между прочим, появлению теперешней улицы 4 Сентября.

Пока народ, весь отдавшись радости, отыгрывается на вывесках и дощечках с названиями улиц, новые господа рвут друг у друга посты и должности. Гамбетта, обскакав Эрнеста Пикара, водворяется в министерстве внутренних дел и укрепляет свою власть, раздавая должности².

Его друг Жорж Кавалье неожиданно произведен в секретари канцелярии министра.

Жорж Луи Мари Александр Кавалье родился в Туре 27 января 1842 г. Он учится вместе с Жюлем Валлесом в коллеже, а окончив Политехническую школу,

¹ Презрительная кличка Наполеона III, по имени каменщика, в одежде которого он бежал в 1846 г. из крепости Гам, куда был заключен в 1840 г. после неудачной попытки захватить государственную власть во Франции. — *Прим. ред.*

² Так были назначены мэрами: Тенай-Салинья в I округе, Тирар во II, Бонвале в III и Грессо в IV округе.

сотрудничает в его газете «La Rue». Это популярная личность во многих кафе Латинского квартала и в кафе «Робеспьер» на улице Сен-Рок (I округ), где он с веселой словоохотливостью проповедует свои революционные теории. Вожак добровольной кляки в театрах, он был прозван Валлесом Деревянной Дудкой, и вскоре его все знали только под этой кличкой Газета «Le Figaro» дает ему не очень лестный портрет¹:

«Голова, как каштан на лебединой шее, грудь жирафа на журавлиных ногах, лапы гориллы с пальцами крупье, рыжие волосы, торчащие словно штыки, на черепе в форме сахарной головы, нос, как у Гиацинта, бесцветные глаза, толстые губы, как будто прорвавшие кожу, мертвенно-желтого цвета...»

Все версальские писаки постоянно острили по поводу его безобразия (он и правда был некрасив, но симпатичен) и изображали его бестолковым шутом.

Однако посмотрим!

В архиве префектуры полиции мы нашли незданную рукопись Кавалье, полную очень умных замечаний². По-видимому, его никак не причислили к поборникам культа личности: «Толпе всегда нужно создать себе кумира, чтобы впоследствии сбросить его с пьедестала», — пишет он и разумно заключает, что, если бы Гамбетта пошел вместе с Коммуной, «Республика была бы установлена и упрочена».

Даже в таком виде эту рукопись стоило бы напечатать. Кавалье рассказывает, как он прибыл на площадь Бово, где его встретил проработавший здесь двадцать семь лет привратник, проклиная сбежавших прислужников империи, «эту шайку дармоедов». Далее Кавалье описывает просителей теплых местечек:

«Ну и типы прошли чередой передо мной!

Один желает поехать на юг, чтобы подлечить свой ревматизм. В Либурне еще слишком холодно для его драгоценного здоровья, ему нужен по меньшей мере Грас или Тулон.

¹ «Le Figaro», 4 janvier 1873.

² APP, Va 1004, pièce 244: «Six mois d'antichambre — Souvenirs du cabinet de Gambetta», par un témoin, Cavalier dit «Pipe en bois», Bruxelles, janvier 1873. (98 рукописных страниц большого формата. Рукопись не закончена.)

Другому нужно отправиться в какой-то округ, где он должен следить за своими делами, вести процессы, которые ему поможет выиграть его служебное положение.

Третий настроен воинственно и готов отправиться навстречу врагу. Ему предлагают броситься в осажденный Суассон... Он снова пристает.

— Дорогой мой, мне бы префектуру? Хорошую префектуру: мне обязаны ее дать!

— Первоклассную, не так ли? Хотите Руан? Там место не занято.

— Руан? Это мне подойдет...

— Договорились.

Проситель уходит даже не поклонившись. Ему были обязаны ее дать.

А вот еще один:

— Маленькую префектуру, пожалуйста!

— Я очень сожалею, дружище!

— Ну тогда хоть супрефектуру?

— Вам не везет, я только что отдал последнюю.

— А может, комиссариат полиции? Словом, все, что хотите...

— Держите, вот все, что я могу для вас сделать...

И бедняга уносит на память о правительстве национальной обороны старую... но почти новую шляпу, которую Лорье¹ больше не носит».

*

Несмотря на бешеную конкуренцию карьеристов, нескольким истинным революционерам удается все-таки кое-где проникнуть в административный аппарат: Жюль Андриё назначен начальником административного персонала Ратуши²; Рауль Риго входит в префектуру полиции вслед за Антоненом Любо, его бывшим коллегой по газете «La Marseillaise», назначенным генеральным секретарем префектуры полиции, и посвящает всю свою деятельность разоблачению бывших агентов тайной полиции. Прудонист Пьер Дени занял должность

¹ Республиканский адвокат, близкий друг Гамбетты и генеральный директор личного стола министерства внутренних дел.

² AN, BB 24/850.

секретаря в министерстве внутренних дел. Пенди и Руа входят в муниципальную комиссию по снабжению III округа; Амуру — в комиссию по вооружению IV округа; Артур Арну становится помощником мэра IV округа; Толен — помощником мэра III округа¹.

*

4 сентября в 8 часов вечера Федеральная палата рабочих обществ и Федерация парижских секций Интернационала устраивают совместное заседание на площади Кордери. Брион и Белэ, двое из тех немногих интернационалистов, которым удалось после обеда проникнуть в Ратушу (охраняемую буржуазными батальонами национальной гвардии), сообщают о том, что они видели. Брион утверждает, что он пытался противиться узурпации народного суверенитета, которой добивались Трошю и «адвокаты», но что аудитория в Ратуше была заранее «подобрана» и его протесты были заглушены криками сторонников нового правительства². Белэ, которому удалось проскользнуть в эту «святая святых» благодаря своей медали депутата Национального собрания 1848 г., рассказывает, кому достались некоторые посты: префектура полиции — графу Кератри, а центральная мэрия Парижа Этьенну Араго, беспомощному старику. Его племянник Эмманюэль Араго, член «правительства национальной обороны», вытащил из кармана шарф³ и, бросив дяде, крикнул: «Держи, Этьенн, я назначаю тебя мэром Парижа!»

Собрание на площади Кордери выносит постановление, что все рабочие общества будут отныне заседать «непрерывно»⁴, а в провинцию будут посланы делегаты. Затем оно решает послать воззвание «к немецкому народу, к германской социал-демократии»:

¹ APP, Va 1285.

² См.: G. Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 393.

³ По свидетельству Лефрансе, шарф был красный (ibid., p. 393), а по словам Белэ, — двух цветов муниципалитета — красносиний. (Ch Veslay, Mes souvenirs, p. 303)

⁴ Это постановление было проведено в жизнь В записной книжке Клеманса за 5 сентября указано: «Федерация рабочих обществ заседает непрерывно».

«Ты сражаешься только с императором, а не с французским народом — так сказала и много раз повторяло тебе твое правительство.

Человек, который развязал эту братоубийственную войну, но не сумел умереть, и которого ты держишь теперь в руках — для нас больше не существует.

Республиканская Франция призывает тебя во имя справедливости отвести свои войска, иначе нам придется воевать до последнего человека и пролить потоки твоей и нашей крови...

Французский народ — друг и союзник всех свободных народов. Он не вмешивается в дела управления других народов и не потерпит, чтобы другие народы вмешивались в его дела.

Уходи обратно за Рейн.

Пусть с берегов этой спорной реки Германия и Франция протянут друг другу руки. Забудем военные преступления, которые деспоты заставили нас совершить друг против друга.

Провозгласим: «Свобода, Равенство и Братство народов!» Заключив союз, мы заложим фундамент Соединенных Штатов Европы.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЕМИРНАЯ РЕСПУБЛИКА!»

Среди пятнадцати борцов, подписавших это воззвание от имени рабочих обществ и Международного товарищества рабочих, мы видим Ш. Белэ, Бриона, Камелина, Ландека, Перрашона и Толена.

Затем собрание принимает решение послать делегацию к новому правительству и заявить ему, что ввиду неотложности действий организация готова сотрудничать с ним, но на следующих условиях:

Выборы муниципальных советов, которые должны немедленно приступить к формированию и вооружению батальонов национальной гвардии.

Немедленное упразднение префектуры полиции и замена ее выборной магистратурой.

Выборы судей.

Отмена всех фискальных, запретительных и репрессивных мер, направленных против свободы печати, права собраний и права союзов.

Упразднение бюджета култов.

Отмена (а не амнистия) всех приговоров по политическим делам и всяких преследований по политическим мотивам в связи с событиями, предшествовавшими 4 сентября¹.

Семь делегатов отправляются к Гамбетте, который принимает их в час ночи². Он отвечает им, что все касающееся свободы печати, права собраний и союзов уже фактически достигнуто в результате падения Наполеона III; что декрет об амнистии уже печатается и будет незамедлительно опубликован. Что касается других условий, затрагивающих всю страну, то их следует тщательно обдумать и правительство не может взять на себя ответственность за их проведение. Однако злоупотребления будут пресечены...

Вечером 5 сентября рабочие делегаты вновь заседают в зале коммунальной школы, на улице Омер, 2 (III округ), где собралось 400—500 человек: помещение на площади Кордери не могло вместить столько народу.

Собравшиеся прежде всего потребовали немедленно ареста всех бывших должностных лиц империи и ее агентов, в частности всех членов так называемых бригад тайной сыскной полиции, которых следует держать в заключении вдали от столицы.

Несколько граждан предлагают потребовать ареста маршала Канробера, сообщника убийц 2 декабря, и Лебёфа³, бездарность или измена которого привели к вторжению врага. Временное бюро предлагает провести голосование в конце собрания, что приводит к срыву предложения.

Толен говорит, что его удивляет всеобщее возбуждение:

«Не следует,—говорит он,—вновь создавать Комитет общественного спасения, который займется арестами, вместо того чтобы добиваться победы... Не следует докучать временному правительству. Надо дать ему возможность заняться делами обороны» (*Толону горячо аплодируют.*)

Другой гражданин ратует за оборону до последней крайности и предлагает эвакуировать из столицы всех

женщин и детей, что вызывает бурный и единодушный протест. Однако его поддерживают, когда он предлагает срубить деревья и снести дома на расстоянии 300 метров по обеим сторонам от городских укреплений — внутри и снаружи, и призывает собрания каждого квартала включиться в оборону и создать команды для постройки баррикад, ибо лучше сжечь весь Париж, чем позволить врагу захватить его. (*Овация.*)

Третий гражданин считает: самое лучшее, что можно сделать,—это вступить в армию. Кроме того, он предлагает организовать в каждом квартале комитеты бдительности, объединенные Центральным комитетом.

Все приветствуют зачитанное собранию обращение к немецкому народу.

Гражданин Лефрансе, ходивший в Ратушу, заверяет, что все опасения и тревожные слухи не имеют основания.

Затем Брион произносит напыщенную речь, на какие он большой мастер: надо быть энергичными и решительными, спокойными и осмотрительными. У Германии одна идея — объединение. Будем же стремиться к одному идеалу — свободе, и мы победим, и т. д. и т. п. Ему много хлопают, потому что это Брион и потому, что он умеет заражать своим красноречием, но все быстро возвращаются к обсуждению практических мер для обеспечения национальной обороны. Единогласно решают организовать в каждом квартале комитеты национальной обороны, которые отдадут себя в распоряжение правительства, чтобы спасти отечество, находящееся в опасности. Во всяком случае, такое объяснение было дано этим комитетам в отчете о заседании, напечатанном в «Le Rappel»¹. Лефрансе, который видит подлинный смысл происходящего, уточняет:

«Постановили, что 20 округам Парижа будет предложено создать в каждом по комитету бдительности, которым надлежит контролировать действия новых муниципалитетов, бесстыдно навязанных Ратушей, не обратившей, разумеется, никакого внимания на заявление, сделанное по этому поводу делегацией с площади Кордери»².

¹ См: G. Lefrançais, op. cit. p. 394—395

² См: «Le Rappel», 6 septembre 1870.

³ Военный министр, сказавший про «пуговицу на гамаше».

¹ В номере за 8 сентября 1870 г.

² G. Lefrançais, op. cit., p. 396.

Это решение было очень быстро проведено в жизнь, так как 6 или 7 сентября мэр II округа Тирар уже принял у себя делегацию окружного комитета бдительности, возглавляемую Жоаннаром, и отвел для комитета помещение в здании биржи¹.

О IV округе мы имеем сведения из записной книжки Клеманса:

«7 сентября.— На публичном собрании, состоявшемся на улице Блан-манто, в конгреганистской школе, меня избрали членом комитета IV округа. Председатель собрания — Альбер Леви, преподаватель; в президиуме — Г. Лефрансе, служащий, и Клеманс».

В III округе собрание состоялось в тот же день на улице Омер; председатель — Пенди, в президиуме — Паньер и Жоаннар, секретарь — Эмиль Руа.

Об этом заседании сохранился довольно подробный отчет².

Пенди сообщает, что цель собрания — избрать четырех делегатов в члены комитета бдительности и прикомандировать их к мэру, назначенному временным правительством.

Паньер требует отправки на фронт или увольнения бывших агентов парижской полиции. Жоаннар советует раздобыть оружие. Руа разоблачает тайные интриги бывших членов императорского правительства и призывает к бдительности. Амуру сообщает, что полицейский комиссар Бланше, которого по обещанию префектуры полиции должны были уволить в то же утро, оставлен на прежнем месте по приказу мэра Парижа, хотя в 1851 г. Бланше участвовал в арестах республиканских депутатов.

Бертомье, Саломон и Грюель предлагают, чтобы полицию формировали сами граждане в каждом квартале, и поддерживают предложение избрать делегатов.

Феррон считает нужным избрать 12 делегатов вместо четырех, так как необходимо, чтобы работа велась непрерывно.

Делегатами избраны: Феррон, Пенди, Грэ, Лефевр, Годфруа, Бертомье, Лабюрт, Саломон, Пейгар, Мари, Лемари и Грамбле.

Послание с требованием об отставке полицейского комиссара Бланше решили немедленно отправить временному правительству.

•

Из неопубликованного документа мы знаем, что в республиканский комитет I округа входил 31 человек¹, среди них Эжен Шатлен, сочувствующий Интернационалу, бланкист Констан Мартен, доктор Напиа-Пике, доктор Пийо (последний будет избран от своего округа в Коммуну), Салле, Танги и Туссен, с которыми мы еще встретимся в дальнейшем.

Вернувшийся из изгнания Бланки держится в стороне от собраний на площади Кордери и деятельности комитетов бдительности.

6 сентября, председательствуя на собрании в кафе на Центральном рынке — улица Сен-Дени, 20, — он обращается непосредственно к народу: гражданин Бланки считает, что следует призвать в армию всех годных к военной службе мужчин от 16 до 60 лет и решительно пресечь всякие попытки капитуляции. Оратор советует также создать оборонительные сооружения, помимо существующих фортов.

Гражданин Ренар предлагает конфисковать имущество всех покинувших Париж, если они не вернутся в город в течение трех дней.

Другой гражданин требует смещения всех должностных лиц, назначенных бывшим императором.

Гражданин Бланки подчеркивает, какое большое значение имело бы утверждение принципа выборности офицеров национальной гвардии.

Жюль Валлес, присутствовавший в зале, представился Бланки и впоследствии дал нам язвительный портрет старого конспиратора:

«Маленький старикашка, от горшка два вершка, потонувший в долгополом сюртуке со слишком высоким воротом, слишком длинными рукавами, слиш-

¹ Показания Тирара («Enquête parlementaire», t. I, p. 332)

² См. «Le Rappel», 9 septembre 1870 (BN, périodiques LC 2 3213).

¹ APP, dossier A 1615.

ком широкими фалдами. Подвижная голова с застывшим серым лицом; громадный нос, похожий на клюв, нелепо надломленный посередине; беззубый рот, и между голыми деснами мелькает кончик языка, розовый и шустрый, как у ребенка... Но все это венчают высокий лоб и сверкающие, как угли, глаза»¹.

На другой день в квартале Круассан (улица Абукир, 78, II округ) выходит первый номер газеты «La Patrie en danger» («Отечество в опасности»), где Бланки и его последователи,

«отбрасывая всякую личную точку зрения, предлагают временному правительству самую энергичную и полную поддержку, без всяких оговорок и условий...»²

В своей первой передовице, названной «Оборона Парижа», Бланки ратует за «наступательную оборону»: пусть декретом будет призвано под ружье все мужское население от 16 до 60 лет! Если захватчик продвинется на двадцать метров, отгоним его на сорок! Надо организовать население в батальоны солдат-землекопов, которые умеют обращаться с лопатой и киркой так же ловко, как и с ружьем! Надо без промедления лить пушки, фабриковать митральезы и ружья!

«Надо сегодня же ударить в набат!» — предложил в виде концовки этого воззвания Жюль Валлес³, с которым посоветовался Старик. Но Бланки нашел эту фразу напыщенной и закончил более просто:

«Пусть тревожные голоса пушек возвестят об опасности, нависшей над родиной. И пусть все знают, что это начало агонии или возрождения»⁴.

Этот правдивый язык, который не скрывает ни трудностей, ни необходимости жертв, не привлекает читателей. «La Patrie en danger» вскоре тихо кончает свое существование. Парижанин предпочитает легковесное красноречие Рошфора, который с 9 сентября вновь процветает в «La Marseillaise».

¹ См.: Jules Vallès, L'Insurgé, p. 171.

² Согласно объявлению о выходе газеты «La Patrie en danger», воспроизведенному в «Mirailles politiques françaises», t. I, p. 18.

³ См.: J. Vallès, op. cit., t. I, p. 172.

⁴ «La Patrie en danger», 7 septembre 1870.

Записная книжка Клеманса: «10 сентября.— Варлен, Флуранс и другие возвращаются в Париж либо из-за границы, либо из.....¹, куда они были отправлены».

12 сентября. Правительство решило послать делегацию в Тур. Почему в Тур, так близко от Парижа, в город, столь неудачно расположенный для организации сопротивления всей провинции? Деревянная Дудка объясняет нам причины этого выбора².

«Потому что не верили в продолжение войны. Потому что надеялись на визит Жюля Фавра в Ферьер³, на его слезные мольбы, потому что рассчитывали на великое кругосветное путешествие г-на Тьера⁴, и еще, скажем прямо, потому что они вовсе не собирались продолжать войну до последней крайности, а напротив, готовы были сдать. Потому что они боялись неведомо какой выдумки социалистов и видели врага прежде всего внутри страны».

Лорье говорил: «Мы там недолго повоюем — я беру с собой всего три носовых платка». Он этому верил, и все остальные верили также, как и он⁵.

Записная книжка Клеманса: «13 сентября.— Генерал Трошю делает смотр национальной гвардии. Мой ба-

¹ Вероятно, из Бове, куда агонизирующая империя, боясь восстания в Париже, отправила заключенных из тюрьмы Сент-Пелажи.

² G. Cavalier, Six mois d'antichambre.

³ Говоря о встрече Жюля Фавра с Бисмарком в Ферьере, Кавалье в примечании сообщает, что «о поездке Жюля Фавра, заранее задуманной им вместе с его коллегами, что бы он ни говорил, было уже за несколько дней известно в правительственном аппарате» Жюль Симон подтверждает («Souvenirs du 4 septembre. Le gouvernement de la Défense nationale», Michel Lévy frères, Paris, 1874, p. 74), что на заседании 9 сентября Жюль Фавр предложил отправиться в главный штаб прусского короля.

⁴ Тьер отправился в дипломатическую поездку по Европе в поисках посредничества великих держав..

⁵ «Мы думали в ту пору.. что осада Парижа продлится самое большее несколько недель», — говорит Жюль Симон. (Jules Simon, op. cit., p. 38).

тальон строится на площади Бастилии. Большой энтузиазм».

Энтузиазм, «способный, — как заметил Трошю¹, — внушить толпе весьма опасную веру — веру в победу!»

При формировании национальной гвардии Трошю очень хотелось бы ограничиться применением закона 1851 г. (вооружить лишь тех граждан, которые могут сами приобрести военную форму, то есть богачей), но, как признал впоследствии Жюль Фавр, «закон этот невозможно было применить. Все граждане хотели вооружиться»². Объявив себя «правительством национальной обороны», невозможно было отказывать в оружии тем, кто требовал его для обороны. 6 сентября Клеманс отмечает в своей записной книжке: «Повестка, призывающая меня явиться в мой батальон национальной гвардии, куда я записался 9 августа». Затем 9 сентября: «Выборы командиров моей роты».

Патриотический подъем не знает границ. Исходя из принципа «все дозволено, что не запрещено», старики из III округа призывают сформировать легион парижских ветеранов³. Некий гражданин Тома, живущий на улице Сен-Мартен, 237 (III округ), обратился ко всем лицам, имеющим разрешение на охоту, призывая их сформировать отряд «Стрелков св. Юбера»⁴: «Пусть каждый выстрел из наших карабинов выбьет одного врага!»

Собрания окружных комитетов бдительности начали выдвигать своих представителей в Центральный республиканский комитет 20 округов. 13 сентября состоялось собрание создающегося Центрального комитета. III округ уже избрал четырех делегатов: Пенди⁵, Паньера, Эмиля Руа и скульптора Антуана Демэ — все они чле-

¹ Trochu, Œuvres posthumes, t. I, p. 217.

² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871» t. II, p. 43.

³ «Murailles politiques françaises», t. I, p. 34, 439 et 675.

⁴ Ibid., p. 7 (Св. Юбер — покровитель охотников. — Прим. перев.)

⁵ Пенди, вышедший из тюрьмы 4 сентября и не имеющий средств к существованию, ночует в помещении на площади Кордери и принимает очень активное участие в создании Центрального республиканского комитета.

ны Интернационала. I округ представлен пока еще только Туссенем, II — Жоаннаром, IV округ представлен Лефрансе¹. Центральный комитет определил свою позицию в манифесте, напечатанном в виде афиш, расклеенных на стенах города², в котором он требует муниципальных выборов, выборности судов, полной свободы печати, собраний и ассоциаций, взятия на учет всех продуктов первой необходимости и их нормирования, вооружения всех граждан и отправки комиссаров во все департаменты, чтобы поднять население провинций.

Это настоящая программа национальной обороны. Но правительство, собирающееся послать Жюля Фавра для тайного сговора с Бисмарком, вежливо выпроваживает делегацию, пришедшую с этим манифестом. Комитет сообщает населению о приеме, оказанном делегации, в открытом письме, оригинал которого нам удалось найти³.

«Делегаты Центрального республиканского комитета членам правительства национальной обороны.

Граждане,

Члены Центрального комитета вместе с делегатами народных собраний сегодня, 16 сентября, явились в Ратушу для неотложного сообщения, но им не дали возможности поговорить с членами правительства, которые отправились на городские укрепления; принимая во внимание, что они перегружены всевозможными делами, делегаты просят, чтобы правительство указало час, когда оно может их принять. Ибо они несут ответственность за представление прави-

¹ В течение следующих шести месяцев число представителей комитетов бдительности в Центральном комитете не раз меняется. Исходя из того, что некоторые округа назначили в Центральный комитет постоянных представителей и их заместителей, мы можем составить следующий список делегатов от первых четырех округов Парижа I округ — Эжен Шатлен, Гранжан, Констан Мартен, д-р Наппа-Пике, д-р Пийо, Салле, II — Жак Дюран, Жюль Жоаннар, Эжен Потье, Шарль Роша, Огюст Серрайе; III — Антуан Арно, Антуан Демэ, Анри Гулле, Мари, Мелен, Увре, Г Паньер, Пенди, Эмиль Руа; IV округ — Адольф Клеманс, Эжен Жерарден, Гюстав Лефрансе

² Первая красная афиша (на самом деле скорее темно-малиновая), которая имеется в нашей частной коллекции.

³ APP, Ва 1615.

тельству и осуществление необходимых мер по охране порядка и сбороне, которые их избиратели считают наилучшими.

Привет и братство.

От имени Центрального комитета председатель собрания, состоявшегося 16 сентября 1870 г.

К. Л. Шассен

Секретарь: Э. Руа»

17 сентября делегация приходит вновь. Ее принимает Жюль Ферри.

«Что касается посылки делегатов в департаменты, чтобы создать всенародное ополчение, то гражданин Ферри уверял, будто для этого достаточно префектов; к тому же правительство не считает себя вправе наделять полномочиями, подобными тем, какие давал своим представителям в миссии Конвент; с другой стороны, получив множество списков, правительство не знает, какой ему сделать выбор; и наконец, все дело в Париже, и, если он продержится три недели, все будет спасено. На это мы возразили:

Мы не согласны с вашим мнением; прошло две недели с тех пор, как было высказано предложение послать делегатов¹ в провинции, однако до сих пор большинство департаментов остается под властью предателей, подлых чиновников свергнутого режима: если Париж не будет вовремя освобожден народной армией, которую должны поднять парижские делегаты, мы возлагаем всю ответственность за последствия на правительство.

Что касается средств пропитания, гражданин Ферри заверил нас, что правительство самым широким образом применяет декрет о выплате 1,5 франка жалованья каждому национальному гвардейцу и что «дешевые кухни» уже организованы»².

¹ Точнее тринадцать дней, ибо, насколько нам известно, первое упоминание об отправке делегатов в провинцию было сделано на собрании, состоявшемся ночью с 4 на 5 сентября на Кордери

² В четырех первых округах существовало семь «дешевых кухонь», которые давали нуждающемуся населению за одно су на выбор: пол-литра бульона, 60 граммов мяса, 0,45 литра овощного или рисового супа, 125 граммов хлеба. («*Murailles politiques françaises*», t. I, p. 59)

Но правительство боятся разумные замечания и предложения делегатов, и Жюль Ферри находит способ прервать переговоры:

«Ферри торопился на заседание какой-то комиссии и не мог выслушать другие вопросы, которые мы собирались ему задать»¹.

Записная книжка Клеманса: «18 сентября.— Уплата членских взносов в моем обществе взаимопомощи. Очень мало поступлений... На заседание совета пришло всего три человека, и оно не состоялось. Первый день осады».

Прусские войска закончили окружение столицы. До этого времени окружные комитеты бдительности и Центральный комитет поддерживали «правительство национальной обороны»; их предложения лишь изредка принимали угрожающую форму. Только свидание в Ферье приводит к разрыву.

О том, какова была встреча Жюля Фавра с прусским канцлером, говорилось очень много². Жюль Фавр, который в своем циркуляре французским дипломатическим представителям от 6 сентября утверждал, что французское правительство не уступит врагу «ни камня наших крепостей, ни пяди нашей земли», 18 сентября тайно переходит через линию фронта, чтобы вымолить у Бисмарка мир, в то время когда на плато у Шатийона еще только завязываются первые бои.

Бисмарк вовсе не горит желанием ни вести осаду Парижа³, ни продолжать войну, которая обещает быть долгой и разорительной⁴.

¹ Отчет, напечатанный в газете «*Le Rappel*» 19 сентября.

² См.: в частности: Henri Guillemin, *Ferrières en Tainois* («*Les temps modernes*», mai — octobre 1956) и «*Cette curieuse guerre de 1870*», NRF.

³ См. показания Жюля Фавра перед парламентской следственной комиссией (t. II, p. 42).

⁴ Крах императорской армии вовсе не повлек за собой спада народного патриотизма. Вот почему свидание, состоявшееся в От-

«Я только и хочу мира», — нагло уверяет он, но, чтоб его упрочить, ему нужен «ключ от дома» — Страсбург который уже осажден и чье падение неминуемо. Отсечение куска национальной территории не страшит Жюль Фавра, но он предпочитает, чтобы ответственность по возможности взвалил на себя кто-нибудь другой, а не он: «Дайте нам созвать Национальное собрание. С ним вы будете вести переговоры», и для выборов этого собрания он просит перемирия. Но Бисмарк артачится, прежде всего ему нужно, чтобы были приняты его условия мира. К тому же этому правительству нечего ломаться: оно пришло к власти благодаря бунту, тот же бунт может его и сбросить. Пруссия сама решит, с кем ей вести переговоры¹: «Если бы нам было выгодно сохранить династию Наполеона, мы бы ее восстановили, то же и с династией Орлеанов, то же и с господином де Шамбором...» В конце концов прусский король согласился заключить двухнедельное перемирие для выборов Национального собрания (это не относится к уже аннексированным Эльзасу и Лотарингии), но с условием, что укрепления в Вогезах будут оставлены, а сдача оккупантам Мон-Валерьяна будет залогом доброй воли французского правительства. Жюль Фавр обя-

Мезоне (департамент Сена и Марна), было на другой день перенесено Бисмарком в Ферьер, окруженный лесами. От Мезон не казалось достаточно безопасным канцлеру, который заявил Жюлю Фавру «Это место как будто нарочно выбрано для вылазок ваших франтиреров, они так и кишат в его окрестностях» (См. Jules Simon, *Le Gouvernement de la Défense nationale*, p. 86)

Мы видим, что патриоты захваченных провинций начали действовать, не дожидаясь призыва, брошенного 17 сентября Виктором Гюго «Пусть поднимутся все коммуны! Пусть запылают все деревни! Пусть все леса наполнятся громом голосов! Беги в набат! Пусть каждый дом даст по солдату! Вперед, вольные стрелки! пробирайтесь сквозь чащи, преодолевайте потоки, прячьтесь в тени, двигайтесь под покровом ночи, ползите по оврагам, скользите, карабкайтесь, целтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков» (*Victor Hugo, Actes et paroles, Michel Lévy frères, Paris, 1872, p. 12—17*. См. русское издание В. Гюго, Собр. соч., т. 15, М., 1956, стр. 499—501)

¹ Бисмарк был в курсе предложения о переговорах, сделанного сидевшим в осажденном Меце Базином, и заставлял дожидаться приема авантюриста Ренье, который выдавал себя за специального посланца императрицы-регентши (См. M. Choisy, *Les Origines de la Commune Paris livr. p. 78—83*. М. Шури, Париж был предан Истоки Парижской Коммуны, М., 1961, стр. 87—88)

зуется вернуться 21 сентября с ответом клики Трошо на эти унижительные предложения

Славный парижский народ и не подозревает обо всех этих тайных махинациях. Когда Жюль Фавр проезжает через Шарантонские ворота, национальные гвардейцы, без сомнения считая, что он возвращается после осмотра передовых линий, берут на караул перед этим странным министром иностранных дел¹. Жюль Фавр с полным основанием полагает, что дело сделано. Но увы! Из-за алчности продажного банкира этот заговор капитулянтов проваливается. Министр финансов Жюль Пикар был в курсе попытки Жюля Фавра, которая, как мы видели выше, обсуждалась на заседании Совета министров 9 сентября. Жюль Пикар сообщает об этом своему брату, закоренелому биржевому дельцу Артуру Пикару, который протаскивает в газету «L'Electeur libre» от 21 сентября статью под заглавием «Перемирие», где описывает демарш Жюля Фавра и утверждает, что «будет заключено перемирие, а за ним вскоре последует мир». Буржуазия, настроенная капитулянтски, встречает это известие весьма благожелательно, на бирже ренга подскакивает на 60 сантимов, а братья Пикар кладут в карманы кругленькую сумму, сыграв на разнице курсов.

Но теперь Париж узнал о грязном сговоре, готовящемся за его спиной. 20 сентября в зале Альказар, предместье Пуассоньер, собирается общее собрание комитетов бдительности под председательством Лефрансе и Жоаннара. До них дошел тайный циркуляр Жюля Фавра, датированный 19 сентября, который их сразу насторожил. Руа, делегат I округа, заявляет, что узнал от мэра Тенай-Салиньи, который присутствовал на ночном заседании всех мэров Парижа, что временное правительство не будет вести переговоры, «пока пруссаки не входят на нашей территории». Другой гражданин предлагает объединиться с четырьмя десятками начальников батальонов национальной гвардии, готовых сражаться до последней крайности. Валлес призывает немедленно организовать отряды строителей баррикад.

Констан Мартен (I округ) предлагает, чтобы *вооруженный* народ потребовал от правительства выполнения резолюций окружных комитетов, объединившихся в Центральный комитет. Была одобрена следующая резолюция:

«I. Республика не может вести переговоры с врагом, оккупировавшим ее территорию.

II. Париж готов скорее погибнуть под развалинами, чем сдать ее.

III. Немедленно издать декрет о проведении всенародного ополчения в Париже и во всех департаментах и о повсеместной реквизиции всего, что может быть использовано для обороны страны и для снабжения продовольствием ее защитников.

IV. Немедленно передать в руки Парижской Коммуны муниципальную полицию и, следовательно, упразднить префектуру полиции.

V. Как можно скорее избрать членов Парижской Коммуны из расчета один муниципальный советник от 10 тыс. жителей»¹.

Делегация из 20 человек должна была отнести на другой день это постановление в Ратушу. Но 21 сентября статья, помещенная в газете «L'Electeur libre», взбудоражила население. Делегация приходит на Гревскую площадь одновременно с сотней офицеров национальной гвардии, явившихся протестовать против позиции правительства. Толпа кричит: «Да здравствует республика! Долой Бисмарка!» По Большим бульварам движется бурный поток демонстрантов, неся плакаты с призывом: «К оружию!»

На этот раз Жюль Ферри не может уклониться от переговоров. Говоря от себя и от имени правительства, он клянется честью перед делегацией Центрального республиканского комитета, что ни при каких обстоятельствах не будут вестись переговоры с Пруссией. Что касается префектуры полиции, то, когда будет избран парижский муниципалитет, он поступит так, как сочтет нужным. Выборы парижской коммуны Ферри не считает возможным провести раньше 28 сентября. Что же до числа ее членов, то его можно увеличить, сохранив, однако, равное количество от каждого округа, независимо от численности его населения. Делегаты считают, что в этом последнем пункте они могут и уступить, «особенно

¹ «Municipalités politiques françaises», t. II, p. 617. Избранное по тому же принципу муниципальное собрание насчитывало 180 человек. Коммуна 1792 г. насчитывала 240, в то время как население столицы едва достигало тогда половины ее населения в 1870 г.

получив такие ясные и твердые заверения, что правительство собирается продолжать войну до последней крайности»¹.

22 сентября Центральный комитет национальной обороны 20 округов Парижа печатает свой предвыборный манифест, исходя из своих прежних резолюций: муниципализация полиции, справедливое нормирование продуктов питания, всенародное ополчение, повсеместная реквизиция всего, что может быть использовано для борьбы с захватчиками, и, наконец, самое главное: «Суверенная Коммуна, которая революционными методами разгромит врага, а затем облегчит гармоническое сочетание различных интересов, и прямое управление, осуществляемое самими гражданами»².

О бурной активности окружных комитетов бдительности и их предвыборных заботах в конце сентября свидетельствует следующий напечатанный, но забытый документ, найденный нами в Национальной библиотеке:

«Отчет республиканского комитета, избранного III округом, жителям III округа.»

На другой день после провозглашения парижским народом Республики Международное Товарищество Рабочих, Федеральная палата рабочих обществ и ревностные граждане во всех округах взяли на себя инициативу созвать народные собрания, чтобы сформировать комитеты бдительности и обороны, которым были даны права добиваться в своих округах как самим, так и с помощью постоянного нажима на соответствующие власти принятия срочных мер, способных обеспечить оборону Парижа и справедливое распределение продовольствия и средств к существованию, подготовить создание Парижской Коммуны путем выборов муниципального совета и, наконец, укрепить и поддержать нерушимую демократическую и социальную Республику.

В III округе на народных собраниях, состоявшихся в различных кварталах в течение нескольких ве-

¹ «Le Rappel», 22 septembre 1870.

² «Le Rappel», 24 septembre 1870.

черов, были названы имена людей, вошедших в этот комитет; всё это люди достойные, живущие плодами физического или умственного труда»¹.

Комитет III округа назначил своими делегатами в Центральный комитет в качестве постоянных его членов: Бернара, Феррона, Пенди, Эмиля Руа, а в качестве заместителей: Антуана Арно, Мари, Мелена и Увре.

В документе приводится перечень предложенных Центральному комитету мероприятий, которые были переданы правительству и «часть из них была им принята».

Меры общего значения.

Упразднение префектуры полиции, отправка в действующую армию бывших полицейских и парижских жандармов

Смещение бывших бонапартистских чиновников.

Применение к судам всех инстанций принципа ответственности и ответственности перед избирателями.

Прекращение всех судебных преследований по гражданским и коммерческим делам на все время войны и на три месяца после заключения мира.

Отмена всех ограничительных, репрессивных и фискальных законов против свободы слова, печати, собраний и ассоциаций.

Отмена ввозных пошлин.

Усыновление нацией всех сирот.

Исключительно светское образование; отделение церкви от государства, призыв в армию всех семинаристов и членов конгрегаций, подлежащих призыву в армию согласно закону.

Выборы Парижской Коммуны, увеличение числа ее членов до 160 человек.

Меры, касающиеся национальной обороны.

Выборы солдатами мобильной гвардии своих начальников и офицеров.

Всенародное ополчение; отправка в провинцию комиссаров Республики, чтобы поднять революционный дух населения.

¹ BN, BB Lb 57 707.

Переделка на пушки всех колоколов, колонн и памятников, напоминающих о монархии.

Протест против отказа принять помощь Гарибальди и поляков.

Призыв к всеобщей революции в Европе и к республиканцам всех стран.

Меры, касающиеся обеспечения продовольствием и внутренней безопасности.

Экспроприация ради общественной пользы всех продуктов питания, распределение их на основе полного равенства, введение совершенно бесплатных рационов. Возвращение всех предметов первой необходимости, заложенных в ломбарде (постельные принадлежности, личные пожитки, одежда).

Документ подчеркивает, что комитет действовал всегда в добром согласии с гражданином мэром и его помощниками. Пенди и Руа входят в состав муниципальной продовольственной комиссии, которая принимает меры к учету и распределению продуктов.

В нем сообщается, что граждане III округа полагают выставить кандидатами в члены муниципального совета Антуана Арно, Муссерона, Пенди и Эмиля Руа и что комитет организовал лазарет, совершенно независимый от муниципальных и церковных властей, находящийся на улице Тюрбиго, 78.

Документ заканчивается энергичным утверждением республиканского символа веры:

«Уверенные в вашем сотрудничестве во имя будущего, мы будем трудиться энергично, полные веры, для укрепления Французской Республики и установления Республики всемирной.

Да здравствует Республика!»

*

С 5 сентября правительство было занято подготовкой избирательного закона¹, и 8 сентября Гамбетта внес свои предложения. Но можно ли проводить выборы под

¹ Jules Simon, Le Gouvernement de la Défense nationale, p 38

онем неприятеля, когда он занимает большую часть территории страны, когда назначенные империей мэры все еще остаются на своих постах?

По этому вопросу мнения в правительстве разделились, но оно вновь обрело единство, решив отсрочить выборы до 16 октября.

Спустя восемь дней — 16 сентября — правительство назначает муниципальные выборы на 25 сентября и выборы в Национальное собрание на 2 октября. Но разве неприятель прекратил огонь? Разве он покинул занятую территорию? А посаженные империей мэры смещены? Нет, но встреча в Ферьере была назначена, правительство решило добиться мира любой ценой и готово было просить у Пруссии согласия на проведение выборов и на создание Национального собрания, которое будет послушно ее диктату.

23 сентября — новая смена курса, все выборы откладываются. Дело в том, что переговоры в Ферьере, о которых стало известно широкой публике, зашли в тупик. Капитуляция становится невозможной. В таком случае зачем утруждать себя выборами, если невозможно утвердить условия мира? Зачем взваливать на себя муниципальные выборы в Париже?

25 сентября правительство объявляет свое решение отложить выборы. В тот же день Центральный республиканский комитет собирается и, «считая... что мотивы, которые послужили причиной отсрочки выборов в Учредительное собрание, не распространяются на парижские муниципальные выборы», предлагает населению провести их самому и как можно скорей. Лефрансе, который играет первую роль при обсуждении важных политических вопросов, предлагает, чтобы комиссия из семи членов комитета вошла в контакт с двумя десятками командиров батальонов национальной гвардии, объединившихся под руководством Бланки, информировала их о решениях Центрального комитета и выработала с ними единую позицию в вопросе о выборах. В делегацию входят Лефрансе и Шатлен. Перед командирами батальонов Лефрансе проявляет большую настойчивость:

«Говорят, будто начальникам батальонов незачем заниматься политикой, что их дело — национальная оборона. Неверно! Политика оказывает на нацио-

нальную оборону слишком сильное влияние, чтобы их можно было отделить одну от другой».

И снова Лефрансе в тот же вечер представляет Центральному комитету отчет делегации: начальники батальонов, считая, что их слишком мало, чтобы принимать решения, и желая в последний раз потребовать от правительства выполнения декрета о созыве избирателей, предлагают организовать еще одно собрание. Это собрание происходит на следующий день. На этот раз присутствует 140 начальников батальонов. Еще не создана демократическая структура будущей Федерации национальной гвардии, но батальоны уже организуют между собой связь, хотя еще и нерегулярную, но тем не менее знаменательную. Начальники батальонов решают в полном составе отправиться в Ратушу и потребовать немедленного созыва парижских избирателей¹. Три члена правительства пичкают их речами, заверениями в добрых намерениях, туманными обещаниями².

Центральный комитет и начальники батальонов колеблются, не решаясь прибегнуть к силе. Правительство пользуется этим, чтобы перейти в контратаку. Оно совершает диверсию в иезуитском духе, распусшив слух, будто некоторые члены Центрального комитета получали вознаграждение из секретных фондов империи. Проходит добрых две недели, пока комиссия по расследованию опровергает эту клевету, но на них все же брошена какая-то тень. Присоединение якобинских республиканцев к Центральному комитету, на которое все надеялись, ввиду присутствия Локруа в президиуме собрания 24 сентября на площади Кордери, затягивается. Отныне крупные газеты встречают коммюнике Центрального комитета уже не с такой готовностью, и ложного подозрения достаточно, чтобы политикан Ледрю-Роллен, поддержанный газетой Делеклюза «Le Réveil», решился выступить 27 сентября в верном комитете III округе и потребовать создания Коммуны 1792 г.

¹ См «Le Réveil», 29 septembre 1870

² Некоторые историки упрекают «красных» в том, что они дважды — 31 октября 1870 г и 22 января 1871 г — пытались навязать свою волю с помощью бунта. Но перед тем сколько мирных делегаций было болше или мене вежливо выставлено за дверь!

перед 1500 национальными гвардейцами, собранными ротой гвардейцев из 88-го батальона на улице Омер¹.

Призыв к народу самому провести выборы мог быть эффективным лишь при согласии правительства и действующих муниципалитетов, в руках которых были и избирательные списки, и урны, и помещения для голосования. Без насильственного свержения правительства никакие выборы не возможны. Поэтому революционная часть населения все больше сближается с теми, кто обладает силой: с выборными начальниками батальонов, среди которых есть очень популярные имена: Бланки, Жюль Валлес, Варлен, Ранвье, Мильер, Флуранс.

*

Записная книжка Клеманса:

«1 октября, на рынке².

кочан цветной капусты	1,50 франка
пучок репы	1,50 »
корешок сельдерея	35 сантимов...

Подписание петиции, требующей, чтобы военные расходы возложили на тех, кто покинул Париж без уважительных причин. Мой вчерашний протест был направлен мэру Греппо, я указывал в нем, каким достойным порицания образом распределяли от имени мэрии IV округа работу среди гражданок швей».

*

2 октября. Пенди удалось собрать всего 800 избирателей (на улице Омер) под эгидой комитета бдительности III округа, чтобы выразить «непреклонную решимость» приступить к выборам в самое ближайшее время.

Во II округе на собрании Клуба Кур-де-Миракль (пассаж Кэр) Везинье воспользовался случаем, чтобы обрушиться с язвительными нападками, в чем он был ве-

¹ Этот самый батальон будет одним из инициаторов собрания батальонных делегатов 6 февраля 1871 г., которое предшествовало созданию Федерации национальной гвардии

² Национальный гвардеец получал 30 су в день,

ликий мастер, на своего коллегу Серрайе из Интернационала, утверждая, будто тот был осужден в Лондоне за кражу. В ответ Серрайе не ограничивается опровержением клеветы, но изобличает Везинье в том, что его осудили в Бельгии за издание непристойных книг¹. Новый оратор прерывает это сведение счетов и предлагает радикальное средство, дабы покончить с пруссаками: отравить Сену!.. Раздаются крики протеста и председательствующий считает не лишним заметить, что это быстрое действующее средство окажется не менее радикальным и для осажденных.

*

Записная книжка Клеманса:

«5 октября.—Манифестация батальонов из Лавиллет и Бельвиля под руководством Флуранса. Требуют вылазок, наступления на неприятеля».

Опираясь на свои пять батальонов, Флуранс требует у правительства выдачи 10 тыс. «шаспо», лежащих без дела на государственных складах, всенародного ополчения, немедленного выступления против пруссаков (не мелкими отрядами, а крупными соединениями, достаточно сильными, чтобы одержать победу), муниципальных выборов, реквизиции и нормированной выдачи продуктов. Трошю изворачивается, упрекая Флуранса и его офицеров в том, что они покинули укрепления, «которые в эту минуту, быть может, атакуют пруссаки». Задетый за живое Флуранс подает в отставку

«Адвокат Гамбетта играет на пафосе. Водевиллист Араго разыгрывает драму. Но на самом деле, прознося, как истые комедианты, напыщенные речи, они лишь пытаются сыграть честных людей и ничего не хотят менять в своей системе предательства Парижа... В то время Париж еще верил Трошю. Он слыл честным человеком, столь успешным бывает при творство»².

¹ См G de Molinari, Les Clubs rouges pendant le siège de Paris, Garnier frères, 1871, p. 47

² Gustave Flourens, Paris livré, Librairie internationale, 1871, p 108—109

Записная книжка Клеманса:

«8 октября. — Манифестация и контр-манифестации перед Ратушей по поводу Коммуны. Политическая ситуация все более омрачается».

Центральный комитет через газету, выходившую под руководством его членов: Лефрансе, Шатлена, Жоанна-ра и Руа, призывает провести «крупную манифестацию»¹. Но толпа не откликается на этот призыв. Жюль Ферри отказывается вести переговоры с делегатами и передает им отказ правительства созвать избирательный корпус. На площади все же раздаются крики: «Да здравствует Коммуна!», но без прежнего энтузиазма Ратуша наполнена машинами. Батальон национальных гвардейцев-буржуа выстроился вдоль решетки. Префект полиции счел возможным безнаказанно арестовать Эжена Шатлена, одного из руководителей Центрального комитета.

Центральный комитет снижает свою активность. Но клубы переживают новый прилив сил. Правительство принимает меры, чтобы раздавить новое «крамольное» движение.

Записная книжка Клеманса:

«Понедельник 10-го. — Утром строевых учений не было из-за дождя. Два часа стоял в очереди к мяснику Юто, чтобы получить два фунта мяса на бульон². Это мясо отнесено к третьей категории и стоит 65 сантимов за полкило.

В половине седьмого моя рота отправляется для охраны Ратуши, так как ожидается манифестация отрядов национальной гвардии из Бельвиля, требующих Коммуны. Нас побеспокоили напрасно.

¹ «Le Combat», 9 octobre.

² С 21 октября в I округе мясо станут распределять по 60 грамм в день на взрослого человека и по 30 — на ребенка. («Municipales politiques françaises», t. I, p. 248)

11 октября. — Утром строевые учения; не успели закончить, как получили приказ немедленно отправляться со всем батальоном на площадь Ратуши и стоять в охране. Опасались манифестации Флуранса в пользу Коммуны».

Если Центральный комитет, который оказался не в силах добиться выборов, теряет часть своих членов, объединяя лишь тех, кто принадлежит к Интернационалу, то окружные комитеты бдительности отнюдь не становятся менее активными. Комитет III округа, собравшийся 13 октября на улице Омер, требует у правительства реквизиции зданий, могущих служить для национальной обороны; после заключения мира эти здания можно передать рабочим ассоциациям, которые используют их для своих нужд и постепенно возместят стоимость народу, выплачивая ежегодные взносы за счет приносимого ими дохода. Комитет I округа собирается 17 октября на улице Сурдьер. Неизданный документ¹ знакомит нас с подробностями этого собрания:

«Повестка дня: продовольственный вопрос, национальная оборона, организация комитета. Гражданин Жарнигон предлагает отправить в мэрию делегацию, чтобы добиться организации питания детей в школах. Он требует всеобщего, бесплатного, обязательного и чисто светского обучения. Собрание решает, что этот вопрос будет включен в повестку дня публичных собраний. Салле отмечает, что народные собрания как будто охладели к вопросу о Коммуне. Следует бороться с этой опасностью и, обсуждая настоящие практические реформы, в заключение всегда настаивать на необходимости учреждения Коммуны. Гражданин Наппа² говорит, что Центральный комитет должен оказывать прямое влияние на всю Францию. Он предлагает организовать комитеты в департаментах. Побудить граждан из департаментов, находящихся сейчас в Париже, созвать публичные собрания и на этих собраниях организовать ко-

¹ APP, Ва 1615.

² Доктор Наппа-Пике.

митеты. Эти комитеты пошлют своих делегатов в Центральный комитет. На собрании присутствовали Наппа, Жарнигон, Салле, Рошетт, Монест, Бурн, Бране, Жассен и Мартен. Шатлен находится на крепостных укреплениях»¹.

18 и 19 октября Центральный комитет, собравшийся под председательством Пенди (III округ) и Шатлена (I округ), принимает новый устав и подчеркивает в первой его статье, что «ставит своей целью централизацию демократических, социалистических сил двадцати округов Парижа». Кажется, будто, потерпев поражение в своей политике широкого объединения внутри комитетов бдительности, интернационалисты замыкаются в себе.

Во второй половине октября созывается большая часть секций Интернационала. Начинается с собрания Кружка социальных знаний 24 октября на площади Кордери². Если трудно оживить общество взаимопомощи переплетчиков (что видно из записной книжки Клеманса), то, напротив, Леону Жакобу (ставшему во время Коммуны генеральным секретарем мэрии III округа) удастся вновь объединить бронзовщиков в Батаклане, на бульваре Прэнс-Эжен (ныне бульвар Вольтера).

Со своей стороны Эмиль Ландрен, Авриаль и Делаэ созывают общее собрание всех рабочих — механиков и металлистов Парижа, которое постановляет просить правительство о реквизиции всех мастерских и сырья, необходимых для производства ударного скорострельного оружия³.

Для газеты «Le Figaro» самые серьезные противники не Центральный комитет, теряющий свои силы, и не секции Интернационала, занятые своей реорганизацией, а бланкисты и другие революционные элементы, которые занимают командные посты или пользуются влиянием в

¹ Выпущенный полицией 11 октября, он посылает 18-ю жалобу прокурору республики на префекта полиции за незаконное лишение свободы.

² «Le Réveil», 23 octobre 1870

³ «Le Rappel», 9 novembre 1870

национальной гвардии. Об этом свидетельствуют сатирические стишки, напечатанные в газете 24 октября:

Моттю, Саппа, Бланки, Флуранс

Больны делириум треманс¹.

Бланки, Флуранс, Моттю, Саппа —

Петрушки старика Пиа¹

*

Записная книжка Клеманса:

«25 октября. — Я занят раздачей курток. Вечером в зале Бурдон излагаю свой план, который принимается единогласно.

28 октября. — Совет комитета в половине одиннадцатого. Выборы Эгасс провозглашен капитаном вместо Шаво. 78 голосов против 60».

*

Пораженчество правительства резко контрастирует с патриотизмом народа. Все горят желанием сражаться с захватчиком; примером тому служит любопытная петиция тридцати трех солдат, находящихся под судом военного трибунала за уклонение от военной службы или оскорбление императорского правительства: они просят «выдать им оружие, чтобы участвовать в обороне страны»². На улице Претр-Сен-Жермен-л'Оксерруа (I округ) люди записываются в отряд вольных стрелков Прессы, чтобы сражаться «за Францию, кричащую от боли»³.

На улицах Тюрени, Риволи, Рамбюто дамы из Общества помощи жертвам войны принимают пожертвования для своих подопечных⁴. На улице Тюрбиго, 36, открыт вербовочный пункт для формирования батальона Амазонок Сены, создаваемого для «защиты городских укреплений и баррикад, совместно с резервными (гарнизонными) частями национальной гвардии, и оказания сражающимся всевозможных бытовых и братских ус-

¹ Delirium tremens (лат.) — белая горячка. — Прим ред.

² 18 сентября 1870 г АРР, Ва 1615

³ «Mursilles politiques françaises», t I, p 217

⁴ Ibid, t I, p 247.

луг, совместимых с правилами морали и воинской дисциплиной», а также для оказания на укреплениях первой помощи раненым¹.

В Итальянском театре на улице Монсиньи, в Лирическом театре (Сары Бернар), в театре Порт Сен-Мартен, в фойе «Комеди Франсез» устроены лазареты². Мадлен Броган, Мари Фавар, Рикье, Жуассен печатают в газетах воззвание к публике: «Мы обращаемся к вам с полным доверием, ибо просим во имя тех, кто был сражен, защищая родную землю». Селимена, донна Соль и Агнесса усиленно откармливают своих раненых: три трапезы в день с фруктами и даже сыр — предел изысканности в те голодные времена! Пули, извлеченные из ран, бережно сохраняются, а дыры, пробитые осколками прусских снарядов в солдатских куртках, не заштопываются. 25 октября Французский театр дает спектакль-гала в пользу жертв войны. Накануне в его лазарете умерло трое раненых, и актеры играют «Мизантропа» со стесненным сердцем, скрывая свое горе. Коклен-старший декламирует «Кирасиры Рейсхофена» Эмиля Бержерэ. Господин Легуве потчует собравшихся «докладом» о «Духовной пище во время осады». Госпожа Фавар заставляет аудиторию прослушать поэму «Раненым» Манюэля, а мадмуазель Агар заканчивает вечер взволнованным исполнением «Марсельезы».

Открывать лазареты хотят не только мэрии³, их создают и группы частных лиц. Амуру, секретарь комиссии по вооружению IV округа, опасается, что в некоторых особняках богатых кварталов, вывесивших флаги с красным крестом, укрываются молодые хлыщи, воспользовавшиеся этим предлогом, чтобы увильнуть от службы в национальной гвардии, и в письме, опубликованном в «Le Combat» (30 октября), требует, чтобы каждая рота выделила из своего состава пять санитаров для ухода за ранеными⁴.

¹ Ibid., t I, p. 167.

² «Municipalités françaises», t. I, p. 309 «Petite presse», 12 novembre 1870.

³ 18 сентября Бонвале, мэр III округа, выпускает призыв о создании окружного лазарета. («Municipalités françaises», t. I, p. 45)

⁴ APP, Va 931, pièce 36, Амуру живет на улице Тюренн, 49, и принадлежит к масонской ложе «Друзья терпимости» (pièce 37)

С первых дней своего основания Центральный республиканский комитет, желая оказывать практическое содействие национальной обороне, направил семерых своих членов — в том числе Кюзере¹ и Демэ — следить за выполнением технических и стратегических мер, необходимых для национальной обороны. Эти делегаты взяли себе в помощь компетентных людей из Гражданского комитета обороны, помещавшегося на бульваре Сен-Мартен, 17: Эжена Кюльмана и гражданского инженера Буассо. В архиве префектуры полиции (Va 1615) среди многочисленных папок мы откопали одну, под названием «Центральный комитет обороны», в которой находилось много неизданных материалов.

Так, 28 сентября гражданин Э. Эвию, проживающий на улице Лувуа, 8, посылает инициативному комитету II округа чертеж «нового образца аэростата, которому приданы очень простые аппараты», имеющие целью «дать воздухоплатателю возможность двигаться в воздушном пространстве с такой же уверенностью и легкостью, с какой в наше время водят морские корабли».

Это не что иное, как предок нашего «дирижабля», и изобретатель его заключает: «Только в случае полного штиля или сильного встречного ветра аэростат не сможет двигаться вперед»².

Гражданин А. Пио, член республиканского комитета I округа, проживающий на улице Пти-шан, 39 (II округ), послал заявление «гражданам членам Центрального комитета бдительности, площадь Кордери, 6», еще до того как столица была окружена неприятелем, где предлагал превратить башню Монлери в укрепленный наблюдательный пункт. Предложения гражданина Пио сыплются дождем: конфискация движимого и недвижимого имущества богачей, покинувших Париж, кремация

Он входит в число членов — основателей «Ассоциации защитников республики» IV округа, но не участвует в деятельности комитета бдительности (pièce 35).

¹ В ту пору он живет в гостинице «Эльдер» на улице Эльдер (I округ).

² Об интересных проектах аппаратов для передвижения в воздухе см. также: «Municipalités françaises», t. I, p. 446, 507, 687.

трупов, отправка на передовую линию парижских полицейских и, наконец, вооружение провинции.

Гражданин Флешель (улица Рошешуар, 8) делится с комитетом своим планом двухпалубного «корабля на колесах», с 14 митральезами на верхней и 10 на нижней палубе; его могут обслуживать 20 артиллеристов, один коचेгар и один механик.

«Перед каждым воротами в Париж должен стоять один такой корабль на колесах... и, когда вражеская армия приготовится открыть стрельбу по городу, корабли следует одновременно бросить в ее центр. Армия осаждающих будет разбита меньше чем за час, а мы на бронированных кораблях не потеряем ни одного человека».

Гражданин Колонж (улица Тампль, 110, III округ) предлагает:

«передвижные батареи и редуты, защищенные от всевозможных метательных снарядов, в том числе и от бомб; одно верное средство защиты для батарей и редутов, чтобы они не попали в руки врага; кроме того, недорогой и быстро изготавливаемый нагрудник, предохраняющий грудь от пуль».

•

Частные лица и общественные организации соперничают в инициативе и изобретательности. Муниципалитет I округа открывает мастерские по ремонту оружия в Лувре, на площади Карусель¹. Оружейный мастер Девим продает штыки, которые подходят к охотничьим ружьям². За одно су можно купить сигнальный свисток — повесив его на шею, раненый дает сигнал, и это помогает найти его на поле боя³.

В начале октября проводится большой патриотический сбор средств на производство пушек⁴. За 5 тыс. франков можно отлить современное орудие, заряжаемое с казенной части. Созываются публичные собрания с одним вопросом в повестке дня: подписка на произ-

водство пушек, 23 октября на фондовой бирже¹, 29 октября в I округе²; гражданин Блан-Дюкенуа жертвует на покупку пушек репродукции картины «Иисус на горе раздает хлеб народу»³. Муниципалитет III округа гордится, что собрал по подписке сумму, которая оплатит стоимость полубатарей⁴.

Всеобщее увлечение пушками, как видно, было необыкновенно сильно, если даже Виктор Гюго, отнюдь не пользующийся славой расточителя, пожертвовал на пушки 500 франков — прибыль от продажи первых 5 тыс. экземпляров парижского издания «Возмездий»⁵. Знаменитый поэт по просьбе Общества литераторов даже отказывается от полагающихся ему отчислений за публичные чтения «Возмездий» в театре Порг Сен-Мартен и в национальном оперном театре, составивших 13 347 франков 90 сантимов. Из них 10 600 франков он отдает в государственную казну на литье двух пушек, остаток идет на помощь литературным работникам — жертвам войны.

•

Записная книжка Клеманса:

«Воскресенье, 30 октября.— Толпа перед мэрией VI округа, где идет подписка на пушки. Вечером иду в зал Бурдон... Хорошее собрание. Патриотическая подписка в пользу жителей Шатодена. Сообщают, что мы взяли обратно Бурже.

31 октября.— Проснувшись, узнаю о сдаче Меца Базеном и предложении Тьера о перемирии и созыве Национального собрания. Чрезвычайное возбуждение в Париже. Временное правительство в Ратуше свергнуто».

•

Сообщение о потере Бурже уже вызвало кое-где возмущение. Весть о том, что этот стратегический пункт на

¹ «Murailles politiques françaises», t. I, p. 212.

² Ibid., p. 296.

³ Ibid., p. 239.

⁴ Ibid., p. 411.

⁵ Victor Hugo, Actes et Paroles, p. 24. Письмо редактору газеты «Le Siècle» от 22 октября 1870 г.

¹ «Murailles politiques françaises», t. I, p. 268.

² Ibid., p. 639.

³ Ibid., p. 535.

⁴ Ibid., p. 162.

северо-востоке столицы вновь отбит в результате местной инициативы войск, возродила надежду... на прорыв окружения. Трошю, как всегда, посылает подкрепления с опозданием, в час по чайной ложке, и контратака пруссаков имеет успех, что вызывает горькое разочарование.

27 октября Феликс Пиа сообщает в «Le Combat» («Борьба») о капитуляции Меца. Правительство опровергает это сообщение и провоцирует разгром редакции газеты на улице Тиктонн, заклеив ее как «Борьбу пруссаков против Франции».

31 октября правительству пришлось все же сознаться, что оно солгало, отрицая капитуляцию «славного Базена». Итак, оно хладнокровно призывало к убийству Феликса Пиа, держа в кармане сообщение, которое опровергало с такой самоуверенностью.

Каждый понимал размеры этого нового бедствия. Франция потеряла последнюю регулярную армию, и теперь враг сможет бросить все свои силы на Париж.

Но возмущение народа достигло предела, когда стало известно, что Тьер отправился в Версаль для переговоров о перемирии. Если немедленное повышение трехпроцентной ренты с 51 до 54 франков свидетельствует о радости буржуазии, которая хочет прежде всего сбросить с себя «тяготы этой ужасной войны», то широкие массы, напротив, еще более укрепляются в своей решимости сражаться до последней крайности.

С раннего утра на площади перед Ратушей собирается толпа¹. Раздаются крики: «Долой перемирие! Все-народное ополчение! Война до последней капли крови!» Кое-где еще слышится: «Да здравствует Трошю!», но гораздо чаще: «Да здравствует Коммуна!».

В 8 часов Лефрансе и Эдуар Вайян приходят на площадь Кордери и поручают дежурным созвать Центральный комитет к 13 часам. Они встречают Авриала, кото-

¹ Наше воспроизведение событий 31 октября сделано на основе сравнения описаний, данных в следующих работах: Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire; Jules Vallès, L'Insurgé; Flourgens, Paris livré; Jules Simon, Le Gouvernement de la Défense nationale; Blanqui, La Vérité sur le 31 octobre, «La Patrie en danger», 4 novembre 1870, а также многих показаний, опубликованных в «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», t. II.

рый сообщает им, что его батальон готов выступить в Ратуше, сносятся с Феликсом Пиа, который обещает прийти на Кордери, и отправляются к Бланки, живущему у помощника мэра III округа, часовщика Клерэ, на улице Тампль, 191. Бланки не сторонник свержения правительства, но считает, что к нему надо добавить коммунальный совет. Такого мнения придерживаются и мэры округов, которые долго обсуждают этот вопрос, собравшись в Ратуше под председательством мэра Парижа Этьенна Араго, и обращаются к правительству с требованием немедленно приступить к муниципальным выборам. Площадь Ратуши, улица Риволи, набережные и даже Аркольский мост заполнены делегациями, стекающимися со всех сторон, чтобы потребовать объяснений.

В половине второго на площади Кордери собирается Центральный республиканский комитет. По существу, не происходит никакого собрания. Мильер предлагает идти к Ратуше, и все отправляются в путь с криками «Да здравствует Коммуна!» вслед за Лефрансе, стариком Белэ и Эдуаром Вайяном. По дороге они встречают национальных гвардейцев, которые возвращаются в свой квартал с криками «Да здравствует Республика!». Действительно, правительство только что объявило, что согласено провести муниципальные выборы. Тем не менее члены секций Интернационала продолжают свое шествие. На площади Ратуши их встречают приветствиями и продолжают кричать: «Долой перемирие! Долой перемирие!» В толпе слышатся разговоры в таком роде:

— Вот увидите, они не установят Коммуну, а постараются провести нас пустыми обещаниями.

— Мы должны установить ее сами.

Решетчатая ограда проломана, лестница запружена народом, и Лефрансе, размахивая зонтиком, увлекает свой отряд на штурм Парадного зала. Там разглагольствует Трошю, стараясь обмануть мэров парижских округов. Лефрансе прерывает его.

— Как вы смеете так разговаривать, кто вы такой? — спрашивает генерал-губернатор.

— Я — народ, который пришел, чтобы выбросить вас за окно, — отвечает Лефрансе, распахивает окно и, сорвав с себя красный галстук, размахивает им, давая толпе сигнал, что зал захвачен.

Батальоны национальной гвардии, вызванные для поддержки правительства, опускают ружья дулом вниз. Рошфор пытается успокоить манифестантов. Напрасный труд. Он удаляется обессиленный, оставив на столе заявление об отставке.

Лефрансе объявляет о смещении правительства и предлагает избрать комиссию, поручив ей завтра же приступить к выборам в Коммуну, которая будет управлять всеми общественными делами. Среди гула голосов выкрикивают имена Дориана, Ледрю-Роллена, Луи Блана, Бланки, Феликса Пиа, Гамбона, Делеклюза и Мильера. Начинают повсюду разыскивать названных граждан, но находят лишь Феликса Пиа, который, как обычно, уклоняется, и Дориана, который не хочет становиться во главе нового правительства. Лефрансе объясняет Дориану, что речь идет только о poste председателя избирательной комиссии. Дориан делает вид, что не слышит. Трошю готов уйти со своего поста, но хочет, чтобы ему обещали командную должность в армии. Гарнье-Пажесу становится дурно. «Дайте воздуху!» — кричит его сосед, Эмманюэль Араго. Все спорят, но ничего не могут решить до половины седьмого, когда врывается новая толпа. В зал с триумфом вносят Флуранса стрелки его первого маршевого батальона¹.

Эльфедж Барру², находившийся в комнате как раз над залом Сен-Жан, видел сквозь розетку на потолке забитый мятежниками зал; посередине, вокруг большого стола, покрытого зеленым сукном, сидели члены правительства, застигнутые врасплох во время заседания, до того сжатые толпой, что не могли подняться с места. Жюль Фавр машинально крутит пальцем в пепельнице, полной пепла, а когда Флуранс, которого водрузили на стол для совещаний, ходит по нему взад-вперед большими шагами, опрокидывая чернильницы, члены правительства опасливо убирают руки, чтобы он не отдал им пальцы сапогами³.

¹ Около 400 человек. Флуранс действительно 5 октября вышел в отставку с поста «коменданта городских укреплений», которому были подчинены пять батальонов Бельвиля. В этот день он тщетно пытался добиться, чтобы пять начальников этих батальонов приняли участие в развертывающихся событиях.

² Секретарь кабинета барона Османа при Наполеоне III.

³ См.: Manuscrit d'Elphège Barroux, pièce 691 de l'exposition Art et Histoire, Saint-Denis, mars — mai 1935, p. 59—60.

Жюль Ферри, все еще в боевом запале, пытается перекричать шум Жюль Симон, жалкий и растерянный, жмется на стуле. Трошю, сорвав с себя орден Почетного легиона и командирские знаки отличия, повторяет свои настойчивые просьбы. Гарнье-Пажес смеется, плачет и, заикаясь, обещает Флурансу:

«Я вернусь домой, к своей семье; с сегодняшнего дня я никогда больше не сунусь в политику!»

Около юного Анри Бауера мэр II округа Тирар, взгромоздившись на стул, размахивает руками, протестуя против вторжения в Ратушу и против того, что он называет «незаконностью грубых действий», но остерегается прямо нападать на вожаков «сегодняшнего выступления». Никто его не слушает¹.

Не считаясь с предыдущими предложениями Лефрансе и представителей с площади Кордери, Флуранс провозглашает состав Комитета общественного спасения в собственном вкусе, во главе которого без всякого стеснения ставит... Флуранса, а за ним называет Дориана, Феликса Пиа, Луи Блана, Ледрю-Роллена, Бланки, Делеклюза, Мильера, уже названных раньше, а также Виктора Гюго, Распайля, Ранвье, Моттю, Авриалья и Рошфора. Бауер записывает одно за другим называемые имена на клочках бумаги и выкидывает в окно. Внизу толпа подхватывает их и приветствует восторженными криками. Имя Рошфора также встречает взрыв народного энтузиазма. Флуранс объявляет бывших министров своими пленниками. Дориан отказывается от участия в новом правительстве. Голос его покрывает единодушный вопль: «Да здравствует Дориан!» Наступает полное смятение. Возмущенный Лефрансе удаляется. Он идет в Медицинскую школу, где окружные комитеты бдительности организовали общее собрание, чтобы составить списки кандидатов для будущих выборов в Коммуну, которые они считают решенными². Тем временем большинство граждан, имена которых выкрикивала толпа, отказывается. Эдгар Кинэ, которого настойчиво просят согласиться, отвечает: «Перед лицом

¹ Henry Bauer, Mémoires d'un jeune homme, Charpentier, Paris, 1895.

² «Около четырех часов утра мы разошлись, после того как утвердили списки кандидатов» (Le français, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 423.)

Бисмарк патриотизм велит поддерживать правительство, подталкивать, проверять, подстегивать его, но не свергать»¹. Таковую же позицию занял и Виктор Гюго — «Бланки, Флуранс, Делеклюз хотят свергнуть Трошю — Фавра. Я отказываюсь присоединиться к ним»².

Но это нисколько не смущает Флуранса, который сразу принимается за работу; он назначает капитана Грифье комендантом Ратуши, пишет воззвание к народу и отправляет юного Анри Бауера в Национальную типографию, чтобы там отпечатали его в виде афиши. Он отсылает копии мэрам 20 округов и самолично производит множество назначений.

Уже 6 часов вечера. Бланки, извещенный о том, что его имя стоит в списках нового правительства, приходит к Ратуше, но без солдат, так как недавно перестал командовать 169-м батальоном и был замещен другим. Он не может присоединиться к Флурансу: ему мешают национальные гвардейцы 106-го реакционного батальона из Сен-Жерменского предместья. Однако, что бы там ни было, он все равно приступает к исполнению своих обязанностей и перо его летает по бумаге: приказ закрыть все заставы, приказ командирам фортов пресекать все возможные выступления пруссаков, приказ двум десяткам начальников батальонов расположиться вокруг Ратуши³, приказ отрядам, стоящим на площади Ратуши, выставить с площади 106-й батальон и охранять здание муниципалитета, приказ занять префектуру полиции, приказ ряду граждан взять на себя руководство окружными мэриями. Некоторые из этих приказов начинаются выполняться, но большинство так и остается на бумаге. Мильер, которому повезло больше, чем Бланки, и удалось в конце концов проникнуть в зал Сен-Жан, предлагает Флурансу отправить министров в тюрьму Мазас. Флуранс, у которого в распоряжении всего 400 стрелков, не хочет отдавать часть из них для сопровождения Трошю и компании. Он упрекает Мильера за то,

что тот пришел без батальона, которым командует. Тут полковник Ибос во главе гвардейцев из 106-го батальона неожиданно врывается в зал и похищает Трошю, а Жюль Ферри, воспользовавшись суматохой, поспешно скрывается в толпе. В это время в зал входит хрупкого вида старичок под крики: «Вот и Бланки!» Несколько сторонников Трошю сразу набрасываются на него, душат его галстуком и пытаются хитростью вытащить из зала, крича: «Пропустите больного, господа; дайте дорогу больному!» Но Флурансу дают знать, и его люди освобождают Бланки. Едва успев выпить стакан воды, чтобы прийти в себя после пережитого волнения, знаменитый старец садится, без галстука, за стол для совещаний, где уже собрались Флуранс, Мильер, Ранье и Делеклюз. Моттю тоже присутствует здесь, но отказывается сесть; Делеклюз не желает подписывать ни одной бумаги, осуждая беспорядочный способ избрания этого мятежного правительства.

Но в некоторых округах признают авторитет нового правительства. В первом округе доктор Пийо¹, облеченный властью, дарованной ему Бланки по ходатайству Константа Мартена, водворяется в мэрию.

Пьер Везинье занимает мэрию в Бельвиле (XX округ), Жюль Валлес — в Ла-Виллет (XIX округ), капитан Монтель — в Рёйи (XII округ), что касается Риго, служащего префектуры полиции, то он по милости Бланки становится префектом или, вернее, предьявляет секретарю префекта приказ о своем назначении. Но тот ему отвечает:

«Час назад я уже получил подобный приказ, который обязывал нас подчиняться вместо господина Эдмона Адана новому префекту, но в нем стояло не ваше имя, и приказ был подписан Флурансом. Его подпись ничуть не хуже той, что вы мне показываете. Потрудитесь вернуться к вашему правительству и договориться с господином Флурансом».

¹ Mme Edgar Quinet, Journal du Siège, Dentu, p. 139.

² Victor Hugo, Carnets intimes, 1870—1871, p. 62

³ Два батальона из Сент-Антуанского предместья (138-й под командой Эда и 204-й под командой Левро) и два соединения с Монмартра (79-й батальон Барбере и рота 61-го батальона, во главе с Рауза) разместились возле Ратуши, уже занятой стрелками Флуранса и отрядом Тибальди из 238-го батальона (X округ).

¹ Жан Жак Пийо родился 10 августа 1808 г. в Во-Лавалет (деп Шаранта), по профессии врач, жил в Париже на улице Пон-Неф, 14 (1 округ). В сентябре 1836 г. был осужден за ношение священнического облачения (попытка создания национальной французской церкви), а в 1841 г. — за участие в запрещенной организации так называемых «коммунистов». После 4 сентября 1870 г. прикнул к Интернационалу. (APP, Va 1224.)

Взбешенный Риге обзывает Флуранса идиотом, растяпой, болваном, говорит, что вытрясет из него душу и скоро вернется «облеченный полномочиями»¹.

В Ратуше продолжается прежняя неразбериха. Новые правители совещаются в забитом толпой помещении, прерываемые криками и противоречивыми предложениями. Флуранс не знает, что Бланки созвал несколько республиканских батальонов. Бланки не знает, что стрелки Флуранса завладели первым этажом Ратуши. Дориан упорно отказывается участвовать в заседании, не смотря на свое избрание.

До позднего вечера батальоны, посланные Эрнестом Пикаром, тянутся к Ратуше, но, придя на площадь, опускают винтовки дулом вниз. Не заботясь о том, что в кварталах бьют сбор, более двухсот офицеров национальной гвардии собираются в 20 часов в большом зале биржи. Это собрание, о котором они узнали из афиш, расклеенных три часа назад, созвано офицерами 148-го батальона (II легион), чтобы выяснить отношение офицеров национальной гвардии к событиям истекшего дня² и вынести во имя общественного спасения «окончательное решение»³. Пока идут прения, среди шума голосов не раз слышатся звуки тревоги. Крики «Бьют общий сбор!», «Всем офицерам вернуться на свои посты!» отдаются под портиком. Затем раздаются другие крики: «Берегитесь реакции! Батальоны мобилей из Иль и Вилена на Вандомской площади, они двигаются к Ратуше! И вы их допустите?!», но собрание это, по-видимому, не волнуется.

Какой-то гражданин в буржуазном платье размахивает на трибуне белой афишей, какие будут вскоре расклеены на стенах столицы, призывая избирателей явиться завтра на выборы членов муниципалитета. Чтение афиши вызывает взволнованный гул голпы. Сквозь шум прорываются выкрики: «Да! Да! Выборную Коммуну! Не надо нам Коммуны революционной!»

Большинство офицеров довольно смещением прежнего правительства, но хотят, чтобы новое было выборным.

Полковник Рошбрюн¹ ищет одобрения своему плану кампании против пруссаков:

«Вылазки надо делать крупными соединениями, — говорит он, — по 200 тыс. человек, так как в любом месте длинного пояса укреплений вокруг Парижа пруссаки могут иметь не более нескольких тысяч человек. Такие вылазки следует делать через день и начать их послезавтра. За каких-нибудь дней двенадцать мы отгоним пруссаков».

Завязывается жаркий спор:

— Нужны пушки! Нужен командир!

— Рошбрюна! Рошбрюна!

— Нет, нас слишком мало, чтобы решать. Никаких революционных назначений!

Сам Рошбрюн того же мнения:

— Назначить командира национальной гвардии должна Коммуна. Изберем сначала Коммуну.

— Коммуна уже избрана! — заявляет офицер, информированный о том, что произошло в Ратуше.

В зале оживленное движение. Кто-то кричит:

— Она выбрала себя сама, такой мы не хотим!

— А кто вошел в Коммуну?

— Дориан, Феликс Пиа, Мильер, Ледрю-Роллен, Бланки...

Последние два имени вызывают протесты:

— Они погубили Республику 48 года, а теперь погубят Республику 70-го!

Шум еще усиливается, все чаще прорываются крики:

— Долой революционную Коммуну!

Тут вбегаёт, запыхавшись, сторонник Коммуны и сообщает об освобождении Трошю 106-м батальоном:

— Неужели вы потерпите, чтобы один жалкий батальон навязывал свою волю всей национальной гвардии? Соберем своих людей и не дадим реакции одержать победу в Ратуше...

Но его призыв не находит поддержки.

Следующего оратора встречают гораздо более благосклонно:

«Они хотят сбросить гражданина Трошю; но кем они хотят его заменить? Нам нужен генерал, мастер

¹ «Le Gaulois», 25 juillet 1872 (APP, Va 892).

² G. de Molinari, Les Clubs rouges, p. 49—52.

³ «Murailles politiques françaises», t. I, p. 303

¹ Он был убит во время вылазки под Бюзанвалем 19 января 1871 г.

своего дела, а генералом не станешь так вдруг. Если он провинился, пусть рассмотрят его поведение и сместят, но нельзя сбрасывать его революционным путем. (*Аплодисменты.*) Каждый человек может ошибиться; но если он действовал как храбрый и честный гражданин, я требую, чтобы его оставили. (*Да! Да! Гром аплодисментов.*) Не можем же мы оставаться без командующего перед лицом пруссаков (*Аплодисменты еще усиливаются.*)»

Около 22 часов собрание расходится, так и не приняв окончательного решения.

Тем временем Трошю удалось не без труда собрать несколько батальонов. Дождь и... наступивший час обеда очистили площадь перед Ратушей. Граждане очень доверчивы и в целом удовлетворены: завтра они смогут выразить свою волю с помощью избирательных бюллетеней, а оборона — в этом они не сомневаются — получит мощный импульс.

Незадолго до полуночи Трошю сконцентрировал значительные силы на Гревской площади, где уже не осталось манифестантов. Жюль Ферри во главе реакционных национальных гвардейцев пытается прорваться в Ратушу. Флуранс велит забаррикадировать вход, опрокинув парадные кареты барона Османа.

Около половины второго стрелки приводят к Флурансу сержанта бретонских мобилей и четырех солдат, которых они задержали в подвале. Стрелки сидели у костра, когда увидели, что сержант приоткрыл люк из подвала. Пока Флуранс допрашивает сержанта, целый батальон бретонских мобилей, пробравшихся из казармы Лобо тайным подземным ходом, врывается в Ратушу. Вооруженное столкновение становится неизбежным. Чтобы избежать кровопролития, Дориан, Мильер и Делеклюз вступают в переговоры с членами правительства и командующим национальной гвардией генералом Тамизье, все еще находящимися здесь под стражей, с которыми они готовы заключить соглашение¹ при усло-

¹ Хотя Жюль Фавр, Жюль Симон и другие впоследствии отрицали, что они заключили такое соглашение, этот факт был установлен многими свидетелями, в том числе и заместителем прокурора Леблоном: «Соглашение было заключено ночью. Генерал Дюкро собирался атаковать Ратушу. Его удерживали, страхась ужасных

вии, что правительство обязуется не мешать завтрашнему проведению муниципальных выборов под председательством Дориана и Шельше, а через два дня — выборов нового правительства. Кроме того,

«все те, кто был избран 4 сентября, и те, кто был избран 31 октября, вместе покинут Ратушу и отправятся по домам, с тем чтобы ни одна из партий впоследствии не преследовала другую, обвиняя в событиях этого вечера».

Пока принимаются меры для выполнения этого соглашения, бретонские мобили отпирают боковые ворота со стороны набережной и впускают национальных гвардейцев Жюля Ферри, которые врываются в Ратушу и освобождают Жюля Фавра и его коллег. Флурансу и Бланки остается только покинуть Ратушу, под охраной генерала Тамизье, который не хочет, чтобы пролилась кровь. Победенные герои этого дня проходят сквозь густую толпу мобилей и национальных гвардейцев, выстроенных на площади. Флуранс собирает своих стрелков и возвращается с ними в Бельвиль. Бланки — в который уже раз — скрывается во мраке ночи, побежденный и недовольный.

Для Бланки, привыкшего рассматривать все с точки зрения «активно действующего меньшинства», исход событий этого дня решили бретонские мобили и три батальона «иезуитов» из предместья Сен-Мартен.

«Католическая армия, пробравшись через люк, выиграла битву за Ратушу. Пусть «L'Univers» сияет от радости!» — пишет он¹. На что автор передовой статьи в газете «L'Univers» отвечает:

«Итак, иезуиты, католики проникли через люк. Ну и что?.. Что плохого в том, чтобы проникнуть через люк, если господин Бланки, сидя в доме, забаррикадировал дверь? Надо было забаррикадировать и люк, не давать католикам проникнуть ни через окно, ни через трубу! Если господину Бланки угодно проиграть сражение, почему иезуитам запрещается его выиграть?»²

бедствий, к которым это могло привести. Многие члены правительства были в руках восставших. Решили попытаться прийти к соглашению, начали переговоры и в конце концов договорились». («Enquête parlementaire», t. II, p. 152—153.)

¹ «La Patrie en danger», 3 novembre 1870

² «L'Univers», 4 novembre 1870

Записная книжка Клеманса:

«1 ноября.— В нашем округе горны и барабаны всю ночь призывали к оружию национальную гвардию. Непрерывное заседание в зале Бурдон Правительство обороны остается Коммунальные выборы отложены».

(Чтобы ослабить боевой пыл республиканских батальонов, Трошю изматывает их бесконечными военными маршами. Вот почему Клеманс, возвращаясь к вечеру, «падает с ног от усталости», после семичасового кругового похода: Шарантонские ворота, Венсеннский лес, форт Жуанвиль, редуты Фезандри и Гравель и обратно через Ножан, Фонгенэ-су-буа и Венсенн!)

*

Члены правительства после освобождения первым делом отреклись от своего слова, приказали содрать афиши, извещавшие о муниципальных выборах, и начали преследования двадцати трех главных действующих лиц вчерашних событий: Лефрансе, Везинье и доктор Пийо были арестованы, Бланки оказался неуловимым, Флуранс, Жюль Валлес и Мильер на время ускользнули от полиции. Новый префект полиции Эрнест Крессон проявляет непомерное рвение. Он снова принимает на службу 1200 бывших императорских полицейских, одев их в новую форму. Он велит им сбрить бороду и усы в надежде, что так их не узнают¹, и добивается от Трошю обещания, что в случае нужды тот «поддержит его артиллерией». Вот человек, который знает, кто его истинный враг.

Во время начавшегося периода реакции революционным патриотам приходится оставить завоеванные позиции. Так Амуру уходит из комиссии по вооружению и постройке убежищ в мэрии IV округа², а Рауль Риго не может оставаться в префектуре полиции³.

¹ См. его показания (Enquête parlementaire» t II, p 128)

² АРР, Ва 931

³ Для подробного ознакомления с деятельностью Рауля Риго в префектуре полиции 31 октября см. «La Commune au Quartier latin», p. 45.

Но все же итог этого дня нельзя считать отрицательным, ибо главная цель — воспрепятствовать капитуляции — была достигнута.

«События 31 октября сказались наиболее губительным образом не в Париже, а в Версале», — жалуется капитулянт Жюль Симон¹.

Бисмарк узнает от Тьера о том, что произошло в Париже, и «лучший из галлов» свидетельствует, что его прусский собрат опечален.

«Больше всего меня поразило, что господин Бисмарк был сам подавлен и огорчен всем происшедшим. В это время он хотел мира и не скрыл от меня, что все эти события сильно уменьшают шансы на его заключение»².

В этих условиях, чтобы дать возможность избрать Национальное собрание, уполномоченное подписать мир, прусский король мог согласиться либо на перемирие без снабжения населения, либо на перемирие со снабжением, при условии сдачи одного из фортов окружающих Париж укреплений. Тьер, вооружившись прусским пропуском, тайно встречается на Севрском мосту с Жюлем Фавром. «В эту минуту он склонялся к мысли, что любой выход лучше продолжения войны». Перемирие оказалось невозможным, надо было брать быка за рога и заключать мир. 5 ноября Жюль Фавр выдвигает перед советом министров разные гипотезы:

Но «не одни только поборники Коммуны представляли затруднения. Коммуна была теперь побеждена, и можно было бы справиться с ее требованиями и выступлениями, если бы удалось сформировать большинство сторонников мира. Но такого большинства не было»³.

Правительство — жертва собственного двурушничества — было связано результатами плебисцита, который оно провело 3 ноября. Законная власть была дарована ему всеобщим голосованием для укрепления национальной обороны, а не для переговоров с врагом. И господин Тьер, с сокрушенным сердцем, вынужден был отло-

¹ Jules Simon, Le Gouvernement de la Défense nationale, p 189

² J. Simon, op. cit., p 190

³ J. Simon, op. cit., p 192

жить подписание желанной капитуляции и отступить, чтобы плести втайне новую пораженческую интригу

*

На следующий день после 31 октября мэры парижских округов, угрожая коллективной отставкой, потребовали проведения муниципальных выборов, официально обещанных правительством. Правительство не могло вступить в открытую борьбу с мэрами, отказавшись также от своих обязательств перед ними. Но в результате прямых связей с гражданами и отчасти под их давлением мэры уже начали понемногу отдаляться от правительства. Что же будет, когда их утвердят всеобщим голосованием, тогда как правительство этого утверждения не получило? Итак, оно вернулось к императорской системе плебисцитов. 3 ноября граждан призвали ответить на следующий вопрос: «Одобрят ли население полномочия правительства национальной обороны — да или нет?» Искусство проводить плебисцит состоит в умении поставить вопрос, в умении задать вопрос так, чтобы получить нужный ответ...

У патриотически настроенных масс, в сущности, спрашивают: хотите ли вы республики — да или нет? Хотите ли вы поддержать оборону? «Мы поставили бы под угрозу спасение Парижа, если бы еще раз сменили кормчего в самый разгар бури...»¹ К тому же правительство знает, что оно может рассчитывать на голоса пораженчески настроенной буржуазии, которая благодарна ему за его усилия привести к быстрой капитуляции.

Преследуемые полицией революционеры имеют только два дня, чтобы опровергнуть клеветническую кампанию, поднятую против них ведущими газетами. Они кажутся выбитыми из седла. Первый документ, опубликованный Центральным республиканским комитетом, звучит двусмысленно². Центральный комитет

¹ Francis Garnier, Journal du Siège, p. 60

² Действительно текст декрета от 1 ноября («Mairies politiques françaises», t. I, p. 323), ссылавшегося на высказанное 31 октября пожелание мэров, чтобы муниципалитеты были созданы на основе выборов, вводил в заблуждение. Некоторые поняли его так, что сказать «да» означало голосовать за выборы муниципалитетов. В Клубе Фоли-Бержер 1 ноября, по свидетельству Молиари

«считает, что правительство не имеет права ставить плебисцит выше принципиального голосования, ибо право народа на Коммуну неоспоримо;

и, хотя Центральный республиканский комитет всегда стоял за Коммуну и должен неизменно, твердо и последовательно отстаивать этот принцип, он решил, что все демократы-социалисты должны пойти на выборы и ответить «да»»¹.

Вечером в клубах противникам правительства с трудом удается заставить себя слушать. 2 ноября в Клубе Кур-де-Миракль, на улице Кэр (II округ), Бертомье, по прозвищу Башмачник, несмотря на весь свой гасконский пыл, не в силах расшевелить аудиторию, а тем более вызвать возмущение против Трошю или убедить граждан голосовать «нет». Ему не удается даже настроить собравшихся против перемирия.

— Перемирие приведет нас к миру, а нам не надо мира с пруссаками. Их надо раздавить, кишки из них выпустить.

Слышится ропот, даже протесты:

— Это неуважение к собранию. Кишки — это уж чересчур!

В соседнем клубе, Фоли-Бержер, реакция нагло поднимает голову. Собрание отказывается слушать оратора, который не хочет дать правительству права заключить перемирие.

— Правительство заслуживает нашего доверия!

(G. de Molinari, Les Clubs rouges, p. 54), один оратор заявил: «Я доверяю правительству и буду голосовать: нет!» (Крики: «Мы тоже! Мы тоже!» *Буря аплодисментов.*) В этом же сообщении Г де Молиари указывает: «Вопрос о муниципальных выборах стоит на повестке дня. Председательствующий Фальсе призывает собравшихся ответить «да» на плебисците в четверг (3 ноября). Его мнение сначала не встречает большого одобрения, но когда оратор заявляет, что, по его мнению, муниципалитет не должен выходить за рамки своей обычной деятельности и воздерживаться от покушений на функции и власть правительства, тогда раздаются громкие аплодисменты».

2 ноября правительство, желая, чтобы декрет был «правильно» понят населением, печатает пояснение, уточняя истинное значение «да» и «нет». («Mairies politiques françaises», t. I, p. 328.)

¹ «Le Combat», 3 novembre 1870. Газеты «Le Combat» и «La Patrie en danger» только на другой день печатают призыв «к избирателям Парижа», в котором убеждают их единогласно отвечать «нет» на нагло поставленный вопрос о доверии.

— Не нам указывать, как ему себя вести.

Оратора прогоняют с трибуны. Следующий за ним оратор уверяет, что рабочие собрания в Сент-Антуанском предместье подавляющим большинством постановили голосовать «да». Еще один отвергает красное знамя «захватчиков» Ратуши.

— Да! Да! Долой красное знамя!

— Долой мятежников и психов!

Оратор готов голосовать «да» и настаивает, чтобы все, кто его слушает, последовали его примеру.

— Все! Все!

Ему устраивают овацию.

*

Результаты плебисцита дали 557 996 «да» и 62 638 «нет», то есть 91% «да» для всей столицы и примерно такой же процент в четырех первых округах:

I округ	— 15 403 «да»	812 «нет»
II округ	14 964 «	827 «
III округ	10 832 «	2 108 «
IV округ	16 838 «	1 823 «

Итак, даже в III округе, где влияние Кордери было очень сильно, число ответивших «нет» не превышает 16%.

Вечером 3 ноября в клубе Монтаньяров, на Страсбургском бульваре, 30, гражданин Сан, председательствующий на собрании, заявляет, что он удручен первыми результатами голосования. Однако они его не удивляют, «потому что правительство 4 сентября продолжает традиции Бонапартов».

«Монтаньяры» аплодируют ему. Но справа слышится голос, звучащий диссонансом

— Неправда! У правительства национальной обороны много заслуг перед родиной!

Председатель только пожимает плечами и продолжает:

— С 4 сентября многие нагрели себе руки

— На чем, черт возьми?

— На наших куртках, наших ружьях..

— Назовите, кто это?

— И вдобавок полно спекулянтов..

— Еще что! Вот чепуха, какие спекулянты!

В зале движение, шум. Слышны крики «Вон отсюда!» по адресу нарушителя порядка, но он сидит, словно прирос к стулу.

Гражданин Сан, настроенный пессимистически, добавляет.

— Если результаты выборов в других округах похожи на те, которые я только что огласил, нам, настоящим республиканцам, остается только одно: снарядить судно и отплыть на нем (Смех.)

— И правильно сделаете!

— Счастливого пути!

Снова смех справа. Возмущенные крики слева:

— Не надейтесь! Мы не уйдем!

— Уйдем не мы, а правительство...

— В добрый час!

— Ему осталось жить

— Четыре дня!

— Нет, этого мало Я дал бы ему еще 30 дней. К тому времени у нас так или иначе уже будет Коммуна. Мы знаем, чего стоит всякое большинство. Хотите пример? Паскаль, представший однажды перед судом трехсот монахов и, разумеется, осужденный, сказал: «Я предпочитаю два веских довода тремстам монахам». Мы в меньшинстве, как Паскаль, но мы правы, как и он!

Слева слышатся аплодисменты Справа делают вид, что смеются. Какой-то юный оратор произносит столь же краткую, сколь и энергичную речь

— Если нам не дадут Коммуны, мы возьмем ее сами!

Левые и правые задирают и оскорбляют друг друга. Гражданин Сан останавливает их и замечает, что никогда еще так часто не прерывали собрания, так много не кричали с мест

— Потому что вы никогда не говорили столько глупостей!

Снова поднимается шум. Голоса тщетно требуют изгнания нарушителя порядка Лишь с трудом удается восстановить тишину Тут слышится голос Маршана, который мечет громы против перемирия и поносит «пресмыкающуюся ящерицу» — Тьера.

— Эк хватил! Да он умней вас всех и больший патриот!

— За дверь крикуна!

Нарушитель порядка остается на месте.

На трибуну выходит гражданин Лефрансе. Он начинает с заявления, что потерял всякое уважение к гражданину Жюлю Фавру.

— Чорт возьми! Фавр обойдется и без него,— не унижается тот же крикун.

Лефрансе, который чувствует себя не очень уверенно, приводит бесконечные доказательства: знаете ли вы, почему Жюль Фавр и его коллеги пошли на плебисцит? Для того, чтобы заключить перемирие. Плебисцит только средство. Перемирие — это их цель! А знаете, что такое перемирие? Это преддверие мира. Не говоря уже о другой опасности, которую таит в себе этот плебисцит: монархии...

— Нет! Нет!

— Что вы об этом знаете?

— Долой монархию! Не надо нам монархии!

Оратор переходит к доказательствам, что монархия была бы гибелью для Франции, но не проявляет большой настойчивости.

По всей линии ораторы вынуждены перейти к обороне. Следующий старается обелить бельвилльских стрелков, опровергая клеветническое обвинение реакции, будто они провели ночь с 31 октября на 1 ноября, обжираясь колбасой и копчеными селедками и заливая их красным вином.

Заседание заканчивается оглашением последних результатов плебисцита, не менее удручающих, чем первые.

*

Жюль Фавр и его сообщники одержали победу не столько вследствие одобрения их политики, сколько благодаря нежеланию большинства республиканцев ослаблять оборону в самый разгар битвы. («Нельзя перепрягать лошадь посреди брода»,— говорили они.)

Выборы мэров (5 ноября) и их помощников (7 ноября)¹ были для правительства полупровалом. Шестеро вдохновителей событий 31 октября были избраны с три-

умфом: Делеклюз в XIX округе, Ранвье — в XX, с Мильером, Флурансом и Лефрансе в качестве помощников; Моттю прошел в XI округе громадным большинством голосов. В I округе переизбран Тенай-Салинья, который получил 10 100 голосов, не встретив оппозиции. Во II округе реакционер Тирар, несмотря на поддержку пяти начальников батальонов и шестнадцати капитанов¹, получил лишь 7143 голоса, а его конкурент Торель 4833. В III округе при поддержке комитета бдительности избран Бонвале, получивший 12 031 голос против 2747 голосов, поданных за банкира Гудшо. В IV округе Вотрен (столь ярый консерватор, что он «поносил события 4 сентября») уже не смог собрать тех 16 838 голосов, которые сказали «да» на плебисците. Он получает всего 9811 голосов, а Греппо, мэр, ушедший в отставку 31 октября,— 4536 голосов².

Почти все избранные помощники мэров — либералы или умеренные; таковы Мелин в I округе, Луазо-Пенсон во II, Мюра и Клерэ (домохозяин Бланки) в III³; есть среди них и настоящие республиканцы, как Лео Мелье в XIII округе и Мио в XIX округе, и даже интернационалисты, как Толен в XI, Элигон в XIV и Бенуа Малон в XVII округе. Относительно IV округа в записной книжке Клеманса указывается:

«Воскресенье, 6 ноября.— В час дня предвыборное собрание для выдвижения кандидатур помощников мэров в зале Бурдон, собрание весьма консервативное. Вечером, в 8 часов, публичное собрание в том же месте — на этот раз народное, республиканское и гораздо более спокойное и приличное, чем предыдущее.

7 ноября.— Выборы помощников мэров. Неразбериха и анархия во время голосования. Прошли (де) Шатийон и Коллон, один крупный торговец, другой инженер. Баллотировка третьего помощника. Вечером в зале Бурдон я выступаю против Коллона и определяю, что такое Социальная республика.

8 ноября.— Лефрансе арестован... Вечером в зале Бурдон я председательствую на собрании»

¹ «Murailles politiques françaises», t. I, p. 347.

² См. подробные данные в газете «Le Rappel» от 6 ноября

³ См. подробные данные в газете «Le Rappel» от 7 ноября

¹ В оригинале ошибочно сентябрь. — Прим. ред

9 ноября.— Риго пишет в «La Patrie en danger»:

«Дорогие друзья, теперь я возвращаюсь, чтобы снова занять среди вас место, которое, надеюсь, вы сохранили за мной с выхода вашего первого номера. Сегодня я подал в отставку¹, так же как мой секретарь и друг Да Коста. Я сожалею, что не мог продолжить начатое мною изучение досье. Но мы уже достигли кое-каких результатов. Мы используем их и разоблачим предателей, которых мы с полным основанием подозревали еще во время империи»

Завтра же мы примемся за дело!

Привет и Равенство

Рауль Риго,

Бывший комиссар особ. полиции»

И действительно, со следующего дня «La Patrie en danger» открывает отдел «Предатели у позорного столба».

Вот Бондевилль из полицейской бригады по надзору за мебелированными комнатами:

«Все донесения о беспорядках на медицинском факультете, происшедших после Льежского конгресса, идут из его бригады. Однако Медицинская школа отнюдь не дом с мебелированными комнатами.»

Вот Меркадьё Антуан, наборщик Национальной типографии, который за 50 франков в месяц продал своего отца, и тот попал на год в тюрьму за организацию тайного общества.

Вот Грефф, Ларжильер, Рюо, которых Риго постарается не забыть, став в дни Коммуны во главе префектуры полиции.

Вот Лас, рабочий-басонщик, живущий на улице Кордери-дю-Тампль, 8, поступивший в услужение к полицейскому Лагранжу, так же как и Годише, живущий на улице Орион, 41, у республиканца Шуто. В апреле 1867 г. они подбивают доверяющего им Шуто организовать группу из пяти-шести рабочих, чтобы «сделать ре-

¹ С должности комиссара полиции.

волюцию» Два агента-provokатора добиваются от участников группы, чтобы они подписали устав их тайного общества. После чего двое пролаз просят у Лагранжа денег для покрытия расходов на «дело», как они цинично выражаются. А так как за получаемые деньги надо расплачиваться делом, то полиция находит устав в погребе Шуто и забирает всю группу, разумеется, вместе с двумя верными слугами «дела». Годише приговаривают к году тюрьмы, но он «бежит» на другой день после суда, чтобы занять в Брюсселе пост наблюдателя при рынках. А Лас остается на три месяца в тюрьме, на тот срок, который ему нужен для составления подробных доносов на товарищей, сидящих с ним в тюрьме Сент-Пелажи, и для попытки впутать Прото в дело Бори.

На дворе становится все холодней, и голод делается все ощутимей. 6 ноября разбивают лед, покрывший бассейны в парке Тюильри, и удят рыбок, сначала для ближних лазаретов, а потом и для снабжения рычка, где самый крошечный карп стоит пять франков.

12 ноября Адольф Клеманс платит 2 франка 25 сантимов зеленщикам возле ворот Монтанлуавр (бастион № 7) за пучок самой мелкой морковки.

На площади Ратуши открывается крысиный рынок. Грызуны выставлены в больших клетках, и покупатель выбирает любого. Выбранную крысу подталкивают палочкой в маленькую клетку, после чего ее аккуратно пристреливают.

Записная книжка Клеманса:

«Понедельник, 14 ноября. В 10 часов посетил Толена в мэрии Прэнс-Эжен², XI округа. Я встретил там Камелина в бюро вооружений и Пьеррашо на складе обмундирования».

¹ См. Henri d'Almeras, La Vie parisienne pendant le Siècle et la Commune, Albin Michel éd., 1927, p 7—8

² На бульваре Прэнс Эжен, ныне бульвар Вольтера. Речь идет о мэрии XI округа, где Толен, избранный помощником мэра, дал работу нескольким прудонистам, членам Интернационала

*
«Околпаченные плембисцитом» по-прежнему пребывают в бездействии, но клубы снова становятся активными.

15 ноября в Клубе в зале Валентино встречаются сторонники и противники избрания Национального собрания. Не надо Национального собрания, говорит один, потому что провинция 18 лет находилась под тлетворным влиянием империи, это приведет к гибели республики. Не жалуйтесь на провинцию, возражает другой, лучше поглядите, какой пример нам дают Бич и Фальсбург, Шатодён и Страсбург.

Следующий оратор охотно согласился бы на «мир, который можно было бы купить, внося определенную сумму денег...»

— Ни гроша пруссакам!

— Дайте ему сказать!

— Ибо деньги не стоят крови наших детей, которая еще польется рекой в этой чудовищной войне... (*Аплодисменты.*) Люди клеветают на Париж, утверждая, будто у него вошло в привычку делать революции. Правда, правительства слетают в Париже примерно раз в 18 лет, но, если они падают, разве виноват Париж?

— Их только чуток подталкивают, чтобы они упали! (*Смех.*)

Другой оратор считает полезным напомнить аудитории, что существует бог и бессмертная душа, его слова вызывают некоторое удивление. Оратор, не смущаясь, продолжает:

— Пришло время призвать чудотворную деву из Домреми. (*Возгласы.*) Я принес знамя Жанны д'Арк...

— Покажите его!

— Знамя! Знамя!

Это белый стяг с красным крестом, а на обратной стороне какие-то кабалистические надписи; присутствующие, развеселившись, требуют их расшифровки.

*

Не все собрания прерываются появлением таких чудаковатых ораторов. В тот же день, 15 ноября, делегаты национальной гвардии объединились, создав Цен-

тральный комитет в Батаклане на бульваре Прэнс-Эжен, и предложили семейным советам каждого батальона национальной гвардии выдвинуть по одному делегату, чтобы представлять их батальон в Центральной делегации, которая соберется в понедельник 28 ноября в Батаклане для избрания «редакционного комитета, который должен выработать проект Федерации батальонов»¹.

Центральный комитет, федерация... уже зарождается федеративная структура национальной гвардии.

*

Записная книжка Клеманса.

«15 ноября.— По моему предложению публичное собрание в зале Бурдон переизбирает своего делегата. Снова выбирают меня.

19 ноября... Вечером иду в зал Бурдон. Газ выключен, его заменяют лампы и свечи.

27 ноября... Вечером заседаю в президиуме собрания в зале Бурдон, выступаю и предлагаю послать на передовые позиции все полицейские отряды.

*

Удрученные своим поражением 31 октября, деятели Центрального республиканского комитета ищут новых организационных форм. Эжен Шатлен, Констан Мартен, доктор Наппа-Пике, главные руководители комитета бдительности I округа, стремятся расширить комитет и сделать из него Республиканскую лигу национальной обороны до последней крайности, которая должна играть роль, аналогичную той, какую в свое время сыграл Якобинский клуб, оказывавший влияние на всю Францию. Своим местонахождением они объявляют квартиру Шатлена на улице Сент-Оноре, 129 (I округ). Все желающие примкнуть могут обращаться в редакцию «La Patrie en danger» на улице Абукир, 78 (II округ), к Антуану Арно в III округе, к Гарнье в IV округе. Новая организация предлагает место встречи для бланкистов и сторонников Интернационала. 27 ноября она

¹ «Le Combat», 16 novembre

открывает в школе Тюрго на улице Тюрбиго, 69 (III округ), Клуб солидарности, который призывает сотрудничать с ним на пользу национальной обороны всех изобретателей, а 13 декабря по предложению гражданина Блана единогласно принимает следующую резолюцию.

«Перед лицом угрожающей Франции опасности должно исчезнуть всякое неравенство; чтобы спасти отечество, необходимо срочно объявить полное нормированное и бесплатное распределение всех имеющихся в Париже продуктов. Равенство перед общей опасностью и трудностями требует равенства в питании»¹.

Эта Республиканская лига национальной обороны до последней крайности по мере сил развертывает свою работу параллельно с Центральным клубом Республиканского социалистического комитета 20 округов Парижа, который находится в том же помещении и возглавляется почти тем же комитетом, так как Шатлен, Наппа-Пике, Арно и Гарнье заседают в нем вместе с Пенди и Демэ

7 декабря Центральный клуб проводит первое публичное собрание в зале Редут на улице Жан-Жака Руссо (I округ) для обсуждения вопроса «Национальная оборона с революционной и социалистической точки зрения». Оно привлекает значительное число народа.

Вскоре Центральный клуб сливается с остатками Центрального республиканского комитета. Несколько бланкистов, среди них Тридон, Флотт и Теофиль Ферре, в начале января придают окончательную форму революционному руководящему органу социалистической демократии.

*

В архиве префектуры полиции мы нашли папку² с несколькими оригиналами протоколов собраний Центрального комитета Республиканской лиги национальной

¹ Archives historiques de l'armée, carton Ly 22 Продовольственный кризис усиливается из записной книжки Клеманса мы узнаем, что 11 декабря ее автор не устоял перед предложением отведать кошатины. Он нащел мясо «вкусным и хорошо приготовленным»

² APP, Va 1615.

обороны до последней крайности. Они так точно обрисовывают положение Парижа во второй половине декабря 1870 г., что мы сочли полезным привести из них большие выдержки. Первый листок относится к заключительной части собрания от 17 декабря (начало протокола отсутствует).

«Арно. Правительство ведет себя нечестно. Оно не должно было брать на себя эту задачу, зная, что не может с ней справиться. Трошю сказал Бореперу, что оборона Парижа невозможна. Оратор утверждает, что слышал, как Жюль Симон говорил то же самое. .

Переходя к стратегическому положению, оратор говорит, что не понимает депеши Гамбетты, и спрашивает, где же армия д'Ореля де Паладина¹. Гражданин Андриё не согласен, что следует дать реакционерам передрасться между собой, он считает, что ход событий приведет к новому 31 октября.

Констан Мартен благодарит граждан Па-де-Кале за их дар лиге, а также изобретателя бомбы, названной «малютка пехоты».

Говоря о продовольственном положении, он утверждает, что правительство хочет капитуляции.

*

Заседание 18 декабря. Председательствует Наппа-Пике. Андриё объясняет свои вчерашние слова: 31 октября потерпело неудачу из-за того, что было позволено все решать одному человеку...²

Лавинь восхваляет Марата. Он говорит, что люди напрасно оклеветали и другого великого гражданина — Бланки. Оратор сообщает собравшимся, что командующий войсками на плато Аврон — императорский генерал. Он говорит, что один из Бонапартов еще находится в армии. При империи он был подполковником, а недавно его произвели в драгунские

¹ Разбитая и расчлененная, она отступила в глубь Солони, д'Орель де Паладин даже не попытался защищать Орлеан, хотя там было много морских орудий

² Намек на бестолковые действия Флуранса 31 октября

полковники. Племянника Пьетри¹ также повесили в чине.

Вину же был тюремщиком республиканцев в Ламбессе после государственного переворота 1851 г.

А как с национальной гвардией? Она находится под командованием Клемана Тома, который расстреливал нас в июне 1848 г., а теперь смещает начальников республиканских батальонов и разгоняет семейные советы, выбранные всеобщим голосованием...

Леверде.— Правительство, назвавшее себя правительством национальной обороны, ведет себя так, что его уже давно называют правительством национального бессилия.

Правительство поняло только одно: иностранные державы должны прийти на помощь Франции. Оно поверило в добрые услуги Австрии, Италии, Испании, даже Турции и в симпатию Англии. Вот почему оно послало Тьера в поездку ко дворам Европы. Начало миссии было весьма плачевно. Как! Неужели они думали заставить монархии вступить за Республику...

В блестящей, научно обоснованной речи оратор доказывает, что правительственные деятели испугались социальной революции. По его мнению, именно это привело нас к тому печальному положению, в каком мы оказались. Он приходит к заключению, что Париж может спастись лишь с помощью революции.

Саломон сообщает собранию, что генерал Трошю все же кое-что сделал. Он заставил починить сто винтовок для одной из рот национальной гвардии III округа, но винтовки эти никуда не годятся.

Он рассказывает собранию, что Ледрю-Роллен поведал ему, как Трошю говорил приблизительно следующее: оборона невозможна. После того как погибнут 30 тыс. человек, наша честь будет спасена².

Шатлен говорит, что члены правительства и Трошю — орлеанисты. Он критикует знаменитый план,

¹ Префект полиции во времена Второй империи

² Трошю говорил подобные речи и накануне вылазки под Бю завалем.

о котором столько говорили, и заканчивает речь, напоминая, что в этом зале Вильгельм и Бисмарк были приговорены к смерти и что, как он надеется, найдутся несколько франкмасонов-республиканцев, которые приведут в исполнение приговор, вынесенный франкмасонами..

Монфор говорит, что комитет XIX округа обратился в муниципалитет того же округа с просьбой не подавать в отставку при нынешних тяжелых обстоятельствах, в которых мы оказались

Лонга — Похороны бедняков следуют одни за другими в густо населенных кварталах¹, потому что ослабевшие желудки уже не могут вынести тяжелых лишений. Он заканчивает призывом к объединению республиканцев.

Альбер Гулле просит собрание принять резолюцию с требованием выпустить на свободу узников Консьержери.

В заключение он предлагает поставить на голосование резолюцию о предъявлении правительству требования в течение трех дней перейти к мощному наступлению на позиции пруссаков. Председатель отвечает, что Центральный комитет внимательно рассмотрит этот вопрос в среду и вынесет его на общее собрание.

Мари сообщает о своем разговоре с одним полковником, из которого он заключил, что для организации серьезной вылазки потребуется 250 тыс солдат.

Оратор высказывает мысль, что если бы народу дали проголосовать, хочет ли он Республику или другое правление, народ отказался бы от Республики. Следовательно, если напасть на пруссаков, можно вопреки всему укрепить Республику.

Порталье считает, что народ слишком долго терпел Больше он не должен ждать

Лонга говорит, что, если наша армия все же будет побеждена, тогда мы должны всей массой обру-

¹ Смертность увеличивается с 1202 человек за неделю в конце сентября 1870 г до 4444 человек за третью неделю января 1871 г (Согласно статистике смертности во время осады Парижа, приводимой Натаном Шеппардом в «Shut up in Paris», Tauchnitz, Leipzig, 1871)

шиться на пруссаков. хотя бы всем пришлось погибнуть.

Заседание закрывается под крики «Да здравствует демократическая и социальная республика!»

*

Заседание 28 декабря 1870 г.

Председательствует гражданин Дюпа, в президиуме Шатлен, Демэ, Брандели.

..Гражданин Монтаред решительно осуждает правительство за то, что оно расценивает силы, обороняющие Париж, дает уничтожать их по частям и всячески поощряет измену.

Гражданин Пийо в спокойной и сдержанной речи неопровержимо доказывает, что отсутствие веры в самих себя, недостаток убежденности в правоте наших принципов и даже, сказал он, наша трусость помешали нам 31 октября, несмотря на нашу многочисленность, установить Коммуну вопреки семи или восьми двурушникам. Теперь мы поставлены в ужасное положение, а предатели повсюду не дремлют и в любую минуту могут открыть врагам ворота какого-нибудь форта; и тогда Париж смогут взять «А разве было бы так, если бы мы знали, что в каждом укреплении у нас есть член нашей Коммуны, который зорко следит за всем и всегда готов покарать предательство? При Коммуне мы обшарили бы в Париже каждый уголок, и все то, что нашли бы, вместо того чтобы гнить в подвалах, прокормило бы парижан еще в течение двух месяцев»

Гражданин Шабер называет себя республиканцем и социалистом, но просит разрешения рассматривать социализм со своей личной точки зрения. Тут гражданин Пессан просит слова и говорит собранию, что его удивляет, почему гражданин Шабер, который называет себя здесь социалистом, голосовал в Клубе Фоли-Бержер за монархию. Гражданин Шабер протестует против этого обвинения. Он считает, что, хотя правительство и пренебрегало многими мерами в деле обороны, надо признать, что народ, особенно французское крестьянство, почти целиком придер-

живается иных взглядов, чем рабочие больших городов.

Затем, говоря о Коммуне, он находит, что она действительно была бы средством спасения, но сомневается, можно ли в наши дни встретить людей, обладающих достаточными достоинствами и достаточными способностями...

Гражданин Андриё замечает, что гражданин Шабер начал чуть ли не с восхвалений правительства, а под конец пришел к революционной Коммуне. Гражданину Шаберу задают вопрос, как он голосовал 3 ноября: «да» или «нет», и он отвечает, что голосовал «да». Собрание глухо ворчит, а гражданин Андриё благодарит его за честный ответ.

Подчеркивая далее противоречивость позиции гражданина Шабера, Андриё доказывает, что Францию силой заставили быть республиканской и патриотичной. Он утверждает, что, если бы вместо 14 слишком хорошо известных деятелей народ избрал 14 первых попавшихся граждан — лишь бы они были честными, — эти люди спасли бы Францию. Его сильная, убедительная речь встречает восторженный прием собрания

Гражданин Перру тоже говорит о Коммуне и утверждает, что Коммуна вообще не нужна или, вернее, что народ должен быть сам своей Коммуной. Он говорит, что весь народ должен заявить правительству: вот чего я хочу. Председательствующий, гражданин Дюпа, решительно отвергает подобное мнение и говорит, что избранных народа всегда можно отозвать и потому это мнение лишено основания.

Гражданин Наппа-Пике более подробно отвечает гражданину Перру и говорит, что в Англии, на которую ссылался гражданин Перру, состав палаты меняется не с помощью митингов и петиций; такая свобода, как в Англии, не имеет никакой цены и ни к чему не ведет: эта смехотворная свобода служит лишь для того, чтобы лучше обуздывать народ. Далее, переходя к обзору поступков и дел правительства с 4 сентября, оратор доказывает, что эти люди, обманом овладевшие народным доверием, не лишены способностей и достоинств, но вопреки мнению

гражданина Шабера далеко не всегда эти так называемые способности и достоинства спасают народ. В заключение он рекомендует гражданам завоевывать друзей для Коммуны. Он уверяет, что нет ничего проще, надо действовать повсюду, на публичных собраниях, среди национальных гвардейцев, где придется.

Затем гражданин Напиа-Пике предлагает следующее: вместо того чтобы заставлять бедняков дрожать на холоде перед дверьми бюро, распределяющих продовольствие, пусть правительство с помощью платных носильщиков рассылает распределенные продукты нуждающимся.

Гражданин Бабик утверждает, что революционный способ — это единственный способ борьбы, каким в наши дни может располагать народ. С давних времен, говорит он, нами правило монархическое меньшинство интриганов, а теперь нами должно руководить меньшинство, преданное интересам народа...

Гражданин Пессан говорит, что в провинции гражданин Гамбетта частично заменил старых, преданных империи генералов молодыми, выдвинутыми даже из солдат¹. Он тоже стоит за революционную Коммуну, члены которой должны быть, как и выбранные Гамбеттой генералы, выдвинуты из молодежи, которая будет готова взять на себя бремя нынешнего положения.

Гражданин Сио-Лавинь глубоко возмущен равнодушием народа к тому положению, в какое тот поставлен. Он тоже требует революционной Коммуны, которую считает единственным средством спасения.

Председательствующий подводит итог прениям, советует всем гражданам организовать всеми возможными средствами и охватить как можно больше людей, чтобы быть готовыми в минуту опасности, которая не замедлит наступить. Затем он сообща-

ет, что собрание в зале XIX века обратилось с запросом в правительство, куда девался генерал Дюкро, о котором ничего не слышно со времени последних сражений¹.

Заседание закрылось в 4 часа.

Председательствующий Э. Дюпа.

Заседание 28 декабря 1870 г.

Председатель Дюпа, в президиуме — Арно, Брандели и Сио-Лавинь.

Гражданин Констан Мартен вносит предложение попросить все окружные комитеты срочно сообщить о том, какими силами может располагать каждый округ в нужный момент, чтобы установить революционную Коммуну».

Одновременно с Республиканской лигой национальной обороны до последней крайности, как мы видели довольно активной, существует еще «Ассоциация защитников республики», о которой мы знаем очень мало, известно лишь, что она обосновалась на улице Фонтендю-Гамплъ, 7 (III округ), в помещении своего казначея Шаванья², и что одним из ее наиболее активных членов был Шарль Амуру, впоследствии избранный в Коммуну от IV округа.

Клеманс, который участвовал в военных действиях во время злосчастной вылазки в Шампиньи, в своей записной книжке проливает некоторый свет на жизнь отдельных частей национальной гвардии:

«Вторник, 27-го: протест 1-й роты 96-го батальона против поведения капитана Верне, который освобождает от несения службы на крепостных валах людей обеспеченных и потому не нуждающихся в ежедневной плате в 1,5 франка и посылает на валы

¹ В то же время Кюзере в лионской социалистической газете «Le Spafrog» бичевал «Гамбетту I, короля Тура и Гасконии», и его смехотворных генералов (15 декабря 1870 г. APP, dossier Cluse ret)

¹ Дюкро, который накануне вылазки в Шампиньи (28 ноября) публично дал клятву вернуться в Париж «победителем или погибнуть», вернулся разбитый, но живехонький и по-прежнему готовый — как и 31 октября — подавлять народное движение.

² См.: «Le Combat», 27 décembre 1870.

людей, по своему материальному положению не имеющих возможности отказаться от этой полочки. Значит, рота делится на богатых и бедных.

*

Такое классовое неравенство наблюдается не только в национальной гвардии, но и в снабжении всего населения продовольствием, или, как говорили в ту эпоху, «средствами существования». С самого начала осады правительство противится установлению настоящего нормирования продуктов. Официальная точка зрения, выраженная Г. де Молинари в «Les Débats»¹, состоит в том, что «нормирование произойдет само собой вследствие повышения цен на продукты питания, которых будет становиться все меньше на рынке». За четыре месяца цена на яйцо поднялась с 5 су до 2,5 франка, на меру картошки с 2,5 до 30 франков, на масло с 16 до 80 франков за килограмм.

Национальный гвардеец получает 30 су в день. В январе на эти деньги он может купить один корешок салата-латука или один собачий мозг. В то же время те, кто может платить, еще находят в шикарных ресторанах обильные яства. Бланки справедливо называет это «верховой властью денег».

Поневоле приходится пойти на нормирование мяса и хлеба. С 20 ноября муниципалитет III округа распределяет рационы соленой говядины и конины². Ко дню Нового года мэрия II округа распределяет 4550 кг оливкового масла, фасоли, кофе и шоколада³. 12 января у муниципалитетов I и II округов остается для распределения только 78 лошадей, у муниципалитетов III и IV округов — 96 лошадей: по 60 граммов на едока⁴.

Наступают сильные холода, дров не хватает, смертность растет в устрашающих размерах. Население начинает терять надежду на прорыв блокады армиями из провинции после происшедшего в конце ноября разгрома наступления, которое Гамбетта начал из Орлеана,

¹ Номер от 19 сентября 1870 г

² «Murailles politiques françaises», t I, p 467

³ Ibid., p 676

⁴ Ibid., p. 739.

несмотря на саботаж Тьера и д'Ореля де Паладина¹. Трошю старается держать национальную гвардию в бездействии, время от времени прерываемом страшными поражениями: в Шампиньи (3 декабря), Ле Бурже (21 декабря), на плато Аврон (27 декабря); а начиная с января прусские снаряды уже рвутся внутри городских стен столицы. В рабочих кварталах, на собраниях в клубах Жюль Фавра, Трошю и иже с ними называют не иначе, как «шайкой иуд», и требование «Даешь Коммуну!» возрождается с небывалой силой.

Республиканский альянс Ледрю-Роллена, Делеклюза и Артюра Арну, столь нерешительный 31 октября, теперь, на заседании 3 января, требует сам избрания муниципального собрания, на которое была бы возложена задача обеспечения нужд обороны Парижа².

Центральный республиканский комитет не дает себя обойти. Собрав делегатов 20 окружных комитетов, он выпускает 5 января вторую «Красную афишу», в которой, осудив правителей, «думающих только о переговорах с врагом, вместо того чтобы лить пушки и изготовлять оружие», требует во имя общественного спасения, чтобы они освободили место народу, Коммуне, для общей реквизиции, бесплатных рационов и наступления на врага крупными силами.

Среди 140 подписей под афишей мы видим следующие имена: Шатлен, Альбер Гулле, Гранжан, Констан Мартен, Наппа-Пике, доктор Пийо и Салле (I округ), Жоаннар (II округ), Антуан Арно, Огюст Демэ, Пенди (III округ), Клеманс, Гарнье, Эжен Жерарден, Пьенуар (IV округ)³.

Большая часть делегатов проводит ночь, расклеивая афиши в своих кварталах, причем дело не обходится без стычек, сдирания афиш и арестов.

¹ См. М. Choisy, Les Origines de la Commune, Paris livre, p 114—117.

² «Enquête parlementaire», t III, p 273. Вскоре альянс уточнил, что хочет выборного муниципального собрания, состоящего из двухсот человек («Le Rappel», 23 janvier.)

³ На этот раз подписываются и многие бланкетисты (Бридо, Шардон, Дюваль, Ферре, Флотт, Жантоц, Тридон). Среди подписавшихся, впоследствии избранных в Коммуну, мы видим еще следующие имена: Бабик, Ш Белэ, Шампи, Фрюно, Фортюне Анри, Бенуа Малон, Мартеле, Лео Мелье, Уде, Паризель, Режер, Сикар, Тейс, Юрбен, Виар, Эдуар Вайян и Жюль Валлес.

Но афиша наделала столько шума, что Трошию почувствовал себя задетым. Он отвечает 7 января, утверждая, что «губернатор Парижа не капитулирует», и велит арестовать кое-кого из подписавшихся, в том числе Пийо, Наппа-Пике и Шатлена.

На собрании Центрального республиканского клуба, состоявшемся в тот же вечер в зале Редут на улице Жан-Жака Руссо (I округ), все одобряют поступок гражданина Делеклюза, мэра XIX округа, подавшего в отставку вместе со своими помощниками, «чтобы не оставаться безвольным орудием политики, предающей интересы Франции и Республики». Всем выборным членам муниципалитетов предлагается последовать этому «благородному примеру».

Один оратор заявляет, что он доволен только что произведенными арестами (*движение в зале*); он даже сожалеет, что не были арестованы все 140 подписавшихся и он сам в придачу, так как... «народ спит и только преследования могут его разбудить». Другой оратор считает, что победа Коммуны неизбежна и необходимо подготовиться к несению ответственности за войну, которую ей предстоит вести. Придется увеличить количество полевых укреплений и вести борьбу с голодом. Чтобы покончить с голодом, не следует отступать перед самыми тяжелыми жертвами:

— Мы уже едим крыс, правда, они тоже наши враги; но мы будем есть и кошек, а они наши друзья; быть может, мы дойдем до того, что нам придется есть и человечье мясо...

Эти людоедские предсказания бросают в дрожь присутствующих.

— Начнем с того, что слопаем пруссаков,— кричит какой-то гаврош.

Затем вновь возвращаются к обычной панацее от всех бед — Коммуне. Надо переизбрать Делеклюза и дать ему строжайший наказ установить Коммуну. Кажется, теперь и сама армия не видит иного средства спасения, кроме как в установлении Коммуны.

— Знаете ли вы хотя бы, что такое Коммуна? — спрашивает оратор в другом клубе. — Держу пари, что

даже здесь три четверти собравшихся не знают, что такое Коммуна. (*Единодушные протесты.*)

Слышны крики:

— Ну так скажите сами, что это такое!

— Коммуна — это право народа, равное распределение продуктов, всеобщий набор и наказание предателей. Словом, Коммуна... это Коммуна! ¹

*

В другом месте житель улицы Шапон (III округ) утверждает, что его друзья, которые дружат с друзьями Ледрю-Роллена, передали ему слова Трошию, сказавшего, что он не верит в возможность обороны Парижа; что он даст убить 30 тыс. человек для очистки совести, а потом капитулирует ².

Возмущение доходит до последних пределов. И это не безответственная болтовня, как можно было бы подумать. Мысль устроить «кровопускание» национальной гвардии, потому что она рвалась в драку, действительно зародилась в уме Трошию, как подтвердил генерал Дюкро в своих показаниях перед парламентской следственной комиссией ³.

«На заседаниях правительства я не раз слышал подобные слова: «Что ни говорите, генерал, но общественное мнение не успокоится, пока не погибнет 10 тыс национальных гвардейцев»»

*

Интернационал, с трудом восстановивший несколько секций, снова собрал свой Федеральный совет 5 января 1871 г. на площади Кордери под председательством Франкена. Ему не хватает денег; членские взносы не поступают; бронзовщики, которые год назад составляли одну из самых сильных секций, разбросаны по разным военным частям. Чтобы вести пропаганду, приходится заключить соглашение с газетой «La lutte à outrance» — маленьким листком республиканской ассо-

¹ См.: G. de Molinari, Les Clubs rouges, p. 213

² Ibid., p. 229

³ «Enquête parlementaire», t. III, p. XVIII,

циации IV округа. Франкен, Гулле, Пенди выдвинуты в члены редакционной комиссии (12 января). Табуре от имени секции пекарей ставит вопрос о ночной работе (19 января).

«Труд пекарей чрезвычайно изнурителен. Без особой нужды нас заставляют работать ночью, что отрывает нас от общества и от семьи. Днем мы спим, мы живем словно отрезанные от мира, вследствие чего не можем общаться с другими рабочими».

Варлен считает, что они выбрали неподходящее время для выступления: как раз сейчас, когда не хватает муки; но требование их не будет забыто, и Коммуна отменит ночную работу пекарей.

Шален жалуется, что секции, действовавшие в окружных комитетах бдительности («в свое время это могло принести пользу»), не прислали своих представителей в Федеральный совет Интернационала «в такой момент, когда политическая ситуация стала столь угрожающей».

Лакор извлекает уроки из недавнего прошлого:

«Интернационал плохо понял свою роль. 4 сентября рабочие должны были захватить власть. Это надо сделать теперь. Если б Интернационал с первого дня шел прямо по намеченному пути, все обернулось бы по-другому, в частности 31 октября. Сегодня все расстроилось, однако Интернационал должен понять, что в этот час на карту поставлено само его существование.. Интернационал не сознает своей реальной силы, а она очень значительна...»

Варлен не жалеет, что Интернационал предоставил заниматься политикой публичным собраниям (клубам). Его поглощают проблемы реорганизации и пропаганды Интернационала, и если он участвует в совещаниях Центрального республиканского комитета, то потому, что был послан туда делегатом от комитета бдительности VI округа.

Провал вылазки при Бюзанвале (провал преднамеренный) наконец открыл глаза всему народу на преступное пораженчество правителей, продиктованное классовыми соображениями.

В ходе франко-прусской войны стало совершенно ясно, что отношение разных классов общества к войне определяется их чисто классовыми интересами. Когда Наполеон III начал войну, чтобы утвердить свою династию и раздавить республиканскую и революционную оппозицию, обеспеченные классы стояли за войну, а интернационалисты и бланкисты — за поражение императорских армий. После разгрома империи и вторжения во Францию неприятеля мы видим обратную картину: пролетарии и мелкая республикански настроенная буржуазия полны патриотизма, стоят за борьбу до последней крайности, а крупные буржуа становятся убежденными пораженцами. Мы уже приводили множество примеров пораженчества провинциальной знати¹. Нет недостатка и в доказательствах пораженчества правителей. После дела в Шампиньи

«население убедилось, что если мы не стали победителями, то отнюдь не из-за неспособности генералов, а из-за нежелания воевать, из-за сознательного намерения незаметно привести к капитуляции, такой же, как в Меце».

И это говорит не «коммунар», а господин Дюбай, мэр X округа², который не питает никакой ненависти к «банде Трошю». И в заключение, чтобы нас не обвиняли в пристрастности, рассмотрим конец осады, описанный в главе под таким же названием в уже цитированной нами выше работе Жюля Симона, министра народного образования³.

16 января правительство собирается в Лувре вместе с главными военными начальниками. Трошю считает, что следует «оставить некоторые позиции накануне попытки, которая, — как он говорит, — должна стать последней». Дюкро называет «сверхабсурдным» проект большого сражения и «доказывает», что наступление на Шатийон или вылазка в Версаль «равно невозможны».

«Разумеется, — говорит генерал, глава правительства, — с помощью обычных военных мер трудно до-

¹ См. М. Choury, Les Origines de la Commune, Paris livré, p. 104 et suiv. et 151 et suiv.

² См.: «Enquête parlementaire», t. II, p. 353

³ Jules Simon, Le Gouvernement de la Défense nationale, p. 265 et suiv.

биться успеха, но ведь речь идет не о параде перед господином Мольтке в Женевилье: уж лучше попросту послать войска на убой».

Генерал Гио¹ считает нужным подчеркнуть, что целью является не победа, а мир:

«Попытка будет предшествовать переговорам. Если она окажется удачной, то она их облегчит; во всяком случае, она поможет избежать внутренних осложнений».

Вот она, суть проблемы. И на этот раз они сражаются не ради победы, а потому, что люди, «получающие 30 су», рвутся в бой. В обстановке высокого патриотического подъема, царящего в Париже после четырехмесячной осады, если бы правительство капитулировало, не дав последнего боя, его бы немедленно сбросили... Итак, решено произвести «маленькое кровопускание», как говорит генерал Клеман Тома, чтобы сорвать патриотический мятеж: в этом деле слетит немало горячих голов, но, вероятно, этого будет достаточно, чтобы охладить те, что уцелеют.

Дюкро разоблачил преднамеренность преступления, то же делает и Максим дю Кан, когда передает следующие слова Трошю:

«Если во время большого, данного под Парижем сражения 20 или 25 тыс. человек останутся на поле боя, Париж капитулирует... Национальная гвардия согласится на мир, лишь потеряв 10 тыс.»²

10, 20, 25, 30 тыс: число меняется, но одно остается неизменным — Трошю посылает национальную гвардию в бой, «чтобы сломить ее необузданное желание сопротивляться»³.

К тому же не следует давать возможность «вооруженной черни» (по выражению Дюкро) прорвать окружение массовой вылазкой. Поэтому вместо официально

¹ Командующий артиллерией. Это он написал по поводу солдата, которого ему рекомендовал один генерал: «...Я пошлю его в Мон-Валерьян, где он будет подвергаться меньшей опасности, чем в Париже... и где он может только делать вид, что стреляет из пушки, то есть стрелять в воздух по методу Ноэля». (Ноэль был командантом форга. — М. III.)

² Maxime du Camp, Les convulsions de Paris, Librairie Hachette, 1897, t. I, p. 11.

³ Francis Garnier, Journal d'un officier de marine. Delagrave et Cie, 1872, p. 166

названного числа 330 тыс. человек Трошю предлагает послать всего 60 тыс...

17 января снова заседание в Лувре. Очень приятно вести лишь маленькую войну, но Трошю хочет прежде всего рассмотреть вопросы, связанные с капитуляцией, «если начнутся переговоры», стыдливо добавляет он в начале дискуссии. Но когда какой-то наивный оратор пытается сказать, что «можно держаться и после поражения», председатель резко обрывает его: «Если мы будем разбиты, надо капитулировать».

Вместо того чтобы напрочь все усилия накануне решающей битвы, министры терзаются, стараясь ответить на основной вопрос: «Останемся ли мы хозяевами внутри страны, если потерпим поражение?» Так и не сумев решить этой проблемы, правители и генералы разошлись в смертельной тревоге. Утро вечера мудреней, решает начальник генерального штаба генерал Шмитц, и вместо того, чтобы под покровом ночи занять позиции и напасть врасплох на пруссаков, празднующих в Версале провозглашение Вильгельма императором Германии, он преспокойно ложится спать¹.

Войска оказались на месте лишь к концу дня, и на следующее утро в бой ввели всего 25 тыс., что не мешает Трошю написать в вечернем рапорте: «Три армейских корпуса, насчитывающих более 100 тыс. человек и снабженных мощной артиллерией, вступили в схватку с врагом».

Трошю, который следит в бинокль за военными действиями с высот Мон-Валерьяна, становится искренним, лишь когда он пишет военному министру: «Густой туман скрывает от меня все перипетии битвы... Мы сражаемся в полном мраке!»

Но он все же несколько просчитался с национальными гвардейцами, жаждавшими борьбы «до последней крайности»: если бы он не вмешался, они еще, чего доброго, вырвали бы штыками победу у врага².

¹ Согласно показаниям Дюкро. («Enquête parlementaire», t III p. XXI.)

² Когда в Мари-ла-Кокет прекратили огонь, чтобы вынести раненых, адъютант генерала фон Камеке сказал Жюлю Кларети («Histoire de la révolution de 1870—1871», p. 482). «Мы восхищались отвагой ваших новых линейных войск» На деле то были парижские национальные гвардейцы.

Трошю спешит трубить отступление и приводит в отчаяние народ, сообщая в афише о происшедшей бойне... Если там не было обещанных им 10 тыс. убитых, то все же количество жертв очень велико¹. После этого национальная гвардия должна быть укрощена...

20 января в 4 часа великий стратег дает знать своим коллегам, что впредь отказывается от наступления.

После обеда новое заседание в министерстве внутренних дел, где заговорщики-капитулянты стараются переложить на мэров бремя капитуляции... Во время этого бурного заседания Трошю признается, что он еще с 4 сентября не верил в возможность победы. Эти слова, разглашенные мэрами, доходят до широкой публики и вызывают всеобщее возмущение. Так вот к чему мы пришли, после того как голодали, стояли на холоде в очередях, переносили артиллерийский обстрел и принесли в жертву 60 тыс. человек!

Радикальный Республиканский альянс понимает, откуда дует ветер. Он выпускает манифест², в котором поносит капитулянтов и требует в течение 48 часов избрать полномочное Собрание из 200 человек, иначе говоря, Коммуну, которую вот уже несколько месяцев настойчиво требуют патриоты-революционеры.

Этот манифест расклеивают на улицах утром 22 января, но еще накануне Делеклюз, Разуа, Прото, Фонтен, Артюр Арну и главные руководители альянса вступили в переговоры с несколькими делегатами предместий и секций Интернационала, которые, по словам Артюра Арну, обещали им поддержку своих батальонов. В полдень главный штаб радикалов-неоякобинцев собирается в доме одного из своих членов, Лефевра-Ронсье, на улице Риволи, 60. С балкона можно следить за тем, что делается на площади. Однако и на этот раз, как свидетельствует Эдуар Вайян, движением руководит Кордери.

«Двадцать второе января было подготовлено на площади Кордери, где, как вы знаете, собирался Ко-

митет 20 округов...¹ В первых числах января там была сформирована комиссия из 22 человек, в расчете на движение, которое станет реваншем за 31 октября. Эта комиссия должна была выделить тайную подкомиссию из пяти человек, чтобы подготовить восстание. В эту пятерку были избраны: Ферре, Леверде, Тридон, Сапия и я².

Тридон, Сапия и я непрерывно дежурили на улице Антуанет... Мы занимались тем, что с помощью самых верных друзей Кордери старались мобилизовать в рабочих округах как можно больше сил к тому дню, который будет назначен».

Вайян подробно описывает роль каждого из главных участников и указывает, что местом встреч членов комиссии было кафе «Газ» на улице Риволи. Дальнейшее развитие событий дает множество доказательств правильности рассказа Эдуара Вайяна.

*

День 21 января был насыщен событиями. С самого утра в Лувре ведутся тайные совещания между Трошю, правительством и мэрами, которые по-прежнему отказываются играть роль ликвидаторов дела, обреченного на скорый провал. Тем временем на улице начинается движение. После обеда роты национальных гвардейцев пришли из Бельвиля в Сент-Антуанское предместье, чтобы участвовать в похоронах полковника Рошбрюна; они кричат: «Долой правительство! Да здравствует Коммуна!» Вечером в Клубе Рэн Бланш на Монмартре общаются, что клубы и комитеты бдительности договорились и назначили на завтра в полдень сбор перед Ратушей.

В Бельвиле, в клубе Фавье, такое же лихорадочное движение народа. Здесь много членов Центрального республиканского комитета: Жюль Валлес (XIX округ), Альбер Гулле (XI округ), Варлен (VI округ) и три

¹ Потери исчисляются в 4070 человек убитыми и ранеными Среди погибших известный художник Анри Реньо, волонтер 16-го парижского полка, подполковник Рошбрюн, бывший командир «зауавов смерти» во время польского восстания, командовавший четырьмя батальонами Сент-Антуанского предместья при Бюзанвале.

² «Murailles politiques françaises», t. I, p. 791.

¹ Заявление, сделанное Максиму Вийому, который напечатал его в «Mes cahiers rouges», t. IX, p. 49—51.

² Леверде и Вайян — члены Интернационала; Ферре, Тридон и Сапия — бланкисты.

члена тайной комиссии, готовящей восстание: Леверде, Тридон и Вайян¹. В громадном, освещенном свечами зале идет горячая дискуссия. Спор переходит в ссору между сторонниками и противниками немедленных действий. Образуется группа², которая уходит к Ратуше в поисках добровольцев, готовых идти освобождать из тюрьмы жертвы репрессий 31 октября.

В зале Бурдон (IV округ) в присутствии члена Центрального республиканского комитета Клеманса собравшиеся тоже решают идти к Ратуше³. Капитан Монпелье, командир 5-й роты 73-го батальона и делегат комитета от XII округа, первым бросает призыв «К оружию!»⁴. Позади Шоссевера, столяра из предместья, размахивающего красным знаменем, выстраивается колонна. К ней присоединяется член Центрального комитета Брандели. Около церкви Сен-Поль (IV округ) колонна сливается с маленьким отрядом из Бельвиля. Одни предлагают ударить в набат с колокольни Сен-Поль, призывая к восстанию, другие — отправиться к тюрьме Мазас и освободить Флуранса и всех политических заключенных. Последнее предложение побеждает. Холодной ночью по опустевшим улицам 125 решительных людей двигаются к тюрьме. Застигнутая врасплох охрана снята, колонна врывается и заполняет тюрьму, барабаны бьют сигнал атаки, а на улице перед тюрьмой по крупному булыжнику возят бочку для поливки улиц, чтобы начальник тюрьмы подумал, что у отряда есть артиллерия...⁵

Флуранс и Анри Бауер освобождены, а с ними еще несколько членов Центрального комитета: доктор Дюпа (XVIII округ), Альфонс Эмбер (XVII округ), доктор Пийо (I округ) и Лео Мелье (XIII округ).

Они добились успеха — что делать дальше? Одни хотят идти к тюрьме Консьержери, чтобы освободить

Тибальди¹, Лефрансе², Вермореля и Жаклара. Альфонс Эмбер предлагает немедленно двинуться к Ратуше, напасть на нее врасплох и захватить, как Мазас. Флуранс никого не хочет слушать: вместе со своими людьми он возвращается в Бельвиль, снова занимает свой пост в мэрии, призывает выбранных в ноябре членов муниципалитета и приказывает начальникам бельвилльских батальонов привести войска в боевую готовность.

Тем временем в Лувре решили сместить с поста главнокомандующего Трошю, непопулярность которого становилась опасной. Трошю принимает отставку без особого протеста. Он столько раз твердил: «Губернатор Парижа не капитулирует!» — что теперь, сложив с себя обязанности губернатора, может присоединиться к своим коллегам, чтобы завершить капитуляцию. Благодаря этому трюку все потеряно, кроме данного слова...³

Известие о нападении на Мазас посеяло панику в Лувре. Теперь у них нет главнокомандующего, и Флуранс, наверно, двигается на дворец, чтобы захватить правительство. Спешно будят генерала Винуа, одного из участников заговора 2 декабря 1851 г., чтобы сообщить ему, что он стал главнокомандующим вместо Трошю и обязан принять меры для разгрома готовящегося мятежа. Старый вояка тотчас становится резким: нечего строить себе иллюзий... теперь наступил критический момент... внутри страны партия беспорядка подняла голову... я буду до конца солдатом... для поддержания порядка... и т. д. и т. д.

Во всей этой бравадной речи нет ни слова о пруссаках. Да разве речь идет о пруссаках, черт возьми!

¹ Свидетельство Альбера Гулле. См. M. Vuillaume, *Mes cahiers rouges*, t. IX, p. 52.

² В ней участвуют Лавалетт, член Интернационала, будущий член Центрального комитета Федерации национальной гвардии, и Бержере, будущий генерал Коммуны.

³ Записная книжка Клеманса

⁴ M. Vuillaume, *Mes cahiers rouges*, t. VIII, p. 54

⁵ *Ibid.*, p. 64.

¹ Тибальди, приговоренный в 1857 г. к 10 годам ссылки в Кайенну за участие в заговоре против жизни Наполеона, находился теперь в заключении за участие в событиях 31 октября.

² Лефрансе подтверждает, что их друзья «извне» должны были освободить их этой ночью (См. «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 437—438)

³ Перед Национальным собранием Трошю будет оправдывать свое двурушничество политической необходимостью. «Меня упрекали за данное слово («губернатор Парижа не капитулирует») Правительство прекрасно знало, что я отвечал мятежникам, которым не следовало давать никакого повода для волнения». (Claretie, *Histoire de la révolution de 1870—1871*, p. 518.)

Враг — это «подлая чернь»¹. И чтобы выставить против нее войска, Винуа без колебаний оголяет фронт:

«С девяти часов утра генерал Курти отводит войска, чтобы вернуться в Париж и расставить их на Елисейских полях. Мобили из Финистера, размещенные в Жантйи, тоже готовятся к отходу... Генерал д'Эксеа, находящийся в Ле-Лила, возле Роменвиля, получает приказ держать наготове колону, которая в случае нужды займет с тыла Бельвильский квартал. Наконец, генерал Бланшар, занимавший Монпарнасский вокзал, готов выступить с небольшим отрядом, так же как кавалерия генерала Бертена де Во и жандармерия под командой генерала Мальруа. А пока батальона мобилей из Финистера, находящегося в Ратуше², вполне достаточно, чтобы защитить эту центральную позицию от первой атаки, и в этом случае его сопротивление даст время другим войскам подойти на помощь»³.

С одной четвертью всех этих войск можно было бы прорвать блокаду в Бюзанвале!

Заняв боевые позиции, генерал Клеман Тома, ставший после 31 октября во главе национальной гвардии взамен Тамизье, велит расклеить провокационную афишу: он призывает немедленно покончить с преступной затеей, с подлым мятежом горстки смутьянов...

Эта диатриба возбуждает революционные элементы, но еще больше действует она на консервативную массу, которая теряет рассудок, как только у нее перед глазами выставляют красное пугало. А Флуранс в известной степени и является таким красным пугалом для парижской мелкой буржуазии. Даже сам Делеклюз осуждает его импульсивные действия⁴. Флуранса те-

¹ По выражению Винуа. (Vinoу, L'Armistice et la Commune. Pion, 1872, p. 10.)

² На самом деле там было лишь шесть рот 3-го батальона мобилей из Финистера; две другие роты стояли в резерве в новой больнице (в то время еще недостроенной). (M. Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. IX, p. 66—67.)

³ Vиноу, L'Armistice et la Commune, p. 13.

⁴ «Мы можем с полным основанием сказать, что шумная агитация, организатором которой вот уже несколько месяцев является Флуранс, принесла лишь вред тому делу, которому он хочет служить. Пора бы ему это понять и умерить свой пыл. Что намерения у него самые хорошие, спору нет, но действия его всегда были неудачны», — пишет Делеклюз в газете «Le Réveil» 8 декабря 1870 г.

перь уже нечего бояться. Напрасно бьет он в набат в Бельвиле.

*

22 января 1871 года. Холодный, сырой день. С утра под темным нависшим небом ничто не напоминает о возбуждении 31 октября. На улицах мало народу. Редкие национальные гвардейцы, проходящие по площади с ружьем на плече, бросают мрачные взгляды на окна Ратуши, где изредка сверкнет кончик штыка. Там «бретонцы» Трошо. С ними придется схватиться врукопашную, чтобы выкурить их оттуда.

Флотт из Комитета с площади Кордери извещает утром своего друга Бланки о неизбежном выступлении. Бланки не одобряет его и делает прогноз, который, однако, не сбывается.

«Париж остался без всяких ресурсов. Правительство будет только радо взвалить на нас ответственность за окончательную развязку. Вы войдете в Ратушу, как нож в масло»¹.

Он пришел на встречу в кафе «Газ» как наблюдатель, готовый ко всяким неожиданностям, но можно считать неоспоримым, что бланкисты, активно участвовавшие в событиях этого дня — Сапиа, Ферре, Тридон, — действовали как делегаты от Кордери, а не по инструкциям Старика.

Делеклюз, Артюр Арну и руководители Республиканского альянса находятся, как было условлено, на балконе дома № 60 по улице Риволи². Быть может, все более многочисленные группы штатских, стекающихся на площадь Ратуши, пришли сюда под воздействием манифеста Республиканского альянса, но с такими силами нельзя начинать восстание. Где же батальоны, сочувствующие альянсу? На площади появляются лишь те батальоны, которыми командуют или руководят люди с площади Кордери: Бенуа Малон и Виктор Клеман с маршевой ротой 207-го батальона (Батиньоль), Тео

¹ По свидетельству Эдуара Вайяна (Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. IX, p. 50), подтвержденному Альбером Гулле: «По его мнению, теперь уже поздно брать в свои руки дело обороны» (p. 52).

² Феликс Пиа, всегда такой смелый, ждет развязки, сидя в фиакре.

Ферре со своими национальными гвардейцами с Монмартра, Дюваль с частью 101-го батальона Серизье, Сапиа со своими людьми из XIV округа, Лонге, пришедши с 248-м батальоном из Латинского квартала, тоже связан с Кордери. Кроме Риго, который без толку мечется между площадью и наблюдательным постом засевавшего на балконе Делеклюза, и храброго Разуа (из Республиканского альянса), участвующего во всех тяжелых схватках, мы видим среди вооруженных групп только людей с Кордери: Шампи, Комбо, Флотта, Жантелини, Леверде, Констан Мартена, Рулье, Эдуара Вайяна, Жюля Валлеса¹.

Около двух часов в Ратушу впускают делегацию Республиканского альянса, которую принимает помощник мэра Парижа Шодэ и заявляет, что на силу они ответят силой.

Вскоре появляется и делегация от Центрального комитета 20 округов, в которую входят Ж. Монтель, Шампи и Жантелини.

— Ага! Знаменитый комитет с Кордери,— высокомерно заявляет Шодэ.

— Париж еще может сражаться и побеждать,— говорит Монтель.— Вот уже больше четырех месяцев правительство нас обманывает и водит за нос. Мы заставили его лить пушки. Но оно не хочет сражаться. Пусть в таком случае подает в отставку и уступит место революционной Коммуне.

— Коммуна,— прерывает Шодэ,— это пустое слово. Париж больше не может сражаться. Ему нечего есть...

— Нечего есть! Жюль Ферри говорил это нам еще 4 сентября,— возражает капитан Монтель.— Мы хотим сражаться. Место революционным генералам!

Шодэ иронизирует:

«Назначьте генералом капитана, с которым я говорю, и тотчас разбитые наголову пруссаки снимут осаду. Так вот, мы не доверяем всем этим авантюрам. Правительство будет бороться с такими безумствами. Мы не поступим, как 31 октября. Мы обуздаем мятеж силой. Мы подготовились к встрече с вами»².

Делегация выходит, в то время как внутри здания мобили уже разбирают оружие. Взобравшись на фонарный столб, Монтель рассказывает о переговорах в Ратуше и призывает своих слушателей к терпению, так как, говорит он в заключение, «мы ожидаем подкреплений»¹.

И правда, войска восставших были крайне малочисленны. Все свидетельства сходятся на том, что собравшиеся части были скудны.

Историки объясняют это несколькими причинами: смещение Трошю с поста главнокомандующего, которое, удовлетворив многих патриотов, обезоружило недовольных; сдержанность Бланки; ощущение, что уже поздно исправлять положение. Все это, несомненно, сыграло некоторую роль, но самая основная причина состоит в том, что Кордери призывала начать в этот день восстание и все пришедшие с оружием в руках знали, что идут драться, и в этих условиях на призыв отозвалось только самое решительное революционное меньшинство.

В 15 часов началась стрельба. Кто ее открыл?

Пейзан, член комитета бдительности IV округа, находившийся на месте, свидетельствует, что первыми открыли огонь бретонские мобили. Он стоял перед левым входом в Ратушу. Подойдя к лейтенанту охраны, стоявшему за решетчатой оградой, он обратил его внимание на ствол ружья, угрожающе торчавшего из окна и направленного в сторону авеню Викторини.

— Будьте спокойны,— ответил ему лейтенант,— нападение начнется не отсюда.

Ружье исчезло из оконного проема. Несколько минут спустя, когда Пейзан остановил двух мальчишек, которые пытались свалить решетку, он услышал крики: «Убийцы! Убийцы!»

«Я поднял голову. Ружье, вновь занявшее прежнее

¹ Эдуар Вайян тоже утверждает, что ситы, собранные Кордери, «были бы 22 января очень многочисленны, если бы начавшаяся на площади перестрелка не предвосхитила штурм Ратуши» Действительно, в то время когда Монтель начал свою речь, на площадь уже входили Серизье со 101-м батальоном с левого берега Сены и колонна из Батиньоля — с правого.

¹ См. M. Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. VIII, p. 57.

² M. Vuillaume, Mes cahiers rouges, p. 61—62.

положение, выстрелило, и к моим ногам упал разорвавшийся пыж»¹.

Со стороны защитников Ратуши найдется немало свидетелей, заявлявших, что бретонские мобили ответили залпами на одиночный выстрел с площади по окнам здания. Спорить по этому поводу бесполезно. Даже если какой-нибудь недисциплинированный гвардеец — или провокатор — выстрелил первым, это не может оправдать залпы спрятавшихся в Ратуше мобилей.

У нас есть неопровержимое свидетельство капитана Артюра Гурлауана, командира 2-й роты 3-го батальона мобилей Финистера, получившей приказ защищать Тронный зал Ратуши. Гурлауан, налоговый инспектор в департаменте Манш, желая переменить место службы, в 1883 г. ищет поддержки Жюля Ферри, в то время председателя совета министров, и пишет:

«...31 октября 1870 г. я участвовал в освобождении правительства национальной обороны, попавшего в руки мятежников в Ратуше. 22 января 1871 г. в том же месте я занимал Тронный зал и утверждаю, что только моя личная инициатива, проявленная в тех обстоятельствах, привела, как вы знаете, господин министр, к почти немедленному разгону мятежников»².

Так как подоконники в Ратуше находились на высоте 1 м 30 см от пола, то мобили не могли подготовить себе позиции для стрельбы. Им приходилось стрелять прямо перед собой, не прицеливаясь, чем и объясняется небольшое количество жертв: шесть убитых и четырнадцать раненых. Среди убитых был командир Сапия, который, чтобы ответить на первый залп, отошел со своими людьми к авеню Виктории. В безоружной толпе начинается паника. Национальные гвардейцы осыпают пулями окна Ратуши. На углу Севастопольского бульвара и улицы Риволи, возле сквера Сен-Жак, строят баррикаду. Что будут делать артиллеристы, стоящие

¹ Письмо от 15 апреля 1871 г. банкиру Чернуски, который, защищая Шодэ, обвиненного Коммуной, написал: «Битва завязалась внизу, перед запертой решетчатой оградой. Я это знаю. Я был там». (Archives historiques de l'armée, dossier Ly 22.)

² Черновик этого письма был передан вдовой капитана Гурлауана Максиму Внйому, который опубликовал его в «Mes cahiers rouges», t. IX, p. 41.

в близости в парке Нотр-Дам? Лейтенант батареи «Раппель» Камиль Трейяр¹, с которым заранее связался Леверде, обещал при благоприятном обороте дела поддержать его своими пушками. Но Лефрансе, служивший в этой воинской части, сейчас сидит в тюрьме Консьержери... Художник Пилотель гщетно старается убедить артиллеристов включиться в борьбу. Вызванные Винуа подкрепления стекаются со всех сторон. Парк Нотр-Дам окружен двумя пехотными батальонами. Всякое сопротивление становится невозможным. Восставшие спешно отступают, позади всех отходит Луиза Мишель, грозя стрелкам кулаком.

*

В тот же час в министерстве народного просвещения в присутствии Жюля Симона происходит совещание полковников, на котором присутствуют мэр II округа Тирар и мэр III округа Бонвале.

Большинство высших офицеров отзываются с похвалой о стойкости национальной гвардии при Бюзанвале, но протестуют против «бесполезной попытки сопротивления, предпринятой армией и национальной гвардией, попытки, которой не преминут воспользоваться негодяи, только и ожидающие случая, чтобы приняться за грабеж и расхищение»².

Только два полковника, де Брансион и Жерма, критикуют руководство военными операциями в Бюзанвале. Полковник Жерма считает, что нельзя и думать о капитуляции, не сделав еще одной попытки прорвать окружение, но следует «отобрать командование у бездарных военачальников, которые нас погубили. При умелом командовании и хорошей организации последняя героическая попытка еще может нас спасти».

Но мнение большинства, выраженное генералом Лекомтом, сводится к тому, что следует «пнемногу подготовить население к необходимости идти на уступки, к которым вынуждает нас наше плачевное положение».

¹ Его отец, возглавлявший Управление общественного призрения при Коммуне, был расстрелян после прихода версальцев.

² Согласно сообщению Тирара, опубликованному Жюлем Синомом. («Le Gouvernement de la Défense nationale», p. 331—335.)

И это не так уж трудно сделать после провала востания. Вечером в клубе Фавье в Бельвиле мало народу и слышатся только разочарованные речи. Два дня всех призывали к оружию. Каждый раз присутствовавшие кричали: «Все! Все пойдём!», а сколько людей пришло на утро к Ратуше? «Нас не было и 40 человек!» «Это все равно, как Республиканский альянс с его манифестом, подписанным Делеклюзом и Ледрю-Ролленом. Эти люди подбивают нас, а когда надо идти вперед, они остаются дома!» (Голоса: «Верно! Просто болтуны!»)

Значит, нужны не клубы, а тайные общества, если вы не хотите, начав действовать, оказаться носом к носу с митральезами. Время не ждет, если нам не удастся отделаться от пруссаков, засевших в Ратуше, то как же мы прогоним тех, что стоят на берегах... Невы (sic!)? Пусть те, кто готов захватить силой мэрию в Бельвиле, запишутся в бюро. Результат: 23 записавшихся... (Возмущенные крики гражданок).

На другой день граждане Бельвиля имеют новый повод для возмущения: правительство удваивает число военных судов, запрещает газету Делеклюза «Le Réveil», а также «Le Combat», которая служит трибуной Центральному республиканскому комитету, посылает Жюля Фавра в Версаль для переговоров о перемирии с Бисмарком и, чтобы покончить со всякими обсуждениями, закрывает клубы.

После закрытия клубов дискуссии ведутся на улице. 24 января на бульваре Монмартр агенты и сторонники правительства ведут громкие разговоры среди граждан, собирающихся группами, несмотря на пронизывающий холод¹.

— У нас нет вождей, вот что нас губит. Эх, если бы у нас был Гамбетта... (Восклицания.) Гамбетта поднял провинцию и организовал там армии.

— А где они? Зачем он изображал из себя генерала? Ведь он адвокат. Это все равно, как если бы медник стал тачать сапоги.

— Он захотел повторить 92 год и все испортил.

— Нет! Нет!

— Да! Да!

— А теперь что нам делать? В провинции больше нет армий.

— Так говорит прусский «Le Moniteur».

— Нет, «L'Officiel»! Если бы это была неправда, зачем бы «L'Officiel» перепечатывала сообщения из «Le Moniteur de Seine-et-Oise»?

— Знаем мы эти песни. Вы капитулянт.

— Нет, не капитулянт. Если вы собираетесь идти на прорыв, я готов.

— Еще бы, конечно, надо прорвать осаду, Париж не может капитулировать!

— Верно, Париж не возьмешь!

— Вы правы, надо устроить прорыв, если это возможно. Но есть ли у нас армии в провинции или их нет? Если они еще существуют, тогда пробьемся, и, может быть, потеряв 130 тыс. человек, нам удастся соединиться с ними и всем вместе разбить пруссаков. Но если у нас нет армий в провинции, что мы будем делать, вырвавшись из окружения? Нам придется пройти 30 миль по разоренной и лишенной всяких ресурсов стране, чтобы встретиться с прусскими солдатами Фридриха-Карла или Мантёйфеля...

— Если бы у нас было по крайней мере продовольствие. Но хватит ли у нас хлеба хотя бы на неделю? Вы знаете, что говорили на собрании мэров?..

— Это неправда, у нас продуктов больше чем на шесть недель. Надо только провести обыски в городе.

— Почему же вы не захотели Коммуны, хотя бы вы, господа? Она и провела бы обыски.

— Коммуну, еще чего! Коммунары — это те же пруссаки. Они стреляют в французов, в то время как пруссаки нас бомбардируют.

— Тогда кого же вам надо? Орлеанов или Бонапартов?

— Речь идет не об Орлеанах и не о Бонапартах, а о нас самих. Есть ли у нас еще армии в провинции? Есть ли у нас продукты? Вот в чем вопрос. Если нам неоткуда ждать помощи и если у нас не осталось хлеба, что мы можем сделать? Ну-ка, может, вы знаете выход?

— Я — нет, но если бы у нас был человек!

— Ну так ищите этого человека, но, бога ради, найдите его поскорей!

¹ См.: Molinari, Les clubs rouges, p. 274 et suiv.

На верхнем конце пассажа Жуфруа какой-то гражданин с хорошей памятью напоминает собравшимся зевакам, что еще полгода назад на этом самом месте все кричали: «На Берлин! На Берлин!»

— Только не мы!

— Не вы, так другие, и все горланили «Марсельезу». И что же вы думаете, пока вы здесь орали: «На Берлин!», в Германии вопили: «На Париж!» А теперь мы разыграли эту партию и проиграли.

— Нас предали! Но позже мы еще возьмем реванш.

— Ну да, реванш мы, конечно, возьмем...

— А пока мы должны по-прежнему давать себя уничтожать? Позволить населению Парижа умирать с голоду? Разве Париж еще не выполнил свой долг, больше чем свой долг? Нам все толкуют о 92 годе, да разве люди в 92 году столько вытерпели, сколько мы страдаем теперь? На прошлой неделе умерло 4500 человек, на будущей, наверно, умрет еще больше.

— Да, жить стало невозможно!

— С каждым днем женщины и дети слабеют; и говорите что хотите, а для меня семья дороже родины.

— Эй! Эй!

— Вы говорите «эй! эй!», но в глубине души думаете, как и я.

— Нет! Нет!

— Да! Да!

— Если бы все это могло вывести нас из беды, я, может быть, сказал бы: потерпим еще! Будем терпеть до конца! Но если у нас нет выхода, если нам нечего есть, что вы предлагаете делать? Еще раз спрашиваю, что?

— ...

— Можно ли печь хлеб, когда нет ни зерна, ни муки? Знаете ли вы способ, как питаться воздухом? Пруссаки нас победили, но разве это доказывает, что они храбрее нас? Они укреплялись с 1807 г., а наша страна прогнила и разлагалась по вине империи. Разве мы могли за четыре месяца создать армию, способную сражаться с ними? Было ли у нас такое мастерство и дисциплина...

— Вот, вот! Дисциплины-то нам и не хватает! Эх, если б у нас была дисциплина!..

— А эти прохвосты-лавочники не желают продавать сахар с тех пор, как ввели твердые цены.

— Это вина Ферри...

— Все они друг друга стоят.

— Осман был негодяй, но он не дал бы нам подыхать с голоду.

— И мы не стояли бы в очередях.

— Так говорят бонапартисты!

— Бонапартисты — ну уж нет, они нам не нужны!

— И никогда не были нужны.

— Это они посадили нас в лужу.

И т. д., и т. д.

А тем временем в Версале за десертом Жюль Фавр жалуется Бисмарку: в Париже все идет из рук вон плохо, мобили (французские) разграбили его загородную виллу, положение его стало в высшей степени критическим среди враждебной парижской «черни»... Бисмарк полон сочувствия и дает ему следующий совет:

«Спровоцируйте-ка мятеж, пока у вас есть еще армия для его подавления»¹.

*

22 января на площади Кордери собирается Федеральный совет Интернационала. Организация находится в очень трудном положении. Клуб, финансировавший издание «La lutte à outrance», закрыт. На имеющиеся в кассе деньги можно отпечатать лишь 200 экземпляров только что составленного манифеста. Варлен предлагает издать брошюру, чтобы рассказать правду о событиях 22 января и показать, что перед угрозой капитуляции Интернационал выполнил свой долг. Анри Гулле считает, что народ разложился и не поддержит призыва к армии.

— Давайте меньше заниматься 22 января и подумайте о будущем, — говорит Франкель. — ...Все клубы и лиги ничего не сделали, они дали пасть Парижу, а могли его спасти. Скоро войдут пруссаки, буржуазия будет их обхаживать, чтобы сохранить свою власть, и взвалит на нас все тяготы — неизбежные последствия войны.

¹ «Mémoires de Bismarck», recueillis par Maurice Busch, Fasquelle éd., 1899, t. I, p. 273 et suiv. Этому совету последовал Тьер менее двух месяцев спустя.

Лакор говорит, что надо вновь привлечь рабочих в Интернационал и добиться, чтобы в органах власти были и трудящиеся. Норо (IV округ) предлагает Федеральному совету послать делегатов в секции, чтобы их «разбудить». Общее мнение сходится на том, что республика в опасности и сторонники Интернационала должны объединиться с республиканцами, чтобы защитить ее.

*

26 января к вечеру пушки смолкают. Правительству остается лишь пресекать последние попытки сопротивления пруссакам: требования Флуранса и 550 командиров национальной гвардии, желающих сражаться, манифестацию населения на Больших бульварах...

*

Собрав инициативный комитет, офицеры 145-го батальона (III округ)¹ пускают по рукам документ, в котором национальной гвардии Сены предлагается для обеспечения «единства действий» немедленно создать в каждом округе Парижа комитет, в который должны войти по одному офицеру и одному гвардейцу от каждого батальона. Каждый комитет изберет одного делегата, и все эти делегаты составят Центральный комитет, который серьезно займется неотложными вопросами, касающимися организации национальной гвардии. Каждый округ изберет своего генерала. Генералы выберут между собой главнокомандующего,

«человека вполне сознающего свой долг и ответственность, которая ляжет на него в определенный момент: он будет держать в своих руках всю колоссальную армию граждан либо чтобы помешать нам попасть в ловушки, которые может расставить враг с целью занять Париж, либо чтобы заставить считаться с нами, когда будет решаться окончательная судьба Франции».

¹ Из 10 человек, во главе с командиром (Леметром), к которым присоединились младший лейтенант 54-го батальона (III округа) и гвардеец 38-го батальона (XVI округа).

Батальонам предлагается посылать заявления о своем согласии и сообщать имена временных делегатов в кафе национальной гвардии на улице Бретань, 49 (III округ)¹.

*

27 января основные условия перемирия уже известны: сдача фортов и пушек крепостного вала Парижа, солдаты гарнизона становятся военнопленными, за исключением 12 тыс. солдат и национальной гвардии, которая сохраняет свое оружие², продолжение военных действий на востоке, где генерал Бурбаки терпит жестокие поражения.

И тотчас весь город приходит в возбуждение. Люди собираются перед мэриями. Устраивают манифестации под лозунгом «Не отдадим фортов!». В церкви Сен-Лоран бьют в набат. В клубе Монтаньяров на Страсбургском бульваре полковника Пианца провозглашают генералом, а майора Брюнеля начальником штаба. Они устраивают свою штаб-квартиру в кафе «Дез-Эмисфер» на бульваре Вольтера, напротив церкви Сен-Лоран, откуда все еще несутся мрачные звуки набата. В темных улицах гонцы стучат в двери и призывают к оружию, а горны трубят сбор. Префект полиции приказывает своим агентам привести к нему этих двух офицеров «живыми или мертвыми», и на заре их удается захватить врасплох и арестовать. В Елисейском дворце, куда перевели штаб национальной гвардии, Клеман Тома дает отпор последнему протесту младших офицеров, которые требуют еще одной вылазки. Итак, все кончено.

29 января в десять часов утра аванпосты и форты эвакуируются. Час спустя под черными орлами под пронзительные звуки фанфар, маршируя «гусиным ша-

¹ Этот документ 30 января становится известным генералу Винуа, см «L'Armistice et la Commune», p 112—113 et 405—406.

² Бисмарк потребовал разоружения национальной гвардии, на что Жюль Фавр, признавшись, что это не в его власти, возразил. «Если вы хотите разоружить национальную гвардию, выйдите в Париж, коль вас это устраивает!» Но железный канцлер решил, что не пруссакам надлежит усмирять «чернь» (См М Chougy, Les Origines de la Commune, Paris livré, p 148—149, La Commune en Quartier latin, appendice III, p. 221)

гом», пруссаки постепенно занимают их, оглашая воздух торжествующими «Ура».

В предместьях поют хором песню Эмиля Дерё, бичующую капитулянтов:

Я слышу, как безумцы говорят о чести,
 О родине, сопротивленьи и смертельной битве!
 Но у меня одна утроба жаждет мести
 В желудке сердце у меня творит молитвы
 Пусть простофиля остается патриотом
 И умирает в яростном бою,
 А я предпочитаю «соус с эшалотом»...
 И за бифштекс Париж весь отдаю.

Глава третья

МИР ПРУССАКАМ, ВОЙНА ПАРИЖАНАМ, ИЛИ ПРОВОКАЦИЯ ГОСПОДИНА ТЬЕРА

Выборы Национального собрания, уполномоченного вести переговоры с победителем, назначены на 8 февраля. Клубы по-прежнему закрыты, но правительство не может препятствовать предвыборным собраниям.

31 января Избирательная ассоциация республиканского объединения открывает свое первое собрание в зале Редут, на улице Жан-Жака Руссо (I округ). Она предлагает объединить республиканцев всех оттенков, за исключением правителей-капитулянтов. Париж должен выбрать 43 представителей, голосуя по спискам; однако существует добрый десяток республиканских списков. Председатель собрания Андриё насмешливо сообщает, что орлеанисты договорились с клерикалами и сумели объединиться.

— Они называют себя либеральными республиканцами в своей афише весьма неопределенного цвета (*смех*), и нетрудно догадаться почему. Потому что они хотят быть официальными кандидатами правительства, а ему было бы неприлично поддерживать орлеанистов вкупе с клерикалами, но оно поддержит «либеральных республиканцев». (*Смех усиливается.*) Так вот, мы должны тоже быть политиками! Объединим, сольем воедино все фракции демократических республиканцев.— И он предлагает выдвинуть несколько имен, способных «объединить вокруг нашего дела» часть буржуазии. Например, Виктора Гюго...

— Нет! Нет! Он нам не нужен! Газета «Le Rappel» поддерживала правительство национальной измены!

— ... Луи Блан...

— Да! Да! Он социалист.

— ...Рошфор?

— Да!

— Нет! Нет!

— Рошфор может разоблачить все, что видел на заседаниях правительства.

— Нет! Нет! Нам нужен список чистых социалистов-

демократов! Хватит с нас деятелей 48 года, которые ничему не научились и ничего не забыли.

— Браво! Браво!

Андріе сгончески продолжает чтение своего списка видных республиканцев:

— Ледрю-Роллен...

— Ну уж нет...

— Я прекрасно знаю, что он попросту пузырь, который надувал Делеклюз (*смех*), но его имя еще может привлечь значительную часть республиканцев.

— Нет! Нет! Не надо нам тупиц!

Не видя иного выхода, Андріе предлагает собравшимся самим называть имена, которые они готовы включить в список кандидатов. Два члена бюро отправляются в зал собирать эти имена, и заседание продолжается. Все последующие ораторы единодушно требуют, чтобы кандидаты взяли на себя обязательство продолжать борьбу до последней крайности и покарать предателей. Национальное собрание должно превратиться в Конвент и «немедленно предать суду бесчестное правительство, которое выдало Париж пруссакам». (*Долгие овации.*)

Собранию зачитывают имена, записанные членами бюро.

— Гарибальди. (*Единодушная овация.*)

— Арман Леви...

— Голосуйте!

Кандидатура отвергнута почти единогласно.

— Паскаль Дюпра...

— Нет! Нет! Долой его!

Записано около двухсот имен. Этому не видно конца.

Председатель предлагает прочесть все имена, а потом высказываться. Предложение принято.

— Бланки (*общее выражение одобрения*), Феликс Пиа, Мильер, Клемансо (*ропот*), Лакор, Лефрансе, Шанзи (*возгласы удивления*), Сессе («Э, нет!»), Мадзини (*аплодисменты*), доктор Жакоби («Это еще кто?»), Брион... и т. д. и т. д.

Сорок три кандидата будут избраны завтра. Пока решают, что солдаты-пехотинцы будут иметь право бесплатно посещать собрания в зале Редут. Гражданки будут платить за вход 15 сантимов, но не будут принимать участия в прениях, так как не имеют права голоса...

Предвыборное собрание в Кур де Миракль, на улице Кэр (II округ), организованное 1 февраля Международным товариществом рабочих, решительно высказывается за социалистов.

Председатель хочет зачитать список кандидатов, который начинается с имен членов «так называемого правительства национальной обороны».

— Не читайте! И так знаем...

— Нет, нет, читайте!

Председательствующий:

— Жюль Фавр (*долгое гиканье*), Гамбетта, Дориан, Кремье, Глэ-Бизуэн (*веселье*), Жюль Симон, Жюль Ферри...

— Почему не Оливье? А Баденге?

— Ну, хватит дурака валять! Довольно!

— Виктор Гюго... Неудивительно. Он поэт, знаменитый писатель, но это буржуазный республиканец, а не социалист.

— Правильно!

— Но я не могу понять, как Эдгар Кинэ, Эриссон, Луи Блан — особенно Луи Блан — согласились, чтобы их внесли в правительственный список?

— Эриссон — секретарь Жюля Фавра, так что...

— Луи Блан социалист и должен объясниться, не может же он быть одновременно кандидатом правительства и кандидатом социалистов!

Председатель зачитывает список кандидатов революционных социалистов, выработанный Федеральным советом Интернационала, Федеральной палатой рабочих обществ и Делегацией 20 округов Парижа (Центральный республиканский комитет).

Имена Бланки и Гарибальди вызывают бурю приветственных криков. Список умно составлен: в него включен весь главный штаб бланкистов, в частности Флотт и Тридон, которые также входят в Центральный республиканский комитет, несколько надежных якобинцев, вроде Дерёра, Гамбона и Лео Мелье, а среди членов Интернационала, которые нас особенно интересуют, Огюст Серрайе (I округ), сапожник Жак Дюран (II округ), Антуан Арно, скульптор Демэ, Пенди (III округ), Лефрансе (IV округ), Тейс, ставший впоследствии ди-

ректором Управления почт на Луврской улице, Толен, помощник мэра XI округа, которого мы видели в числе создателей Интернационала на улице Гравилье, Жюль Валлес, который вскоре стал издавать свою газету «Le Cri du Peuple» в квартале Круассан, и Эжен Варлен, будущий делегат Коммуны в министерстве финансов на улице Риволи.

Программу людей, входящих в этот список, излагает Огюст Серрайе¹.

— Социалисты не могут в данный момент высказать свою точку зрения на вопрос о продолжении войны. (*Движение в зале.*) Если армии в провинции не в состоянии продолжать борьбу, тогда ясно, что придется заключить мир. Но есть вопрос, по которому все революционеры придерживаются одного мнения: правительство предало дело национальной обороны, и одним из первых актов Национального собрания должно быть предание суду и осуждение этого правительства. (*Буря аплодисментов.*) 31 октября правительство бросилось в объятия реакции, а теперь «Жюль Фавр лижет сапоги Бисмарку».

— Какие гнусности вы говорите! — кричит злосчастный реакционер, затесавшийся в Кур де Мирабль, чем вызывает бурю негодования.

Его хватают, выталкивают на трибуну, требуют, чтоб он объяснился, что он и пытается сделать; но убеждения его укоренились столь глубоко, что ему никак не удастся извлечь их и выразить словами.

Председатель изгоняет этого «правительственного наемника», который покидает зал, оставив за собой душок бесчестия.

Серрайе снова продолжает свою речь: война была начата с единственной целью пресечь успехи Интернационала, серьезно тревожившие Бисмарка. (*Это производит глубокое впечатление в зале.*) Но социализм сильнее Бисмарка, и, если кандидаты революционного социализма пройдут в Национальное собрание, они готовят пришествие всемирной социальной республики!

¹ Предвыборный манифест подписывают А. Гулле, от имени Федерального совета Международного товарищества рабочих, Констан Мартен, секретарь Делегации 20 округов, и Дюдак от Федеральной палаты рабочих обществ.

Многочисленное собрание единодушно принимает без голосования резолюцию протеста против предания суду Пиацца и Брюнеля, которые должны предстать завтра перед военным трибуналом «и будут, быть может, расстреляны (*крики возмущения*) за то, что пытались помешать сдаче Парижа пруссакам».

Затем собрание голосует за вторую резолюцию, требующую освобождения Делеклюза, Лефрансе и Ранвье, перевезенных в Венсенский форт; народ должен будет вскоре выступить обвинителем против правительства (*горячие аплодисменты*).

*

5 февраля в зале Редут (I округ) происходит новое собрание Избирательной ассоциации республиканского объединения, чтобы определить те пункты императивного мандата, выполнения которых народ должен требовать от своих кандидатов.

Оратор, который представляется собранию как один из участников восстания 22 января, дает свое определение «императивного мандата»:

— Слишком часто наши депутаты дурачили нас и ввели за нос, поэтому нам надлежит на этот раз принять меры предосторожности. Мы больше не должны позволять им устраивать свои делишки за наш счет. Нет! Это время прошло. Народ должен диктовать им свою волю.

Председательствующий на собрании Гарнье и бывший железнодорожник Андриё перечисляют эти требования народа: во-первых, продолжение войны до последней крайности (*сдержанные аплодисменты*), если только пруссаки не предложат нам почетного мира, то есть если мы не отдадим им ни камня наших крепостей, ни пяди нашей земли, ни одного корабля из нашего флота. Зато если враг потребует компенсации в 10 миллиардов, надо их отдать без всяких споров (*возгласы удивления*). Пожалуй, даже желательно, чтобы они потребовали вдвое больше (*все ошеломлены*).

Оратор спешит тут же рассеять недоумение аудитории: народ потребует, чтобы эта компенсация всей своей тяжестью легла на плечи буржуазии, в виде принудительного займа. (*Ага! Правильно!*) Эксплуатато-

рам-буржуа будет нанесен удар по самому чувствительному месту — по кошельку. Таким образом будет достигнута двойная цель: мы отделаемся от пруссаков и временно «прижмем буржуазию».

Второе требование мандата: депутаты должны помешать Национальному собранию выступить в качестве Учредительного собрания.

В-третьих, избранные депутаты должны выдвинуть против правительства обвинение в том, «что оно выдало Париж пруссакам, действуя в сговоре с буржуазией (*одобрительные возгласы*), которая содействовала капитуляции, потому что предпочитает пруссаков «красным» (*снова возгласы одобрения*).

Правительство подлежит суду по той статье военного устава, которая карает смертной казнию всякого коменданта крепости, признанного виновным в том, что он капитулировал, когда еще мог оказывать сопротивление.

— А ведь ясно, что Париж еще мог бы долго держаться, если бы его не предали.

— Да! Да! Верно! Они предали нас!

— У нас еще были боеприпасы и продовольствие гоже!¹ Один гвардеец-республиканец рассказал мне, что его несколько ночей подряд заставляли откапывать тонны трески и соленой свинины, закопанных под насыпями укреплений².

— Какая подлость!

— Нас предали, это ясно!

Оратор считает даже установленным, что каждый член правительства получил по 10 млн. вместо иудинных 30 сребреников³.

¹ При первых сообщениях о перемирии поки бакаленщиков как по волшебству наполнились говарами, подтверждая правоту тех, кто с начала осады требовал реквизиции продовольствия и полного нормирования продуктов. Что касается боеприпасов, то они далеко не бы и исчерпаны.

² Этот факт подтверждает Винуа в своей книге «L'Armistice et la Commune», р. 105. 28 января записано «Из фортов принялись вывозить все продовольствие, какое могли захватить. К несчастью из-за нехватки упряжных лошадей пришлось оставить во многих местах большое количество продуктов, которыми завладел неприятель».

³ Необоснованная клевета предательство правительства не основывалась на личной корысти. Буржуазия искала союза с пруссаками против коммунаров для спасения своих общих классовых интересов.

Не привлечь ли к суду за измену родине и членов правительственной делегации, посланных в провинцию?

Несколько голосов:

— Гамбетту не надо!

— А почему нет? Разве он не начал с того, что разогнал революционные коммуны в Лионе и Марселе? А его последний декрет о лишении права быть избранными в Национальное собрание всех бонапартистов¹ разве не имеет целью просто-напросто отдать Национальное собрание орлеанистам?

— Ну, это уж вы хватили!

— Это просто предположение, основанное на прежней деятельности этого «адвоката». Национальное собрание оценит его последние действия и, если он того заслуживает, может найти для него смягчающие обстоятельства. (*Возгласы одобрения*.)

Наконец, в-четвертых, депутаты должны во что бы то ни стало сохранить республику, так как республика важнее даже всеобщего избирательного права. Но предположим, что избиратели пошлют в Национальное собрание пять или шесть сотен туполобых реакционеров и что это безмозглое большинство провозгласит монархию или, чего доброго, согласится подписать позорный мир, или откажется судить предателей; должно ли меньшинство подчиниться? Нет! Тысячу раз нет! (*Гром аплодисментов*.)

Очень многие осуждали Марата за то, что он требовал 30 тыс. голов для спасения революции. Однако, если хорошенько подумать, это было скорее гуманное предложение. (*На некоторых лицах мелькает сомнение*.)

— Да, гуманное, ибо, как показали события, пожертвовав тридцатью тысячами, мы сохранили бы жизнь трем миллионам, которые пали жертвами войн и монархических заговоров. (*Волнение в зале, продолжительные аплодисменты*.) Итак, депутаты народа не дол-

¹ В Бордо Гамбетта издал декрет о лишении права быть избранными всех бывших официальных кандидатов империи Бисмарк приходит в ярость и требует, чтобы Жюль Фавр отменил этот декрет, под угрозой снова запретить подвоз продовольствия в Париж. Жюль Фавр отвечает канцлеру «Вы совершенно правы, взывая к моей справедливости». Декрет отменяется парижским правительством, и Гамбетта подает в отставку. (См. M. Choury, Les Origines de la Commune, Paris, livr. p. 155—156.)

жны отступить перед революционными средствами борьбы для спасения Республики. (*Возгласы одобрения.*)

Собрание выражает согласие с четырьмя пунктами «императивного мандата». Неизвестный оратор, назвавший себя «участником восстания 22 января», объявляет, что гражданин Мюра, помощник мэра X округа, вычеркнут из списка кандидатов «за то, что подписал приказ об аресте лиц, бивших в набат на колокольне церкви Сен-Лоран, чтобы помешать бесчестному правительству в Ратуше сдать Париж пруссакам».

«Господина» Мюра провожают дружным гиканьем.

*

6 февраля на предвыборном собрании в зале Мольера, на улице Сен-Мартен, 159, председатель оглашает список кандидатов революционеров и социалистов, после чего начинаются выступления кандидатов.

Гражданин Кенэ де Борепер заявляет, что он преклоняется перед республикой, что скорее даст отрубить себе руку, чем подпишет позорный мир, и что верит в будущее Франции. Один любопытный гражданин спрашивает, не он ли случайно тот самый Кенэ де Борепер, который был имперским прокурором в Мамере?

— Я никогда этого не скрывал. К тому же Республика не может быть менее терпимой, чем католическое духовенство, которое признает обращение в свою веру. (*Возгласы: «Мы не иезуиты!»*)

— Я уважаю мужество командира Борепера,— возмущает любопытный гражданин,— но после декрета Гамбетты — декрета, который заслуживает тем большего одобрения демократии, что его только что отвергло парижское правительство, демократы не могут отдать свои голоса представителю раблепного суда негодяя Бонапарта!

Кандидатура Борепера единогласно отвергается.

Гражданин Маторель не состоит более в списке кандидатов:

— Наверно, потому что в Париже есть 43 более достойных, чем я, кандидата, чтобы представлять народ. (*Слышны возражения.*)

Он ограничивается рассмотрением условий «императивного мандата». По его мнению, Национальное собра-

ние должно заключить мир. (*Отдельные протесты.*) Разумеется, парижане должны были бы погибнуть под развалинами города, если бы такая жертва могла спасти Францию. Но Париж не может сопротивляться, если пруссаки займут форты. А новая война в таких условиях была бы самоубийством.

— А ведь он прав!

— Теперь предположим, что Париж будет разрушен, ведь тогда Франция будет обезглавлена.

— Верно! Верно!

— Значит, следует заключить мир в интересах самой Франции и Республики. (*Аплодисменты.*)

Нам говорят, что с Республики требуют 10 млрд. франков контрибуции, эта сумма будет уменьшена до 7, если мы признаем Орлеанов, и даже до 5 млрд., если мы вернемся к Баденге...

— Долой его!

— Франция достаточно богата, чтобы оплатить свою славу, а тем более свой суверенитет. (*Бурные аплодисменты.*) Немцам нет дела до наших внутренних дел! Мы заплатим по счету, но пусть они не вздумают касаться нашего суверенитета!

Маторелю устраивают овацию, и несколько присутствующих считают, что такой красноречивый оратор заслуживает того, чтоб его оставили в списке кандидатов.

Следующий оратор одобряет декрет Гамбетты о лишении бонапартистов права быть избранными в Национальное собрание.

— Предположим, что республиканцы дали бы своим кандидатам наказ заколоть Наполеона III; ведь императорское правительство запретило бы избрать этих кандидатов? Так вот, разве не доказано, что бонапартистские кандидаты хотят заколоть Республику? (*Глубокое волнение.*) Запрещая их избирать, Гамбетта воспользовался лишь законным правом самозащиты.

Под конец порядок заседания был расстроен неожиданной раздачей манифеста и избирательного списка «республиканского радикального комитета». Председатель предостерегает собравшихся против этого «фальшивого списка», который не получил одобрения собрания в зале Мольера. Избиратели никак не могут разобраться в этом потоке кандидатур...

Мы уже видели, что во время осады национальная гвардия не раз пыталась создать орган, который подерживал бы связь между ее багальонами. Последняя попытка создать Центральный комитет национальной гвардии, предпринятая офицерами 145-го батальона (III округ) в конце января, тоже ни к чему не привела. Но идея эта носится в воздухе. 4 февраля, на заседании Делегации 20 округов на площади Кордери, гражданин Мине знакомит собравшихся с проектом, исходящим от газеты «La Liberté». В национальной гвардии были выдвинуты делегаты. Его самого избрали на собрании в зале Валентино в качестве временного делегата. Теперь будет более серьезная делегация, и он предлагает национальным гвардейцам, членам Комитета 20 округов, добиться избрания в своих ротах.

В то же самое время Комиссия из семи делегатов от 88-го батальона (III округ), 96-го (IV округ), 57-го и 193-го (XI округ), 253-го батальона (IX округ) и 59-го потка национальной гвардии созывает на понедельник 6 февраля в Национальном цирке (теперешний Зимний цирк) общее собрание делегатов национальной гвардии, избранных по одному делегату от каждой роты.

Предвыборные хлопоты торговца красками Курти, живущего на улице Тампль, 169 (III округ), старшего сержанта 88-го батальона, подписавшего воззвание о созыве собрания, не были, по-видимому, чужды этой инициативе, которая имела целью «договориться о характере выборов в Париже и о выдвижении кандидатов». Необходимо, чтобы эти «широкие собрания» привели к «благоприятным результатам для родины и Республики»¹.

Курти, человек 38 лет, называющий себя социалистом, довольно говорливый, уже видиг себя парижским депутатом. Не известно, каким способом он распространяет извещения о собрании, но если предыдущие попытки были малоэффективны, то на этот раз он добился успеха. В Национальном цирке под председательством Курти приходят к соглашению относительно списка кан-

дидатов, предложенных четырьмя республиканскими комитетами Парижа: Республиканским альянсом, Республиканским союзом, «Защитниками республики» и Международным товариществом рабочих. Временному бюро поручается созвать новое собрание 15 февраля в зале Тиволи на улице Таможни (X округ) на случай второго тура выборов.

Вследствие большого числа избирательных списков, что благоприятствовало блокированию, подсчет голосов потребовал почти целой недели. Второй тур выборов проводить не пришлось, так как 43 кандидата получили больше необходимого минимума голосов (68 482 голоса, $\frac{1}{8}$ числа избирателей, внесенных в списки).

Как только перемирие было подписано, большинство богатых парижан выехало в провинцию в поисках покоя и обильного питания¹. Этим отчасти объясняются большое число лиц, не участвовавших в голосовании (40%)², и поражение на выборах членов правительства капитуляции: Тьер занимает лишь 20-е место (получив 103 226 голосов), Жюль Фавр, несмотря на все свои махинации, лишь 34-е место, Винуа, Эрнест Пикар, Жюль Симон собирают лишь около 30 тыс. голосов, тогда как четыре идущих впереди депутата: Луи Блан, Виктор Гюго, Гамбетта и Гарибальди — «великие имена» национального сопротивления — получили каждый более 200 тыс. голосов! Делеклюз стоит на 8-м месте, Феликс Пиа — на 11-м, Гамбон — на 14-м, Бенуа Малон и Толсен (только два избранных члена Интернационала) заняли соответственно 9-е и 32-е места.

Система голосования дает преимущество людям очень известным в ущерб активистам кварталов. Тем не менее некоторые из последних получили значительное количество голосов: Артюр Арну — 64 тыс., Лефрансе — 62, Варлен — 58, Жоаннар — 56, Тейс — 49, Пенди — 30,

¹ «После стольких волнений нам был необходим свежий воздух, а Париж не мог его дать. Несколько тысяч глупцов позволили бессмысленно убить себя в предместьях Парижа вопреки генералу Трошю; в городе за неделю умерло 5700 человек, бедные жертвы тупого упрямства». Эти слова Рембо вкладывает в уста изобретенного им маркиза де Петдешевра (в арденнской газете от 9 сентября 1871 г.)

² Из 547 858 избирателей, внесенных в списки, голосовало 328 970 человек. Во время же плебисцита 3 ноября 1870 г. было подано 620 634 ответа.

¹ «Municipalités politiques françaises», t. I, p. 846.

Амуру — 28, Жак Дюран — 22 и Кюзере — 21 тыс. Бланки, получивший 52 тыс., и Флуранс — 42 тыс., не собрали голосов всех тех избирателей, которые голосовали против империи во время плебисцита 3 ноября.

В крупных городах население голосовало за республиканцев-патриотов, но в деревнях, невежество жителей которых империя всячески поддерживала, большинство голосовало за дворян-монархистов; не то чтобы крестьяне внезапно вспыхнули любовью к монархии, но они жаждали мира и голосовали за тех, кто обещал им добиться мира любой ценой.

В Национальном собрании, открывшем свои заседания 13 февраля в большом театре Бордо, управляет широкое реакционное монархическое большинство, почему с первых дней его и окрестили «Собранием деревщины».

15 февраля на площади Кордери вновь собирается Федеральный совет Интернационала¹. Здесь не очень удовлетворены результатами выборов: многие «из членов секций» не поняли цели Интернационала и не осознали, по каким соображениям в список товарищества были включены имена малоизвестных активистов вместо Луи Блана и Виктора Гюго. Было задумано ввести в число депутатов несколько рабочих — членов Интернационала, и очень жаль, что члены товарищества плохо поняли, какой цели им следовало добиваться.

Огюст Серрайе считает, что следует опровергнуть сообщение газеты «La Petite Presse», будто Виктор Гюго и Луи Блан состоят почетными председателями Интернационала. С другой стороны, он не считает нужным оспаривать другую «утку» буржуазной прессы, будто Бенуа Малон и Толен получают от Интернационала по 20 тыс. франков в год, — «для нас только выгодно, чтобы нас считали богатыми», — говорит он.

А между тем Интернационал так беден! Тейс, который видит, как «в будущем Интернационал сам превра-

¹ См. «Les Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale pendant le Siège et pendant la Commune», E. Lachaud éd., Paris, 1872, p. 54 et suiv.

тится в социальное правительство», признает, что рабочие общества перестраиваются с трудом. Он ратует за создание секций, «призванных оказывать большое воздействие на общественное мнение», если они обретут «политическую и социальную сознательность». Демэ считает, что необходимо срочно создать секции в каждом округе, до чего пока еще далеко. Серрайе говорит, что в Англии Интернационал — политическая сила первостепенного значения, а во Франции дело обстоит иначе. Гулле замечает, что «французский пролетариат не испытывает той жестокой и жуткой нищеты, которая подстегивает английского рабочего, и потому у него нет такого упорства и стойкости», но зато у него есть свои достоинства: пылкость и отвага.

Тейс, Роша, Гулле, Паньер, Демэ избраны среди других членами комиссии, которая должна содействовать развитию секций.

*

В тот же день в Зимнем цирке собираются делегаты батальонов из 18 округов¹. Утренние газеты уже сообщили о результатах выборов в департаменте Сена. Уже получено необходимое большинство голосов для всех 43 депутатов, и второго тура выборов не будет, таким образом, отпадает один из основных пунктов первоначальной программы Федерации национальной гвардии. Но со времени созыва первого совещания делегатов Федерации Национальное собрание в Бордо уже показало свое лицо, оставив Гарибальди, который немедленно покинул этот город, не думая о возвращении. Делегаты национальной гвардии единодушны в решении обязать парижских депутатов требовать войны до последней крайности, не соглашаться на позорный мир и не отдавать врагу ни клочка французской земли, всеми средствами поддерживать республику, выдвинуть обвинение против «членов так называемого правительства национальной обороны и его приспешников вроде Тьера», создать Комитет общественного спасения, не допустить ввода вражеских войск в Париж после перемирия, даже если придется выступить «с оружием в ру-

¹ Не представлены только I и II округа.

ках», препятствовать последующему разоружению национальной гвардии, ибо ей одной надлежит всегда поддерживать порядок и принадлежит честь защищать страну¹.

Собрание одобряет выдвинутый Курти проект создать Центральный комитет национальной гвардии и избрать временную комиссию из 20 человек, по одному от каждого округа, для выработки проекта устава, который должен быть утвержден общим собранием делегатов.

Делегаты от округов расходятся, выдвинув своих представителей в комиссию. От III округа избран Арман Женотель и от IV — Андре Алавуан.

Алавуан, наборщик Национальной типографии, гвардеец 95-го батальона, родился 15 февраля 1843 г. в Бельвиле и живет на улице Паве, 29 (IV округ). После 18 марта он становится помощником директора Национальной типографии².

Собрание делегатов с возмущением осуждает «несправедливый приговор», вынесенный Пиацца и Брюнелю военным судом. Они проклинают судей и объявляют, что осужденные граждане «выполнили свой долг и имеют большие заслуги перед родиной».

Комиссия по выработке устава немедленно принимается за работу в том же зале Тиволи, а затем на дому у своего председателя Курти.

•

Тем временем Делегация 20 округов продолжает заседания и решает восстановить окружные комитеты бдительности, «не привлекая те элементы, у которых не хватает революционного пыла». Каждому комитету бдительности надлежит организовать в своем округе группы приверженцев, которые должны предварительно одобрить «Декларацию принципов», требующую «уничтожения привилегий буржуазии, свержения ее как господствующей касты и политического возвышения трудящихся. Одним словом — социального равенства». На деле

¹ См. протокол собрания, опубликованный в: «Enquête parlementaire», t. III, p. 4—6.

² Archives historiques de l'armée, 3e conseil de guerre, dossier 1108.

власть, которой требует «Декларация принципов», — это диктатура пролетариата: каждый член комитета бдительности, ставящий республику выше права большинства, должен, «если это будет необходимо, с помощью силы» воспрепятствовать созыву всякого Учредительного собрания, «прежде чем основы существующего общественного строя не будут изменены путем революционной политической и социальной ликвидации. До тех пор пока не совершится эта окончательная революция, он будет признавать единственной законной властью в городе Революционную коммуну, составленную из делегатов от революционно-социалистических групп этого города. Он будет признавать законным правительством страны только правительство политической ликвидации, составленное из делегатов от Революционных коммун страны и главных рабочих центров»¹.

Интернационал отвергает предложение, сделанное членами его секции Ришар-Ленуар, организовать 24 февраля манифестацию, чтобы отметить годовщину февральского восстания 1848 г. На заседании Федерального совета 22 февраля говорят, что народ ее не поддержит, что манифестация может послужить предлогом для репрессий и что надо ограничить свои действия организационными и социальными вопросами, и в первую очередь заняться квартирной платой и безработицей².

В этих дебатах активно участвуют Пенди, Роша, Гулле, Комбо, Тейс и Варлен, ставя прежде всего проблемы реорганизации и расширения деятельности Интернационала.

•

Очень близкий к Интернационалу Жюль Валлес 22 февраля основывает газету «Le Cri du Peuple», редакция которой помещается на улице Абукир, 9 (II округ). В нее входят: совсем молодой Анри Бауер, поэт с

¹ Этот литографированный документ сохранился в Национальном архиве и был воспроизведен Ж. Буржею. (G. Bourgin, La Guerre de 1870—1871 et la Commune, Éditions nationales, p. 182)

² См.: «Les Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale», p. 66 et suiv.

На деле начиная с 24 февраля народные манифестации на площади Бастилии показали, что народ скорее опередил своих вождей, чем отстал от них.

язвительным пером Эжен Вермерш, шансонье Жан Ба- тист Клеман, Анри Верле и еще двое, подписавшие «Красную афишу»: Казимир Буи и Люсипия.

В напечатанной в первом номере газеты передовой статье «Проданный Париж» под блестящими формули- ровками скрывается растерянность автора, остающегося на позициях обороны:

«Итак, господин Тьер стал Кавеньяком в халате при Третьей республике. Этот карлик, нуждающийся в ходулях, вырывает костыли у своей родины... Для него все средства хороши! Теперь возобновятся казни, снова будут преследовать людей, удушат свободу, починят старые суда и отправят их с новым грузом в Кайенну! Но прежде придется отобрать у пращан оружие и отнять знамя у Бельвиля.

А что тогда сделает народ? Мы ничего не можем ему советовать или запрещать; в этот решающий час каждый гражданин, носит ли он сюртук или рабочую блузу, прислушается лишь к голосу своего долга... Народ стоит, зажав в одной руке оружие, в дру- гой — орудие труда, готовый работать или сражать- ся, и ждет».

В Бордо Тьер, ставший главой исполнительной вла- сти, формирует свой кабинет, назначая на главные ми- нистерские посты всех деятелей, провалившихся на вы- борах 8 февраля: Жюль Фавра в министерство иностр- анных дел, Пикара в министерство внутренних дел, Жюль Симона в министерство народного просвещения. Национальное собрание не упускает ни одного случая продемонстрировать свою ненависть к «красным» вооб- ще и к столице в частности. В этой обстановке все бо- лее напряженных отношений между Парижем и прави- тельством 24 февраля в зале Тиволи состоялось общее собрание делегатов национальной гвардии. Собрание принимает резолюцию, в которой протестует «против всякой попытки разоружения национальной гвардии и заявляет, что в случае нужды будет сопротивляться та- кой попытке с оружием в руках». Оно заявляет также, что не признает никаких начальников, кроме «тех, кото- рым гвардия избрета сама».

Неизвестный делегат от 183-го батальона (IV округ), Эдуар Моро, предлагает следующую резолюцию, приня- тую собравшимися с бурным энтузиазмом:

«Делегаты от каждой роты должны довести до сведения своих ротных собраний текст следующей резолюции: при первом сигнале о вступлении прус- сиков в Париж все национальные гвардейцы обяза- ны немедленно явиться при оружии на обычные места сбора, чтобы выступить затем против вторг- шегося врага»¹.

Кто же этот Моро, который вскоре займет видное место в Федерации национальной гвардии?

Эдуар Огюст Моро, родившийся в Париже 1 июня 1838 г., красивый детина с гордо вскинутой головой, с густой шевелюрой и бородой, высоким лбом и ясным взглядом. Его отец был женат на Александрине Кларе де Боввер, вот почему Эдуар Моро иногда прибавляет к своей подписи воображаемый титул сира де Боввер. Живет он у своей тетки на улице Риволи, 10 (IV ок- руг). Известно, что в 1867 г. он поставил в театре Рос- сини одноактную комедию, что он сотрудничал в лите- ратурных газетах, к тому же он поэт, композитор и очень способный рисовальщик — словом, артистическая натура. В 1868 г. вместе с женой, урожденной де В..., и сыном Абелем он покидает Париж и поселяется в Лондоне, где становится участником предприятия по изготовлению искусственных цветов. После объявления войны он сразу возвращается в Париж. В то время Моро очень далек от парижских революционеров. Пос- ле попытки бланкистов 13 августа 1870 г. захватить оружие в казарме пожарников в Ла-Виллет он пишет письмо², где бичует этот «бунт, идущий на пользу пруссакам», становится на защиту военного министра Паликаа и атакует его противников:

«Наши подстрекатели тотчас вышли из игры, как только она стала национальной: «Марсельеза» отступила вместе с Рошфором, стоило только зазвучать слову «Родина»! Революция, которая почувство- вала себя неважно, следуя за гробом Виктора Нуа- ра, наделала в штаны, заслышав пушки пруссаков.

¹ В нашей работе «La Commune au Quartier latin» (appendice I, p. 219) мы установили, что автором этого предложения является Моро.

² Опубликовано Вийомом (Vuillaume, Mes cahiers rou- ges, t. VIII, p. 115—116.)

Неспособные управлять сами, они стараются лишь опорочить тех, кто управляет».

Моро вступает в 183-й батальон национальной гвардии, вместе с которым участвует в вылазке при Шампиньи; на нем шинель шоколадного цвета, в которой, по его словам, он похож на кучера из богатого дома. В какой-то момент он собирается перейти в линейный полк, но в конце концов остается в своем батальоне:

«по той причине, что я могу принести больше пользы, побуждая кое-кого к действию, чем если буду занимать место рядового в отделении пехоты»¹.

Пребывание в одной из частей национальной гвардии дало возможность проявиться недюжинным способностям этого сильного человека.

«Обучение, обмундирование, вооружение моего батальона, активное его использование, несение им службы на аванпостах, выравнивание одной траншеи или удлинение другой, борьба с унынием, даже среди генералов, и много других мелких дел которых я и сам теперь не упомяну,— всем этим я принес кое-какую пользу».

Он трезво оценивает себя и с удивительной прозорливостью рисует свою будущую судьбу:

«Во мне есть кое-что от генерала, от инженера, партизанского начальника и трибуна; из этой смеси получится, будьте уверены, неплохой результат, тем более что у меня нет ни высокомерия, ни честолюбия».

Вместе с 3-й ротой своего батальона Моро участвует 19 января 1871 г. в вылазке под Бюзанвалем, где его часть терпит тяжелые потери (8 убитых и 30 раненых), и заслуживает следующую оценку:

«Моро оказал очень большие услуги батальону, создав в нем Общество по оказанию помощи и распространяя таким образом идеи дружбы и братства. Кроме того, в течение всего дня 19 января он подавал своим товарищам пример редкого хладнокровия»².

¹ Письмо Эдуара Моро. (См: Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. VIII, p. 124). В то время он состоял писарем при майоре Бутене, командире 183-го батальона.

² Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. IX, p. 102.

Таков человек, речь которого прозвучала 24 февраля перед собравшимися в зале Тиволи.

После единогласно принятой патриотической резолюции собрание закрывается и делегаты отправляются на площадь Бастилии, чтобы почтить память жертв февральской революции 1848 г. и июльской 1830 г. Они присоединяются к манифестации четырнадцати батальонов (в числе которых и 254-й батальон IV округа), которые, придя без оружия, возлагают к подножию колонны трехцветные знамена и венки из иммортелей.

В следующие дни шествие к площади Бастилии сопровождает большая толпа и рукоплещет ораторам из батальонов, которые, взобравшись на пьедестал монумента, клянутся, что не дадут погубить республику. Теперь батальоны приходят в полном составе, иногда при оружии, под дробь барабанов. Кивера егерей, фески зуавов, синие береты моряков смешиваются с морем кепи национальных гвардейцев. Гирлянды из иммортелей вьются спиралью по колонне и поднимаются до самого Геняя свободы, который держит развевающеся красное знамя. А ночью памятник освещен разноцветными фонариками¹.

26 февраля условия прелиминарного мирного договора подписаны. Манифестации становятся все многочисленнее. 133-й батальон несет знамя, на котором написан лозунг «Республика или смерть!». Все больше мобилей, зуавов, пехотинцев шагают вместе с национальной гвардией. Полицейского, который записывает номера проходящих батальонов, сбрасывают в канал Сен-Мартен. Полицейский комиссар, хотевший прийти ему на помощь, был вынужден искать убежища в казарме Селестинцев, где он просидел в осаде до самой ночи. Только к 8 часам вечера Винуа удается послать четыре батальона пехоты, чтобы очистить квартал. Они остаются там до полуночи, но «поведение их не внушает доверия», признается Винуа², который получает от мэра

¹ В этих шествиях, которые продолжаются до 2 марта, участвовали 94 батальона. Среди них 13-й, 14-й, 113-й и 171-й батальоны (I округ); 100-й, 148-й, 149-й и 227-й батальоны (II округ); 55-й (два раза), 86-й, 87-й, 144-й (с оружием) и 205-й батальоны (III округ); 162-й, 182-й, 183-й и 254-й батальоны (последний три раза). См.: Vינוא, L'Armistice et la Commune, p. 408.

² См.: «Enquête parlementaire» (доклад Марсиаля Дельпи), t. I, p. 33.

Парижа следующую тревожную депешу: «Ваши войска на площади Бастилии полностью смешались с толпой и братаются с ней».

По соглашению, заключенному с немецкой армией, перемирие заканчивалось в воскресенье 26 февраля, в полночь. Однако все заставляло предполагать, что оно будет продлено второй раз. Между тем полное молчание газеты «Journal Officiel» затягивалось и в конце концов было истолковано как указание на возможность возобновления враждебных действий. Военные власти в предвидении вступления прусских солдат в Париж эвакуировали 6-й сектор — сектор Пасси. Сквер Ране-лаг, авеню Ваграм, парк Монсо, где были сосредоточены пушки национальной гвардии, оказались покинутыми¹.

«Народ увидел в этом предательство, он подумал, что пушки хотят выдать неприятелю. Толпа хлынула к орудиям, и громкие крики: «Заберем их! Отвезем на Монмартр, будем их защищать!» — зазвучали со всех сторон. Тысячи рук тотчас ухватились за орудия и с триумфом перетаскивали их на Монмартр»². Когда сигнал был дан, ничто уже не могло остановить общий порыв. К толпе примыкают женщины и дети. По бульварам женщины волокут пушки, окруженные национальными гвардейцами с оружием в руках. Один офицер, верхом на орудии, держит развернутое знамя.

«Поистине это было грандиозное зрелище, напоминавшее полные энтузиазма дни первой Революции», — пишет Артюр Арну.

«Национальной гвардии департамента Сена выпал долг помешать подлому вторжению в Париж, не допустить, чтобы сапоги *кروات* (*sic!*) попирали священную землю столицы», — пишет газета «La Fédération»³ и добавляет: «В единодушном порыве все батальоны *по собственной инициативе* вооружились и стали на стражу, готовые к выступлению».

¹ Ibid., p. 33.

² Рукопись Нестора Руссо, члена Центрального комитета. (Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.)

³ «La Fédération républicaine de la Garde nationale». (5 сантимов. Продается в книжной лавке Шатлена, ул. Круассан, 13, Париж II, № от 7 мая 1871 г.) (Из нашего частного собрания — М. Ш.)

Отсутствие приказа из центра объясняет, почему со всех сторон требовали проявления инициативы.

«Это я, твой брат, первый проявил инициативу и велел убрать пушки с Ваграмской площади, — пишет Дезире Лапи, командир 152-го батальона (XVIII округ)¹, в свое время фабрикант снарядов. — Я собрал около 200 человек, с которыми отправился на Ваграмскую площадь; я приказал перекатить 11 пушек, и мы их подняли на вершины Монмартрских холмов. Вся национальная гвардия последовала моему примеру, и в час, когда я тебе пишу, гвардейцы продолжают втаскивать пушки, которых у нас сегодня уже 380 штук и еще 100 митральез. Я бесшумно дежурю в охране этой артиллерии как член Центрального комитета. Одним словом, сейчас мы хозяева положения и часть стоящей в Париже армии стала на нашу сторону».

Со своей стороны Артюр Арну пишет²:

«Национальная гвардия решила спасти пушки. Инициатором этого движения был батальон IV округа³. Выведенный своим командиром, этот батальон пришел в парк на Ваграмской площади, и, несмотря на возмущение и угрозы гражданина Распайля-сына, чья батарея стояла в карауле в этот день, гвардейцы овладели своими пушками и на руках протаскивали через весь город к площади Вогезов».

Газеты напечатали известие — как оказалось, неточное — о том, что пруссаки в полночь войдут в город, и бурное волнение на улицах к вечеру охватило клубы. В Клубе Марсельезы решают сопротивляться с оружием в руках. В Бельвиле бьют сбор, и, быстро собравшись, 2000 национальных гвардейцев отправляются на площадь Шато-д'О. В половине первого барабаны бьют

¹ Он жил на улице Рюссо, 38, на Монмартре, и умер при взрыве в своей мастерской. Мы нашли это письмо, адресованное его сестре и датированное 9 марта 1871 г., в Военно-историческом архиве в Венсенском замке (5^e conseil de guerre, dossier 700) среди писем, изъятых Ж.-Л. Савари, мировым судьей кантона Маркуэн, у г-жи Пруа, урожденной Леонид Лапи.

² «Histoire populaire et parlementaire de la Commune», p. 90

³ 183-й батальон под командой Бутена, батальон Эдуара Мопро, по свидетельству Вотрена, мэра IV округа. («Enquête parlementaire», t II, p. 372; Vinoy, L'Armistice et la Commune, p. 410)

сбор в предместье Тампль, затем в Латинском квартале. Мэрия III округа занята 63-м батальоном. Сент-Антуанская улица и улица Риволи черны от народа. 162-й, 183-й и 212-й батальоны (IV округ) в полном вооружении шагают к площади Согласия; 141-й батальон (Сент-Антуанское предместье) занимает Ваграмскую площадь. В три часа утра внушительная манифестация, в которой смешались гражданские лица и национальные гвардейцы, двигается по Елисейским полям. От нее отделяются два офицера, чтобы передать свои распоряжения в штаб сектора. Всю ночь патриоты остаются на Елисейских полях, толпясь вокруг бивуачных костров. В половине пятого толпа врывается в тюрьму Сент-Пелажи и освобождает Пиацца и Брюнеля. На рассвете штаб-квартира 2-го сектора захвачена и склад патронов опустошен. Вскоре после полудня толпа в 2 тыс. человек ведет по улице Гюрбиго к набережной Вальми трех неизвестных, утверждая, что они подосланы пруссаками. Кругом кричат: «В реку их! В реку!» Какому-то офицеру с большим трудом удается добиться, чтобы их передали в руки Центрального республиканского комитета на площади Кордери¹. В 14 часов Центральный комитет национальной гвардии созывает в мэрии III округа военный совет всех командиров батальонов. Это собрание, по словам газеты «La Fédération»², «ни к чему не привело. Оно только дало возможность нескольким смелым и преданным гражданам доказать их патриотизм». Центральный комитет включил их в свои ряды, «чтобы продолжать непрерывные заседания и быть готовым к любому событию», а между тем на площади Бастилии продолжаются манифестации, и народ захватывает оружие и боеприпасы.

Но на площади Кордери Центральный комитет 20 округов целый день принимает многочисленные делегации, которые, по-видимому, путают его с Центральным комитетом национальной гвардии и требуют от него инструкций и патронов. Некоторые делегации предъявляют даже приказы, подписанные гражданами, называющими себя членами Интернационала. Собравшееся

вечером 27 февраля заседание комитетов бдительности выражает возмущение этими фактами. Так как Интернационал не издал ни одного приказа и не имел никаких боеприпасов для раздачи, все недоумевают, откуда исходит инициатива этого движения. Она идет не от социалистических групп, поэтому к ней не следует примыкать, ибо «вступление в борьбу при подобных обстоятельствах означало бы смерть Республики и гибель социального будущего». Чему поможет уничтожение 30 тыс. пруссаков? Сопротивление может пойти на пользу только реакции. Социалистическая партия должна беречь свои силы до более благоприятного случая. «Реакция хочет раздавить нас руками пруссаков; нельзя позволить себя одурачить».

Белэ, Анри Гулле, Роша, Пенди, Антуан Арно, Жюль Валлес участвуют в этой дискуссии, которая заканчивается составлением ясного манифеста¹:

«...всякое выступление только подставит народ под удары врагов революции — германских и французских монархистов, которые потопят в море крови все его социальные требования».

На другой день Жюль Валлес объясняет в своей газете решения, принятые на улице Кордери:

«Говорят, что смельчаки решили двинуться по улицам навстречу победителю и преградить ему путь. Честь тому, кто готов умереть в эти дни горчайшего позора!

Но никто не видел, чтобы матрос мог остановить прилив, и самоубийство отнюдь не оружие сильных... Республиканец, завтра не стреляй! Не стреляй, потому что они, возможно, хотят, чтобы ты начал стрелять... И не давай себя убить, отчаявшийся герой, когда тебе предстоит еще столько трудов и столько добрых дел, когда рядом со скорбной родиной шагает революция».

Центральный комитет национальной гвардии в конце концов соглашается с этими разумными доводами и 28 февраля расклеивает следующую афишу:

«Мнение всего населения склоняется к тому, что не следует противиться вступлению пруссаков в Па-

¹ См.: Vinoy, L'Armistice et la Commune, p. 143—148; «Enquête parlementaire», t. I, p. 37.

² Номер от 7 марта.

¹ Он был напечатан в газете «Le Cri du Peuple» 1 марта 1871 г.

риж. Центральный комитет, который раньше высказывал противоположное суждение, заявляет, что он присоединяется к следующей резолюции:

Вокруг кварталов, которые должен занять неприятель, будет сооружено кольцо баррикад, чтобы полностью изолировать эту часть города. Жители отрезанных кварталов должны немедленно покинуть свои дома.

Национальная гвардия совместно с армией окружит кордоном эти кварталы и будет следить, чтобы неприятель, изолированный на территории, которая уже не будет нашим городом, никак не мог сообщаться с остальными районами Парижа.

Итак, Центральный комитет возлагает на всю национальную гвардию обязанность оказывать содействие выполнению всех мер, необходимых для достижения этой цели, и избегать всяких враждебных действий, которые привели бы к немедленному свержению Республики».

Среди подписей, стоящих под этим текстом, мы впервые видим имя Бурсье, что свидетельствует о том, что теперь и I округ представлен во временном Центральном комитете.

Леопольд Бурсье, родившийся 25 января 1839 г. в Вильнёв-ла-Гийярд, старший сын кучера дилижансов, придерживавшегося республиканских взглядов. Его младший брат был убит в восьмилетнем возрасте на улице Тиктонн, во время жестокого подавления попыток сопротивления государственному перевороту 2 декабря 1851 г. Бурсье-сын — виноторговец, живет на улице Тамплъ, 36 (III округ), во время осады он был знаменосцем 196-го батальона (I округ), а затем был избран командиром 14-го батальона. Это человек в расцвете сил, с незаурядной внешностью, пользующийся большим уважением в своем квартале. Он прекрасный оратор и вместе с тем человек действия и большой физической выносливости. Полночи он занимается политикой, а на рассвете он уже на ногах, наводит порядок в своей лавке...¹, но не 1 марта, в день траура, когда он

¹ О Бурсье см.: Archives historiques de l'armée, 3e conseil de guerre, dossier 762; «Le Comité central dévoilé», par Auguste Hardy, Vve Aubert éd.

закрывает торговлю и водружает скрещенные красные и черные знамена.

Флаги в мэриях прикрыты крепом, так же как и статуи на площади Согласия. Приказы Центрального комитета выполнены. В богатых западных кварталах, куда должны войти пруссаки, ставни на окнах заперты, а двери забаррикадированы.

Адольф Клеманс пишет в своей записной книжке:

«Среда 1 марта... Немцы входят в 8 часов. Вся национальная гвардия под ружьем и готова немедленно открыть огонь, если они перейдут намеченную границу. Все лавки закрыты. На улицах несметные толпы. Надежда на скорый реванш. Всеобщее возмущение против правительства национальной измены».

У въезда на улицу Риволи баррикада из повозок отменяет начало французских передовых линий. После обеда улица Риволи запружена народом. На всех перекрестках устроены бивуаки, а на площади Бастилии продолжается нескончаемое шествие батальонов вокруг колонны, которая теперь от постаментов и до самой вершины утопает в цветах.

Вечером, на заседании Федерального совета Интернационала¹, многие делегаты отсутствуют: они стоят на страже перед прусскими войсками. Варлен предлагает членам Интернационала сделать все, что в их силах, чтобы быть избранными делегатами от своих рот и попасть таким образом в Центральный комитет национальной гвардии. «Мы войдем туда,— сказал он,— не как члены Интернационала, а как национальные гвардейцы, и постараемся овладеть умами этого собрания». Разгорается бурная дискуссия. Некоторые считают, что, поначалу по крайней мере, Центральный комитет был реакционным, что не следует ни вступать в компромиссы с буржуазией, ни брать на себя обязательства, не посоветовавшись предварительно с секцией, и, главное, что они рискуют скомпрометировать Интернационал. Другие говорят, что надо помешать национальной гвардии идти на поводу у реакции, что Центральному комитету

¹ Под председательством Пенди. Варлен в президиуме. («Les Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale», p. 77 et suiv.)

повинуются больше, чем Винуа, что во главе его стоят теперь социалисты и не оказать им поддержки, которую они просят, было бы отступничеством.

«Если мы останемся одни, в стороне от такой силы,— сказал Варлен,— мы утратим свое влияние, а если мы соединимся с комитетом, мы сделаем крупный шаг на пути к социальному будущему»¹. Под конец Пенди ставит на голосование следующее предложение, являющееся результатом дискуссии:

«В Центральный комитет национальной гвардии делегируется комиссия из четырех человек. Действовать она будет под свою личную ответственность и должна быть особенно осторожной во всем, что касается французской организации Международного товарищества рабочих».

Несмотря на эти оговорки, резолюция создает ту нить, которая будет все крепче связывать Интернационал с Центральным комитетом, чей авторитет растет с поразительной быстротой.

Теперь Центральный комитет отдает приказы командирам частей, совершенно не заботясь о военной иерархии. 2 марта Юберу, командиру 95-го батальона (IV округ),

«приказано отправиться на 4-й бастион, чтобы оказать вооруженную поддержку трем ротам 208-го батальона, посланным туда вместе с одной ротой 235-го батальона с целью избежать конфликтов, и чтобы забрать пушки и снаряды»¹.

*

Записная книжка Клеманса:

«Четверг 2 мая...² Шарлю пришлось провести ночь в Альфортвиле, чтобы эти поганые немцы не спалили его дом. Подлые члены правительства национальной измены позволяют ненавистным врагам осматривать Лувр и Тюильри³. Будь они все прокляты и наказаны как предатели и разбойники.

¹ Приказ, подписанный Фронтье и предъявленный Вотренем, мэром IV округа, см. в: «Enquête parlementaire», t. II, p. 372.

² Описка, на самом деле 2 марта

³ Толпа, собравшаяся на улице Риволи и на площади Лувра, встретила гиканьем и угрозами этих «туристов», после чего Винуа

3 марта. Прекрасная погода. Эти немецкие свиньи покидают Париж. А нам, нам по-прежнему нечего есть. Чем все это кончится?»

3 марта в зале Тиволи открылось общее собрание делегатов национальной гвардии, которое окончательно оформило это движение.

После краткого обзора событий, происшедших с 24 февраля, и отчета о деятельности Временной комиссии был принят устав, который после утверждения принципа, что существование республики не подлежит осуждению, обеспечивал Федерации национальной гвардии полную гарантию демократической деятельности.

Вот как строится Республиканская федерация снизу доверху:

1. Общее собрание, состоящее из ротных делегатов, избранных по одному от каждой роты независимо от чина; из делегатов, избранных офицерами батальона по одному от каждого батальона; и, наконец, из всех командиров батальонов. Таким образом, в суверенном собрании этой организации обеспечивается преобладание «низов», прямое представительство простых национальных гвардейцев, и в то же время достаточно представлений и офицерский состав.

2. Батальонный комитет состоит из трех делегатов от каждой роты, офицера, избранного в общее собрание, и командира батальона.

3. Совет легиона состоит из двух делегатов от каждого батальонного комитета, избранных независимо от звания, и командиров батальонов округа.

4. Центральный комитет состоит из двух делегатов от каждого округа, выбранных советом легиона, и одного командира батальона от каждого легиона, выбранного своими коллегами.

Таким образом, Центральный комитет создается в результате трехстепенных выборов, на проведение кото-

и немецкое командование прекратили подобные «визиты», чтобы избежать конфликта. (См.: «L'Armistice et la Commune», p. 162—168.)

рых необходимо некоторое время, и к 18 марта они еще не будут закончены. Вот почему общее собрание 4 марта утверждает временный Центральный комитет из 29 членов¹, среди которых: Приюдом, улица Рынка, 30 (I округ), Жак Дюран, улица Сен-Дени, 307 (II округ), Виар, улица Вертю, 3 (III округ), Пенди, площадь Кордери, 6 (III округ), Бурсье, улица Тампль, 36 (III округ), Курти, улица Тампль, 169 (III округ), Алавуан, улица Паве, 15 (IV округ), Эжен Варлен, который в это время живет на улице Лакруа, 27 (XVIII округ). Последний сразу завоевывает в Федерации непререкаемый авторитет. Это он вносит и добивается принятия резолюции, в которой национальная гвардия требует неограниченного права выбирать всех своих командиров и смещать их, как только они потеряют доверие своих избирателей.

Гражданин Бурсье предлагает делегатам внести на рассмотрение их комитетов резолюцию, предусматривающую, что,

«в случае если подтвердятся слухи, что местопребывание правительства будет перенесено из Парижа, город Париж должен немедленно объявить себя независимой Республикой».

Для истинных республиканцев вооруженная национальная гвардия является лучшей гарантией против реставрации монархии, которой они так опасаются. Жюль Валлес пишет в «Le Cri du Peuple» от 6 марта:

«Теперь, когда война закончена или по крайней мере когда подписан мир, похитители общественных свобод и специалисты по государственным переворотам, быть может, боятся этих батальонов, боятся как умеренных, так и пламенных, боятся революционного духа всего города, в который вернувшиеся из изгнания претенденты надеются в одно прекрасное утро вступить с короной на голове».

¹ Мы видим, что шестеро из подписавших «Красную афишу» и, следовательно, члены Центрального республиканского комитета 20 округов, придерживающиеся социалистических идей, фигурируют во временном Центральном комитете Федерации национальной гвардии Шовьер, Фортюне Апри, Лакор, Пенди, Варлен и Виар

*

Записная книжка Клеманса доказывает нам, что в своих политических убеждениях и социальных устремлениях этот активный член Интернационала заходит не так далеко, чтобы забыть свои мелкобуржуазные интересы.

4 марта Клеманс жалуется, что г-н Сорю — его жилец — отказывается выдать расписку, что задолжал ему за квартиру.

«5 марта. Три национальных гвардейца из 3-й роты 254-го батальона (IV округ) пришли, чтобы перевезти г-на Сорю на другую квартиру. Разыгралась бурная сцена». На другой день Клеманс подает жалобу «на Сорю и трех его пособников», но не в суд, а тому, кто обладает реальной властью, то есть командиру 254-го батальона, который 7 марта вызывает тяжущихся к мировому судье и склоняет их к примирению.

В итоге жильца обязуют выдать «четыре расписки с обязательством выплачивать определенную сумму каждые два месяца, начиная с 7 мая, когда он должен внести 35 франков».

«Правительство национальной обороны» вынуждено было под давлением обстоятельств принять постановление о моратории на квартирную плату до окончания войны. Но как только мир был подписан, домовладельцы сочли себя вправе потребовать оплаты просроченных платежей. На примере дела Клеманса — Сорю мы видели, с какой остротой внезапно встал вопрос о квартирной плате. В Национальном собрании в Бордо парижский депутат Мильер предлагает принять закон о продлении моратория на квартирную плату, но собрание отклоняет это предложение. В то время когда производство еще не было возобновлено, сотни тысяч самых обнищавших семей оказались под угрозой выселения.

В своем первом номере (16 вантоза 79 г. — 6 марта 1871 г.) газета «Le Père Duchêne» (стоившая всего лишь 1 су) выражает свой «великий гнев» по поводу того, что «домовладельцы собираются вышвырнуть на улицу несчастных горемык-патриотов».

В лагере на улице Круссан три молодых человека, Вермерш, Вийом и Эмбер, стараются возродить гру-

боватое остроумие газеты «Le Père Duchêne» времен Великой революции:

«Мало того, что мы подыхали с голоду, проливали свою кровь и нахлебались стыда: теперь нам еще надо платить квартирную плату за три квартала! Вот уж больше полугода, как мы ничего не производим, ничего не продаем! Откуда, спрашивается, мы возьмем эти деньги?

Нет, мы не будем платить!

Мы не станем платить!!!»

В том же номере от 6 марта «Le Père Duchêne» публикует следующий «репортаж»:

«Сегодня, бродя по Парижу, Отец Дюшен видел множество солдат, шатавшихся вокруг Лувра... Их было не меньше двух полков. Все рослые детины, здоровяки, крепыши, не очень-то потрепанные в последних боях.

А ведь сейчас у нас на полях немало работы.

«Скажите, какого черта все эти молодцы торчат здесь, вместо того чтобы работать?»

Винуа тщетно пытается прибрать к рукам всех этих солдат, которые после окончания военных действий шатаются без дела по улицам Парижа. Потому что он задумал разоружить национальную гвардию.

Записная книжка Клеманса свидетельствует о тревоге членов федерации по этому поводу. Не для того они спасали пушки от пруссаков, чтобы передать их теперь врагам республики!

«Воскресенье 5 марта.—Этой ночью национальной гвардии было приказано усилить охрану артиллерийского парка на площади Вогезов, так как Винуа выражает намерение захватить орудия.

8 марта.—В карауле на площади Вогезов, чтобы воспрепятствовать захвату 60 размещенных там пушек... Я выбран делегатом от моей роты и должен представлять ее на собрании ротных делегатов национальной гвардии нашего округа.

8 марта Федеральный совет Интернационала обсуждает вопрос о пушках, ставший «более чем срочным — неотложным». Франкен (III округ) предлагает попросту передать это дело Центральному комитету национальной гвардии, который несет за него ответственность. Но совет подавляющим большинством голосов решает

перенести обсуждение на совместное заседание Интернационала, Федеральной палаты рабочих обществ и Центрального республиканского комитета 20 округов Парижа, назначенное на тот же вечер. Это собрание состоялось на Кордери¹, но, к сожалению, мы не нашли никакого документа с отчетом о его работе.

Как бы там ни было, но члены федерации не дают себя запугать, как видно из письма командира Лапи к его сестре от 9 марта: «Если у нас попытаются отнять то, чем мы владеем, мы скорее предадим Париж огню, чем покоримся этим бандитам»².

Винуа, который вот уж больше месяца вынужден прятать свои когти, вновь обретает надежду: с 8 марта к Парижу подходят колонна за колонной три свежие дивизии солдат, которые, как считает правительство, необходимы «для начала наступательных действий против мятежников»³.

Теперь, когда мир с пруссаками заключен, можно договориться с ними и заручиться их помощью, чтобы раздавить парижский пролетариат. По прелиминарному мирному договору Парижу дозволено держать гарнизон в 12 тыс. человек, но Бисмарк разрешает увеличить численность этой армии до 40 тыс. и Жюль Фавр получает «одобрение федерального канцлера, который не делает никаких возражений»⁴ против практических мер, предпринятых для быстрой переброски этих войск, хотя по условиям перемирия они не имеют права переходить Луару.

Военный министр Лефло сформировал эти дивизии лишь после того, как «получил нужные сведения и тщательно продумал их состав», и тем не менее прибывшие части «настроены весьма неважно, что смог заметить даже сам главнокомандующий, проводя им смотр».

Записная книжка Клеманса: 9 марта на вечернем заседании делегатами от IV округа избраны Моро, Клеманс и Демель.

¹ См.: «Le Mot d'ordre», 8 mars; «Le Cri du Peuple», 9 mars.

² Archives historiques de l'armée, dossier 700.

³ Vinoy, L'Armistice et la Commune, p. 184.

⁴ Vinoy, L'Armistice et la Commune, p. 186.

В тот же день. В № 4 «Le Père Duchêne» (19 вантоза 79 г.) мы читаем:

«Отец Дюшен высказал свое мнение по поводу проекта этих олухов из Национального собрания лишить Париж звания столицы, а теперь, когда честь — черт возьми! — удовлетворена, сядем рядком, пропустим по стаканчику красного, разумеется, и потолкуем о наших делах.

Слушайте, что ошарашило Отца Дюшена в гнусном декрете о коммерческих векселях, представленном Национальному собранию этим плутом Дюфором¹, который околачивался в передних всех правительств, настоящих, бывших и будущих.

В статье второй сказано:

«Все коммерческие векселя, срок которых истек с 13 августа до 12 ноября 1870 г., могут быть предъявлены ко взысканию ровно через семь месяцев по истечении срока, и с этого числа на них будут начисляться проценты.

Векселя, срок которых истекает с 13 ноября 1870 г. до 12 апреля 1871 г., могут быть предъявлены ко взысканию в точно указанные числа с 13 июня по 12 июля.

Это распоряжение распространяется и на векселя, которые уже были опротестованы или поданы ко взысканию».

Как, дьявол их возьми! *Еще и с процентами!*

Мало того что, несмотря на гнусное положение, в котором мы оказались, с нас требуют уплаты по всем этим собранным в кучу векселям — будь они прокляты! — чего мы не в силах сделать, даже явись за ними сам дьявол или эти гады — судебные исполнители — его меньшие братья.

Мы должны еще уплатить проценты на эти векселя!

Нет уж, дудки! Это просто неслыханно!

Они, видно, хотят окончательно разорить торговлю, заставить мелких лавочников сбежать из своих лавчонок и отправиться дробить камень на больших дорогах».

¹ Министр юстиции.

Плата по коммерческим векселям, срок которых истек 13 августа 1870 г., может быть взыскана 13 марта. С 13 по 17 марта в Париже было предъявлено ко взысканию 130 тыс. векселей. Одним махом Национальное собрание отбросило всю мелкую буржуазию в объятия пролетариата. Мелкий парижский лавочник, который ответил «да» во время плебисцита 3 ноября, 26 марта будет голосовать за Коммуну.

*

В пятницу 10 марта в зале Тиволи под председательством гражданина Пенди состоялось собрание делегатов национальной гвардии, посвященное принятию в организацию новых батальонов

Арнольд выступает с достойным и красноречивым докладом:

«Итак, надо было, чтобы рассеялись последние иллюзии и все увидели подлое дело, творимое реакцией; надо было, чтобы Париж, этот герой и мученик, был оплеван, оклеветан, облит презрением негодьями, которые во все времена эксплуатировали народы; надо было заключить этот позорный мир, самый гнусный из всех, состряпанный наспех, в то время, когда мы обладали еще огромными ресурсами и мужеством, которое придает отчаяние, чтобы добиться освобождения; надо было, чтобы все государственные посты были захвачены людьми, заведомо наиболее враждебными Республике; надо было, наконец, пережить худшее унижение Парижа, занятого неприятелем, чтобы столь доверчивый и простодушный народ понял наконец, что он может рассчитывать только на себя, если хочет отстоять свою честь и свободу. Вот почему, граждане, теперь мы кое-что значим. Теми, чем мы стали, нас сделали события; нам сказали об этом постоянные атаки прессы, к которой демократы заслуженно относятся с подозрением; это подтвердили нам и угрозы правительства: мы непреодолимая преграда на пути всякой попытки свергнуть Республику».

Арнольд сообщает о слиянии федерации с Федеральным республиканским комитетом, который был создан параллельно с федерацией и ставил себе сходные цели.

Затем переходит к резкой критике генерала д'Орель де Паладина¹, которого правительство только что назначило командующим национальной гвардией вместо вышедшего в отставку Клемана Тома. Он разоблачает нелепые угрозы министра внутренних дел по адресу Центрального комитета и в заключение заявляет:

«Сначала Французская республика, а затем республика Всемирная.

Не будет больше постоянной армии, а будет вооруженная нация, так чтобы сила никогда не попирала право.

Не будет больше угнетения, рабства или какой-либо диктатуры, а только суверенная нация, свободные граждане, сами управляющие собой».

*

Одиннадцатый военный суд заочно приговаривает к смерти Делеклюза и Флуранса за их участие в событиях 31 октября. В тот же день Винуа запрещает издание шести газет, в том числе «Le Cri du Peuple» и «Le Père Duchêne».

Центральный комитет, встревоженный всеми этими приготовлениями к государственному перевороту, обращается непосредственно к армии, выпустив афишу:

«Солдаты, дети народа!

...люди, подготовившие поражение, расчленившие Францию, отдавшие врагу все наше золото, хотя уйти от лежащей на них ответственности, развязав гражданскую войну. Они рассчитывают, что вы будете послушным орудием замышляемого ими преступления. Граждане солдаты, неужели вы будете повиноваться кощунственному приказу?.. Чего хочет парижский народ? Он хочет сохранить свое оружие,

¹ Кюзере посылает из Бордо открытое письмо национальным гвардейцам департамента Сена: «Заставьте уважать себя, арестовав и отдав под суд преступного человека, который сначала содействовал государственному перевороту, а потом во второй раз предал Францию, выдав врагу Луарскую армию... Ни один честный человек во Франции не может служить под командой такого Паладина. Два участника декабрьского переворота во главе вооруженных сил столицы — это чересчур!» (См.: Claretie, Histoire de la Révolution de 1870—1871, p. 599—600.)

сам выбирать своих начальников и смещать их, когда они утратят его доверие. Он хочет, чтобы солдат регулярной армии отправили по домам к их очагам, дабы как можно скорее вернуть семьям любящие сердца, а труду — рабочие руки.

Солдаты, дети народа! Объединимся, чтобы спасти Республику...»

*

Записная книжка Клеманса:

«14 марта. Сегодня утром я получил циркуляр командира 96-го батальона с приказом либо нести службу, либо сдать оружие. Посещение Левека. Вечером при раздаче жалованья волнение, вызванное циркуляром командира. Всеобщее недовольство».

*

Винуа считает, что теперь у него достаточно солдат, чтобы занять более жесткую позицию по отношению к национальной гвардии. Он также пополнил свои запасы оружия и патронов. 15 марта он пишет¹: «Утром 12 тыс. винтовок из числа лишних, переданных нами пруссакам, прибыли поездом из Майнца».

Несколько парижских депутатов, в том числе Виктор Гюго, Делеклюз, Рошфор, Феликс Пиа, Гамбон, Разау и Бенуа Малон, подали в отставку, и, когда Гамбон спросил мнение Интернационала, как следует себя вести, Федеральный совет решил пригласить некоторых из подавших в отставку депутатов на собрание, назначенное на среду 22 марта на площади Кордери². Секция Фобур-дю-Тамплъ добилась согласия Федерального совета включить в повестку собрания секций вопрос о квартирной плате³.

¹ V i n o u, L'Armistice et la Commune, p. 204.

² 17 марта Гулле направил приглашение Гамбону: «..Федеральный совет Международного товарищества рабочих так же, как и вы, чрезвычайно озабочен неясностью политического положения: что делать, что в глубине души считает народ? Мы будем рады выслушать вас, узнать, что вы находите полезным, и, наконец, каково ваше суждение о последних событиях». («Enquête parlementaire», t. III, p. 241.)

³ «Les Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale», p. 100.

15 марта в зале Тиволи собирается четвертое общее собрание делегатов Республиканской федерации национальной гвардии с участием 1325 делегатов от рот. Представлены 215 батальонов (из 260-ти). На собрании утверждают выборы граждан, выдвинутых в члены Центрального комитета их округами. I и II округа еще не избрали своих представителей.

От III округа избраны: Антуан Арно, проживающий на улице Нотр-Дам-де-Назарет, 54, и Щ. Гуйе, улица Тампль, 120.

От IV округа: Эдуар Моро, литератор, улица Риволи 10; Адольф Клеманс, переплетчик, улица Жюиф, 19¹.

«Перед лицом внутреннего врага, который уже явно переходит к враждебным действиям», Федерация подтверждает свою веру «в единственный режим, способный спасти нашу родину и все человечество, — социальную и демократическую Республику».

Записная книжка Клеманса:

«16... Заседание Центрального комитета с двух часов до половины шестого; я назначен архивариусом административной комиссии. Циркуляр моей роты о выборах трех делегатов. В половине девятого вижу вместе с Фори, как приходят артиллеристы, чтобы увести пушки с площади Вогезов.

17 марта.— Хорошая погода. Артиллеристы ретируются с площади Вогезов без пушек. Полтора часа спустя, в половине десятого, появляется парижская гвардия, но ей не дают проникнуть на площадь, и она уходит, даже не пикнув. Постоянное дежурство гвардейцев IV округа у колонны на площади Бастилии. Ночью посетил Монмартр. В полдень пушки увозят с площади Вогезов и перетаскивают к мэрии Бельвиля. Повестки для моей роты уже розданы».

Значит, сила остается за Центральным комитетом. Что же произошло? Жюль Ферри рассказывает об этом².

Винуа получил от офицера, охранявшего орудия на площади Вогезов, согласие выдать их. В ночь с 16 на 17 марта в условленный час солдаты приходят за пушками, но дежурный офицер отказывается выдать их без письменного приказа. Пока возвращаются в главный штаб за приказом, весть об этом разносится по городу и федераты принимают меры предосторожности.

17-го правительство приезжает в Париж и созывает военный совет с участием Винуа. Пора с этим покончить, говорит Тьер:

«Деловые люди повсюду твердят: «вы никогда не сможете заняться финансовыми операциями, если не покончите со всеми этими предателями, если не отберете у них пушки. Надо покончить с ними, а тогда можно будет заняться делами». Мысль о необходимости захватить пушки поистине стала главной, и против этого трудно было что-либо возразить»¹.

Захватить пушки обманом оказалось невозможно. «Тайный замысел был раскрыт, он возбудил всеобщее подозрение»². Жюль Ферри предлагает ночью или на рассвете совершить внезапный налет. Тьер знает, что переговоры, которые ведет мэр Монмартра Клемансо с бывшим артиллерийским полковником Шельше³, еще могут привести к компромиссному соглашению. Но он очень спешит; заседание Национального собрания назначено в Версале на 20 марта, и хитрый старик хочет выступить на нем в роли спасителя порядка, победителя мятежа. Спровоцируйте мятеж, пока у вас еще есть армия, чтобы его задушить, советовал ему Бисмарк... Есть ли лучшее средство спровоцировать мятеж, чем захватить силой пушки, которые национальная гвардия считает своей собственностью, так как купила их на свои деньги и сама спасла от пруссаков?

Винуа, осторожный, как всегда, хотел бы дожидаться «необходимого подкрепления, которое мы получим после возвращения из Германии наших освобожденных военнопленных», но совет принимает решение о «необходимости немедленного наступления»⁴.

¹ «Enquête parlementaire», t. II, p. 11.

² Ibid., p. 65.

³ Ibid., p. 321—322.

⁴ V i n o y, L'Armistice et la Commune, p. 207.

¹ Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.

² «Enquête parlementaire», t. II, p. 65

И вдобавок наступления с широким размахом. Речь шла не только о том, чтобы захватить пушки в артиллерийском парке на Монмартре, но и занять войсками Бельвиль и все восточные кварталы, «отобрать военное снаряжение, обыскать дома, провести розыски, одним словом, принять все необходимые меры, чтобы арестовать на месте всех вожаков восстания»¹. По словам Шоппена, выполнявшего тогда функции префекта полиции и присутствовавшего на военном совете 17 марта,

«в распоряжение генерала придали полицейских комиссаров, обязанных действовать в хвосте каждой колонны и разбитых на группы по два-три человека. В своем распоряжении они тоже имели по несколько полицейских. Мы решили принять особые меры на улице Кордери, так как следовало проникнуть в помещение Интернационала»².

Одна дивизия должна была заняться Монмартром, другая — Бельвилем. На третью (дивизию Мод'юи) возлагались следующие задачи:

1. Бригада Вольфа и один эскадрон республиканской гвардии займут всю площадь Бастилии вместе с одной четырехорудийной батареей и полубатареей митральез. Они будут охранять площадь, наблюдать за всеми выходящими на нее улицами, займут Венсеннский железнодорожный вокзал, Аустерлицкий мост и мост Арсенала.

2. Бригада Анриона: генерал расположится в Сите вместе с республиканской гвардией, четырехорудийной полубатареей, полубатареей митральез и 45-м маршевым полком, который будет охранять мосты и площадь Сен-Мишель, следя также за Ратушей и набережными (135-й линейный останется в резерве у Люксембургского дворца).

4-я дивизия останется в резерве позади Дома инвалидов и Военной школы.

Ратушу займет 110-й линейный полк, казарму принца Евгения (Шато-д'О) — два батальона, Тюильри — 89-й линейный, Лувр — жандармерия. Кавалерия, резервы артиллерии и упряжки будут сосредоточены на площади Согласия и на Елисейских полях.

Чтобы обеспечить подвижность воинских частей, солдаты будут без ранцев. Они возьмут лишь по куску хлеба и патроны. Итак, речь идет о широкой операции, которая ставит своей целью не более и не менее, как раздавить одним ударом республиканскую оппозицию, потопить ее в море крови. В общем приказе о порядке проведения операции 18 марта 1871 г. говорится:

«Когда войска подымутся, чтобы захватить артиллерийские парки, первые взошедшие на высоты постараются захватить врасплох часовых и посты охраны, чтобы предупредить всякое сопротивление. Если охрана сложит оружие, ее следует взять в плен; если она окажет вооруженное сопротивление войскам, то ее надо расстрелять на месте»¹.

Глубокой ночью солдат поднимают, но не трубят сбор. Дается самый строгий приказ соблюдать полную тишину. Копыта лошадей обвязывают тряпками. В три часа утра армия выступает на штурм спящего глубоким сном Парижа. Следуя за войсками, полиция расклеивает белые афиши, подписанные всеми членами правительства, с обращением к национальной гвардии. Меры, принятые правительством,

«были необходимы для поддержания порядка; оно хотело и хочет покончить с повстанческим комитетом, члены которого почти никому не известны, являются лишь носителями коммунистических идей и обрекут Париж на разграбление, а Францию на гибель, если национальная гвардия и армия, объединившись, не встанут на защиту отечества и Республики».

Игра начата. Тьер надеется выиграть ее за каких-нибудь два дня. Незадачливый ученик волшебника, мог ли он предвидеть, что развязывает движение, последствия которого будут все еще сказываться целый век спустя.

¹ Vinoy, op. cit., p. 218.

² «Enquête parlementaire», t. II, p. 117.

¹ Vinoy, L'Armistice et la Commune, p. 411—417.

Глава четвертая

18 марта 1871 г. КРАСНОЕ ЗНАМЯ РЕЕТ НАД РАТУШЕЙ

В тот час когда солдаты покидают свои казармы, Центральный комитет национальной гвардии, заседавший на улице Бафруа (XI округ), расходится, оставляя дежурными Нестора Руссо¹ и двух его коллег, ибо опасается ночного нападения, как было 2 декабря.

В 5 часов утра какой-то запоздалый прохожий прибегает, запыхавшись, к дежурным и сообщает, что он только что видел длинные колонны, двигавшиеся вдоль канала Сен-Мартен по направлению к площади Бастилии. Сообщение проверяют, и оно оказывается верным: в полной тишине целая бригада сосредоточивается на площади Бастилии. В Сент-Антуанском предместье дают сигнал тревоги и тотчас бьют общий сбор. Множество национальных гвардейцев сбегается к дежурным, требуя приказов. Улицу Бафруа приводят в состояние обороны. Четыре члена Центрального комитета, оказавшиеся на месте — Гуйе (III округ), Бланше (V округ), Руссо (IX округ) и Асси (XI округ), — пишут первый приказ этого дня. Он носит чисто оборонительный характер:

«Приказ собрать батальоны на обычных местах сбора и находиться в боевой готовности (ввиду передвижения войск).

Не начинать атак; в случае нападения забаррикадировать переулки, выходящие на большие улицы, чтобы их отрезать; если завяжется бой, рассредоточиться и рассыпаться цепью вдоль стен»².

К этому времени армия достигла всех намеченных пунктов: артиллерийского парка на Монмартре (где оказавший сопротивление национальный гвардеец Тюрпен был смертельно ранен), Ла-Виллета, Бютт-Шомона, Бельвиля. В десять минут десятого красные знамена, развевавшиеся на верхушке Июльской колонны, сорваны. Тьер, который носится между министерством иност-

¹ Ледрю-Роллен 27 декабря 1870 г. убедил его примкнуть к Республиканскому альянсу. (См.: «Enquête parlementaire», t. III, p. 272.)

² «Enquête parlementaire», t. III, p. 180.

ранных дел (Кэ д'Орсе) и Лувром, где Винуа разместил свой главный штаб, начинает думать, что победа уже в его руках.

Но в городских округах комитеты бдительности уже на посту, они бьют тревогу, перехватывают эстафеты, подгоняют батальоны федератов, организуют строительство баррикад.

Мэра II округа Тирара разбудили крики на улице под его окнами; он видит, как солдаты 92-го батальона угрожают своему командиру, заставляя его идти на Монмартр, где, как они говорят, войска нападают на федератов¹.

Из дежурного помещения IV округа член Центрального комитета Демель посылает на улицу Бафруа следующую записку:

«Мы арестовали парижского полицейского, несшего депешу. Сообщите, следует ли ее распечатать. Полицейского мы задержим до тех пор, пока не получим от вас ответа»².

В 9 часов 30 минут военного министра генерала Лефлю, рискнувшего отправиться в сопровождении адъютанта морского министра на площадь Бастилии, бравирова своей смелостью, окружает густая толпа, и он обязан своим спасением лишь быстрому вмешательству эскадрона жандармерии³.

Около 10 часов находящийся в Ратуше Жюль Ферри замечает, что положение начинает ухудшаться: XIII и XI округа находятся в руках федератов и национальная гвардия двигается к площади Бастилии.

10 часов 35 минут. «Полк, стоящий на площади Бастилии, не производит благоприятного впечатления и слишком много братается», — сообщает он префекту полиции, военному министру, Винуа, Жюлю Фавру и Пикару⁴.

¹ См. показания Тирара в: «Enquête parlementaire», t. II, p. 336.

² Незданный документ (Archives historiques de l'armée, carton Lu 20). Ответ дан на том же документе: «Вы можете с ней ознакомиться и сообщить нам ваше мнение, если она того стоит». Подпись неразборчива.

³ См. показания Лефлю («Enquête parlementaire», t. II, p. 79) и книгу Винуа (Vinoü, L'Armistice et la Commune, p. 220).

⁴ «Enquête parlementaire», t. II, p. 67.

В дежурное помещение приходят все новые члены Центрального комитета. Бурсье из I округа, которого разбудили только в 8 часов, потратил два с половиной часа, чтобы добраться до места, из-за движения войск и множества баррикад. Варлен получает полномочия «делать все, что он сочтет необходимым, в XVII округе, поддерживая связь с другими кварталами Парижа»¹. В 11 часов Арно и Гуйе (III округ) подписывают вместе с другими приказ 65-му и 192-му батальонам (XI округ) «немедленно направиться на Монмартрские высоты»², куда час назад был послан Бержере, получивший звание командира XVIII легиона.

В Ратуше и не подозревают о том, что происходит на Монмартре. Осаждающие оказались там в таком безнадежно плохом положении, что не могут даже послать связных с сообщениями. На заре усиливающийся шум приближающейся армии, выстрелы, доносящиеся со стороны артиллерийского парка на Монмартре, крики «К оружию!», звуки набата и сигналы сбора внезапно разбудили все население. Со стуком распахиваются ставни, и жители переговариваются, высовываясь из окон. Пока батальоны строятся и выступают по бульвару Рошешуар, на улице появляются женщины и дети, они смешиваются с солдатами, которые суетятся вокруг пушек. Внизу, на площади Сен-Пьер, генерал Леконт, командующий операцией, приказывает своим войскам: «Сметите-ка эту сволочь!»³. Но женщины кричат солдатам: «Неужто вы станете стрелять в нас? И в наших детей?»

Когда вмешиваются женщины, это значит, что мятеж созрел и победа близка. Как заставить стрелять войска, если это вызывает у солдат отвращение, да к тому же так тесно, что они не могут даже вскинуть ружье к плечу? Какой-то офицер угрожает револьвером отказывающимся стрелять пехотинцам. Такая же сцена происходит и возле башни Сольферино. Толпа кричит: «Да здравствует пехота!» Солдаты 88-го линейного полка братаются с национальными гвардейцами 152-го и 228-го батальо-

¹ Документ хранится в Библиотеке института истории города Парижа.

² Музей Сен-Дени

³ H. Rochefort, Les Aventures de ma vie, éd Paul Dupont, Paris, 1896, t II, p 360.

нов. Генерала Леконта, который лично несколько раз приказывал открыть огонь, арестовывают собственные солдаты. От бульвара Рошешуар до коллежа Шапталь все улицы перекрыты баррикадами. Солдаты, смешавшись с национальными гвардейцами, спускаются по бульвару Орнано к бульвару Рошешуар, на углу которого перестраиваются остатки 88-го полка. Полковника, пытающегося оказать сопротивление, арестовывают. Начинается всеобщее братание. Вооруженный поток катится к площади Пигаль. Генерал Сюсьбиель приказывает своим егерям атаковать толпу с саблями наголо. Но солдаты вкладывают сабли в ножны. Капитана, который бросается в атаку, убивают на месте. Сюсьбиель поспешно отступает к площади Клиши¹. Среди всей этой сумятицы генерал Клеман Тома, переодетый в штатское платье, надеется пробраться незамеченным и лихорадочно следит за передвижениями национальной гвардии. Его узнают, хватают и заключают под стражу вместе с генералом Леконтом.

В 11 часов 20 минут мощная колонна федератов движется по Страсбургскому бульвару по направлению к Ратуше, которую Жюль Ферри покинул, чтобы принять участие в заседании совета министров на Кэ д'Орсе. Там он получает следующее донесение от своего начальника канцелярии:

«11 часов 25 минут. — Манифестация человек в 200 горлодеров, среди которых добрая половина пехотинцев, со своими горнистами и барабанщиками появилась на площади Ратуши с поднятыми вверх прикладами и подошла к самой ограде. Перед ними ораторствует национальный гвардеец. Они кричат: «На площадь Бастилии! На Монмартр! Да здравствует Республика!», но все остаются на месте. Толпа понемногу растет. С набережной кто-то стреляет по Ратуше; мы не отвечаем. Группы расходятся и собираются на углах улиц»².

Взбешенные национальные гвардейцы приводят на улицу Бафруа задержанную ими группу жандармов, у которых они нашли наручники и цепи. Нестору Руссо

¹ См доклад Марсиаля Дельпи в: «Enquête parlementaire», t. II, p. 61—63.

² «Enquête parlementaire», t. II, p. 67.

с большим трудом удается спасти их от немедленной расправы, и Асси устраивает для них временную тюрьму во дворе. Туда же приводят и пятерых офицеров, которых отпускают во второй половине дня, взяв с них слово, что они не поднимут оружия против национальной гвардии¹.

Арнольд (X округ), появившись ненадолго на улице Бафруа, возвращается в свой округ, откуда пишет оставшемуся на дежурстве Асси следующую записку:

«Гражданин Асси,

все как будто идет хорошо. В Бельвиле войска братаются с народом. Только что мне сообщили, что и Монмартр тоже частично покинули войска, а эта наглая вылазка лишь выставила на посмешище правителей-провокаторов. Национальная гвардия выступает повсюду. Указанные выше сообщения кажутся мне настолько важными, что я считаю необходимым убедиться собственными глазами: я отправляюсь туда, а потом приду к вам. Говорят, будто Орель де Паладин подал в отставку. Нам надо действовать. Надо захватить Кэ д'Орсе, типографию, префектуру полиции, Ратушу. Используем момент. Надо провести полную чистку.

До скорого

Жорж Арнольд.

Прилагаю бумаги, планы и сведения, которые находились в надежном месте, я посылаю их вам с человеком, за которого ручаюсь»².

•

В полдень на площади Бастилии внезапно наступает полная тишина. Двигаются похоронные дроги, а за ними идет старик с белоснежной львиной гривой: это Виктор Гюго, убитый горем, провожает на кладбище Пер-Лашез своего сына Шарля, в дни осады заболевшего эмфиземой легких с осложнением на сердце и только что скончавшегося от апоплексического удара в возрасте 45 лет.

¹ Рукопись Руссо

² Неизданный документ. (Archives historiques de l'armée, carton Ly 20)

«Вокруг катафалка стихийно выстраивается почетный караул, национальные гвардейцы проходят, опустив винтовки. На всем пути похоронного шествия до самого кладбища батальоны национальных гвардейцев, стоящих в боевом порядке, берут на караул и опускают знамена. Бьют барабаны, играют горнисты»¹.

•

В полдень членам Центрального комитета, находившимся на улице Бафруа, среди дикого шума и суеты удалось уединиться в отдельной комнате, чтобы обсудить положение. Они тотчас призывают добровольцев, готовых служить им связными и приносить сведения о происходящем. Находится множество желающих, которых они рассылают в легионы всех округов, чтобы ускорить постройку баррикад, собрать батальоны и наметить пункты, куда можно будет посылать приказы Центрального комитета. Четверо из этих посланцев вскоре возвращаются назад. Таким образом на улице Бафруа узнают, что пункт связи с Бельвилем находится на Парижской улице в Менильмонтане, перед новым зданием мэрии; что Эжен Варлен с грехом пополам собирает национальных гвардейцев Батиньоля; что Брюнель и Лисбонн готовятся атаковать казарму Шато-д'О. Связные также сообщают Центральному комитету, что от него ждут приказов: Дюваль (XIII округ) — в Пантеоне, Фальто (XV округ) с пятью или шестью батальонами — на улице Севр, Пенди — в мэрии III округа. Получив эти данные и рассчитав, какое расстояние каждой из этих частей придется пройти от того места, где она сможет получить орудия и боеприпасы, Центральный комитет разрабатывает боевые диспозиции².

Отвергая общепринятое мнение, будто 18 марта Центральный комитет оставался лишь наблюдателем стихийного движения низов, мы можем утверждать, что начиная с полудня Центральный комитет уже подготавливает план контрнаступления.

¹ Victor Hugo, Choses vues Поэт посвятил этой величественной сцене стихотворение, озаглавленное «Похороны», в книге «Грозный год»

² По рукописи Бурсье, цитируемой Лиссагаре (Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, E Dentu, Paris, 1896, p 494—496)

«Разработав грандиозный план атаки с левого и с правого берега Сены,— пишет Нестор Руссо¹,— и сделав таким образом всякое сопротивление невозможным, мы отправили одного из наших в Бельвиль, чтобы подготовить все эти багальоны и спуститься к Ратуше, где в 5 часов у нас была назначена встреча. Такие же распоряжения были отданы батальонам Сент-Антуанского предместья и квартала Тамплль». Второй объект, намеченный Центральным комитетом национальной гвардии,— это Вандомская площадь, где расположен штаб.

В 14 часов 30 минут «имеющимся в наличии батальонам XVII округа дан приказ немедленно спуститься к центру и занять Вандомскую площадь вместе с имеющимися в наличии батальонами XVIII округа. Подписано делегацией: Нестор Руссо, Фабр, Гролар»².

Такой же приказ был послан в тот же час теми же членами комитета XVIII округу³.

Итак, можно считать установленным, что Центральный комитет, застигнутый врасплох атакой на заре 18 марта, уже через несколько часов решительно берет на себя командование.

В полдень Винуа сообщают о критическом положении его войск. Тьер, пришедший к нему с генералом Леффло в главный штаб в Лувре, понимает, что сам он неправильно оценил соотношение сил. С шести часов утра правительство пытается собрать те 30 «надежных» батальонов национальной гвардии, которые слывят сторонниками порядка. Сигнал тревоги и общий сбор, который быют не переставая, дают самые плачевные результаты: в первом округе пришло «по 14 человек на батальон», по словам Жюля Ферри⁴; «пс десятку на ба-

¹ Указанная выше рукопись (Archives historiques de l'armée, Lu 20)

² Жорж Ларонз опубликовал в своей книге («Histoire de la Commune de 1871, d'après des documents et des souvenirs inédits. La justice», Payot, 1928, p. 10) этот до сих пор не изданный документ, переданный ему Морисом Фулоном, биографом Варлена

³ Maxime du Camp, Les Convulsions de Paris, t. IV, p. 5.

⁴ «Enquête parlementaire», t. II, p. 72. К вечеру командиры ба-

тальон», как свидетельствует Орель де Паладин¹; «быть может, 500 или 600 человек», говорит Тьер²; самое большее 1000 человек», считает Винуа³, что касается Леффло, то он говорит с прямою вояки: «Никто не пришел»⁴.

При таких обстоятельствах Тьер дает приказ отвести войска на левый берег Сены, по направлению к Дому инвалидов и Марсову полю. Сам он первым выполняет эти распоряжения, покидает Лувр и, благоразумно уйдя от мятежников на другую сторону Сены, водворяется на Кэ д'Орсе. Но ненадолго...

В 13 часов он получает сообщение от Жюля Ферри:

«...положение в XI округе безнадежно. Там господствуют мятежники... Мэр XIV округа прочно сидит в плену. Возвращающиеся с площади Бастилии войска деморализованы, они не желают воевать: «воткнем штыки в землю» и все такое прочее».

14 часов 25 минут.— Генерал Держа, находящийся в Ратуше, просит у префекта полиции прислать ему шесть полицейских в штатском, чтобы разносить его депеши, потому что «жандармы, которым было поручено это дело, арестованы»⁵.

15 часов 15 минут.— Деша Тьеру от Жюля Ферри:

«Отдан общий приказ эвакуировать казармы. Таким образом, оставлена казарма принца Евгения (бульвар Вольтера). Приказано эвакуировать также казарму Лобо. Я против этого, это значило бы сдать Ратушу, а я не могу пойти на такую позорную крайность. Вы должны сохранить Ратушу и ее казармы, которые представляют собой настоящую крепость, так же как и префектуру полиции. Кажется, все потеряли голову»⁶.

Жюль Ферри не подозревает, как он прав. Его телеграмма не доходит до адресата, который успел уже уд-

тальонов сказали Жюлю Ферри. «Люди сформировали было небольшую группу, но отправились спать. Не советуем вам пытаться их разбудить».

¹ Ibid., p. 435

² Ibid., p. 13.

³ V i n o y, L'Armistice et la Commune, p. 223.

⁴ «Enquête parlementaire», t. II, p. 87.

⁵ Ibid., p. 68

⁶ Ibid., p. 48.

рать. Около трех часов дня три батальона из Гро-Кайу, Мена и с площади Италии проходят под окнами Кэ д'Орсе. «Я думаю, что мы пропали!» — говорит Лефло, который ждет настоящего штурма. Тьер бежит по потайной лестнице, выходящей на Университетскую улицу. Винуа запикивает его в карету, и она мчится стрелой к Севрскому мосту и Версалю, подгоняемая вспотевшим от страха «недоноском», который визжит: «Гони! Гони!» Тем временем три ничего не подозревающих батальона спокойно продолжают свой путь к Ратуше...

Бурсье покидает улицу Бафруа и присоединяется к Эдуару Моро, Клемансу и Демёлю в IV округе, где они вооружили свои батальоны и поставили в начале улицы Риволи.

Национальная гвардия действует медленно. Она не пытается войти в соприкосновение с отступающими войсками. Федераты опасаются, что Винуа вернется, собрав свои силы, как 22 января. К тому же обязанности главнокомандующего, за отсутствием избранного на этот пост Гарибальди, временно возложены на Люлье — весьма неудачный выбор! Разжалованный морской офицер, алкоголик, он пьет до потери рассудка, но в промежутках между запоями может показаться гениальным исполнителем дерзкого замысла. Увы, это лишь иллюзия! Во второй половине этого дня Люлье особенно много гарцует...

Около трех часов дня мэр III округа Бонвале собирает в своей мэрии членов муниципалитетов; Толен, помощник мэра IX округа и парижский депутат, посылает на это собрание нескольких депутатов. Здесь решают отправить делегацию к Тьеру. Вместо сбежавшего Тьера делегатов принимает министр внутренних дел Пикар¹. Его спрашивают, собираются ли министры покинуть Париж. Пикар отвечает, что он этого не думает!² Д'Орель де Паладин, которого тоже посещает делегация, становится в позу Понтия Пилата и говорит о ночной атаке: «Этого хотели только «адвокаты». Я сразу им сказал, чем все это кончится...»

В 17 часов Пенди и Луи Дебок подходят с 86-м батальоном к Национальной типографии¹ и Дебок занимает ее, несмотря на протесты директора Оро, затем требует списки рабочих и дает распоряжение о печатании афиш с официальными текстами Центрального комитета.

В 17 часов 20 минут префект полиции сообщает:

«Казармы на Шато-д'О и в предместье Тампль захвачены без сопротивления со стороны солдат, которые сдали свое оружие и расходятся по улицам с криками: «Да здравствует Республика!» Казарма Шато-д'О занята 107-м батальоном². Оружие, по-видимому, служит для вооружения мобилей и освобожденных солдат. Говорят о планах проведения атаки на префектуру полиции, на Ратушу и на Вандомскую площадь»³

Группа бланкистов, в том числе Амуру и Да Коста, пытается незаметно проникнуть в подземный ход, соединяющий казарму Лобо с Ратушей. Они натываются на пост муниципальной гвардии, который отбрасывает их с помощью штыков и ранит около пятнадцати человек⁴.

Около 18 часов 194-й батальон (XI округ) окружает Ратушу. Казарму Наполеона (казарму Лобо) атакует Эд с отдельными частями XX легиона. Жандармы бегут из Ратуши через подземный ход⁵. Жюль Ферри узнает о расстреле на Монмартре генералов Леконта и Клемана Тома⁶.

¹ Lissagaray, Histoire de la Commune, p. 505

² Легион X округа.

³ «Enquête parlementaire», t II, p. 69.

⁴ См. показания полковника Вабра. («Enquête parlementaire», t. II, p. 538—539; G. Da Costa, La Commune vécue, t. I, p. 90)

⁵ Свидетельство полковника Вабра. («Enquête parlementaire», t. II, p. 538)

⁶ Это происшествие, которое впоследствии было бесстыдно извращено версальцами, имело местный характер. Леконт много раз приказывал стрелять в толпу и угрожал своим солдатам; он был убит собственными стрелками. Что касается Клемана Тома, одного из палачей июньского восстания 1848 г. и выступления 22 января 1871 г., то он держался очень нагло и не делал ни одной попытки успокоить монмартрскую толпу, крайне возбужденную утренней атакой. Если Центральный комитет и был неправ, осудив эти поспешные расправы, тем не менее он, бесспорно, не несет за них ответственности. Один из его членов, Дезире Лапи, выражает в

¹ См.: Da Costa, La Commune vécue, t. I, p. 123.

² Показания Вотрена, мэра IV округа. («Enquête parlementaire», t. II, p. 373.)

18 часов 55 минут.— Депеша Жюль Ферри:

«На мосту Луи-Филиппа, улица Буртибур, строят баррикады. Несомненно, их построят и на маленьких промежуточных улицах. Цель их — изолировать Ратушу. Обращаю ваше внимание на то, как важно удержать больницу Отель-Дьё и Аркольский мост; с Аркольского моста из одной митральезы в случае необходимости можно обстреливать всю площадь»¹.

Упорствуя в своем решении защищать Ратушу, Ферри обращается к Тьеру, министру внутренних дел, военному министру, Винуа, в префектуру полиции, настойчиво требуя подкреплений. В 16 часов 20 минут Винуа уверяет его, что не он дал приказ об эвакуации казарм и что он согласен с тем, что их надо укрепить. Однако в 19 часов Жюль Ферри узнает со стороны, что генерал Дерожа, командующий войсками, защищающими Ратушу, получил письменный приказ эвакуировать близлежащие казармы. Депеша разъяренного Ферри Тьеру, Пикару и Винуа (19 часов 15 минут):

«... у Ратуши не будет более защитников. Неужели вы собираетесь сдать ее мятежникам, имея такие резервы людей и продовольствия, что она могла бы сопротивляться бесконечно долго? Прежде чем начинать эвакуацию, я жду телеграфного распоряжения».

Не получая ответа, он настаивает (19 часов 40 минут):

«Бросим ли мы кассу и архивы, ведь, если приказ останется в силе, Ратуша будет отдана на разграбление. Я требую подтверждения приказа, прежде чем совершить такое дезертирство, такой безумный поступок».

Бедный Жюль Ферри! Если бы он только знал, что Тьер на Севрском мосту дал письменное подтверждение

довольно резкой форме отношение национальной гвардии к этому событию: «Надо уметь отречься от всего, даже от собственной семьи, когда дело идет об освобождении народов... Революция совершилась ценою всего лишь 30 жертв, не считая двух бесчестных генералов, убитых, я это признаю, двумя-тремя мерзавцами. Что до меня, то во всей этой истории я больше всего жалею те патроны, которые были истрачены, чтобы от них избавиться». (Archives historiques de l'armée, 5e conseil, dossier 700)

¹ «Enquête parlementaire», t. II, p. 70.

приказа эвакуировать все южные форты, казарму в Курбеуа и даже Мон-Валерьен!

Федераты сосредоточивают вокруг Ратуши значительные силы. После захвата казармы Шато-д'О Брюнель и Лисбонн, соединив свои силы, двигаются к Ратуше и доходят до баррикады, построенной на углу улицы Веррери, напротив Ратуши¹. Колонна Эда и Ранвье, спустившаяся из Бельвиля, находится поблизости, в конце улицы Тамплъ.

Жюль Валлес, вышедший утром из своего тайного убежища, бродит поблизости, прислушиваясь к тому, что говорят кругом:

«Двор Ратуши забит артиллерией, канониры ждут с зажженными фитилями в руках... Вспомните, что было 22 января! Стоит нам сделать шаг вперед, двери и окна распахнутся и нас расстреляют в упор...»²

Жюль Валлес присоединяется к Ранвье, люди которого строят баррикаду, тот показывает ему черную линию штыков, длинный ряд молча стоящих людей: армию, которую Дюваль привел из XIII округа, 101-й батальон, ждущий лишь сигнала атаки, чтобы взять реванш за 22 января.

А Жюль Ферри все еще не сдается. Пикар обещает ему проверить приказ об отступлении, данный Винуа, и разрешает отсрочить его выполнение (19 часов 50 минут). Жюль Ферри угрожает генералу Дерожа:

«Если вы не станете дожидаться ответа (от Винуа), я останусь здесь. Здесь стоит 101-й батальон, который только и ждет нашего ухода, чтобы ворваться, и я возлагаю на вас ответственность за последствия»³. Винуа отсутствует, его начальник штаба колеблется. Ферри напирает на Пикара: «Я уверен, что с пятьюстами

¹ В своих неизданных мемуарах, использованных Г. Да Коста («La Commune véne», t. I, p. 112), Лисбонн утверждает, что получил приказ от Центрального комитета. Другим доказательством того, что Центральный комитет активно руководил действиями национальной гвардии, является оригинал «приказа 183-му батальону поступить в распоряжение главнокомандующего генерала Люлье»; этот приказ подписали Н. Руссо, Жерем, Гролар, он хранится в Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.

² J Vallès, L'Insurgé, p. 225.

³ «Enquête parlementaire», t. II, p. 71.

солдатами могу сколько угодно продержаться в Ратуше. Эвакуировать префектуру полиции просто безумие»¹.

21 час 50 минут. Ферри получает категорический приказ от Винуа: покинуть Ратушу. Он тотчас извещает Пикара, но тот отвечает, что не осмеливается дать распоряжение о невыполнении приказа Винуа. Дерожа приказывает покинуть здание. В 21 час 55 минут Жюль Ферри посылает Пикару последнюю депешу:

«Войска покинули Ратушу. Весь обслуживающий персонал ушел. Я ухожу последним. Мятежники построили баррикаду позади Ратуши и выходят на площадь, стреляя из винтовок»².

В одну минуту Ратуша оказывается в руках федератов. Брюнель, Лисбонн, Пенди, Эд, Ранвье вновь в зале Сен-Жан, вскоре приходит и Люлье. К нему прикомандирован Лисбонн как офицер главного штаба, представитель Центрального комитета³. Тем временем Жюль Ферри по узким переулкам квартала Сен-Жермен-л'Оксеррва добирается до мэрии I округа, где мэры и их помощники совещаются в полной растерянности.

Адан, мэр I округа, вызвал к себе самых «надежных» начальников батальонов, размещенных на этом участке; полковник Муссерон, Дюпен, майор Барре и другие уверяют, что «с национальной гвардией справиться невозможно...». Мэры думают, что следует попытаться сохранить II округ, но тут с улицы вдруг доносится грозный шум. Толпа кричит: «Смерть Ферри! Дайте сюда Ферри!» Люди Брюнеля обыскивают всех, кто выходит из мэрии⁴. Жюль Ферри бежит, входит в дом священника при церкви Сен-Жермен-л'Оксеррва, прыгает в окно и скрывается в темноте.

Федераты окончательно занимают центр Парижа.

Варлен, пришедший из Батиньоля с 91-м батальоном, Бержере, спустившийся по шоссе Клиньянкур (по требованию Ферре, председателя монмартрского комитета бдительности) вместе со 152-м батальоном (батальоном самого Ферре) и 64-м батальоном под командой

Арнольда, соединились на Шоссе-д'Антен и под бой шедших впереди барабанщиков вышли на площадь Оперы. Зуавы и пехотинцы еще увеличили эту колонну — от 1500 до 2000 человек, — и Бержере устроил им смотр. В кафе на площади Оперы официанты поспешно запирают ставни. Подняв винтовки прикладами вверх, колонна движется по улице Мира, все магазины закрыты. Первые ряды I-го батальона (буржуазного батальона I округа) берут штыки наперевес, но майор Барре и его офицеры не решаются скомандовать солдатам огонь. Федераты кричат, что хотят начать переговоры, и отправляют на Вандомскую площадь парламентаров во главе с капитаном Пупарденом. Введенная в отель делегация требует сдачи всех зданий. Майор Барре посылает эстафету в Кур-ла-Рен, где укрылся д'Орель де Паладин. И получает в ответ приказ о прекращении всякого сопротивления! Национальные гвардейцы I-го батальона прячут штыки в чехлы и возвращаются восвояси. Офицеры и жандармы отступают к Марсову полю по улице Риволи. В 21 час батальоны федератов, под руководством Варлена вступают на Вандомскую площадь, занимают здание главного штаба, где водворяется Бержере, министерство юстиции, чиновникам которого разрешают удалиться по улице Сент-Оноре, где до самого утра части 171-го батальона (второго буржуазного батальона I округа) следят за движением¹.

Дюваль и его колонна из XIII округа проходят по Новому мосту и окружают префектуру полиции, вход в которую в те времена находился в глубине площади Дофины. Передовой отряд крадется вдоль стен и подходит к воротам. Удар рукояткой револьвера. Ворота открываются. Перед ним стоит привратник с фуражкой в руке: «Никого нет. Все ушли. Если хотите, можете войти...»²

23 часа 20 минут. Освобождают деятелей, арестованных утром полицией, в частности Шуто (VI округ) и

¹ Ibid.

² Ibid., p. 72

³ Ручкопись Лисбонна, упомянутая выше.

⁴ «Enquête parlementaire», t. II, p. 72.

¹ Изложение событий дано в соответствии с серьезным исследованием Жоржа Ларонза (Georges Laronze, Histoire de la Commune de 1871. La justice, p. 11—15)

² По сообщению одного из адъютантов Дюваля. См.: Да Соста, op. cit., t. I, p. 119—121.

Виара (III округ)¹. Занимают казарму Сите, где находятся большое количество оружия². После захвата Вандомской площади Варлен возвращается в Центральный комитет, оставшийся на улице Баффуа,

«чтобы решить наши дела,— говорит Нестор Руссо,— и надо сказать,— добавляет он,— нас задерживали, осаждали всякие низкие, бесстыдные людишки, которые то выдают себя за ярых республиканцев, то превращаются в бешеных реакционеров, в зависимости от того, кому в данную минуту улыбается счастье»³.

В 23 часа Варлен пишет Арнольду, который все еще занимает Вандомскую площадь со своим 64-м батальоном:

«Я снова в Центральном комитете. События, в общем, продолжают развиваться в нашу пользу, но нам еще не всюду удалось одержать верх. Фальто с людьми из XV округа занимает Люксембургский дворец. Говорят — но это еще не наверняка,— что мы занимаем Дворец юстиции. Ратуша еще не захвачена, казарма Наполеона тоже, в обоих зданиях полно солдат, за которыми в свою очередь следят жандармы и полицейские. По нашим передовым линиям уже несколько раз стреляли, у нас есть несколько убитых. Но теперь к этому месту направлены значительные силы под командованием Люлье. Сейчас, в ту минуту, когда я тебе пишу, приходит сообщение, что мы заняли Ратушу, а жандармы начали покидать Лувр. Но в то же время нам сообщают о крупном передвижении войск на Марсовом поле и у Дома инвалидов. Следите! Будьте бдительны! Все идет хорошо, но надо опасаться возобновления наступательных действий!»⁴.

Варлен не очень хорошо осведомлен: Фальто не захватил Люксембургского дворца, тогда как Дворец

¹ Виар. Помпий Огюст Венсан, родился 9 июля 1836 г в Ла-Шапель-о-По (департамент Уаза). Он занимался производством лака, жил на улице Вертю, 3 (III округ). Национальный гвардеец 88-го батальона, член Центрального комитета Федерации национальной гвардии и Центрального республиканского комитета 20 округов, впоследствии был избран в Коммуну от XX округа.

² «Enquête parlementaire», t. III, p. 41.

³ Мемуары Руссо.

⁴ «Enquête parlementaire», t. III, p. 41.

юстиции и Ратуша уже заняты. На Марсовом поле и у Дома инвалидов никто не собирается возобновлять наступление. Винуа с величайшим трудом удаётся навести порядок в своей отступающей армии и заставить ее двигаться к Версалю. В штабах царит такое смятение, что во время поспешного бегства забывают три полка, шесть батарей и даже канонерки, стоящие на якоре в Пуэн-дю-Жур. Правда и то, что Тьер еще днем сам подал пример, забыв собственную жену и камердинера!

В I округе, где буржуазные батальоны «с маленькими номерами» не вошли в федерацию, окружной комитет пишет ночью письмо Центральному комитету:

«18 марта.— Верховному комитету национальной гвардии. Инструкции комитета делегатам I округа выполнены. Командир-капитан отправился в Ратушу в распоряжение командира Брюнеля, заместителя главнокомандующего Люлье, вместе с людьми, которых ему удалось собрать из 112-го, 113-го и 196-го батальонов. Постоянное местопребывание окружного комитета на улице Жан-Жака Руссо, 39. Сюда следует посылать все инструкции, которые Центральный комитет захочет ему направить.

Один из делегатов: Э. Дюран»¹.

Что же происходит в Ратуше в первые часы наступившего дня 19 марта? За неимением протокола заседания Центрального комитета у нас весьма мало сведений. В уже цитированных нами мемуарах Нестора Руссо говорится: «В полночь Центральный комитет прибывает в Ратушу, где застаёт главный штаб национальной гвардии, отдающий приказы и распоряжения». Но Руссо, написавший эти строки через несколько месяцев после событий, мог ошибиться, указывая час... В его ошибке нас убеждает следующий неизданный документ, датированный 19 марта 1871 г. тремя часами утра (находящийся в Военно-историческом архиве²):

«Гражданин Люлье,

будьте добры безотлагательно принять меры к сохранению Ратуши и префектуры, дав возможность занять их главным членам комитета.

¹ Неизданный документ. (Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.)

² Carton Ly 20. Документ написан не на гербовой бумаге.

И затем созовите комитет, чтобы создать правительство.

Ни минуты промедления!

Прежде всего Эда, Фальто, Арно, Пенди и др. Собраться в Ратуше необходимо сегодня же ночью.

За начальника легиона,
помещающегося на улице Вер-Буа
[подпись неразборчива]

Кто этот гражданин, который подписывается за начальника легиона, находящегося в III округе, и дает «главнокомандующему» политические директивы первостепенной важности? Мы не теряем надежды опознать в будущем этого человека, ибо это, быть может, прольет новый свет на колебания Центрального комитета в первые часы после победы. А пока какими средствами мы располагаем для выяснения этого вопроса? Мы не знаем, что произошло ни с рукописью, написанной Бурсье для Лиссагаре, ни с рукописью Лисбонна, которую он доверил Да Коста. Флуранс ничего не оставил нам о 18 марта, Артюр Арну, Жюль Валлес, Лефрансе и Аллеман не входили в Центральный комитет и не присутствовали в Ратуше в ночь с 18 на 19 марта. Нельзя доверять Люлье, чья самодовольная автобиография является лишь смесью лжи и бахвальства. Да Коста не сообщает о том, где он был в ночь с 18 на 19, и только вводит нас в заблуждение беззастенчивым враньем. («Один Моро настоящий революционер, ведущий активную борьбу»; он ставит его среди тех, «кто утверждал, что надо немедленно организовать поход на Версаль.»¹)

Итак, мы вынуждены доверять Лиссагаре, который, как правило, хорошо информирован².

¹ Безответственное утверждение, которое побудило многих историков Коммуны считать Эдуара Моро бланкистом и создало ложное представление об умонастроении Центрального комитета между 18 и 26 марта. Выше мы показали личность Эдуара Моро в истинном свете.

² Он утверждает («Histoire de la Commune de 1871», p. 115), что один из самых прилежных членов Центрального комитета восстановил ход всех главных заседаний, и добавляет «В его записках, проверенных многими его коллегами, мы почерпнули все эти подробности».

«В широкие окна Ратуши мы видели жизнь города, но ничто уже не напоминало о прошлой сумятице. Часовые пропускали в здание лишь офицеров и членов Центрального комитета. С одиннадцати часов они приходили один за другим, их собралось уже человек двадцать в том самом зале, где недавно разглагольствовал Трошо, и чувствовали они себя очень тревожно и неуверенно. Никто из них не жаждал этой власти, легкой им на плечи таким тяжелым бременем. Многие не хотели заседать в Ратуше и все время твердили: «У нас нет мандата на управление государством»; дискуссия возобновлялась с каждым вновь приходящим. Молодой человек, Эдуар Моро, внес некоторый порядок в этот спор. Было решено, что нельзя покидать занятые позиции, но все они останутся здесь лишь для проведения выборов, два-три дня, не больше. А пока необходимо отражать возможные атаки.»¹

Один батальон посылают, чтобы занять Тюильрийский дворец, блокировать выходы на набережную и на улицу Риволи, запереть решетку на площади Согласия. Начальник 70-го батальона (I округ) получает приказ принять командование линейным полком, размещенным на площади Согласия, которому Ратуша будет выдавать талоны на питание². Но бездарный Люлье не проявляет никакой инициативы: не запирает городских ворот, контролируемых батальонами федератов, не посылает дозорных, чтобы следить за отступлением войск, не занимает брошенных фортов.

Около двух часов ночи разыгрывается комическая сцена. В Ратушу внезапно врывается полковник Ланглуа и желает занять пост главнокомандующего национальной гвардией. Станный тип этот Ланглуа! Высланный после государственного переворота 2 декабря, он был в ту пору яростным прудонистом. В 1869 г. он участвует в IV конгрессе Интернационала в Базеле, Прудон выбирает его своим душеприказчиком; в тюрьме Сент-Пелажи он сидит в одной камере с Гюставом

¹ Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, p. 110

² Подписали по поручению Центрального комитета Жюсселен, Бабик, Тролар; по поручению генерала главнокомандующего национальной гвардией — полковник Валигран (См. «Enquête parlementaire», t. III, p. 180—181.)

Курбе. При империи этот горластый оратор производил впечатление на публичных собраниях. В Бюзанвале, командуя батальоном, он получил легкое ранение. Все это сослужило ему хорошую службу для избрания его депутатом, что, однако, ничуть не умерило его притязаний. Во второй половине дня 18 марта несколько мэров и их помощников, собравшихся в мэрии II округа, изобрели фантастический план компромиссного соглашения между Центральным комитетом и правительством; в этот план, между прочим, входило также назначение Ланглуа начальником национальной гвардии, и нашелся некий Пикар, готовый утвердить его назначение¹.

Вот каким образом Ланглуа, весь день шпионивший за национальной гвардией в пользу Тьера и Винуа², теперь рассчитывает стать ее командующим. Эдуар Моро возражает ему, что национальная гвардия сама намерена избрать своего командира.

— Вы нас признаете? — спрашивает один из членов Центрального комитета.

— Нет, не признаю.

— Скажите, что вы думаете о Центральном комитете.

— Ничего не думаю. Я не хотел, чтобы меня назначали генералом. Назначили меня мэры и парижские депутаты в надежде, что таким образом можно будет избежать кровопролития.

— Подайте в отставку, и мы вас изберем.

— Э, нет! Я согласен, чтобы меня назначило правительство, но не вы. Предположим, что события сложатся для вас благоприятно, самое большее, на что вы можете рассчитывать, это на успех здесь, речь идет только о Париже; если вы не признаете правительства Национального собрания, значит, вы претендуете на роль национального правительства. Тогда вы навяжете

¹ Во время последнего совещания министров, происходившего ночью у некоего Кальмона на улице Ла Бюэси (в то время — улица Аббатучи). Тогда же Пикар подписал и следующий текст: «Принимая во внимание, что законные власти вынуждены были покинуть Ратушу, префектуру полиции, мэрии и министерства, принимая во внимание, что необходимо охранять интересы людей и поддерживать порядок в Париже, временно передаем управление городом Парижем собранию мэров Сего 19 марта 1871 г.»

² См. его показания перед парламентской следственной комиссией (т. II, p. 519).

Франции гражданскую войну. Вы не можете этого желать, иначе вы просто безумцы.

И этот одержимый уходит, хлопнув дверью.

В этом месте рассказа сочувствующему хотелось бы вырвать перо у рассказчика и самому обратиться к Моро и его товарищам. Ведь это так, несмотря на свои кривлянья, Ланглуа все же прав: во Франции не может быть двух правительств. Гражданская война началась по инициативе Тьера, но теперь примирение невозможно. Республика, которой он добивается, — это республика, где он будет управлять от имени буржуазии; и вы ничего не добьетесь, если будете медлить. Действуйте! Объявите себя правительством Франции, большие города пойдут за вами. Заприте ворота! Вбирайте в себя остатки армии! Захватите Французский банк! Займите Мон-Валерьян! Разгоните это «Собрание деревенщины», мандат которого истек, поскольку порученные ему переговоры о мире, по-видимому, закончены! Действуйте быстро, и страна одобрит вашу умеренную программу и демократические реформы, которые она предвещает. Действуйте быстро! И вы сохраните пятьдесят тысяч человеческих жизней и избежите чудовищных разрушений. Действуйте быстро, и на полвека раньше добьетесь для нас социальных завоеваний времен Третьей республики! На Версаль! На Версаль!

Ах, как легко перекраивать историю по-своему, по прошествии целого века, в тишине рабочего кабинета! Особенно когда у вас в руках толстая папка за номером 15, взятая в Архиве префектуры полиции, с донесениями, из которых видно, что 19 марта и в последующие дни в Версале царят растерянность, беспорядок и деморализация.

Отступление армии было жалким зрелищем. В ночь с 18 на 19 марта бредущие по дороге солдаты так враждебно настроены, что поносят шагающих рядом с ними полицейских и жандармов и никому не желают подчиняться¹.

¹ См. показания полицейского Марсейя перед парламентской следственной комиссией (т. II, p. 200)

Вечером 18 марта, выполняя данный Тьером приказ об эвакуации, генерал Додель оставил в форте Мон-Валерьен только два батальона обезоруженных и «изолированных» стрелков, их нельзя было использовать из-за мятежных настроений. Среди них находились двое участников манифестаций 27 февраля на площади Бастилии, во время которых один полицейский был брошен в реку. Большинство мятежников вернулось в Париж, и им даже не пришлось лезть через стену, потому что у коменданта форта осталось всего 28 человек, да и то весьма ненадежных, для охраны выбитых ворот... 19 марта в шесть часов утра остатки двух стрелковых батальонов отправляют в Эврэ и Шартр. Форт остается без всякой обороны¹. Тьер отнюдь не спокоен:

«...если бы нас атаковали 70—80 тыс. человек, я никак не мог бы поручиться за стойкость армии, которую больше всего угнетало сознание своей крайней малочисленности»².

Сведения, собранные полицией и пока еще не опубликованные, дают нам многочисленные примеры технической и моральной слабости армии версальцев³.

Состояние сторожевых постов у ворот, решеток и застав вокруг Версаля свидетельствует о слабости личного состава, насчитывавшего всего три линейных полка (75-й, 87-й и 105-й). «Пост в Вильнёв-л'Этане должен быть под особым надзором»: завладев этим постом, можно без труда обстрелять Версаль...

В сообщении от 21 марта комиссар полиции при Национальном собрании указывает «основные восемь пунктов, где пруссаки соорудили редуты или установили средства защиты на случай атаки со стороны Парижа», что дает основание предполагать, что в то время эти пункты не были заняты версальцами.

Все так встревожены, что многие верят даже тому, будто Рауль Риго и Гастон Да Коста 21 марта разгуживали во дворе Версальского дворца!⁴

В рапорте от 22 марта полицейский чиновник Бриссо сообщает, что в Ле-Шенэ, в получасе ходьбы от Вер-

¹ Согласно книге записей коменданта Мон-Валерьена («Enquête parlementaire», t. III.)

² «Enquête parlementaire», t. II, p. 14.

³ APP, carton 15.

⁴ Note 8594, APP, dossier Ba 892.

сальского дворца, собралось около двухсот национальных гвардейцев, имеющих восемьдесят ружей; что их капитан, виноторговец Мартен, известен своими «крайними» убеждениями; а капрал Ламбер и гвардеец Плесси заявили, что «не выступают с защитниками порядка против парижан».

24 марта тот же полицейский сообщает:

«109-й и 110-й линейные полки, размещенные в Жуи-ан-Жаза, настроены весьма неважно. Эти солдаты не раз заявляли жителям, что, если тут появятся национальные гвардейцы, они не поднимут против них оружия».

В версальском гарнизоне аналогичное положение.

20-го марта, рапорт Бриссо:

«Что касается умонастроения версальских войск, то нас уверяют, будто нельзя рассчитывать на поддержку установленной перед дворцом артиллерии, а также 48-го линейного полка¹. Офицеры выполняют свой долг, но их люди будут действовать заодно с мятежниками».

В тот же день рапорт Фонтена:

«Мне сообщают, что каждый вечер с наступлением темноты солдаты из пехоты собираются в будке стрелочника у вокзала Шантье».

Они критикуют действия правительства и сговариваются о том, как воздействовать на своих товарищей из других полков, чтобы удержать их от выполнения своего долга. Я постарался установить эти факты, организовав за ними слежку; но упомянутые выше солдаты крайне недоверчивы, и слежка за ними может дать положительные результаты, только если переодеться в военную форму». Заметка на полях: «Франке предупрежден и произведет аресты».

21 марта, половина шестого вечера. Рапорт Бриссо:

«Настроение в войсках по-прежнему внушает тревогу. Малейшее замечание по службе вызывает от-

¹ Жан Аллеман в своей книге воспоминаний (Jean Alleman e, Mémoires d'un Communeur Des barricades au bagne. Librairie social'iste, 51, rue Saint-Sauveur, Paris, IIe, p. 37.) утверждает, что 25 марта в 3 часа утра ему удалось с помощью найденных на месте сочувствующих заклепать девять орудий в артиллерийском парке на площади д'Арм

пор, который может означать лишь угрозу присоединиться к национальной гвардии».

По словам капитана Берра, командира 3-й роты «невооруженной охраны», в 18 часов 30 минут того же дня полицейский чиновник Шакен из IX округа обедал в ресторане на улице Сен-Пьер, 2; за соседним столиком сидели два сержанта, капрал и моряк.

«Капрал-писарь завел разговор о беспорядках на Монмартре и заявил, что сам он отказался стрелять и передал свое ружье национальным гвардейцам, и притом с большим удовольствием, так как никогда не согласился бы в них стрелять, а скорей уж стал бы палить в жандармов и полицию... Потом добавил, что его новое шаспо заряжено и, если ему представится случай, он пустит пулю в генерала Дюкро...»

23 марта в 9 часов на площади перед вокзалом был арестован конный егерь, «который сказал, что не желает стрелять в народ». (Рапорт Фонтена.)

17 часов. Полицейский Бриссо сообщает, что из Версаля вывели два «ненадежных» полка.

19 часов. Рапорт капитана К. Л. Леви: «Названный выше Монроти, Луи, 23 лет, солдат 113-го линейного полка, арестован на площади д'Арм за то, что сказал: «Мы не станем стрелять в толпу».

25 марта рапорт из пятой бригады разведывательной службы сообщает, что 114-й линейный полк настроен весьма неблагонадежно. «Один солдат сказал, что скорее уж будет стрелять в своих начальников, чем в народ».

В тот же день главный комиссар сообщает, что капрал 22-го полка пеших егерей, сидя у виноторговца Марсо, на улице Руаяль, 77, заявил: «Нам помешали выступить против пруссаков, а я не желаю выступать против парижан».

27 марта. Рапорт, подписанный Пиньоле:

«113-й линейный полк, по-моему, настроен не лучше, чем 135-й, к тому же он состоит из совсем молодых и плохо дисциплинированных юнцов».

27 марта. Рапорт Бриссо:

«1-й батальон пеших егерей, участвовавший в монмартрском деле, а в настоящее время размещенный в Сатори, получил пополнение из солдат линей-

ного полка, умонастроение которых оставляет желать лучшего. Офицерский состав батальона превосходен, но, возможно, он будет не в состоянии удерживать в руках своих людей, если они столкнутся с обстоятельствами, подобными тем, какие имели место в последние дни».

28 марта. Рапорт инспекторов службы печати:

«Солдаты 46-го линейного полка, около 400 человек, шедшие по наряду в город, встретили на улице Сатори трех мобилизованных полицейских. Увидев их, солдаты принялись кричать: «Лягаши, головорезы, убийцы!»

С 28 марта прибывают все новые подкрепления, изменяя соотношение сил... и моральный дух версальцев:

«В 9 часов 20 минут утра часть 91-го линейного и часть 64-го полков, составившие вместе три батальона, прибыли по железной дороге... На поезде приехали также солдаты из Швейцарии.

Настроение в 113-м и 114-м полках, размещенных на дороге, ведущей в Трианон, считавшееся весьма ненадежным, начинает улучшаться¹.

Вчера и сегодня в Версаль прибыло много артиллеристов из 17-й артиллерийской батареи митральез, которые были размещены возле Дома инвалидов; эти военные сбежали из Парижа, переодевшись в штатское платье, так как Центральный комитет поставил их перед альтернативой: либо умереть с голоду, либо войти в национальную гвардию».

Сообщают также о прибытии 72-го маршевого полка.

29 марта. «Враждебные настроения, наблюдавшиеся во многих полках, размещенных в Сатори, начинают весьма заметно сглаживаться». (Рапорт Пиньоле.)

В рапорте полиции от 31 марта сообщается, что в скором времени ожидается прибытия двенадцати новых линейных полков и что каждый день из германского плена возвращаются офицеры и солдаты.

¹ Эти две воинские части будут 2 и 3 апреля с успехом использованы против национальной гвардии. (V i n o u, L'Armistice et la Commune, p. 229.)

Самым основным для Тьера было получить эти две недели передышки, которые позволяют ему благодаря пониманию и поддержке Бисмарка воссоздать армию¹. Таким образом, понятен маневр Тьера, состоящий в оттяжке времени, к которому он прибегает на другой же день после 18 марта с помощью мэров и депутатов Парижа.

19 марта Париж просыпается под лучами яркого солнца ранней весны. В половине девятого в Ратуше открывается заседание Центрального комитета национальной гвардии под председательством Эдуара Моро.

«Я возражал против того, чтобы заседать в Ратуше,— говорит он,— но раз уж мы здесь, надо как можно скорей узаконить создавшееся положение и сказать Парижу, чего мы хотим: в самый ближайший срок провести выборы, позаботиться о коммунальных службах, оградить город от всяких неожиданностей».

Некоторые² предлагают идти на Версаль, разогнать Национальное собрание и призвать всю Францию высказать свое мнение. Настал самый критический момент, когда должна решиться судьба этой революции, этого 89-го года трудящихся. Но Моро возражает, подписывая этим смертный приговор Центральному комитету и будущей Коммуне:

— Нет, нет, наш мандат дает нам полномочия отстаивать лишь права Парижа. Если провинция придерживается тех же взглядов, пусть следует нашему примеру³.

Можно ли сказать, что ход истории был повернут этим «великим человеком», который в данном случае

¹ «Несмотря на договор, ограничивавший армию Парижа 40 тыс солдат, Бисмарк согласился на ее увеличение до 100 тыс, а затем и до 130 тыс. Он сам дал нам эту возможность, отправляя во Францию большое число наших пленных» [Заявление Тьера перед парламентской следственной комиссией (t II, p. 16)]

² Лиссагаре не указывает, кто именно.

³ См: Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, p. 112

оказался слишком маленьким? Нет. Моро является продуктом обстоятельств, среды, выразителем господствующего мнения, вот и все.

Находятся и сторонники немедленного похода на Версаль, но их меньшинство. Среди них Да Коста называет Брюнеля (X округ), Дюваля (XIII округ), Эда (XX округ), Фальто (XV округ), что довольно правдоподобно: все они начальники легионов, и первые трое заняли вскоре самые высокие командные посты. Дюваль первым, с самого начала марта, взял в свои руки командование национальной гвардией одного из округов. Это он 19 марта во время утреннего заседания Центрального комитета в Ратуше ворвался в зал и заявил:

«Граждане, нам только что сообщили, что большинство членов правительства все еще находится в Париже, а в I и II округах уже организуется сопротивление; солдаты отправляются в Версаль. Надо принять срочные меры, захватить министров, разогнать враждебные батальоны, помешать врагу уйти!»¹

Историк Буржен, правда не указывая источников, приписывает Брюнелю такие же предложения:

«задержать членов правительства, еще не покинувших Париж, запереть ворота города, не выпускать последние батальоны, уходящие в Версаль через ворота на левом берегу Сены»².

На заседании Центрального комитета, состоявшемся во второй половине дня 19 марта, ясно обозначились два течения. К оппортунистическому течению большинства принадлежит Бабик (X округ), предлагающий, чтобы Центральный комитет выразил протест против убийства Клемана Тома и Леконта, к которому он не имеет никакого отношения.

— Необходимо, чтобы Центральный комитет снял с себя ответственность.

— Берегитесь отрекаться от народа или смотрите, как бы он сам не отрекся от вас,— отвечает ему кто-то³.

¹ См Lissagaray, op cit, p. 113

² G Bourgin, La guerre de 1870—1871 et la Commune, p 199

³ Все у того же Лиссагаре («Histoire de la Commune de 1871», p 115), который не уточняет имени ответившего Бабику.

— «Журналь оффисьель», — настаивает Нестор Руссо, — заявляет, что эти убийства произошли на наших глазах. Мы должны пресечь клевету. Народ и буржуазия во время нынешней революции подали друг другу руки. Надо, чтобы этот союз продолжался...

— Ну что ж, отрекитесь от народа, чтобы сохранить буржуазию; народ вас покинет, и тогда вы увидите, можно ли устраивать революцию с буржуазией!

История не сохранила нам имени того, кто сделал это уместное заключение. Он выразил мнение, глубоко укоренившееся в массах, и Ферре повторяет его довод, споря с Жюлем Валлесом, которого встречает на улице:

— И ты считаешь, что они действуют!.. Они посмели составить протокол, чтобы отречься от казни Леконта и Тома! Народу уже выражено недоверие, и ты спешишь напечатать это в своем листке! Хорош, нечего сказать!

— Итак, — возражает Валлес, — ты уже кричишь о предательстве?

— Нет! Но за предательство карают, а слабость прощается. Лучше иметь дело с подлецами, чем с колеблющимися!¹

Что касается молодого бланкиста Ферре, то он не знает колебаний. Весь день 18 марта он призывал к наступлению батальоны Монмартра и начальника легиона Бержере. Во время похорон гвардейца Тюрпена Ферре, взгромоздившись на катафалк, кричит: «На Версаль!» — и толпа вторит ему².

«Казалось, все уже двинулось в путь, — пишет Луиза Мишель, — на Монмартре никто не представлял себе, что можно чего-то ждать... Ах, если б эти преданные люди [члены Центрального комитета. — М. Ш.], если б они тоже питали меньше уважения к законности, как скоро была бы провозглашена Коммуна, революционным путем, по дороге на Версаль!»

19 марта вокруг Ратуши ведутся бесконечные споры, подтверждает Лефрансе³, по поводу необходимости «не-

медленного похода на Версаль, чтобы помешать бордоскому Национальному собранию завтра собраться там» [в Версале. — *Ред.*].

Слухи об этом доходят до Версаля в более или менее искаженном виде. «La Petite Presse»¹ сообщает, что «национальные гвардейцы у ворот Сен-Дени утверждают, будто Центральный комитет решил отправить сто тысяч человек на Версаль сегодня же, в понедельник» (20 марта).

Рапорт трех капитанов, датированный 20 марта:

«Вооружают всех, кто предлагает свои услуги, винтовками со склада штабной школы на улице Гренель или из других мест, где их находят. *Решается основной вопрос о походе на Версаль*»².

Рапорт Фонтена, 20 марта, 16 часов:

«Слухи о близком походе на Версаль становятся все более настойчивыми... Рента остановилась на 50 франках 95 сантимах, снизившись на пять сантимов к закрытию биржи в субботу... Народу на бирже было много, но дела шли довольно вяло».

В Версале так боятся атаки со стороны парижан, что, когда Люлье дает уйти из Люксембургского парка воинским частям, забытым там Винуа, тотчас посылаются инструкции версальскому министерству внутренних дел и военному министерству:

«следует принять все меры предосторожности в Севре и в Курбеуа на случай, если колонна, которая направляется в Версаль, окажется на самом деле совсем не солдатами, идущими из Люксембургского парка».

Из сообщения полиции от 22 марта (20 часов 40 минут) мы узнаем, что «жандармерия и кавалерия посланы в Севр, навстречу 112-му линейному полку»³.

В рапорте полицейского Фурке, составленном 20 марта для Национального собрания, говорится:

«Местом сбора батальонов, которые должны выступить на Версаль, является площадь Ратуши. По поводу этого похода ходят самые противоречивые слухи. Однако, согласно наиболее достоверному из

¹ См. Vallès, L'Insurgé, p. 234—235.

² Louise Michel, La Commune, Stock, 1921, p. 142.

³ Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 468—469.

¹ Номер от 22 марта.

² APP, carton 15.

³ Ibid.

них, выступление произойдет только после муниципальных выборов... Нам кажется почти установленным, что мятежники собираются захватить Мон-Валерьян, прежде чем двинуться на Версаль»¹.

Группа «твердых» в большинстве своем состоит из активных революционеров I округа, самого буржуазного округа Парижа. Таков Везинье, который на дополнительных выборах в апреле будет избран в Коммуну от этого округа. Считается хорошим тоном относиться к нему с презрением за то, что в своей книге «Как погибла Коммуна»² он позволяет себе едкие нападки на некоторых из своих коллег. В самом деле, в работе Самшитового корня много клеветы. Но есть и обвинения, в которых следует разобраться. Из его книги в целом вырисовываются контуры истинно социалистической доктрины. Во всяком случае, следующий отрывок³ заслуживает внимания:

«После того как 18 марта мы выполнили, подобно многим другим, наш революционный долг, на другое утро огромное число национальных гвардейцев, собравшихся на площади Ратуши, делегировало нас в Центральный комитет национальной гвардии, чтобы потребовать от него:

1. С помощью военной силы занять Французский банк и все крупные финансовые учреждения столицы, прежде всего банк Ротшильда и т. д.

2. Послать несколько батальонов национальной гвардии для захвата Мон-Валерьяна, который охраняют лишь человек двадцать или двадцать пять пешеходов, уже наполовину мятежных, предлагавших сдать эту крепость Центральному комитету по первому требованию.

3. Затем с крупными силами выступить на Версаль, чтобы захватить этот город, разогнать роялистское Собрание деревенщины и возглавляемое Тьером правительство, не пользующиеся никакой популярностью, и провозгласить Коммуну, которая вскоре расцветет во всей Франции».

¹ APP, dossier Ba 1615.

² Vésinier, Comment a péri la Commune, Albert Savine éd., Paris, 1892.

³ Ibid., p. 16—17.

Наппа-Пике и Шатлен, два видных деятеля комитета бдительности I округа, также стоят за принятие радикальных мер.

Доктор Наппа-Пике, которого версальский борзописец Поль Делион называет «ренегатом от аристократии»¹, ставший впоследствии делегатом в мэрии I округа, затем мэром XVI округа, командиром подрывников и павший в бою на углу улицы Риволи и Луврской улицы, сказал на собрании на площади Кордери 21 марта, что I округ «отказывается» от Ратуши, так как считает, что Центральный комитет национальной гвардии совершает одни лишь ошибки. I округ требует революционных мер, а не выборов. Надо обсудить:

«не следует ли завтра же утром срочно превратить Центральный комитет национальной гвардии в Комитет общественного спасения, включив в него несколько членов Делегации 20 округов. Если мы примем такое решение, I округ будет с нами, в противном случае — нет!»²

Эжен Шатлен отказывается от выдвижения его кандидатуры в Совет Коммуны:

«Граждане, я не рассматриваю победу 18 марта с тех же позиций, что и вы. Армии дали уйти из Парижа. Предателей из правительства национальной обороны не арестовали, когда вполне могли это сделать; Французский банк охраняют реакционные батальоны; я не хочу нести ответственность ни за один из этих непоправимых фактов. В политике всякая ошибка есть преступление»³.

Как мы видим, мнение сторонников немедленных действий весьма обоснованно. Если оно не восторжествовало, то объясняется это тем, что примиренческое течение поддерживали очень влиятельные деятели. Их выразителем является Эдуар Моро. Мы имеем документ, ясно подтверждающий его желание сотрудничать с буржуазией. Таково письмо, написанное им 25 марта другу, упрекавшему его за то, что он связался с народом⁴.

¹ См.: Paul Delion, Les membres de la Commune et du Comité-central, Paris, 1871, p. 426.

² Jean Dautry et Lucien Scheler, Le Comité central républicain des vingt arrondissements de Paris, 1960, p. 218.

³ Chatelain, Mes dernières nées, p. 23.

⁴ Опубликовано Максимом Вийомом (Maxime Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. VIII, p. 130—131.)

«Я объясню вам, почему до сих пор продолжаю упорствовать. Я вошел в это движение с определенной, твердо поставленной целью... Вы либо просто слепы, либо должны были видеть, что лишь очень важное решение заставило меня выйти из мрака неизвестности, который является для меня своего рода гордостью человека с чистой совестью. Я знаю, что во время радикальных революций, таких, как те-перешняя, ненависть и честолюбие вскоре выступают на первое место, я знаю, что слово, которое скорее всего забывается в таких случаях,— это «братство», и мне хотелось в этом полыхающем костре потушить хотя бы одну искру. Каждую минуту я употреблял на то, чтобы связать оборвавшуюся нить, каждое мое слово несло мысль о примирении. Десятки раз одним словом, одним выступлением я предотвращал кровопролитие... Когда меня ввели в Ратушу, я на всех заседаниях старался заставить мой народ, который я люблю, совершить великую мирную революцию...»

Эдуар Моро всеми силами старается предотвратить столкновение. 12 мая, в самый разгар борьбы, когда он уже состоит гражданским комиссаром при военном делегате, он все еще пишет в докладной записке, адресованной Комитету общественного спасения¹: «Мы те, кто, делая революцию 18 марта, восставали против одного-единственного врага: гражданской войны...»

Во второй половине дня 19 марта Центральному комитету сообщают, что большое собрание командиров батальонов, мэров и парижских депутатов, заседавшее в мэрии III округа, только что высказалось за созыв избирателей, и Моро тут же подхватывает:

— Если это так, надо немедленно сговориться с ними, чтобы урегулировать положение.

Тем, кто предлагает попросту окружить мэрию III округа и арестовать вносящих смуту агитаторов, Бабики возражает:

— Если мы хотим увлечь за собой всю Францию, не следует ее пугать. Представьте себе, какое впечат-

¹ Опубликовано Максимом дю Кан. (Maxime du Camp, Les Convulsions de Paris, t. IV, p. 343)

ление произведет арест депутатов и мэров и какое — их присоединение.

Арнольд добавляет:

— Очень важно собрать значительное количество голосов. Если депутаты и мэры присоединятся к нам, весь Париж придет к урнам.

— Скажите лучше,— пылко возражают ему,— что вы не годитесь для этой роли и единственная ваша работа — от нее избавиться!¹

Вечером Центральный комитет принимает делегацию парижских депутатов. Мэр Монмартра Клемансо бросается в атаку: восстание противозаконно, так как пушки принадлежат государству. Центральный комитет не управляет Парижем, и ему не будут подчиняться. Требования Парижа справедливы, но столица не имеет права восставать против страны. Центральный комитет должен признать права Национального собрания; пусть он передаст Ратушу выбранным депутатам, а они возьмут обязательство добиться от Национального собрания удовлетворения требований парижан.

Ему горячо возражают, но только для того, чтобы защитить себя: они не поднимали восстания, а выступили лишь в ответ на ночное нападение. Правительство само развязало гражданскую войну. Центральный комитет только занял покинутую Ратушу. Национальное собрание не имеет права посягать на Республику, на свободы, прессу и оружие батальонов национальной гвардии. Они перешли к законной самозащите. Они не собираются диктовать законы Франции и только призывают Париж выбрать своих представителей: «Если вы хотите помочь нам в этом, мы с готовностью принимаем ваше сотрудничество».

Но кое-кто говорит об «автономной Коммуне», о «федерации коммун», и Мильер возражает:

«Берегитесь! Если вы поднимете это знамя, правительство бросит всю Францию против Парижа, и я уже предвижу в будущем новые роковые «июньские дни». Час социальной революции еще не пробил...»

Бурсье из Центрального комитета его поддерживает: «Поскольку здесь в первый раз заговорили о

¹ См. Lissagaray, op cit., p. 116

социальной революции, я заявляю, что наш мандат не дает нам таких полномочий... Наша миссия гораздо проще, она ограничивается проведением выборов. А после народ сам решит, куда ему идти...» Клемансо пользуется случаем, чтобы попытаться заставить Центральный комитет сказать, что он ограничивается лишь требованием муниципального совета для Парижа.

Варлен отдает себе отчет, что это значило бы зайти слишком далеко на пути уступок, и формулирует программу-минимум, все еще достаточно умеренную:

«Мы хотим не только выборного муниципального совета, но также значительных муниципальных свобод, упразднения префектуры полиции, права для национальной гвардии избирать своих командиров и проводить реорганизацию, провозглашения Республики как законной формы правления, отсрочки всех платежей за жилища, справедливого закона о просроченных долговых обязательствах, запрещения ввода войск на территорию Парижа».

Эта программа кажется еще слишком смелой Бенуа Малону, особенно последний ее пункт, и он заклинает Центральный комитет вернуть Париж его законным представителям.

Борьба мнений затягивается, и Центральный комитет решает послать четырех своих членов к депутатам, заседающим в мэрии II округа. В эту делегацию не вошел ни один сторонник наступления на Версаль, а лишь четыре примиренца: Моро, Варлен, Арнольд и Франсуа Журд¹.

Им противостоит мэр II округа Тирад, который старается сорвать любое соглашение. Один за другим Моро, Арнольд, а потом и Журд, устав от нескончае-

¹ Франсуа Журд родился 4 июля 1843 г в городе Шассань (департамент Пуи-де-Дом). Сын торговца подержанными вещами из Сен-Пласида, Журд сначала работал бухгалтером в фирме «Арон и Ко» на улице Булуа, 21 (I округ), и у Френон-Мюсселя на улице Бертен-Пуаре, 14 (I округ), а потом стал секретарем у барона де Жувенеля, бывшего депутата. Во время осады Парижа, став сержантом национальной гвардии, он был избран в Центральный комитет от V округа «Рост — I м 70 см, лицо продолговатое, глаза синие, рот маленький, волосы светлые, густые, борода светлая и шелковистая, фигура тонкая и стройная». (APP, dossier Va 1130.)

мого спора, удаляются. После пяти часов борьбы с целой сворой Варлен, обессилев, в конце концов сдаётся; пусть депутаты водворяются в Ратуше, но пусть немедленно приступают к выборам!

Потребовалось появление в Ратуше утром 20 марта мэра III округа Бонвале, намеревавшегося немедленно занять помещение, потребовалось, что еще важнее, вмешательство Комитета 20 округов¹, чтобы Центральный комитет, дезавуировав Варлена, остался на своем посту и назначил выборы на 22 марта.

Ни Парижское бюро Интернационала, ни Комитет 20 округов не ратуют за поход на Версаль.

Жюль Валлес, не сражавшийся на баррикадах 18 марта², является глашатаем Кордери и пишет 21 марта в «Le Cri du Peuple»: «Если Париж имеет неоспоримое право располагать самим собой, он не может распоряжаться Францией; он может делать лишь то, что делает сейчас: давать ей великий пример». И он развертывает план проведения срочных мер, «чтобы как можно скорее восстановить необходимый порядок»: немедленное создание временной Парижской Коммуны вместе с... окружными мэрами и их помощниками, оставшимися на местах, депутатами и Центральным комитетом национальной гвардии; немедленная посылка пяти делегатов от этой муниципальной комиссии к представителям исполнительной власти для переговоров; посылка еще пяти делегатов к прусским представителям, чтобы дать им полные гарантии соблюдения мирного договора; проведение 25 марта выборов муниципальных администраторов, по пяти на каждый округ,

¹ Ночью на площади Кордери собрались комитеты бдительности 20 округов. Здесь наблюдается необычный нагльв бланкистов Ферре, Тридон, Тренке, Шардон, Эдмон Левро, Гастон Да Коста. Они критикуют бездеятельность Центрального комитета, который позволяет дурачить себя мэрам. Разоблачают собиране сил реакции вокруг мэрии II округа под предлогом якобы соглашения. Несмотря на усилия многих присутствующих на собрании членов Центрального комитета национальной гвардии, которые стараются, чтобы соглашение не было сорвано, комитеты бдительности решают, что Центральный комитет несет ответственность за последствия создавшегося положения и «не может отказаться ни от гражданской, ни от военной власти» (См. Da Costa, La Commune vécue, t. I, p. 185—186)

² См.: J. Vallès, L'Insurgé, p. 231.

которые соберутся в коммунальном совете для обсуждения потребностей города. «Таковы меры, которые необходимо принять немедленно, чтобы не прийти к полной разрухе, не скатиться в пропасть».

Если 21 марта на утреннем заседании Делегации 20 округов некоторые готовы «присоединиться» к Центральному комитету при условии, что он обязуется действовать более энергично, то речь идет отнюдь не об энергичной борьбе с Версалем, а лишь о нажиме на парижских депутатов, и то только для организации выборов.

Жюль Валлес выступает с заявлением, что лучший способ избежать всякого конфликта — это немедленно провести выборы, и на следующий день в газете «Le Cri du Peuple» обращается непосредственно «К парижской буржуазии», взывает к братству и говорит, что решение Парижа будет правильным лишь в том случае, «если он избежит гражданской войны и возобновления войны с победителем — Бисмарком»:

«Ну а мы — мы готовы ничего не навязывать, все претерпеть в роковом кольце судьбы, но при одном условии — чтобы Париж оставался свободным! Чтобы развязать, а не рассечь мечом гордиев узел, затянутый последними злосчастными событиями, нужно произнести лишь одно: *Париж — свободный город*».

Через избранных народом депутатов надо немедленно начать переговоры с версальским правительством для установления статус-кво без борьбы и с пруссаками — для урегулирования вопроса о возмещении убытков...

Париж — свободный город. Больше не льется кровь! Ружья мирно отдыхают; народ назначает мэров и избирает судей. А потом за работу! За работу! Колокол сзывает на работу, а не на бой».

Воспарив в мечтах, люди позабыли о необходимости наступления на Версаль.

Федеральный совет Интернационала, собравшийся 22 марта, настроен не более воинственно. Бенуа Малон высказывает самые серьезные опасения насчет результатов примирения между муниципалитетами и Центральным комитетом и исхода выборов. Он боится, что не удастся избежать столкновения. Гулле радуется, что

в Центральный комитет национальной гвардии входит лишь один член Интернационала — Варлен, таким образом, Интернационал не несет никакой ответственности. Жакмен опасается, как бы Центральный комитет не скомпрометировал республику своими действиями, а Спэльтер считает, что следует предложить Центральному комитету сложить с себя полномочия и передать власть в руки окружных мэров и их помощников! Находится лишь один оратор — Рувейроль, — который говорит, что если бы Центральному комитету и надлежало передать кому-либо власть, то только вооруженному народу.

23 марта в газете «Le Cri du Peuple» Жюль Валлес, комментируя состоявшееся накануне вечером на площади Кордери расширенное заседание Делегации 20 округов, в котором приняли участие также видные республиканские деятели 1848 г. и члены Интернационала, снова демобилизует парижских революционеров:

«Нужно братство, а не борьба. Мы шагаем все под одним знаменем — дело Парижа». «Le Cri du Peuple» может добавить, что «по ее призыву чувства примирения восторжествовали», и Валлес подчеркивает, что принял участие в составлении резолюции, в которой комитет (с площади Кордери) уполномочил десять избранных им делегатов¹ сделать все, что в их силах, чтобы они все сообща — Центральный комитет национальной гвардии, парижские депутаты и муниципалитеты округов — добивались одной цели. «Давайте же пожмем друг другу руки, и пусть народ будет свободен, а Республика спасена!»

В напечатанной 24 марта статье Артюра Арну горячо поддерживает мнение «Комитета примирения» во главе с Артюром Ранком, высказавшегося в пользу выборов, ибо они одни «могут предотвратить ненавистную войну, которая потопит Республику в море крови».

Выборы, объясняет Арну, — вот единственная возможность избежать гражданской войны:

«18 марта не было революцией в обычном смысле слова, ибо движение, спровоцированное нападением

¹ Лефрансе, Тейс, Бетэ, Режер, Пьер Дени, Т Ферре, Дюмон, Вайян, Камелина и Жерарден, следовательно, всего один решительный сторонник наступления на Версаль — Теофиль Ферре

правительства, выдвинуло программу в основном муниципальную и касающуюся только Парижа, но 18 марта создало революционную ситуацию, из которой надо было найти быстрый и правильный выход»

В своем предвыборном манифесте Центральный комитет 20 округов выражает радость, что настоящая революция «завершится без кровопролитной борьбы», и устанавливает программу ее «мирного осуществления» автономная Коммуна, образующая федеративный союз с другими коммунами, в которые входит вся нация, суверенитет всеобщих выборов императивный мандат, выборность и право отзыва депутатов, чиновников и судей, самоуправление национальной гвардии, обеспечивающей порядок в городе вместо упраздненной префектуры полиции; отмена постоянной армии, право Парижа устанавливать собственный бюджет, светское, всеобщее и профессиональное обучение, «сочетающее свободу совести и права ребенка со свободой и правами отца семьи»; страхование от безработицы и социальных бедствий, «постоянные и упорные поиски самых действенных средств для обеспечения производителя капиталом, орудиями производства, рынками сбыта и кредитом», чтобы покончить с наемным трудом и пауперизмом, а также «чтобы навсегда отошли в прошлое кровавая борьба за жизненные права и гражданские войны»

Такова программа этой «лучезарной и братской Революции», которую собираются «осуществить мирным путем»¹

Среди пяти подписей под этим прудонистским текстом, ставшим программой Коммуны в ее первые дни, стоят имена Жюль Валлеса и Лефрансе Да, да, Лефрансе, который в своих «Воспоминаниях революционера»², приводя доводы сторонников немедленной атаки на Версаль, говорит, что «они казались ему справедливыми» Артюру Арну столь же непоследователен Объяснив³ что народ верил, будто можно будет договориться с Версальем он добавляет «Иллюзии эти были

¹ См «Le Cri du Peuple» 27 mars

² G Lefrançais, op cit p 469

³ Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune, p 49.

губительны, как и бездействие Центрального комитета, всякая революция, если она не двигается вперед, обречена на неизбежный провал»¹ Однако его книга «Народная и парламентская история Парижской Коммуны» с первой до последней страницы посвящена изложению прудонистских, коммуналистских принципов, которые исключают захват государственного аппарата

Поведение Центрального комитета после 18 марта отвечает всеобщему умонастроению Парижа, который не хочет гражданской войны Париж не хочет гражданской войны, так как убежден, что право на его стороне, и ему претит прибегать к насилию Разоружить Версаль — дело всей Франции, и не Парижу надлежит выбить оружие из его рук

«Мы хотим обосновать право трудящихся,— говорит Франкель 29 марта на заседании Федерального совета Интернационала,— и это право можно утвердить лишь моральной силой и убеждением, предоставим деспотам заставлять уважать право, которое они понимают на свой лад, с помощью картечи»

Итак, на заре первой пролетарской революции входящий класс выражает уверенность, что достаточно моральной силы, достойного примера, метода убеждения, чтобы прийти к власти К тому же эта власть не будет иметь ничего общего с централизованным государством, унаследованным от 89 года (которое привело к диктатуре победившей буржуазии), эта власть не будет иметь ничего общего с государством, под нажимом которого социалист Луи Блан превращается в Трошку левых республиканцев, это будет государство гармоничное, основанное на свободном союзе равноправных коммун

«Каждый предчувствовал,— пишет добряк Нестор Руссо²,— что славный день 18 марта будет началом новой эры Действительно, восемнадцать лет развращающего и основанного на насилии режима, тяжелые бедствия нашей родины показали, какие опасности таит в себе централизованная власть Автономия Коммуны была единственным спасением с одной

¹ Ленин скажет еще более кратко что промедление смерти подобно

² Уже цитированные мемуары

стороны, она обеспечивала гражданину полную свободу; с другой, — отобрав у правительства часть его власти, она оставляла ему лучшую ее часть — возможность охранять величие Франции».

Отказ от похода на Версаль совершен сознательно, это отказ от гражданской войны, но это также отказ включить Парижскую Коммуну в ненавистную систему государственного централизма. «Победив, Коммуна не выразила бы никакого намерения управлять Францией», — пишет Артур Арну. Он идет даже еще дальше, соглашаясь с возможностью возвращения правительства в Париж, при единственном условии, что Париж сохранит свои коммунальные свободы! Все это происходило 24 марта в большом зале мэрии IV округа во время предвыборного собрания под председательством Клеманса, где присутствовало 300 национальных гвардейцев, делегатов от одиннадцати батальонов округа.

Клеманс предложил Арну высказать свои убеждения, но Арну возразил, что не кандидату надлежит внушать свои идеи избирателям, а граждане должны высказать свои пожелания, и тогда кандидат увидит, соответствуют ли эти пожелания его убеждениям и позволит ли ему совесть поддерживать их и добиваться их торжества. В ответ на это делегаты батальонов изложили кандидату «законченную и всестороннюю программу», которую он одобрил. Вот ее краткое изложение:

«Мы не хотим навязывать наши требования остальной Франции. Мы просто требуем для самих себя основных прав и гарантий.

Мы хотим полной автономии Парижской Коммуны.

Мы хотим, чтобы в пределах Парижа администрация, суд, полиция, вооруженные силы — все принадлежало нам.

Мы хотим, чтобы все, что касается налогов, культа, народного просвещения, организации труда и т. д., решалось нами, когда дело касается Парижа.

Мы признаем общие законы, изданные центральным правительством, при условии, что это правительство будет республиканским и что оно не станет посягать на нашу коммунальную автономию.

Следовательно, мы выплатим нашу часть военной контрибуции.

Следовательно, хоть мы и стремимся отменить рекрутский набор и постоянную армию, в случае войны мы выставим нужное количество людей, но призовем мы тех, кого сами сочтем необходимым.

Мы призовем другие коммуны Франции последовать нашему примеру и объединиться с нами в федерацию.

Пусть Версаль признает нашу автономию, и мы не будем бороться с ним.

Если же он нападет на нас, мы будем защищаться, так как нам надоело ходить под ярмом французской деревенщины.

Мы не требуем, чтобы центральное правительство возвращалось в Париж. Мы предпочитаем отказаться от звания и материальных преимуществ столицы, чтобы пользоваться во сто крат более ценными благами нашей свободы.

Однако если правительство пожелает вернуться и изберет своим местопребыванием Париж, то при условии, что оно не приведет с собой ни одного солдата, ни одного полицейского и откажется от вмешательства в наши коммунальные дела, мы готовы открыть ему ворота, но, разумеется, лишь одной национальной гвардии будет доверено следить за ним и охранять его, так же как и нас от него»¹.

•

Таковы в своей основе глубокие причины выжидательной позиции Центрального комитета.

Потребовалось нападение версальцев в начале апреля, чтобы Коммуна подумала о своей защите. «В общем, — пишет Ключере, ставший в ту пору главнокомандующим, — наша позиция — это позиция людей, которые сильны сознанием своих прав и терпеливо ждут, чтобы на них напали, а сами довольствуются обороной» (7 ап-

¹ A. Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune, t II, p. 61.

реля). И еще: «Предоставим времени доказать нашим врагам их слабость и наше могущество» (9 апреля)¹.

Исполнительная комиссия Коммуны будет сама извиняться перед департаментами (6 апреля) за то, что, «к своему великому сожалению», вынуждена была выйти «за рамки своих обычных функций» в связи с состоянием войны, которое спровоцировало версальское правительство, ибо «Париж желает лишь замкнуться в своей автономии и исполнен уважения к равным правам других коммун Франции»².

Центральный комитет национальной гвардии по примеру Центрального республиканского комитета 20 округов много раз заявлял, что республика выше всеобщего голосования. Поэтому можно лишь удивляться, что его парализует страх, как только надо хоть немного встряхнуть мэров округов и парижских депутатов, союзников Версаля. Эта постоянная забота о соблюдении законности — следствие давления мелкой республиканской буржуазии на своего временного союзника — пролетариат.

«Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовка пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления»³.

¹ Как будто время может работать в пользу осажденного города, который не может надеяться на помощь извне! Клезере уже забыл план обороны Парижа, предложенный им 6 сентября 1870 г. и основанный на двух условиях: «первое — уверенность, что нам помогут, и второе, что нас будут снабжать продовольствием» (APP, dossier Va 1015—1016)

² «Journal Officiel», 7 avril.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

*

Начиная с 19 марта Центральный комитет, защищая свою жизнь, вынужден играть роль правительства. Ему надо заставить работать административный аппарат, который Тьер привел в расстройство, призвав в Версаль чиновников, вывезя архивы, кассы и печати. Все общественные службы заброшены, от надзора за дорогами до телеграфа, от больниц и до кладбищ. Центральный комитет распределяет обязанности. Бержере остается в Ратуше, Варлену и Журду поручено министерство финансов, Риго помогает Дювалю в префектуре полиции, Антуан Арно идет в министерство внутренних дел, Эдуар Моро контролирует издание «Journal Officiel» и Национальную типографию, Асси поручается командование войсками, охраняющими Ратушу. Когда один из членов Центрального комитета заговорил о выплате жалованья занимающим эти должности, Моро ему ответил: «Когда не существует ни контроля, ни сдерживающей узды, было бы безнравственно назначать самим себе какое-либо жалованье. Жили же мы до сих пор на свои тридцать су — проживем и дальше».

Часто инициатива исходит от масс. 19 марта служащие парижского Управления ввозных пошлин, бывшие военные, просят выдать им оружие, «чтобы защищать Французскую и Всемирную республику». Они также просят Центральный комитет сменить администрацию управления, состоящую из «отъявленных бонапартистов, которые вредят Республике»¹. 23 марта Журд и Варлен возлагают на гражданина Вольпениля обязанности главного директора управления и дают ему неограниченные полномочия оставлять на работе или увольнять своих служащих... а также вносить получаемые суммы финансовой делегации на улице Риволи². 26 марта Массару поручают руководство управлениями регистрационных пошлин и гербовых сборов и коммунальных имуществ на Банковой улице, 9 (II округ), где неделю спустя его сменил Фонтен³.

¹ Archives historiques de l'armée, carton Ly 24.

² См. неизданный документ, написанный рукой Варлена и подписанный Белэ. (Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.)

³ Archives historiques de l'armée, carton Ly 24.

Методы набора кадров чрезвычайно быстры. Назначения происходят порой при довольно странных обстоятельствах. 22 марта под вечер по Новому мосту проходит батальон федератов, ведущих в префектуру несколько реакционеров, арестованных после манифестации на Вандомской площади. На краю тротуара стоит молодой человек, одетый в строгий черный костюм, среднего роста, с тонкими и правильными чертами лица, черными усиками, коротко остриженными густыми волосами, в пенсне, по всем признакам похожий на министерского чиновника, и смотрит на проходящих с растерянным видом, который начальнику батальона кажется враждебным. Начальник окликает его и получает довольно резкий ответ, после чего без долгих разговоров молодого человека вталкивают в группу задержанных. То был Виртели, главный редактор газеты «La Libre Pensée», секретарь секции Социальных знаний Интернационала (II округ). В префектуре он предстает перед Риго, который кричит ему, к великому удивлению командира федератов:

— Привет, старик! Вот уж два дня, как я тебя разыскиваю! Какой счастливый случай привел тебя сюда?

— Меня привел не счастливый случай, а вон тот господин,— ответил Виртели, указывая на начальника батальона.

Но Риго невозмутим:

— Ладно, теперь ты мой начальник кабинета. И будешь продолжать допросы, черт возьми!

И вот Виртели уже выполняет свои обязанности. Новый начальник первого отдела префектуры полиции (по политическим делам) издает циркуляр, предупреждая своих сограждан, что «не будет придавать никакого значения анонимным доносам. Человек, который не смеет подписать свое имя под разоблачением, наверняка сводит личные счеты». Этот славный малый в то же время не лишен юмора. Измученный посещениями кредиторов бывшего начальника отдела, место которого он занял, Виртели просит его «быть настолько любезным, дать кредиторам свой адрес, ибо его преемник не унаследовал и его личные дела»¹.

*

В министерстве финансов Варлен и Журд оказались перед запертыми сейфами, ключи от которых увезли в Версаль. Вышибать двери и взламывать замки, в то время как ведутся переговоры с мэрами округов, которым государство передало власть, оба делегата считают себя не вправе. А между тем время не ждет: 300 тыс. национальных гвардейцев, чтобы существовать, должны получать свои 30 су в день. Журд и Варлен ходатайствуют перед банкиром Ротшильдом, и тот открывает им кредит в 500 тыс. франков во Французском банке (19 марта). Затем Центральный комитет обращается непосредственно в банк, в котором город Париж также имеет текущий счет. В шесть часов вечера управляющий банком Рулан встречает Журда и Варлена с улыбкой на устах:

«Я ждал вашего визита, господа. Банку на другой же день после каждой смены кабинета приходится оказывать помощь новому правительству. Не мое дело обсуждать события, Французский банк не занимается политикой. Фактически вы являетесь правительством. Банк выдаст вам на сегодня миллион. Только будьте добры указать в вашей расписке, что эта сумма была реквизирована из текущего счета города».

Какой добрый малый! Он предпочитает отдать Центральному комитету эту сумму добровольно, так как знает, что тот мог бы с помощью силы получить в сто раз больше. Действительно, Тьер не сумел эвакуировать банк, в котором хранится звонкой монеты и различных ценностей почти на 3,5 млрд. франков. Для того чтобы эвакуировать эти несметные богатства, понадобилось бы, по словам помощника управляющего де Плёка, от 60 до 80 повозок и целый корпус солдат охраны¹. Служащие банка составляют три роты 12-го батальона, всего-навсего 430 человек. 20 марта небольшой отряд пехотного полка, который служил им подкреплением, отступил. Банк не в состоянии оказать сопротивление Центральному комитету. Но 21 марта положение ухудшается. Реакция вновь оживает и переходит в контр-

¹ См.: «L'Etoile française», 24 janvier 1881.

¹ «Enquête parlementaire», t. II, p. 489—490.

наступление. Полицейский чиновник Бриссо в своем рапорте пишет:

«Общественное мнение еще не высказывается достаточно открыто в пользу законного правительства. Однако оно получило сильный толчок после манифестации, состоявшейся около половины третьего. Крупная колонна численностью — без преувеличения — тысяч в пять человек (она заняла всю улицу Монмартр между улицей Абукир и бульваром) обошла второй округ... Заходя на тротуары, участники этой манифестации говорили жителям: «Закрывайте ваши лавки, все друзья порядка идите за нами». В этой колонне шли одни господа в шляпах, и не было или почти не было национальных гвардейцев»¹. Манифестанты так осмелели, что отправились на Вандомскую площадь, где поносили Центральный комитет, затем вышли на левый берег Сены и, вернувшись на площадь Новой оперы, стоворились собраться на следующий день, после чего разошлись. В то же время десятка три газет печатают провокационное воззвание к парижским избирателям, убеждая их не голосовать 22 марта. Со своей стороны депутаты Парижа дают ложные заверения, будто Национальное собрание приняло единодушное решение гарантировать в ближайшее время проведение муниципальных выборов.

Центральный комитет, который уже издал приказ об отмене осадного положения в городе, упразднил военные суды и объявил амнистию, занялся неотложным государственным делом: он остановил продажу вещей, заложенных в ломбарде, продлил на месяц оплату просроченных платежей и запретил домовладельцам выгонять жильцов впредь до нового распоряжения.

На вечернем заседании 21 марта Эд предлагает распустить оставшихся в Париже солдат. Бурсье считает, что солдаты принесли бы больше пользы, если б их смешать с национальными гвардейцами. Комитет ограничивается тем, что обеспечивает их питанием и жильем, но почему лишать их мелких карманных денег, ко-

¹ APP, carton 15

торые они привыкли получать? Варлен готов заняться ими, но не как солдатами. Все соглашаются, что их невозможно распустить: если отослать их в провинции, они вернуться назад как враги, ибо их включают в версальские войска. Но имеет ли комитет право зачислять в национальную гвардию людей, не живущих в Париже? Варлен говорит, что надо упразднить постоянную армию, «таковы наши принципы», и объявить об этом в провинции, но дать солдатам право вступать в национальную гвардию¹. В конце концов Центральный комитет решает, что до тех пор, пока не будет издан закон о реорганизации национальных вооруженных сил, находящиеся ныне в Париже солдаты будут включены в состав национальной гвардии и получают такое же содержание².

Но организовать это включение довольно трудно. Солдаты по-прежнему остаются в своих казармах, томятся от безделья и поддаются на всякую пропаганду. Если солдаты 114-го линейного полка, стоящие в казарме Лобо, еще 30 марта выходят на демонстрацию с криками: «Да здравствует Коммуна!»³, то двести пехотинцев и артиллеристов, расквартированных в казарме Новой Франции, открыто выражают свою враждебность Центральному комитету, и генерал Рауль дю Биссон, сообщая об этом факте, заключает: «Это опасно для нас, так как среди них очень много энергичных унтер-офицеров»⁴.

30 марта солдат Жан Пелло от имени целой группы военных посылает военному министерству в Версале следующее характерное письмо:

«В Париже нет никакой службы, которая занималась бы нами. Мы обращаемся к вам, господин министр, с просьбой вывести нас отсюда, чтобы мы могли присоединиться к своим воинским частям в провинции, пока нас не включили в парижскую национальную гвардию».

21 марта в Версале Национальное собрание заслушивает неистовую диатрибу Жюля Фавра, поносящего Париж и

¹ «Enquête parlementaire», t. III, p. 45.

² «Journal Officiel», 23 mars.

³ Рапорт инспектора Жирандо. (APP, carton 15)

⁴ «Enquête parlementaire», t. III, p. 46.

«врагов общественного блага, алчных служителей кровавого идеала, которые открыто разжигают жестокую гражданскую войну, сопровождаемую подлыми убийствами и грабежами под шумок»

В порыве ненависти адвокат вызывает чуть ли не видения из Апокалипсиса реквизиции, разгром частных владений, подрыв всех основ общества. Он призывает к решительной борьбе с мятежом и требует, чтобы буржуазные батальоны национальной гвардии в виде «искупления» расправились с «негодяями, которые захватили столицу», со всеми «грязными подонками, поднявшимися из самых низов общества»

Адмирал Сессе, которого Тьер назначил преемником незадачливого д'Орель де Паладина, тоже распаляет, «Призовем провинцию к оружию и двинемся на Париж. С этим пора покончить!»

Тьер находит нужным прекратить эту опасную болтовню. Если он остановил свой выбор на Сессе, то отнюдь не в расчете на то, что подобный великий полководец вернет ему Париж. Назначая его на эту должность, Тьер сказал: «Я не буду давать вам инструкций. Мэры Парижа получили от меня все полномочия»¹. От Сессе же он требует, чтобы тот держал Париж в постоянном напряжении, проводил диверсии, затруднял и тормозил действия Центрального комитета, с тем чтобы дать Версалью время вновь создать свою армию. И этот хитрец Тьер возражает министру иностранных дел, считая полезным успокоить столицу, которая, почувствовав себя в опасности, была бы способна очертя голову броситься на Версаль, когда он еще не подготовлен к отпору.

«Пусть будет всем известно, что представленная здесь Франция не объявляет и не собирается объявлять войну Парижу, что мы не собираемся идти на Париж. Париж требует своих прав, и мы приложим все силы, чтобы их ему предоставить. Палата одобрит мое заявление о том, что мы не воюем с Парижем. Больше я ничего не скажу, но я это повторяю, чтобы Париж не вынес ошибочного представления о смысле происходившей здесь дискуссии»

¹ «Enquête parlementaire», t II, p 303

Затем он выпускает на арену старого болвана — адмирала Сессе. 22 марта на стенах I округа появляются белые афиши. На них стоят подписи трехсот офицеров из одиннадцати батальонов этого округа. Они энергично призывают «добропорядочных» граждан объединиться вокруг парижских муниципалитетов и депутатов, чтобы принять «мужественные» решения и, таким образом, предотвратить «плачевный конфликт»¹ и т д и т д. Короче говоря, призывают к союзу всех «добропорядочных граждан» против Центрального комитета.

Мы убеждаемся, что вся история с афишами построена, когда узнаем, что афиши с подобным же текстом, но подписанные девятью начальниками батальонов², расклеены и во II округе, а также и в III, где они подписаны мэром Бонвале и его помощником Мюра³. Афиши в двух последних округах сообщают даже о создании некой службы защиты и надзора, которой должен оказывать содействие каждый преданный гражданин. Одним словом, они проповедают сопротивление Центральному комитету с оружием в руках.

Дело уже хорошо подготовлено. Сессе водворяется в Гранд-отеле, но настоящим вдохновителем сопротивления является Тирар, мэр II округа.

«Мы приложили все усилия, — говорит он, — чтобы сохранить свободу сообщения между Парижем и Версалем. Для этого мы расставили наши войска вдоль улицы 4 Сентября и поместили целый батальон на вокзале Сен Лазар»⁴.

«Le Père Duchêne» старается вразумить национальных гвардейцев буржуазных батальонов. Но в «Чертовски патристическом письме Отца Дюшена национальным гвардейцам II округа Парижа и всем тем, кто называет себя друзьями порядка, чтоб они сидели спокойно и не затевали нового кровопролития на улицах города»⁵, он уже начинает скалить зубы.

«Вы пошли по плохой дорожке»

И затеяли ужасную игру, злосчастные вы дурни, национальные гвардейцы II округа!

¹ «Murailles politiques françaises», t II, p 55

² Ibid., p. 16

³ Ibid., p 41

⁴ «Enquête parlementaire», t II p 340

⁵ Номер от 4 жерминаля 79 г (24 марта 1871 г)

Вы ведете очень опасную игру.

С 18 марта законное правительство — это Комитет, заседающий в Ратуше...

Что бы вы сказали, если бы после государственного переворота 4 сентября какая-нибудь кучка граждан подняла, как вы сейчас, открытый бунт против правительства национальной обороны...

Успокойтесь! Отправляйтесь-ка по домам!

Явите другим пример сдержанности и не затевайте в Париже движения, которое так напоминает мятеж...

Дайте восстановиться доверию! Дайте людям вернуться к работе!

Вы же понимаете, что все это детская игра!

И посудите сами, что вы можете сделать, если мы захотим... А?..

Стоит нам только захотеть?..»

Но завороженные речью Жюля Фавра и окрыленные перенесением выборов на 23 марта¹, что они считают своим успехом, реакционеры пытаются нанести серьезный удар: прогнать федератов с Вандомской площади, смести последнее препятствие, мешающее им распространить свою власть на всю западную часть столицы. Около 14 часов несколько тысяч возбужденных людей стекаются на улицу Мира с криками: «Порядок! Порядок! Да здравствует порядок!» В начале улицы Нёв-Сент-Огюстен они разоряют часовых-федератов. Они угрожают прорвать слабый кордон гвардейцев, охраняющих площадь. Слышатся яростные крики: «Долой Центральный комитет! Долой убийц!» Громкие приказы, бой барабанов только сильнее возбуждают беснующуюся толпу; наступающие пытаются вырвать ружья из рук федератов и под конец стреляют в них из револьверов. Два гвардейца убиты, семь ранены. Это немедленно вызывает ответные действия: гвардейцы тоже стреляют, защищая свою жизнь. «Как только затрещали первые выстрелы, — по словам генерала Сессе, который находился на месте действия, — толпа тотчас разлетелась, словно стая воробьев». Среди жертв ока-

¹ Без соглашения с мэрами, у которых находились списки избирателей, оказалось невозможным провести выборы в назначенный день — 22 марта.

зались виконт де Молине, бонапартист де Пэн, редактор «Paris-journal», биржевой маклер Жиру, банкир Отто Хоттингер, один из управляющих Французского банка¹.

Все собравшиеся в Париже разъяренные буржуа бросились к бирже и мэрии II округа, чтобы принять участие в сопротивлении. Ночью к мэрии II округа перетаскивают митральезы². Во Французском банке с помощью отрядов, посланных мэрами I и II округов, спешно превращают все входы в бойницы, сваливают в кучи мешки с песком, строят внутренние баррикады и укрепляют все слабые места, которых много в этом обширном недостроенном здании³.

Студенты Политехнической школы непрерывно снуют между мэрией II округа и Гранд-отелем. Тройная цепь «друзей порядка» охраняет выход с улицы Вивьен на бульвары. На площади Биржи выдают патроны. Запрещено расходиться. Поесть можно за счет мэрии в ресторане на улице Фий-Сен-Тома. По приказу все двери домов распахнуты настежь, а окна на первом этаже полуоткрыты. Каждая рота делится на отряды и занимает дома один за другим⁴. Передвижением частей командует злобный Тирар, ему помогает господин де Кевовилье, ювелир с улицы Ришелье, который выдает себя за бонапартиста, но сам готов считать себя Наполеоном.

Мэрии I и II округов становятся настоящими укрепленными лагерями. Центральный рынок занят передовыми постами. Патрули шагают по улицам Круа-дэ-Пти-Шан, Ришелье, Вивьен, улице 4 Сентября, по площади Оперы и улице Обер до вокзала Сен-Лазар. По Большим бульварам разведывательные отряды доходят до ворот Сен-Дени. Но вся эта суета лишь пустая бравада, готовая лопнуть, как мыльный пузырь. Отважный адмирал Сессе, чтобы проверить боевой дух своих войск, задумывает поднять небольшую тревогу. Он

¹ См.: Catulle Mendès, Les 73 journées de la Commune, Lachaud, 1871, p. 30—34.

² «Enquête parlementaire», t. III, p. 48.

³ Показания де Плека перед парламентской следственной комиссией (t. II, p. 489).

⁴ См.: Catulle Mendès, op. cit., p. 35 et suiv.

спускается во двор Гранд-отеля и кричит: «К оружию! К оружию! На нас напали!..» Но предоставим ему слово, его рассказ уж очень хорош:

«Что же я увидел? Настоящий цыганский табор; повсюду расставлены складные столики, совсем как в кафе, а вокруг люди распевают «Марсельезу». Много незнакомых лиц. Никто не двинулся, и это меня даже не удивило. Я сказал часовому: «Вы что, не видите приближающуюся колонну? Позовите вашего офицера». Сначала он уставился на меня не отвечая, потом пошел звать офицера. Тот оглядел меня и сказал: «Я вас не знаю. Кто вы такой?» Я ему все объяснил. Тогда он попытался собрать отряд, чтобы послать в разведку на угол улицы Скриба, навстречу якобы замеченной мною колонне, которая все не появлялась. Ему не удалось заставить выйти ни одного человека, и мы убедились с полной очевидностью, что было бы безумием думать, будто можно чего-либо добиться от этой толпы»¹.

Мэр III округа Бонвале настроен еще менее воинственно. А Вотрен с 23 марта уже больше не возглавляет мэрию IV округа, где действует временная муниципальная комиссия, которая выпускает афиши со следующим текстом:

«Граждане!

Ввиду того что муниципалитет IV округа покинул мэрию и работа почти всех его служб полностью расстроена, необходимо в указанный Центральным комитетом срок обеспечить деятельность органов, которые должны осуществлять работу, павшую на плечи патриотов Парижа ввиду измены преступного правительства.

Делегаты одиннадцати батальонов национальной гвардии IV округа собрались для этой цели.

Они избрали членов комиссии, признанной Центральным комитетом, на которую возлагается обязанность провести в нашем округе выборы в муниципальный совет Парижа.

В комиссию вошли граждане: А. Гийета, Бургуен, Даге, Э. Навар, Кудерк, Делабов, А. Фио, Муиссе, Франкен, Фубер, Курке, Шантрие, Ру, Бизар,

Террье, Сарон, Руссель, Дюваль, Пьенуар, Дуи, Жакоби, Колло, Плюме, Алавуан, Шике, Тоньо, Андре, Баль».

Центральный комитет принимает вызов, брошенный мэрами и депутатами: «Поднятая ими реакция объявляет нам войну,— говорит он,— мы должны принять бой и сломить ее сопротивление»¹. Выборы перенесены на воскресенье 26 марта, и приняты самые энергичные меры, чтобы они не были сорваны: враждебные мэры изгнаны из их мэрий, Батиньольский вокзал занят воинскими частями, которые перехватывают все поезда, отходящие с вокзала Сен-Лазар, занятого «друзьями порядка». Варлен и Журд, которых управляющий банком водил за нос, пришли к нему вечером 22 марта с двумя батальонами, не обращая внимания на биржевых болтунов, и заставили его выдать им еще один миллион, чтобы обеспечить выплату жалованья национальным гвардейцам.

Центральный комитет передает военное командование в руки триумvirата: Брюнеля, Дюваля и Эда. Лагерь мэров и депутатов после ухода Мильера, Бенуа Малона, Дерёра и Жаклара распадается. Если Тирар и особенно одержимый Вотрен еще говорят о том, что надо «все смести», кое-кто, например Бонвале и Мелин, колеблется. Несколько мэров отправляются в Версаль, чтобы набраться сил у Национального собрания. Они появляются на трибуне президиума с трехцветным шарфом через плечо, импозантные и растроганные... «Левые» встречают их криком «Да здравствует Республика!», который правые тотчас заглушают громогласным «Да здравствует Франция! Порядок! Порядок!». Некоторые мэры с горечью возвращаются в Париж, тем более что в кулуарах Национального собрания они уловили, что там предполагают вручить командование принцу Жуанвильскому². В довершение конфуза адмирал «портомойной флотилии» Сессе, столь же взбал-

¹ «Enquête parlementaire», t. II, p. 305.

¹ «Journal Officiel», 23 mars 1871.

² См. показания Вотрена («Enquête parlementaire», t. II, p. 378) и показания Тирара (ibid., p. 341).

мошный, как и его сподвижник Ланглуа, расклеивает афишу, в которой заявляет, что Национальное собрание готово удовлетворить все основные требования Парижа:

«Мы добились от правительства и от Национального собрания: 1) полного признания ваших муниципальных свобод; 2) согласия на выборность всех офицеров национальной гвардии, включая и главнокомандующего; 3) изменения закона о просроченных платежах; 4) проекта закона о квартирной плате в пользу квартиросъемщиков для всех квартир, плата за которые не превышает 1200 франков».

Если бы это было правдой, можно бы уже вывесить праздничные флаги. Но подоплека этого комического инцидента стоит того, чтобы ее разоблачить. Господин Тьер, как наивно объясняет болван-адмирал, твердо решил не давать согласия ни на один из этих четырех пунктов, но,

«когда такие славные люди, как Тирар и Демаре, сказали ему: пойдём на эти уступки, потом мы от них откажемся, господин Тьер постарался по мере возможности поддержать добрую волю этих господ».

Вот при каких обстоятельствах адмирал составил шесть различных афиш с перечнем более или менее значительных уступок, на которые, как он думал, придется пойти в последнюю минуту, дабы избежать полного афронта в Париже, ибо Сессе был убежден, что

«при первом же выстреле митральезы со мной не останется и десяти человек; тотчас начнется паническое бегство... Если б я начал сражение, нас бы полностью раздавили, и торжествующие мятежники, не встречая никаких препятствий, дошли бы до Версаля»¹.

Итак, речь шла не о том, чтобы драться, а еще раз о том, чтобы выиграть время и воссоздать армию. Все знали, что признание «четырех пунктов» было верным средством избежать гражданской войны. Разрабатывая многочисленные варианты условий для компромисса, Сессе все время вертится вокруг этих четырех пунктов. На случай, если положение станет немного более устой-

чивым, он пишет: вот четыре пункта, на которые *мы надеемся* получить согласие. На случай, если положение ухудшится, он решительно утверждает: вот четыре пункта, на которые *мы получили* согласие. Эту последнюю версию Тирар среди неразберихи, царящей в Гранд-отеле, и отправил в печать, думая, что поступает правильно. («Я выбрал ту, которую счел наиболее полезной», — с редким цинизмом заявляет он перед парламентской следственной комиссией.)

*

Амуру, посланный с ответственной миссией в Лион¹, 24 марта сообщает о победе Коммуны:

«Мы прибыли в Лион и были тотчас доставлены в Ратушу; нам пришлось выйти на балкон под приветственные крики более 20 тыс. граждан.

Восемнадцать батальонов из двадцати четырех готовы с радостью вступить в федерацию с 215 батальонами Парижа.

Не пролилось ни капли крови благодаря предупредительным мерам, принятым временной комиссией.

Версальское правительство здесь не признают. В общем, дело народа победило, и столицей признают только Париж.

Амуру».

Провозглашение Коммуны во втором городе Франции проливает бальзам на душу членов Центрального комитета и укрепляет их волю покончить со всеми препятствиями, встающими перед ними в Париже.

Вечером 24 марта федераты держат военный совет в префектуре полиции и решают захватить мэрии I и II округов, а также вокзал Сен-Лазар². На другой день

¹ Амуру узнал о событиях 18 марта в Брюсселе, куда он уехал по делам. 22 марта он сопровождал в Рагушу некоего франкмасона, который хотел передать пожертвования для пострадавших во время осады; когда Амуру представлял его Варлену, прибыл делегат из Лиона с просьбой послать в Лион представителя Центрального комитета. По просьбе Варлена Амуру согласился взять на себя эту миссию (AN, dossier BB 24791, № 3074 573.)

² См.: Da Costa, La Commune vécue, t. I, p. 216 et suiv.

в два часа Брюнель выступает в направлении Сен-Жермен-л'Оксерруа, имея одну пушку и 450 человек из 213-го батальона под командой Прото (XI округ) Максиму Лисбонну поручено в случае надобности прийти им на помощь с подкреплениями Мэрия в Лувре находится под усиленной охраной Капитан Арно де Вресс, назначенный ее комендантом, превратил площадь в настоящий укрепленный лагерь, расставив стрелков позади луврской колоннады и во всех соседних домах Полубатальон сторонников порядка стоит в боевой готовности в квадрате, образуемом, с одной стороны, решеткой Лувра, а с другой — парфюмерным магазином Общества гигиены По солдатам Прото дают два выстрела, но оба мимо Тут Брюнель наводит свою пушку Подошедший Лисбонн следует его примеру Но когда командир орудия открывает зарядный ящик, оказывается, что они забыли снаряды! Тем не менее помощники мэра I округа Адан и Мелин при виде пушек испугались Они готовы согласиться назначить выборы на 3 апреля Брюнель настаивает на 26 марта, последней уступке Центрального комитета В конце концов приходят к соглашению выборы состоятся 30 марта И тотчас всех охватывает бурная радость Национальные гвардейцы из обоих лагерей, чуть было не начавшие схватку, смешивают ряды и шествуют в обнимку по улице Монмартр с криками «Мир заключен!» под громкие аплодисменты уличных ротозеев, толпящихся на их пути

Неподалеку от мэрии II округа кортеж наталкивается на отряд полковника Кевовилье, жаждущий продолжать борьбу В то время как Мелин, опоясанный трехцветным шарфом, кричит «Мы заключили мир! Все улажено!», Брюнель, Прото и Лисбонн проникают в мэрию, где штаб Сессе совещается с мэрами Брюнель заявляет, что, прежде чем начинать братоубийственную войну, он предлагает заключить соглашение, которое уже принято муниципалитетом I округа Несмотря на сопротивление Шельше и Вотрена и отсутствие Тирара, собрание муниципальных советников громадным большинством высказывается за соглашение и проведение выборов 30 марта Весь квартал ликует от радости По бульварам дефилируют батальоны федератов с винтовками прикладом вверх Слышатся возгласы: «Гражданской войне конец! Да здравствует труд!

Да здравствует мир!»¹ В порыве бурной радости храбрый Бонвале, мэр III округа, бросается на шею помощнику управляющего Французского банка²

Но, согласившись перенести выборы на 30 марта, Брюнель превысил данные ему Центральным комитетом полномочия Об этом Ранвье и Арнольд заявляют ночью в мэрии II округа Мэры протестуют и обвиняют Центральный комитет, что он в который раз нарушает данное слово В 3 часа утра все расходятся, обещая друг другу разрешить этот спор днем с помощью оружия

Брюнель, Эд и Дюваль начинают приготовления к общему наступлению на все бастионы «порядка» Но в последнюю минуту лагерь мэров капитулирует Причины этой внезапной сдачи всех позиций многочисленны прежде всего республиканская закваска некоторых депутатов-радикалов, напуганных только что полученным отчетом о последнем заседании версальского Собрания и слухами о введении поста «наместника королевства» Затем давление населения, которое верит в соглашение и не поймет, зачем надо убивать друг друга из-за вопроса о той или иной дате И наконец, горькое разочарование, вызванное разоблачением «утки», пущенной Сессе в его афише о «четырёх пунктах».

Адмиралу — по его же словам — остается только одно совершить «акт величайшего мужества за всю его карьеру», сказав своим людям «Возвращайтесь по домам» После чего он повесив нос отправляется пешком в Версаль, где хочет оправдаться перед Национальным собранием Но увы, верх невезения — господин Тьер дает понять наивному адмиралу, что сейчас совсем не время раскрывать секреты Тем более что, если разобраться, адмирал и господа мэры выполнили свою миссию Выборы состоятся 26-го, но если учесть время, необходимое для разбора бюллетеней и подсчета голосов, для избрания бюро и комиссий, водворения на место этого совета и всех его служб, то в Версале могут не беспокоиться до начала апреля А тогда с божьей помощью и с помощью Бисмарка у нас будет лучшая армия, какую когда-либо видела Франция!

¹ Показания Вотрена («Enquête parlementaire», t II, p 376)

² Показания де Плека (Ibid, t II, p 489)

Господа «друзья порядка» не упускают случая превознести собственные заслуги.

Сессе хвалится тем, что «дал главе исполнительной власти несколько лишних часов для перестройки армии»¹.

Тирар говорит еще более ясно:

«Главная цель, которую все мы преследовали нашим сопротивлением, заключалась в том, чтобы помешать федератам двинуться на Версаль. И я действительно убежден, что, если бы 19 или 20 марта батальоны федератов двинулись по дороге на Шатийон, Версаль подвергся бы самой большой опасности, и я думаю, что наше сопротивление, длившееся несколько дней, позволило правительству организовать оборону»².

Разве не ясно?

Вотрен, человек злобного нрава, выложил напрямик свое мнение перед монархическим большинством Национального собрания:

«Если бы мятежники, вместо того чтобы задержаться в Париже из-за выборов, пришли в Версаль, скажите мне, что стало бы с Францией?.. Вспомните, какую позицию заняли крупные французские города... Так вот! Представьте себе, что мятежники пришли бы в Версаль до того, как вы абсолютно уверились в надежности ваших войск, и скажите, что случилось бы с нами? А ну-ка! Я уверен, что неделя отсрочки, которую вы получили благодаря выборам, была спасением для Франции. Всем известно, что во время выборов в Париже никогда не бывает волнений. Это правило без исключений. Всякий раз, когда происходят выборы, каждый надеется, что ящик Пандоры вновь откроется, и все его желания осуществятся. Эти люди потеряли три дня из-за выборов, затем еще три дня на создание своего совета, и атака на Мон-Валерьян состоялась только 2 апреля. Таким образом, я и мои коллеги выиграли целую неделю... А к 2 апреля положение уже изменилось...»³

¹ «Enquête parlementaire», t. II, p. 308

² Ibid., p. 342.

³ «Enquête parlementaire», t. II, p. 377.

Это настолько верно, что сам Тьер советует Тирару, пришедшему к нему за указаниями, не противиться соглашению о проведении выборов, подписанному его коллегами. Успокоенный советами Тьера, Тирар возвращается в Париж и выпускает афишу, призывающую избирателей участвовать в голосовании. Помешать выборам было невозможно, их оттягивали сколько могли, а теперь, когда их уже нельзя избежать, надо приложить все силы, чтобы из ящика Пандоры выскочило как можно больше голосующих за версальцев.

Муниципальные выборы, происходящие в Париже 26 марта 1871 г., совершенно законны даже с правительственной точки зрения. Ведь призыв о всеобщем голосовании скреплен подписями мэров, на которых правительственным актом, подписанным 19 марта, возложена в Париже вся полнота власти. К тому же выборы проводятся с согласия главы исполнительной власти, как подтверждает в своих показаниях Тирар¹. Следовательно, Тьер готовится пустить в ход вооруженные силы против законно избранного муниципального совета.

Одной из причин того, что некоторые называли «капитуляцией мэров», был тот факт, что Версаль бросил их на произвол судьбы. «Нас бросили одних в этом пекле», — жалуется Вотрен, а Сессе говорит, что все его просьбы о подкреплении частями регулярных войск оставались без ответа. Он замечает, что Винуа со своими 10 тыс. солдатами 18 марта вынужден был отступить. Что же оставалось делать ему, горемыке, которому отказали даже выделить 300 моряков, в Париже, где Центральный комитет распоряжался как хозяин?

Действительно, в городе признавали только авторитет Центрального комитета.

«24 марта 1871 г. граждане Варлен и Буи, члены Центрального комитета, призвали гражданина Гарро Мориса, механика, для того чтобы вскрыть сейф пятого отделения Муниципальной кассы»².

¹ «Enquête parlementaire», t. II, p. 343.

² Протокол вскрытия Муниципальной кассы в мэрии Парижа 24 марта 1871 г. по приказу Центрального комитета национальной гвардии. (APP, carton 15)

Эта работа потребовала трех с половиной часов, после чего были изъяты 1 284 405 франков звонкой монетой, как показали пятеро свидетелей, присутствовавших при этой операции.

Эдуар Моро, выдвинутый ротными делегатами IV округа, отвел свою кандидатуру.

«Я получил ограниченный мандат, — пишет он, — я выполнил свои обязательства и возвращаю мандат в надлежащий день, чтобы доказать, что умею держать свое слово. Я недостаточно известен в демократических кругах и, прежде чем принять новую миссию, должен доказать свою преданность...»¹

На этот раз государственный аппарат капиталистической буржуазии не сможет оказать давление на избирательный корпус. Вооруженный народ обеспечивает искренность голосования.

Корреспондент газеты «La Vérité» отмечает, что на углу площади Ратуши и набережной были поставлены две пушки таким образом, что они могли держать под обстрелом мост Понт-о-шанж; более 50 сверкающих 7-фунтовых пушек, с полными зарядными ящиками, были выстроены перед дворцом. По площади гарцевали одетые в красную форму кавалеристы: стрелки Гарибальди, выполнявшие при Центральном комитете обязанности ординарцев.

Неопровержимым доказательством беспристрастного проведения выборов являются результаты голосования, и в частности победа реакционных кандидатов в I и II округах, наиболее реакционных во всей столице.

¹ Письмо главному редактору газеты «Le Cri du Peuple», опубликованное Фирменом Майяром. (Affiches, professions de foi, documents officiels, clubs et comités pendant la Commune de Paris, E. Dentu, 1871, p. 142.)

Законность выборов не вызывает сомнений. В выборах окружных мэров 5 ноября 1870 г. участвовало 227 529 избирателей. В выборах 26 марта 1871 г., несмотря на то что многие буржуазные избиратели покинули столицу, участвовало 248 388 голосующих. 5 ноября 1870 г. мэры, избранные в 20 округах, собрали всего 140 142 голоса. Если подытожить все голоса, поданные 26 марта 1871 г. в 20 округах за всех получивших наибольшее число голосов и избранных, это составит 173 798 голосов¹. Наконец, если ограничиться изучением первых четырех округов, то каждый избранный в члены муниципалитета 26 марта получил в среднем 7384 голоса, а в ноябре 1870 г. — всего лишь 6703 голоса.

Избранные 26 марта представляли большее число избирателей, чем те, что прошли на выборах в ноябре 1870 г.

Наиболее характерные выборы состоялись в IV округе. Значение их совершенно ясно. Мэру Вотрену² и его трем помощникам (да еще депутату-социалисту — перебежчику Луи Блану) противостояли пять кандидатов, выдвинутых одновременно делегатами одиннадцати батальонов национальной гвардии³ и Центральным республиканским комитетом 20 округов. Это Амуру, бывший член комитета по вооружению IV округа, Артюр Арну, бывший редактор «La Marseillaise», Клеманс, член Интернационала, Жерарден, маляр, член делегации Республиканского комитета 20 округов, Лефрансе, член Интернационала, бывший помощник мэра XX округа.

¹ Согласно данным, опубликованным в «Le Rappel» 2 апреля 1871 г.

² Это отъявленный реакционер, сколько раз он требовал от министра внутренних дел Пикара ареста членов Центрального комитета. Он был сторонником отмены выплаты 30 су, утверждая, что безработные могут отправляться искать работу в провинции. В спорах с Центральным комитетом он выступал как глава фракции «твердых».

³ См. афишу, воспроизведенную в: «Murailles politiques françaises», t. II.

Итак, борьба идет только между «коммуналистами» и «друзьями порядка».

В ноябре в выборах мэра участвовало 14 804 избирателя и в выборах его помощников — 10 084 избирателя. А 26 марта — 13 910 избирателей.

Голоса, полученные «друзьями порядка»:

В ноябре		26 марта	
Вотрен	9811	Вотрен	5133
Де Шатийон	8246	Де Шатийон	4991
Галлон	3907	Галлон	4743
Д-р Луазо	2268	Д-р Луазо	4849
		Луи Блан	5680

Если список кандидатов в целом получил почти равное число голосов, то стоявший во главе списка Вотрен потерял почти 5000 избирателей. «Коммуналисты», объединив свои усилия, провели всех пятерых своих кандидатов: Лефрансе получил 8619 голосов, Артюру — 8608, Клеманс — 8163, Жерарден — 8104, Амуру — 7950.

*

В III округе положение более сложное, так как позиции гораздо менее резко выражены. Мэр Бонвале искренний радикал, сторонник примирения. Его помощник Клерэ — друг Бланки, Центральный республиканский комитет некоторое время предполагал выставить его кандидатуру; его поддерживала «Ассоциация защитников республики» и «собрание республиканских избирателей». Шарль Мюра, член Республиканской лиги прав Парижа, примиритель из числа левых, после Коммуны был избран генеральным советником департамента Сена.

Центральный республиканский комитет выставил всего четыре кандидата на пять выборных мест, а именно: Антуан Арно (член Центрального комитета национальной гвардии), который стоит также в списке Отца Дюшена; Огюст Демэ, скульптор, выдвинутый также «собранием республиканских избирателей»; Кловис

Дюпон¹ (член Центрального комитета национальной гвардии) и Пенди. Амуру, кандидат IV округа, выдвигается здесь в индивидуальном порядке.

Получили на выборах в ноябре 1870 г. при 15 398 голосовавших		Получили на выборах 26 марта 1871 г. (число голосовавших неизвестно)	
Бонвале	12 031 (мэр)	Бонвале	3906
	при 10 604 голосовавших		
Клерэ	9 848 (помощник)	Клерэ	5698
Ш. Мюра	9 449 »	Ш. Мюра	5904 (избран)
Муссерон	3 781 »	Муссерон	134

Четыре кандидата Центрального республиканского комитета были избраны все: Демэ получил 9004 голоса, Арно — 8912, Пенди — 8095, Дюпон — 5752.

Амуру набрал 5697 голосов, за ним идут: старый профессор республиканец Рожар — 2796 голосов, Брион, клубный оратор, кандидат газеты «Le Père Duchêne», — 2602, Сур — 2460, Ландек — 2043, Теофиль Ферре, выдвинутый также кандидатом на Монмартре, — 1586, «рабочий Альбер», бывший член временного правительства в феврале 1848 г., кандидат «Ассоциации защитников республики», — 1539, Юдело, по списку кандидатов «собрания республиканских избирателей», — 1116, Виар и Шаванья («Ассоциация защитников республики») получили соответственно 1076 и 879 голосов и т. д. Бланки, стоявший первым в списке «Le Père Duchêne» во всех округах, получил лишь 154 голоса, кандидатура его была выставлена из принципа, чтобы добиться для него амнистии².

¹ Дюпон, Кювис Жозеф, родился 23 февраля 1830 г в Нев-Мезон (департамент Эн), рабочий-корзинщик, женат на прачке из Булонь сюр-Сен, отец четверых детей. Житель Сен Клу, он во время осады перебирается в Париж на улицу Кутюр Сен-Жерве, 14 (III округ). Он продает революционные газеты и посещал клубы (AN, dossier BB 24/854 B — 6957 S 75). В его досье в Национальном архиве он охарактеризован как человек малообразованный, произносящий пламенные речи, но ладнокровный и думающий.

² Бланки был арестован 17 марта в его убежище в департаменте Ло, где, с тех пор как был заочно приговорен к смерти, он скрывался после выздоровления.

Во II округе Тирар, избранный мэром в ноябре 7143 голосами при 12 324 голосовавших, на этот раз избран 6386 голосами при 11 143 голосовавших. Помощники его тоже избраны; первые два, Брелэ¹ и Луазо-Пенсон², выдвинутые «Ассоциацией защитников республики», прошли довольно успешно.

Ноябрь 1870 г. при 8580 голосовавших		26 марта при 11 143 голосовавших	
Брелэ	6777	Брелэ	7025
Луазо-Пенсон	4587	Луазо-Пенсон	6932
Шерон	4871	Шерон	6018

Из четырех кандидатов Центрального республиканского комитета выделяется Эжен Потье, которого поддерживают также «Ассоциация защитников республики» и группа торговцев. Он идет первым в списке и получает 4422 голоса. Трое остальных кандидатов собирают примерно одинаковое количество голосов: Серрайте — 3711, Жак Дюран³ — 3656, Жоаннар — 3639. Кандидаты из списка газеты «Le Père Duchêne» получают лишь ничтожное количество голосов (от 182 до 56).

Решительные действия Тирара были оценены буржуазными избирателями. Но блок «коммуналистов» в этом округе отныне приобретает вес.

¹ На муниципальных выборах после Коммуны он будет выдвинут против кандидатов правых и избран.

² Луазо-Пенсон, представитель синдикальной палаты красильщиков, член Республиканской лиги прав Парижа, будет арестован 25 апреля в Шартре по приказу Тьера во время своей поездки в Версаль вместе с Арманом Аданом с миссией примирения.

³ Дюран, Жак Луи, родился 20 августа 1817 г в Пезенасе (департамент Эро) Рабочий-сапожник (заготовщик), он жил в Париже на улице Сен-Дени, 307 (II округ), («Archives historiques de l'armée, 4e conseil de guerre, dossier 876») По свидетельству Фрибура («L'Association internationale des travailleurs», p. 38) и согласно показаниям перед парламентской следственной комиссией (t. II, p. 57), прежде чем вступить в Интернационал, Дюран во времена Второй империи входил в общество по искоренению нищеты, находившееся под покровительством Наполеона III (так называемое Общество гражданских инвалидов). Вийом («Mes cahiers rouges», t. IX, p. 83 et suiv) изображает его скромным тружеником, не очень красноречивым и умеренных взглядов.

В I округе, где Тенай-Салиньи был избран мэром в ноябре, получив 10 100 голосов при 10 537 голосовавших, на этот раз во главе списка «умеренных» стоит А. Адан, получивший всего 7272 голоса, тогда как число голосовавших увеличилось (11 056). Все остальные кандидаты идут следом за ним: Мелин — 7251 голос, Рошар — 6629 и Барре — 6294 голоса.

Но и здесь «коммуналисты» получают значительное количество голосов: Гранжан — 3665, Везинье — 3458, доктор Пийо — 3309 и Мио — 3219 голосов¹.

В итоге в одном этом секторе столицы, где мэры четырех округов все вместе собрали 5 ноября 39 085 голосов, 26 марта Вотрен (IV округ), Бонвале (III округ), Тирар (II округ) и Адан (I округ, где Тенай-Салиньи на этот раз не выставил свою кандидатуру) получили все вместе лишь 22 697 голосов при почти равном числе голосовавших в обоих случаях. «Коммуналисты» Артюр Арну (IV округ), Демэ (III округ), Потье (II округ) и Гранжан (I округ) их решительно побеждают, собрав вместе 25 699 голосов. Результаты выборов свидетельствуют о заметном сдвиге влево, происшедшем за четыре месяца.

Та же картина наблюдается по всей столице. Реакционеры побеждают в XVI и частично в VI и IX округах. Сдвиг влево происходит повсюду, но особенно заметен он в пролетарских округах.

Поскольку Бланки находится в руках у версальцев, а некоторые кандидаты избраны одновременно в нескольких округах², Совет Коммуны насчитывает факти-

¹ По поводу других кандидатов голоса разделились: Андриё получил 549, доктор Наппа-Пике — 319, Феликс Пиа — 195, Делеклюз — 187, Бланки — 153 голоса

² Артюр Арну (IV и VIII округа), Бланки (XVIII и XX), Делеклюз (XI и XIX), Флуранс (XIX и XX), Тейс (XII и XVIII), Варлен (XII и XVII округа).

чески 84 члена, из которых дюжина «умеренных» и с полдюжины бледных радикалов. Среди оставшихся 66 только шесть или семь сторонников похода на Версаль (Брюнель, Дюваль, Ферре, Груссе, Паризель, Тридон и, быть может, еще Эд), да и те перестали призывать к наступлению, потонув в массе более или менее решительных сторонников примирения.

Если бы Тьер хотел соглашения, он нашел бы в Коммуне муниципальное собрание, вполне готовое к переговорам... Но Тьер отнюдь не хочет компромисса. Он хочет раздавить этот «сброд». Со времени своего бегства 18 марта он только и мечтает о реванше и неустанно подготавливает его. Тьер сам подтвердил перед историей преднамеренность своего преступления в показаниях, данных им перед парламентской следственной комиссией (т. II, р. 12):

«Я был в штабе вместе с генералом Винуа (18 марта), когда пришел первый офицер, сообщивший нам, что все идет хорошо. Но позже пришли новые офицеры, они были очень удручены, и мы почувствовали, что положение становится затруднительным. И тут у меня всплыло воспоминание о 24 февраля (1848 г.) ...24 февраля, когда дела приняли дурной оборот, король [Луи-Филипп] спросил меня, что делать. Я ответил ему, что надо уйти из Парижа, а затем вернуться в него вместе с маршалом Бюжо и пятьюдесятью тысячами солдат. Мое предложение королю обсудили, но не приняли...»

Это воспоминание осталось у меня в памяти; к тому же я вспомнил пример маршала Виндишгреца, который, оставив Вену, через некоторое время вернулся в нее победителем...

Я собрал своих коллег в зале Совета... Теперь я не колебался, я помнил 24 февраля (1848 г.) и принял решение; я объявил его...»

Итак, злобный старик, отъявленный контрреволюционер, не осуществивший бойни, о которой он мечтал в феврале 1848 г., теперь, полный ненависти к парижскому народу, готовит ему к маю 1871 г. кровавую баню,

ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ НА ОРАЛА

На другой день после выборов Артюр Арну приходит в Ратушу, где еще находится Центральный комитет, чтобы узнать, когда будут объявлены результаты голосования и произойдет официальная передача власти Парижской Коммуне.

Все подходы к площади перегорожены мощными баррикадами, построенными 18 и 19 марта. Между горами булыжника выгладывают угрожающие жерла пушек и митральез. Позади сверкают штыки национальных гвардейцев.

На самой площади, внутри баррикад размещен большой артиллерийский парк — он состоит из пушек всех размеров и калибров, спешно собранных сюда отовсюду в ожидании битвы с реакцией или наступления версальских войск.

Между пушками ходят вооруженные национальные гвардейцы.

На тротуарах, вдоль стен, между колесами зарядных ящиков лежат матрацы, охапки соломы — таков временный лагерь революционной армии.

Люди держат раскрытые газеты и с увлечением читают их.

На баррикадах несколько часовых стоят возле проломов, сделанных для прохода публики, они весело помогают женщинам преодолевать препятствия и улыбаются мальчишкам, которые маленькими испачканными руками тащат булыжник или горсть земли, подправляя импровизированный вал.

Сама Ратуша тоже представляет любопытное зрелище.

Она битком набита вооруженными людьми. Внутренний застекленный двор, в середине которого поднимается двумя маршами широкая лестница из белого мрамора, превращен в громадный дортуар. Тут нельзя сделать и шагу, не рискуя наступить на спящего национального гвардейца.

Те, кто нес самую тяжелую ночную службу, теперь пристроились здесь. По краям, под галереями, маркиз-танки расставили печурки, прикатали бочонки и

продают по кусочку жареной колбасы или стаканчику водки тем, кого не удовлетворил обычный рацион.

На первом этаже, в обширном Тронном зале расставлены длинные столы, где весь штаб, офицеры, курьеры, люди, приехавшие с какой-нибудь миссией, все служащие, исполняющие ту или иную должность при Центральном комитете, завтракают или обедают в любое время; здесь люди входят и выходят непрерывной чередой.

Перед окнами стоят составленные в пирамиды ружья.

Чтобы добраться до Центрального комитета, приходится пройти семь или восемь комнат, занятых разными делегатами, которым поручено беседовать с посетителями, отвечать на их вопросы, разрешать возникшие затруднения, принимать тут же на месте неотложные решения.

У каждой двери два часовых.

На столах, где эти делегаты пишут приказы, записывают принятые решения, регистрируют всяческие требования, лежит всевозможное оружие: сабли, револьверы, шашпо.

Многие тут же едят наспех, не прекращая разговора, так как им некогда пообедать. Большинство провели здесь всю ночь. Многие не раздевались уже целую неделю.

Следующий день, 28 марта,—незабываемый праздник провозглашения Коммуны.

На сооруженной перед Ратушей эстраде, задрапированной красными полотнищами, поставили длинный стол, за который сели члены Центрального комитета в красных шарфах с серебряной бахромой, все в форме национальной гвардии.

Позади них статуя Генриха IV скрылась за веером красных знамен.

Хотя не было выпущено никаких афиш или призывов, кроме нескольких строк в газете «Journal Officiel», более 100 тысяч национальных гвардейцев, во время оповещенных, сбегались на место, заняв все прилегающие улицы.

На затопленных толпой баррикадах люди висели гроздьями.

Любопытные заполнили мансарды и даже крыши аристократических домов на улице Риволи. Окна нижних этажей в большинстве оставались плотно закрытыми. Их жильцы отсутствовали или притаились.

Ослепительное солнце освещало это внушительное зрелище, сверкая на штыках, на золотых и серебряных галунах офицеров, оно бросало снопы света на знамена всех батальонов, выстроившихся вдоль решетки, на многоцветные знамена, так как красный флаг, увенчанный пикой или фригийским колпаком, еще не успел повсюду заменить старое трехцветное знамя...

Когда Центральный комитет провозгласил имена избранных в Коммуну, когда внезапно загремели пушки, обрушив на город приветственный залп, из ста тысяч грудей вырвался такой крик восторга, такой единый и оглушительный рев во славу республики и Коммуны, что ни один из присутствовавших на этом празднике, проживи он хоть сотню лет, никогда его не забудет.

Первое заседание Коммуны состоялось в день ее провозглашения, вечером 28 марта, в Ратуше.

Это собрание возникло стихийно, ибо ни один его член не получил приглашения, сообщает Артюр Арну в очень точном отчете.

Созвать его не могло бюро Коммуны, ибо оно еще не было сформировано; сделать это должен был Центральный комитет, но он устранился.

Чувство величайшей ответственности до сих пор поднимало членов Центрального комитета над мелкими личными страстями, облагораживало сердца и возвышало умы народных диктаторов. Как только провозглашение Коммуны освободило их от этого тяжелого груза, они снова стали обычными людьми, поддались чувству соперничества, а некоторые даже стали сожалеть об утраченной власти, которую столь поспешно передали в руки избранникам парижского народа.

Итак, ничто не было подготовлено к приему этих избранников в Ратуше. Все залы были заняты людьми Центрального комитета.

Первые пришедшие сюда члены Коммуны беспомощно бродили по зданию, не зная, куда приткнуться.

Так как часовым забыли дать нужные приказы, пришедшим пришлось вести долгие переговоры перед решетчатой оградой, прежде чем им удалось проникнуть внутрь, а некоторым, чье имя или лицо было мало знакомо страже, в этот вечер пришлось удалиться, подчинившись строгому приказу охраны.

Однако к десяти часам собралось достаточное число членов Коммуны, чтобы приступить к работе.

Тогда Арну, который был помощником мэра после событий 4 сентября, вспомнил, что в Ратуше имеется зал, предназначенный для заседаний муниципального совета, и повел туда своих растерянных коллег.

Дверь оказалась запертой. Найти членов Центрального комитета было невозможно. Пришлось разыскивать слесаря. Зал, долго стоявший под замком, был покрыт слоем пыли. Ламп не было.

Наконец все кое-как уладилось, и они расселись. Тут появилась делегация из трех человек и передала им полномочия от Центрального комитета; собравшиеся члены Коммуны приняли заявление делегации благожелательно и проголосовали за резолюцию о том, что Центральный комитет заслужил благодарность республики и Парижа.

Это первое заседание¹ представляет особый интерес, ибо возникшие на нем споры, несмотря на их бессвязность, обнаруживают зародыши всех тех конфликтов, которые будут вскоре потрясать это собрание.

Делекюз отмечает, что Центральный комитет не передал им официально и прямо своих полномочий, но Лефрансе отмечает эти «пустые формальности». «Мы существуем, — говорит он, — раз об этом было объявлено». Однако собрание все же выбирает комиссию, чтобы войти в контакт с Центральным комитетом.

¹ «Les Procès-verbaux de la Commune de 1871», édition critique par Bourgin et Henriot Edition Ernest Leroux, 1924, t. I, p. 19 et suiv. Далее: «Procès-verbaux». (См.: «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», М., 1959—1960, т. 1—2).

Один из депутатов предлагает, чтобы это собрание было «скорее военным советом, чем Коммуной», и его решения оставались тайными, чтобы о них не узнали враги. Артюр Арну, Тейс, Журд и другие высказываются за гласность заседаний. В дальнейшем они настаивают на публикации отчетов о прениях в газете «Journal Officiel», но в этом вопросе уже встает во всей своей силе конфликт между «большинством» и «меньшинством», между якобинской, централистской, авторитарной и воинственной концепцией Коммуны и концепцией коммуналистской, федеративной и примиренческой. На этот раз принимается лишь одно военное решение (чисто оборонительное): занять городские ворота Пасси и Отёй силами национальных гвардейцев, верных Коммуне.

Тирар, буржуазный депутат от II округа, подает в отставку, после того как принимается решение о несовместимости мандата делегата Коммуны и депутата Национального собрания¹. Он согласился принять мандат муниципального советника, но теперь Коммуна претендует на политические функции.

— Вы за кого, за Париж или за Версаль? — спрашивают его.

— Меня наделили совершенно законным мандатом в Версале, от него я не отказываюсь. Что же касается того мандата, которым меня наделили избиратели здесь, то, во-первых, мандат этот по форме неправильно составлен, а во-вторых, вы так искажаете его смысл, что я не могу его принять.

— Вы сказали, что в Ратушу войти не так сложно, но там всякий рискует, что его убьют.

— Я попросту сказал, что никогда нельзя быть уверенным, что выйдешь оттуда...

Лефрансе предлагает не принимать отставки Тирара, а признать его мандат недействительным. Тогда Коммуна решает создать следственную комиссию для рассмотрения поведения всех мэров округов. Артюр Арну, Прото и Тейс должны войти в ее состав.

В результате этих дебатов, а также ухода Тирара буржуазные делегаты Коммуны, и в частности семь

¹ «Les Procès-verbaux», t. I, p. 24; «Enquête parlementaire», p. 343—344; J. Vallès, L'Insurgé, p. 250—251.

избранников от I и II округов, в последующие несколько дней подают в отставку¹.

«Друзья порядка» начинают впадать в уныние.

«Они отдают себе отчет,— говорится в рапорте полиции²,— что если будут предоставлены собственным силам, то не начнут никакой борьбы, потому что их ждет неминуемое поражение...

Биржа вновь становится тем, чем она была во время осады... Несколько засевших там спекулянтов не хотят начинать никаких операций, потому что думают о побеге».

Катюль Мендес набрасывает следующее комическое изображение биржи во время Коммуны:

«На широких лестницах бродило штук пять привидений, высохших, словно вампиры, месяца три не сосавшие крови; они двигались безмолвно, скользящими шагами, как тени покойников среди могил. Порой кто-нибудь из них вынимал из призрачного жилета призрачную записную книжку и записывал в ней тени слов тенью карандаша. Другие собирались кучкой, и тогда ясно слышался стук их скелетов под широкими сюртуками... Они вздыхали: «А вы помните премии? Бывало, мы делали репорты, бывало, в конце месяца получали тантьемы, тогда наши туго набитые бумажники напоминали благоденствующий живот Шарля Монселе³, а сейчас мы бродим по осколкам нашего бывшего великолепия, как тень Диомеда бродит в Помпее по развалинам своего дома. Все мы бывшие...»

Так же говорят и биржевики, вздыхая:

«Ах! Коммуна, Коммуна, отдай нам наши тантьемы!»⁴

То были дни высокого подъема, какой народы переживают лишь несколько раз в столетие. Дни, исполнен-

¹ Мелину было достаточно нескольких дней, чтобы освободиться от опьяняющего энтузиазма перед началом 24 часов Коммуны, когда он заявил Клемансо «Дорогой мой, мы совершим великие дела. Я всю ночь читал Прудона» (См. «L'Éclair», 2 mai 1913)

² APP, carton 15

³ Монселе, Шарль (1825—1888) — французский литератор и известный гастроном.— *Прим ред.*

⁴ Catulle Mendès, Les 73 jours de la Commune, p. 176—177.

ные мечтаний, безумных иллюзий, за которыми последует кровавая расплата.

•

Речи, которые произносят на собрании Федерального совета французских секций Интернационала 29 марта, свидетельствуют о недопустимом оптимизме:

Бертен.— Наша революция совершена, перекуем мечи на орала.

Гулле.— Надо оставаться бдительными.

Аме.— Установить охрану нетрудно, возобновить работу сложнее. Вернемся к орудиям труда, при первом звуке барабана мы вновь возьмемся за ружья.

Франкель.— Я поддерживаю это предложение¹.

Огюст Серрайе, приехавший из Лондона в качестве уполномоченного Генерального совета Интернационала², пишет 29 марта своей жене, оставшейся в Англии и поддерживавшей контакт с Карлом Марксом:

«То, что я узнал, ничуть не похоже на то, что рассказывают эти свиньи — английские репортеры. Вранье, будто тут не хватает денег, их не только не пришлось брать у Ротшильда, но он сам предлагал взять у него, а они не взяли. Единственное, чего еще не удалось сделать, это наладить работы мастерских. По-видимому, хозяева объявили локаут. Словом, весь Париж в наших руках во всех областях. Даже Управление почт³.

¹ «Les séances officielles de l'Internationale», p. 157—158

² Серрайе был послан первый раз из Лондона в Париж 7 сентября 1870 г. в качестве уполномоченного Генерального совета Интернационала и, вернувшись в Лондон 19 февраля 1871 г., представил отчет о положении во Франции. Затем он снова возвращается в Париж («на собственный счет», как уточняет Фрибур. «Enquête parlementaire», t. II, p. 575), где проживает на улице Сен-Дени, 380.

³ Тейс был назначен главой Управления почт Центральным комитетом, как сообщает газета «Le Cri du Peuple» 26 марта. Но прежний начальник Рампон отказался уступить ему свое место до выборов Коммуны. 30 марта, во время заседания Коммуны, пришел почтовый чиновник и сообщил, что администрация эвакуирует здание Главного почтамта на улице Жан-Жака Руссо. Тут же на заседании Тейса немедленно назначают начальником Управления почт, и вместе с батальоном гвардейцев (80-й батальон XII округа) он занимает здание Главного почтамта и тотчас организует его

Во II округе я получил 3711 голосов. Это прекрасный результат, принимая во внимание, что я был в отсутствии и что это самый реакционный округ в Париже. Я прошу г. Маркса выполнить то, о чем я ему говорил относительно принятия основных мер...»¹

На следующий день пришло более подробное письмо:

«Какая разница между Парижем, который я вижу, и тем, который нам описывали! Все спокойно. Коммуна принята всеми как свершившийся факт. Более того, ей служат с определенным рвением. Если бы рядом не было Версаля, все шло бы хорошо. На 92 избранных делегатов приходится 60 наших. Самое удивительное, что все исполняют свои должности, как будто для них это самое обычное дело: Варлен занимается финансами вместе с Комбо, который обязуется наладить работу этого ведомства. Вайян занимается внутренними делами, Эд и Дюваль — делами военными, Рауль Риго работает в префектуре полиции, словом, во всех административных учреждениях есть хоть один из наших...»

Париж не хочет больше слышать ни о реставрации, ни о компромиссах. Все идет хорошо, мы займемся деревней! Я уже об этом говорил. Реакционеры твердят, будто Маркс водит за нос французских членов Интернационала, заставляя их устраивать стачки и требовать увеличения жалованья, чтобы облегчить немецкую конкуренцию; это идиотство, однако Совет должен им ответить. Скоро пришло новые подробности.

Целую тебя и малышку.

О. Серрайе»

«Мы займемся деревней. Я об этом говорил», — пишет Серрайе. Возможно, он намекает на совет Маркса авязать крепкие связи между Парижем и деревней.

оту. (О работе почты и деятельности Тейса см. Lissagaгау, *aire de la Commune*, p. 499—503; «Les procès-verbaux de la tunc», t. I, p. 62 et 72; «Journal Officiel», 31 mars; «Les Mu- politiques françaises», t II, p. 141, 162, 185, 353, и, наконец, полную работу Бснуга Лорана «La Commune de 1871, les les Ballons, le Télégraphe», Dorbon éditeur, Paris.)
etres des Communistes et militants de la Première Interna- Bureau d'édition, Paris, 1934

Рассмотрим, как осуществляются эти связи.

Центральный комитет национальной гвардии на дру-гой же день после своего водворения в Ратуше счел нужным оправдать свои действия и выпустил «призыв к департаментам», подписанный его делегатами и напе-чатанный в «Journal Officiel»:

«И пусть провинция немедленно следует примеру столицы, перестраивается на республиканский лад и как можно скорей устанавливает с ней связь через своих делегатов»¹.

23 марта Центральный комитет объявляет:

«Национальное собрание, сбежавшее в Версаль, хочет изолировать нас от провинции; несмотря на эти попытки, к нам приехали делегаты из Лиона, Марселя, Бордо, Руана и других городов, чтобы уз-нать о нашем положении. Они тотчас уехали, чтобы информировать наших братьев и друзей в провин-ции»².

Составляя прокламацию, которую должны расклеить в Лионе 23 марта, Амуру заканчивает ее следующими словами: «Коммуна в Париже предлагает Коммуне в Лионе вступить в федерацию. Дело народа побеждает повсюду»³.

24 марта Амуру возвращается в Париж; опасаясь, как бы его не арестовали на лионских вокзалах Пер-раш или Вез, которые, как он знает, заняты войсками, он идет пешком до ближайшей станции за пределами города. Сделав доклад о выполнении своей миссии Цен-тральному комитету, он в тот же вечер возвращается в Лион вместе с гражданами Ландеком и Межи, капи-таном Моншармоном из 196-го батальона (I округ) и гражданином Сент-Илером, членом комитета бдитель-ности и солидарности 15-й артиллерийской батареи де-партаментa Сена⁴. Последним двум он поручает мис-сию:

¹ «Journal Officiel», 20 mars 1871.

² APP, carton 15

³ Подробности о миссии Амуру взяты из Национального архи-ва (dossier BB 24 791 № 30 79 575)

⁴ В списке приказов, данных Центральным комитетом между 24 и 31 марта (см. «Enquête parlementaire», t III, p 188), фигу-рирует под № 3 от 25 марта приказ о полномочиях, данных граж-данину Моро для посылки делегатов в Лион и Марсель, а также в Тулузу и Лимож.

«сговориться с федерациями Лиона и Сент-Этьенна о федеративном объединении этих крупных центров в целях сотрудничества с Парижем, единственной столицей, для установления настоящей Республики...»

Амуру вскоре едет в Марсель с Ландеком и Межи. Они приезжают 27 марта и договариваются с Коммуной Марселя. Амуру один отправляется дальше в Шалабр (департамент Од), на свою родину, а оттуда, узнав о своем избрании в Парижскую Коммуну, возвращается в столицу, поручив Ландеку помогать советами марсельскому движению, которое в конце концов было раздавлено 5 апреля, как перед тем движения в Лионе, Сент-Этьенне, Крезе и Тулузе.

6 апреля Теофиль Ферре представляет доклад Парижской Коммуне и просит, чтобы Межи «был немедленно снова послан в Марсель, где его присутствие крайне необходимо»¹. Амуру, в обязанности которого по-прежнему входит связь с Марселем, требует усиления делегации.

Коммуна решает послать в Марсель в качестве делегатов Межи, Дюпона и Коле де Тейяка, снабдив их деньгами. На другой день Гамбон делает отчет о поездке в провинцию и рассказывает подробности своего ареста на Корсике. Арестовали его вовсе не корсиканцы, а государственные чиновники, действовавшие по приказу Тьера.

«Вы все тут спите, во Франции,— говорит он,— повсюду Коммуну удалось раздавить лишь потому, что ее члены не сумели принять решительных мер. В Марселе, в Лионе, в Сент-Этьенне она наверняка устояла бы, если бы там действовали по-революционному; это должно послужить уроком Парижу...»

Другой важнейший момент — надо послать во все крупные города граждан, которые активизировали бы движение за создание Коммун и подняли бы республиканцев против версальского правительства. Только такой ценой можно спасти Коммуну².

Но к предложениям Гамбона не очень прислушиваются. Манифест, который Исполнительная комиссия

¹ «Procès-verbaux», t. I, p. 132—133.

² «Procès-verbaux», t. I, p. 140.

Коммуны после его призыва послала «населению департаментов»¹, ограничивается разоблачением клеветы, распространяемой версальцами... В нем Коммуна опровергает их утверждение, будто она хочет играть роль центрального правительства:

«Братья, вас обманывают, говоря, что Париж хочет управлять Францией и осуществлять диктатуру, которая была бы отрицанием национального суверенитета... Объединим наши усилия, и мы победим...»

Однако все же в провинцию было послано несколько агитаторов, так, например, Адольф Колле, о котором мы получили довольно точные сведения из досье с просьбами о помиловании, хранящемся в Национальном архиве².

Это рабочий-столяр, ему около сорока лет, он женат на активистке, отец двоих детей, член Интернационала, был корреспондентом «La Marseillaise» по рабочим вопросам, постоянный оратор на публичных собраниях, осужденный 9 июля 1870 года за «принадлежность к тайному обществу».

Перед поездкой по провинции он получил от Паскаля Груссе, делегата внешних сношений, и от Гамбона следующие инструкции:

1. Сообщать о своих полномочиях и о цели своей миссии только надежным политическим друзьям, которые могут быть ему полезны.

2. Установить связи с газетами, а в случае, если их не окажется, заменить их, выпуская воззвания, циркуляры, всякого рода печатные тексты, разъясняющие сущность и форму правительства Коммуны.

3. Действовать через рабочих и вместе с ними.

4. Всеми средствами препятствовать вербовке армии для Версаля».

Колле отправляется в Санс в первой половине апреля. Из Санса он пишет гражданину Кордомму³, генеральному советнику в Руане, и вкладывает в свое письмо три экземпляра программы Коммуны. Он разъезжает по всему району из края в край, от Монтаржи

¹ «Journal Officiel», 7 avril 1871.

² ВВ 24/783.

³ Впоследствии приговоренному к двум годам тюрьмы за «восхваление восстания 18 марта».

до Труа, от Жьена до Вильнёв-л'Аршевека, от Вьерзона до Невера и возвращается в Санс только 27 мая. У него изъяли оружие и тридцать коробок патронов.

Газеты Коммуны проникают в парижские предместья, находящиеся под контролем версальцев. Так 31 марта газетчик Мениль распространяет газеты «Le Cri du Peuple» и «Le Père Duchêne» в Мёдоне.

«Следует отметить, — говорится в рапорте полиции, сообщающей об этом факте¹, — что жители Мёдона прямо рвали принесенные Менилем газеты друг у друга из рук и за какие-нибудь полчаса газетчик продал не меньше шестидесяти экземпляров».

Пропагандистские материалы Коммуны распространяются не только профессиональными газетчиками вроде Мениля, но также и добровольцами, как, например, гражданин Маньер.

Мари Леони Дешан, вдова Маньера, парижская учительница, родилась в Маре-сюр-Тиль (департамент Эна), 11 апреля 1842 года; она была задержана 16 апреля на дороге в Сен-Клу, близ Севрского понтонного моста, у нее нашли 11 экземпляров афиши с «призывом к населению департаментов», двадцать других литографических текстов, по несколько экземпляров газет «Le Cri du Peuple» и «Le Mot d'ordre» и множество писем; хотя она «уверяла, что послана делегаткой от женщин Коммуны, чтобы поговорить с версальским правительством, однако на деле пыталась разложить войска², говоря, что солдаты не должны стрелять в своих братьев, а должны воткнуть штыки в землю»³.

Бывало, что помимо пропагандистской или разведывательной миссии поручали организовать саботаж, как видно из следующего рапорта, написанного 29 апреля гражданином Теофилом Валле, живущим в Париже на улице Кампань-Премьер, 9 (XIV округ)⁴.

¹ APP, carton 15.

² Рапорт полиции Коммуны отмечает другую, на этот раз удавшуюся попытку переманить солдат на свою сторону — в Аньере, в ночь с 12 на 13 апреля: «Воинская часть из департамента Сена и Уаза пришла, чтобы присоединиться к нашим войскам. В ее рядах царит самый здоровый дух.» (Dauban, Le Fond de la Société sous la Commune, E. Plon et Cie, 1873, p. 89.)

³ APP, dossier Ba 1035.

⁴ Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.

«Отправился из Парижа 23 апреля через Сен-Дени, Гроле, Монманьи, Сен-Брис, Монморанси, Ангьен. Заночевал в Ангьене. Все эти дороги заняты пруссаками. Большинство жителей за Коммуну... Понадобилось добыть пропуск в Ангьене для перехода в департамент Эр. Прошел через Сен-Грасьен, Аржантёй, Саннуа. Мулен-д'Оржемон охраняется пруссаками. Охрану Аржантёйя несет национальная гвардия. Жители все преданы нашему делу. Из Безона такие же сведения. Везине в руках у пруссаков. Чтобы добраться до Ле-Пека, приходится садиться на паром или лодку. Переправиться туда трудно. Полицейские, жандармы и части всех родов войск. Необходимо иметь пропуск, тщательно обыскивают всех с головы до ног... Добрался к 11 часам вечера до машины в Марли, провел ночь в сорока метрах от машины. Сен-Жермен занят солдатами разных частей, около 3500 человек. Солдаты деморализованы; жители тоже, город как будто в трауре. Съестные припасы вывезти нельзя. Деревенские жители возмущены, они не знают, что делать с продуктами. У ворот Сен-Жермен с крестьян требуют пропуск, подписанный их мэром; большинство возвращается назад со своими товарами.

Выполнить нашу задачу с помощью французских ключей невозможно, но если бы мы могли добыть пикриновой кислоты, нам, быть может, удалось бы взорвать машину¹, хотя патруль обходит ее каждые четверть часа².

Марли, Мальмезон, Рюей и Нантер оккупируют примерно 6 тыс. человек. Здесь стоит артиллерия регулярных войск, даже артиллерия Шёльше³, и вы-

¹ Машина в Марли была построена при Людовике XIV, ее колеса с лопастями гнали воду из Сены к Версалю.

² Мы нашли в Военно-историческом архиве (carton Ly 25) и другие планы саботажа: «Если устроить взрыв на одной из железнодорожных линий, каждый день снабжающих Версаль продуктами, взорвать мост или туннель, Версаль был бы лишен возможности продолжать борьбу. Для этого довольно трех преданных людей Привет и братство». Или еще: «Перекройте реку в Париже вверху и внизу по течению, чтобы преградить путь канонеркам с Сены».

³ Командующий артиллерией национальной гвардии. Оставленный версальским правительством на прежней должности после 18 марта.

соты Буживаль-Лусвьенна тоже охраняются артиллерией.

В Мальмезоне расположен артиллерийский парк. Я не смог выяснить, насколько значителен этот парк. Мы провели две ночи в лесах Пуасси и Мальмезона и одну ночь в лесу Везине.

В Париж мы вернулись той же дорогой. Те же настроения у жителей».

Некоторые члены Коммуны не прочь совершать поездки в провинцию. Так поступил Адольф Клеманс, который 18 апреля пишет из Флиппера (департамент Орн) некоему «дорогому Альфреду»:

«Из Сен-Дени я добрался на поезде до Эрбле, а затем пешком, под проливным дождем, до Конфлана, где с большим трудом нашел себе ночлег (в амбаре), так как все постоялые дворы забиты беженцами из Парижа. На следующий день, в 5 часов утра, все так же пешком, я отправился в Пасси; отсюда, уже на поезде, доехал до Легля, где пробыл до шести часов, так что добрался в Бриуз только к десяти часам вечера»¹.

Затем следуют длинные рассуждения по поводу клеветы, распространяемой во всех «глухих углах провинции» версальской прессой.

22 апреля фармацевт Жюль Мио, депутат от XIX округа, ветеран 1848 г., открывает в Коммуне очень интересные дебаты о связях с провинцией², требуя посылки в департаменты делегатов, чтобы вызвать и усилить революционное движение. Он зачитывает сообщение, полученное им из Кона (департамент Ньевр), где недавно началось антиверсальское движение, и говорит: «Необходимо, чтобы вы ясно высказали Франции, какую позицию вы намерены занять по отношению к стране и собираетесь ли вы поощрять и поддерживать подобные движения».

Тут сталкиваются две точки зрения. Алликс говорит: «Они также вольны, как и мы [действовать] в провинции по-своему!» Бабик возражает против посылки революционеров, ибо это ослабит Париж.

Доктор Паризель, напротив, стоит за посылку деле-

гатов, так как «лучший способ вести войну, это организовать диверсию в тылу врага». Виктор Клеман подчеркивает, что в Бургундии «все были настроены против Версаля, но никто не знал, что делается в Париже». Юрбен считает, что нельзя оставлять свободное поле деятельности для реакции, а надо посылать в провинцию верных людей (но не из членов Коммуны), чтобы распространять там революционные газеты и материалы.

Варлен, председатель этого заседания, указывает, что министерство финансов выделило фонды для посылки таких делегатов, что вопрос этот поручен Комиссии внешних сношений и незачем заниматься им на этом собрании.

— Вы ошибаетесь! — возражает Жюль Мио. — Вопрос заключается в следующем: должны ли мы советовать провинции сохранять спокойствие или мы должны призвать наших братьев подняться в защиту наших прав?

Собрание решает прекратить прения, несмотря на протесты Ледруа. Но Серраиэ требует, чтобы, прежде чем перейти к следующему вопросу, было вынесено решение относительно предложения Мио.

Варлен отвечает, что уже сделано все, что надо: вопрос передан в компетентную Комиссию; но добавляет при поддержке большинства членов коммуны: «Пускай провинция делает то же, что сделали мы!»

Все та же мысль, уже высказанная в декларации Коммуны «К французскому народу» от 19 апреля:

«Наши враги обманываются или обманывают страну, когда обвиняют Париж в том, что он хочет навязать свою волю и свое главенство всей нации и претендует на диктатуру, которая была бы настоящим преступлением против независимости и суверенитета других коммун... Пусть Франция заставит прекратить этот кровавый конфликт! Именно Франции надлежит разоружить Версаль, торжественно выразив свою непреклонную волю»¹.

Слова эти оказывают известное влияние на поведение больших городов во время муниципальных выборов в апреле месяце. Министр юстиции Дюфор 26 апреля

¹ APP, dossier Ba 1013

² «Procès-verbaux», t. I, p. 362—365.

¹ «Journal Officiel», 20 avril 1871.

утверждает перед Национальным собранием, что провинциальные муниципальные советы действуют согласно полученному из Парижа приказу, что муниципальный совет Оша (департамент Жер), например, требует от него немедленно предложить перемирие, а также требует роспуска избранного 8 февраля Национального собрания, поскольку его полномочия исчерпаны.

24 апреля Шален утверждает, что в Мансе уже две недели назад была провозглашена Коммуна и что два линейных полка, посланных в Ренн, присоединились к населению¹. Кирасиры, посланные против этого города, были вынуждены сложить оружие. В департаменте Луаре народ поднимается². Шален, член Комиссии общественной безопасности, разослал по провинции некоторое число делегатов. 24 апреля он посылает в Бретань делегата, чтобы расклеить в Мансе, Ренне, Бресте и по всему побережью манифест Коммуны. «Я направил также граждан на восток, на юг — словом, всюду понемногу», — говорит он.

На том же заседании Арно утверждает, что 1500 экземпляров программы Коммуны были распространены в Лионе, где движение, кажется, приняло «ярко выраженную форму». — говорит он. Режер приводит аналогичные сведения о Бордо³.

Коле де Тейк был, кажется, образцовым делегатом Коммуны в провинции. Гастон Коле де Тейк родился в Париже 5 июня 1840 г., его отец был награжден медалью Св. Елены, а сам он кавалер ордена Почетного легиона, литератор, был секретарем «Энциклопедии XIX

¹ «Procès-verbaux», t. I, p. 431—432

² Рапорт префекта департамента Луаре («Enquête parlementaire», t. I, p. 574) сообщает о «вовремя подавленных» волнениях в городе и округе Монтаржи, в которых главную роль играли железнодорожники, и о более «мелких» волнениях в апреле и мае в округе Жьен.

³ В своем рапорте первый председатель апелляционного суда в Бордо («Enquête parlementaire», t. I, p. 457) упоминает Поля Лафарга как завсегдатая «ночных заседаний» Интернационала, называет среди делегатов Парижской Коммуны в Бордо Межи и Маршана, указывает, что 16 апреля было первым днем волнений в этом крупном юго-западном городе, сожалеет об избрании четырех членов Интернационала в муниципальный совет и сообщает о крупном мятеже в Периге, начатом железнодорожными рабочими, применившими силу, чтобы помешать отправке бронированных вагонов для осады Парижа.

века», сотрудником газет «Le Temps» и «Le Courrier Français», после чего основал журнал «L'Athée». В феврале 1869 г. и в мае — июне 1870 г. он подвергался репрессиям со стороны бонапартистских властей за выступления на публичных собраниях, которые считали крайне опасными. Во время войны он вступил добровольцем в полк зуавов Луарской армии. После 18 марта он помогал Раулю Ригу реорганизовать службы префектуры полиции.

Парижская Коммуна выбрала его вместе с Дюпоном, чтобы усилить делегацию, посланную для связи с Марсельской Коммуной. 24 апреля он пишет Дюпону:

«Вот уже три дня, как я в Лионе; я приехал сюда после того, как пересек всю Швейцарию, где, как надеюсь, вызвал движение, которое вскоре заявит о себе, выпустив манифест от имени Интернационала и всех рабочих обществ в поддержку Парижской Коммуны.

В Лионе, несмотря на некоторое разочарование — неизбежное следствие мартовской неудачи, — нет недостатка в революционных элементах. Я встретил там Альбера Леблана и Шарля Дюмона, писателя, сотрудника газеты «La Petite République Française», прежде находившегося под надзором полиции, бывшего делегата Коммуны, оба они много и хорошо поработали.

Мы надеемся организовать движение в течение ближайшей недели, а рабочие делегаты из района Тарара, Сен-Рамбера и др. обещают нам подняться по нашему первому сигналу.

Леблан и Дюмон основали газету «Le Cri du peuple lyonnais», — ее охотно читают, и это усиливает движение. (Зайдите в финансовое ведомство и пришлите мне денег.)¹

В тот же день он представляется мэру города Лиона в качестве делегата от Парижской Коммуны и предъявляет ему мандат, подписанный Тридоном, Вайном и Межи. Затем он дает мэру указание выпустить прокламацию и призвать своих подчиненных не принимать участия в муниципальных выборах, назначенных правительством. Вечером он рассказывает об

¹ АРР, dossier Ba 1003.

этой встрече на публичном собрании в лионском зале Валентино:

«Сегодня я отправился с риском для жизни к вашим муниципальным советникам, чтобы спросить у них, хотят ли они Коммуну. Хотят ли уважать право и свободу трудящегося? Знаете, что мне ответили ваши прекраснородушные советники? Они ответили «да», но они не могут подписать ни одной из предложенных им программ, потому что, говорят они, их избрали всеобщим голосованием, так же как и Национальное собрание в Версале, они в одинаковом положении». Далее Коле де Тейяк рассказывает, что ему угрожали арестом и он избежал этого, только выхватив револьвер, и в заключение говорит: «Лионцы, если вы будете по-прежнему безмятежны и не начнете революцию, вы дадите умереть Парижу. Вот почему, граждане, я приехал к вам со своими друзьями, чтобы сказать: если сердце еще бьется у вас в груди — вы должны совершить революцию. Если вы этого не сделаете, значит, вы больше не лионцы 1834, 1848 и 1851 гг.».

29 апреля Дюмон произносит на публичном собрании аналогичную речь:

«Если завтра, вместо того чтобы опускать бюллетени в урны, вы не сделаете из них пыжи для ваших ружей, вы просто трусы!»¹

На другое утро начинается восстание в Гийотьере и Круа-Русс². Понадобятся пушки, чтобы его усмирить.

*

В деревни через тысячи каналов проникает обращение Коммуны «К трудящимся деревень!», умело написанное подругой Бенуа Малона³.

«Брат! Тебя обманывают. У нас с тобой одни интересы... Вот уже почти целый век, крестьянин, бедный поденщик, тебе твердят, что собственность — это священный плод труда, и ты этому веришь». В обращении доказывается, что если бы это была

правда, то работающий сверх меры крестьянин был бы богат; однако богаты как раз бездельники, а трудящиеся остаются бедными. «Таково общее правило, остальное — лишь исключение. Это несправедливо. Вот почему Париж... волнуется, требует, восстает; он хочет изменить законы, которые дают богачам всю власть над трудящимися... Помогите же ему одержать победу и, что бы ни случилось, хорошенько запомните эти слова, ибо в мире будут происходить революции до тех пор, пока они не сбудутся: землю — крестьянину, орудия труда — рабочему, работу — для всех»¹.

По инициативе народных масс была создана оригинальная форма связи между Парижем и провинцией. Организовывались департаментские ассоциации, в которых объединялись парижане, приехавшие из одного департамента², а в начале апреля была создана Федерация департаментских ассоциаций. Она поместилась на улице Биржи, а запись в ассоциации велась в мэриях и мировых судах³. Федерация ставит себе задачей осуществить союз между Парижем и провинцией, всеми средствами распространяя там правду о происходящих событиях и пропагандируя принципы коммунальной независимости. 17 мая эта федерация заявляет о своем желании издавать политическую газету «La Fédération des communes de France» — орган социальной демократии (в издательстве Шеллера, улица Монмартр, 10).

Около середины апреля депутат Мильер организует Республиканский альянс департаментов, который помещается в доме № 2 по улице 4 Сентября и быстро разворачивает свою деятельность. Общее собрание состоялось 22 апреля в большом амфитеатре Консерватории искусств и ремесел, улица Сен-Мартен, 292⁴, а 30 апреля проводят большой митинг во дворе Луврского дворца с участием Лефрансе.

¹ «La Sociale», 3 mai.

² «Journal Officiel» от 5 апреля публикует призыв «Лиги освобождения», объединяющей выходцев из Эльзаса и Лотарингии, помощником секретаря которой избран Фрибур (улица Сен-Мартен, 26).

³ См. программу, опубликованную инициативной комиссией, в «Municipalités politiques françaises», t. II, p. 212. В этой инициативной комиссии Эжен Потье представлял департамент Сена.

⁴ «Municipalités politiques françaises», t. II, p. 305.

¹ O. Testut, L'Internationale, t. II, p. 131.

² Предместья Лиона.— Прим. ред.

³ Леодиль Шампсе, литературный псевдоним Андре Лео.

«Толпа так велика,— сообщает информатор Центрального комитета¹,— что мне удастся схватить на лету лишь кое-какие отрывки речей».

Вот примерно, что он услышал:

«„Париж хочет иметь свою Коммуну, он должен ее иметь, и она будет. (Аплодисменты, крики: «Да здравствует Коммуна!») История скажет о господине Тьере, что он был злым гением Франции. (Аплодисменты.) Приходите к нам, братья из провинции, и вы увидите, что надо говорить не Париж-убийца, а Париж-великомученик. (Оглушительные крики: «Да здравствует Париж!» Люди жмут друг другу руки и обнимаются.) Они убивают наших жен и детей, а мы не смеем кричать о возмездии! Но тогда мы будем такими же трусами, как и они!» (Крики: «Смерть убийцам! Да здравствует Коммуна!») Собрание заканчивается в три часа. Толпа расходится в сильном возбуждении».

Собрания департаментских ассоциаций множатся: собрание Демократического комитета департамента Сомма 30 апреля в школе Тюрго на улице Тюрбиго, 67; собрание граждан департамента Ньевр 3 мая в коммунальной школе на улице Жан-Лантье (IV округ); собрание республиканской федерации департамента Рона 7 мая в Консерватории искусств и ремесел². Два собрания созываются в воскресенье 21 мая: граждан департамента Сена и Марна (в зале Благотворительного общества, авеню Виктории) и департамента Канталь (в школе Тюрго), и одно 22 мая: граждан департамента Верхняя Гаронна (в школе Тюрго). «Journal Officiel» от 21 мая сообщает о создании Республиканского комитета граждан департамента Ланды, который будет помещаться на бульваре Бонн-Нувель, 31.

Манифест, выпущенный парижанами, родившимися в департаменте Уаза³, скрепленный сорока шестью подписями, написан мужественным «языком патриотизма, созревшего в тяжелых испытаниях».

«Париж,— говорится в этом тексте, где развертывается детальная аргументация,— не восстает про-

тив Франции, но требует своего права; он не думает ни отделяться от департаментов, ни проявлять над ними какого-либо господства... Довольно битв, довольно убийств! Пусть наступит примирение... Братья, во имя человечества, во имя отчизны довольно крови, довольно жертв!..»

Дебаты 1 мая в Коммуне показывают нам, что Амур отправляет каждый день в 6 часов утра газету «Journal Officiel» с четырех вокзалов в Лион, Брюссель и в Голландию¹. В Бельгии пропаганда Коммуны очень активна. В депеше из Кале комиссар полиции просит министра внутренних дел об аресте в этом городе некоего бельгийца, везущего из Парижа в Брюссель «массу писем», обращений к бельгийскому народу и газет². 4 мая в мэрии I округа открылось бюро по записи добровольцев для формирования корпуса бельгийских волонтеров, проживающих в Париже³.

Муниципальные выборы 30 апреля в крупных городах носили явно республиканский характер⁴. Паскаль Груссе, делегат Комиссии внешних сношений, с радостью констатирует это на заседании Коммуны 3 мая⁵. Артюр Арну делится новостями, полученными им из Лилля, где по республиканскому списку был только что избран генерал Федэроб. В заключение дебатов Паскаль Груссе просит членов Коммуны, у которых есть на примете верные люди, искренние республиканцы, присылать их в комиссию, которая использует их для пропаганды в провинции.

К числу таких миссионеров принадлежит Франсуа Арно Буссар⁶. Он родился 21 мая 1826 г. в Корбиньи (департамент Ньевр), служит в канцелярии коммерческого суда департамента Сена и живет на улице Реомюра, 28 (II округ). Он входит в 22-й батальон нацио-

¹ «Procès-verbaux», t. II, p. 18.

² APP, dossier Ba 931.

³ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 416.

⁴ «Journal Officiel» 3 мая сообщает результаты голосования в Бордо, 4 мая — результаты голосования в Лилле, Аррасе и нескольких коммунах департамента Сена и Марна. В Мансе результаты голосования встречены криками: «Да здравствует Париж!» (Рапорт префекта департамента Сарта. «Enquête parlementaire», t. I)

⁵ «Procès-verbaux», t. II, p. 88

⁶ AN, dossier BB 24/744.

¹ Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.

² «Murailles politiques françaises», t. II, p. 448.

³ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 390

нальной гвардии (IV округ). Коммуна посылает его в качестве гражданского делегата в департамент Ньевр вместе с 23 другими гражданами, уроженцами этого департамента. Его экипируют и выдают жалование за десять дней. Он уезжает из Парижа 15 мая с пропуском, подписанным Риго и Паскалем Груссе. В Кламеси он присоединяется к Куро и Лагранжу, которые выехали вперед на разведку. Здесь они дожидаются оружия, которое им должны привезти из Невера. Однако вскоре версальцы входят в Париж, и миссия их становится бессмысленной¹.

Чтобы доставлять директивы и газеты в провинцию, все средства хороши. Таким образом, 4 мая достопочтенный .: Тирифок отправляет с площади Ратуши воздушный шар с инструкциями для масонских лож в провинции². Каждые четверть часа циркуляры вываливаются из круглого железного приспособления, заменяющего гондолу³. Служебный рапорт полицейского Бриссо (дантированный 5 мая, Версаль) отмечает падение в Роменвиле воздушных шаров, запущенных Коммуной⁴.

Чаще всего речь шла о шарах из очень легкой и прочной бумаги, наполненных светильным газом, примерно трех метров в диаметре⁵. Сообщают, что с их помощью пересылали манифест Республиканского альянса департаментов и призыв парижских трудящихся «К трудящимся деревень»⁶.

Этот краткий обзор связей Парижа с провинцией во время Коммуны отнюдь нельзя считать исчерпывающим. Некоторые факты были собраны нами во время исследований, посвященных почти исключительно изучению жизни четырех кварталов Парижа в течение этого периода. Но стоит прочитать материалы парламентской следственной комиссии о восстании 18 марта

¹ 24 ноября 1871 г. Буссар был приговорен к простой высылке, но ее заменили семилетним заключением. Он отбывал наказание на острове Бель-Иль до 14 февраля 1878 г.

² AN, dossier BB 24/859.

³ «La Vérité», 8 mai.

⁴ APP, dossier Va 1015—1016.

⁵ См интересную главу о воздушных шарах в книге: B L a u r e n t, La Commune de 1871, les Postes, les Ballons, le Télégraphe, p. 117—123.

⁶ «Le Petit Moniteur», 16 mai.

(«Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars») ¹, многочисленные рапорты первых председателей апелляционных судов, префектов и начальников жандармерии, чтобы убедиться в симпатии, которую проявляло большинство провинциальных городов к Парижской Коммуне. Движение солидарности, поддержки коммунаров получило широкое распространение по всей Франции. В докладе о мятежных выступлениях в провинции, представленном Национальному собранию 4 сентября 1871 г. виконтом де Мо, сообщается о многочисленных попытках помешать отправке подкреплений версальцам, о содействии коммунарам служащих железных дорог, о красном знамени, поднятом над Авиньоном, Монтаржи, Фонтенбло и Монтеро, о связях Парижа с Коммунами Нарбонна и Марселя. Расследование указывает:

«Даже там, где внешний порядок не был нарушен, не только города, но даже *целые департаменты были готовы примкнуть к Коммуне, если б она еще продолжалась*, таковы Вар, Воклюз, Ардеш, Савойя».

Итак, нельзя сказать, что Парижская Коммуна не проявляла интереса к провинции, что она недооценивала необходимости ее поддержки. Если она была разбита, то лишь потому, что после победоносного восстания 18 марта не сумела немедленно воспользоваться результатами своей победы и, предприняв ночной бросок и окружив Версаль, одним ударом разбить центральный государственный аппарат реакционной буржуазии. Она этого не сумела или, вернее, не захотела, потому что верила в силу своего примера, и ограничилась лишь тем, что призвала провинцию последовать ее примеру и объединиться с ней в свободной федерации коммун Франции. Но как могли бы провинциальные коммуны справиться с репрессивным аппаратом версальского правительства, если это не удалось самой столице?

Несмотря на то что министр юстиции Дюфор 23 апреля приказал своим прокурорам преследовать писателей и журналистов, поддерживающих Коммуну, выборы 30 апреля привели к власти в больших городах муниципалитеты, враждебные версальскому правительству. «La Tribune de Bordeaux» предложила тогда созвать конгресс всех городов Франции, чтобы покончить с гражд-

¹ Tome I.

данской войной, обеспечив муниципальные свободы и республику. Лион выступил с аналогичной программой, пригласив все муниципалитеты прислать своих делегатов. В Монпелье уже стали собираться представители главных городов департамента Эро. Дело шло к созыву конгресса коммун Франции, что могло стать преддверием к Национальной федерации муниципалитетов...

Провинция хочет подражать Парижу, но центральная власть, не свергнутая Парижем, мешает провинции действовать.

«Правительство предало бы Национальное собрание, Францию и цивилизацию [не менее того! — М. Ш.], если бы позволило создать наряду с законной властью, избранной на основе всеобщего голосования, очаги коммунизма и мятежа», — пишет версальская «Journal Officiel» 8 мая.

Тьер приводит в действие префектов и генеральных прокуроров, чтобы помешать подготовительным собраниям конгресса в Бордо и арестовать муниципальных деятелей, которые туда направляются. Он угрожает раздавить Лион, направив туда 30 тыс. солдат. Посредством угроз, хитрости и насилия государственный аппарат навязывает свою волю и разбивает все попытки провинции оказать помощь Парижской Коммуне

Отныне окруженный Париж обречен на участь любого города, который больше не может надеяться на помощь извне.

*

Первые заседания Парижской Коммуны посвящены спорам с Центральным комитетом, разным организационным мероприятиям (назначению специализированных комиссий и Исполнительной комиссии из семи членов, в число которых вошел Лефрансе), выработке текущих мер (смещение чиновников, признающих правительство Версаля¹, назначение пособий семьям попавших в плен

¹ 30 марта начальник тюрьмы Консьержери В. Фонтен дает своему персоналу следующую директиву, которая показывает, какие колебания переживали многие высшие чиновники в результате приказа об отступлении в Версаль, полученного всеми представителями администрации 18 марта;

мобильных гвардейцев, общая отсрочка квартирной платы за последние три терма [квартала], приостановка продажи вещей, заложенных в ломбарде) и утверждению принципиальных позиций (декрет об отделении церкви от государства и как следствие — отмена бюджета культов).

29 марта состоялись политические дебаты первостепенной важности¹. Клеман требовал, чтобы Коммуна не брала на себя функций политического правительства, Уде, напротив, настаивал на принятии энергичных мер против агентов реакции, а доктор Паризель предлагал обратиться с призывом к провинции. Шален и Паскаль Груссе предлагают провозгласить роспуск Национального собрания в Версале, но Тейс возражает: конечно, Национальное собрание нам мешает, говорит он, но достаточно потребовать от него, чтобы оно удалилось во имя нашей автономии, а мы не должны выходить за рамки наших коммунальных прав. Эдуар Вайян говорит, что надо сделать это дело без лишних деклараций. Необходимо, чтобы Национальное собрание исчезло, иначе погибнет революция. «Надо, — говорит он в заключение, — упрочить нашу революцию. Надо заставить реакцию первой напасть на нас, тогда мы будем сильны».

Тьер не нуждается в советах Вайяна, чтобы подготовить нападение. 1 апреля он заявляет Национальному собранию, что война уже началась и «скоро будет организована одна из самых лучших армий, какими когда-либо владела Франция». Вот уже несколько дней версальская кавалерия прошупывает аванпосты феде-

«Исходя из основного долга, всякий чиновник, к какому бы ведомству он ни принадлежал, не может покинуть доверенный ему пост, пока не получит точного приказа от начальника, которому он подчинен, я до сего дня считал своим долгом оставаться во главе Консьержери и вместе с вами следить за людьми, которые могли бы подвергнуть общество великим опасностям, если бы были выпущены на свободу, а это легко могло произойти, если бы все мы покинули наш пост. Сегодня линия моего поведения определилась, и перед лицом афиши, приглашающей нас впредь подчиняться только Коммуне, мы должны отступить в Версаль, к единственному правительству, которое обязан защищать всякий честный гражданин». (Напечатано в «L'Opinion nationale», 3 avril 1871, Bibliothèque nationale, périodiques Lc 22974.)

¹ «Procès-verbaux», t. I, p. 49—50 (См русское издание: «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», М., 1959, т. I, стр. 40—42)

ратов в Шатийоне, Пюто и Курбеуа. 2 апреля разведчики федератов смертельно ранят главного врача версальской армии, который отправился верхом в разведку к Курбеуа. В полдень на казарму в Курбеуа нападают три бригады. Федераты, значительно уступающие им числом, вынуждены отойти к Нёйи, оставив двенадцать убитых и несколько пленных в руках версальцев. Жандармы вскоре расстреливают пятерых из них у подножия Мон-Валерьяна, открывая, таким образом, кровавый счет расправ без суда.

В Париже, несмотря на звуки канонады, никто не хочет верить в нападение. Когда прибывают первые санитарные повозки, все ошеломлены, затем следует взрыв негодования. В мгновение ока вновь воздвигают баррикады и тащат пушки к западным воротам. Батальоны выходят из предместий — музыканты впереди, флаги по ветру — и двигаются по улице Риволи и по улице Руаяль к площади Согласия, где статуи французских городов все еще завешаны траурным крепом¹. При виде статуи Страсбурга, украшенной красными знаменами и иммортелями, раздается крик, подхваченный тысячей голосов: «На Версаль! На Версаль!»

На улицах мальчишки распевают злободневный припев:

К оружию! Двинем на Версаль,
Поднимем на штыки скорей
Малютку Тьера и его друзей!

Горя энтузиазмом, Э. Моро трепещущей рукой набрасывает записку другу: «Мы идем на Версаль...»²

Исполнительная комиссия, в отсутствие Тридона (по болезни) и трех генералов: Дюваля, Эда и Бержере, выпускает возмущенную прокламацию:

«Роялистские заговорщики напали на нас.

Несмотря на умеренность нашей позиции, они на нас напали...»

Несмотря! Следовало бы сказать: благодаря... Вскоре все узнают, во что обходится в 1871 г. надежда создать мирным путем федерацию коммун Франции.

¹ См.: *Vuillaume, Mes cahiers rouges*, t. V, p. 185 et suiv.

² Факсимиле в книге «*Mes cahiers rouges*», t. VIII, p. 143.

Под давлением своих батальонов Эд, Дюваль, Бержере и Флуранс стихийно решают идти в поход на Версаль. Стратегический план хорош: три колонны, выйдя из Нёйи, Мёдона и Шатийона, должны окружить город. Но национальная гвардия, прекрасно приспособленная для обороны внутри городских укреплений, в других условиях — не армия. Артиллерия, кавалерия, связь у нее еще не организованы. Поход крупными силами на Версаль, который мог удался 19 марта, когда правительственная армия была в полном расстройстве, а Национальное собрание в панике, теперь, две недели спустя, уже не может иметь успеха при встрече с армией, которую вновь прибрали к рукам и усилили. Они думали повторить прогулку, проделанную 5 и 6 октября 1789 г., думали — вопреки вчерашней атаке, — что «наши братья-солдаты» будут брататься, как и 18 марта. Думали даже, что пушки Мон-Валерьяна поддержат их наступление, направив свой огонь на Версаль¹; но из форта открыли стрельбу по колонне федератов. Раздаются крики о предательстве, людей охватывает паника, но Флуранс продолжает наступать и находит смерть в этой безрассудной вылазке.

Другие колонны также терпят поражение. Колонна Дюваля раздавлена на плато Шатийон, а ее начальник расстрелян; Эд, у которого всего шесть пушек, останавливается на высотах Мёдона.

Федераты, которые думали о военной прогулке, должны драться один против двоих! Их боевой задор разбивается о железную дисциплину версальской армии.

Это первое поражение имеет множество последствий. Лефрансе, очень недовольный тем, что военные операции были начаты военными руководителями вопреки поражениям гражданских членов Исполнительной комис-

¹ Жюль Валлес объявил в «*Le Cri du Peuple*» от 22 марта о взятии форта на основании простого заявления Люлье. Однако Центральный комитет знает, как обстоит дело, ибо одним из мотивов отставки Люлье 23 марта было невыполнение им приказа занять форт. Кроме того, 1 апреля начальник штаба Анри просит командира 259-го батальона, занимающего аванпосты в Курбеуа, приложить все усилия, чтобы «найти какого-нибудь мастерового, работающего в Мон-Валерьяне, и узнать через него, какова численность занимающих его войск и что это за войска».

сии, выходит из этой комиссии¹. Дополнительные выборы, назначенные на 5 апреля, отложены; декрет об обвинительном жюри и заложниках принят единогласно, чтобы остановить расправы с пленными федератами.

Сообщение о казни Дюваля потрясло Коммуну: Ригго предлагает расстрелять арестованного накануне архиепископа. Другие предлагают отворить тюрьмы и впустить туда народ, который сам учинит расправу. Прото, делегат юстиции, поддержанный Лефрансе и Делеклюзом, просит учесть, что в тюрьмах сидят не только враги Коммуны, и все репрессии должны проводиться в границах законности. Он берется через несколько часов представить в Коммуну проект декрета. Уединившись в зале ресторана «У папаша на покое» (*Au père tranquille*) на Центральном рынке, он в один присест пишет проект декрета; принятый на ночном заседании этот декрет сдерживает Версаль до середины мая, угрожая ему немедленной расплатой: суть декрета сводится к тому, что лица, уличенные в сообщничестве с Версалем, немедленно предстанут перед обвинительным жюри, которое будет принимать решения в течение 48 часов; все обвиняемые, задержанные по решению обвинительного жюри, будут считаться заложниками парижского народа. За каждой казнью пленного федерата немедленно последует казнь трех заложников, выбранных по жребью².

«Среди всех страданий гнусной войны, которую ведет с нами клерикально-роялистская реакция Версаля, утешить нас может только одно — это героическое поведение наших граждан-солдат из 94-го, 150-го и 162-го батальонов IV округа. В Шатийоне, в Курбеуа, в Нёйи они еще раз доказали нашим

¹ Чтобы дать военным полную свободу вести операции, Коммуна еще раньше решила заменить трех генералов в Исполнительной комиссии тремя гражданскими лицами, таковы: Делеклюз, Курне и Верморель («Journal Officiel», 14 avril), и вместо Эда выдвинуть в военное министерство Кюзере, удовлетворив таким образом и Центральный комитет, который предназначал этот пост Кюзере еще 27 марта.

² «Procès-verbaux», t. I, p. 124—125, «Mes cahiers rouges», t. VIII, p. I.

врагам, что защитники Республики твердо решили победить или умереть».

Этой афишей в траурной рамке¹ члены Коммуны и делегаты батальонов приглашали население собраться во Дворце промышленности в воскресенье 9 апреля, чтобы принять участие в похоронах «славных жертв, погибших от пуль полицейских и шуанов».

Во главе идут музыканты с затаянными крепом барабанами и трубами в траурных лентах. Позади шагают представители батальонов, опустив винтовки дулом вниз. У каждого в петлице красный цветок. Затем двигаются похоронные дроги, запряженные черными конями; на черном бархате разбросаны серебряные звезды, а по четырем углам катафалка стоят красные знамена. За ними, обнажив головы, идут члены Коммуны, повязанные красными шарфами. А далее несметная толпа, молчаливая и сдержанная, обрамленная двойной цепью национальных гвардейцев.

Эти похороны, отнюдь не ослабляя моральную стойкость населения, явились грандиозной и волнующей демонстрацией его воли к борьбе. Неудача вылазки 3 апреля несколько не подорвала моральный дух национальной гвардии.

«Невозможно описать порыв национальной гвардии, идущей в бой, — пишет своей жене Огюст Серрайе². — Почти ни один багальон, попав на передовые позиции, не просится назад. Внутри организация идет довольно медленно, это верно, но зато на прочной основе, и скоро перед версальцами встанет армия в 400 тыс. человек³ хорошо вооруженных и непоколебимых, понравится им это или нет! Их поступки — расстрел Дюваля и убийство Флуранса — не оказали того действия, на какое они рассчитывали. Они только усилили чувство возмущения и желание отомстить».

¹ «Muraillles politiques françaises», t. II, p. 237.

² Письмо от 12 апреля 1871 г. («Lettres de Communards et militants de la Première Internationale», Bureau d'édition, Paris, 1934.)

³ Серрайе преувеличивает. На самом деле национальная гвардия в дни своего апогея, в начале мая, насчитывала всего 197 332 гвардейца и офицера — и то лишь на бумаге. (Рапорт от 2 и 3 мая о положении легионов. «Journal Officiel», 6 mai.)

Сражаются с редким ожесточением. С 5 апреля в форте Ванв лейтенант Бретон, начальник II батареи Федератов, делает 500 пушечных выстрелов в сутки и из 40 человек приводит обратно всего 12.

Повышения в чине производятся быстро. Франсуа Дюпон, бывший солдат 19-го батальона пеших егерей, избран капитаном 1-й роты 162-го батальона (IV округ), его хвалят в приказе за храброе поведение в форте и в траншеях Ванва. Коммивояжер Жан Пьер Ланке, простой гвардеец 89-го батальона (III округ), 7 апреля избран лейтенантом. Гранильщик Фубер, капрал 144-го батальона (IV округ), выбран лейтенантом, потом капитаном. Столяр Жан Спетлер, унтер-офицер 182-го батальона (IV округ), избран в своей части капитаном. Маляр Эжен Тьерри, капрал 212-го батальона, 25 марта выбран младшим лейтенантом. Торговый служащий Брюншвинг, гвардеец 239-го батальона (III округ), становится капитаном при штабе. Ему поручают держать связь с фортами, и, несмотря на полученные им два ранения, он продолжает нести службу, о чем упоминается в «Journal Officiel».

Члены Коммуны часто отправляются на передовые линии. Лефрансе и Тейс входят в делегацию, которая составляет доклад о положении в форте Ванв¹. Адольф Клеманс на мосту Нёйи пишет командованию следующее срочное донесение: «Положение войск национальной гвардии весьма серьезно. Необходим начальник. Особенно нужна артиллерия. Действуйте немедленно»². В этом месте шел особенно ожесточенный бой. «От одного батальона в 400 человек осталось всего 180, и их невозможно сменить»³. Но ничто не может подорвать высокий моральный дух: на Елисейские поля падают снаряды, но там по-прежнему выступает Гиньоль (Петрушка).

«Почему ты все еще не приехала? — упрекает Серрайе свою жену, оставшуюся в Лондоне... — Наверно, тебя удерживают под тем предлогом, что тут снова началась война, и еще рассказывают всякие небылицы... Правда, люди дерутся с жандармами Тье-

ра, но это происходит вне Парижа, да к тому же, если бы бои шли даже в самом Париже, эта причина не должна бы помешать тебе приехать. Когда же дерутся в Ванве, в Париже этого почти не замечают. Однако в последние два дня, когда атаки обрушились на южные форты, порой можно было подумывать, что бой идет в самом Париже, до того ясно слышались ружейные залпы и пальба митральез. От этих трех атак версальцам, наверно, стало тошно. В форте Ванв наших было не больше 73 человек, и они вывели из строя не менее 2 тыс. вражеских солдат! В Нёйи произошло жуткое побоище. От вас, наверно, скрывают факты. Но на самом деле со стороны «деревенщины» около 10 тыс. человек было ранено, убито или попало в плен».

Национальные гвардейцы, по красочному выражению Артюра Арну, не солдаты, а ходячие идеи. Отдаваемые им приказы носят чаще всего политический характер.

«У нас нет и не может быть больших врагов, чем так называемые соотечественники, которые расстреливают наших братьев, бомбардируют город, безжалостно убивают женщин и детей; чем эти полицейские агенты, сменившие кастеты на ружья; чем эти генералы, которые теперь, когда дело коснулось их положения и богатства, вдруг обрели энергию и храбрость, недостававшие им, когда надо было сражаться с чужеземцем. Все это лишь наемники, и мы осквернили бы наше братство, если бы считали или называли их своими братьями».

Так выражается полковник Спиноа, начальник III легиона, в приказе 144-му батальону¹.

Паршивых овец выбрасывают из национальной гвардии, как инородные тела. Члены коммунальной делегации I округа пишут 4 апреля:

«Граждане, члены Военной комиссии Парижа. Вы учредили нечто вроде должности интенданта в Пале-Насьональ (Пале-Руаяль), которую занимает человек по фамилии Мариго, он вечно пьян и реквизирует без всякого на то основания и права вино

¹ 12 апреля. Archives historiques de l'armée, carton Ly 26

² 6 апреля. Archives historiques de l'armée, carton Ly 26.

³ Письмо Серрайе к жене от 15 апреля.

¹ Archives historiques de l'armée. 17e conseil de guerre. Dossier 551.

и продукты в большем количестве, чем ему требуется.

Этот человек просто позор для нашей партии. Постарайтесь же отстранить его от должности, иначе мы будем вынуждены его арестовать»¹.

Увлечение яркими нашивками или стремление к низкопробной роскоши у некоторых высших офицеров вызывает резкое осуждение со стороны военного делегата Ключере, который пишет генералу Эду:

«Многие выражают недовольство и часто жалуется в Коммуну на ваш генеральный штаб, что там слишком любят пышность, появляются на бульварах с кокотками, в экипажах и т. д.

Прошу вас вычистить метлой весь этот сброд...»²
Чаще всего офицеры, избранные всеобщим голосованием, подают хороший пример. Альфреду Гийета, подполковнику и заместителю начальника IV легиона, по профессии художнику-декоратору, всего 28 лет. Простой гвардеец 96-го батальона он был выбран членом, а потом председателем муниципальной комиссии IV округа, после чего стал одним из командиров легиона. Это чистокровный парижанин, молодой супруг, отец двоих детей.

«Он был бледен и хрупок, как всякий истый парижанин,— пишет Артюр Арну³,— и, кажется, страдал какой-то легочной болезнью, которая подтачивала его силы. Я не встречал лучшего мужа, человека более аккуратного, более скромного; все, что он зарабатывал, он отдавал семье, хотя в его возрасте, с его характером и темпераментом он, наверно, любил развлечения. Он жил в том же доме, что и я, но этажом выше и занимал две маленькие мансарды... В течение этих двух месяцев, несмотря на свою слабость и болезнь, он всегда оставался бодрым и подтянутым, работал по 24 часа в сутки, почти не видясь с женой, которая лишь изредка прибегала на несколько минут навестить его в мэрию, проводил

¹ Подписано: Танги, Туссен, Салле, Пийо, Винан. (Archives historiques de l'armée, carton Ly 20.)

² APP, dossier Ba 1015—1016.

³ Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune, p. 56—58. О Гийета см.: Archives historiques de l'armée, dossier 641, 20e conseil de guerre

ночи не раздеваясь, отдыхая на грязном матрасе, брошенном в углу его кабинета. Вечно в движении, он беспощадно изматывал свое тело, вскакивал на лошадь, чтобы отвести батальоны своего округа на место боев, расгравивал свои силы, свою жизнь с неслыханной щедростью.»

Во II округе национальная гвардия полностью дезорганизована, с одной стороны, из-за сопротивления батальонов «порядка», с другой — из-за выхода в отставку четырех буржуазных представителей, выбранных в Коммуну. В Центральном комитете округ представлен рабочим — мастером по изготовлению футляров — Древе¹. Только 6 апреля Центральный комитет рекомендует военному делегату на пост командира легиона² гражданина Себиля. В квартале Биржи продолжают критиковать Коммуну: «Она хотела свергнуть правительство, а сегодня уже хочет управлять Парижем да еще и провинцией. Ей следовало бы ограничиться своими муниципальными вольностями»³. Задача командира легиона совсем не легка. Он созывает все девять батальонов, чтобы представиться им, и, если это нужно, провести перевыборы офицеров, 11-го, 12-го и 13-го апреля во дворце Биржи⁴.

Но с 11 апреля делегаты батальонов не желают более подчиняться командиру легиона Себилю, на которого нападает делегат Центрального комитета Древе, и Ключере велит его арестовать по причинам, так и оставшимся неизвестными⁵. Ключере представляют члена Центрального комитета Годье как кандидата на пост командира легиона⁶. 11-й батальон отказывается уступить этот пост. Но майор Гриль, командир 148-го ба-

¹ Проживал на улице Аргу, 51 (II округ), 45 лет. Во время осады был причислен к Луврским мастерским по ремонту оружия. 18 марта возобновляет службу в 148-м батальоне. (AN, BB 24/856 A)

² Archives historiques de l'armée, Ly 20.

³ Рапорт Центральному комитету от 9 апреля (Daubain, Le Fond de la Société sous la Commune, p. 87.) Начальником информаторов службы разведки Центрального комитета был Эдуар Морю. (См. Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. VIII, p. 153)

⁴ См. «Muralles politiques françaises», t II, p. 226

⁵ Ibid, p. 224

⁶ «Enquête parlementaire», t III, «Procès-verbaux du Comité central», p. 69

гальона (II округ), у которого твердая рука, 13 апреля занимает этот пост. В Центральном комитете думают, что в девяти батальонах этого округа большинство готово принять Гриля в качестве командира легиона.

Гражданин Пелен, командир 149-го батальона, вновь избранный на этот пост, благодарит своих товарищей в афише и добавляет:

«Что мы хотим сделать в нашем округе? Мы хотим поддерживать порядок. Мы горячо желаем, если Версаль еще излечим от безумия, чтобы все примирились и успокоились во имя братства. Если же это невозможно, тогда посмотрим, как нам лучше защитить Париж». Однако не все идет хорошо в 149-м батальоне, ибо его командир добавляет: «Граждане, робкие, но честные, приходите в наши ряды, вы будете нести службу на месте. Моральная стойкость — это тоже сила. Я никого не буду принуждать идти на крепостные валы; ваша совесть будет единственным судьей, решающим, что вам следует делать...»¹.

В I округе сопротивление еще более активно:

«Предатели, трусы и пугливые обыватели открыто или тайно повинуются гибельным для свободы приказам версальского правительствa, они ищут и находят всевозможные способы, чтобы увеличить беспорядок, в котором вероломная и продажная администрация оставила все общественные службы. Мэрия I округа была брошена на произвол судьбы»².

Так заявляют члены муниципальной комиссии³, выдвинутые Коммуной в самые первые дни апреля⁴. Придя на место, делегаты обнаруживают великий беспорядок, отсутствие книг, дневников, журналов, касс, ковров и т. д. «Все растащено, совсем как если бы здесь про-

¹ «Enquête parlementaire», t. III, p. 95.

² «Murs politiques françaises», t. II, p. 167.

³ Д-р Пийо, Наппа-Пике, Туссен, Винан, Танги, Жоли, Салле

⁴ Бурсье и Центральный комитет констатируют, что «в муниципалитетах царит полнейший беспорядок» и все службы от этого сильно страдают, поэтому 1 апреля они просят Коммуну «назначить или заставить избрать ответственных муниципальных чиновников, а членам Коммуны дать возможность заниматься только своими делами, которые и так поглощают много сил». («L'Autographe», 1871, p. 39.)

шли пруссаки». Один из членов муниципальной комиссии описывает в высокопарном стиле, принятом в ту эпоху, торжественное водворение 5 апреля муниципалитета и сопровождавшую его процедуру:

«Красное знамя народной революции Парижа водружено над балконом мэрии I округа. Пост федератов национальной гвардии берет на караул, а горн трубит «встречу». Крики «Да здравствует Республика!», «Да здравствует Коммуна!» вылетают из всех уст. Толпа приветствует знамя, которое символизирует надежды революционной Франции. К радостным крикам присоединяются энергичные угрозы всем врагам нашего социального возрождения. В патриотической речи один из членов муниципальной комиссии обрисовал в сильных и волнующих выражениях положение Парижа, героически сражающегося в защиту требований, славным и живым символом которых служит красное знамя»¹.

Если доктор Пийо скорее относится к умеренным, то Винан, Наппа-Пике и их коллеги из муниципальной комиссии являются «пламенными», как их называют в ту эпоху. К 4 апреля они уже сформировали роту из людей 12-го и 13-го батальонов, уклоняющихся от военной службы. Они называют

«к патриотическим чувствам всех годных к воинской службе граждан, чтобы создать новые батальоны... Всякий гражданин, который будет чинить препятствия, проявит дурную волю или равнодушие к этой мере общественного спасения, будет разоружен в течение двадцати четырех часов, не считая других наказаний, которые могут ему грозить»².

Муниципальная комиссия 6 апреля созывает граждан 12-го батальона в греческий зал Лувра, для реорганизации батальона. Каждый неявившийся гражданин будет «разоружен». Но все эти угрозы не оказывают действия. «Друзья порядка» вновь провоцируют беспорядки. Некто капитан Бонн, командир роты одного из батальонов квартала Оперы, расклеивает провокационную афишу: «Будем готовы защитить знамя, поднятое нами 20, 21 и 22 марта... Да здравствует Национальное

¹ «Journal Officiel», 6 avril 1871

² «Murs politiques françaises», t. I, p. 171,

собрание!»¹ Некоторые булочники в I округе не хотят принимать талоны на хлеб, выданные семейными советами национальной гвардии. Один комитет, заранее называющий себя Комитетом примирения, призывает торговцев, промышленников, артистов, а также рабочих на организационное собрание, которое состоится 6 апреля в зале Валентино, на улице Сент-Оноре, 251 (I округ), и убеждает их «броситься между сражающимися с призывом к миру» и «умолять обе стороны пойти на взаимные уступки, которые они, быть может, уже готовы сделать...».

7 апреля коммунальная делегация предупреждает, что «всякий гражданин, который в течение двадцати четырех часов не запишется в списки национальной гвардии... будет немедленно разоружен и, если понадобится — арестован». В новой афише помещен приказ начальникам рот в тот же день представить в мэрию сведения о реальном количестве людей, являющихся, когда бьют «сбор». В «последнем предупреждении» говорится, что граждане, вооруженные и невооруженные, которые не записались в национальную гвардию, могут подвергнуться немедленному аресту. В конце концов Ключере 12 апреля распускает семь батальонов, уклоняющихся от несения военной службы, и поручает муниципалитету их реорганизовать.

Версальская пропаганда действует открыто в самом центре столицы. В середине апреля сообщают о скором выходе новой газеты «La Nation souveraine», выпускаемой на улице Кок-Эрон, 5 (II округ), которая, ссылаясь на старую конституцию, отрицает за столицей право осуществлять национальный суверенитет. А газета «Le Siècle» не боится напечатать 8 апреля следующую деморализующую статью:

«Военное бессилие Коммуны за пределами города приводит к тому, что существование Парижа зависит лишь от доброй воли Версаля... Коммуна может закрыть все газеты, арестовать всех подозрительных, заставить молчать всех своих противников, может декретировать максимум, овладеть кассами, реквизировать продовольствие, все это она может; но одна вещь для нее недоступна: она не может влочь

¹ Ibid., t. II, p. 209.

нуть жизнь в торговлю и промышленность, не может возместить истраченный капитал. Вывод напрашивается сам: Париж не может жить без провинции, Париж бессилен против правительства, которое поддерживает провинция. Значит, Париж должен, под страхом полного разорения, примириться с этим правительством».

С доводами такого порядка приходится считаться Жюлю Валлесу и Лефрансе, когда они отправляются с делегацией¹ в Центральную школу на улице Ториньи (III округ) к радикалам, руководителям Республиканского союза: Бонвале, бывшему мэру III округа, Луазо-Пенсону, вышедшему в отставку делегату Коммуны, Корбону, бывшему вице-председателю Учредительного собрания 1848 г., и другим. С «этими славными радикалами», как говорит Лефрансе, удалось договориться, что они выступят с настойчивым требованием перед своими друзьями в Версале, а если это не приведет ни к какому результату, то они присоединятся к Коммуне.

Итак, Бонвале, Корбон, Луазо-Пенсон, Клемансо, Мотю и их друзья образовали 6 апреля Республиканскую лигу прав Парижа со следующей программой:

«Признание Республики. Признание прав Парижа на самоуправление, на установление свободно избранным и суверенным в пределах своих функций советом своей полиции, своих финансов, своих пособий, своего образования и признание свободы совести; охрана Парижа доверяется целиком национальной гвардии, состоящей из всех годных к военной службе избирателей»².

Происходят также другие попытки примирения. Так, 7 апреля делегация из шести человек, представляющих от 7 до 8 тыс. коммерсантов и промышленников Парижа, примыкающих к Национальному союзу синдикальных палат, отправляется в Версаль, чтобы выяснить, «неужели нет никакой возможности покончить иным, не вооруженным путем с конфликтом, который приводит в отчаяние все французские сердца и грозит погубить нашу несчастную отчизну»³. Программа, которую они

¹ Вместе с Авриалем, Ланжевроном и Рувье (См.: Lefrançais, Les Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 500—501.)

² «Municipalités politiques françaises», t. II, p. 201—202.

³ «Journal Officiel», 12 avril 1871.

предлагают, состоит из двух пунктов: сохранение и укрепление республики; требование для города Парижа самых широких муниципальных свобод.

Они стараются убедить разные группы Национального собрания в том, что парижское движение обосновано и проникло очень глубоко: «Громадное число даже тех, кто по той или иной причине держался в стороне, не отрицают социальной законности и исторической неизбежности этого движения».

Тьер готов дать любые заверения на просьбы о сохранении республики. Что же касается муниципальных свобод, то Париж может рассчитывать лишь на общие права, как они будут определены муниципальным законом, который должен быть в скорости принят Национальным собранием¹. Так как Тьер еще не готов начать свое большое наступление на Париж, он остерегается быть слишком резким и даже дает понять делегатам, что общая политическая амнистия, которую они выдвигают как одно из условий соглашения, не послужит яблоком раздора.

Масоны, со своей стороны, тоже предпринимают попытку. 8 апреля они выпускают манифест и поручают делегации из семи человек отправиться в Коммуну, а потом в Версаль, «чтобы привести их к примирению»². 9 апреля Исполнительная комиссия Коммуны объявляет масонской делегации, что, по ее убеждению, масоны ничего не добьются в Версале, что сама она не может пойти ни на какие уступки, ибо связана, с одной стороны, законными правами Парижа, а с другой — наказом, который получила от избирателей. С помощью пропуска, который им дает генерал Кюзере, делегаты 10 апреля отправляются в Версаль, где их принимают два министра — Жюль Симон и Пуйе-Кертье, в присутствии братьев масонов (FF .:) депутатов Эжена Пельтана и Дюкена. Правительство, говорит Жюль Симон, представляет закон и не может вести переговоры с представителями мятежа, который ничем не оправдан, по-

¹ Наглая ложь Муниципальный закон от 14 апреля («Municipales politiques françaises», t. II, p. 286) устанавливает для Парижа особую систему муниципального представительства, действующую и в наше время

² Оригинал манифеста хранится в Библиотеке города Парижа под № FG MS 120 (от 12 апреля 1871 г.).

скольку ему нечего бояться реакции: республика упрочена, а муниципальный закон, который скоро будет принят, должен удовлетворить Париж¹.

14 апреля Артур Арну запрашивает членов Исполнительной комиссии о том, очитались ли перед ней делегаты Республиканской лиги прав Парижа о своей поездке в Версаль и какой ответ был им дан². Авриаль, который с самого начала принимает участие в этих переговорах, отвечает, что Исполнительная комиссия полуофициально выслушала отчет делегации, не дав на него никакого ответа, так как не желала ни в чем связывать Коммуну.

В тот же день газета «Journal Officiel» за подписями Бонвале и Адана печатает отчет о поездке в Версаль. Тьер дал им тот же ответ, что и коммерсантам в вопросе о республике и муниципальном законе, но сделал кое-какие добавления по поводу национальной гвардии. Если она подчинится порядку, Тьер обещает сохранить ей жалованье в 30 су «на несколько недель». Что же касается средств прекратить кровопролитие, то глава исполнительной власти говорит, что

«если парижские национальные гвардейцы не сделают ни одного выстрела ни из ружья, ни из пушки, то и версальские войска не сделают ни одного выстрела ни из ружья, ни из пушки... до той неопределенной минуты, когда исполнительная власть решит действовать и начнет войну».

Лига рассказывает о встрече, не добавляя никаких комментариев. Некоторые газеты не отказывают себе в удовольствии прокомментировать это сообщение и даже в благожелательном для правительства духе, что побуждает газету «Journal Officiel» поместить 15 апреля заметку, где Исполнительная комиссия остроумно ставит примиренцев в затруднительное положение: Лига обрисовала на свой лад надежды Парижа и предъявила версальскому правительству ультиматум, известив

«в афише, которую еще можно прочесть на стенах города, что если версальское правительство останет-

¹ Значит, Версаль лжет в этом вопросе с заранее обдуманным намерением, поскольку Жюль Симон повторяет лживые обещания Тьера.

² «Procès-verbaux», t. I, p. 206—207.

ся глухим к этим законным требованиям, то весь Париж встанет на их защиту. Случай, предусмотренный лигой, произошел, ей незачем спрашивать теперь Коммуну, она должна сделать необходимые выводы из брошенных ею заявлений и призвать весь Париж встать на защиту своих непризнанных прав».

Но лига воздержится от подобных действий. Дело в том, что представляемая ею мелкая буржуазия, хотя по-прежнему и согласна с политическими целями Коммуны, уже не уверена, что их можно добиться силой оружия. Дополнительные выборы 16 апреля докажут, что такое умонастроение разделяет значительная часть парижского населения.

Выборы, первоначально назначенные на 5 апреля, пришлось перенести из-за начавшихся боев. Но их нельзя было откладывать без конца. Было совершенно необходимо быстро заполнить бреши, пробитые в Коммуне вышедшими в отставку. Центральный комитет совершил немалую ошибку, ограничив число членов парижского собрания 92 человеками. Трудно понять причины такого решения. Во время осады не раз раздавались требования расширить Коммуну до 240 человек. Число менялось¹, но, требуя созыва парижского собрания, никто никогда не называл цифры ниже одного представителя от 10 тыс. жителей, то есть 180 членов². 4 апреля делегация от Центрального комитета 20 округов (где активную роль играют Шатлен, Наниа-Пике, Туссен и Салле, все от I округа) по предложению своего секретаря Шатлена единогласно голосует за весьма обоснованную резолюцию:

«Принимая во внимание, что Парижская Коммуна в 1792 г. состояла из 240 членов, хотя в ту эпоху

¹ «Муниципальное собрание, которое приступает к исполнению своих обязанностей в самом начале коренной реорганизации общества и которому надлежит удовлетворять многочисленные потребности населения в 2 миллиона человек: продовольствие, администрация, финансы, полиция и т. д., будет по необходимости вынуждено разделиться на многие комиссии и делегации. Ему едва хватит 200 человек персонала». Декларация принципов Центрального республиканского комитета 20 округов Парижа избирателям. («Le Combat», 9 октября 1870 г.)

² На этой цифре настаивает и Паскаль Груссе в своем предложении на заседании 7 апреля. («Procès-verbaux», t. I, p. 139.)

население Парижа едва насчитывало половину того, которое мы имеем сегодня;

принимая во внимание, что самые маленькие коммуны Франции избирают сравнительно большее число муниципальных советников, и было бы только справедливо, если бы Париж увеличил число членов своей Коммуны;

принимая во внимание, что при нынешних обстоятельствах Парижская Коммуна должна выносить политические и военные решения чрезвычайной важности;

принимая, наконец, во внимание, что ввиду неожиданных событий члены Коммуны могут оказаться разбросанными в разных местах и она каждую минуту рискует не собрать нужного числа членов для принятия решений, Делегация 20 округов предлагает Парижской Коммуне издать декрет о том, что число ее членов удваивается, и для этого немедленно организовать добавочные выборы одновременно с дополнительными выборами, назначенными на 5 апреля текущего месяца»¹.

О том, что члены Коммуны были чрезвычайно перегружены из-за их малочисленности, мы имеем множество свидетельств. Вот, например, отзыв Артюра Арну²:

«Как члены Коммуны мы обычно заседали два раза в сутки: в два часа дня и вечером, до глубокой ночи.

Эти два заседания прерывались на очень короткое время, чтобы только успеть перекусить.

Кроме того, каждый из нас состоял в одной из комиссий, выполняющих работу разных министерств, на обязанности которых лежало управление департаментами: народного образования, военного, продовольствия, внешних сношений, общественной безопасности, и т. д.; и каждого такого департамента было вполне достаточно, чтобы на него уходили все силы человека.

¹ См.: Firmin Maillard, Affiches, professions de foi, p. 165—166.

² Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune, t. II, p. 111—112.

К тому же мы были еще мэрами, должностными лицами и несли административные обязанности в своих округах.

У многих из нас были и командные должности в национальной гвардии, и не было среди нас ни одного человека, которому не приходилось бы каждую минуту мчаться на аванпосты, отправляться в форты, чтобы подбадривать бойцов, выслушивать их требования, разбирать жалобы или самому разбираться в военном положении.

Мы попросту не спали. Что до меня, то я не помню, когда я раздевался, и за два месяца прилегло всего раз десять. Кресло, стул, скамья на каких-нибудь несколько минут, да и то с перерывами, служили нам кроватью».

Рассказы Жюль Валлеса подтверждают слова Арну. В ресторане Детиля на площади Виктуар, где он обычно завтракает, выходя из редакции «Le Cri du Peuple», Валлес обращается к своим соседям по столу:

— Хотите заменить меня в Ратуше?

— Спасибо,— отвечает ему сотрапезник,— у меня нет желания обзаводиться титулами, чтобы меня поглом расстреляли.

Валлес снимает пальто, шляпу и жилет.

Его густые черные волосы взмокли от пота, глаза сверкают, как в горячке, грудь тяжело вздымается, словно кузнечный мех.

— Ну и работка! — кричит он. — А ведь я такой лентяй! Эти люди сведут меня с ума или я попросту взбешусь! Заседание днем! Заседание ночью! А для чего? Хвалебное слово Бабёфу или Анахарсису Клоутсу! Послушайте, версальская армия каждый час выхватывает у нас из рук кусок земли, стены или надежды. А нас собирают сегодня вечером, чтобы обсудить предложение Курбе, который угрожает подать в отставку, если мы не отменим бога декретом...

Он заканчивает сухо:

— Я буду голосовать против этого предложения... Бог мне не мешает. Я не выношу только Иисуса Христа, как и вообще все дутые репутации¹.

Коммуна не только не издает декрета об увеличе-

нии числа своих членов, но 9 апреля по предложению Валлеса откладывает на неопределенный срок выборы, назначенные на следующий день¹.

Делегация 20 округов под влиянием Шатлена медленно выступает против этого с резким протестом.

«ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Отложить выборы — больше чем преступление: это ошибка, сказал «Le Père Duchêne» в номере от 10 апреля. Мы целиком с ним согласны.

Первый декрет об отсрочке был попятен. Сторонники империи и роялисты перешли в атаку. Им надо было ответить. Вся национальная гвардия поднялась как один человек, собираясь двинуться на Версаль. Они предпочли патрон избирательному бюллетеню. Это было логично.

Итак, Парижская Коммуна, издав декрет о первой отсрочке выборов, была права. Но на этот раз, когда Париж занимает оборонительную позицию, новый декрет, еще раз откладывающий выборы с той же мотивировкой, что и первый, является ошибкой». Доказав, что было бы очень легко доставить избирательные урны на крепостной вал и в форты, Делегация добавляет:

«Граждане, члены Парижской Коммуны, вас обвиняют в том, что вы хотите захватить власть. Уже было произнесено слово «диктатура». Как только общественное мнение не будет больше с вами, оно повернется против вас. Берегитесь!

Чего вы опасаетесь? Идея Коммуны прокладывает себе дорогу. Принцип выборности, на котором она покоится, и ограниченное число членов, составляющих Коммуну, несомненно, обязывают вас как можно скорей заполнить вакантные места, лишь только они образуются. Резолюция, принятая Делегацией 20 округов (бывшим Центральным комитетом) на заседании от 4 апреля 1871 г., напечатанная в газете «L'Afranchi» от 8 апреля и немедленно переданная вам, была обоснована очень серьезными соображениями, логичными и бесспорными...

¹ Декрет, напечатанный в «Journal Officiel» 10 апреля. По поводу дебатов об отсрочке выборов см.: «Procès-verbaux», t. I, p. 150—151. (См. русское издание, т. I, стр. 127.)

¹ См.: APP, dossier Va 879, pièce № 100.

Если бы Коммуна с самого начала состояла из большего числа членов, уходы в отставку, или, вернее, дезертирство, не имели бы места. Ушли бы только слабые и робкие.

Если бы в Парижской Коммуне насчитывалось 180 или 200 человек и все они были бы революционерами и социалистами, тогда версальское собрание, состоящее из роялистов и предателей, не решилось бы атаковать Париж, после того как они сами так трусливо сбежали!

Граждане из Парижской Коммуны, удвойте число ваших членов и немедленно призовите избирателей к урнам!..»

Если мы придаем большое значение этой резолюции, то не только потому, что ее вдохновителем был Эжен Шатлен, политический деятель из I округа, игравший первостепенную роль в Комитете 20 округов, но еще и потому, что мы хотим опровергнуть тезис, согласно которому после провозглашения Коммуны влияние Комитета 20 округов постепенно идет на убыль. На деле авторитет комитета так высок, что по его настоянию Коммуна на заседании 12 апреля назначает на 16 апреля дополнительные выборы.

16 апреля в Нёйи идут жестокие сражения, но Кюзере взялся сделать возможным участие в выборах всех граждан, находящихся на передовых линиях..

Несмотря на все принятые меры, избиратели проявляют гораздо меньше активности, чем 26 марта. Члены коммунальной делегации I округа тщетно просили провести открытое голосование¹.

Они приглашают избирателей собраться 14 и 15 апреля в своих кварталах, чтобы обсудить кандидатуры в Коммуну, а также выбрать от каждого квартала по шесть делегатов, которые должны составить консульта-

¹ См. Firmin Maillard, *op. cit.*, p. 181 «Считая, что тайное голосование подачей бюллетеней прежде всего безнравственно, что истинная демократия и свободные выборы могут существовать лишь там, где избиратели несут ответственность за свои действия, мы выражаем желание, чтобы на предстоящих выборах было принято лишь поименное или открытое голосование.

Париж, 13 апреля 1871 г. *Туссен, Винан, Танги, Салле*.

тивный совет округа для оказания помощи выбранным в Коммуну¹.

Клуб так называемого Республиканского избирательного комитета и национальные гвардейцы-федераты I округа предлагают избрать командира 196-го батальона — Гранжана, доктора Пийо, Везинье и счетовода Мишеля Жоли.

«Le Père Duchêne» предлагает Андриё, доктора Пийо, Везинье и Бастелика². «Le Bonnet rouge» — Кюзере, Росселя, Везинье и Бастелика. Группа республиканцев, сторонников примирения, выдвигает кандидатуры Клемансо, Виктора Консидерана и Туссена, последний состоит членом Делегации 29 округов.

Центральный комитет 20 округов, который на заседании от 3 апреля предложил комитету I округа кандидатуры доктора Пийо, Андриё, Туссена и Везинье³, в конце концов утверждает кандидатуры Кюзере, Андриё, Везинье и Бастелика⁴.

Голосование дает следующие результаты: в выборах приняли участие 3271 человек (в марте их было 11 056!). Избраны: Везинье — 2626 голосов, Кюзере — 1968, доктор Пийо — 1748, Андриё — 1736. За ними идут Гранжан — 1165, Бастелика — 1112, Мишель Жоли — 1092 и Виктор Консидеран — 323.

Реакционные избиратели полностью воздержались от голосования, тем не менее доктор Пийо, получивший 3309 голосов 26 марта, потерял из них почти половину!

Во II округе избирателей созывают помощники мэров Брелэ и Луазо-Пенсон⁵, которые хотя и вышли из Коммуны, однако остались на своих постах в мэрии.

Здесь нет предвыборной борьбы и четыре кандидата Центрального республиканского комитета — Потье, Серрайе, Дюран и Жоаннар — фигурируют почти во всех списках, первые трое в списке «Le Bonnet rouge», Потье и Жоаннар в списке «Le Père Duchêne». Единственный инцидент, происшедший во время выборов, был вызван

¹ *Ibid.*, p. 185—186

² № 26 от 21 жерминаля 79 г

³ Firmin Maillard, *op. cit.*, p. 197

⁴ *Ibid.* p. 207

⁵ «Честный, серьезный, преданный, способный» — так судит о нем Артур Арну, жалеющий о его отставке

новыми клеветническими нападками Феликса Пиа на Серрайе 12 апреля Серрайе пишет своей жене

«Ф Пиа снова поднял шум, а я не в состоянии что-либо предпринять Теперь про меня сообщили еще в Комиссию труда, в которой я участвую, что я был изгнан в Лондоне из политических обществ по многим причинам, в том числе и по моральным соображениям Наверно, мне придется уйти за неимением возможности опровергнуть эти слухи Все это мне крайне неприятно»

Кончается тем, что Серрайе остается кандидатом, «потому что,—говорит он,—без этого была бы невозможна никакая рабочая кандидатура»

В голосовании приняло участие 3601 человек против 11 143 голосовавших 26 марта, и Серрайе, который получил тогда 3711 голосов и был забаллотирован, на этот раз прошел, собрав 3141 голос Эжен Потье, будущий автор «Интернационала», избран 3352 голосами, сапожник Жак Дюран получил 2874 голоса, а Жюль Жоаннар 2804 голоса

В III округе, где надо заменить ушедшего в отставку Ш. Мюра, предвыборная борьба более сложна Член Центрального комитета Гуйе является общим кандидатом от Республиканского комитета и Комитета (?) национальной гвардии Виар, также член Центрального комитета, по-видимому, был выдвинут персонально Так же обстоит дело с Альбером Мэ и с Ландеком, который ссылается на свою принадлежность к франкмасонам и на то, что состоит делегатом Центрального комитета в городе Марселе Он потчует своих избирателей демагогической речью, в которой излагает свои убеждения, отнюдь не отличающиеся скромностью, тут уж достается всем и шуанам, и толстопузым орлеанистам, и коронованным чудовищам, и убийцам в золотых эполетах, и дряхлой «деревенщине», и титулованным бандитам, разбойникам в митрах и орденах

«Хотите ли вы,—спрашивает кандидат,—быть представленными людьми энергичными, готовыми пойти на любые жертвы, даже пожертвовать своей жизнью, чтобы защитить ваши свободы и обеспе-

чить ваши коммунальные права? Я один из таких людей»

В голосовании приняло участие всего 5 тыс человек против 9 тыс 26 марта Ландек получает 2613 голосов, Виар — 1177, а 1390 голосов распределяются между несколькими другими кандидатами Хстя создается впечатление, что абсолютное большинство голосов получил Ландек, однако ни один кандидат не был официально объявлен избранным, по-видимому, из-за слишком малого числа голосовавших

Клюзере избран одновременно от I, а также от XVIII округа и соглашается быть депутатом последнего Виар, провалившийся в III округе, проходит в XX, выдающийся художник Гюстав Курбе избран в VI округе, Брион — в IX, но он отказывается участвовать в заседаниях, так как не получил $\frac{1}{8}$ голосов внесенных в списки избирателей — число, считавшееся необходимым 26 марта

Доктор Наппа-Пике собирает всего 424 голоса в XVI округе, где избирают Ложте

Во всех 13 округах, где происходили дополнительные выборы, участвовало менее 60 тыс избирателей, тогда как 26 марта их было более 132 тыс Правда, в большинстве округов речь идет о выборах одного или двух кандидатов, и обычно избиратели проявляют мало интереса к такого рода выборам В I и II округах, где предстояло переизбрать почти всех представителей в Коммуну, разрыв менее значителен. В марте собравшие наибольшее число голосов красные кандидаты получили вместе 7020 голосов, на этот раз Везинье (I округ) и Потье (II округ) собрали всего 5978 бюллетеней Значит, и здесь мы видим все же явное ослабление влияния Коммуны

Артюр Арну, беспристрастный наблюдатель, отмечает «измену неустойчивых масс, которые приветствуют лишь успех»¹

¹ «Немедленным результатом поражения 2 и 3 апреля был подрыв веры в восстание Мелкая буржуазия, которая готова была идти за ним сразу после 18 марта, с ужасом убеждалась, что борьба затягивается к великому ущербу для дел Не питая никакой любви к Версалю она утратила и всякую симпатию к Коммуне» (Gutter Laumann, Histoire d'un trente sous, Albert Sa vine, Paris, 1891)

Глава шестая

КОГДА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА
ПРОЛЕТАРИАТА

Парижская Коммуна в условиях той эпохи и в рамках столицы являлась демократической диктатурой пролетариата. Мы говорим «в условиях той эпохи», то есть когда мелкая буржуазия оказывала сильное влияние на еще слабо концентрированный рабочий класс. Господствовали идеи Прудона, который в противоположность Марксу не считал необходимым для пролетариата овладение средствами производства и обмена.

«Что касается залогов, — пишет Серрайе¹, один из немногих марксистов Коммуны, — то я предлагал нескольким членам комиссии² составить проект, но безрезультатно... Я попрошу г-на Маркса написать об этом что-нибудь, а я передам Франкелю, и, возможно, если это будет исходить от Маркса, Франкель предложит и заставит принять проект, ибо, что бы там ни говорили, а нас все-таки большинство. Однако при этом не следует забывать, что большинство это прудонистское. Теперь только и говорят, что о проекте Народного банка, обмене и т. д. Одним словом, каждый день появляется новый проект, извлеченный из творений великого мэтра».

После этого становится более понятной позиция Журда и Белэ в отношении Французского банка, подержанная Коммуной.

Парижская Коммуна — это не центральное правительство Франции, это собрание, которое правит столицей, первая коммуна Франции. При таких условиях Парижская Коммуна не считает себя вправе распоряжаться Французским банком. Когда Белэ, избранный делегатом при Французском банке, является 29 марта в национальный эмиссионный институт, он считает нужным подчеркнуть, что не собирается заменять его управляю-

¹ Письмо от 15 апреля к жене Женни.

² Комиссии труда и обмена, в которой Серрайе участвовал еще до избрания его в Коммуну.

щего. Присутствие в банке делегата, говорит он, можно считать оправданным только потому, что город Париж имеет в банке солидный счет.

Белэ и Журд считают, что «захват» банка подрвет кредит, следовательно, необходимо, чтобы банк оставался тем, чем он был со дня своего основания, — собственностью акционеров.

На таких условиях, поскольку капиталисты не будут чувствовать себя серьезно ущемленными, биржа сохранит свою устойчивость, а франк — свою покупательную способность. Журд, который, к несчастью, обладает некоторыми финансовыми способностями¹, энергично борется, стараясь сохранить сбалансированный бюджет. Не будет ни инфляции, ни девальвации². Журд и большинство Коммуны уступают общественному мнению, которое восстает против льгот и разбазаривания средств. Но, отказавшись захватить банк в виде залога, Коммуна сама роет себе могилу.

Дело не только в том, что помощник управляющего банка де Плэк постоянно передает Тьеру значительные суммы, но банк остается до конца очагом оппозиции Коммуне. Паскаль Груссе пишет 11 мая Делеклюзу:

«Французский банк, внутренняя стратегическая позиция первостепенной важности, по-прежнему занят 12-м батальоном, еще с 18 марта.

В нем скрыт тайный склад скорострельного оружия, обмениваемого здесь на старые ружья лицами, уклоняющимися от военной службы, которым грозят обыски.

Можно сказать, что это настоящий генеральный штаб реакции внутри столицы и центр, где собира-

¹ По выражению Жана Батиста Клемана.

² Клозере утверждает в своих «Мемуарах» (Mémoires, t II, p. 207), что именно старик Белэ, «который собаку съел на финансовых словопрениях», убедил Журда, Варлена и Лефрансе, что, если только прикоснуться к банку, его банкноты полностью обесценятся. Везинье в своей работе «Comment a régi la Commune» (p. 90) говорит, что на его предложение занять банк Варлен возразил: «Вы что же, хотите подрвать кредит Коммуны? Чем станем мы тогда платить национальной гвардии?»

Придя к власти, Варлен тоже забыл предвыборную программу французских секций Интернационала 1869—1870 гг., в которой значилась национализация Французского банка,

ются бесчисленные версальские агенты, которыми так и кишит Париж».

Но уважение Коммуны к банку было так велико, что национальная гвардия никогда не проверяла это здание.

Господин Тьер, тот не был так щепетилен. Как только он прибыл в Версаль, он вызвал туда управляющего Французского банка и повторил свой приказ от 23 марта:

«Вы в моей власти, и я вас оставляю здесь,— сказал ему Тьер, как только тот прибыл,— потому что вы мне нужны, потому что мне нужны деньги¹. Мы бедны, как церковные крысы; мы обшарили свои карманы и смогли наскрести всего 10 миллионов; а мне, коротко говоря, их нужно 200; устраивайтесь здесь, пишите в ваши филиалы, придумывайте что хотите, но дайте мне денег и еще раз денег, иначе все будет потеряно».

В то время как Коммуна выпрашивала несколько миллионов, необходимых для выплаты жалования национальной гвардии и на текущие расходы, сурово урезанные Журдом, банк выдал более 250 миллионов господину Тьеру!²

Чтобы понять экономическую и финансовую политику Коммуны, следует обратиться к докладу, сделанному Журдом на заседании 2 мая 1871 г.³

По мнению Журда и Комиссии финансов, банк не обязан давать авансы Коммуне. Коммуна должна щадить это учреждение и даже помогать ему; захват ценных бумаг ничего не даст, кроме исчезновения звонкой монеты из обращения. Что необходимо — это укрепить кредит. Журд предлагает проводить политику строжайшей экономии, которая позволит, уменьшив вдвое ввозные пошлины (октруа), обременяющие бедных, и увели-

¹ См.: Maxime du Camp, *Les Convulsions de Paris*, t. III, p. 149.

² 257 630 тыс.— согласно Максиму Дю Кану. (*Ibid.*, t. II, p. 213.)

³ «Procès-verbaux», t. II, p. 71—84. (См. русское издание, т. II, стр. 54—58.)

чив вдвое бюджет на народное образование, сократить на 17% бюджет города. Тогда можно будет заключить вполне гарантированные займы и дать рабочему классу орудия производства на сумму 200 миллионов, чтобы он имел возможность успешно бороться с конкуренцией хозяев.

Но пока Журд старается установить свой «практический социализм», что происходит на деле? Во исполнение политики экономии интендантство сдает с торгов свои подряды на изготовление военного обмундирования тем подрядчикам, которые согласились на более низкие цены. Получив заказ, подрядчик снижает сдельную оплату, то есть получается, что за политику экономии Журда расплачиваются рабочие и работницы. На заседании 12 мая¹ Клеманс сообщает, что работа, затрачиваемая на шитье куртки, которая в IV округе при правительстве 4 сентября оплачивалась в 4 франка, теперь, при Коммуне, оплачивается только в 2 франка 75 сантимов!

«С этим пора кончать»,— заявляет группа портних из X округа², протестуя против несправедливой расчетливости тех, кто их эксплуатирует. С общего согласия они протестуют против снижения сдельной оплаты: «Пора перестать делать трудолюбивую и искусную работницу жертвой, рабой, одураченной служанкой тех, кто имеет состояние и еще обогащается за ее счет».

4 мая Коммуна по требованию Комиссии труда и обмена выносит постановление, что эта комиссия будет представлена посредством делегатов в различных службах военного интендантства, чтобы ознакомиться с заключенными там договорами и сделать соответствующий доклад.

Граждане Лазар Леви и Эвент, члены Федеральной палаты рабочих обществ, посланные делегатами для проверки производства военного обмундирования, провели тщательное расследование и в своем докладе поставили вопрос следующим образом: «Эксплуататоры пользуются народной нищетой для снижения заработной платы, а Коммуна так слепа, что содействует подобным махинациям».

¹ «Procès-verbaux», t. II, p. 355. (См. русское издание, т. II, стр. 267—270)

² «Le Vengeur», 14 mai 1871.

По предложению Комиссии труда и обмена и после вмешательства Серраиё, Везинье, Артюра Арну и особенно Клеманса Коммуна издала декрет о пересмотре заключенных интендантством договоров на подряды. Она решает, что при заключении будущих договоров предпочтение будет отдаваться рабочим корпорациям, что цены при заключении подрядов будут устанавливаться по соглашению между интендантством, синдикальной палатой корпорации и Комиссией труда и обмена и что в условиях подрядов будет оговариваться минимальная оплата поденного и сдельного труда занятых выполнением этих подрядов рабочих и работниц¹.

*

Коммуна решает социальные вопросы эмпирически, но в то же время и не откладывая их, а по мере того как они встают перед ней.

Первый удар по праву собственности был нанесен 15 апреля декретом о конфискации имущества, принадлежащего членам версальского Национального собрания, сообщникам империи и правительства 4 сентября, а также правительства Тьера². На следующий день Коммуна решает обязать рабочие синдикальные палаты создать комиссию по обследованию, которая должна составить список мастерских, брошенных их владельцами, уклоняющимися от выполнения своего гражданско-

¹ Декрет от 12 мая 1871 г. (*Procès-verbaux*, t. II, p. 367) (См. русское издание, т. II, стр. 270.)

² «*Procès-verbaux*», t. I, p. 236—237. (См. русское издание, т. I, стр. 184—185.)

Тот же декрет облагает штрафом в десятикратном размере от выплачиваемых налогов тех жителей Парижа, которые эмигрировали, чтобы уклониться от выполнения своего гражданского долга, а также предписывает разоружение национальных гвардейцев, уклоняющихся от несения военной службы, лишение их гражданских и политических прав и наложение на них штрафа по решению военного суда.

Присутствовавшие на собрании члены Коммуны, избранные от центра столицы, голосовали против по нескольким противоречивым мотивам: Амуру и Ангуан Арно потому, что считали декрет недостаточным; Артюра Арну и Лефрансе потому, что считали декрет невыполнимым и опасным для республики, ибо редакция его дает слишком широкие возможности для произвола суден. Демэ вообще не мотивировал своего отрицательного отношения к декрету.

го долга и пренебрегающими интересами трудящихся. Комиссия должна составить доклад и указать, какие практические меры следует принять для быстрого введения в строй этих мастерских кооперативной ассоциацией рабочих, которые там работали. После возвращения хозяев третейский суд установит, на каких условиях рабочие общества могут выкупить эти мастерские¹.

На этот раз эксплуататоры были затронуты за живое. Газета «*Le Journal de Versailles*» становится их рупором:

«Их капитал, плод их сбережений, орудие их труда, экспроприрован, конфискован, роздан каким-то типам, объединившимся в общества под началом диктаторов, и на условиях, которые они охотно утверждают... Это ликвидация декретом предпринимателей и хозяев...»²

Среди рабочего класса этот декрет, напротив, вызывает горячее одобрение. Рабочие-металлисты, созданные 13 апреля синдикатом механиков на общее собрание, дают двум делегатам, которых они посылают для участия в комиссии, следующий наказ:

«Уничтожить эксплуатацию человека человеком, последнюю форму рабства; организовать труд с помощью солидарных ассоциаций с коллективным и неотчуждаемым капиталом»³.

Делаэ, председатель синдиката металлистов, и синдикальная палата портных, со своей стороны, выпускают воззвание ко всем синдикальным палатам рабочих обществ, чтобы они скорее направляли своих представителей в комиссию⁴. 15 и 18 мая происходили два первых общих собрания всех делегатов, избранных парижскими рабочими организациями⁵. Прошло бы еще несколько недель, и в Коммуну поступил бы доклад об условиях, необходимых для возобновления работы мастерских... Но вступление версальцев в Париж 21 мая принудило рабочих перековать орала на мечи.

¹ «*Procès-verbaux*», t. I, p. 243—244. (См. русское издание, т. I, стр. 190—191.)

² Номер от 19 апреля 1871 г.

³ «*Le Réveil du Peuple*», 26 avril 1871

⁴ См.: «*Paris libre*», 20 avril 1871; «*La Sociale*», 29 avril 1871.

⁵ «*Le Réveil du Peuple*», 18 mai 1871

Если бы Коммуна продержалась дольше, то, возможно, проект передачи управления мастерскими в руки рабочих не ограничился бы только мастерскими, покинутыми их хозяевами.

На заседании 4 мая Арнольд предлагает учредить национальные мастерские раскроя одежды, где работники-швей получали бы работу. «Таким образом мы избежим посредничества эксплуататоров». Потье хочет создать мастерские по пошивке белья, где шили бы рубашки и кальсоны для национальных гвардейцев. Ве-зинье предлагает издать декрет о «реквизиции всех крупных мастерских, после их инвентаризации и с выплатой в дальнейшем хозяевам возмещения, установленного экспертами, а также монополий, их орудий производства, сырья, контор и помещений», с тем чтобы временно передать эти мастерские рабочим ассоциациям, которые об этом попросят, а также открыть им кредиты и передавать заказы Коммуны этим ассоциациям¹.

Итак, Коммуна нащупывает оригинальную форму национализации, которая хотя и исходит из компенсации хозяев, однако имеет целью упразднение капиталистической эксплуатации.

Версаль не ошибся, усмотрев в предыдущем декрете, изданном 16 апреля, «расхищение, возведенное в социальную систему».

*

20 апреля триста рабочих-пекарей пришли к Ратуше, чтобы потребовать от Коммуны отмены ночного труда².

В тот же день Исполнительная комиссия Коммуны принимает эту меру, а также упраздняет бюро по найму, основанные бывшей императорской полицией. Каждая мэрия должна вести регистрацию рабочих-пекарей

¹ «Procès-verbaux», t. II, p. 148—149 (См русское издание, т. II, стр. 120, 121)

² Со слов Эдуара Моро, главы информаторов Центрального комитета, приведенных Добаном в его книге «Le Fond de la Société sous la Commune», p. 110—111. Моро острит по этому поводу. «Не работать ночью — это весьма неудобно, разве что булочники будут печь хлеб днем, а лентяи поедать его ночью. Новое затруднение!»

для бесплатного устройства на работу¹. Приняв это решение, Исполнительная комиссия удовлетворила требование, выполнения которого рабочие настойчиво добивались в течение двух лет. Но хозяева-булочники не расположены идти на отмену ночного труда согласно простому постановлению. 27 апреля они собираются в III округе и просят продлить ночную работу еще на несколько дней, чтобы подготовить необходимую закуску. Рабочие-пекари грозят выбить стекла в зале собрания. Назавтра в Ратушу отправляется внушительная делегация, чтобы требовать выполнения постановления. В Коммуне тут же разгораются дебаты².

Некоторые считают, что Коммуна не должна вмешиваться в конфликт между хозяевами и рабочими, но другие указывают, что рабочие-пекари не могут защищаться сами, так как они лишены права устраивать забастовки. Неужели стоит обращать внимание на протесты пяти хозяев, которые к тому же не могут договориться между собой, и вызвать этим недовольство нескольких тысяч рабочих? Рабочие должны получать образование, а как можно учиться, если работаешь по ночам? Если начинать работу в 5 часов утра, то к 8 часам можно давать свежий хлеб. До сих пор государство постоянно выступало против рабочих, пора бы ему наконец заступиться за них, против аристократии обжор.

Тейс считает, что, прежде чем издавать декрет, следовало бы попытаться привести к соглашению рабочих и хозяев-булочников. Если хозяева не пойдут ни на какие уступки и будут грозить закрытием булочных, всегда остается возможность прибегнуть к реквизиции и отдать булочные в эксплуатацию рабочим. Таково также мнение Артюра Арну³ и Лефрансе⁴. Франкель, марксист, вдохновитель Комиссии труда и обмена, считает, что Коммуна для того и существует, чтобы проводить социальные реформы:

¹ «Journal Officiel», 21 avril.

² «Procès-verbaux», t. II, p. 538—543. (См. русское издание, т. I, стр. 406—410.)

³ Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune, p. 131—132.

⁴ Gustave Le français, Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871, Neufchâtel, 1871, p. 298—299.

«Разве, проводя социальные реформы, мы должны советоваться с хозяевами? Нет. Разве с хозяевами советовались в 92 г.? А дворянство, разве с ним тогда советовались? Тоже нет. Я получил здесь лишь один наказ — защищать пролетариат, и, если какая-либо мера справедлива, я ее принимаю и провожу, не думая советоваться с хозяевами».

Эта речь, поддержанная Варленом, производит большое впечатление, и собрание переходит к рассмотрению очередных дел. Исполнительная комиссия выносит постановление, что запрещение ночной работы вступит в силу со среды 3 мая¹.

Но 2 мая под нажимом хозяев-булочников Общество взаимопомощи рабочих-пекарей «Сент-Оноре», помещающееся на площади Валуа, призывает в афише устроить на следующее утро манифестацию на площади Ратуши против решения, которое оно клеймит как «насилие над обществом»².

Итак, 3 мая в Коммуне вновь разгораются дебаты, но на этот раз, чтобы определить, какие санкции следует применять к упорствующим хозяевам³: испеченный ночью хлеб будет конфискован и передан в распоряжение муниципалитетов для раздачи нуждающимся. Муниципалитетам поручается следить за выполнением декрета.

8 мая в половине шестого утра полицейский комиссар Фруассар из квартала Сент-Авуа замечает, что в булочной на улице Сен-Мартен, 217, топится печь, что булочник Бегуен работает ночью и, «как он сам заявил, считает новые декреты абсурдными»⁴.

Оппозиционная пресса пронизирует. «Le Grelot»⁵ печатает

«Манифест граждан-золотарей, которые больше не хотят работать ночью:

...нужен хороший декрет и побыстрей! Верните золотаря его золотарше! Долой ночной труд!

А как же акушеры?

¹ «Journal Officiel», 29 avril.

² «Mairiales politiques françaises», t II, p 405

³ См.: «Procès-verbaux», t II, p. 100 et suiv. (См русское издание, т. II, стр 78—79)

⁴ Archives historiques de l'armée, carton Ly 17.

⁵ Номер от 14 мая 1871 г.

Принимая во внимание, что роды, происходящие ночью, досрочно старят тех, кто принимает в них участие,

что они являются вопиющим злоупотреблением и нарушением республиканских и истинно революционных принципов:

Статья первая: ночные роды отменяются и впредь считаются запрещенными.

Статья вторая: маленькие нарушители, коли таковы появятся вопреки статье первой, будут лишены гражданских и политических прав, если это будут мальчики; если это будут девочки, их запрут в исправительный дом Мабиль, пока им не исполнится 21 год. Повитухи, которые помогут им в неурочное время выбраться на свет божий, сами не взвидят света божьего».

Не обращая внимания на насмешки, муниципалитеты выполняют декрет. Так, Антуан Бретон, барабанщик 196-го батальона (I округ), один из двух рабочих-пекарей, которым было поручено следить в своем округе за выполнением постановлений, запрещающих ночную работу, является 19 мая в пять часов утра с тремя вооруженными федератами на улицу Кокийер (I округ) к булочнику Пулену, продолжавшему работать ночью. Он отбирает у него хлеб и перевозит в мэрию, а затем отправляется к булочнику Рейе на улице Нёв-де-Пти-Шан и поступает с ним таким же образом.

Эжен Клосс, секретарь комиссариата Анфан-руж (III округ), 19 мая просит начальника штаба III легиона выделить людей, чтобы «заставить уважать и соблюдать закон» булочников Пийе (улица Сентонж), Корне (улица Тампль) и Мельвуа (улица Бретань), которые не хотят подчиняться декретам Коммуны¹.

Полицейский комиссар квартала Вивьен уполномочивает рабочего-пекаря Фроманти, живущего на улице Пти-Карро, 13, конфисковывать испеченный ночью хлеб и останавливать ночную работу согласно декрету Коммуны².

Если многие хозяева-булочники протестуют и сопротивляются, то рабочие, напротив, выражают свое удов-

¹ Archives historiques de l'armée, carton Ly 17.

² Ibid, carton Ly 16.

летворение. 15 мая их синдикальная палата организует большое собрание в Национальном цирке на бульваре Фий-дю-Кальвер. Вся корпорация приходит колонной под звуки фанфар легиона, под красным знаменем с золотой бахромой, на котором написано: «Синдикальная палата рабочих-пекарей — Организация труда посредством ассоциации — Да здравствует дневной труд! — Уничтожение эксплуатации человека человеком». По окончании собрания, на котором присутствовало около 2 тыс. рабочих, новое шествие направилось к Ратуше, чтобы поблагодарить Коммуну за меры, принятые в пользу рабочих-пекарей¹.

*

На этом примере видно, что Коммуна придавала самое большое значение шедшей снизу инициативе, требованиям народа и старалась воплотить их в постановлениях.

«Основанная прежде всего на народном суверенитете,— пишет Лефрансе в проекте Конституции, представленном 29 марта Коммуне²,— коммунальная власть всегда должна быть его непосредственным выражением». Начиная со второго заседания Собрания Лефрансе ищет средств обеспечить постоянный контакт между избранными делегатами и народом: право собраний, союзов и свобода печати без ограничений, но также «право и долг каждого участвовать в политических собраниях своего квартала или округа» позволят гражданам при помощи свидетельств о гражданской благонадежности, которые они получают, организовать выборы всех своих должностных лиц³ и муниципальной полиции.

«Итак, пусть повсюду открываются ваши народные собрания,— продолжает Лефрансе.— Будут даны приказы, чтобы все помещения, которыми располагает Париж, были предоставлены вам».

¹ «Journal Officiel», 17 mai 1871; см.: L. Michelant, Un souvenir de la Commune, опубликованные А. И. Молоком в статье «Рабочие Парижа в дни Коммуны» («Вопросы истории», 1951, № 3).

² G. Lefrançais, op. cit., p. 196—197.

³ 8 апреля делегаты Коммуны, прикрепленные к мэрии 1 округа, избирают мировым судьей гражданина Сильвена Данриваля, живущего на улице Центрального рынка, 2 (по неизданному документу, приведенному Ларонзом в «Histoire de la Commune de 1871, La justice», p. 457).

25 апреля коммунальный Клуб Никола-де-Шан (III округ) публикует сообщение о своем рождении¹.

«Только что свершилось большое революционное дело: население III округа для нужд политического воспитания народа получило наконец общественное здание, которое до сегодняшнего дня служило только касте, от рождения враждебной всякому прогрессу. С установлением Коммуны граждане действительно обрели все свои права; они должны пользоваться ими, чтобы служить Коммуне, а в случае нужды напомнить своим уполномоченным, что врученный им мандат обязывает их спасти отечество, а следовательно, действовать энергично, отложив на время слишком большое уважение к законности, которое идет на пользу лишь реакции.

Герой Седана, чтобы утвердить свое проклятое царствование, не побоялся *выйти за рамки законности, чтобы вступить в права*, и ему удалось держать народ под сапогом в течение двадцати лет. То, что этот человек сделал во имя зла, может быть сделано во имя блага: *выйти за рамки законности, чтобы прийти к справедливости*.

К вам, граждане всех округов, обращаемся мы с призывом.

Следуйте нашему примеру, открывайте коммунальные клубы во всех церквях; священники могут служить там службу днем, а вы будете просвещать народ по вечерам.

Итак, за дело, и да здравствует Коммуна!»

Атмосфера, которая господствует вечером в нефе церкви старого квартала Гравилье, как можно себе представить, резко отличается от атмосферы, царящей днем во время богослужения. Гулкие своды усиливают говор множества людей, слабо освещенных газовыми рожками. Большое число женщин, некоторые с детьми на руках. Христос опоясан красным шарфом. Красным обтянута и расположенная против кафедры скамья для причта, предназначенная теперь для членов бюро комитета. Гремит орган, исполняя мощную «Марсельезу», которую толпа подхватывает хором. Длинные тени, звуки органа, звучность возгласов оратора на кафедре — все

¹ «Municipalités politiques françaises», t. II, p. 145.

принимает фантастические размеры. Под готическими сводами эхо повторяет проклятия, угрозы, крики торжества или бешенства, взрывы аплодисментов. Каждая речь заканчивается возгласом «Да здравствует Коммуна!», который без конца гремит и перекачивается под сводами.

Главная фигура Клуба Никола-де-Шан и один из его наиболее уважаемых ораторов Жозеф Мишель Пейзан является секретарем клуба. Он художник по кружевам, родился 30 мая 1841 г. в Лангрюн-сюр-Вир (Кальвадос) и живет на улице Пти-Карро, 33. Пейзан выше среднего роста, с растрепанной темно-русой шевелюрой, лицо его освещают блестящие серые глаза. У него мощное тело, но одна нога короче другой, недостаток, который он исправляет с помощью железной подпорки, почему и получил прозвище Железная Нога. Всегда изящно одетый, прекрасный оратор, он привлекает в клуб много женщин, которые, слушая его, шьют мешки для песка. Пейзан мечтает возродить страну с помощью модернизации земледелия¹. Он открывает два филиала коммунального клуба: в церкви Сент-Элизабет-дю-Тампль и в церкви Сен-Лё.

Пятнадцать делегатов Клуба Никола-де-Шан 30 апреля присоединились к гражданину Лорану и на другой день открыли Клуб Элизабет. В нем выступают Виар, Кловис Дюпон, Ландек и довольно странные народные ораторы, такие, как ярмарочный геркулес Жозеф Каррер, странствующий физик Марио Спини. Там же приветствуют гражданок Дебре, Леблан и маркитантку Лашез, прославившуюся своей храбростью на поле боя².

Мы разыскали в Военно-историческом архиве протокол открытия коммунального клуба в церкви «Лё» от 12 мая³.

Его подписали Клеман, Лешевалье, Манге, Леблан, Пейзан, Эбрар, Февр и Сериак. Лица, которые должны были произвести реквизицию здания по решению делегатов I округа (на территории которого оно находится) и открыть в нем третью секцию коммунального Клуба

¹ Archives historiques de l'armée, Ly 22. Пейзан 18 марта 1872 г. был приговорен к ссылке с заключением в крепости.

² См.: Fontoulieu, Les églises de Paris sous la Commune, p. 212—219. О подвигах Маргариты Генде, в замужестве Лашез, маркитантки 66-го батальона, см.: «Journal Officiel», 18 avril.

³ Carton Ly 22.

Никола-де-Шан, натолкнулись на «лицемерное сопротивление служащих этой церкви», они заявили, что «гражданин Ландек никогда не совершал тех поступков, в которых иезуиты его пытаются обвинить». Двери церкви, выходящие на бульвар, были заперты, и Ландек сказал: «Пора кончать эту комедию». «С помощью мелких хитростей и лицемерных уверток разбогатевшие буржуа стараются оттянуть время, чтобы помешать нам водвориться в этом зале»,—сказал он зевакам, собравшимся поглазеть на происшествие. Затем он заявил, что красное знамя будет торжественно водворено на здании в воскресенье 14 мая.

«Мы хозяева церковей,—заявил доктор Пийо, депутат от I округа, священнику церкви Сен-Рок, который 5 мая попытался помешать публичному собранию в своей церкви.—Мы оставляем вам их на день, но с семи часов вечера и до полуночи они будут служить для публичных собраний. Позаботьтесь о том, чтобы двери были открыты и церковь была освещена»¹.

В церкви Сен-Рок церковные службы продолжаются, и 11 мая там происходит торжественное причастие. Можно отметить лишь один инцидент: как-то во время воскресной службы, когда священник вознес чашу с дарами, известный парфюмер с улицы Ришелье, человек лет шестидесяти, принялся кричать пронзительным голосом: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Социальная революция!», чем вызвал настоящую панику...

В церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа 29 апреля собирается Клуб свободомыслящих под председательством некоего Пьера, организатора батальона «Дети отца Дюшена», с участием гражданки Лодойской, одетой в шауровары и гусарский мундир.

На собрании присутствуют 500 человек, в большинстве жильцы меблированных комнат этого квартала. Торговка подержанным платьем с улицы Арбр-сек требует полного раскрепощения женщины, а маркитантка из батальона «Мстители Парижа» предлагает принять решение в пользу разводов, к большому возмущению нескольких присутствующих реакционеров, протесты которых заглушаются громкими аплодисментами сторон-

¹ Fontoulieu, op. cit., p. 88.

ников Коммуны Жюстен Латур, старый участник баррикадных боев 1848 г., чтобы покончить с «версальскими убийцами», предлагает сбросить на них зажигательную и удушающую бомбу, которую можно спустить на специальных воздушных шарах. Предложение его вызывает смех, а он добавляет

«Не смейтесь, граждане, я говорю вполне серьезно. В результате мы уничтожили бы продовольственные запасы и упряжки противника и, кроме того, вывели из строя армию Тьера, а затем, воспользовавшись ее бездействием, захватили бы Версаль».

Предложение этого провозвестника газовой войны не принимается. Зато, напротив, Коммуна издает декрет во исполнение пожелания Клуба Жермен-л'Оксерруа о введении удостоверения личности, обязательного для всех жителей Парижа¹, чтобы можно было разоблачить версальских шпионов.

5 мая двери церкви Сент-Эташ раскрылись перед густой толпой, собравшейся по призыву Центрального комитета 20 округов, основавшего Центральный клуб Парижа². Гражданин Бланше, член Коммуны, председательствующий на этом собрании, запрещает присутствующим курить трубки, в самый разгар заседания Троэль арестовывает Шарля Люлье. Собрания происходят каждый вечер. Перед многочисленной аудиторией выступают Дюран, Везинье, Виар. Слушают там и местных ораторов Рапá, разносчика газеты «Le Cri du Peuple», Франсуа Маншона, героя 1848 г., маркигантку 84-го батальона³, чесальщицу шерсти для матрасов с улицы Кэр и Большую Франсуазу, фальцовщицу газет.

В II округе нет клубов в церквях. Только 17 апреля Журд и Варлен производят обыск в часовне Сен-Сакреман в Тюильри и забирают ее сокровища, чтобы послать их на переплавку в Монетный двор. Политически неразумная мера, напрасно оскорбляющая верующих ради жалкого дохода, тогда как в двух шагах лежат нетронутые богатства Французского банка.

¹ См. П. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 года, М. 1940.

² «Municipalités politiques françaises», t II, p. 409.

³ Гражданку Броссю. Когда версальцы входят в Париж она героически сражается у Монпарнасского вокзала и на улице Вавен (Fontouilleu, op cit, p. 15—16).

В IV округе тоже нет клуба. В Нотр-Дам, там происходит 19 мая всего одно собрание артиллеристов, не занятых на поле боя, и участвуют в нем около 150 человек¹. Клуб комитета бдительности IV округа проводит собрания в зале Лирического театра (Театра Сары Бернар), и муниципалитет поддерживает хорошие отношения с духовенством. 8 мая в церкви Сен-Поль с большой торжественностью проходят похороны гражданина Жильбера, командира 120-го батальона, убитого 5 мая во время сражения у редута Мулен-Саке. Только 17 мая местный клуб переводится в церковь Сен-Поль. В нем выступают Артюр Арну, Тома Шеналь, сын привратника Робеспьера, Жюль Этьенн, молодой солдат 108-го линейного полка и несколько гражданок этого квартала.

Но в III округе клубы в церквях наиболее активны. 1 мая около 5 тыс. граждан, собравшихся в церкви Никола-де-Шан, поручают присутствующему на собрании Везинье передать Коммуне следующие резолюции и потребовать от нее вынести соответствующие постановления: назначить дополнительные выборы для замены всех ушедших в отставку, обязать Комитет общественного спасения «энергично и решительно следовать по революционному пути, который один только и может спасти Коммуну и обеспечить окончательную победу Республики», передать в распоряжение граждан церкви для проведения по вечерам публичных собраний, «так чтобы можно было давать гражданам политическое воспитание и образование и держать их в курсе всех общественных дел».

Везинье выполняет данное ему поручение на заседании 3 мая².

14 мая Клуб Эташ принимает предложение об издании декрета об ускорении строительства баррикад. Их следует закончить за 48 часов с помощью резервных (гарнизонных) батальонов, юношей от 12 до 18 лет и маршевых батальонов, находящихся на отдыхе более двух дней.

Клуб Эташ предлагает также изгнать всех жен полицейских, жандармов и чиновников, бежавших

¹ За отсутствием документов мы ссылаемся на Фонтюлье. (Fontouilleu, op cit.)

² «Procès-verbaux», t I, p. 89—90. (См. русское издание, т II, стр. 71.)

в Версаль; он требует, чтобы домовладельцы отдали расписки о просроченных платежах за квартиры, а также отсрочили платежи за июльский и октябрьский кварталы, полностью аннулировав задолженность по платежам менее 500 франков и сделав скидку на одну треть по платежам свыше 500 франков

Шесть тысяч граждан, собравшихся через два дня в Клубе Никола-де-Шан, единогласно приняли ту же резолюцию. Выступив на этом собрании, гражданка Поль Менк, приехавшая из провинции, заверяет, что коммунальное движение приняло в деревне очень широкий размах. Один из присутствующих, делегат XI округа, предлагает организовать Центральный комитет парижских клубов, который будет собирать все предложения, сделанные на различных собраниях, чтобы их обсуждать и передавать Коммуне¹. Эта Федерация клубов наладила бы более быстрое общение между разными собраниями и установила прочную связь, которая придавала бы большую силу волеизъявлениям народа².

Нет никакого сомнения, что, если бы Коммуна существовала дольше, Федерация клубов начала бы действовать. С 6 мая Клуб Никола-де-Шан выпускает первый номер «Le Bulletin communal», печатного органа клубов, который следующим образом определяет свою программу:

«Все важные предложения, принятые на публичных собраниях, будут печататься в «Le Bulletin communal», так же как и дискуссии, которые они вызовут.

На самые ответственные заседания мы будем посылать стенографа и призовем ораторов отстаивать наше дело.

Мы будем оповещать о времени публичных собраний в церквях с помощью афиш по просьбе граждан, которые пожелают назначить такое собрание».

Он обращается с кратким манифестом «К народу!»:

¹ Эта идея исходит от Федерального совета парижских секций Интернационала, который 3 мая делегировал пять членов Интернационала «для создания инициативной комиссии, уполномоченной представить на обсуждение и утверждение Коммуны результаты работ парижских секций» («Les séances officielles de l'Internationale», p. 174)

² «Journal Officiel», 16 mai 1871.

«Цель коммунального клуба защищать права народа, заниматься его политическим воспитанием, дабы он мог сам управлять собой, напоминать избранным нами депутатам, чтобы они не отклонялись от наших принципов, и помогать им во всем, что они будут делать для спасения Республики. Но прежде всего утверждать суверенитет народа, который никогда не должен отказываться от своего права надзора за действиями своих доверенных лиц.

Народ! Управляй собой сам посредством публичных собраний, посредством своей печати; оказывай давление на тех, кто тебя представляет; им никогда не зайти слишком далеко по революционному пути.

Если твои представители оробеют или остановятся, подтолкни их, чтобы достигнуть цели, к которой мы стремимся, а именно: завоевать свои права, утвердить Республику и добиться торжества Справедливости.

Да здравствует Коммуна!»

Комитет предлагает делегатам, которым поручено передавать в Коммуну предложения публичных собраний, присоединиться к делегации Клуба Никола-де-Шан, которая каждый день в 14 часов отправляется в Радушю.

Гражданин Лоран требует, чтобы Парижская Коммуна поступала так же, как Коммуна в 93 г.: пусть она выделит два часа в день для выслушивания всех требований и жалоб. Гражданин Ландек предлагает представить в Коммуну суточный мясной паек, выданный гвардейцам 3-й роты 88-го батальона, проводшим сутки в траншеях Нейи, чтобы Коммуна определила, достаточен ли этот рацион. «Граждане гвардейцы убеждены, что Коммуна не знает о действиях взяточников, за которыми надлежит следить».

В Федерацию клубов входит одиннадцать организаций¹, среди них Республиканский союз, улица Вивьен, 36 (I округ), коммунальный Клуб Никола-де-Шан, Клуб в зале Мольера, улица Сен-Мартен, 159 (III округ), Центральный комитет (IV округ) и Исполнительный комитет Республиканской ассоциации департаментов.

¹ «Le Vengeur», 7 mai 1871.

Их воззвание, напечатанное в газете «Le Vengeur» Феликса Пиа, уточняет, что комитет, в который входят по три делегата от каждого клуба, имеет двойную задачу: с одной стороны, передавать Коммуне предложения клубов после их рассмотрения; с другой — держать повседневную связь с Коммуной, дабы она могла сообщать ему свои постановления и информацию о военных действиях за день, а он будет передавать их в клубы, «чтобы избежать часто весьма плачевных последствий, вызванных ложными сообщениями газет».

«Le Vengeur» снова становится глашатаем этих проектов в своем номере от 17 мая: «Большинством голосов Коммуна постановила создать центральный клуб, аналогичный Якобинскому клубу, куда войдут делегаты от всех клубов Парижа. Этот клуб будет поддерживать постоянную связь с большинством Коммуны, которая через него будет узнавать мнение народа».

Амуру, 16 мая объявивший на большом собрании в Клубе Никола-де-Шан, что он согласен с этой новой федерацией, выступает 20 мая как ее сторонник во время отчета перед своими избирателями¹:

«Коммуна может совершать ошибки, и она их совершала; она недостаточно вдохновлялась народным движением. (*Аплодисменты.*) Как я уже говорил в Никола-де-Шан, когда Робеспьер или Сен-Жюст приходили в Конвент, они были сильны, так как шли из Якобинского клуба или из клуба Кордельеров, так же как и Марат был силен, потому что он писал то, что слышал среди трудового народа».

*

Избранный или делегат получает императивный мандат и должен отчитываться в его выполнении. Это и делают делегаты III округа в газете «Journal Officiel» от 13 апреля. Таким образом, мы узнаем, что административный персонал мэрии до 31 марта состоял из начальника канцелярии, его помощника и пятнадцати чиновников, общий месячный заработок которых составлял сумму 3525 франков, а теперь осталось всего де-

¹ «Procès-verbaux», t II, p 458—459 (См русское издание, т. II, стр. 377.)

вать чиновников, что снижает расходы на их жалованье на 1400 франков.

Широко используются для связи с массами также афиши. Перечень печатных работ, выполненных Национальной типографией за один только март 1871 г. по заказам Центрального комитета национальной гвардии, указывает, что за этот период были напечатаны 33 афиши тиражом от 6 до 10 тыс. экземпляров¹.

*

Граждане не ограничиваются тем, что на публичных собраниях оказывают давление на своих избранников, они непосредственно участвуют в управлении общественными делами в окружных мэриях.

В мэрии IV округа муниципальная комиссия состоит из двенадцати граждан, простых рабочих или мелких торговцев, совершенно не подготовленных к административной работе, дело это для них абсолютно ново. Они проводят целые дни в мэрии, по ночам сменяют друг друга, и все это за грошовую оплату в пять франков! Раз в неделю они собираются вместе с делегатами округа, чтобы подвести итог проделанной работе, изложить положение дел, предложить необходимые реформы. На одном из этих собраний они просят, как милости, дать им один свободный день в неделю... чтобы иметь возможность побывать на передовых постах, в своем батальоне, подбодрить товарищей и выслушать их жалобы².

*

Присутствие Антуана Демэ в Комиссии просвещения с самого ее основания (29 марта), несомненно, объясняет значительную активность муниципалитета III округа в школьном вопросе. Демэ помогает школьная комиссия под председательством гражданина Бибаля³. Активистка гражданка В Маньер (учительница) 4 апреля открывает на улице Тюренн, 38, школу-мастерскую для

¹ Archives historiques de l'armée, Ly 20

² Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire, p 53.

³ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 520.

девочек старше двенадцати лет, где практическая работа чередуется с занятиями науками и художественными ремеслами. Эта профессиональная школа, доступная для всех, субсидируется Коммуной и муниципалитетом; в школе-мастерской применяется «прогрессивное обучение, целиком свободное от предрассудков»¹.

«Граждане,— пишут избранники III округа в афише от 23 апреля²,— то, чего вы требовали вместе с нами с давних пор, то, в чем нам отказало правительство 4 сентября: чисто светское образование, теперь в нашем округе свершившийся факт.

Благодаря нашим усилиям и стараниям Комиссии просвещения руководство тремя школами, находившимися под началом конгрегаций, на улицах Фердинан-Берту, Нёв-Бур-л'Аббе и Беарн, с сегодняшнего дня передано светским преподавателям.

Мы надеемся, что эти преподаватели ради будущего нашей страны воспитают граждан, сознающих свои права и обязанности перед Республикой».

В II округе решения Коммуны о введении светского образования также проводятся в жизнь. Коммунальная делегация II округа определяет свою позицию по этому вопросу в афише, вышедшей 6 мая:

«Граждане!

До сих пор конгреганистские школы служили лишь монархическим целям; Республика не может оказывать содействие этим учреждениям, которые возвели в принцип отрицание всякого прогресса. Светское, бесплатное, обязательное обучение — такова программа, которой должна придерживаться Революция; такова программа и коммунальной делегации II округа. Вот какими будут наши школы, если наши цели будут поняты и наши намерения поддержаны. Твердо уверенные в настоятельной необходимости воспитать здоровое и сильное поколение, которое вскоре сумеет решительно воспользоваться завоеваниями Революции, мы намереваемся утвердить подлинное обучение: обучение, которое в области науки основывается только на утвержденных и бесспорных фактах, вышедших чистыми и без всяких примесей из горнила

¹ «Le Vengeur» 3 avril 1871

² «Municipales politiques françaises», t. II, p. 327.

человеческого разума, а в области морали будет следовать вечным принципам справедливости и свободы, которые создают человека и гражданина.

И, однако, даже столь глубокого изменения воспитания молодежи было бы недостаточно. Поэтому мы направим свои усилия и на организацию профессионального обучения.

Пусть каждый ребенок независимо от его пола, пройдя курс начальной школы, имеет возможность окончить школу-мастерскую, получив серьезную подготовку к одной или двум профессиям физического труда,— такова наша цель.

Мы приложим все усилия, чтобы добиться этого результата, ибо высшее достижение человеческого прогресса заключено целиком в простых словах: труд всех для всех.

Необходимо, чтобы человечество строго соблюдало этот завет, древний, как первобытное общество,— основу всякого истинного равенства: „Кто не работает, тот не ест“».

Члены Коммуны, делегаты от IV округа (Амуру, Арну, Клеманс и Жерарден) говорят тем же языком:

«Школа — это нейтральная почва, на которой все те, кто стремится к науке, должны встретиться и протянуть друг другу руки.

Именно в школе важно научить ребенка тому, что всякую философскую концепцию следует подвергнуть проверке разума и науки.

Коммуна не собирается оскорблять какие бы то ни было религиозные убеждения, но она считает своим прямым долгом следить за тем, чтобы ребенка не насильствовали, вбивая ему в голову утверждения, которые он по своему незнанию не может ни подвергнуть критике, ни добровольно принять.

Таким образом, мы устранили из публичных школ округа всех членов различных религиозных конгрегаций, которые вопреки принципам свободы совести и культов, утвержденных Французской революцией, до сих пор пользовались правом преподавания.

С сегодняшнего дня этими школами будут руководить только светские учителя и учительницы, и мы, неустанно проводя инспекции, будем тщательно сле-

дить за тем, чтобы всякое преподавание в религиозном духе было полностью устранено»¹

28 апреля родителям учеников, посещающих школы III округа, сообщили, что все школьные принадлежности, необходимые для обучения детей, будут выдаваться бесплатно наставниками, которые получают их в мэрии².

14 мая математик Эжен Андре, член Комиссии просвещения Коммуны, обращается с призывом ко всем гражданам, которые могут выполнять обязанности репетиторов, явиться в муниципальную школу Тюрго, на улице Тюрбиго, 69³, руководимую профессором математики Жюлем Кессо⁴.

В середине мая члены Коммуны от III округа создают административный комитет муниципального приюта, в который входят граждане председатель школьной комиссии Бибаль, Дюбар, Дедио-отец и Леон Жакоб, генеральный секретарь мэрии. Они извещают об этом население в афише, где, в частности, объявляют

«С 4 сентября в нашем округе существует группа обездоленных детей, собранных отовсюду страдательными людьми, которые, однако, за отсутствием средств и необходимой свободы действий, не могли обеспечить им тех нормальных условий жизни, в каких они нуждаются в их тяжелом положении

Мы говорим о сиротах, находившихся на улице Парк-Руаяль, 10; все заботы о них легли на плечи граждан III округа, которые в силу своей доброй воли и патриотизма до сегодняшнего дня возмещали бездействие нерадивой администрации

Эти дети в течение восьми месяцев жили в непригодном для их нужд помещении, были лишены самого необходимого и не знали тех забот, какими окружают детей в семье.

Так вот! Мы, граждане и гражданки, «бандиты и грабители», как нас называют версальцы, едва при-

¹ «Journal Officiel», 12 mai 1871

² «Municipalités politiques françaises», t II, p 398.

³ «Le Cri du Peuple» 14 mai

⁴ Жюль Кессо родился в Лодеве (департамент Эро) 3 сентября 1830 г и проживал на улице Монмартр 161 (II округ). Как значится в его досье (AN dossier BB 24 854 B), он был расстрелян после вступления версальцев в Париж

ступив к своим обязанностям, тотчас занялись устройством этих сирот.

Монашки, державшие школу на улице Вьей-дю-Тампль, 108, сбежали, как только воцарилась Коммуна, и мы завладели занимаемым ими зданием и немедленно приспособили его для новых целей. Третьего дня мы перевели туда сорок семь девочек и мальчиков, и теперь они будут окружены заботой и в то же время получают свободное образование и моральное воспитание у независимых преподавателей этого заведения».

Коммунальная делегация II округа призывает «граждан проявить инициативу» для реорганизации благотворительного бюро и придания этому делу «братского и разумного характера, который оно должно иметь»¹.

Привлекая граждан к управлению городскими службами, Коммуна достигает значительной экономии. Из рапорта гражданина Трейяра, директора Управления общественного призрения, мы узнаем, что для того, чтобы раздать двадцати округам около 5 млн. франков на пособия, служившая при империи и при правительстве 4 сентября администрация тратила от 800 до 900 тыс. франков на содержание персонала и бюро. Помимо служащих благотворительных бюро администрация содержала еще 160 сестер милосердия. «Благотворительность может свободно обойтись без министерства религии, которое всегда рассматривало ее как милостыню, тогда как дух солидарности, связывающий республиканцев, обязывает их рассматривать ее как долг», — пишут члены Коммуны от III округа². Вследствие чего благотворительное бюро и религиозные благотворительные дома в этом округе закрыты и заменены десятью муниципальными кухнями и муниципальной аптекой, связанными с Бюро общественного призрения.

¹ «Journal Officiel», 1 avril.

² «Municipalités politiques françaises», t II, p 466

*

Рауль Риго не такой человек, чтобы демократизировать парижскую полицию. Отнюдь не собираясь ликвидировать префектуру полиции — требование, много раз выдвигавшееся передовыми республиканцами, — он ограничивается тем, что заставляет ее работать после быстрой смены ее руководящих кадров. В своем кабинете, в глубине двора часовни Сент-Шапель, заставленном отбитыми у версальцев знаменами, реквизированной церковной утварью, всевозможными вещами, как в лавке старьевщика, где ружье Эрнеста Пикара соседствует со шпагой генерала Галиффе, Рауль Риго, как всегда верный себе, вызывает восхищение своих друзей вольностью и остротой выражений.

3 апреля он допрашивает иезуита отца Дюкудрэ, версальского агента, которого велел арестовать:

- Ваша профессия?
- Служитель божий.
- Где живет ваш хозяин?
- Везде.

— Секретарь, пишите: Дюкудрэ, слуга некоего бога, занимающегося бродяжничеством...

На другой день, решив арестовать архиепископа парижского, он приказывает полицейскому комиссару: «Подите, возьмите четырех легашей и изловите мне попа!»¹

Риго умел отбрызнуть одним словом.

Когда взятый под арест архиепископ Дарбуа входит в кабинет Риго и, обращаясь к присутствующим, говорит: «Дети мои...», делегат при префектуре резко обрывает его: «Здесь нет никаких детей, а только граждане и судьи Коммуны!»

Председателю кассационной палаты Бонжану (в ордере на арест которого не было указано, в чем его обвиняют), заявившему о незаконности таких действий, Риго отвечает: «Мы занимаемся не законностью, мы занимаемся революцией»².

¹ См. свидетельство доктора Бланшона, медика парижских пожарных при Коммуне в: «1871. Enquête sur la Commune de Paris», Edition de la Revue blanche, Paris, 1897.

² L a r o n z e, Histoire de la Commune de 1871, p. 58.

Риго не слишком требователен по части достоинств некоторых своих сотрудников. Эжен Жерарден просит его об увольнении комиссара по особым делам Лионского вокзала: «Он ведет себя с таким цинизмом, что вызывает негодование у всех служащих... Он, несомненно, обманул ваше доверие. Такие люди приносят нам огромный вред»¹.

Клюзере 19 апреля отчитывает молодого делегата при префектуре полиции: «Старайтесь быть построже и менее терпимым к самоуправству ваших комиссаров полиции, двадцатилетних юнцов, вроде того, что сидит на Монмартре»².

Клюзере неправ, меряя всех одной меркой. Квартальные комиссары, в большинстве своем назначенные по предложению клубов, чаще всего рабочие или мелкие служащие, люди добросовестные и преданные революционному делу.

Алексис Рамбер, комиссар квартала Аршив, — рабочий-гравер. Брат Алексиса, Луи, его заместитель, — эмалировщик. А. Каминский, секретарь комиссариата квартала Гайон, сын торговца-корзинщика из Бельвиля, служащий на парижском складе хрустальных изделий Баккара³, занимает очень скромную должность. Вместе со своими коллегами Раво, Форе и Лепажем он просит 4 мая

«господина комиссара обратиться к начальнику персонала бывшей префектуры с просьбой выплачивать нам в течение некоторого времени немного денег в счет жалованья, чтобы мы могли жить до тех пор, когда получим хоть маленькую сумму, так как после пережитого нами кризиса ни у кого из нас нет никаких накоплений. Вследствие чего мы просим, если это возможно, платить нам 10, 20 и 30 числа каждого месяца. Привет и братство»⁴.

Моблировка в комиссариатах крайне скучна. Когда гражданин Фруассар занимает 28 марта помещение комиссариата в квартале Сент-Авуа в присутствии хозяи-

¹ Неизданный документ, Archives historiques de l'armée, Ly 16.

² APР, Ва 1015—1016.

³ Archives historiques de l'armée, Ly 16.

⁴ Ibid. На документе стоит пометка красным карандашом: «Выполнено».

на дома гражданина Рожере, в инвентарном списке указывается, что в кабинете комиссара остались: одно бюро, один стол, шесть стульев, три кресла и две занавески из обивочного материала; а в двух бюро: десять соломенных стульев, маленький столик, скамейка, печка, полированный шкафчик и... ни одного ключа.

Клодиус Дарю, комиссар квартала Бонн-Нувель, улица Сен-Дени, 226 (II округ), тратит 64 франка на переезд и уборку помещения, 40 франков на покупку бюро, 60 франков на оплату квартиры, итого 164 франка, взятые им из его месячного жалования, которое равняется 250 франкам (его секретарь Бартельс Дюкан получает 200 франков, инспектор мебелированных комнат Дезарш — 120 франков).

Комиссар Майо из квартала Вивьен очень педантичен. Он составляет точный перечень расходов своей конторы, который составляет 50 франков 70 сантимов, «включая 65 сантимов, отданных бездомным бродягам».

Полицейские комиссары часто вмешиваются, чтобы заставить выполнять решения Коммуны в пользу квартирантов, рабочих-пекарей и т. д. Они продолжают обеспечивать общественный порядок. Краж мало, лишь иногда какое-нибудь мелкое жульничество или правонарушение: господин Росье, часовщик, живущий на улице Жюсьенн, 7, не отдает стенные часы, принадлежащие госпоже Шарпантье, живущей на улице Верней, 52. Вот уже четыре месяца, как она тщетно просит их вернуть. Вдову Шардон (квартал Бонн-Нувель), обвиненную в мошенничестве, отправляют в арестный дом. Прекращают стычки между госпожой Пьерсон, улица Кенкампуа, 99, и гражданкой Анжель, та же улица, 71, «из-за подаренной и взятой обратно собаки» (квартал Сент-Авуа). Гражданин Эмерик, комиссар квартала Май, ведет строгое расследование по поводу очень ценного бордоского дога и, «стараясь прежде всего избежать пристрастного суждения в этом деле», обращается к Курне, члену Комиссии общественной безопасности, который отсылает его к Риго. Комиссары подписывают множество пропусков на ввоз вина, муки и скота, находят ключи и бумажники, ловят потерянных собак.

Благодаря участию национальной гвардии выполнение функций полиции приобретает более демократический характер. Однако не всегда все проходит гладко

«Есть еще национальные гвардейцы, которые не понимают своей миссии», — пишет поэт-песенник Жан Батист Клеман, делегат Коммуны в мэрии на Монмартре¹:

«Разумеется, мы прогнали доносчиков, полицейских и жандармов, чтобы они больше никогда не мозолили нам глаза; однако дело полиции, то есть поддержание порядка, справедливости и свободы, должно выполнять национальная гвардия. Таким образом, каждый в свою очередь охраняет всех. Поэтому национальный гвардеец, выполняя приказ, польза которого признается всеми, не должен чувствовать себя ни полицейским, ни доносчиком»

Но вот Ж. Б. Клеман приказал начальнику поста на площади Бланш запретить вешать белье посреди бульвара Клиши, и в лице капрала Деэра из 7-й роты 158-го батальона натолкнулся на «упрямца, который счел для себя унижительным выполнить мой приказ и сказал, что он не шпик...».

Однако капрал Деэра исключение, которое лишь подтверждает правило. Почти всегда именно пикеты национальных гвардейцев отбирают оружие и амуницию у старьевщиков и мелких лавочников Тампля, реквизируют церковное имущество, арестовывают уклоняющихся от военной службы.

Национальная гвардия выполняет и обязанности «разведывательной службы» через посредство «службы информаторов», организованной при Центральном комитете Эдуаром Моро для информации военного делегата.

*

Большинству дебатов в Коммуне о новых законах предшествует призыв ко всем заинтересованным лицам, чтобы они приняли участие в предварительных работах.

31 марта, едва придя к власти, Коммуна приглашает рабочие общества, торговые и промышленные синдикальные палаты еще до 10 апреля прислать в Комиссию труда и обмена свои соображения по поводу проблемы сроков платежей. Собранные материалы и многочисленные проекты декретов, составленные на их основе, заняли центральное место в дискуссии, длившейся в тече-

¹ «L'Autographe», 6 mai 1871

ние пяти заседаний Коммуны. Декрет, опубликованный 18 апреля, плод этих серьезных работ, предусматривал, что оплата просроченных векселей будет производиться в течение трех лет, начиная с 15 июля 1871 г., каждые три месяца, без взыскания процентов. Даже версальская пресса не могла осудить эту мудрую меру, у которой есть только один недостаток: к ней пришли немного поздно, ибо мелкая буржуазия уже успела отдалиться от Коммуны, падение которой она предчувствует.

Еще одно значительное законодательное мероприятие: декрет относительно залогов в ломбардах. Артюр Арну и Лефрансе принимают активное участие в дебатах. Их избиратели — мелкие ремесленники, лавочники и рабочие IV округа — часто прибегают к займам под залог в ломбарде, главная контора которого находится на улице Блан-Манто.

Ломбард, объясняет Артюр Арну¹, дает под залог смехотворно жалкие суммы за все, кроме золотых и серебряных изделий.

«Так, за пальто, которое стоило 120 франков у портного, вам дадут 10 франков, да еще при условии, что вы его ни разу не надевали. Бедняк и рабочий закладывают свою одежду после того, как уже носили ее, и получают поэтому совершенные гроши. То же самое происходит и с постельными принадлежностями, бельем и с большей частью рабочих инструментов».

Разрешив бесплатно забрать из ломбардов вещи, заложенные менее чем за 20 франков, Коммуна добилась поставленной цели: прийти на помощь самым бедным. Однако надо было, чтобы квитанция находилась в руках человека, заложившего свою вещь. А между тем нередко квитанции тоже продавали...

Артюр Арну сообщил Коммуне, что существует своего рода «промысел» своры перекупщиков, которые за шесть или десять су скупают квитанции на 20, 30 или 50 франков. Они и так уже очень богаты, и их совершенно незачем еще обогащать. Вот почему декрет от 7 мая предусматривает бесплатную выдачу по квитанциям одежды, мебели, белья, книг, постельных принадлежностей и рабочих инструментов лишь тем лицам, которые, удостоверив свою личность, докажут, что они и есть закладчики вещей. Этот декрет распространялся на 800 тыс. предметов! Чтобы установить очередность выдачи вещей, приходится прибегнуть к жеребьевке; она состоялась 11 мая в парижской Ратуше, под председательством члена Комиссии финансов Лефрансе. На другой день уже начинается выдача вещей на улице Блан-Манто и в двух филиалах, на улице Серван (XI округ) и на улице Бонапарта (VI округ).

•

Если у нас нет документов, доказывающих, что декрет от 24 апреля, разрешавший реквизицию пустующих квартир и передачу их жителям из разбомбленных кварталов, проводился в жизнь, зато у нас есть много доказательств применения закона о квартирной плате. Декрет от 29 марта¹ дает отсрочку всем квартиросъемщикам — включая и тех, кто снимает меблированные помещения, — за октябрьский терм 1870 г., а также за январский и апрельский термы 1871 г. Суммы, внесенные за эти девять месяцев, засчитываются в счет будущих термов. Контракт по воле съемщика может быть расторгнут в течение шести месяцев или продлен еще на три месяца.

26 апреля комиссар Дюрю из квартала Бонн-Ну-вель требует от хозяйки отеля Валансьенн, улица Сен-Совёр, 99, чтобы она разрешила гражданину Месмену остаться в своей комнате, оплаченной вперед согласно декрету. Сверх того, гражданину Месмену разрешено применить вооруженную силу в случае отказа впустить его в дом².

2 мая тот же комиссар полиции в соответствии с декретом Коммуны требует, чтобы господин Каз разрешил мадемуазель Гобер остаться в снимаемой ею комнате, так как она уплатила в течение льготного срока 650 франков, которые согласно декрету могут быть зачтены в счет будущей оплаты³.

¹ См. «Procès-verbaux», t I, p 53 (См русское издание, т I, стр 43)

² Archives historiques de l'armée, Ly 16

³ Ibid

¹ Procès-verbaux», t II, p. 224 (См русское издание, т II, стр 170)

Лучшим примером выполнения административных обязанностей выборными делегатами, то есть самоуправления, или в полном смысле слова демократии, является та практичность и быстрота, с какой Коммуна разрешила проблему военных пенсий.

В ту пору не существовало ни законодательства о пенсиях, ни министерства бывших фронтовиков и жертв войны. Приходилось все создавать заново. 2 апреля по предложению Прото Коммуна решает усыновить «членов семей граждан, которые пали или падут, отражая преступное нападение роялистских заговорщиков на Париж и Французскую республику»¹. 8 апреля Гюстава Лефрансе избирают в комиссию, которой поручено составить проект декрета. 10 апреля Коммуна под председательством Артюра Арну изучает текст, представленный комиссией. В дискуссии участвуют Эжен Варлен, Артур Арну, Кловис Дюпон, Лефрансе, Антуан Демэ, Амуру, и под конец все единогласно одобряют декрет, предоставляющий ежегодную пенсию в размере 600 франков жене убитого национального гвардейца, 365 франков его детям до 18 лет и от 100 до 800 франков его ближайшим родственникам: отцу, матери, братьям и сестрам, если они докажут, что погибший был для них необходимой опорой. Проверку сведений будет производить специальная комиссия из шести членов, выделенных для этого в каждом округе. Комитет, состоящий из трех членов Коммуны, будет обобщать результаты проверки и выносить окончательное решение².

На следующий же день муниципалитет IV округа созывает делегатов одиннадцати батальонов для выборов шести членов комиссии по проверке³.

Выборы, проведенные 24 апреля в парадном зале мэрии, дали следующие результаты:

¹ «Procès-verbaux», t. I, p. 106 (См. русское издание, т. I, стр. 85.)

² Ibid., p. 162. (Русское издание, т. I, стр. 136.) Этот комитет был утвержден 18 апреля по настоянию Варлена, которого в министерстве финансов осаждали ходатайствами. В него входил Лефрансе («Procès-verbaux», t. I, p. 272) (См. русское издание, т. I, стр. 215.)

³ «Mairiales politiques françaises», t. II, p. 251

голосующих — 186, абсолютное большинство — 94. Пиа, 94-й батальон, получил 172 голоса, Дуи, 212-й батальон, — 139 голосов, Бизар, 183-й батальон, — 137 голосов, Деллес, 96-й батальон, — 128 голосов, Жоффруа, 95-й батальон, — 117 голосов, Леметр, 162-й батальон, — 109 голосов.

Сообщив результаты выборов населению, Лефрансе, председатель комиссии по проверке, предлагает заинтересованным лицам подавать свои документы в мэрию¹.

Ротные делегаты от десяти батальонов III округа собираются 25 апреля под председательством Кловиса Дюпона.

Голосующих — 158. Выбраны граждане: Эмиль Рон, 144-й батальон, — 100 голосов; Перрот, 86-й батальон, — 95 голосов; Б. Делори, 88-й батальон, — 92 голоса; Э. Мелен, 86-й батальон, — 83 голоса; Пеллетье, 239-й батальон, — 80 голосов; Жюльен, 205-й батальон, — 79 голосов.

Граждане Беасс (144-й батальон, 61 голос) и Жиран (54-й батальон, 49 голосов) избраны заместителями. Заинтересованным лицам предлагается подавать свои ходатайства в военное бюро мэрии².

Комиссия по проверке III округа быстро разбирает дела: к 15 мая она уже утвердила 31 пенсию на общую сумму 43 100 франков в год (размер пенсии колеблется от 600 до 2 080 франков) и выплатила деньги за первый месяц — 2 841 франк 65 сантимов. Кроме того, из собранных по подписке 3060 франков 70 сантимов для помощи раненым она с 29 апреля по 15 мая распределила 2700 франков между 103 пострадавшими, которым выдавала от 10 до 100 франков. Список получивших пособие с указанием выданной суммы был напечатан для общественного контроля в газете «Journal Officiel» от 21 мая.

Таким образом, благодаря децентрализации и привлечению выборных представителей народа комиссия избегает обычной волокиты, свойственной неповоротливому и дорогостоящему административному аппарату. Декрет был принят 11 апреля, и не прошло и двух недель, как просители уже получили свою пенсию за пер-

¹ Ibid., p. 291.

² Ibid., t. II, p. 358.

вый месяц! Мы видим, что Коммуна не только на словах выступает против государства-спрута. Как с гордостью пишет Артюр Арну:

«В то время как этот народ предавали, морили голодом и поносили, он выработал великую идею XIX века и наконец нашел точное определение народного суверенитета»¹.

Если Альбер Тейс, несмотря на полное отсутствие опыта (он рабочий-бронзовщик), в рекордно короткий срок налаживает работу почтового ведомства, которую саботирует Версаль, то лишь потому, что находит прочную опору в низшем персонале и в Почтовом совете, который он создал в начале апреля².

Когда Тейс водворяется в здании Управления почт на улице Жан-Жака Руссо, все бюро заперты, а все начальники отделов сбежали. Материал, необходимый для элементарных почтовых операций, отсутствует. Кассы пусты. Марок нет. Почтовые кареты отправились в Версаль, а с ними девять десятых служащих, за исключением почтальонов и посыльных. Поэтому продвижение по службе идет очень быстро. Простой служащий Кулон 45 лет, отец троих детей, назначается старшим служащим и дает Тейсу полезные советы. Бывший почтовый агент Массан назначен генеральным секретарем. Ланда, гравер по меди, живущий в квартале Кур де Миракль, становится начальником материальной части³, а рабо-

¹ Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, t. I, p. 44.

² См. В. Laurent, La Commune de 1871, les Postes, op. cit.
³ При Коммуне многие рабочие были выдвинуты на очень ответственные посты. Так, например, ювелира Комбо, одного из основателей французских секций Интернационала, мы видим на должности директора Управления прямых налогов (AN, ВВ 24/855), марсельского активиста Бастелика на должности директора Управления косвенных налогов, на улице Дюфо, 12 (Archives historiques de l'armée, Ly 22; «Murailles politiques françaises», t. II, p. 253); счетовод Оливье становится помощником Фонтена в Управлении регистрационных пошлин и гербовых сборов (APP, Ва 1130 В том же досье написано, что во главе таможенной администрации стоит Ревийон, «который всю жизнь занимался только музыкой»). Коммуна не пренебрегает также и честными интеллигентами. Так, профессор математики Жюль Фонтен становится во главе Управления

чий Даниель начальником канцелярии. Коссад, старший служащий, теперь заместитель заведующего персоналом, а Кана, энергичный курьер, 26 лет, сразу становится директором почтового отделения Сены. Парижское почтовое управление доверено Жану Батисту Мовьеру, старшему служащему 65 лет, пылкому стороннику Коммуны. Один из основателей французских секций Интернационала, руанский печатник-литограф Эмиль Обри¹ становится директором кассы Управления почт.

«Если добровольная помощь бывших служащих и вознаграждалась, то до сих пор лишь каким-нибудь званием, которое казалось бы пустым звуком, если бы эти люди, проникнутые прежде всего демократическими идеалами, не находили главного удовлетворения в гордом сознании выполненного долга, бесценном в их глазах»,—

пишет Почтовый совет в рапорте от 18 апреля («Journal Officiel» 23 апреля), где объясняет, каким образом ему пришлось на «необыкновенно скудной основе»... «организовать работу служб, возобновленную в спешке и ставшую возможной только благодаря энтузиазму и доброй воле людей, имевших гораздо больше пыла, чем умения...»

Почтовый совет состоял из Тейса, его секретаря, генерального секретаря Массена, всех начальников отделов, двух инспекторов и двух старших почтальонов. Тейс отказывается от жалованья, на которое имеет право по должности, и довольствуется 15 франками в день, которые получает в качестве члена Коммуны. Но он утверждает постановление Почтового совета, установившего 1200 франков в год как минимальное жалованье почтового служащего после трех месяцев внештатной работы. Пособие на квартиру увеличено. Продвижение по службе производится после испытаний и экзаменов, а не по милости начальства. Политическая и профессиональная присяги отменены, так же как и всякие штра-

коммунальных имуществ. Банковая улица, 9 (II округ) (AN, ВВ 24/741; «Murailles politiques françaises», t. II, p. 252, 324 et 432) Поэт Верлен возглавляет пресс-бюро при Ратуше (Archives historiques de l'armée, Ly 26; «Confessions», p. 232 et suiv.), а ученый Эли Реклю назначен директором Национальной библиотеки (APP, Ва 1237)

¹ Родился 8 апреля 1829 г в Руане. Женат, трое детей. (AN, ВВ 24/850.)

фы и вычеты из заработной платы. Наконец, после пятого числа каждого месяца служащие могут получать авансы в счет жалованья.

Не удивительно, что такого рода мероприятия могли вызвать энтузиазм и прилежание у почтовых служащих, до тех пор склонявшихся перед самодержавным директором Рампоном.

Городским почтовым отделениям хватило двух дней, чтобы провести ускоренное обучение граждан-добровольцев, и, таким образом, несмотря на множество всевозможных трудностей, выемка и доставка почты была прервана всего на двое суток. Чтобы прорвать почтовую блокаду, почтальоны, не страшась ареста, берут письма, адресованные в провинцию, и опускают их в почтовые ящики в городских предместьях. Когда Версаль решает изменить зубчики на своих марках, чтобы узнавать и перехватывать письма, идущие из столицы, находятся добровольные агенты, которые ходят покупать марки в почтовых отделениях Версаля.

•

Под влиянием Франкеля, делегата труда, промышленности и обмена, во многих учреждениях стараются привлечь служащих к руководству делами

Так, например, в уставе Луврских мастерских по ремонту оружия, подписанном 2 апреля, имеется статья 13 где говорится, что комитет, руксводящий работами, будет раз в неделю делать сообщение о том, как соблюдаются интересы мастерской; на этом заседании обязаны присутствовать пять делегатов, выбранных рабочими для этой цели¹.

Этот устав был еще дополнен и развернут на общем собрании 105 рабочих 3 мая в Лувре²

Делегат-управляющий выбирается рабочими; они могут его отозвать, если он не справится со своими обязанностями. То же и с начальником производства и начальниками цехов

Каждый вечер обязательно собирается совет, чтобы обсудить план работ на завтра и выслушать разные со-

общения и предложения. Совет состоит из делегата-управляющего, начальника производства, начальников цехов и делегатов от рабочих, по одному от каждого цеха, из которых половина обновляется каждую неделю. Большинство делегатов может всегда потребовать собрания совета. Делегаты, входящие в наблюдательный совет, имеют право знакомиться со всеми внутренними и внешними операциями, и им обязаны показывать всю отчетность каждый раз, как они требуют. Совет принимает людей на работу по предложению начальника производства и назначает им жалованье. Рассчитать рабочего можно только по решению совета, на основании рапорта начальника производства. Совет решает, следует ли назначить час или два сверхурочной работы, но только в виде исключения, «в случае если заказ на ремонт должен быть выполнен немедленно, в интересах обороны Коммуны». Ночную охрану несут все по очереди и безвозмездно. Этот устав, подписанный начальником Управления материальной частью артиллерии Коммуны, может быть изменен лишь с согласия последнего, по предложению совета и при поддержке абсолютного большинства рабочих.

Так родился предок рабочих советов..

•

«Человек сам управляет собой, федерация будет создана...» — пишет 5 апреля Гюстав Курбе в призыве к художникам Парижа. Великий художник считает, что наступил момент возобновить попытку, предпринятую на другой день после 4 сентября, попытку доверить самим художникам управление художественным наследием. 6 сентября 1870 г. Курбе был назначен председателем комиссии искусств, но сейчас же столкнулся с Жюлем Симоном и с «правительством национальной обороны» по поводу управления Луврским музеем. Действительно, 4 сентября один из друзей Курбе — скульптор Жюль Далу¹ — и еще несколько художников захватили

¹ «Murailles politiques françaises», t II, p 159

² «Journal Officiel», 21 mai

¹ Эме Жюль Далу родился в Париже 31 декабря 1838 г., капитан 83-го батальона национальной гвардии, «горячий сторонник Коммуны», он часто посещал клубы и придерживается самых радикальных политических убеждений» (APP, Ва 1023)

по собственному почину дворец¹, но Жюль Симон отказался узаконить свершившийся факт: Курбе и его Комиссия по надзору за национальными музеями должны были ограничить свою деятельность охраной художественных произведений от бомбардировок. 18 марта 1871 г. Далу, Эро и их товарищи снова «завладевают» Лувром и помещают Ассоциацию художников в зале Генриха II. Курбе, по-прежнему «председатель художников», переводит Ассоциацию в Тюильри, в бывшие апартаменты маршала Вайяна, но на этот раз его полностью поддерживает Коммуна, которая покровительствует его стараниям.

«Сегодня,—пишет он,—я обращаюсь с призывом к художникам, я взываю к их разуму, их сердцу, их чувству благодарности. Париж вскормил их как мать и вдохнул в них свой гений. И в этот час долг художников всеми силами содействовать возрождению его духовной жизни и его искусства, составляющих его богатство».

В Медицинской школе 10, 13² и 14 апреля³ собрание следует за собранием, чтобы установить это «управление миром искусства самими художниками». На собрании 14 апреля под председательством Курбе художник по тканям Эжен Потье (которого два дня спустя избирают членом Коммуны от II округа) представляет доклад подготовительной комиссии. Присутствует более 400 художников. Среди собравшихся художники Эро и Фейан-Перрен, скульпторы Мулен и Делапланш, карикатурист Берталь, критик Филипп Бюрти, несколько известных архитекторов и множество орнаменталистов.

На этом собрании художники Парижа, сторонники принципа коммунальной республики, объединились в федерацию на основе равенства прав для «свободного распространения искусства, освобожденного от всякой правительственной опеки и всяческих привилегий».

В федерации избирателями являются все граждане и гражданки, которые могут подтвердить свою профессию художника либо известностью своих работ, либо представив удостоверение экспонента или письменную

аттестацию двух художников-поручителей; члены федерации избирают свой комитет из 47 членов (16 художников, 10 скульпторов, 5 архитекторов, 6 граверов и литографов, 10 представителей декоративного искусства). Члены комитета избираются на один год, но могут быть отозваны до срока. По окончании годичного срока 15 членов, избранные тайным голосованием, остаются в комитете еще на год, а остальные 32 заменяются. Вышедшие из комитета члены могут быть вновь избраны только через год. Таким образом, приняты все предосторожности, чтобы никакая «группировка» не могла захватить в свои руки руководство федерацией. Комитету поручен административный надзор и охрана памятников, музеев и общественных зданий Парижа, в которых находятся галереи, библиотеки и коллекции произведений искусства. Комитет составляет, сохраняет, исправляет и дополняет планы, инвентарные списки, реестры и каталоги. Он сообщает о неотложных ремонтных работах, назначает и смещает администраторов, секретарей, архивистов и хранителей. Организует выставки, «категорически отвергает всякие попытки выставиться с корыстными целями, подменять именем издателя или фабриканта имя истинного художника» и не допускает присуждения какого-либо вознаграждения выставленным. Обычные работы, заказанные Коммуной, он распределяет «среди художников, которые избираются голосами всех выставленных», а на экстраординарные работы объявляет конкурс.

Комитет следит за преподаванием рисунка и лепки в начальных и в профессиональных школах, преподаватели которых выбираются по конкурсу. Он поощряет введение увлекательных и логичных методов преподавания, размножает образцы для копирования, отбирает наиболее одаренных учеников, обучение которых должно быть продолжено за счет Коммуны. Он намечает издание газеты «L'Officiel des Arts», в которой будут печататься разные факты, касающиеся мира искусств, сведения, полезные для художников, отчеты о деятельности комитета и будет также литературный отдел, посвященный рассуждениям об эстетике и «открытый для всяческих мнений и взглядов».

Комитет выполняет также функции третейского суда и разрешает споры, касающиеся принципиальных вопро-

¹ APF, Ba 1024, rapport 79 414.

² «Journal Officiel», 12 avril.

³ Ibid., 15 avril.

сов и имеющие общий интерес. Он назначает арбитров-примирителей, чтобы разбирать ожесточенные споры, возникающие между художниками. Он поощряет и личную инициативу, приглашая всех граждан «сообщать ему всякое предложение, проект, пожелание, имеющее целью прогресс в искусстве, моральную или интеллектуальную эмансипацию художников или улучшение материальных условий их жизни».

Наконец:

«С помощью слова, пера, карандаша, массовой репродукции шедевров для народа, с помощью умной и поучительной картины, которую можно размножить в большом количестве и развесить в мэриях самых скромных коммун Франции, Комитет будет содействовать нашему возрождению, духовному обогащению коммунальной жизни и рождению Всемирной республики»¹.

Среди подписей под этим текстом мы видим имена Курбе, Стефана Мартена, Далу, Эро и Эжена Потье.

Выборы комитета происходят 17 апреля в античном зале Лувра². Среди 47 выбранных членов находятся художники Коро, Курбе, Домье, Лансон, Мане, Милле и Пиккьо, скульпторы Далу и Моро-Вотье, архитекторы Буало-сын и Удино, граверы-литографы Бракмон и Андре Жилль, художники прикладного искусства Фюзье и Эжен Потье³.

Со своей стороны писатели, композиторы, драматические и оперные актеры, «считая, что интересы артистической корпорации требуют соединения воедино ее разрозненных элементов, что это необходимо с художественной, социальной и военной точек зрения»⁴, создают 12 апреля на собрании в зале Альказар «1-ю роту» Федерации артистов. Новая организация помещается на улице Фобур Пуассоньер, 10. Она избирает председателем гражданина Пакра⁵ и просит у Коммуны, чтобы

¹ «Journal Officiel», 15 avril.

² «Mairies politiques françaises», t. II, p. 285

³ «Journal Officiel», 22 avril.

⁴ А также «для того, чтобы способствовать объединению ее членов, разбросанных по разным батальонам национальной гвардии» («Journal Officiel», 12 avril.)

⁵ См.: G. d'Heilly, Le Livre rouge de la Commune, Paris 1871.

принадлежащие Парижу и ныне свободные зрительные залы были предоставлены в ее распоряжение, дабы организовать в них представления в пользу вдов, раненых, сирот и нуждающихся семей национальных гвардейцев.

Первое «торжественное музыкальное и драматическое представление» такого рода было организовано «большой семьей артистов» 7 мая в обширном зале Шатле¹.

20 мая Коммуна передает театры в ведение делегации просвещения, обязав ее положить конец системе эксплуатации театра директором или компанией предпринимателей и в самый короткий срок заменить ее системой ассоциации².

Актер Комической оперы Эжен Гарнье назначен директором Оперы вместо Эдмона Перрена, смещенного за то, что он чинил препятствия представлению в пользу жертв войны³.

Газета «Le Grelot» комментирует это событие на свой лад:

«Коммуна в Опере.

В добрый час! Вот господин Перрен и уволен. Он был реакционер, потому его и выставили за дверь, и правильно, черт возьми!.. Новый комитет... выкинет из репертуара «Роберта-дьявола», главным образом из-за сцены в церкви, а также потому, что воплощенный дьявол — это дань народным предрассудкам и суевериям, отжившим свой век, и «Гугенотов» тоже, так как роль королевы Наваррской может вызвать симпатии зрителей к коронованным особам, а также все произведения Вагнера, ибо они исходят от баварца, да к тому же — отягчающее обстоятельство — любимца короля»⁴.

Пренебрегая насмешками, Эжен Гарнье берется за дело и старательно готовится к открытию театра. В ночь на 23 мая, когда версальцы атакуют их квартал, артисты Оперы заняты на репетиции...

Франческо Сальвадор, который прежде вел музыкальную хроника в «La Marseillaise», заменяет недавно

¹ «Journal Officiel», 2 mai.

² «Journal Officiel», 21 mai.

³ «Procès-verbaux», t. II, p. 414. (Русское издание, т. II, стр. 337.)

⁴ Статья напечатана в номере от 14 мая.

умершего Обера, возглавлявшего Национальную консерваторию. Он приглашает артистов, связанных с Оперой, Комической оперой и Лирическим театром, собраться в зале Консерватории 23 мая, чтобы договориться «о мерах, которые надо принять для замены прежней системы эксплуатации директором или компанией предпринимателей системой ассоциации»¹.

Разгром Коммуны положил конец этим попыткам актеров и певцов самим управлять театрами. Напротив, Федерация художников успела с помощью Коммуны произвести много отставок и назначений на посты директоров музеев. Гражданин Бюон, инспектор изящных искусств, покинувший свой пост, был смещен с должности, и делегаты Деблезе и Мейер получили распоряжение перевести в Лувр и в Люксембургский дворец принадлежащие государству скульптуры и полотна, хранение которых во Дворце промышленности казалось ненадежным². Граждане Турнемин, хранитель, и Шенневье, директор Люксембургского музея, назначенные бывшей императорской администрацией, были сняты с должностей. Карикатуриста Андре Жилля послали в качестве временного администратора в этот музей, а скульптора Шапюи и художника Глюка назначили его помощниками (17 мая).

Барбе де Жуи и еще дюжина музейных хранителей и их помощников из Луврского музея сняты с должностей³. По предложению Федеральной комиссии художников они были заменены архитектором и живописцем Ашилем Удино, занявшим пост временного администратора музея, а также художником Жюлем Эро и скульптором Далу в качестве его помощников.

Таким образом, в секторе изящных искусств систематически вводится федеративная структура управления, что значительно уменьшает число правительственных чиновников, благодаря передаче Комитету художников большей части административных функций, принадлежащих в наши дни секретариату изящных искусств.

¹ «Journal Officiel», 20 mai. 24 мая Сальвадор был расстрелян версальцами. (См. M. Choury, La Commune au Quartier latin, p. 203.)

² «Journal Officiel», 19 mai.

³ «Journal Officiel», 16 mai.

Итак, Коммуна не просто «плетется в хвосте» у якобинцев, но выступает с новой оригинальной программой, программой «89 года трудящихся», имеющей целью дать в руки производителю орудия производства и ограничить функции государства, доверяя управление общественными делами самим гражданам, через их федеративные организации.

Эти далеко идущие замыслы могут показаться утопическими, если принять во внимание, что схваченная за горло Коммуна могла себя защитить, лишь прибегнув к всемерной централизации власти. И фактически именно здесь заложено зерно конфликта, который противопоставил якобинско-бланкистское «большинство» «меньшинству» последователей доктрин Прудона. Но даже если мы согласимся, что усилия, направленные на демократизацию государственного управления при той военной ситуации, которая требовала диктатуры, были несвоевременными, даже если в ту пору было преждевременно желать — как того желал впоследствии Ленин — сделать каждого гражданина способным управлять государством, разве все же столетие спустя не настало время снова взяться за незавершенное дело, развернув грандиозную битву против государства-молоха, которое растаптывает отдельную личность, и вновь вступить на путь истинной демократии?

НОЧЬ НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

По сообщениям информаторов Центрального комитета¹, известно, чем «дышит» каждый квартал. Квартал Биржи относится не очень благожелательно к Коммуне:

«Они стараются лишь ради собственного обогащения и удовлетворения своего честолюбия», — говорят там о делегатах из Ратуши (16 апреля). «Они знают, что им уже недолго оставаться в Ратуще, потому и спешат обтяпать свои дела» (17 апреля). «Несколько дней назад Коммуна отменила смертную казнь; она сожгла гильотину, а сегодня вводит военный суд. Теперь вас не обезглавят на гильотине, а расстреляют, это более гуманно» (18 апреля). «Правительство Коммуны не признают, это доказали выборы в последнее воскресенье. Единственное правительство — версальское, к тому же и пруссаки не признают другого. Да и Франция тоже» (20 апреля). «Когда правительство Коммуны разграбит церкви и учреждения, тогда оно примется за рантье и заставит их давать ему деньги» (21 апреля). «Между членами правительства Ратуши нет единства, и скоро Коммуна отживет свой век. Каждый день от нее откалывается один или несколько членов; уже почти никого не осталось. Они видят, что дело их проиграно» (24 апреля). «Среди федератов наблюдается большое разочарование. Половина из тех, кто возвращается, говорит, что больше не станет сражаться. Всего их самое большее пятьдесят тысяч человек (солдат, получающих тридцать су). Они не помешают версальцам войти в город» (25 апреля). «Вступление версальцев в Париж произойдет, как говорят, следующим образом: сначала они нападут на Нёйи, затем дадут федератам продвинуться вперед, и, когда те пройдут достаточное расстояние, версальские войска, сосредоточенные в Булонском лесу, выступят через Ла-Мюэтт на Нёйи одновременно с войсками из

¹ См.: Dauban, Le Fond de la Société sous la Commune. p. 102—302.

Женвилье, чтобы окружить федератов» (27 апреля). «Коммуна должна была бы придерживаться муниципальных свобод: запрещение газет, военный суд, разграбление церквей не имеют ничего общего с муниципальными свободами. Действуя таким образом, Коммуна попирает свободу и губит Республику» (29 апреля). «Говорят, что армия федератов все больше слабеет и деморализуется. В ней нет никакой дисциплины и службу несут очень плохо... Париж будет побежден» (2 мая).

После похоронного звона пораженцев, вот звон дру-гого колокола, который бодро звучит в рабочих кварталах, а часто даже в районе площади Согласия:

«Версальское правительство называет грабителями граждан Коммуны, а сколько они награбили сами перед бегством! Они опустошили мэрии» (площадь Согласия, 16 апреля). «Все ругают версальское правительство» (Пале-Руаяль, 17 апреля). «Один версальский солдат написал вчера письмо своему другу в Париж; он рассказывает, что участвовал в последнем бою в Аньере. Они потеряли немало народу: в его батальоне убито пять офицеров. Они совсем пали духом» (площадь Согласия, 20 апреля). «Парижские крупные собственники станут противиться обстрелу лишь в том случае, если снаряды будут угрожать их владениям, то есть богатым кварталам. Быть может, тогда они сделают попытку договориться с Версалем о примирении» (площадь Согласия, 21 апреля). «Пусть захватят форты, если только посмеют, и завтра же все гражданам, которые сейчас отказываются выступать под предлогом, что это лишь война убеждений, тотчас возьмутся за оружие, чтобы уничтожить тех, кто хочет уморить их голодом. Многие граждане требуют бросить в бой сразу двести тысяч человек, вместе с тяжелой артиллерией, чтобы немедленно покончить с Версалем. И немало граждан ответили бы на такой призыв словами: „Наконец-то мы с ними покончим!“» (Сент-Антуанское предместье, 23 апреля). «Говорят, что в Версале есть целые полки, отказывающиеся идти на Париж» (площадь Согласия, 24 апреля). «Говорят, что в Версале между министрами нет согласия. Господин Тьер не согласен с

генералами. Премьер ведет игру в пользу графа Парижского, а другие министры в пользу империи. Говорят, что пехотинцы и моряки в Версале дерутся с жандармами и полицейскими. Если версальцы войдут в Париж, все граждане возмутятся за оружие и помогут федератам. Тут уж почти все пехотинцы откажутся стрелять» (площадь Согласия, 25 апреля). «Около Ратуши и я попадаю в большую толпу, почти целиком состоящую из женщин. Ну и ну! Вот гражданки, у которых положительно нет ни капли уважения к лицам духовного звания. Бог мой, как они их разделявают!

— Видите ли, все поповское отродье — не что иное, как иудино семя... И живут они за счет вашего кошелька...

— Вот уж истинная правда... чернорясники никогда не напомнят вам о небе, не потребовав у вас денег... Крестины, свадьбы, похороны, за все надо денежки платить, и все во имя господа бога... Можно подумать, что господь бог зарится на наш хлеб! И вдобавок они первые распалют ненависть в сердце человека. И они же, не показывая вида, раздули теперешнюю гражданскую войну...

— Послушайте, что я вам скажу! Они истинную правду говорят, что существует пекло... Кому и знать, как не им, ведь они же сами его и разожгли».

Так рассуждают кумушки возле Ратуши 27 апреля 1871 г. Два дня спустя они громко приветствуют большое шествие франкмасонов, о котором информатор говорит:

«Улица Риволи забита народом. Террасы Тюильри переполнены; на Елисейских полях люди толкаются, давят друг друга; можно подумать, что это праздничный день... «Проклятие ненавистному Версалию! Ни одной уступки! Победа или смерть!» Все, кого я слышал, согласны с этими лозунгами, особенно женщины.

Франкмасоны двигаются к предместью Сент-Оноре. В шествии участвует много коммунальных советников. Демонстрация, в которой насчитывается не меньше двух тысяч граждан и несколько гражданок, выходит на авеню Фридланд. Когда она уже подхо-

дит к цели, в середине толпы разрывается снаряд. Все бросаются плашмя на землю и поднимаются с возгласом «Да здравствует Республика!».

Всеобщее негодование не знает границ. Франкмасоны кричат: «К оружию!» — и спускаются к центру». Эта чисто платоническая демонстрация франкмасонов (они хотели выставить на укреплениях свои знамена, в надежде прекратить кровопролитие) должна была в данный момент оказать значительную моральную поддержку Коммуне.

— Что это такое? — спрашивает Катюль Мендес, который присутствует в качестве зрителя на улице, по которой движется шествие.

Его сосед отвечает:

— А то, месье, что франкмасоны становятся на сторону Коммуны. С тех пор как стоит мир, они никогда не показывались на улицах, а сегодня они проходят перед нами через весь Париж! Надо думать, что Коммуна в самом деле права, если они побеспокоились ради нее! ¹

Франкмасоны, убежденные сторонники коммунальных свобод, 22 апреля отправили делегацию к Тьеру ². Глава исполнительной власти старается убедить их, что новый муниципальный закон превосходит.

— Это самый либеральный закон, какой мы имели за 80 лет.

— Простите, — возражают франкмасонские делегаты, — но вы забываете наши коммунальные институты 1791 г.

— Ах, так вы хотите вернуться к сумасбродствам наших отцов...

— Нет, господин глава исполнительной власти, но мы не считаем достаточно либеральным закон, который, что бы о нем ни говорили, ставит Париж вне общего права, который навязывает его муниципальному совету присутствие префекта департамента Сена и префекта полиции и отдаст в руки исполнительной власти назначение его окружных мэров и их помощников... Неужели вы решили пожертвовать Парижем?

¹ См.: Catulle Mendès, Les 73 journées de la Commune, p. 210.

² См. отчет этой делегации в «Murailles politiques françaises», t. II, p. 329—331.

— Будет пробито несколько домов, несколько чело-
век будет убито, но закон останется в силе!

После того как ее спровадили, масонская делегация
решает призвать на помощь масонские ложи в департа-
ментах¹ «Вместе с нами они поднимут оливковую
ветвь. И если понадобится, мы бросимся между сра-
жающимися»

Эту резолюцию парижские франкмасоны пытаются
привести в исполнение 29 апреля, но без большого успе-
ха. На другой день информатор Центрального комитета
записывает следующие комментарии народа в квартале
площади Согласия

«Теперь уже не смогут говорить, что Коммуна не
хочет идти ни на какие уступки, ведь франкмасоны
выступили только после того, как договорились с чле-
нами Ратуши. Значит, версальцы не правы»

Неудачная вылазка 3 апреля доказала, что при су-
ществующей организации батальонов трудно вести сра-
жение вне городских укреплений. Военный делегат
Клюзере формирует маршевые роты. В III легионе эта
реорганизация происходит очень быстро, и к 12 апреля
маршевые роты 55-го, 89-го и 144-го батальонов уже
сформированы и расквартированы в казарме Лобо. На-
чальник III легиона полковник Спичуа сообщает, что
маршевые роты четырех других батальонов будут гото-
вы 14 апреля.

«Мне кажется, я могу вновь взять на себя обяза-
тельство,— пишет он²,— 16 утром представить де-
сять батальонов III легиона (то есть 5 тыс человек)
укомплектованных, обмундированных, вооруженных
словом в боевой готовности, а к утру 20 или 21 до-
вести их численность до 8 тыс человек»

И давно пора, так как версальцы нагледят и повсю-
ду продвигаются вперед. Разведка, произведенная в

¹ Из досье ВВ 24/859 Национального архива мы узнаем, что
4 мая председатель масонской ложи досточтимый Тирифок Эмиль
(родился 31 октября 1813 г в Лиле преподаватель кройки верх-
ней одежды) отправил из Ратуши несколько воздушных шаров с
инструкциями для провинциальных масонских лож.

² Неизданный документ Archives historiques de l'armee, 17/551

ночь с 14 на 15 апреля лейтенантом Пюшо из 145-го ба-
тальона, размещенного в форте Бисетр, констатирует,
что отряд версальских егерей прошел через деревню
Бель-Эпин, близ Вильжюифа, и что Пти-Бисетр и Л'Ай-
ле Роз заняты значительными частями войск¹. Концен-
трация войск идет в Бур-ла-Рен, Со и Ла-Круа-де-Берни.
Намечается наступление версальцев на Ванв.

Сражения становятся кровопролитными. Командир
144-го батальона (III округ) Лиобон сообщает, что
его часть жестоко пострадала от взрыва порохового
погреба в Аньере. Но потери пока не снижают боевого
духа солдат. 22 апреля отведенная на отдых рота 212-го
батальона (III округ), которая очень храбро вела себя
в бою, просит разрешения вернуться на передовые по-
зиции. Из девяти батальонов III легиона шесть находят-
ся в фортах, на участке от Аньера до Нейи, а три еще
формируются².

Но в некоторых округах набор рекрутов начинает
встречать затруднения. 27 апреля гражданин Фио от
имени коммунальной комиссии IV округа просит за-
местителя начальника легиона Гийета собрать 94-й ба-
тальон, «потому что в Отейе находится лишь небольшая
его часть. Эта часть выражает недовольство, и к тому же
у нее нет продовольствия. Надо либо отправить на
передовые тех, кто уклоняется от военной службы, либо
их арестовать. Другого выхода нет». Адольф Клеманс
в письме от 1 мая, адресованном членам Комиссии об-
щественной безопасности, изобличает гражданина Ве-
ста, бывшего капитана «Защитников республики», кото-
рый в казарме Наполеона возбуждает своих бывших
подчиненных против их офицеров³. Он обращает внима-
ние комиссии на то, с какой легкостью позволяют фор-
мировать отряды вне национальной гвардии. «В этом не
только кроется большая опасность, но это невыполнение
декрета Коммуны».

С 25 по 29 апреля форт Исси подвергается жесточай-
шему обстрелу. Командир четвертой маршевой роты
86-го батальона убит снарядом в каземате форта вме-

¹ «Journal Officiel», 16 avril

² Archives historiques de l'armee, 17/551

³ Письмо найденное в бумагах Вермореля (Archives histori-
ques de l'armee, Ly 16)

сте с многими национальными гвардейцами¹.

30 апреля комендант Межи, видя, что он наполовину окружен, требует подкреплений; не получая помощи, он велит заклепать пушки и приказывает отступить. Часть гарнизона отказывается покинуть укрепления. После обеда появляются Кюзере и Ла Сесилиа с кое-каким наскоро собранным подкреплением и находят под сводами входа мальчишку, юного Дюфура, рядом с тачкой, полной мешков с порохом и патронов, готового их взорвать и взлететь на воздух вместе с фортом. К вечеру федераты вновь занимают все свои прежние позиции перед фортом, но опасность была столь велика, что Кюзере, несмотря на быстроту его реакции и несомненную храбрость, проявленную в этих обстоятельствах, отправляют под арест и заменяют Росселем, который занимает пост военного делегата. Вместо Исполнительной комиссии, избранной 20 апреля², Коммуна большинством голосов избирает Комитет общественного спасения, состоящий из пяти членов³, сосредоточивших в своих руках всю власть.

Это последнее решение принято лишь сорока пятью голосами против двадцати трех. Оно подтверждает разделение Коммуны на две антагонистические партии, «большинство» и «меньшинство», которые образовались постепенно. Важный факт: «меньшинство» не только отвергает в принципе Комитет общественного спасения, но даже воздерживается от участия в выборах его членов. Для Артюра Арну, который считает, что надо научиться жить при свободе, диктатура является отрицанием самой коммунальной идеи.

Вместе с Лефрансе, Клемансом и Жерарденом он находит, что «создание какой бы то ни было диктатуры Коммуной было бы с ее стороны настоящей узурпацией суверенных прав народа».

¹ AN, BB 24/748 Досье национального гвардейца Анри Теодора Карейоля, резчика-гравера, родившегося 9 февраля 1851 г в Шампани (департамент Шаранта)

² Состоявшей из Кюзере (Военная делегация), Журда (финансы), Андрие (общественные службы), Риго (общественная безопасность), Внара (продовольствие), Прото (юстиция), Вайяна (просвещение), Паскаля Груссе (внешние сношения), Франкеля (делегат труда, промышленности и обмена)

³ Антуан Арно, Лео Мелье, Ранвье, Феликс Пиа и Шарль Жерарден.

Амуру, напротив, голосует за Комитет общественного спасения, «чтоб он заставлял выполнять декреты Коммуны и принимал неотложные меры».

Итак, в IV округе четверо делегатов против и один — за.

Из делегатов III округа Антуан Арно и Демэ голосуют за, так же как и Кловис Дюпон, который заявляет:

«Если Коммуна сумела заслужить любовь всех честных людей, то она еще не приняла необходимые меры, чтобы заставить дрожать подлецов и предателей, и благодаря этому неуместному долготерпению враг, быть может, пустил ростки на главных ветвях нашего древа правления».

Пенди воздерживается, «так как мы не можем двигать людей в институт, который считаем столь же бесполезным, сколь и губительным, и из которого вырастет, как мы предвидим, Комитет капитуляции».

За исключением Огюста Серрайе, который присоединяется к заявлению Арну—Лефрансе, все остальные делегаты от II округа голосуют за: Жоаннар, Эжен Потье («положение требует решительности и единства действий»), Жак Дюран («потому что я понимаю ситуацию и хочу действовать в соответствии с взятыми мною обязательствами перед избирателями»).

Из делегатов I округа Кюзере, сидящий в тюрьме, не может принять участия в голосовании, Пийо и Везинье голосуют за, Андриё — против.

В итоге от четырех округов 9 человек за, 6 — против, 1 воздержался и 1 не мог голосовать.

Но спор возобновляется в связи с событиями у Мулен-Саке. С 23 апреля отряд в 70 человек от 4-й артиллерийской батареи, посланный в Жантйи, находится в форте Бисетр. Его командир, гражданин Мессаже, приступил к вооружению редута Мулен-Саке. «Поведение людей,—пишет он¹,— просто безупречно. Все готовы к бою и рвутся вперед». 30 апреля этот сектор занимает 55-й батальон (III округ). Он просит дать ему четыре полевых пушки, чтобы занять траншею, находящуюся в 800 метрах впереди Мулен-Саке, где засел неприятель, а также распорядиться, чтобы Витри был занят войска-

¹ Archives historiques de l'armée, Ly 16.

ми и прикрывал редут слева, как его прикрывает справа От-Брюйер¹. В ночь с 3 на 4 мая, вследствие болтливости начальника 55-го батальона, майора Галльена, версальцы узнали пароль, проникли в форт, обстреляли застигнутый врасплох гарнизон, увезли пушки и забрали много пленных.

Редут был почти тотчас же вновь захвачен, но пережитая тревога дает меньшинству повод начать упорную атаку против Комитета общественного спасения. Смятение, вызванное в первую минуту внезапным нападением на Мулен-Саке, объясняется тем, что Феликс Пиа, член Комитета общественного спасения, начал, не сообщив о том военному делегату, перестановки в командовании армией и, в частности, приказал Врублевскому, командовавшему левым крылом, от которого зависел редут Мулен-Саке, отправиться в Исси.

Версальцы по-прежнему упорно атакуют укрепления. В первую очередь форт Исси, который господствует над парижскими укреплениями.

Капитан 2-й маршевой роты 1-го батальона федератов (I округ) Огюст Демуани, защищающий баррикаду у церкви в Исси, пишет 7 мая своему начальнику батальона:

«Я горд и счастлив сообщить вам, что прошедший день, по-моему, делает честь 1-му батальону федератов. 2-я рота, которой я имею честь командовать, вела себя героически под яростным огнем противника. С болью сообщаю вам, что мы потеряли пять человек. Но мои люди не только не пали духом и не оробели, а, напротив, проявили еще больше отваги, бросившись на баррикады и водрузив на них наш флаг с криком: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!»

Привет и братство».

86-й и 205-й батальоны (IV округ) утром 9 мая возвращаются из Исси полностью дезорганизованные, уцелело лишь 150 человек².

Днем форт переходит в руки версальцев. В Коммуне происходит бурное заседание. Комитет общественно-

¹ Рапорт гражданина Узело, члена Центрального комитета (Archives historiques de l'armée, Ly 20)

² Archives historiques de l'armée, dossier Spinoy, 17/551.

го спасения обновляется¹. Делеклюза назначают гражданским делегатом по военным делам. Заговор, подготовленный Росселем с целью захвата власти, провалился. Пожалуй, будет полезно подробнее остановиться на планах «18 брюмера» Росселя. Вероятно потому, что он молод, горяч, смел и обладает несомненным военным талантом, историки обычно относятся к Росселю благожелательно. Однако он явно намеревался сбросить Коммуну; мы уже приводили в другой работе множество доказательств² существования заговора.

Вечером первого мая в префектуре полиции состоялось заранее подготовленное членом Комиссии общественной безопасности Антимом Дюпоном и Шарлем Жерарденом свидание Росселя с Риго; последнего сопровождали его друзья Дюпон, Реньяр, Эд и Гастон Да Коста. Риго в принципе одобряет государственный переворот с целью свержения Коммуны, но свое участие в нем ставит в зависимость от приезда Бланки, на побег которого он надеется. «Если нам не удастся освободить Бланки, мы посмотрим, нельзя ли добиться чего-нибудь с Делеклюзом,— говорит Риго,— но это будет значительно трудней». А пока, в ожидании благоприятного случая, придется ограничиться подготовкой общественного мнения и нейтрализацией Центрального комитета национальной гвардии, который считают более жестким, чем Коммуну³.

Для подготовки общественного мнения Россель обдал связями в редакции газеты «Le Père Duchêne». Вийом в своей книге «Mes cahiers rouges»⁴ этого не скрывает. Он передает речи Вермерша за обедом в первых числах мая:

¹ В него входят Антуан Арно, Бийорэ, Эд, Гамбон и Ранвье

² См.: M. Chougu, La Commune au Quartier latin, p. 134—135 et 151—154

³ В книге «La Commune vécue» (t. II, p. 190 et suiv.), опубликованной в Париже в 1904 г. Гастон Да Коста подтверждает все подробности заявлений, сделанных в «La Revue Blanche» в 1897 г. «Между Росселем и главными руководителями бланкистов обсуждался вопрос о государственном перевороте с целью свергнуть Коммуну и установить диктатуру, что, по нашему мнению, было единственным способом покончить с разговорами и начать драться. Я помню собрание в префектуре полиции. предложение исходило от Росселя и было сделано за несколько дней до его отставки»

⁴ T III p 352 et suiv.

«Я только что видел Росселя... Мы будем действовать... Надо вышвырнуть Коммуну в окно... Эти люди никуда не годятся... Мы разделим диктатуру между собой: Россель, Риго, Эд, Домбровский, мы... «Le Père Duchêne» участвует в деле... И мы обоснуем ее в Тюильри... в павильоне Флоры... Как Комитет общественного спасения...»

Домбровский и Врублевский участвуют в заговоре. По словам Да Коста¹, скандальная отставка Домбровского должна была послужить предлогом для насильственного свержения Коммуны.

Но чтобы добиться успеха, надо нейтрализовать Центральный комитет национальной гвардии. А Центральный комитет это прежде всего Эдуар Моро, тот Моро, который со времени избрания Коммуны ведет против нее упорную борьбу². Он начальник кабинета Ключере в военном министерстве и в то же время главный редактор газеты «La Fédération», где Центральный комитет говорит прямо, что «не согласен с политикой Коммуны». Моро подчеркивает, что невозможно состоять одновременно членом Центрального комитета и членом Коммуны, и предлагает тем членам Центрального комитета, которые заседают в Ратуше, подать в отставку (12 апреля). Он берется заставить Коммуну признать авторитет Центрального комитета, ибо как глава информаторов знает «некоторые факты, важность которых сумеет объяснить Коммуне» (16 апреля). Он считает, что Центральный комитет служит Коммуне «буфером... даже перед версальским правительством» (17 апреля). Сожалея об «умалении» значения Центрального комитета Коммуной и Военной делегацией, он считает необходимым раздуть «антагонизм между Коммуной и Центральным комитетом. Это вызовет некоторое брожение в публике, которая потребует от Центрального комитета более энергичных действий против Коммуны» (19 апреля). Моро встретился с Ключере, который предложил Моро стать префектом военной полиции. Но тот отказался, считая, что «при нынешней обстановке, перед лицом разногласий с Коммуной», Цен-

тральный комитет должен вновь обрести свое влияние на национальную гвардию (20 апреля). Он требует, чтобы Центральный комитет снова стал играть революционную роль и заставил Коммуну признать его право контроля (23 апреля). 1 мая Ключере был смещен и арестован. На другой день, во время собрания в кафе национальной гвардии на площади Ратуши, Моро убеждает Центральный комитет, обеспечивший себе поддержку пятнадцати начальников легионов, предъявить Коммуне ультиматум с требованием ликвидировать Военную делегацию и заменить ее Центральным комитетом, предоставив ему управление национальной гвардией и делами обороны и контроль над ними.

«Наконец мы решили,— пишет он утром 3 мая, 1— что если Коммуна не согласится на это, мы пойдем дальше, напомним ей, что она не является правительством, а только муниципальной администрацией и что представленная нами национальная гвардия — единственная законная сила сопротивления в Париже. Одним словом, люди 18 марта, совершившие Революцию, вновь берут ее в свои руки и будут действовать по-революционному».

Если Коммуна примет ультиматум, Моро немедленно расклеит декрет о всеобщем ополчении, о смертной казни и конфискации имущества всякого министра, крупного чиновника или военачальника, который в течение трех дней не даст своего согласия на прекращение враждебных действий или не сложит оружия; о смертной казни всякого гражданина, осужденного за предательство, шпионаж, расхищение государственной собственности или спекуляцию продовольствием; о пресечении произвольных арестов, посягательств на собственность, клеветнических нападок печати; о мобилизации врачей для службы в лазаретах, металлистов для изготовления оружия, инженеров и архитекторов для земляных работ; о закрытии всякого питейного заведения, откуда выйдет хоть один гражданин в пьяном виде.

«Если вы хотите настоящей революции,— добавляет он,— честной, горячей, то вот она какова. Не знаю, согласится ли вечно дрожащая Коммуна, но

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, Paris, 1903—1905. t. II, p. 193—194

² См «Enquête parlementaire», t. III, p. 50 et suiv.

¹ Вийом полностью воспроизводит это письмо в «Mes cahiers rouges», t. IX, p. 132—135.

наше решение принято, и у моих коллег решительный вид. Если мы добьемся своего, я тотчас потребую немедленных выборов в Законодательное собрание»¹.

Ультиматум Центрального комитета отвергнут Коммуной, но Россель, который только что избран военным делегатом и знает, что его поддерживает префектура полиции и газета «Le Père Duchêne», решил добиться расположения Центрального комитета. С помощью своего друга Шарля Жерардена, члена Комитета общественного спасения, Россель добивается передачи административных служб военного министерства Центральному комитету², что фактически и происходит 9 мая³.

В тот же день Комитет общественного спасения назначает Эдуара Моро гражданским комиссаром при Росселе. Перед молодым и честолюбивым полковником внезапно открывается путь к диктатуре, и он тотчас производит перемещения в военном командовании: правое крыло передает Домбровскому, центр — Ла Сесилиа, левое крыло — Врублевскому, резервные бригады — Бержере и Эду.

Падение 9 мая форта Исси кажется ему подходящим поводом для осуществления своих замыслов. Домбровский подает в отставку, что является условленным сигналом для начала действий, Россель подписывает знаменитую афишу, где сообщает, что «трехцветное знамя развевается над фортом Исси, покинутым гарнизоном», и приказывает провести генеральный смотр на площади Согласия, имея в виду нападение на Ратушу, которое, по словам Да Коста, становится возможным. На этот раз Риго, как видно, думает, что «можно будет кое-что попробовать», если смотр даст результаты, ожидаемые Росселем⁴. В полдень, ссылаясь на то, что собралось

¹ Об этом ночном заседании Центрального комитета см также Benoît Malon, *La troisième défaite du prolétariat français*, p. 229

² См прокламацию Росселя («Journal Officiel», 5 mai) и постановление Комитета общественного спасения («Journal Officiel», 6 mai)

³ См в материалах «Enquête parlementaire» (t III, p 163—165) манифест, где Организационная комиссия Центрального комитета сообщает населению о принятии на себя этих обязанностей; документ подписан, в частности, Бурсье

⁴ G Da Costa, *La Commune vécue*, t II, p 196.

еще только 7 тыс. человек, Россель отправляется один в Ратушу, еще не решаясь броситься в эту авантюру. В конце концов он с треском уходит со своего поста военного делегата и публикует в газетах письмо об отставке.

«Первым необходимым элементом диктатуры, — пишет позже Клузере¹, — является регулярная военная сила так же, как первым элементом рагу из зайца является заяц. Установить диктатуру с помощью национальной гвардии — это пустая мечта. Россель попробовал, он собрал двенадцать батальонов, чтобы напасть на Ратушу, разумеется не сообщив им об этом. Когда надо было действовать, их осталось три; а если бы он выступил, у него не осталось бы ни одного».

Но то, чего Росселю не удалось достигнуть с помощью силы, он еще пытается добиться путем политической интриги. Он находит себе убежище в Центральном комитете, где Моро продолжает ратовать за диктатуру. Моро и Бурсье считают, что Россель не имеет права уходить в отставку. Бурсье говорит: если кто-либо в Центральном комитете знает еще кого-нибудь, кроме Росселя, кто может возглавить диктатуру, пусть назовет его имя! Моро предлагает временную диктатуру Росселя под контролем и в согласии с Комитетом общественного спасения. Эта резолюция принята Центральным комитетом почти единогласно, при трех голосах против и одном воздержавшемся².

Тем временем, после бурного заседания, Коммуна приступает к перевыборам Комитета общественного спасения. На другой день, 10 мая Россель, взятый под арест, бежит вместе с Жерарденом.

Но Моро не отступает. Несмотря на враждебность нового военного делегата, Делеклюза, которому «гражданский комиссар» ни к чему, Моро продолжает сопротивляться.

Моро предаст гласности приказы и декреты, которые он предлагает 10 мая Комитету общественного спасения и военному делегату: смертная казнь расхитителям общественных средств; удвоенная порция вина военным

¹ Cluseret, *Mémoires*, t II, p 117

² Dauban, *Le Fond de la Société*, p. 254—258

и закрытие всех питейных заведений в местах, занятых войсками; новое распределение жалованья (50 сантимов гвардейцу и 1 франк 75 сантимов его жене); эвакуация гражданского населения из района боев. Он добавляет: «Я не хочу мешать работе ни одной из служб, но хочу проверить каждую из них»¹. Делеклюз, несмотря на весь его авторитет, не может добиться от Комитета общественного спасения аннулирования приказа о назначении Моро, которому удастся сменить Варлена в интендантстве (16 мая).

Эти внутренние распри, вызванные ухудшением военного положения, известны населению и подрывают его моральный дух. Дезорганизация разлагает национальную гвардию.

10 мая гражданин Урме, секретарь совета IV легиона, сообщает, что 22-й батальон находится на линии огня без всякого продовольствия и без денег. «Если бы не привязанность к командирам батальонов, эта часть, возможно, покинула бы свои позиции. Необходимо немедленно принять меры. Не старается ли здесь кто-то посеять раздор?»²

В тот же день Эдуар Моро сообщает Комиссии инфантерии в Центральном комитете, что национальные гвардейцы покинули свои позиции от Пуэн-дю-Жура до Отёйя³.

Афиша совета легиона IV округа от 11 мая извещает всех граждан от 19 до 40 лет, что они должны состоять в какой-нибудь воинской части. Уклоняющиеся будут немедленно преданы военному суду. Несмотря на все угрозы уклоняющиеся очень многочисленны, а оппозиция становится все более дерзкой.

Анонимная афиша, датированная 7 мая, утверждает⁴, что «французам надоели фразы, так же как и баррикады, шаспо и артиллерийские обстрелы! Они хотят приступить к строительству Республики».

¹ «Enquête parlementaire», t. III, p. 169—170.

² Archives historiques de l'armée, Ly 16

³ Ibid., Ly 26.

⁴ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 441.

Другая анонимная афиша, внешне выглядящая, как официальная, на белой бумаге и с шапкой «Парижская Коммуна»¹, заявляет:

«Если Коммуна представляет большинство в Париже, почему же она вынуждена ловить по ночам людей, которые не хотят с ней идти, и призывать семнадцатилетних детей себе на помощь? Революция должна совершаться стихийно, ее вожди не должны никого принуждать следовать за ними; они должны скорее сдерживать, чем возбуждать народное волнение».

Некто Но-Ланглуа призывает в афише жителей Парижа устроить 10 мая манифестацию на площади Бастилии, чтобы выразить свою волю положить конец гражданской войне: «Франция избрала Национальное собрание, а парижские сумасброды взбунтовались против того, что решило всеобщее голосование... Мятежники подхватили девиз пруссаков «Сила выше права»².

11 мая Клеманс пишет Делеклюзу:

«Я был только что в Ванве, где сейчас находится большая часть батальонов нашего округа. Несколько минут я разговаривал с генералом, командующим этой позицией (кажется, Родоблевским³). Он хотел бы, чтобы его артиллерия была усилена и число митральез увеличено: они придают людям большую уверенность».

Он просит, если возможно, прислать подкрепления, чтобы снова продвинуться вперед; сегодня он освободил форт Ванв, разместил там около трехсот человек и немного потеснил версальцев».

Клеманс предлагает военному делегату создать отряд проводников и расставить их у городских ворот, чтобы батальоны, идущие на передовые линии, не сбивались с дороги⁴. Он только что узнал о том, как утром 22-й батальон (IV округ) сбился с пути и наткнулся на пост версальцев, которые ранили восемь человек. В своем рапорте майор Норо, командир 22-го батальона, добавляет:

¹ Ibid., p. 469.

² Ibid., t. II, p. 246.

³ Речь идет о Врублевском

⁴ Archives historiques de l'armée, Ly 16.

«Все раненные были расстреляны солдатами 64-го линейного полка, кроме одного, у которого хватило выдержки притвориться убитым. Жестокая подробность этой кровавой бойни: молодая женщина, сестра милосердия, была убита этими негодьями на месте, когда оказывала помощь раненому.

Ни ее молодость и самоотверженность, ни красный крест на ее груди не вызвали снисхождения у этих бандитов.

Эти факты подтверждают все офицеры моего батальона».

Расправы версальцев с пленными без всякого суда все учащаются, так как Коммуна никогда не применяла свой декрет от 5 апреля, в котором говорилось, что за каждого расстрелянного пленного гвардейца будут казнены три заложника. В этой связи Артур Арну описывает следующую душераздирающую историю¹.

«Однажды мы сидели с Делеклюзом, Феликсом Пиа и еще двумя членами Коммуны, фамилии которых я сейчас уже не припомню, когда нам сообщили, что в комиссию пришли национальные гвардейцы с аванпостов и хотят с нами поговорить. Мы вышли в соседнюю комнату, где нас ждали четыре национальных гвардейца, трое среднего возраста и один совсем юный, не больше шестнадцати-восемнадцати лет... Вместе со своими товарищами он пришел от ворот Сен-Клу, где произошла жаркая схватка, во время которой они взяли в плен жандармского офицера. Они хотели тут же его расстрелять, но командовавший ими офицер-федерат воспротивился.

— Граждане,— говорил юноша, обращаясь к Делеклюзу,— мы пришли к вам просить смерти этого человека. Он должен умереть. День за днем нас терзают и хладнокровно убивают. Каждый день рядом с нами падают наши друзья. Вчера жандармы на моих глазах зверски убили моего раненого брата. Мы требуем отмщения, мы требуем смерти этого мерзавца. Если мы должны умирать и не имеем права убивать, мы больше не будем драться! Я разло-

маю свое ружье! Да, мы согласны умирать, мы готовы проливать нашу кровь, но мы требуем наказания убийц, мы требуем отмщения!

Все это было сказано с каким-то яростным красноречием, с непередаваемым выражением решимости и боли. Крупные слезы, которые он не вытирал, а лишь резко смахивал тыльной стороной руки, как будто стыдясь своей слабости, текли по его бледным, запавшим от усталости щекам, тогда как в глазах горело пламя страсти и все тело сотрясилось, как от порывов внутренней бури...

Его товарищи стояли с мрачными и решительными лицами и поддерживали его короткими и угрожающими восклицаниями.

Делеклюз не колебался. Он попытался спасти от смерти пленного жандарма. Он тоже говорил со страстью, с пылким красноречием:

— Не будем подражать нашим врагам, не будем убивать беззащитных пленников! Не вершите суд своими руками, верьте, что Коммуна не позволит вас убивать, не наказав убийц. Но надо, чтобы этого человека судили. Ни я, ни мои коллеги, мы не дадим приказа о таком убийстве!

Молодой федерат возражал с беспощадной логикой.

Делеклюз взял его за руки, назвав «сын мой», он тоже был взволнован этой пылкостью, этой болью, этим сочетанием героизма и негодования, и я увидел, как слезы выступили на глазах старика, отказывавшего юноше в смерти версальца, который с радостью расстрелял бы их обоих, попадись они ему в руки, да еще бахвалился бы этим.

Наконец Делеклюз, поддержанный, если не ошибаюсь, Феликсом Пиа, взял верх. Национальные гвардейцы пошли сражаться, а офицер не был расстрелян».

Все это было очень благородно, но отнюдь не в традициях неумолимого Комитета общественного спасения.. первого комитета.

Дисциплины почти не существует, и побег все учащаются. 12 мая военный суд приговаривает лейтенанта Реме, младшего лейтенанта Дюмоли и сержанта Тролье из 205-го батальона (III округ) к трем месяцам воен-

¹ Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire de la Commune, p. 107—109.

ной тюрьмы за то, что они покинули свой пост перед лицом неприятеля¹.

13 мая артиллеристы, стоящие у Версальских ворот, чуть не расстреляли трех членов Центрального комитета, принятых ими за членов Коммуны; они были взбешены, потому что у них кончились боеприпасы².

Полковник Спиуа, начальник III легиона, уже не знает за что и братья. Его 54-й батальон находится в Пти-Ванве, 88-й — в Нёйи, 87-й — в Аньере, 145-й — в Пуэн-дю-Журе, «последний полностью дезорганизован и находится под командованием молодого человека 19 лет, не имеющего никакого влияния». Спиуа предлагает отправить эти разбросанные батальоны в Жангийи и в Иври, чтобы там их разместить и влить в них остатки 55-го, 86-го и 205-го батальонов, которые вернулись в Париж, потеряв две трети своего состава.

«Так как у меня четыре батальона в Иври и Витри, эти батальоны послужили бы мне резервом, тем более что 89-й в Витри просит подкреплений. Таким образом я собрал бы весь легион (одиннадцать батальонов) между Витри и крепостным валом, который охраняется резервными ротами нашего легиона как раз между Порт д'Итали и Монружем».

Артиллерийский обстрел версальцев достиг такой силы, что потери очень велики. Из 240 человек одного батальона IV легиона, который защищал форт Ванв с 14 по 21 мая, в живых осталось всего 60³.

Все это не мешало верным Коммуне газетам давать сообщения о блистательных победах. На что проверсальский сатирический листок «Le Grelot» пишет: «Ну и черти эти версальцы! Чем дальше федераты их отгоняют, тем ближе они оказываются!»⁴ Впрочем, оппозиционная Коммуне печать не пользуется монополией на острословие. Вот как газета «Le Rappel»⁵ сообщает о заседании, на котором Национальное собрание в Верса-

ле обсуждало заявление депутата Казенова де Прадин, предлагавшего устраивать публичные моления об окончании конфликта:

«Г-н Председатель.— Привратники, введите Бога. (Бог входит, гром аплодисментов.)»

Бог.— Я не мог устоять перед призывом столь редкостного собрания. Вот и я. Что вы хотите от меня?

Г-н Казенов де Прадин.— Мы хотели умолять вас успокоить наши гражданские распри и положить конец постигшим нас бедам...

Бог (с трибуны).— Я не понимаю, почему вы обращаетесь ко мне, чтобы успокоить ваши распри. Прежде всего я вам для этого совсем не нужен. У вас есть очень простое средство добиться конца гражданской войны: прекратить ее (*шум на многих скамьях*).

Г-н де Белькастель.— Прошу слова.

Бог.— Что же касается вмешательства, то я считал, что вы его не потерпите. К вам приходили очень почтенные люди, которые, страдая от ран, нанесенных вашей родине, как верные ее сыновья, бросились между сражающимися и сделали все, что могли, чтобы не лились потоки французской крови. То не были люди Коммуны; люди Коммуны — это кучка каторжников, спору нет, я предоставляю их вам, и людей и их дела; но у вас были и синдикальные палаты торговли Парижа¹; у вас были муниципальные советы всех городов; были депутаты всей Франции, от которых вы не можете отречься, не отрекаясь от всеобщего голосования, то есть от самих себя. И что же, какой вы оказали им прием? Ваш министр юстиции начал с заявления, что апостолы примирения самые худшие предатели, ибо вдобавок они еще и лицемеры. А когда апостолы примирения назначили сбор в Бордо, один из вас сказал, что их следовало бы разогнать, «обрушив на них молнии и громы» (*смех*). А два апостола были схвачены на дороге и теперь сидят в тюрьме (*всеобщее веселье*). Значит, вы просите меня не о вмеша-

¹ Archives historiques de l'armée, 17/551, rapport de la IIIe légion en date du 19 mai.

² Archives historiques de l'armée, рапорт, подписанный Грелье и Одуано.

³ Arthur Arnould, op. cit., t. III, p. 156.

⁴ Номер от 14 мая.

⁵ Номер от 17 мая.

¹ Речь идет о синдикальных палатах торговли и промышленности, то есть о палатах предпринимателей, а не о рабочих союзах. — *Прим. ред.*

тельстве: не можете же вы просить меня сделать то, за что вы наказываете тех, кто это делает...

Г-н Мортимер-Терно.— Вы прекрасно поняли: то, чего мы ожидаем от вас,— вовсе не примирение. Мы не знаем, что имели в виду авторы предложения, но мы, я и мои друзья, отлично знаем, что мы имеем в виду и за что собираемся голосовать. Почтенный министр юстиции был прав, покарав примиренцев, а граф Жюбер проявил умеренность, собираясь их лишь испепелить. Наша молитва вполне ясна: вот уже шесть недель, как мы стоим перед Парижем и нам не терпится в него войти, стать хозяевами и карать. Вот в чем мы просим вас нам помочь. («Да! Да!») Одним словом, мы надеемся найти в вас не миротворца для примирения нас с Парижем, а союзника против Парижа. («Правильно!» *Бешеные аплодисменты. Ропот слева.*)

Бог.— Понимаю. Так вот вам мой ответ. («*Слушайте! Слушайте!*») Делайте эти дела сами. Я отказываюсь прикасаться к ним!

Клерикалы.— К порядку!

Бог.— А, это вы, клерикалы? Так это вы просите меня помочь вам убить Париж? Вам еще мало того зла, которое вы мне причинили? Вот уже много веков, как вы делаете из меня вечное пугало, с преисподней вместо камеры пыток и сатаны вместо палача. Мало вам было заставлять меня терзать мертвых, вы пользовались мною и против живых, против мыслителей, против изобретателей, против гворящих добро; я был тюремщиком во всех ваших тюрьмах, разжигал все ваши костры и убивал на всех ваших эшафотах. И вам этого все еще мало? Вам мало того, что вы от меня всех отвратили? Вы хотите еще принудить меня ударить по Парижу, убить Республику, разрушить дома, не пропускать обозы с продовольствием и лишить женщин куска хлеба, а детей глотка молока? Нет, хватит с меня ваших варфоломеевских ночей! Не надоедайте мне вашими молитвами, которые глухи к крикам народа, и вашими постами, которые обрекают на голод детей! Клерикалы, мои закадычные враги, мои заклятые друзья, пейте кровь, если вы ее жаждете, но не просите меня проливать ее для вас и наполнять сосуды ваши, ина-

че я разобью их, а заодно ударю и по рукам, протягивающим их мне. («*К порядку!*») И если вы надеетесь, что святая вода вас омоет, подойдите к моей двери и прием, который вас ожидает, покажет вам, что царство мое не от мира сего, а ваше не от мира моего! Ибо если был умный человек, который сказал, что ад вымощен добрыми намерениями, то не нашлось еще дурака, который сказал бы, что рай вымощен дурными! («*К порядку!*»)

Г-н председатель.— Бог, вы проявили неуважение к религии. Я лишаю вас слова».

16 мая Коммуна разрушила Вандомскую колонну. Версальские историки впоследствии сделали из этого поступка символ революционного вандализма. Чтобы понять это событие, его следует рассматривать в историческом контексте, в свете того времени.

«А теперь, чертова каналья,— обращается одна газета того времени¹ к бронзовому Наполеону, возвышающемуся на колонне,— тебя тоже стащат вниз, как и твоего подонка племянника!»

Прошло всего восемь месяцев с тех пор, как пал Наполеон III, окончательно подорвав доверие ко всей императорской фамилии. Потрясение, вызванное седанской капитуляцией, было так глубоко, что даже сам Трошю, один из преданнейших слуг Тюильри, не мог противиться уничтожению орлов, памятников и изображений Наполеона. С этой точки зрения разрушение колонны было лишь еще одним фактом, добавившимся к разрушениям, произведенным при «правительстве национальной обороны»². Карл Маркс писал в 1852 г. в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», что, «...если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны»³. Он выразился фигурально, но не сомневался, что может настать день, когда его слова окажутся пророческими.

¹ «Le fils du Père Duchêne», № 1, 1 floréal 79.

² См.: M. Choury, La Commune au Quartier latin, p. 119.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 217.

«Республика дала сегодня великий урок народам и королям,—заявил в Рагуше Жюль Мио, обращаясь к толпе, возвращавшейся после манифестации с Вандомской площади. — Вандомская колонна рухнула, возвещая своим падением о том, какая судьба неминуемо постигнет всех, кто захочет постронуть свое благополучие на крови и на принцепе единовластия. Пусть этот памятник, воздвигнутый Бонапартами к стыду человечества, исчезнет навсегда, как и ненавистное имя этого проклятого рода!»¹

Артюр Арну признает, что поступок этот бестактен и оскорбляет многих французов, которые привязаны к своим памятникам и гордятся ими. Но он придает ему большое значение:

«То было осуждение войны и завоеваний, то был суд народа и будущего над деспотом, который превратил Революцию во имя права человека в порабощение Франции и Европы.

Это значило перед лицом прусских захватчиков и победителей развенчать и заклеить презрением всякое завоевание и победу грубой силы...

То было торжество идеи над насилием, торжество народа, низвергнувшего деспотизм в грязь и ставящего каленым железом Революции клеймо на плече всех великих деспотов, всех вчерашних Бонапартов, всех сегодняшних Вильгельмов и всех завтрашних Бисмарков»².

Но народ не всегда смотрел так далеко. В разговоре по поводу Вандомской колонны молодой печатник Сержан, 17 лет, гвардеец 1-го батальона федератов³, сказал без обиняков: «Да, нам нужны деньги... Коммуне нужны деньги... и мы начеканим из нее монет. А потом мы зададим трепку версальцам, а если нам это не удастся, то спалим к черту весь Париж».

Декрет о низвержении колонны датирован 12 апреля⁴. 27 апреля он еще не был приведен в исполнение

¹ Archives historiques de l'armée, Ly 26

² A. Arnould, op. cit., p. 139.

³ Родился 9 апреля 1854 г. в Париже, 20 января 1872 г. приговорен к восьми годам заключения (AN, BB 24/751/5096 S 72)

⁴ «Procès-verbaux», t. I, p. 190 «Принимая во внимание, что императорская колонна на Вандомской площади представляет собой памятник варварству, символ грубой силы и ложной славы, аполо-

Курбе просит не разрушать пьедестал памятника, на котором барельефы воспроизводят историю Республики, и заменить колонну статуей гения, олицетворяющего революцию 18 марта¹. Жан Батист Клеман настаивает, чтобы колонна была разбита целиком, и Адриэ из Исполнительной комиссии уверяет, что через несколько дней колонна будет разрушена².

В этом деле оппозиция делает Курбе козлом отпущения. Журнал «Le Grelot» в номере от 30 апреля отдает всю первую страницу под остроумную цветную карикатуру, на которой изображены Генрих IV и Людовик XIV, обращающиеся к самодовольному Курбе «смирненным прошением от бронзовых людей Парижа, чтобы их не переплавляли»; гражданин Курбе просит дать ему подумать: уж не надеется ли он таким способом сплавить в одно целое разные партии, спрашивает «Le Grelot».

Исмаэль Абади³, гражданский инженер, в начале мая обосновывается в помещении штаба на площади Пик (Вандомской), чтобы руководить работами по разрушению колонны, но Антуан Демэ выступает 3 мая на заседании Коммуны с протестом: «Если вы доверились инженерам, вы никогда ее не свалите; они будут бесконечно затягивать дело ради собственных интересов». «Нет,—возражает Груссе,—мы заключили подряд сдельно»⁴.

Наконец дата назначена: 16 мая. Накануне Теофиль Ферре сообщает Домбровскому, что во время низвержения колонны ожидаются враждебные выступления,

гю милитаризма, отрицание международного права, постоянное оскорбление победителями побежденных, вечное поправление одного из трех великих принципов Французской республики — братства.» и т. д. (Русское издание, т. I, стр. 153)

¹ В частных беседах Курбе упоминал о проекте колоссальной статуи Мира, женщины с мощной грудью, подпирающей такими же мощными ногами пушки, ружья и пики. «Вот,—говорил он,—какую декоративную фигуру следует поставить против улицы Мира» (Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. IX, p. 62)

² «Procès-verbaux», t. I, p. 522—523 (Русское издание, т. I, стр. 393)

³ 24 сентября 1872 г. был заочно приговорен к ссылке с заключением в крепости. Эмигрировал в Бельгию. (AN, BB 24/1850.)

⁴ «Procès-verbaux», t. II, p. 92 (Русское издание, т. II, стр. 73) Подряд на 32 тыс. франков, по словам Катюль Мендеса. («Les 73 journées de la Commune», p. 283.)

и просит его принять соответственно энергичные меры¹. 11 мая был арестован священник Вотье, якобы заявивший, что Коммуна будет сброшена еще раньше колонны². Однако в толпе, запрудившей 16 мая улицу Мира до самой Оперы и улицу Кастильоне до Тюильрийского дворца, каждый хочет тянуть канат, чтобы сбросить «Людоеда». По крайней мере так утверждает информатор Центрального комитета:

«Завтра национальная гордость потерпит большую утрату (если верить Скрибу):

Ах, как мы гордимся, что мы французы,
Когда глядим на Колонну!

...Однако,— добавляет он,— так как на всяких похоронах должны быть плакальщики, то плакальщики тут как тут. Среди них много инвалидов. Это в порядке вещей. Эти доблестные защитники знамени, на котором был начертан девиз «пушечное мясо», проклинают и поносят вандалов, которые приказали сбросить их императора. Особенно один, с деревянной ногой, в припадке ярости кричит:

— Оскорблять того, кто был рукой Франции!

— Эта рука забрала у вас ногу,— холодно отвечает гражданин, руки которого уцелели.

...Группа реакционеров открыто высказывает симпатии к версальцам. Какая-то гражданка обзывает их сволочами. Тут я с грустью слышу, как один из наших говорит этой женщине: «А вы ступайте-ка стопать свои чулки!»

Когда же вы наконец поймете, что женщина тоже должна играть в обществе свою роль? Разве ей не приходится, так же как и нам, защищать свое будущее и будущее своих детей? И зачем совать ей иглу, когда она просит ружье?»³

Размощенная площадь была с северной стороны покрыта слоем навоза и прутьев и очищена от народа. Колонна, подпиленная нансось у самого основания со стороны улицы Мира, была еще подпилена на одну треть с противоположной стороны. В высоту в ней всего три-

дцать четыре метра, таким образом, при падении ее верхушка не достигнет улицы Мира.

Прото стоит на балконе министерства юстиции вместе с Мюо, Феликсом Пиа, Тридоном и даже Глэ-Бизуэном, бывшим министром в правительстве 4 сентября. Но большая часть членов «меньшинства» отсутствует. В 15 часов 30 минут лебедки натягивают канаты и... канаты лопаются. Надо углубить надрезы. Зеваки приходят в нетерпение и начинают кричать: «Колонну! Колонну!» Наполеон, стоящий в позе Цезаря на верхушке колонны, сверкая в лучах ослепительного солнца, с презрением смотрит на толпу. Все веселятся, читая вечерние газеты, где подробно описано падение колонны, которая еще стоит на месте¹.

Трубы играют «Марсельезу» и «Походную песню». Около 17 часов приготовления заканчиваются. Симон Мейер, плац-майор, убирает красные флаги, развевающиеся на верхушке колонны, заменяет их трехцветным знаменем и быстро спускается вниз. Музыканты замолкают. Всем кажется, что колонна сдвинулась. Канаты натягиваются. Чудовищная кривая, громадная тень, неслыханный, глухой удар, туча пыли, мощный вопль: «Да здравствует Коммуна!» И все кончено. Колонна лежит на земле. Оторвавшиеся от колонны тонкие листы бронзы и куски камня разлетелись вокруг. Статуя Наполеона лежит на спине без головы. Голова откатилась по навозной подстилке до самого тротуара, словно тыква².

*

В этот день среди криков и фанфар манифест «меньшинства» мог бы отойти на второй план, если бы конфликт между двумя фракциями Коммуны не принял такого угрожающего характера. Вот уже несколько дней «большинство» Коммуны третирует «меньшинство», мешает ему участвовать в работах Коммуны, изгоняет его людей со всех постов³. Собравшись 15 мая на фракции-

¹ Lagouze, op. cit., p. 233.

² Vuillaume, op. cit., t. V, p. 177—178.

³ Варлен заменен другим в Военной комиссии В «Journal Officiel» Лонге принужден уступить свое место Везинье Верморель исключен из Комиссии общественной безопасности и т. д.

¹ APP, Va 1074.

² Lagouze, Histoire de la Commune, p. 208.

³ Dauban, Le Fond de la Société, p. 310—311.

онное совещание в здании Главного почтамта, члены «меньшинства» пишут декларацию протеста¹, которую публикуют на другой день.

Лефрансе, Клеманс, Артюр Арну, Жерарден, Пенди, Андриэ, Серрайе и их пятнадцать коллег из числа членов «меньшинства» считают, что они не имеют права передавать вверенную им власть фактической диктатуре, и заявляют, что больше не будут присутствовать на собраниях Коммуны, — за исключением тех случаев, когда она соберется в качестве органа правосудия, чтобы судить одного из своих членов, — и удалятся в свой округ.

«Убежденные к тому же, — добавляют они, — что вопрос о войне главенствует в данный момент над всеми другими вопросами, мы будем проводить все время, которое останется у нас от работы в муниципалитетах, среди наших братьев — национальных гвардейцев, и примем участие в решающей битве, ведущейся во имя прав народа»².

Но народ не понимает демократической шепетильности «меньшинства», он рассуждает, полагаясь лишь на здравый смысл: происходит раскол, члены «меньшинства» удаляются; если бы они и вправду были убеждены, что военный вопрос главенствует над всеми другими, они не поставили бы Коммуну под угрозу поражения, ослабляя ее своим уходом.

«Мы, группа граждан-избирателей, требуем от избранных нами членов меньшинства, подписавших невразумительную и несвоевременную декларацию, напечатанную сегодня утром в нескольких газетах, чтобы они остались на том посту, который мы им доверили».

Эта резолюция, принятая 16 мая Демократическим комитетом Соммы³, довольно точно отражает общественное мнение. Газета «Le Père Duchêne» мечет громы и молнии:

«Ах негодяи!
Вам нравилось, когда это было не опасно,

¹ Артюр Арну, Лефрансе и Журд, каждый в свою очередь составил проект протеста. Собрание выбрало текст Журда.

² «Procès-verbaux», t. II, p. 372—374. (См. русское издание, т. II, стр. 285)

³ Archives historiques de l'armée, Ly 20.

Сидеть в Ратуше, развалиясь в креслах, и называться избранныками народа;

И извлекать из этого выгоду!

Но теперь, когда дом в опасности

И речь идет о вашей голове,

К черту! Надо хорошенько подумать.

Верно я говорю, трусые?»

И «Le Père Duchêne» требует попросту прислать отряд и расстрелять этих «дезертиров, бежавших от неприятеля»¹.

Лефрансе отвечает письмом, напечатанным в «Le Cri du Peuple» 17 мая, где приглашает Отца Дюшена отправиться с ним

«на философскую прогулку от заставы Терн до заставы Пуэн-дю-Жур. Мне доставит истинное удовольствие его сопровождать. Мы пройдемся пешком, беседуя о политике. Место встречи у ворот Терн в десять утра, там я буду его ждать»².

Версаль следит за ударами, которые наносят друг другу два лагеря. Неизвестный осведомитель пишет 17 мая полицейскому Перну³:

«22 члена меньшинства получили письмо, подписанное семью членами Комитета общественного спасения. Если сегодня в три часа члены меньшинства (...) не явятся в помещение Коммуны, чтобы участвовать в заседании, будет проведена поименная перекличка и принят декрет об их аресте и немедленно созваны избиратели, чтобы выдвинуть новых членов Коммуны. Вы видите, что положение становится критическим...»

17 мая члены «меньшинства» пришли на заседание сами, по доброй воле, тут версальский доносчик был плохо информирован. Однако проект произвести аресты действительно существовал. Ордера на арест уже лежали в кармане у Рауля Риго, и он требовал от Прото быстрых действий⁴. Но Делеклюз решительно противился этому,

¹ № 63 от 28 флореаля 79 года.

² Лефрансе напрасно дожидался Отца Дюшена на условленном месте. И в то время, как большая часть членов «меньшинства» во время «Кровавой недели» выполнила свой долг, Вермерш и Вийом 22 мая закрыли лавочку Отца Дюшена и дали стрелкача.

³ APP, Va 1615.

⁴ Vuillaume, op. cit., t. IX, p. 105—107.

указывая, что столь серьезная мера, ставящая под удар почти треть собрания, создаст лишь дополнительные поводы для разногласий и новые предлоги для дезертирства.

Однако на заседании с членами «меньшинства» обходятся очень сурово. Паскаль Груссе называет их жирондистами. Жюль Валлес, Андриё, Клеманс смущенно оправдываются¹. Явившись на заседание, члены «меньшинства», по существу, сами отрекаются от своего манифеста. Когда приходит сообщение о преступном взрыве патронного завода на авеню Рапп, Амуру пользуется случаем, чтобы нанести еще один удар «меньшинству»: «Видите! Вы подстрекаете к гражданской войне!» Напомним, что в своем округе Амуру был один против четырех членов «меньшинства» и это заседание было для него подготовкой к собранию, которое должно было состояться 20 мая в Лирическом театре перед избирателями.

Благодаря Клемансу мы имеем оригинал протокола этого очень важного собрания, на котором члены Коммуны отчитывались перед избирателями в выполнении доверенного им мандата².

Председатель собрания — гражданин Прадель, заместители — граждане Марешаль и Анриси, секретарь — Перье. Артюр Арну представляет отчет об управлении мэрии. Клеманс отзывается с похвалой обо всех батальонах округа. 22-й и 212-й батальоны доблестно сражались в Ванве, 53-й пострадал от огня версальцев в Исси, 94-й, стоящий в Пасси, выдержал 33 дня боев. Но начальник легиона недостаточно энергичен и будет смещен сегодня же вечером.

Гражданин Шенон спрашивает, неужели понадобилось шесть недель, чтобы убедиться в неспособности начальника легиона...

Гражданин Перье замечает, что на этот пост был всего один кандидат, чем и объясняется «выбор» гражданина Эгоньера.

Лефрансе выступает с политической защитой «мень-

¹ «Procès-verbaux», t. II, p. 338—402. (Русское издание, т II, стр. 285)

² Он опубликован полностью в «Procès-verbaux», t. II, p. 449—469 (См. русское издание, т II, стр. 371)

шинства». Он подчеркивает, что обе группы ставят себе одну и ту же цель, но предлагают разные средства для ее достижения. Он напоминает, что Комитет общественного спасения 93 г. был «непримиримым врагом Коммуны и погубил ее». С той минуты, когда избранный «большинством» Комитет общественного спасения получил власть назначать и смещать начальников всех служб, «вся власть Коммуны сосредоточилась в Комитете общественного спасения», и «меньшинству» оставалось только удалиться, «чтобы не тормозить необходимых мер обороны бесполезными дискуссиями».

Амуру считает, что «IV округ был творцом революции 18 марта. Артиллеристы IV округа доставили пушки, это 183-й батальон отправился за ними». Затем, ловко завоевав симпатии аудитории, Амуру переходит в атаку:

«Кое-кто считает, что незачем было возвращаться к 93 г., что надо быть социалистами, философами и ставить убеждение выше силы. Что до меня, то с того дня, когда я начал бороться, мое мнение таково: всякая революция, порожденная силой, может удержаться только с помощью силы. Имеем ли мы право заниматься сейчас социальными принципами, когда перед нами люди, убивающие наших пленных?.. На убийства мы ответим казнями!»

Когда один из присутствующих протестует и называет это убийством, Амуру взрывается:

«Кто смеет произносить это слово, когда действует сам народ, который убивали в течение восемнадцати веков? И когда он казнит тех, кто убивал его восемнадцать веков подряд, вы называете эти казни убийством? Идите прочь! (*Продолжительные аплодисменты.*)

Если мы будем действовать, мы не дадим пролиться крови. Пока Коммуна бездействовала, было убито более пятисот пленных. И, зная эти факты, вы хотите установить трибуналы?! Разве были суды на дороге из Парижа в Версаль? (*Сенсация*)... Неужели против тех, кто поджег патронный завод на авеню Рапп, мы должны применять мягкие меры?» («*Нет! Нет!*»)

Гражданин Анриси позволяет себе выразиться иносказательно:

«Были люди, которые хотели спорить, под каким соусом следует подавать рыбу, но другие говорили: надо сначала поймать рыбу, а тогда уж будем спорить... В то время как мы идем в клубы проповедовать единство, почему наши избранники дают нам пример раскола?»

Жерарден оправдывает поведение «меньшинства» их нежеланием отказываться от демократического принципа, согласно которому нельзя допускать создания никакой группы «избавителей», кем бы они ни были; избиратели для того и созываются, чтобы судить своих избранников, «потому что вы и есть суверенная власть», — подчеркивает Жерарден.

На этом месте дискуссии председатель предлагает находящимся в зале национальным гвардейцам 53-го, 96-го и 150-го батальонов вернуться в казарму Рёйи, и некоторое число присутствующих покидает собрание. После этого Лефрансе и Амуру хотели бы отложить дискуссию. Однако дебаты продолжаются. Гражданин Шамон выступает против казни заложников. (*Шум. Крики: «Хватит!»*) Гражданин Дюваль от имени коммунальной комиссии IV округа просит, чтобы собрание дало делегатам строгий наказ присоединиться к «большинству».

Амуру снова бросается в атаку:

«Если вы не ответите убийцам казнями, сто тысяч национальных гвардейцев на городских укреплениях будут убиты один за другим. В сентябрьские дни в тюрьмах было пять тысяч жертв; а сколько жертв понес народ в 93 г.? Более пяти миллионов!.. Я присутствовал на одной смертной казни, на казни того негодяя, который хотел сдать От-Брюйер, как уже был сдан Мулен-Саке; вы, может, думаете, что это зрелище доставило мне удовольствие? Однако не вообразайте, что я стал бы просить о его помиловании. О, нет! Я жалею только об одном, что Тьер и я же с ним не были там, чтобы разделить его участь». (*Долгие аплодисменты.*)

Артюр Арну утверждает, что вообще не было раскола, а только «идейные расхождения».

Гражданин Пиа, член Центрального комитета, считает, что Комитет общественного спасения полезен. Он назначил новую Военную комиссию и таким образом

дал Центральному комитету возможность разоблачить саботаж в интендантстве и в администрации военного министерства.

Гражданин Дюваль просит, чтобы собрание проголосовало, считает ли оно (да или нет), что избранные в Коммуну делегаты должны оставаться в Коммуне.

Клеманс заявляет, что он подчинится результатам голосования. Гражданин Пьеденуа хочет прослушать отчет каждого избранника: «Мы собрались, чтобы узнать, что сделали наши делегаты, а не для того, чтобы слушать напыщенные речи».

Жерарден говорит: «Если вы считаете, что полезнее устраивать дискуссии в Коммуне, чем оставаться в своих округах, то мы туда вернемся».

Артюр Арну тоже готов вернуться в Коммуну, но с условием, что будет обеспечено «полное и беспристрастное» опубликование дебатов.

Гражданин Дюваль подчеркивает, что членам «меньшинства» не предлагают отречься от своих заявлений, а просят вернуться в Коммуну.

Затем единогласно (при одном воздержавшемся) принимается следующая резолюция:

«Собрание избирателей IV округа, не делая ни малейшего упрека своим представителям, призывает их вновь занять свои места в Коммуне и высказывает пожелание, чтобы заседания были гласными, с тем чтобы каждый нес ответственность за свои слова».

Это примерно такая же позиция, какую занял в тот же день Федеральный совет парижских секций Интернационала¹.

Легко себе представить, что демонстрация всех этих разногласий отразилась на единстве и моральном состоянии национальной гвардии. Еще в то время, когда Россель решил сформировать маршевые батальоны, три из одиннадцати батальонов IV округа отказались делиться на маршевые и гарнизонные роты и продолжали ходить в бой в полном составе. В I округе Бурсье тоже не был сторонником организации маршевых батальонов².

¹ См.: «Les séances officielles de l'Internationale», p. 193—194.

² См.: Archives historiques de l'armée, 3e conseil de guerre dossier 762, pièce 36.

Спинау, начальник III легиона, пишет 16 мая в военное министерство, протестуя против включения 88-го батальона во II маршевый полк, о чем ни его, ни батальон не спросили и даже не известили.

«Я тщетно искал,— пишет он¹,— декрет Коммуны или Комитета общественного спасения, который приказывает создавать маршевые полки. Как начальник легиона и как гражданин, я протестую против такого нарушения принципов федерации. Оставляя без дела выбранных начальников, уводя из разных округов испытанные батальоны, вносят дезорганизацию в 20 легионов, чтобы организовать два-три полка.

Более того, быть может, нам предстоит такая фаза обороны, когда придется драться на нашей собственной территории и когда каждый должен будет защищать свой собственный округ². Итак, я требую, чтобы 88-й батальон, который уже внес крупный вклад в оборону, вернулся завтра в Париж. Этот батальон с 21 по 30 апреля потерял 28 человек. Вчера в схватке в Булонском лесу он потерял подполковника Эйхенлауба и майора Монколена, оба они и еще четыре гражданина были убиты, а 23 человека ранено. В батальоне осталось около 120 человек, которые находятся в Нёйи уже 9 дней. Гвардейцы хотят похоронить своего командира. Они с оружием в руках отстояли тело майора Монколена и настойчиво просят разрешения вернуться в Париж и занять свое место в рядах легиона».

Спинау снова просит, чтобы весь его легион был сосредоточен между Иври и Порт д'Итали и перечисляет заслуги III легиона.

18 мая Спинау снова бьет тревогу:

«Батальоны все дезорганизованы, подтверждением чему служит 144-й батальон, часть которого осталась с гражданином Лобаном, тогда как батальон вернулся в Париж. К тому же весь легион был так сильно и жестоко потрепан под Нёйи, что я считаю себя вправе спросить во имя осаждающих меня здесь женщин и детей, каковы же результаты, которых мы

достигли, пролив столько самой чистой и самой благородной французской крови с такой беспримерной расточительностью».

Во всех секторах обороны возникают новые трудности. 17 мая Гайяр-отец подает Делеклюзу заявление об отставке с поста начальника специального батальона строителей баррикад, который Кюзере создал в середине апреля по соглашению с тогдашней Исполнительной комиссией.

Наполеон Гайяр, разместив свое управление в Гранд-отеле, на улице Риволи, 166, начал постройку двух баррикад по образцу, данному Росселем: одну на углу улицы Риволи и улицы Сен-Флорантен, у края террасы Тюильри, другую на улице Кастильоне, для защиты Вандомской площади. Гайяра подвергают жестокой критике, считая, что работы его обходятся слишком дорого. 1 мая Россель пишет ему: «Я не видел вас со времени маленького дворцового переворота, который поставил меня на место Кюзере... Приходите ко мне ночью или очень рано утром, это единственные минуты, когда я могу с вами поговорить»¹.

Анонимный рапорт, без указания числа, сообщает, что рабочие, занятые восстановлением решетчатой ограды вокруг Тюильри, ничего не делают.

«Если бы битва перекинулась в этот квартал, враги, ворвавшись через Люксембургскую улицу, или враждебные элементы, живущие в этом же квартале, беспрепятственно проникли бы в сад и могли бы зайти в тыл баррикады на улице Риволи или оборонительных сооружений перед входом в сад. Есть еще боковые ворота, выходящие на террасы площади Согласия, которые дают возможность проникнуть в сад без всякого труда. Нельзя ли принять меры предосторожности?»²

7 мая Россель спрашивает: «В какой день вы мне обещаете начать работы в Исси и, несмотря на обстрел, довести их до плато рядом с фортом Исси?»

Гайяр тотчас ответил, что сегодня же соберет рабочих, и сдержал слово. 10 мая гражданин Ламорлет, на-

¹ Archives historiques de l'armée, 17/551.

² Значит, эта губительная тактика, которую применяли во время недели баррикадных боев, была обдумана заранее.

¹ Archives historiques de l'armée, Ly 25.

² Archives historiques de l'armée, Ly 20.

чальник отряда строителей баррикад, посланных в Исси, пишет Гайяру:

«Можете рассчитывать на меня и ни о чем не беспокоиться. Я вполне удовлетворен гражданами, которых вы мне прислали: мы работаем день и ночь под дьявольским обстрелом, так что наши рабочие отдыхают не больше нас самих... Привет, братство, преданность».

С 6 по 13 мая на баррикадах XVI округа работало 190 человек, они затратили 13 тыс. рабочих часов. Подрядчик Камбризи, живущий на улице Сен-Жермен-л'Оксерруа, получает 12 тыс. франков за разрушение туннеля у ворот Майо.

На одном только строительстве на улице Руаяль у Гайяра работает 89 рабочих под руководством 17 начальников бригад. Платежные ведомости строительных работ на площади Согласия, на Вандомской площади, в парке Тюильри и на набережных свидетельствуют о размахе этих работ и ставят под сомнение рассказы о бездеятельности и фанфаронстве Гайяра.

«Время не терпит,— пишет 15 мая Гайяр Делеклюзу,— часы бегут — надо действовать. Умоляю вас, верьте моему патриотизму... Надо, чтобы площадь Согласия была полностью укреплена, чтобы линия громадных баррикад была немедленно воздвигнута от Монружа до Триумфальной арки и от Триумфальной арки до Батиньоля. Одновременно надо создать укрепления на Монмартре, Трокадеро и на горе Сент-Женевьев.

Я беру это на себя, если мне помогут, то есть если мне не будут мешать. Верьте мне, в этом спасение.

Люди у меня готовы. Мой батальон строителей баррикад организуется. Дайте приказ, что мне разрешаются любые реквизиции, и я берусь устроить бойницы во всех домах, забаррикадировать все авеню и за несколько дней воздвигнуть три крепости...»

Хотя Ключере все еще находится в заключении, он тоже дает советы в письме, напечатанном в «Le Mot d'Ordre» 16 мая: он напоминает, что приказал Гайяру отцу прекратить работы по сооружению внутренних баррикад и вместо этого укрепить заставу Этуаль, Трока-

деро, Ваграм, Рон-Пуэн де Гренель, с помощью таких же сооружений, как на улице Риволи!

«Эти работы стали неотложными, с тех пор как во время моего отсутствия вы дали захватить Исси и, главное, совершили ужасную ошибку, позволив врагу занять Булонский лес... Апрошным работам надо противопоставить контрапрошные, если вы не хотите, проснувшись в одно прекрасное утро, увидеть врага в самом Париже. Батарейам надо противопоставить батареи, земляным валам — земляные валы!»¹ На следующий день Гайяр подает в отставку, потому что полковник инженерной службы Розелли-Молле отказал ему в средствах для выплаты жалованья. 18 мая он пишет членам Военной комиссии, тревожась о том, что все работы заброшены, и снова предлагает свои услуги. Но Делеклюз ни за что не хочет его брать. 19 мая он пишет Бержере:

«Я отнюдь не считаю неудобным, если вы примете гражданина Гайяра-отца. Что до меня, то у меня свое мнение о его компетентности в постройке баррикад, и я не вернусь на тот разорительный путь, куда бывший начальник строителей баррикад увлек Коммуну».

Можно подумать, что военный делегат больше озабочен бюджетным равновесием Коммуны, чем ее безопасностью. А профессиональные инженеры очень довольны отстранением Гайяра.

Бывший начальник венгерского штаба во время войны 1848—1849 гг., живущий на улице Круа-дэ-Пти-Шан, 42 (II округ), посылает Делеклюзу план работ, который он только что составил на месте:

«Я констатирую,— пишет он,— полные и очень удачные перемены в проведении работ благодаря весьма разумному руководству военно-инженерной службы, которую так поносили некоторые группы недоброжелателей. Бессмысленные и очень дорогостоящие работы дилетантов прекращены».

В скором времени под давлением необходимости за них снова принялись, но уже в ходе уличных боев...

¹ APP, dossier Ba 1015—1016, pièce 81.

Положение у находящихся под обстрелом городских ворот Парижа быстро ухудшается. 20 мая почтенный Тирифок сообщает о поражении в Пти-Ванве и возлагает ответственность за него на полковника федератов, которого обвиняет в халатности и безответственности¹.

В тот же день Грелье из Центрального комитета ставит в известность Делеклюза о плачевном положении у ворот Отёй².

21 мая полковник Спинуа, начальник III легиона, пишет военному делегату³:

«Посылаю к вам двух делегатов, которые сделают отчет о положении, которое считаю ниже всякой критики. Люди 86-го батальона (III округ), несущие службу в Монруже, брошены на произвол судьбы. У орудий нет снарядов. Надо принять срочные меры». Тот же высший офицер издает «приказ», который свидетельствует о полном разложении национальной гвардии в «надежном» округе:

«Несмотря на старание, проявленное Комиссией по проверке и учету военнообязанных, большое число национальных гвардейцев не является в свои роты. Это скорее безразличие, чем отсутствие патриотизма, однако...

Вследствие чего:

1. Все граждане III округа, которые в течение 48 часов не явятся в свои маршевые роты или в резервные (гарнизонные) роты, все те, кто не состоит ни в каком батальоне и не явится в течение того же времени в штаб легиона, чтобы вступить в легион, будут немедленно арестованы и предстанут перед военным судом.

Для этой цели будут даны соответствующие полномочия делегатам муниципалитета.

2. Магазины, лавки и коммерческие предприятия, принадлежащие лицам, уклоняющимся от военной

службы, или их управляющим, будут немедленно закрыты и опечатаны¹.

Лефрансе, который сменил Уре на посту делегата, наблюдающего за районом Ла-Мюэтт (от ворот Терн до ворот Пуэн-дю-Жур), отправляется к воротам Сен-Клу, спускается в ров по остаткам разбитого подъемного моста, где слышит и видит версальцев:

«Сегодня, 21 мая 1871 г., в половине четвертого утра, — нацарапал он карандашом на клочке синей бумаги, — я видел собственными глазами, что у бастииона 63, в 300 метрах от ворот Отёй и вблизи ворот Сен-Клу, версальцы ведут апрошные работы под прикрытием корзин с землей, всего в пятнадцати метрах от рва перед нашими укреплениями.

Сведения эти абсолютно точны. Я известил обо всем Домбровского, вернувшись в Ла-Мюэтт. Он и не подозревал об этом».

Покинув командный пункт Домбровского, Лефрансе встретил своих коллег Авриала, Дерёра и Виара. Последний возвращался в министерство земледелия и торговли, находившееся по соседству с военным министерством, и Лефрансе поручил ему передать его рапорт Делеклюзу. На другой день военный делегат клянется честью, что он его не получал².

Нет никаких оснований сомневаться в словах Делеклюза, но, если рапорт не дошел до того, кому предназначался, он все же дошел до Военной делегации, потому что был захвачен версальцами среди ее бумаг и находится в Военно-историческом архиве (carton, Lu 20), где мы его и нашли. Как бы то ни было, Делеклюз был полностью осведомлен о положении в Пуэн-дю-Жур. Член Центрального комитета Лакор пишет ему: «Первого прериала, год 79. Гражданин Лефрансе, которого я встретил, уверял меня, что в Пуэн-дю-Журе, откуда он прибыл, не осталось ни одного человека». Эта записка тоже хранится в Военно-историческом архиве (carton, Lu 20) и имеет на полях пометку карандашом «21 мая. Проверить».

Во всяком случае, совершенно неправдоподобно, что-

¹ AN, BB 24/859.

² Archives historiques de l'armée, Lu 20.

³ Archives historiques de l'armée, 17e conseil de guerre, dossier 551.

¹ «Journal Officiel», 22 mai.

² См. Lefrançais, Etude sur le mouvement communaliste, p 111.

бы Делеклюз не читал письма Домбровского, собственноручно написанного им 21 мая, где Домбровский утверждает, что «штурм неизбежен»¹:

«Часть крепостного вала от Пуэн-дю-Жура до ворот Отёй не защищена, батальоны, посылаемые сюда для несения службы, немедленно в беспорядке возвращаются в Париж, а враг пользуется этим положением и усиливает работы возле ворот Сен-Клу, в ста метрах от гласиса...»

Наконец, Делеклюз, несомненно, получил и просьбу о подкреплении от Ла Сесилиа и Жоаннара («На бастионах от Версальских ворот до Ба-Медона нет ни одного национального гвардейца... Мы ждем штурма с минуты на минуту»), ибо на полях этого письма написано: «Вернуть Врублевского, у которого около 7 тыс. человек»².

Увы! Чтобы усилить позиции Пуэн-дю-Жура, на войска Врублевского рассчитывать нельзя. 21 мая Врублевский жалуется, что получил из Пти-Ванва совершенно расстроенные батальоны, которые вносят лишь беспорядок среди его солдат, и просит у Делеклюза «свежих подкреплений», чтобы иметь возможность справиться с созданным положением³.

*

Если федераты все с большей неохотой несут службу вне крепостных стен, если они проявляют беспечность в деле охраны наиболее уязвимых городских ворот, то потому, что парижане вопреки всякой очевидности продолжают верить в неуязвимость столицы. Несмотря на кровопролитные бои в окрестностях, несмотря на расстрелы пленных, федераты, поддавшись странному коллективному заблуждению, убеждены, что, если версальские солдаты проникнут в Париж — священный город свободы, они откажутся стрелять, как и 18 марта. Армия Тьера и Мак-Магона будет окружена, она распадется, растворится в народе, который останется непобедимым за вновь вздыбленными баррикадами: «Никогда они не посмеют, но, если они придут, Париж будет им могилой».

¹ Dauban, op. cit., p. 363.

² Ibid., p. 366.

³ Ibid.

Если делегаты и военачальники в той или иной мере отдают себе отчет в опасности положения, то большинство рядовых бойцов сохраняют слепую веру в великую судьбу Коммуны. 20 мая — накануне вступления версальцев! — Далу переезжает в Лувр вместе с женой и маленькой дочкой¹. Когда гражданин Бессон, по рекомендации Вийома², входит в министерство юстиции, когда он — простой гвардеец — завтракает, держа в руке вилку с королевским вензелем, и нежится в кресле принцессы, он чуть не лопаается от гордости! «На этот раз уж мы своего добились! Теперь мы у себя!» У него пробуждается честолюбие: он добивается места привратника у ворот, выходящих на улицу Камбон: «Жена переедет вместе со мной... И потом, это ведь на всю жизнь... Верное место». Он получает это место, славный папаша Бессон, и, конечно, не впустит никого подозрительного в министерство юстиции! Гражданка Бессон тоже так уверена, что это место на всю жизнь, что приносит с собой в привратническую всю свою кухонную утварь, которая блестит на стене, как декоративные украшения!

...На всю жизнь?.. Меньше чем на неделю!.. И вскоре, прощай, место, прощайте, кастрюли, прощай, жизнь...

*

Заря занимается, наступает воскресенье 21 мая, чудесное весеннее воскресенье. Эдуар Моро, начальник Генерального интендантства, уже на работе. Текущие дела: «Гутро и К⁰», улица Тюренн, 80, предлагает 100 полированных труб по 13 франков за штуку. Согласен. Доставить 25-го текущего месяца³.

Гражданин Ностаг организует постоянное дежурство делегации Федерального совета парижских секций Интернационала на площади Кордери, 6, чтобы принимать индивидуальные и коллективные предложения, которые секции сочтут полезным представить на рассмотрение Коммуны⁴.

¹ «Journal de Barbey de Jouy» (Revue hebdomadaire-Plon-Nourrit, 1898).

² M. Vuillaume, op. cit., t. IV, p. 55 et suiv.

³ См.: «Journal Officiel», 22 mai.

⁴ См.: «Journal Officiel», 21 mai.

В 13 часов в мэрии IV округа Центральный комитет Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными собрал работниц всех корпораций для окончательного создания синдикальных и федеральных палат трудящихся женщин¹.

В этот день воскресного отдыха состоялось много синдикальных собраний: рабочих-медников и жестянщиков на площади Кордери; рабочих-шорников в зале Шале; портных в зале Робер.

Рабочим-мясникам предлагают собраться в зале Биржи для организации Совета синдикальной палаты, уничтожения эксплуатации, распределения работы, закрытия лавок, рынков и базаров по воскресным дням в 12 часов летом и в 2 часа дня зимой² Здесь тоже организируются .. на всю жизнь.

Коммунальный клуб в церкви Лё устроил собрание под председательством гражданина Буало, в президиуме граждане Курто и Фильдар. Выступают по очереди десять ораторов. Предложение гражданина Бакюлара использовать на постройке баррикад кадровых солдат, «приученных Коммуной болтаться без дела», отвергается. Напротив, собрание единогласно принимает предложение гражданина Курто³:

«Ввиду того что Коммуна является свободным выражением наших чаяний и мы не хотим, чтобы она стала тайным обществом, собирающимся по ночам, мы требуем, чтобы все предатели и заговорщики, и в частности подлые виновники катастрофы на патронном заводе, были судимы публично специально назначенным для этого судом присяжных во Дворце юстиции».

В Консерватории искусств и ремесел члены Республиканской федерации Роны приступают к обсуждению повестки дня, которая вызывает дискуссию о «политической честности».

В Коммуне идет заседание под председательством Жюля Валлеса — доказательство того, что «меньшинство» раскаялось. Однако между Артюром Арну и Амуру все же происходят стычки по поводу того, как следует

толковать резолюцию, принятую их избирателями на заседании в Лирическом театре. Затем собрание не находит ничего лучшего, как заняться процессом Ключере...

В театре «Жимназ» ставят маленькие, легкие одноактные пьески: комедию Шарля Нерэ «Все они таковы», комедию Эдуара Жудине «Знатные барышни» и водевиль «Вдова с камелиями». В ложе бывшего императора замечают гражданина Асси в парадной форме и нескольких членов Коммуны¹.

В Тюильрийском парке шесть тысяч человек присутствуют на большом фестивале, устроенном музыкантами всех батальонов национальной гвардии Парижа «в пользу вдов, сирот и национальных гвардейцев, раненых в битвах за Республику». По мановению дирижерской палочки гражданина Делапорта сто пятьдесят музыкантов на задрапированной красными полотнищами эстраде исполняют патриотические произведения, сопровождаемые порой глухим рокотом пушек... Приветливые маркитантки, в шляпах с перьями и блестящими медными пуговицами на корсажах, предлагают публике эмалированный значок — красный фригийский колпак: «В пользу наших раненых, граждане!»

После обеда, когда стихают фанфары и аплодисменты, внезапно наступает полная, непонятная тишина. Отдаленная канонада тоже смолкает. Бьет четыре часа. Штабной офицер, выйдя на подмостки для дирижера, обращается к толпе:

«Граждане, господин Тьер обещал вчера войти в Париж. Господин Тьер не вошел и не войдет! Приглашаю вас в следующее воскресенье на это же место, на наш второй концерт в пользу вдов и сирот!» В эту самую минуту версальцы вступали в город.

¹ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 545.

² «Journal Officiel», 19—21 mai.

³ Archives historiques de l'armée, Ly 22.

¹ См. d'Alméras, La Vie parisienne pendant le siège et sous la Commune, p. 444

Глава восьмая

«КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ»

«Входите! Здесь никого нет!» ...Добровольный предатель, служащий Управления мостов и дорог Жюль Дюжатель¹, вскарабкавшись на один из разбитых канонадой бастионов Пуэн-дю-Жура, размахивает белым платком, призывая солдат «в красных штанах», засевших в траншее у самого крепостного рва. Федераты, которым надлежит защищать этот жестоко обстреливаемый сектор, почти все укрылись за виадуком окружной железной дороги². Их безмерная усталость дает преимущество нападающим. Стенобитные батареи прекращают огонь. Сначала маленькие, робкие отряды, за ними батальоны, а потом и целые дивизии армии Мак-Магона проникают в столицу.

16 часов. Телеграф работает нормально³, а между тем проходит три часа, прежде чем Комитет общественного спасения получает депешу от Домбровского. Коммуна все еще разбирает дело Кюзере, когда входит бледный, как полотно, Бийорэ и читает полученную бумагу, которая дрожит в его руке:

«Домбровский Военной делегации и Комитету общественного спасения. Версальцы вошли в город через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы отбросить их. Если сможете послать мне подкрепления, я ручаюсь за все»⁴.

Председательствующий Жюль Валлес чувствует, как кровь отливает у него от сердца⁵. Члены Коммуны наспех выносят Кюзере оправдательный приговор и со-

¹ Подкомиссией по строительству баррикад в Пасси ему было поручено строительство второй линии обороны между воротами Дофины и Пуэн-дю-Журом. (См.: *Lefrançais, Etude sur le mouvement communaliste*, p. 313.)

² Недавно был снесен для расчистки места у выхода с внешних бульваров.

³ См.: *B. Laurent, La Commune de 1871, Les Postes, les Ballons, le Télégraphe*, p. 316.

⁴ Текст восстановлен Лиссагаре по свидетельству брата Домбровского и нескольких членов Коммуны. В своей книге «*La troisième défaite du prolétariat français*» Бенуа Малон дает по памяти более длинную версию, но смысл ее такой же.

⁵ См.: *J. Vallès, L'Insurgé*, p. 260.

брание закрывают, так как каждый должен вернуться в свой округ.

Все дела ложатся на плечи больного и переутомленного старика, который остается подписывать горы бумаг в Военной делегации. В то время как главный штаб опровергает вступление версальцев в Париж и отказывается бить в набат... чтобы избежать паники, Делеклюз запирается и пишет зажигательную прокламацию, которая, как он думает, поднимет поголовно всех пролетариев, но на самом деле способствует лишь полной дезорганизации батальонов:

«Граждане, довольно милитаризма, долой генеральные штабы с расшитыми золотом и галунами мундирами! Место народу, бойцам с голыми руками! Час революционной войны пробил»...¹

Значительные версальские силы встречают лишь слабый заслон бойцов, который, не получая поддержки, оказывается сломенным к 9 часам вечера.

Делеклюзу не удается быстро собрать значительные подкрепления. Большинство батальонов федератов либо сражаются в предместьях, либо защищают форты. Версальцы, продвигаясь от Ла-Мюэтт внутри крепостного вала, овладевают воротами Майо с тыла, что вызывает панику во всем секторе. 112-й батальон разбегается, и его остатки укрываются в Батиньоле.

Военные ресурсы округов довольно скудны, если судить по сохранившемуся в Военно-историческом архиве (Лу 20) неизданному документу, в котором член Центрального комитета Гуйе обрисовывает положение в I округе 21 мая в 21 час 15 минут:

«40 артиллеристов, полубатарей в боевой готовности, не могут быть пущены в дело из-за решительного отказа делегата мэрии Пийо и его муниципалитета.

Состояние имеющихся в наличии батальонов:

5-й — 100 человек из маршевых рот.

12-й — никого нет.

13-й — в Ла-Мюэтт, малочисленный.

70-й — 50 человек несут охрану Пале-Насьональ

[Пале-Руаяль.— *Ред.*].

¹ «*Murailles politiques françaises*», t. II, p. 558.

14-й — 250 человек в боевой готовности.

112-й — в Нёйи, малочисленный.

113-й — в Вожираре 40 человек, остальные в бегах.

196-й — в Монруже, малочисленный.

Можно было бы создать батальон из нескольких смешанных рот, если бы его повел сам Бурсье.

Не рассчитывать на гарнизонные части».

Прервав вторую линию обороны, осаждающие молча растекаются по садам XVI округа и нападают врасплох на маленькие посты, где национальные гвардейцы только что погрузились в первый сон.

И тут начинаются расправы, которые ничто не может оправдать, даже ярость битвы, напоминающей скорее беспощадное истребление, охоту на человека. Окруженных федератов выстраивают у стенки и расстреливают. Газета «Le Moniteur universel» пишет о 60 убитых, лежащих вповалку один на другом за стенами Отёйского кладбища; «Le Gaulois» говорит о тридцати убитых, засыпанных листьями в одном из садов Ла-Мюэтт. На улице Ранелаг на стенах видны следы от пуль, которые, по словам одного торговца из Пасси, сразили очень большое число федератов¹. Среди национальных гвардейцев царит полное смятение: обойденные неприятелем с тыла, они кричат о предательстве и стараются вернуться в свой округ. Амуру, отправившегося вместе с Асси в штаб-квартиру Домбровского в Ла-Мюэтт, чтобы выяснить, каково положение, на обратном пути задерживают «Мстители Коммуны», спрашивая у него пароль. Амуру его не знает, идет, чтобы его получить, на сторожевой пост на улице Бетховена и возвращается к «Мстителям», но тут его вдруг останавливает угрожающее «кто идет?». «Мстителей» здесь уже нет. Их место заняли передовые отряды 45-го линейного полка, которые около половины двенадцатого берут Амуру в плен². Немного спустя лошадь Асси поскользнулась в какой-то густой луже возле группы национальных гвардейцев, которые, казалось, уснули. Асси сходит с лошади и вздрагивает от ужаса: федераты лежат в луже

¹ См. Camille Pelletan, La semaine de mai. Maurice Dreyfous ed., Paris, 1880, p. 26

² APP, Ва 931; AN BB 24/791/3079, S 73.

крови. Только что расстрелявшие их версальцы замечают Асси, еще не пришедшего в себя после потрясения, и берут его в плен.

В полночь гражданин Пейзан берет слово в Клубе Никола-де-Шан:

«Я только что вернулся из Ратуши. Вторжение версальцев в Париж, к сожалению, истинная правда, но битва на улицах будет нам на руку. Хотя я и инвалид, беру на себя одну баррикаду. Я постараюсь убить как можно больше версальцев. Что до вас, гражданки, то ваша роль начертана заранее: у вас дома есть кастрюли, масло, керосин, сбрасывайте все это на головы версальцев»¹.

Вскоре Пейзан отдает себя в распоряжение капитана Байи, начальника баррикады, расположенной на углу улиц Абукир и Пти-Карро, где версальцам было оказано яростное сопротивление.

В квартал Пале-Руаяль приходят остатки разбитого батальона XV легиона, которые отступают от Военной школы. Дамерэ, командир XV легиона, приказывает перегородить баррикадами все улицы квартала.

Полковник Спинуа, командир III легиона, получает приказ вывести на площадь Согласия все имеющиеся у него в наличии батальоны². Стягивание войск идет с трудом. Если бы версальцы, не встречавшие сопротивления, наступали более решительно, они без потерь захватили бы большую баррикаду, господствовавшую над улицей Риволи, которая до половины десятого утра оставалась без защитников. Батальоны, возвращающиеся из пригородов, хотя и остаются в своих округах и ссылаются на прокламацию Делеклюза, чтобы оправдать свое нежелание подчиняться приказам высшего командования. Можно подумать, что ни один коммунары не читал знаменитой «Инструкции к вооруженному восстанию», написанной Бланки в 1868 г.

«Главное, не следует замыкаться в собственном квартале, как это постоянно делают повстанцы, действуя себе во вред. Эта мания, ставшая причиной их

¹ Archives historiques de l'armée, Lx 22

² Archives historiques de l'armée, 17 conseil de guerre, dossier 551.

поражения (в июне 1848 г.), впоследствии облегчила преследования повстанцев. От нее следует излечиться, иначе она грозит катастрофой»¹.

В час ночи 22 мая враг захватил Трокадеро. В три часа он ворвался в Севрские и Версальские ворота. Около четырех часов батареи на Монмартре открыли огонь. В пять часов снаряды падают на дворец Почетного легиона. Делеклюз приказывает эвакуировать военное министерство, поручив оборону площади Согласия Брюнелю, который размещается со своим штабом в «Таверн-англез» на улице Руаяль, 21².

Поль Маглуар Брюнель родился 12 марта 1830 г. в Шальму (департамент Сона и Луара). Бывший офицер кадровой армии, он храбрый вояка. Во время осады Парижа пруссаками он отличился при вылазках в Шампиньи и Бюзанвале, возглавляя 107-й батальон. 28 января он был арестован вместе с полковником Пицца за попытку захвата военной власти для продолжения борьбы с пруссаками, был приговорен к двум годам тюрьмы 11 февраля 1871 г., а десять дней спустя освобожден национальными гвардейцами. 24 марта он произведен в генералы Центральным комитетом и во время обороны форта Исси ранен осколком снаряда. Он был отстранен от командования по его собственной просьбе и вскоре заключен в тюрьму Мазас, а затем 20 мая освобожден. В очень трудных условиях он быстро организует оборону улицы Руаяль, улицы Риволи и набережных. Вначале Брюнель располагает лишь 150 стрелками из своего X легиона, которых он размещает в ряде укрепленных пунктов на площади Согласия. У него шесть пушек на террасе Тюильри, одна пушка и одна митральеза на редуте улицы Сен-Флорантен и две на редуте улицы Руаяль. Вот с чем он продержался сорок восемь часов, дав возможность центральному и восточным округам воздвигнуть баррикады и перестроить свои силы.

В половине шестого утра ворота Майо захвачены с тыла. Все батальоны федератов, находившиеся между Нёйи и Сент-Уаном, окружены. Вся их артиллерия по-

падает в руки врагу. Версальцы доходят до Батиньоля, не встречая сопротивления¹.

В половине седьмого утра версальский историк Максим Дю Кан, стоя на своем балконе на Римской улице, присутствует при расправе над восемью федератами, пойманными «красноштанниками». Парк Монсо уже стал ареной массовых расправ...

Отряды VIII легиона пытаются остановить на площади Бово беглецов из Ла-Мюэтт и Пасси, которые отходят маленькими группками, пыльные, шатаясь от усталости, в разорванных мундирах, без кепи, порой даже без оружия.

— Как мы могли держаться? Мы были на валах, спереди нас засыпали снарядами, и форты тоже обрушились на нас. Мы хотели укрыться внутри укреплений за баррикадой, и на нас тотчас набросились солдаты, обстреливая с обеих сторон. Нас предали!

Перед линией обороны Брюнеля национальные гвардейцы VIII легиона на скорую руку строят баррикады в предместье Сент-Оноре, на улице Сюрен, на улице Виль-л'Эвек, на всех выходах с площади Сент-Огюстен: смехотворные препятствия, быстро обойденные или разбитые версальцами. Елисейский дворец, площадь Сент-Огюстен, пали при первом же натиске, и в половине восьмого казарма Пепиньер уже захвачена. Федераты отступают и сооружают новую линию обороны, которая запирает бульвар Мальзерб на уровне улицы Буасси-д'Англа.

«Зуавов Коммуны», занимающих коллеж Шапталь, яростно обстреливают из пушек. «Битва была недолгой,— сообщает Катюль Мендес².— Кое-кого взяли в плен. *Остальных расстреляли.*

Хозяйки запасают провизию: хлеб, мясо, овощи. Кафе и магазины закрыты. Все жители высыпали на улицу и стоят возле своих домов. Недавно расклеенные афиши вымазаны углем.

Прокламацию Делеклюза почти никто не читает. Все

¹ Артур Арну, посланный Делеклюзом с поручением в Батиньоля и на Монмартр, не находит ни одной сражающейся баррикады. (Arthur Arnould, Histoire populaire et parlementaire, t. III, p. 155)

² Catulle Mendès, Les 73 journées de la Commune, p. 307.

¹ Blaquière, Textes choisis, «Les classiques du peuple», Editions sociales, Paris, 1956, p. 220.

² AN, BB 24/854 B — 1303 S 79.

разочарованы, что в ней нет никаких сообщений о том, что происходит...

На площади Оперы, на углу бульвара Капуцинок, возвышается крепкая баррикада, в нее вставлены винные бочки и тележки для поливки улиц. Ее обороняют несколько двенадцатифунтовых пушек, притащенных с Вандомской площади¹. Деревянная Дудка прислал сюда рабочих из 6-го отделения своего управления дорожных работ².

Появляются газеты. Их попытки морочить людям головы кажутся мрачной насмешкой перед несомненным разгромом. В газете Марото «Le Salut public» читаем:

«В последний час. Воскресенье 21 мая, утро:

Новая победа Домбровского над версальцами... Захвачено сразу 17 митральез, более 3 тыс. версальцев повержено в прах. Эх, господа из Версаля! Если вас все еще манят наши укрепления, ну что ж, попробуйте в третий раз..»

По словам газеты «La Politique», если даже версальцам удастся пробить брешь в укреплениях, их ожидает достойная встреча:

«Когда брешь будет пробита, они окажутся перед решительными и отважными людьми. Артиллерия станет тогда бесполезной и рассчитывать придется только на личную храбрость бойцов.

Нет никаких сомнений, что в этом отношении федераты стоят гораздо выше своих противников. Это неопровержимо доказывают хотя бы новые ночные атаки в Ла-Мюэтт и у ворот Майо во время обманного маневра версальцев в Отёй; их попытки провалились во всех этих местах; им пришлось отступить в беспорядке, понеся тяжелые потери».

Верит ли сам Комитет общественного спасения в действительность афиши, которую он только что приказал расклеить на стенах?

«Солдаты версальской армии, парижский народ никогда не поверит, что вы сможете поднять на него оружие, сойдясь с ним лицом к лицу; у вас не поднимется рука, ведь это было бы истинным братоубийством...»³

¹ По сообщению Альфреда Икселя в газете «Le Journal populaire» от 24 мая

² Archives historiques de l'armée, Ly 26

³ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 561

Из Трокадеро стреляют по зданию морского министерства и министерства финансов (расположенного на улице Риволи, между улицами Камбон и Кастильоне), где вспыхивают пожары. Снаряды так и сыплются на площадь Оперы, площадь Виктуар, здание Главного почтамта, на улицу Абукир, улицу 4 Сентября, возле биржи, где железная ставня на окне одного из магазинов разлетается на мелкие куски. Четыре канонерки, стоящие на якоре под мостом Пон-Руаяль, отвечают на огонь батареи Трокадеро.

Хозяева кафе снимают стеклянные шары с газовых фонарей на своих террасах и заклеивают окна полосками бумаги крест-накрест, как во времена первой осады

Баррикады вырастают повсюду на улице Дюфо, где гвардейцы 55-го батальона еще продолжают стрелять, в начале улицы 4 Сентября, на углу улицы Друо и Больших бульваров, на улице Пажвен, на площади Биржи, где 78-й и 100-й батальоны останавливают уличное движение, на площади Пале-Насьональ¹, на бульваре Бурдон

На улице Монмартр расклеивают прокламацию от имени делегатов II округа: «Версальцы вошли в Париж, но Париж будет им могилой. Пусть мужчины отправляются на баррикады, пусть женщины шьют мешки для песка! Смелей! Провинция спешит к нам на помощь.»

На улице Круа-дэ-Пти-Шан собираются маленькие враждебные группы, но их быстро разгоняют. Оборонительным мероприятиям округа мешает предательство начальника легиона полковника Гриля, тайного агента Версаля². Капитан Пеан, из 92-го батальона (II округ),

¹ См. APP, carton 115

² AN, ВВ 24/741 Шарль Наполеон Эдуар Гриль родился 28 марта 1831 г в Ниоре, хозяин бельевого магазина на улице Абукир, 70. Во время первой осады — капитан 148-го батальона, 12 апреля избран начальником II легиона. Сколько мог, затягивал роспуск «батальонов порядка». Подписал более 700 осуждений от военной службы. Посылал в бой лишь батальоны, сочувствующие Коммуне. 22 мая сбросил военную форму и спрятался у своей любовницы на улице Каде, 10, где его и арестовали 19 июля 1871 г. 26 января 1872 г 17-й военный суд приговорил его к году тюрьмы и десяти годам поражения в правах за то, что, находясь в Париже во время мятежного движения, он продолжал носить военную форму.

командующий постом в Павильоне часов у Дворца юстиции руководит постройкой баррикады у Понт-о-Шанж, где ему помогает множество женщин¹. Сите хорошо защищен и хорошо охраняется. На Новом мосту и на мосту Сен-Мишель тоже строятся укрепления².

На Итальянском бульваре, около Шоссе-д'Антен толпа так и кишит: мужчины, женщины, дети снуют туда-сюда, поднося булыжники к баррикаде, которая достигла уже метра в высоту. Слышен словно грохот телеги: это подвозят митральезу, ее тащат вручную женщины в фригийских колпаках, подоткнув юбки за пояс. Их встречают приветственными криками. Митральезу выдвигают на боевую позицию.

— Эй ты,— говорит какой-то гаврош Катюллю Мендесу, пришедшему поглядеть на происходящее,— сделай одолжение, не шпионь тут за нами, не то я продырявлю тебе башку, как версальцу³.

— Побереги свои патроны, сынок,— говорит ему старик, ветеран 48-го года,— а что до шпика, то он будет подносить булыжник.

И, поклонившись «шпику», он любезно сказал:

— Надеюсь, вы не откажетесь взять на себя труд принести несколько булыжников? Они лежат вон там, на углу улицы.

Маленькая девочка, сидя возле жестяной печурки, греет кофе для строителей баррикады.

Победоносно сверкающее солнце золотит улицы. Винуа уже в Трокадеро. Марсово поле захвачено, с Триумфальной арки стреляют по Тюильри, один снаряд падает на улице Марше-Сент-Оноре, из Тюильри отвечают стрельбой по Триумфальной арке.

Полковник Бурсье, начальник I легиона, занимающий бывшие апартаменты принца Наполеона в Пале-Руаяль, осматривает оборонительные сооружения квартала и угрожает пустить пулю в лоб аптекарю Леброну, который противится постройке баррикады против его дома на улице Ришелье, 16. Капитан Рей, командир 4-й роты 1-го батальона, занимает сторожевой пост и

расставляет стражу у всех выходов из дворца. Но в парке все еще прогуливаются люди и девочки прыгают через скакалки.

Батальон проходит вольным шагом по улице Риволи под звуки «Походной песни». Его возглавляет Домбровский на великолепном черном коне. Еще не оправившись от контузии осколком камня, полученной ночью в Ла-Мюэрт, он очень бледен... Среди бойцов много вооруженных женщин. Одна из них с ребенком на руках. Дым от пожара в министерстве финансов мешает защите баррикад.

Пожарные борются с этим бедствием, им помогает главный привратник Тейс¹.

Связные проносятся галопом по улице Риволи, на которой кое-где вокруг поставленных в козлы винтовок лежат группы федератов. На углу Луврской улицы вздымается высокая баррикада. Перед Сен-Жермен-л'Оксерруа женщины ломают скамейки, дети катят бочки и наполняют мешки землей. Чем ближе к Ратуше, тем баррикады выше, тем они лучше укреплены и вооружены. Баррикада у входа в сквер Сен-Жак, на углу улицы Сен-Дени, высотой шесть метров построена за несколько часов по образцу редута на улице Сен-Флорантен полусотней каменщиков с помощью армии мальчишек, возивших в тачках землю со сквера.

Гвардейцы мало разговаривают и не кричат. Некоторые, сидя прямо на земле возле построенной баррикады, играют в карты. Женщины укрепляют тюфяки между ставнями и оконными стеклами. На площади перед Ратушей около 3 тыс. федератов сидят или лежат в ожидании приказов. Связные выскакивают и скачут галопом к площади Согласия, бросая на ходу короткое «все в порядке!». В окне муниципального дворца Жюль Валлес выкрикивает: «Да здравствует Коммуна! Долой Версаль! Победа или смерть!» Играет горн, ряды строятся, роты выступают одна за другой по улице Риволи или по набережной, по направлению к линии огня. Какая-то

¹ AN, BB 24

² См. «L'Avant garde», 24 mai

³ C a t u l l e M e n d è s, Les 73 journées de la Commune, p 295 et suiv.

¹ Тейс, Кристиан Антуан, родился 21 июня 1833 г. в Сен-Гоаре (Рейнская Швейцария), проживал в Париже на улице Нуайе, 45, с женой и четырьмя детьми Был арестован со всей своей семьей и 6 марта 1872 г приговорен (как поджигатель¹) к бессрочным каторжным работам (AN, BB 24/751, dossier 5042 S 72)

женщина толкает отставшего: «Иди, иди! Ты что, не хочешь, чтоб тебя убили вместе со всеми?»¹

В Версале рано собравшееся Национальное собрание слушает речь господина Тьера: «Господа, расплата будет полной, но, повторяю, это будет такая расплата, какую должны вершить честные люди, когда этого требует правосудие, расплата во имя закона и на основе закона»

На самом деле во всех занятых округах пленных расстреливают тут же на улицах, на площадях, в общественных садах и прямо в домах, как признает даже версальская газета, которая, словно в насмешку, называется «La Liberté» («Свобода»):

«В домах проводятся такие же поспешные расправы: каждый человек, задержанный в форме национального гвардейца, у которого ствол ружья носит следы пороха, может быть уверен, что конец его близок. Ему остается только пройти несколько шагов из комнаты во двор своего дома».

*

Позади Ратуши, за мощными баррикадами III и IV округов, лавки открыты, хозяйки ходят за продуктами, этот квартал живет, как всегда. Оборонительные работы, движение батальонов внушают жителям надежду. Большинство из тех, кто не дезертировал и выполняет свой долг, заранее готовы отдать свою жизнь. Рисковать жизнью не так уж страшно тому, кому нечего терять. Кроме цепей, и ветераны 48-го года думают, что если им суждено вновь оказаться побежденными, то лучше уж умереть в бою, чем возвращаться в Кайенну.

В префектуре полиции Риго, Ферре и их главные сотрудники не спали почти всю ночь. Когда они получают сведения о многочисленных расправах над национальными гвардейцами, взятыми с оружием в руках, их надежды на то, что версальцы откажутся стрелять, улетучиваются. Риго, Ферре, Тренке считают, что лучше всего было бы запереться на острове Сите, взорвать мосты и из этого последнего оплота дать решающий бой.

¹ См. Catulle Mendès, op. cit., p. 303.

— Мы возьмем заложников с собой, и они подохнут вместе с нами,— говорит Риго. Тренке поручают передать это предложение Коммуне¹. Но Коммуны уже не существует. Утром два десятка делегатов держат в Ратуше короткий совет и решают разойтись по своим муниципалитетам, предоставив Комитету общественного спасения и Военной комиссии заниматься обороной².

Риго, отправившийся на Монмартр за своим батальоном, возвращается один: люди не хотят покидать свой холм. Приходится отказаться от надежды превратить Сите в последний оплот. Но во всяком случае, они будут доблестно защищать остров. Когда будет потеряна всякая надежда, тогда общественные здания — префектура полиции, Дворец юстиции — будут преданы огню.

Комиссар по особым делам Эмиль Жиффо³, опоясанный красным шарфом, в сопровождении трех вооруженных гвардейцев и двух молодых людей с ручной тележкой, реквизируют три бутылки с винным спиртом, бензином и керосином у торговца красками Кентена, на улице Грегуар-де-Тур. Начальник персонала префектуры полиции Луи Клермон занимается подготовкой пожара⁴.

Эли Реклю, директор Национальной библиотеки, напротив, принимает все меры против пожара в книгохранилищах и, покидая здание около 9 часов 30 минут, настойчиво говорит привратнику. «Будьте бдительны! Приготовьте мешки с землей, куски дерна и как можно больше воды, так как не известно, что может случиться»⁵.

В 10 часов утра кассир казначейства предъявляет Французскому банку ордер на получение 700 тыс. франков, немедленной выплаты которых требует Журд. Помощник управляющего де Плэк выдает только 200 тыс.

¹ G. Da Costa, La Commune vécue, t. I, p. 462

² См. «Le Vengeur», 23 mai 1871; Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, p. 324

³ AN, BB 24/753 Эмиль Маглуар Жиффо родился 9 февраля 1850 г. в Париже, картограф 3 февраля 1872 г. был приговорен 8 м. военным судом к пожизненным каторжным работам

⁴ AN, BB 24/855 Луи Клермон родился 5 мая 1845 г. в Роанне, коммивояжер. Заочно приговорен к смертной казни Бежат в Женеву, где открыл парфюмерную лавку

⁵ APP, Va 1237.

франков. Через час приходит Белэ и заявляет, что, если сумма, необходимая для выплаты жалования национальной гвардии, не будет выдана полностью, два батальона гвардейцев атакуют банк. Угроза оказывает свое действие, и де Плэк подчиняется¹.

Вийом идет на улицу Круассан, в редакцию «Le Règne Duchêne». Касса исчезла, так же как подшивка газет и запасы бумаги. Вокзал Сен-Лазар взят, говорят ему, Монпарнасский вокзал тоже. Не будет больше ни «великой радости», ни «великого гнева» Отца Дюшена².

Теперь непрерывно звучит набат. Все улицы, выходящие на Большие бульвары, перегорожены баррикадами, а также улица Ришелье и улица Вивьен. Около полудня новые отряды национальной гвардии занимают правую сторону площади Мадлен, где фонтаны повреждены снарядами. Пушки с баррикады на площади Согласия отогнали версальцев по Елисейским полям до Дворца промышленности. На Вандомской площади появляются новые части, а также кавалерийский эскадрон и несколько орудий. Площадь забита ящиками с картечью. Взвод моряков проходит тяжелым шагом по улице Риволи, крича: «Да здравствует Коммуна!»³

В 13 часов 208-й батальон покидает биржу и уходит по улице Монмартр. 100-й батальон (II округ) составляет винтовки в козлы на улице Вивьен, где возводятся новые баррикады на углу улицы Фейдо и на углу улицы Сен-Марк. На Луврской улице реквизируют матрасы.

В 15 часов в министерстве финансов бушует пожар. Все арки на улице Риволи, от улицы Сен-Флорантен до Люксембургской улицы (улицы Камбона), повреждены снарядами. Улица Риволи и улица Кастильоне засыпаны обломками. Всюду вырастают баррикады: на улице Дюфо, Люксембургской улице, улице Нёв-Сент-Огюстен, улице Монпансье, на углу Французского театра; последней баррикадой командует подполковник Турнье из XV легиона. Раненых привозят в подвижной лазарет на улице Сен-Оноре. В Ратуше концентрируются новые силы⁴.

В 18 часов на площади Оперы снаряды падают все

¹ См.: Archives historiques de l'armée, carton Ly 22

² M. Vuillaume, op. cit., t. III, p. 354—355.

³ См. репортаж Ж. Треголи в «Le Journal populaire», 24 mai

⁴ См. репортаж Треголи.

чаще и ранят нескольких прохожих. На подступах к улице Сен-Оноре битва с каждой минутой становится жарче. На улице Эльдер пули скалывают углы домов. Центральный рынок превратился в настоящий плацдарм. Люди наспех закладывают камнем своды ворот Сен-Мартен и Сен-Дени. Снаряды падают на здание Главного почтамта, на улицу Фейдо, на улицу Круассан¹. Пожарным удалось справиться с пламенем в министерстве финансов; однако ночью в него снова попал зажигательный снаряд и поджег развалины здания, которое уже невозможно спасти².

Полковник Дамерэ, начальник XV легиона, велит бить в барабаны и требует, чтобы жители квартала Пале-Руаяль открыли окна и двери и в случае нужды впустили к себе его солдат. Возле фонтана Мольера строят новую баррикаду³.

К 20 часам продвижение версальцев всюду остановлено, за исключением улицы Фобур-Сент-Оноре, где они, пройдя садами, окружают английское посольство. Версальские войска стоят на линии, которая идет от вокзала Батиньоль к Монпарнасскому вокзалу и проходит через вокзал Сен-Лазар, казарму Пепиньер, английское посольство, Дворец промышленности (Большой дворец) и Палату депутатов.

Площадь Бланш защищает женский батальон. На углу улицы Риволи и Севастопольского бульвара рыночные торговки наполняют землей мешки и корзины, чтобы укрепить баррикаду. В Ратуше Андриё дает приказ служащим газовой и водопроводной сети перекрыть все трубы, идущие в занятые версальцами кварталы.

¹ См. репортаж Жоржа д'Англе.

² Федераты, открыто заявившие, что они разжигали пожары, чтобы преградить продвижение версальцев, всегда отрицали, что они подожгли министерство финансов. Им можно верить на слово, исходя из того, что этот пожар вспыхнул 22 мая сразу за спиной защитников Сен-Флорантенского редута. Кроме того, имеется свидетельство очевидца, напечатанное в «Daily News»: «Я и многие другие видели своими глазами, как версальские снаряды падали на министерство финансов... Я находился в это время на улице Риволи, на уровне улицы Кастильоне, следовательно, совсем близко от министерства».

³ Archives historiques de l'armée, 3e conseil de guerre, dossier 762.

Версальцы, страшась какой-нибудь неожиданности или разрушительных взрывов, проводят ночь без сна с оружием в руках. Войска федератов, распыленные между бесконечным множеством баррикад, тоже выжидают. На улицах массы полны героизма, а в штабах царит растерянность; Домбровский, которого подозревают в измене, совсем пал духом и готовится к смерти. Комитет общественного спасения не принимает никаких мер, чтобы перегруппировать батальоны, оставшиеся еще за городскими стенами, чтобы направить огонь батарей Монмартра и Пантеона на нападающих, чтобы организовать в тылу врага ночную диверсию, которой так легко вызвать панику. Маленькие отряды брошены на произвол судьбы. Было роздано жалованье и распределены патроны; маркитантки перебегают с места на место, наливая кому стаканчик вина, кому кофе: на баррикадах боевой дух крепок. После пережитого вначале страха, что версальцы опрокинут все одним ударом, люди вновь воспрянули духом, готовые сражаться в своем квартале, на своей улице, вместе со своими товарищами. Здесь все чувствуют себя сильными и неуязвимыми.

Однако надо быть бдительными, ибо во время продвижения версальцев то тут, то там обнаруживают бывших национальных гвардейцев — «друзей порядка», втершихся к федератам и готовых нацепить трехцветную повязку, как только появится первый солдат в красных штанах. На площади Дофины арестуют хозяина отеля «Анри IV», обвиненного в том, что он стрелял из своего окна в федератов. Некий Вернер, капитан из штаба в Тюильри, убегает в штатском платье через подземный ход, после того как он саботировал доставку патронов и пытался заставить уйти с поста отряд из тридцати человек 57-го батальона¹. В Лувре тоже бояться какой-нибудь неожиданности. Посоветовавшись с доктором Пийо, офицеры приказывают всем хранителям музея спуститься во двор. Пийо спрашивает у них, где находится подземный ход, связывающий Лувр с Тюильрийским дворцом. Они уверяют, что это им не известно.

¹ Антуан Вернер родился в Саверне 10 января 1819 г., служащий, проживал на улице Лезюёр, 9. Был связан с версальским шпионом Домаленом, которому в первые дни мая передавал сведения о Тюильри и его вооружении (Archives historiques de l'armée, III conseil de guerre, dossier 516.)

Тогда их отводят в мэрию I округа, где заставляют работать на постройке баррикады на углу Луврской улицы и набережной¹ под началом капитана Дуссо, кавалера ордена Почетного легиона².

23 мая. В два часа утра Лефрансе и Жоаннар сопровождают Ла Сесилиа, который ведет незначительное подкрепление в Батиньоль. В тусклом свете занимающегося утра канонада возобновляется. Бисмарк оказывает своему коллеге Тьеру решающую помощь: пруссаки пропускают через нейтральную зону дивизию Монтодона, которая устремляется к воротам Сент-Уан. Батиньоль окружен. Бенуа Малон одним из последних покидает мэрию XVII округа и приказывает отступить к Монмартру. Площадь Клиши еще держится, защищаемая горсточкой людей. Когда кончаются снаряды, артиллеристы заряжают пушки смесью камней со смолой! Генерал Ладмиро приказывает расстрелять два десятка национальных гвардейцев, захваченных у баррикады на улице Каррьер. На окруженном с трех сторон Монмартре женщины проявляют необыкновенную энергию. Ла Сесилиа не получает ни подкреплений, ни снарядов, а беглецы из Батиньоля сеют панику. К 9 часам уже не слышно пушек с Монмартрских холмов. Однако Мак-Магон еще не решается идти на приступ, опасаясь сокрушительного отпора.

В то время как с севера намечаются атаки на Монмартр, а с юга — на бульвар Монпарнас и Монруж, продвижения войск говорят о том, что основной целью является находящаяся в центре Вандомская площадь.

Выходит «Paris-Libre» с последними... но слегка устаревшими «новостями».

«По полученным нами последним сообщениям, версальцы вошли через ворота Сен-Клу. Вынужденные отступить, федераты укрепились на некотором

¹ APP, Va 1024 et 1224.

² AN, BB 24/856 A. Бертран Поль Дуссо, старший лейтенант флота в отставке, при Коммуне начальник штаба флотилии на Сене 21 февраля 1873 г. был заочно приговорен к ссылке с заключением в крепости.

расстоянии за баррикадами, где враг, впрочем не слишком многочисленный, не осмелился их беспокоить...

Версальцы вошли в город! Ну и что? Вот тут-то, как мы говорили вчера, мы их и поджидаем. Их положение станет здесь только более критическим. Им придется вести уличные бои, сражаться на баррикадах, где парижанин так опасен. Посмеют ли они?»

Посмеют ли? Еще как посмеют! Они атакуют баррикаду на площади Мадлен, которую мужественно защищают бойцы из 183-го батальона (IV округ); они сражаются с ожесточением несколько часов подряд. Около 11 часов они вынуждены отступить. Триста федератов, засевших в церкви Мадлен, версальцы расстреливают на месте¹. Около полудня баррикаду на площади Оперы, обороняемую 117-м батальоном, атакуют сразу с трех сторон: с бульвара Капуцинок, с улицы Обер и с улицы Алеви. Но федераты держатся крепко. Идет отчаянная перестрелка. Площадь Оперы вся изрыта снарядами.

На улице Руаяль Брюнель остается твердым как скала. Между двумя инспекционными посещениями баррикад он пишет жене, что изнемогает от множества обязанностей, но снаряды его «милуют», и он верит, что все кончится благополучно². Его спокойная храбрость достойна мужества его людей. На улице Руаяль федераты вздернули крысу на виселицу и прибили дощечку с надписью: «Смерть Тьеру, Мак-Магону и Дюкро, грызущим народ». Гражданки Вандеваль и Менан, маркизантки, стреляют из винтовок наравне с мужчинами. На террасе Тюильри маркизантка Машю вместе с матросами заряжает пушку.

Полдень. Трехцветное знамя вздымается над Монмартром, где сразу начинаются расправы³: сорок два мужчины, три женщины и четверо детей были схвачены наобум и убиты у стены на улице Розье, где 18 марта расстреляли генералов Леконта и Клемана Тома. Перед тем как отряд дал залп, одна из женщин, держав-

¹ См. Catulle Mendès, op. cit., p. 307—308; abbe Vidieu, Histoire de la Commune de Paris, p. 462.

² AN, BB 24/856 B.

³ Этот факт подтверждает версальская газета «Le Bien public» от 23 июня 1871 г.

шая ребенка на руках, отказалась стать на колени и крикнула своим товарищам: «Покажите этим негодьям, что вы умеете умирать стоя!»

Узнав о взятии Монмартра, Тьер считает, что победа уже одержана, и извещает об этом телеграммой своих префектов¹. Перед созванным после обеда Национальным собранием он заявляет, что «цель достигнута», и посылает поздравления армии.

Но Париж защищается с решимостью отчаяния. Сражаясь с солдатами Кленшана, женщины отстаивают баррикаду на площади Бланш, а потом и на площади Пигаль до 14 часов. В этот час Домбровский сражен пулей на улице Мирра...

«Друзья порядка», осмелев при виде продвижения версальских войск, начали понемногу проявлять себя. Два национальных гвардейца, придя в церковь Сент-Эташ, хотели бить в набат, а церковный сторож начал бить праздничный перезвон². Около 14 часов мальчишки 12—15 лет отрывают доски от забора вокруг недостроенного дома, против аптеки Кокка, на улице Ришелье, 44. Аптекарь вмешивается и пытается им помешать. Проходивший мимо офицер называет его контрреволюционером. Аптекарь убегает и запирается в своей аптеке. Федераты вышибают дверь. Кокк угрожает, что обольет им лица кислотой. Его арестовывают и уводят во дворец Тюильри³. На улице Сен-Поль кто-то дважды выстрелил в Лефрансе и чуть не убил его, однако Лефрансе не разрешил обыскивать квартал, так как боялся, как бы пришедшие в ярость федераты не учинили расправу на месте⁴.

На левом берегу Сены Варлен на перекрестке Круа-Руж, Лисбонн на улице Вавен и Врублевский на Бютт-о-Кай организуют серьезное сопротивление.

С 15 до 17 часов на подступах к баррикадам на площади Оперы и на Шоссе-д'Антен кипит яростная борьба. Федераты несут тяжелые потери и вынуждены отступить. Два офицера 117-го батальона, не желая остав-

¹ «Murailles politiques françaises», t. II, p. 566.

² Fontouliou, Les églises de Paris, p. 17. Арестованный священник был вскоре выпущен.

³ Archives historiques de l'armée, IIIe conseil de guerre, dossier 762.

⁴ Le français, op. cit., p. 455.

лять версальцам оружие и снаряжение, впрягаются вместе с несколькими людьми в пушку и зарядный ящик и оттаскивают их под градом пуль и снарядов. Один из офицеров держит в одной руке красное знамя своего батальона, а другой помогает тащить пушку. Они уходят по улице Мишодьер и укрываются за баррикадой на улице Друо¹.

Бонвале и его друзья из Республиканской лиги прав Парижа снова приходят в Ратушу, предлагая свои услуги для переговоров о невозможном примирении с Версалем. Их выпроваживают из Комитета общественного спасения, тогда они являются в Центральный комитет; здесь проявляют слабость и выслушивают их. Надеяться на переговоры, когда версальцы всюду продвигаются вперед,— это поистине строить себе иллюзии. Так же тщетны и надежды на то, что солдаты откажутся стрелять. И однако, Моро, Пиа, Гуйе, Узело, Древе и их товарищи из Центрального комитета подписывают воззвание:

«К версальским солдатам... Если вы будете сегодня стрелять в народ, ваши сыновья проклянут вас, как мы проклинаем солдат, которые проливали кровь народа в июне 1848 г. и в декабре 1851 г. ...Когда дается подлый приказ, неповиновение становится долгом»².

Северный вокзал и Нотр-Дам-де-Лоретт захвачены версальцами, которые, продолжая двигаться вперед, оказывают сильное давление на баррикаду на бульваре Османна, обстреливают из орудий федератов, залегших на паперти церкви Трините, и выставляют батарею из пяти пушек против баррикады, запирающей Шоссе-д'Антен у выхода на бульвар. Их разведчики просачиваются по улицам Шатоден и Лафайета, но до наступления ночи останавливаются перед баррикадой на перекрестке Фобур Монмартр, где с десятков федератов стреляют, укрывшись за несколькими рядами бульжника.

На площади Согласия Брюнель, несмотря на шквальный огонь артиллерии, выдерживает натиск противника. Над его баррикадой на улице Руаяль слева возвышаются

¹ См.: «L'Avant-garde», 27 mai 1871.

² «Muraillles politiques françaises», t. II, p. 567.

ся дома, и он приказывает их поджечь, начиная с № 13 до угла улицы Сент-Оноре, и таким образом получает некоторую передышку. С Марсова поля, из Пасси, от Триумфальной арки ведется непрерывный огонь по террасе Тюильри и по баррикаде на улице Сен-Флорантен. С баррикады отвечают двенадцать пушек. Площадь Согласия усеяна обломками статуй.

После захвата баррикад на площади Оперы, на Шоссе-д'Антен и на улице Друо нападающие перестраиваются, получают подкрепления и начинают продвигаться в направлении Тюильри и Биржи. Завязывается перестрелка на улице Мира и улице 4 Сентября. Армия получает пушки и с площади Оперы начинает обстрел Вандомской площади.

Около 17 часов капитан Буден во главе отряда из пятидесяти совсем юных федератов вышел из Тюильри, ведя под стражей аптекаря Кокка, дезертира — офицера федератов и двух неизвестных в белых блузах, чтобы доставить их в Ратушу и получить приказ от Комитета общественного спасения. Через полчаса Буден с саблей в руке возвращается во главе более многочисленного отряда, перед которым едет верхом офицер, вооруженный револьвером. Буден ведет свой отряд к Павильону часов, на балконе которого появляется Бержер в военной форме, член Коммуны Юрбен, опоясанный красным шарфом, и еще несколько человек. Кокк вместе с тремя пленниками поставлен у стены. В то время как военный суд в зале Маршалов решает их судьбу, два неизвестных пленника провоцируют отряд охраны: став на одно колено и прижав руку к сердцу, они кричат: «Стреляйте в нас, если вы не трусы!» Капитан Буден отталкивает одного из них, цеплявшегося за его одежду: «Прочь лапы!»

Он выстраивает взвод полукругом, сам становится слева и, скомандовав: «Огонь!» — кончает тягостную сцену.

На балконе Павильона часов Юрбен произносит краткую речь и заканчивает ее словами: «Да погибнут так наши враги-версальцы!»

Одному из свидетелей, спросившему имена расстрелянных, Буден отвечает: «Это версальцы!»

У него душа спокойна: наконец-то Коммуна приводит в исполнение закон о заложниках. Наконец-то,

выполняя волю национальных гвардейцев, она отвечает на подлые расправы с пленными, которые вот уже двое суток безнаказанно творят версальцы.

Домбровский, перенесенный своими людьми в больницу Ларибуазьер, где ему оказывает помощь главный хирург доктор Кюско, в 19 часов 30 минут умирает в жестоких мучениях. Незадолго до захвата больницы версальцами майор Брионсель, взяв фиакр, увозит тело Домбровского в Ратушу¹. По дороге какой-то артиллерист спешивается, подходит к фиакру и целует покойника в лоб: «Генерал, я за вас отомщу!»

Около 20 часов баррикада на улице Нёв-де-Капюсин взята. Баррикада на улице Монмартр, обороняемая бойцами 148-го батальона (II округ), сопротивляется до 22 часов. Все революционные силы округа подняты на ноги. Гражданин Эмерик, полицейский комиссар квартала Май, просит выдать ему 150—200 франков, чтобы заплатить своим служащим: «Мы не теряли ни одной минуты. Мы строили баррикады всю ночь. Что до меня, то я не спал ни часу»².

Но захват Вандомской площади в 21 час был ужасным ударом для федератов. Комитет общественного спасения дает Брюнелю приказ эвакуировать улицу Руаяль, редут на улице Сен-Флорантен, террасу Тюильри и отступить. Брюнель, который по-прежнему сдерживает противника, отказывается повиноваться. Но в тылу у него все рушится.

Комитет общественного спасения разрешает командирам угрожаемых секторов прикрывать свое отступление с помощью пожаров. Командир Серва³ объясняет, при каких обстоятельствах был подожжен Тюильрский дворец.

¹ См АРР, Ва 892 Тело Домбровского было до полуночи выставлено в Ратуше на застланной синим атласом кровати Валентины Османн Пилотель сделал с него набросок Затем санитар IV округа, сержант Шерон из 254-го батальона, увозит тело на кладбище Пер-Лашез, где Верморель распоряжается погребением

² Archives historiques de l'armée, Ly 116.

³ Неизданный документ, АН, ВВ 24/859 Шарль Анри Серва родился 7 марта 1842 г в Тулузе, был кассиром в Компании наемных карет, затем полковником, начальником штаба Бержере Письмо, посланное из Лондона 27 октября 1879 г. президенту республики.

«В качестве начальника штаба мне досталась оборона Тюильри и части улицы Риволи. Тюильри был разрушен с помощью нескольких тонн пороха отнюдь не ради удовольствия разрушать, а в виде средства защиты... После двух дней боев мы были почти окружены. Елисейские поля были во власти версальской армии, левый берег прекратил сопротивление, Вандомская площадь пала, баррикада на улице Мулен находилась под угрозой, а линия стрелков, расставленных мной на правом берегу, была вынуждена отступить под защиту тюильрийской стены, так как не могла выдержать жестокого обстрела без всякого прикрытия. К этому времени баррикады в тылу еще не были окончены и укрепление района далеко не завершено. Признать себя побежденными, сдаться в плен, отказаться от борьбы — об этом в ту минуту не могло быть и речи. Мы слишком хорошо знали, что нам нечего надеяться на милосердие победителей. Однако надо было принять решение прежде, чем нас настигнет ночь. Итак, старшие офицеры были созваны на военный совет, где было решено, что единственное средство задержать продвижение неприятеля и дать нам возможность сопротивляться, а если понадобится, то и погибнуть с оружием в руках, вместо того чтобы дать расстрелять себя у стенки, — это взорвать Тюильри... Мы очень рассчитывали на то впечатление, которое, как мы думали, должен произвести на армию этот внезапный взрыв во мраке ночи... Наши гвардейцы следили за нами с подозрением, и наша жизнь все время находилась под угрозой. Когда надо было принимать меры, необходимые для обороны, мы все еще оставались командирами, но во всех иных обстоятельствах нас встречали фразой (...) Делеклюза — „Париж в опасности. Нет больше начальников, мы все солдаты“». Бержере председательствует на военном совете, который решает судьбу Тюильри. Присутствуют полковник Дардель, комендант Тюильри¹, майор Буден, только

¹ Алексис Дардель, 28 лет, бывший актер театра Тур д'Овернь, проживал на улице Лаба, 18 (XVIII округ), полковник штаба 15 июня 1872 г приговорен заочно к смертной казни, бежал в Англию (Archives historiques de l'armée, 3e conseil de guerre № 516)

что командовавший расстрелом аптекаря Кокка, полковник Бено¹, который берет на себя подготовку взрыва. Он приказывает облить керосином паркет, занавеси, панели. Широкие полосы насыпанного на пол пороха соединяют между собой второстепенные очаги пожара и тянутся через обширные залы и коридоры. Пороховая дорожка, идущая от Павильона часов, позволяет Будену начать поджог со двора, не подвергая себя опасности. В 22 часа служащих Тюильри извещают, что дворец будет взорван и что им дается четверть часа на эвакуацию. В то время как Бержере и его штаб сидят в Лувре за холодным ужином, раздается потрясающий взрыв. В воздух взлетает Павильон часов. Громкие снопы огня вздымаются к небу и падают на крылья дворца, которые скрываются в пламени.

Кончив ужин, Бено выходит на двор луврской казармы, где встречает зрителя казармы Перийя, который упрекает его за то, что во двор казармы ввезли зарядные ящики, полные снарядов. Бено приказывает отвести Перийя на площадь Наполеона, куда его ведут два федерата, угрожая револьверами, и, указав ему на Тюильри, Бено кричит: «Смотри, как горит дворец твоих господ!»

Пожар в данном случае является не только трагическим средством защиты отчаявшихся, не только чрезвычайным, но законным военным приемом², его рассматривают главным образом как средство искупления преступлений Второй империи.

«Народ или король, всякий суверен, кем бы он ни был, никогда не терпит символов своего врага. Так, в XVI в. и в 1789 г. королевская власть и буржуазия не успокоились, пока каменные гнезда фео-

¹ Виктор Антуан Бено, родился 26 февраля 1839 г в Париже. был приказчиком в мясной лавке; отец троих детей. Энергичный начальник 230-го батальона, назначенный 5 мая полковником полубригады Бержере (5 батальонов). Был арестован 28 мая на баррикаде на улице Ребеваль (XIX округ), когда командовал батальоном, оказывавшим отчаянное сопротивление версальцам. Приговорен к смерти 21 марта 1872 г. Казнен 22 января 1873 г (AN, BB 24/742.)

² Выражение Росселя (Rossel, Papiers posthumes, 1871, p. 227.)

дализма не были разрушены и сравнены с землей»¹. Горящий Тюильри вызывает у Лефрансе крик ликования:

«Да, я из тех, кто одобрял и считал абсолютно моральным сжечь этот насквозь монархический дворец, ненавистный символ мерзкого прошлого, который назывался Тюильри. Да, я из тех, кто трепетал от радости, глядя, как полыхает этот мрачный дворец, откуда столько раз исходили приказы о расправах с народом и где было задумано и прославлено столько преступлений против общества.

Тюильри сожжен. Слава тем, кто взял на себя смелую инициативу и совершил этот акт высокой морали и высокого народного правосудия»².

Люлье, вновь появившийся среди этого смятения, провоцирует поджог Пале-Руаяля при обстоятельствах, которые были восстановлены во время процесса полковника Дамерэ³.

Около 15 часов Дамерэ, занимавший Пале-Руаяль с пятью батальонами своего XV легиона, получает подписанный Люлье приказ на имя начальника I легиона Бурсье, штаб которого находился в Пале-Руаяле. Приказ требует послать 80 человек на баррикаду на Сент-Анн и обещает выдать им две роты версальских пехотинцев. Ввиду отсутствия Бурсье (ушедшего на заседание Центрального комитета) Дамерэ велит выполнить приказ, но в 60 метрах от баррикады федераты попадают под обстрел противника и несут тяжелые потери. Дамерэ отправляется на место и велит перенести раненых в Пале-Руаяль, куда час спустя является Люлье. Дамерэ размахивает приказом перед носом у Люлье и спрашивает, узнает ли тот свою подпись. Люлье притворяется удивленным. Национальные гвардейцы, свидетели происшедшего, хотят расправиться с Люлье. Дамерэ

¹ Lissagaray, Les huit journées de mai derrière les barricades, Bruxelles, 1871, p. 72—73

² Gustave Le Français, Etudes sur le mouvement communaliste à Paris en 1871, p. 326—327.

³ Артур Оскар Дамерэ, 40 лет, служащий Ратуши, живший на улице Вожирар, 385 (XV округ), начальник XV легиона, приговорен к ссылке с отбыванием срока в крепости и был заключен в цитадель на острове Олерон.

приказывает арестовать Люлье и отвести в караульное помещение, которым командует капитан Рей¹. Люлье бежит оттуда, вновь появляется в 22 часа, показывает Бурсье подписанный Эдом приказ, требующий, чтобы он повиновался предписаниям Люлье, и кричит: «На этот раз ты меня не арестуешь, каналья!» Но Бурсье отказывается подчиниться Люлье, указывая, что на приказе нет печати Комитета общественного спасения, а так как национальные гвардейцы снова начинают угрожать Люлье, тот удаляется. Однако два сопровождавших его человека вскоре возвращаются со скрепленным печатью Комитета общественного спасения приказом поджечь Пале-Руаяль и отступить к Ратуше. Бурсье собирает военный совет, в котором, кроме Камерэ и Рея, участвуют капитаны Инар², начальник лазаретов, и Бернар³, начальник вооружения и боеприпасов I легиона, а также и порохового склада, устроенного в Немурском крыле дворца.

В полночь на дворцовый двор въезжает коляска, которую тащат национальные гвардейцы, они везут бутылки с керосином. Батальоны, размещенные в служебных помещениях, присылают добровольцев для подготовки очагов пожара.

Весь I-й батальон под командой батальонного адъютанта Дубле отходит к Пале-Руаялю, куда около трех

¹ Рей, Пьер, родился 1 ноября 1842 г. в Лекате (департамент Од), клерк у нотариуса, капитан 4-й роты, 1-го батальона. Был арестован в декабре 1872 г. у нотариуса Делорма в Пармене (департамент Уаза), где он снова занялся своей профессией, и приговорен 3 марта 1873 г. к 5 годам каторжных работ. (Archives historiques de l'armée, 3e conseil de guerre, № 762.)

² Инар, Жозеф Пьер Густав, родился 21 марта 1847 г. в Париже; в мае 1868 г. поступил на два года волонтером. Капрал 35-го пехотного полка, затем торговый служащий, проживал на улице Клауатр-Сен-Жак, 8 (I округ). Капитан штаба I легиона. 14 сентября 1872 г. был приговорен севрским военным судом к ссылке с заключением в крепости и лишению всех гражданских прав. (Archives historiques de l'armée, III 762.)

³ Бернар, Жюль Антуан, сын печатника из Пуатье, 38 лет, типографский корректор, жил на улице Арбр-сек, 64, капитан штаба I легиона. 3 марта 1873 г. был заочно приговорен к смерти версальским военным судом. (Archives historiques de l'armée, III 762.) Его квартирный хозяин уверял, что он был арестован 29 мая и расстрелян в казарме Лобо.

часов утра подтягиваются батальоны, отступающие с Вандомской площади и площади Согласия.

В полночь Брюнель получает грозный приказ от Комитета общественного спасения поджечь и взорвать здание морского министерства и оставить занятые позиции. Брюнель готовится выполнить приказ, несмотря на возражения доктора Маэ, ответственного за госпиталь, размещенный в министерстве. Брюнель начинает эвакуацию раненых, но вскоре, убедившись в невозможности вывезти некоторых несчастных, заявляет доктору Маэ, что здание не будет подожжено¹, и отступает по улице Риволи. Но версальцы, пройдя задрами отеля Рейн, обходят с тыла баррикаду, запирающую улицу Кастильоне, и обстреливают людей Брюнеля. Последние взламывают решетки Тюильри и добираются до Ратуши по набережной, где противник не смеет их преследовать. Версальцы занимают морское министерство только на рассвете.

В среду 24 мая в четыре часа утра Бурсье приступает к эвакуации Пале-Руаяля и начинает отступление к Ратуше. Немного погодя во втором этаже крыла Валуа показывается дым, в то время как капитан Бернар поджигает деревянные своды на втором этаже Немурского крыла дворца.

В то же время полковник Бено начинает эвакуацию Лувра, после того как он велел поджечь казарму и, невзирая на протесты Курбе, библиотеку в павильоне Рيشелье.

После знойного солнечного дня на Париж спускается душная ночь, пронизанная ослепительным светом пожаров, которые охватили улицу Руаяль, министерство финансов, Тюильрийский дворец, Пале-Руаяль, а на левом берегу Сены — дворец Почетного легиона, Государственный совет, Счетную палату, улицу дю Бак, улицу Лилль и перекресток Круа-Руж. Сильный восточный ветер относит огонь в сторону нападающих и гонит по улицам богатых кварталов огромные клубы черного дыма. Отражая пламя грандиозного пожара, Сена, кажется, катит кровавые волны. Зловещий отсвет падает и на фасад Ратуши. Вокруг муниципального дворца, где Делеклюз, Ранвье и несколько несгибаемых поддерживают

¹ AN, BB 24/854 B.

видимость руководства, собираются все отступающие части. Баррикада на сквере Сен-Жак, еще укрепленная поваленными деревьями, освещается факелами и бивучными огнями.

Пожары дают федератам несколько часов передышки. Но некоторые начальники и руководители различных служб Коммуны отказываются создать между собой и врагом огненный барьер. Такова позиция Тейса, которого видели в эту ночь в здании Главного почтамта за горячим спором с несколькими коллегами из Коммуны, он говорил им: «Расстреливайте меня, но я не соглашусь!»¹

После эвакуации Пале-Руаяля Французский банк остался без прикрытия и оказался под угрозой. На обороте какого-то старого письма на банковском бланке защитники банка пишут наспех:

«Нижеподписавшиеся гвардейцы 196-го батальона ввиду серьезного и критического положения, в котором они находятся, имеют честь обратить внимание членов Коммуны на позорную трусость граждан, которым поручена оборона этого поста и который они только что бросили на произвол судьбы.

Ради чести нашего дела укрепите этот пост (чрезвычайно важный), который наш 196-й батальон не может полностью защитить своими силами, так как ему надо еще вести тяжелые бои на двух баррикадах»².

Эвакуация этих баррикад происходит ночью, но «красноштанники» появляются только утром, когда их известили и провели «брассардье»³ из этого квартала; они захватывают банк и баррикаду на углу улиц Пажевен и Кок-Эрон, оборонявшую здание Главного почтамта.

¹ AN, ВВ 24/859/79/3363

² Незданный документ, сохранившийся в архиве префектуры полиции (APP, carton 15). 196-й батальон не находился внутри банка, запертого и охраняемого своим собственным батальоном, полностью преданным помощнику управляющего де Плеку. Внешняя линия обороны состояла из слабенькой баррикады на углу улиц Круа-дэ-Пти-Шан и Фейад и более прочного, вооруженного пушкой укрепления у входа на улицу Кокильер. (См.: *Maxime du Camp, Les convulsions de Paris*, t. III, p. 251.) Следует отметить, что улица Этьенна Марсея и Луврская улица еще держались

³ От французского слова «brassard» — «повязка». Сторонники Версаля с вступлением в Париж войск Тьера надели трехцветные повязки — *Прим. ред.*

та. Тейс и горсточка окруживших его федератов 70-го батальона (I округ) силой прокладывают себе путь и уходят по улице Жан-Жака Руссо через площадь Сент-Эсташ¹.

Весь I округ становится добычей погромщиков и убийц. Доктора Наппа-Пике расстреливают на улице Риволи, с него сдирают башмаки, и труп его остается лежать на месте до вечера².

Парижский корреспондент лондонской газеты «Times» видел, как в восемь часов утра около луврских складов четыре солдата схватили двух женщин. Они погнали их вперед, пиная кулаками и ногами, и заставили стать на колени перед горящим Пале-Руаялем. Какая-то женщина, говоря, что она сестра одной из арестованных, пыталась вступить, но ее грубо прогнали прочь,

«тут подошли с десяток солдат и спокойно расстреляли этих женщин. На трупы набросили какую-то тряпку, и все разошлись по делам как ни в чем не бывало»³.

Чтобы опорочить Коммуну, которая прибегла к пожарам как к последнему средству обороны, версальцы придумывают басню о «поджигательницах» («петролейщицах»), мегерах, которые из мести якобы сеюг пожара во всех занятых кварталах. И в этой атмосфере истерической ненависти к коммунарам они без труда «огыскивают поджигательниц». Газета «Paris-journal»⁴ облегчает эти розыски, набрасывая типовой портрет «петролейщицы»:

«Они ходят в одиночку, одеты чаще всего скромно, но не бедно. Вернее, не ходят, а скользят вдоль домов. Их можно легко принять за хозяйек, вышедших купить провизию... Те, у кого есть зажженный фитиль, держат его наготове в руке, они проходят

¹ Тейс, избранный в Коммуну от XII округа, участвует затем в защите своего округа. 13 марта 1874 г. его заочно приговаривают к смерти (AN, ВВ 24/859/79/3363)

² *Lissagatay, op. cit.*, p. 388

³ Номер от 28 мая 1871 г. Этот факт был уже сообщен «Le Gaulois» в номере от 26 мая, утверждавшей, что «солдаты арестовали и расстреляли на площади [Пале-Руаяль] женщины, которых захватили на месте преступления они лили керосин из леек в отдушины подвалов!»

⁴ Номер от 28 мая 1871 г.

не нагибаясь, не останавливаясь и резким движением забрасывают его в отверстия, встречающиеся на пути».

Если женщины совершают поджоги на ходу, не останавливаясь, не нагибаясь, тогда они непременно должны одной рукой бросать горящий фитиль, а другой лить керосин. И как можно спокойно прогуливаться по улицам, наводненным солдатами, обжигая себе руки подожженными фитилями? Но чем нелепее это вранье, тем больше шансов, что ему поверят! И вот газета «La Liberté» уже сообщает об аресте на улице Монмартр женщины, «у которой в карманах нашли 134 метра кероси нового фитиля»¹.

«Paris-journal» разоблачает «поджигательниц», «придумавших прятать свои приспособления для поджогов в бидонах для молока». С этой минуты каждая скромно одетая женщина с бидоном для молока в руках может считаться «петролейщицей»:

«В четверг,— пишет тот же листок²,— мы видели, как в штаб на Вандомской площади привели тринадцать женщин, все больше молодых, которых поймали с поличным: они лили керосин в подвалы. Через несколько минут зловещий залп возвестил о том, что правосудие свершилось. В три часа женщина, которая слишком пристально рассматривала театр Комической оперы, была задержана прохожими и расстреляна: у нее нашли три бутылки керосина».

Сторонники Версаля заняты тем, что восстанавливают «батальоны порядка». На улицах Сен-Рок и Валуа барабаны в трехцветных повязках бьют сбор. Жидкий отряд 8-го батальона шагает по бульвару Мадлен, где платаны искалечены, а тумбы для афиш все продырявлены осколками снарядов. Вход на улицу Сент-Оноре завален обломками сгоревшего дома. На углу улицы Кастильоне во рву баррикады закапывают двух только что убитых стрелков с крыш. На баррикаде, перегородившей улицу Мира у Вандомской площади, мешки с песком пробиты пулями и картечью. Капитан-федерат, командир этой баррикады, был расстрелян ночью³.

¹ «La Liberté», 30 mai 1871.

² «Paris-journal», 26 mai 1871

³ «La Constitution», 26 mai 1871.

Прежде чем вернуться в бой, Бурсье заходит домой; он в парадной форме полковника, опоясан красным шарфом с серебряной бахромой, какие носят члены Центрального комитета. «Я пришел из Тюильри,— говорит он...— Хочу попроситься с женой». Он проводит у себя не больше четверти часа и, спускаясь по лестнице, бросает консервжку: «Я поступлю так же, как и все. Погибну под развалинами»¹.

Капитан Бернар, покинув Пале-Руаяль, в последний раз заходит на свою квартиру в отеле Лафонтен на улице Арбр-сек и говорит своему квартирному хозяину, гражданину Бюзону: «Я становился под пули на баррикадах, но пули меня миловали. Мне жаль только мою мать...»

Битва продолжается у позиций Сент-Эташ, где осажденные оказывают яростное сопротивление. Среди бойцов столько же мальчишек, сколько взрослых мужчин. К северу уже нет никакого фронта: биржа, «Контур д'эсконт», сквер Монтолон захвачены версальцами, которые уже продвигаются вдоль линии северной железной дороги. Весь IX округ превратился в бойню пленников. А в центре города еще идет бой. На углу улиц Сен-Совёр и Монторгей остатки 92-го батальона (II округ) под командой лейтенанта Леона Бернара продолжают защищаться, несмотря на отсутствие подкреплений и какого-либо снабжения. Этот командир, рабочий-печатник, считающийся в своем квартале человеком спокойным, устанавливает дисциплину с револьвером в руке.

Бой продолжается и на углу улиц Сент-Мартен и Рамбюто, где сосредоточились остатки 87-го батальона во главе с лейтенантом Симеоном Дешаном.

Сражаются также у ворот Сен-Дени под командой Брюнеля, здесь же сражается и Франсуа Давид, бывший командир 203-го батальона, приговоренный на прошлой неделе военным судом к 15 годам заключения за эвакуацию форта Исси и освобожденный из тюрьмы Шерш-Миди при известии о продвижении версальцев, он искупает вину на баррикадах своего X округа².

¹ Archives historiques de l'armée 3e conseil de guerre, dossier 762

² AN, ВВ 24/855 Франсуа Давид, рабочий-маляр, 38 лет, проживал на улице Сен-Мор, 250 Подполковник, заместитель начальника X легиона

Укрепление у ворот Сен-Мартен ошетинилось ружьями. Большая баррикада возвышается на перекрестке бульвара Маджента и Страсбургского бульвара. Улица Шато-д'О перегорожена. Под прикрытием этой первой линии обороны Брюнель укрепляет площадь Шато-д'О (площадь Республики), где он собирается повторить героическое сопротивление, оказанное им на площади Согласия.

На левом берегу Сены, несмотря на все усилия Лисбонна и Варлена, враг приближается к Пантеону.

В восемь часов утра полтора десятка членов Коммуны, собравшихся в Ратуше, решают эвакуировать здание, несмотря на то что с севера его прикрывают укрепления Шато-д'О и прочные баррикады в маленьких улочках III округа, а с юга — еще не занятый врагом остров Сите и что при таких условиях отступление равносильно бегству. Делеклюз против эвакуации, считая, что избранным в Коммуну надлежит умереть в Ратуше. Четыре члена Комитета общественного спасения, верные долгу и оставшиеся на своем посту — Антуан Арно, Эд, Гамбон и Ранвье (Бийорэ исчез по примеру Феликса Пиа), перегруженные и измотанные, руководят обороной наспех, без общего плана, без всякой стратегии и тактики. Многие военачальники уже стали изменниками: не видно ни начальника штаба военного министерства, ни начальника инженерных войск, того самого, который нашел слишком дорогими баррикады Гайяра-отца и хвастался, что может разверзнуть бездну под ногами версальцев.

Когда около десяти часов утра Лефрансе и Жерарден приходят в Ратушу, чтобы посоветоваться с членами Комитета общественного спасения, какие принять меры для обороны IV округа, их встречает невообразимый треск, звон вылетающих стекол и языки пламени, лижущие стены¹.

Видя, что все служащие покидают здание и отступают к мэрии XI округа, комендант Ратуши Пенди лит своему начальнику штаба полковнику Парану²

¹ Lefrançais, op. cit., p. 558.

² AN, BB, 24/859, dossier 3185 S 79, Паран, Ипполит Ашиль, прозванный Бартеlemi Никез, родился в Трансле (департамент Па-де-Кале) 25 января 1839 г. Комиссионер по винам 31 августа 1872 г. был заочно приговорен 4-м военным судом к смертной казни. Бежал в Америку.

поджечь ее, чем затрудняет отступление префектуры полиции, нарушает всякую связь и подрывает моральное состояние защитников III и IV округов¹. Центральный комитет национальной гвардии, отступивший на улицу Бафруа, тоже подрывает боевой дух федератов, выпуская пораженческую прокламацию. Он предлагает «введенным в заблуждение людям», напавшим на Париж, распустить одновременно Национальное собрание и Коммуну и назначить временное правительство из делегатов от больших городов. Как будто Тьер согласится остановить победоносное наступление и примет то, что он отвергал даже в ту пору, когда стоял в ожидании под стенами столицы...

Окружающие Ратушу баррикады защищают от пяти до шести тысяч федератов, в большинстве из IV округа. Но пожар Ратуши каждую минуту угрожает взрывом пороховых складов, устроенных в погребах здания, вот почему Лефрансе и Эжен Жерарден дают приказ об отступлении на площадь Бастилии.

¹ Эдуар Вайян впоследствии утверждал (см.: Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. IX, p. 92), что в 10 часов утра, когда в Ратуше собрались некоторые члены Комитета общественного спасения и Коммуны, вошел Пенди и заявил, что он велел поджечь здание. «Мы с Эдом стали его упрекать, как он мог принять такое важное и такое гибельное для обороны решение, ни с кем не посоветовавшись, но он ответил, что дело сделано и теперь его невозможно изменить. Нам оставалось только покинуть Ратушу».

В письме, написанном 3 апреля 1904 г. в Ла-Шо-де-фон (Швейцария), Пенди, нашедший там убежище, возражает: «24 мая собравшиеся в мэрии XI округа Делеклюз, Ферре, часть членов Комитета общественного спасения и некоторые члены Коммуны поставили вопрос о несвоевременности моего поступка; со своей стороны я упрекал их в том, что в то утро они бросили меня совсем одного, и напомнил им, на каком условии я согласился занять пост коменданта Ратуши (мы должны были соединиться и погибнуть там все вместе) Я до сих пор помню измученный голос нашего Делеклюза, заключившего прения следующими словами: «Пенди прав, именно там мы должны были все умереть». Да Коста в своей книге «La Commune vécue» клеветает на Пенди, утверждая, что он поджиг Ратушу, как как был с давних пор «шпиком» префектуры полиции. Обвинение по меньшей мере наглое в устах Гастона Да Коста, ибо в наши дни каждый может прочитать в архивах префектуры полиции десятки доносов, написанных им после ареста. Возможно, что в те трудные часы смятения и паники Пенди, недооценивая возможностей сопротивления федератов, подумал, что поджогом Ратуши он задержит продвижение неприятеля, так же как думали Брюнель, Бержере и Бурсье, когда поджигали улицу Руаяль, Тюильри и Пале-Руаяль.

«Из 6 тыс. федератов, занимавших этот квартал,— пишет Лефрансе¹,— готовых перед тем отдать жизнь, защищая Коммуну, едва лишь тысяча последовала за нами в XI округ. Остальные вернулись домой, придя в отчаяние, совершенно не понимая этого отступления».

Агонизирующая Коммуна проходит через все обычные бедствия поражения: растерянность, смятение, отступничество, измену, порой даже проявление невообразимого непонимания. В то время как первые клубы дыма вздымаются над Ратушей, в то время как телега, груженная бочками с керосином, съезжает с моста Понтошанж и направляется к префектуре полиции, гражданин Паже-Люсипен, директор больницы «Отель-Дьё», спокойно предается своему излюбленному занятию: он удит рыбу на реке². Этот вечный студент успокоил свою совесть: в три часа утра явился в Комитет общественного спасения, чтобы помешать поджогу Нотр-Дам, так как пожар поставил бы под угрозу его 800 больных в «Отель-Дьё»...

Неподалеку, в арестном доме при префектуре, Теофиль Ферре, опоясанный красным шарфом с золотыми кистями поверх серого пальто с бархатным воротником, спорит с судебным следователем Эмилем Вюртом и комиссарами Клермоном и Пилотелем. Кассир Реплан приносит завязанные в простыню оставшиеся в кассе деньги, серебряные монеты, немного золотых, несколько банковых билетов.

— Раздайте все это сражающимся,— приказывает Ферре.

Пилотель берет монеты прямо в горсть и идет к баррикаде, запирающей вход на площадь Дофины, перед статуей Генриха IV.

— Берите, друзья...

— Нет, мы бьемся не ради этого...

Пилотель возвращается. Ферре протягивает ему бумагу: «Приказ вывести из арестного дома нижепоименованных заключенных и расстрелять». Первым в спис-

¹ «Etude sur le mouvement communaliste», p. 333.

² Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. III, p. 359 «Отель-Дьё» в то время находилась на левой стороне Сите, на месте теперешнего сквера Шарлемань.

ке стоит Вейссе, версальский шпион, пытавшийся, но тщетно, подкупить Домбровского; его поймали три дня назад. Вейссе вызывают. Видя пять или шесть стражников — в серых шинелях, в кепи с белой лентой и с заряженными винтовками за спиной,— он поворачивается к Ферре:

— Вы собираетесь меня убить.

— Вы плели интриги против нас. Вы получили деньги в Версале, чтобы подкупить Домбровского.

— Верно.

— Тогда вперед.

Отряд окружает пленника.

— Скорей! Поторопитесь! — говорит Ферре. Он встряхивает побледневшего стражника и, несмотря на свой маленький рост, чуть не сбивает с ног громадного детину.

На углу набережной Орлож и Нового моста федераты, укрывшись за баррикадой, стреляют в направлении Лувра. Они спрашивают:

— Это кто?

— Граждане,— твердо отвечает им Ферре,— человек, которого мы ведем, предатель! Шпион. Народный суд вынес ему приговор. Он должен умереть!

— Да здравствует Коммуна!

Пушка с баррикады на площади Дофины, установленная у дома мадам Ролан, стреляет через Сену.

Отряд останавливается у парапета возле моста, на полдороге между статуей Генриха IV и набережной Конти. Отряд ждет, приставив винтовки к ноге. Ферре указывает место казни. Вейссе завязывают глаза, он остается твердым, протягивает руки и говорит спокойно:

— Я вам прощаю свою смерть.

— Огонь! — бесстрастно командует Ферре.

Шпион с минуту остается на ногах, потом падает. Два человека подхватывают тело, раскачивают его и бросают через парапет. Один из бойцов бросает вслед за ним его шапку, которая, покачиваясь, плывет по реке...¹

Ферре возвращается в арестный дом, чтобы продолжить эту поспешную чистку. Но версальские пехотинцы

¹ См.: Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. VII, p. 13 et suiv.

продвигаются по набережной Конти. Штурм префектуры полиции, обороняемой лишь слабыми отрядами 92-го батальона (II округ), кажется неизбежным. Ферре дает приказ поджечь горючие материалы, вот уже два дня хранящиеся в помещении бывшего префекта полиции. Около одиннадцати часов арестный дом и тюрьма Консьержери оказываются под угрозой, и Ферре, прежде чем отойти в мэрию XI округа, дает приказ освободить заключенных, если они согласны сражаться против версальцев. Начальник арестного дома Эжен Фуэ¹ собирает освобожденных арестантов во дворе Дворца юстиции. Они просят оружие. Фуэ ведет их в казарму Сите (нынешняя префектура полиции), где надеется достать винтовки. Версальцы доходят до Сен-Жермен-л'Оксеруа на правом берегу и до Монетного двора и улицы Генего — на левом. Артиллеристы-федераты у Нового моста поспешно оттягивают орудия. Горящую префектуру и Дворец юстиции никто не защищает. Однако к арестному дому версальцы подходят только около 17 часов, а к Коммерческому суду около 19 часов, после того как они взяли баррикаду на бульваре Пале². Ночью Фуэ и его маленький отряд перебираются на остров Сен-Луи, оттуда они доходят до мэрии XI округа.

Виртели, начальник политического отдела префектуры полиции, покидает здание одним из последних с опаленными волосами. Он проскальзывает через Новый мост и хочет пробраться домой, но на улице Турнон его задерживают.

— Имя?

— Виртели.

— Профессия?

— Начальник отдела префектуры полиции.

По добропорядочной внешности Виртели жандармский капитан, который исполняет обязанности судьи военного суда, принимает его за служащего бывшей префектуры, префектуры «хорошей», той, где орудовали Лагранж и Эрнест Крессон, префектуры, служившей

¹ Фуэ, Эжен Мишель, родился 2 февраля 1849 г., парфюмер 25 апреля 1874 г. был заочно приговорен к 20 годам каторжных работ Бежал в Женеву (AN, 24/856 В)

² Оборона этой баррикады увековечена на прекрасной картине художника Клерена, воспроизведенной в книге Буржена «Histoire de la Commune de 1871», p. 360 bis.

империи и правительству 4 сентября. И вот Виртели вынужден в течение трех дней... допрашивать пленных коммунаров!¹

•

Бойцы, которые расплачиваются собственной жизнью и которым то и дело приказывают то переходить в другое место, то отступать, все больше и больше думают о предательстве и смотря с подозрением на штабных офицеров или связных, которых они останавливают у баррикад и заставляют таскать булыжник. И пусть эти франты в галунах не ссылаются на важность и неотложность их миссий! «Теперь никому нет дела до галунов!» Эта подозрительность в середине дня переходит в ярость, которая находит себе выход в событиях на улице Седен, возле мэрии XI округа, куда только что пришли Делеклюз и Ферре.

Блестящий штабной капитан, граф Шарль де Бофор, кузен Эдуара Моро, адъютант Клюзере, как-то вечером возвращался под хмельком в Военную делегацию, но его не пропустил часовой, гвардеец 66-го батальона. «Вот батальон, которому я задам жару!» — пообещал разозленный Бофор. И вот во вторник 23 мая 66-й батальон, посланный защищать баррикаду на улице Комартен, терпит тяжелые потери. Шестерых взятых в плен гвардейцев версальцы расстреливают на глазах у их товарищей. Эта расправа, а также данное перед тем обещание Бофора «задать жару» обсуждаются всеми бойцами на площади Вольтера, как вдруг маркизантка 66-го батальона гражданка Лашез замечает Бофора, который, гарцуя на лошади, приближается к баррикаде на бульваре Вольтера, и, указывая на него пальцем, кричит: «Вот он, мерзавец, пославший нас на убой!» Де Бофора мгновенно стаскивают с лошади и тащат в мэрию под крики толпы, требующей его смерти. Ферре поручает следователю Жантону и знаменику 66-го батальона составить военный суд. Не может быть и речи о том, чтобы собрать суд в самой

¹ APP, Ва 892 Его узнали и донесли судье, но тот, проникшись к нему симпатией, дал ему возможность бежать Виртели перебрался в Базель под видом торговца баранами

мэрии, где разместились все еще существующие отделы военного министерства, Комитета общественного спасения и префектуры полиции, не говоря о муниципальных служащих. Невозмутимый, молчаливый Ферре сидит на эстраде в зале бракосочетаний и без устали подписывает приказы, не обращая внимания ни на крики, ни на пушечную пальбу, ни на галопом проезжающие под окнами фургоны, которые грохочут так, что сотрясаются окна. Военный суд собирается в дежурной комнате 66-го батальона на улице Седен.

Когда де Бофор появляется на пороге мэрии, мимо проезжают покрытые красными флагами похоронные дроги, направляющиеся к кладбищу Пер-Лашез.

— Теперь пришел и его черед! — кричат в толпе, и Жантон, несмотря на его красную перевязь, с трудом прокладывает дорогу своему отряду до лавки на улице Седен, где создают военный суд под председательством полковника Гуа и двух помощников — Жантона и Фортена.

«Мы не хотели приговаривать Бофора к смерти, — говорил впоследствии Фортен. — Нам казалось недоказанным, что он ответствен за поражение 66-го батальона возле площади Мадлен. Мы договорились втроем, что он будет разжалован, лишен знаков отличия и офицерской формы и отправлен на ближайшую баррикаду, чтобы сражаться наравне со всеми».

Но собравшаяся толпа смотрит на дело иначе. Бофора вырывают у судей и осыпают ударами, несмотря на вмешательство маркитантки Лашез и Делеклюза. Тут присутствует и Моро; в полном отчаянии он умоляет военного делегата:

— Заклинаю вас, попробуйте еще раз его спасти!

— Мы и так уже сделали невозможное, и видите, ничего не добились...

Бофора тащат к дровяному складу на авеню Пармантье, и тут он падает, изрешеченный пулями¹.

Моро содрогается, закрыв лицо руками.

¹ О казни де Бофора см.: Lissagay, op. cit., p. 347; Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. II, p. 137 et suiv. et 223—224; Laronze, Histoire de la Commune, p. 604 et suiv.; Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 559.

— Вы слышите? — говорит Делеклюз. — Вот результат ваших происков против Коммуны. Его убили вы и ваши друзья...¹

В это же самое время на левом берегу Сены погибает Рауль Риго, сраженный пулями версальцев. Когда егеря 19-го батальона выходят на улицу Гей-Люссака, они издали замечают, как какой-то офицер-федерат скрывается в холле отеля Гей-Люссак (дом 29 по той же улице). Рауль Риго, месяц назад снявший здесь комнату под чужим именем, зашел за оставленным в ней чемоданом с документами. Егеря открывают стрельбу и преследуют Риго. Риго бежит на верхний этаж отеля, где его находит хозяин, гражданин Кретьен, и говорит:

— Вам надо спуститься, иначе меня расстреляют вместо вас.

— Давайте убежим по крышам, — предлагает Риго.

Но хозяин отеля отказывается. Тогда, вполне владея собой, Риго заявляет:

— Я не трус и спущусь вниз!

Кретьен спускается к стрелкам, за ним следует Риго, которого задерживают уже на третьем этаже:

— Вот и я! Я здесь! — говорит он, ударяя себя в грудь, и отдает капралу свою саблю и револьвер².

Пленник и его эскорт спускаются к Люксембургскому дворцу. Капрал не знает, кого он ведет. Для него это не арестованный им прокурор Коммуны, а какой-то офицер-федерат. Должно быть, он находит, что у его пленника недостаточно смиренный вид. Быть может, Риго, позволил себе какую-нибудь насмешку или потребовал уважения к себе. Капрал приставил ему к виску револьвер и приказал кричать «Да здравствует версальская армия!».

— Да здравствует Коммуна! Долой убийц! — кричит Риго. Он падает на углу улицы Руайе-Коллар с

¹ Лиссагаре (op. cit., p. 552) приводит копию письма, адресованного де Бофором генералу Борелю, начальнику генерального штаба версальской армии, в котором говорится, что он не теряет времени даром и занимается тем, что вносит беспорядок в ряды федератов Ларонз («Histoire de la Commune», p. 606) приводит другой документ, подтверждающий измену де Бофора.

² Согласно письму от 29 мая 1871 г., посланному Кретьеном в газету «Le Petit Moniteur».

пробитым черепом. Другой егерь стреляет ему в сердце¹. Тут солдаты набрасываются на труп и грабят его. Они забирают часы, кошелек, в котором было около 800 франков золотом, стаскивают с него башмаки и носки. С босыми ногами и вывернутыми карманами мундира убитый остается лежать на месте до 11 часов утра следующего дня² и подвергается издевательствам прохожих, которые бьют его тростями³. Наконец останки Риго переносят в сарай во дворе дома № 250 по улице Сен-Жак, где его опознают служащий Ратуши Дериве, живущий на улице Эколь, 17, Тибо, клерк у нотариуса, и Деланд, виноторговец с улицы Сен-Жак, 247⁴.

•

Собравшись в библиотеке мэрии XI округа, несколько членов Коммуны и Центрального комитета⁵ слушают Делеклюза, голос которого теперь превратился в шепот: «Я предлагаю, чтобы члены Коммуны, опоясан-

¹ См. показания свидетеля Брэ, Адриена Элифана, 41 года, торговца, бывшего капитана 119-го батальона национальной гвардии, проживавшего на улице Юшет, 9 (V округ), на допросе, проведенном полицейским комиссаром Гюставом Масе. (АРР, Ва 892 — Cabinet 1er Bureau — Délégations judiciaires pièce 708.)

² Согласно статье из газеты «L'Emancipation de Toulouse», перепечатанной газетой «Le Pays» 11 апреля 1872 г.

³ Свидетельское показание квартирного хозяина Резамилля, 46 лет, улица Месьё-ле-Прэнс, 41, данное комиссару полиции Одеона 5 октября 1871 г. (АРР, Ва 892.)

⁴ Рапорт S 25, посланный кабинету министров (в Версаль) муниципальной полицией, утверждает, что Риго был расстрелян по приказу майора Моннье из 17-го батальона, но Вийом в своей книге «Mes cahiers rouges», (t. IV, p. 28) установил, что Риго не был узнан до расстрела: лейтенант Наполеон Ней, потомок маршала Ней, рассказывает, что он встретил на улице Сен-Жак сержанта, который сказал ему:

— Идите поглядите, лейтенант, мы только что застрелили начальника. У него нашивки офицера.

— Напрасно вы меня не подождали, — ответил офицер. — Я приказывал вам не расстреливать офицеров без моего ведома.

— Да, но он вел себя слишком дерзко!..»

И Наполеон Ней, увидев труп, узнал Рауля Риго, своего бывшего однокашника по лицу Сен-Луи.

⁵ Среди них Лефранс называет Серрайе, Поэье, Антуана Арно и Пенди. (См.: L'français, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 565.)

ные своими шарфами, устроили на бульваре Вольтера смотр всем батальонам, какие удастся собрать. А затем, став во главе войск, мы двинемся на приступ тех мест, которые надо отбить». Последняя вспышка старой идеи о массовом выступлении, возникшей еще при первой осаде. Патетическое закливание старого борца — ныне лишь призрак прошлого — прерывает канонада с Пер-Лашез по центру Парижа. В обстановке вызванной ею общей тревоги Центральный комитет соглашается подчиниться приказам Комитета общественного спасения. Но можно ли еще исправить положение, когда уже пал Пантеон и враг занял мост Понт-ошанж?

В то время как командир XI легиона старается перегруппировать федератов из всех батальонов, отступивших в его округ, Делеклюз обходит баррикады: баррикаду на площади Бастилии, которая прикрывает Сент-Антуанское предместье, и другую, запирающую улицы Шарантон и Ла-Рокет.

В IV округе, где Ратуша все еще пылает, несколько стойких людей продолжают выполнять свой долг. Директор Управления ввозных пошлин Вольпениль с помощью гражданина Дежардена, из Компании Лионской железной дороги, увозят на тележке фонды коммунальных налогов в мэрию XI округа. Подполковник Гийета, помощник начальника IV легиона, забегает в 6 часов вечера домой, на улицу Вогезов, попрощаться с семьей и тотчас уходит. Какой-то артиллерист только что предупредил его: «Баррикада больше не сопротивляется»¹. Но версальцам не удается прорвать укрепления на улице Монторгей и на соседних с ней улочках. Федераты твердо удерживают в своих руках Севастопольский бульвар и улицу Тюрбиго; пехота противника не может вырваться из Центрального рынка. На набережных от Нового моста до авеню Виктории и по пути на набережной Жевр идет ожесточенная борьба; но во всем этом секторе пожар Ратуши очень мешает сопротивлению, которому нанес тяжелый урон преждевременный приказ об отступлении к площади Бастилии.

¹ Archives historiques de l'armée, 20e conseil de guerre à Versailles, dossier 641.

Яростно бушующее пламя возбуждает ярость у нападающих. Ударами прикладов они проламывают черепа раненым пленникам¹. В доме № 24 на Вандомской площади они убивают «Брюнеля у его любовницы»², тогда как Брюнель находится на Шато-д'О. «Любовницу» мнимого Брюнеля тоже застрелили, и после этого убийства двух невинных людей солдаты опечатали двери их квартиры. Когда приходят, чтобы убрать группы, «любовница Брюнеля» еще продолжает дышать³.

Горе тому, чье лицо хоть слегка напоминает лицо известного деятеля Коммуны: прохожие, которых приняли за Курбе, Лефрансе, Гамбона и Амуру, были расстреляны на Банковой улице, около Управления гербовых сборов⁴. Солдатня предается садистическим играм; стрелок морской пехоты извлекает штыком внутренности из чрева убитой женщины⁵; эти дикие звери издеваются над трупами федератов, упражняясь в ловкости: бросают сверху штык, стараясь попасть в глаза застывших трупам коммунаров⁶.

Эти зверства, о которых рассказывают бежавшие из занятых версальцами кварталов национальные гвардейцы, возбуждают всеобщий гнев, который перекачивается волнами по толпе, собравшейся вокруг мэрии XI округа. В 19 часов недалеко от мэрии, перед тюрьмой Ла-Рокет, куда накануне перевезли заключенных из тюрьмы Мазас, поднимается громкий ропот: «Мы требуем заложников!» Прокурор Жантон, уцелевший участник июньского восстания 1848 г., соглашается: «Если версальцы расстреливают наших, то шесть заложников будут казнены. Кто войдет в команду для расстрела?»

— Я! Я! — кричат со всех сторон те, кто потерял своих близких в этой кровавой бойне.

Архиепископ Дарбуа, председатель кассационной

¹ См. статью Поля Бурже в «Le Figaro» от 13 декабря 1895 г.

² «Petit journal», 31 mai

³ См. Camille Pelletan, La semaine de mai, p. 129

⁴ «L'Indépendance française», 26 mai 1871

⁵ Lissagaгау, op. cit., p. 391.

⁶ Свидетельство Андре Жилия в газете «Le Cri du Peuple» от 30 мая 1887 г.

палаты Бонжан и четыре священника выстроены у тюремной стены. Капитан Сикар, вызвавшийся добровольно командовать взводом для расстрела, говорит им: «Не нас следует винить в вашей смерти, а Версаль, который расстреливает наших». И он командует: «Огонь!» После чего возвращается в бой, как и Жантон, который на следующий день был тяжело ранен.

Одному из стрелявших, выразившему свою радость, Журд бросает:

— Молчите уж! Лучше отправляйтесь в бой!

Тот делится в него и кричит: «Ах, так! Вам, видно, не нравятся, когда расстреливают попов? А не хотите ли часом, чтобы мы вlepили заодно и членам Коммуны?»¹

Тут вступается Валлес:

— Эта бойня ужасна! Ведь они люди пожилые, безоружные пленники! Все будут кричать, что это подлость!

— Подлость? Скажите-ка, писатель, а что вы думаете о сентябрьских убийствах? Вы что же, только шутили, когда советовали нам поступать, как в 93-м году?

А когда один из свидетелей спора замечает, что теперь у Тьера есть полный набор мучеников, а их-то он и хотел получить, когда отказывался обменять Бланки на заложников, один из стрелков отряда отвечает:

— Возможно. Но зато теперь все будут знать, что, если Коммуна пишет декреты в шутку, народ выполняет их всерьез... Моя пуля, во всяком случае, попала в цель!²

*

20 часов. Время генеральной атаки на баррикаду у ворот Сен-Мартен. Вечером версальские снаряды подожгли соседний театр. Жар пожарища невыносим и выгоняет федератов с их позиций. Они отходят в предместье Сен-Мартен. Брюнель воодушевляет сопротивляющихся X округа. На баррикаде на углу улицы Ша-

¹ Vuillaume, Mes cahiers rouges, op. cit., t. II, p. 163.

² См.: Vallès, L'Insurgé, p. 298—299.

то-д'О работают женщины¹. Когда в этом месте натиск неприятеля становится сильнее, Брюнель, не колеблясь, поджигает большие магазины «Тапи руж», чтобы задержать продвижение пехоты. В 21 час неприятель занимает Восточный вокзал и Ратушу...

Федераты крепко держатся на флангах: в Ла-Виллет и в Бютт-о-Кай. В центре их двумя опорными пунктами остаются площадь Бастилии и площадь Шато-д'О; квартал Тампля и часть района Марэ образуют выступ, продолженный островком сопротивления на улице Монторгей.

С Пер-Лашез Париж кажется пылающим морем, громадным снопом искр, созвездием взрывов. Пламя набрасывается на церковь Сент-Эташ, ворота Сен-Мартен, театр Сары Бернар.

С форта Бисетр, с Пер-Лашез и Бютт-Шомон отвечают на стрельбу из Пантеона, Трокадеро и с Монмартра. К защитным пожарам, зажженным отступающими федератами, добавляются пожары злостных поджигателей, которые спешат воспользоваться смутными временами для темных дел. По странному совпадению 24 мая пожар одновременно вспыхивает в доме бонапартиста Приёра де ла Комбль на Луврской улице, в доме его отца, несостоятельного должника, на улице Риволи и в доме синдика по делам банкротства на Севастопольском бульваре².

В четверг 25 мая едва рассвело, как в занятых версальцами кварталах снова начались расправы и аресты. В парке Монсо расстреляли Франсуа Маншона, ветерана 1848 г., оратора из Клуба Эташ, который, несмотря на свои 62 года, вступил в маршевый батальон³. В II округе баррикада на улице Монторгей все еще не

¹ См.: AN, ВВ 24/748, досье жены Бонфуа, консьержки дома № 72 по улице Шато-д'О. Арестованная, затем выпущенная, она снова сражается против версальцев. Ее приговорили к ссылке с заключением в крепости. Наказание было смягчено и заменено 15 годами тюрьмы. В декабре 1878 г., заболев в Руанской тюрьме она по-прежнему отказывалась написать прошение о помиловании.

² 10 марта 1877 г. Приёр де ла Комбль был приговорен судом присяжных департамента Сена к десяти годам каторжных работ за то, что намеренно поджег свой дом с целью получить крупную страховую премию.

³ См.: Fontouille ц, Les églises de Paris, p 14,

сдается, но баррикады на улице Абукир и в соседних улочках, под командой капитана Флери, разгромлены, а Пейзан, секретарь Клуба Никола-де-Шан, который беззаветно сражался на углу улиц Абукир и Пти-Карро, арестован. Он избежал расстрела на месте, но потом был отправлен в Новую Каледонию¹.

Бывший командир 8-го батальона (II округ) собирает в Гранд-Отеле своих «брассардые», чтобы они тоже приняли участие в охоте на красных.

В половине восьмого господин Тьер телеграфирует своим префектам: «Мы хозяева всего Парижа, кроме маленького уголка, которым овладеем сегодня утром».

Эдуар Моро, который вернулся домой, на улицу Риволи, 10, окончательно деморализованный последним оборотом событий и расстрелом своего родственника Шарля де Бофора, лежит без сил, зажав голову руками, бесчувственный к грохоту битвы, который неуклонно приближается...

Брюнель под покровом ночи перетащил большую часть пушек X легиона на площадь Шато-д'О. Он ведет бой плечом к плечу с питомцами Коммуны на улицах Шато-д'О и Бонди (улица Рене Буланже). В 10 часов утра войска генерала Кленшана после обходного маневра завладевают баррикадой в предместье Сен-Дени, возле тюрьмы Сен-Лазар и уничтожают ее семнадцать защитников. Вскоре войска захватывают и баррикаду в сквере Сен-Лоран и сразу устанавливают на ней батареи, которые сосредоточивают огонь на Шато-д'О. Набережная Вальми простреливается с улицы Реколет, но баррикада, запирающая улицу Ланкри у выхода на бульвар Сен-Мартен, стойко держится под обстрелом, ведущимся с Амбигю, препятствуя продвижению версальцев к площади Республики, и прикрывает III округ, где начальник легиона полковник Спиноа, лично командующий операциями, подготовил к обороне мэрию и близлежащие улицы.

Скупой на слова, но чрезвычайно деятельный, Спиноа держится на высоте, помня о взятой на себя ответственности. Двадцатичетырехфунтовая пушка выдвину-

¹ На полуостров Дюко. (Da Costa, La Commune vécue, v. III.)

та на боевую позицию во дворе мэрии, а решетчатая ограда заложена матрасами. Рынок Анфан-Руж, улица Брегань, улица Филипо, все улицы, выходящие на улицу Сен-Мартен (Мелэ, Нотр-Дам-де-Назарет, Вербуа), и Консерватория искусств и ремесел надежно укреплены.

Около половины одиннадцатого Пенди подходит под сводами Тампля к группе национальных гвардейцев, но его встречают холодно. После пожара Ратуши его обвиняют в измене¹.

Федераты теперь бьются один прогив двенадцати. Каждый выполняет свой долг в собственном округе, и, несмотря на ряд постоянных отступлений, оборона в целом не сломлена. Несколько тысяч революционных пролетариев, уцелевших в боях, продолжают сражаться, как если бы еще можно было надеяться на победу. Но в мэрии XI округа члены Коммуны и Центрального комитета, не покинувшие своего поста, считают, что поражение неотвратимо, и ищут средств избежать систематических массовых убийств, которые — как они теперь убедились — будут узаконены, как только кончится битва.

Гражданин Растуль² пишет в Комитет общественного спасения: «Отдавая себе отчет в создавшемся положении, рассмотрев его со всех сторон, я пришел к печальному убеждению, что наше дело проиграно»³. И он предлагает, чтобы члены Центрального комитета и Коммуны сдались на милость победителя или, если это предложение будет отвергнуто, собрали в Бельвиле остатки разбитых батальонов национальной гвардии и попросили... пруссаков пропустить их через нейтральную зону для выезда в Америку. Этот проект переключается с проектом, который в четверг днем изложил Арнольд⁴ перед двадцатью двумя членами Коммуны и Цен-

¹ См.. Archives historiques de l'armée, 4e conseil de guerre, dossier 843.

² Растуль, Поль, родился 1 октября 1835 г в Тезане (департамент Эро). Доктор медицины, избран в Коммуну от X округа, член «меньшинства», был приговорен к ссылке и утонул в море в 1875 г. при попытке к бегству. (AN, BB, 24/729/3604.)

³ Документ хранится в Archives historiques de l'armée, carton Lu 26.

⁴ Арнольд, Жорж, родился в Лилле, ему 31 год, архитектор, член Центрального комитета, избран в Коммуну от XVIII округа,

трального комитета, собравшимися в мэрии XI округа. Накануне вечером он встретился с секретарем посла Соединенных Штатов Уошберна, который предложил ему посредничество пруссаков между Версалем и Коммуной. Секретаря Уошберна вводят на заседание, и он убеждает собравшихся «послать эмиссаров в Венсенн, чтобы договориться об условиях перемирия». На самом деле американское посольство способствует военной хитрости, придуманной Версалем, чтобы сломить сопротивление федератов и подорвать уважение к Коммуне накануне решающего штурма. Действительно, в то самое время, когда американский посол передавал через секретаря эти предложения мэрии XI округа, он заявил шотландскому журналисту Роберту Риду: «Каждый, кто принадлежит к Коммуне, и все, кто ей сочувствует, будут расстреляны»¹. Маневр состоял в том, чтобы завлечь членов Коммуны в ловушку. В этот четверг, 25 мая, 5 тыс. баварцев стоят кордоном от Марны до Монтрёйя и столь же крупные воинские части занимают Венсенн, окружают форт, преграждают путь федератам, которые хотят вернуться в Париж, и передают версальцам тех, кто пытается из него бежать.

Многие из двадцати двух собравшихся членов Коммуны — и первый Делеклюз — выражают возмущение такой попыткой добиться перемирия. Но Арнольд предлагает как базу для переговоров прежние предложения Центрального комитета: одновременный роспуск Коммуны и Национального собрания, временное правительство, состоящее из делегатов от больших городов, выборы Учредительного собрания и парижского муниципалитета, отказ от всяких репрессий. Делеклюзу, Арнольду и Эдуару Вайяну поручают войти в контакт с прусскими «посредниками».

член Военной комиссии, не принимал участия в голосовании по поводу Комитета общественного спасения, был приговорен к ссылке с заключением в крепости. Умер в Со в 1912 г. (AN, BB 24/738/72/1438)

¹ Согласно заявлению Роберта Рида, напечатанному в Обращении Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих к нью-йоркскому Центральному комитету секции МТР. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 390 и сл. См. на стр. 718 в том же томе справку об этом малоизвестном эпизоде)

Делеклюз считает себя не вправе пренебречь последней возможностью остановить кровопролитие и, превозмогая свое отвращение, отправляется к Венсеннским воротам. Но федераты сторожевого поста отказываются опустить подъемный мост и яростно набрасываются на делегатов, обвиняя их в желании сбежать, чтобы уклониться от ответственности. Делеклюз сражен этим последним ударом. Его, готового пожертвовать собой, подозревают в предательстве! Теперь он пойдет на смерть. Он пишет сестре:

«Милая моя сестра, я не хочу и не могу быть жертвой и игрушкой победившей реакции... После стольких поражений я не в силах пережить еще одно... Прощай! Прощай!..»

Теперь весь левый берег в руках версальцев. Врублевский, которому грозило окружение на площади Жан-ны д'Арк, пробил себе дорогу через Сену по Аустерлицкому мосту. Делеклюз предлагает ему командование войсками.

— Есть ли у вас хоть несколько тысяч человек? — спрашивает мужественный солдат.

— Самое большее несколько сотен, — отвечает военный делегат.

При таком положении Врублевский не может принять командование. Он будет биться как простой гвардеец.

Враг продвигается повсюду, подавляя значительно превосходящими силами и вооружением яростное, но все более ограниченное сопротивление В III округе полковник Спинуа, раненный в голову за баррикадой на улице Бретань, продолжает командовать обороной Кловис Дюпон остается на посту в мэрии, но пытается препятствовать пожарам: «Стреляйте из винтовок, пушек, митралез на баррикадах, — пишет он¹, — но, повторяю, прекратим пожары».

В Национальной типографии, где еще накануне вышла газета «Journal Officiel», сегодня набирают листовку. Федераты с мощной баррикады, вооруженной пушкой и охраняющей перекресток улицы Фран-Буржуа и улицы Шом (ныне улица Архивов), уже в третий раз

¹ AN, BB 24/854 B.

за последние сутки хотят поджечь отель Субиз, в котором хранятся 30 миллионов документов из Национального архива. Помощник фактора Боншар посылает за Дебоком и Алавуаном, которые долго сражались вместе с Брюнемем на улице Руаяль, а теперь защищают баррикаду на улице Фонтен-де-л'Эшоде¹. Алавуан препятствует поджогу здания², но в 13 часов Архив занимает неприятель.

В X округе версальцам удается обойти казарму Шато-д'О. Питомцы Коммуны уносят на носилках неукротимого Брюнеля с простреленной ногой Огромную казарму, которую удерживала горсточка людей, поспешно эвакуируют. От площади Шато-д'О версальская пехота угрожает всему правому флангу III округа. Пробираясь по закоулкам, проходя через дома, солдаты обходят баррикады в верхней части округа. Улица Тюрбиго захвачена с тыла. После жаркой схватки федератам приходится покинуть окруженную Консерваторию искусств и ремесел; около установленной на баррикаде митралезы остается только одна женщина, которая сметает шквальным огнем первую волну наступающих. Уцелевшие бойцы сильно поредевшего 86-го батальона покидают баррикаду, защищавшую вход на улицу Бретань. Около 16 часов Кловис Дюпон покидает мэрию, за несколько минут до того как ее занимают солдаты 13-го и 14-го линейных полков. Баррикада у театра Дежазе, возле входа на бульвар Тамплъ, подвергается жестокому обстрелу.

Лефрансе поручено выяснить, какова ситуация в кварталах Тамплъ и Марэ После многих трудностей он добирается до угла улиц Тюренн и Бретань. Солдаты уже заняли рынок Анфан-Руж, улицу Уазо. Заваленные трупами баррикады покинуты. Лефрансе пытается вернуться в Зимний цирк, но пройти по бульвару Фий-дю-Кальвер уже невозможно. Окруженный со всех сторон, он едва успевает спрятаться у своего друга фотографа, живущего на улице Фий-дю-Кальвер³.

¹ AN, BB 24/855

² Archives historiques de l'armée, IIIe conseil de guerre, dossier 1108, pièce 16 рапорт генерального директора Национального архива, члена академии Альфреда Мори от 18 июня 1871 г.

³ Le français, Souvenirs d'un révolutionnaire, p. 563.

IV округ отбивается под шквальным огнем митральез. В 17 часов 15 минут баррикада, запирающая улицу Сен-Мартен у ее выхода на улицу Риволи, все еще держится, хотя прошли уже сутки, как солдаты обошли Ратушу¹. Но вскоре весь арьергард федератов отступает.

Делабов², делегат по вооружению IV округа, и Газе, начальник личного состава, уходят из пылающей мэрии около 18 часов. Площадь Вогезов занята. Горсточка федератов из 150-го батальона (IV округ) поджигает протестантский храм на углу улицы Сент-Антуан и улицы Кастекс, после чего отправляется защищать подступы к площади Бастилии на баррикаду на улице Турнель. Остров Сен-Луи взят. Венсенские егеря, которых ведет крупный вино торговец Рандон, проникают в квартиру командира 22-го батальона Норо³, на улице Пулетье, 8, и арестуют его молодую жену. Ее ведут к Нотр-Дам, потом в театр Шатле, вокруг которого отдельные федераты еще продолжают стрельбу. У нее на глазах расстреливают молодого человека и говорят, что это Жюль Валлес⁴.

¹ Archives historiques de l'armée, Ly 26. См. депешу, посланную в это время с баррикады полковнику Парану.

² AN, ВВ 24/855. Делабов, Поль, родился 9 мая 1826 г. в Эврэ, шапошник, живет на улице Буртибур, 21, был сослан в 1851 г., член Интернационала, гвардеец 53-го батальона и делегат по вооружению IV округа. Был заочно приговорен к смерти 31 августа 1872 г.

³ Archives historiques de l'armée 4e conseil de guerre (Версаль, 29 августа 1872 г.). Норо Жуан Жан-Батист, художник-миниатюрист, во время осады рядовой гвардеец 22-го батальона. При Коммуне офицер-казначей, потом командир 22-го батальона, член Центрального комитета. Заочно приговорен к ссылке с заключением в крепости Бежал в Швейцарию.

⁴ «Paris-Journal» (30 мая 1871 г.) «информирует» своих читателей, что Валлес и Ферре были расстреляны 25 мая в шесть часов вечера. Их арестовали на Хлебном рынке и опознали (!) на площади Шатле, откуда они пытались сбежать. «Валлес» два раза бросался и хватал за горло офицера, командовавшего взводом для расстрела. «Но два удара прикладом по голсе оглушили его. Он покачнулся, но только под градом пуль рухнул на землю и уже больше не встал. Он был расстрелян в упор. Несколько мгновений толпа молча смотрела на трупы этих двух бандитов, затем раздалась бешеные аплодисменты. Тела оставили на месте, и некоторое время они валялись в грязи». И это в то время, когда настоящие Валлес и Ферре находились в мэрии XI округа!

Сержант с десятком солдат является и на квартиру к Эдуару Моро, на улицу Риволи, 10. Моро даже не пытается бежать. Его ведут в театр Шатле, где «судят» военным судом. Знакомая Моро случайно видит его: он стоит невозмутимый, опершись на балкон крытой галереи второго этажа, куда словно диких зверей загоняют всех приговоренных к смерти. Вскоре его отправляют в казарму Лобо, где людей расстреливают пачками...

Также «прочищают» и II округ. Огряд солдат врывается во двор дома № 8 по улице Тевено, в глубине которого живет с женой рабочий-сапожник Жак Дюран, простой, тихий и добродушный малый, которого жители его квартала послали заседать в Ратушу. Дюрана арестуют, тащат в мэрию на Банковую улицу, ставят к стенке позади церкви Пти-пер и тут же расстреливают без долгих разговоров¹.

Всю вторую половину дня на площадь Шато-д'О обрушивается непрерывный град снарядов и картечи. Львы на фонтане разбиты, бассейн разворочен. Под искалеченными деревьями валяются куски обгесанных камней, всевозможные обломки. Разинутые пасти окон плюются огнем. На баррикаде на бульваре Вольтера горстка героев — мальчишки, девушки, Тейс, Лисбонн, Жоаннар, они сражаются как одержимые. Лисбонн падает, за ним Верморель. Около 19 часов Делеклюз выходит из мэрии XI округа и, бросая вызов смерти, идет прямо посреди бульвара Вольтера во главе смехотворно малого отряда на поддержку баррикады на площади Шато-д'О. На нем шляпа и сюртук, а вокруг пояса красный шарф. В пятидесяти метрах от баррикады его слабый эскорт останавливается и укрывается от снарядов, которые ложатся вдоль бульвара. Делеклюз продолжает свой путь, взбирается по бульжникам на баррикаду, с минуту его тощий силуэт четко вырисовывается на фоне красного диска заходящего солнца, и вдруг он падает как подкошенный на площадь Шато-д'О.

Три добровольца один за другим отправляются за

¹ По свидетельству его соседа, студента-юриста Кенеля, опубликованному Вийомом. (Vuillaume, Mes cahiers rouges, t. IX, p. 84—86.)

его телом¹. Все трое убиты. Посреди бульвара Жоаннар старается собрать оставшихся защитников и в бешенстве кричит: «Вы недостойны защищать Коммуну!»

Недалеко от этого места Прото во главе своего 213-го батальона еще удерживает предместье Тампль, на линии канала Сен-Мартен.

Уже начинается обходное движение, угрожающее площади Бастилии, где только что был ранен Франкель. Солдаты Винуа,двигающиеся по набережным, проникают в Хлебный склад на бульваре Бурдон и держат под огнем вход в канал Сен-Мартен. Федератам удается поджечь Хлебный склад. Но осаждающие, которым не терпится обойти опасное Сент-Антуанское предместье, проявляют в этом месте крепкую хватку. Они перебрасывают мостик на речной вокзал Арсенала, выходят на набережную и под защитой ее парапета двигаются вдоль Сены. Пройдя под сводами Аустерлицкого моста, они овладевают площадью Мазас, выбивают федератов с предместного укрепления и оттесняют их к тюрьме Мазас.

Наступает ночь. Колонна на площади Бастилии превратилась в пылающий факел: снаряды подожгли высушенные венки из цветов и знамена, которые покрывали ее со времени февральских манифестаций.

В полночь в мэрии XI округа решают эвакуироваться в Бельвиль. Версальцы сжимают свое кольцо вокруг площади Бастилии, занимают баррикаду на улице Турнель и выходят на площадь, полную дыма от горящих барж с керосином, заблокированных под сводами канала Сен-Мартен. Они захватывают покинутые укрепления на рынке и сквере Тампль и начинают продвигаться по бульвару Вольтера.

¹ Тело Делеклюза было сначала выставлено вместе с сотней других на ступенях перед входом в театр Деказе, затем перевезено в церковь Сент-Элизабет, против рынка Тампля. Когда его бросили в траншею на Монмартрском кладбище, у него на ноге было свиное кольцо. Сопровождавший мертвецов офицер велел снять кольцо, но один из свидетелей этой сцены вскоре посадил на том месте акацию, которая в 1883 г. облегчила розыски погребенного. Останки Делеклюза нашли в одном метре от дерева и перевезли на кладбище Пер-Лашез, где они и покоятся неподалеку от того места, откуда батареи федератов стреляли по версальцам (Vulliamy, *Mes cahiers rouges*, t. IV, p. 35 et suiv.)

В пятницу 26 мая вместе с рассветом наступление возобновляется. Зимний цирк и Лионский вокзал захвачены. Поднявшись по бульвару Дидро, отряд солдат проникает в верхние кварталы Сент-Антуанского предместья. Начинается дождь, изнуренные федераты промокают насквозь. Батареи с Аустерлицкого вокзала разбивают запиравшую старое предместье баррикаду, и без того находившуюся под серьезной угрозой из-за продвижения неприятеля по бульвару Бомарше. Но баррикада на улице Терр-форт (улица Лакюэ) держится стойко. Она преграждает проход между бульваром Бастилии и авеню Домениль (авеню Ледрю-Роллена еще не была проложена). Дальше, на улице Алигр, федераты, укрепившись в домах, не желают сдаваться. Во всем секторе площади Бастилии никто не отступает. Баррикады удалось захватить только к 14 часам, когда все их защитники были убиты. На развалинах баррикады у входа в предместье насчитывают больше сотни убитых. Пока хоть один человек остается на ногах — врагу не пройти. Чтобы продолжить свое обходное движение по направлению к Тронной площади (площадь Нации), версальцам приходится свернуть на широкие бульвары Рёйи и Пикпюс.

Идет такая ожесточенная борьба, что осаждающие испытывают потребность перевести дух. На бульваре Вольтера двойная баррикада, воздвигнутая позади театра Ба-та-клан, преграждает им дорогу. Баррикада на улице Сен-Себастьян стоит жизни одному версальскому генералу. Два армейских корпуса — генерала Дуэ и генерала Кленшана — не могут обойти бульвар Ришар-Ленуар. Баррикада на авеню Филиппа-Августа защищает подходы к Шаронну. На севере, в Ла-Виллет, Ранье дает отпор войскам Ладмиро.

Около 17 часов Прото, раненный в ногу и в шею, стоя среди трупов, все еще отстреливается вместе с последними уцелевшими бойцами 213-го батальона, на баррикаде, запиравшей предместье Тампль на линии улицы Фонтен-о-руа. Когда войска идут на приступ баррикады, пуля пробивает ему левую щеку. Какая-то женщина видит из окна истекающего кровью командира федератов. Она зовет на помощь соседей, и Прото переносят в лазарет. За ним ухаживают. Укрывают во время обысков. Делегат юстиции спасен.

Капитан Брес получает от привратника дома № 250 по улице Сен-Жак «четыре трупа, в том числе тело Рауля Риго»¹. Перед погребением на кладбище Монпарнас капитан Брес велит провезти колымагу с трупами по площади Пантеона, где многие любители глазеть на мертвецов хотят увидеть труп Риго. Господа Тибо, старший клерк нотариуса мэтра Линде, и Боден, владелец магазинов на углу улицы Сен-Жак и улицы Суффло, могут таким образом полюбоваться зрелищем мертвеца с проломленным и набитым соломой черепом.

В Шатле военный суд под председательством полковника Вабра — кровожадного торговца углем, который командовал расстрелом перед Ратушей 22 января, — посылает своих жертв со связанными руками на бойню в казарму Лобо.

«Время от времени оттуда выходят группы по пятнадцать или двадцать человек, состоящие из национальных гвардейцев, штатских лиц, женщин и подростков пятнадцати-шестнадцати лет, пойманных с оружием в руках... Это — приговоренные к смерти», —

пишет «Le Journal des Débats»². Аббат Видьё, викарий церкви Сен-Рок, свидетельствует, что видел своими глазами, как из театра Шатле выводили приговоренных группами от двадцати до сорока человек.

«Вот еще пачка, говорили в толпе, очень многочисленной на всем их пути; затем следовал залп отряда, а за ним несколько поспешных отдельных выстрелов: это падала сраженная пачка людей...»

В эти дни кровавого психоза горе «подозрительному»! В Шатле приводят национальных гвардейцев, людей в рабочих блузах, домашних хозяек, маркитанток, детей в лохмотьях, женщину, единственное преступление которой состоит в том, что она была консьержкой Эдуара Локруа, редактора газеты Виктора Гюго «Le Rappel». Приводят туда и голландца Трибеля, книго-

¹ Получение было подтверждено 15 июля 1872 г. комиссаром полиции Массе. (APP, Ва 892.)

² Номер от 31 мая 1871 г.,

торговца с улицы Риволи, за то, что у него нашли 150 тыс. франков. Обвиняемый предстает перед «великим судьей» Вабром, который роняет лишь четыре слова: «Перевести его в бригаду!» Условная формула, которая означает — расстрелять в казарме Лобо. В эту пятницу очень редки привилегированные, которые попадают в список «путешественников в Сатори», этот прообраз концентрационных лагерей.

В казарме Лобо приговоренных не выстраивают вдоль стены; их просто выпускают во двор и бьют, что называется, «влет». Некоторых только ранят, они встают, пытаются бежать. В них целятся, как в движущуюся мишень на ярмарке. Наконец вся «пачка» лежит на земле в лужах крови, и всех упавших сваливают в кучу на одну телегу: убитых вперемежку с умирающими.

У Сены теперь появился новый приток: потоки свежей крови образуют ручей, вливающийся в воды реки, не смешиваясь с ними¹.

После каждого расстрела жертвы временно закапывают на берегах Сены или в сквере Сен-Жак. В траншеях на сквере около тысячи трупов.

«Из этих сырых ям, только что выкопанных заступом, торчали там и тут головы, руки, ноги. Очертания мертвых тел угадывались под тонким слоем земли...»²

Эти зверства становятся известными потрясенной толпе, которая собирается в Менильмонтане и Бельвиле, оглушенная стрельбой монмартрских пушек. Кто обладает властью в этом последнем оплоте сопротивления? Разумеется не десяток членов Коммуны, которые советаются в сите Венсенна³ на улице Аксо. Варлен, который, став военным делегатом после Делеклюза, взвалил на себя тяжкий груз преемственности, и энергичный Ранвье, душа боев в Ла-Виллет и Бельвиле, еще подписывают приказы, которым противится Центральный комитет, требующий для себя... диктатуры! На самом деле власть находится отныне в руках того, кто держит винтовку. Это становится очевидным, когда око-

¹ Этот факт подтверждает «La Petite Presse» и упоминает «La Politique» от 31 мая 1871 г.

² «Moniteur universel», 1er juin 1871.

³ Теперешняя Вилла заложников.

ло 18 часов толпа захватывает на улице Аксо ведомых из Ла-Рокет под конвоем заложников: жандармов, полицейских и священников.

Возбужденный кортеж врывается в сите Венсенна, и заложников толкают к траншее, выкопанной у стены. Серрай пытается вмешаться:

— Что вы делаете? Тут рядом пороховой склад, мы все взлетим на воздух!

Член Центрального комитета Алавуан и командир 94-го батальона (IV округ) Луи Пиа пытаются оказать поддержку Серрайе. Полковник Паран, озлобленный на Центральный комитет за его прежние маневры, кричит Пиа:

— А ну-ка покажите нам, каково ваше влияние!

Пиа оттолкнули и опрокинули прежде, чем он успел произнести хоть слово¹, и Варлену приходится пустить в ход весь свой авторитет, чтобы помешать федератам поставить к стенке и Пиа.

Алавуана останавливает федерат с седой бородой; приставив к его груди револьвер, он кричит:

— Вот уж неделя, как наших расстреливают без счета, а вы хотите спасти этих людей!²

Сквозь рев толпы, грохот битвы и доносящиеся с немецких позиций за крепостным валом звуки вальса, прорывается призыв: «Ко мне, люди Коммуны!»

К Варлену присоединяется Валлес и еще кое-кто. Они кричат, заклиная, некоторые плачут. Никто их больше не слушает. Народ командует сам, устами какой-то маркитантки:

— Версальцам нет пощады!

Шаспо стреляют по группе заложников без всякой команды. Пягдесят заложников расплачиваются своей жизнью за тысячи расстрелянных в казарме Лобо, Люксембургском саду, парке Монсо, во дворе Оперы, в Мазасе.

¹ AN, BB 24/742, dossier de Piat Louis Fortuné. Пиа, Луи Фортуне, родился 1 ноября 1823 г. в Корбей, старший клерк адвоката, проживал на улице Лион-Сен-Поль, 14 (IV округ), командир 94-го батальона, 21 марта 1872 г. был приговорен к ссылке с заключением в крепости. Сослан на полуостров Дюко (Новая Каледония).

² Guillaume, Mes cahiers rouges, t. II, p. 204—205,

Алавуан, узнав в толпе некоторых гвардейцев IV округа, пишет мелом на ставне какой-то лавчонки «IV легион» и таким образом собирает несколько человек, которых ведет на баррикады, прикрывающие Бютт-Шомон.

В Бельвиль со всех сторон стекаются остатки разбитых батальонов, они становятся лагерем прямо на улице и встречают каждый версальский снаряд криком: «Да здравствует Коммуна!» Позади федератов с факелами шагают гвардейцы, несущие мертвых товарищей на скрепленных ружьях. Тысяча федератов, закрепившихся на Немецкой улице (ныне авеню Жана Жореса) и сдерживавших натиск 25 тыс. солдат Ладмиро, постепенно растаяла, а кучка уцелевших разбежалась. Непомерная усталость охватывает самых мужественных и стойких людей. На кладбище Пер-Лашез Алавуан, потрясенный драмой на улице Аксо, засыпает в склепе герцога де Морни между двумя артиллеристами, возле зловонного труп убитой лошади. Мутным и дождливым рассветом начинается субботний день 27 мая. Заняв ворота Монтрёй и Баньоле версальцы захватывают Шаронн. В 7 часов утра они выходят на покинутую федератами Тронную площадь и с высоты бульвара Вольтера бьют из шести орудий по баррикаде перед мэрией XI округа, еще защищаемой двумя пушками.

В Ла-Виллет Ладмиро продвигается вдоль укрепления и атакует Крымскую улицу, но две пушки на площади Фет простреливают эту артерию продольным огнем и останавливают версальцев. Все орудия с Ротонды, с Фландрской улицы и с крепостных валов бьют по артиллеристам Бютт-Шомона. Несмотря на то что все члены Комитета общественного спасения (Антуан Арно, Эд, Гамбон, Ранвье) номинально все еще обладают властью, на самом деле федераты обороняются стихийно, без настоящего руководства. Сите Венсенна находится очень близко от крепостного вала и оказывается под угрозой захвата; его оставляют. Центр сопротивления перемещается в мэрию XX округа, находившуюся в ту пору на Парижской улице (ныне Бельвильская улица), на линии улицы Журдена, где Ранвье и Тренке, избранные в Коммуну от этого округа, не поддаваясь панике, укрепляют по мере сил Бютт-Шомон.

Во второй половине дня около десятка членов Ком-

муны, среди которых Эжен Жерарден¹, Эдуар Вайян, Жюль Валлес, Аликс, собираются в последний раз на втором этаже дома, расположенного по правой стороне улицы Аксо, куда только что принесли тяжело раненого Уде, делегата Ла-Виллет. Никто уже не заблуждается: они дошли до последнего рубежа сопротивления и обсуждают, что можно сделать, чтобы предотвратить дальнейшее уничтожение пленников, которое распространилось на весь Париж.

Возвращаясь к проекту Растуля, Эдуар Вайян предлагает послать парламентаря к ближайшему прусскому командиру с просьбой о посредничестве: передать версальцам предложение о сдаче оставшихся членов Коммуны на милость победителя с единственным условием — прекратить бойню и гарантировать свободу защитникам Коммуны².

Горячо поддержанный Жюлем Валлесом Вайян садится писать свое предложение. Но тут вмешивается Констан Мартен, вдохновитель Делегации 20 округов, всегда преданный общему делу как в хорошие, так и в тяжелые времена.

Такой шаг, говорит Констан Мартен, был бы ошибкой. Величие Коммуны и в настоящем и в будущем — это ее гибель в бою, без переговоров с врагом, без капитуляции перед Версалем.

Тогда решают собрать все оставшиеся силы на площади Фет для последней атаки. Баррикада на улице Бельвю задерживает линейные батальоны,двигающиеся по стратегической дороге (бульвар Серюрье). В 16 часов пушки на Бютт-Шомон смолкают из-за отсутствия снарядов. Их команды уходят на помощь защитникам баррикад на улицах Фессар и Аннеле.

Около 17 часов Ферре приводит на улицу Аксо 1333 версальских солдат, собранных с 18 марта в тюрьме Ла-Петит-Рокет, чтобы запереть их в церкви Бельвилья. Их шествие вызывает во всем квартале живейшее любопытство. Даже сами защитники площади Фет не хотят пропустить это зрелище. Версальцы, воспользовавшись

временным бездействием солдат, занимают площадь Фет. В то же время они со всех сторон атакуют кладбище Пер-Лашез, где федераты-артиллеристы выпускают свои последние снаряды. В этом некрополе остается лишь двести федератов, но осаждающие не хотят идти на риск и брать приступом опасные стены. В 18 часов большие ворота кладбища, несмотря на крепкие опоры, поддаются под ударами бьющей прямой наводкой пушки. Федераты отстреливаются, прячась за могилами. В могильных склепах сражаются штыками, саблями, ножами. Непроглядная темнота и проливной дождь еще усугубляют ужас этой битвы. Федераты раздавлены численным превосходством противника; 147 из них, в большинстве раненых, выталкивают прикладами к кладбищенской стене и расстреливают.

Кольцо вокруг агонизирующей Коммуны все сжимается. Ферре и Гамбон остались почти одни за баррикадой на площади Вольтера. Вблизи от них, на улице Седен, Жантон и Фортен еще держатся с горсткой людей. Но взятие Пер-Лашез угрожает и тем и другим окружением, им приходится отойти к Бельвилю, где соединяются все те, кто хочет умереть вокруг своего знамени. Дождь льет как из ведра. В мэрии XX округа, куда стекаются все новые раненые, уже не осталось медицинского персонала. На улицах Прадье, Пре, Фессар баррикады разбиты. Парижская улица (Бельвильская) с правого фланга прикрыта только баррикадой на улице Ребеваль, где сражается Жюль Валлес. Оттуда просят подкреплений. В XI округе (авеню Республики еще не была проложена) сеть маленьких улочек севернее бульвара Вольтера позволяет успешно обороняться. Здесь федераты остаются хозяевами четырехугольника, ограниченного улицами Фобур-дю-Гампль, Фоли-Мерикур, Ла-Рокет и бульварами Менильмонтан и Бельвильским.

Революция отступила на улицу Бафруа, откуда она выступила утром 18 марта. Те, кто собрался здесь после шести дней непрерывных боев, не хотят складывать оружия. Они хотят сражаться, пока их не убьют. Они идут на это вполне сознательно, твердо зная, что победа невозможна и иного выхода нет. Только полное изнеможение порой сваливает людей. Журд, ни минуты не спавший в течение пяти суток, валится на кровать в

¹ Вскоре после этого он был арестован пруссаками, когда пытался выбраться из Парижа, и передан версальцам (AN, BB 24/741/72/2275)

² См его рассказ в газете «L'Humanité» от 18 марта 1908 г.

каком-то доме на улице Шмен-Вер. Варлен, Ранвье, Тренке, Ферре, люди слабого сложения, держатся чудом, единственно усилием воли...

В воскресенье 28 мая около четырех часов утра генералы Винуа и Ладмиро встречаются у Роменвильских ворот. Теперь федераты полностью окружены.

Всем известны имена членов Коммуны, оставшихся на посту до конца. Но нам хочется спасти от забвения хотя бы еще несколько имен храбрецов, сражавшихся в последний день «Кровавой недели», таковы: молодой рабочий-ювелир Шарль Буше¹, гвардеец 6-й маршевой роты 1-го батальона (I округ), который сражался в Исси, в монастыре Уазо, в Пале-Руаяль, у мэрии XI округа и, наконец, стрелял в версальцев с высот Бельвиля; плотник Антуан Андре², лейтенант 196-го батальона (I округ), который, отступив от форта Монруж, дрался на бульваре Вольтера; рабочий-ювелир Гийом Серво³, старший сержант 4-й маршевой роты 145-го батальона (III округ), убежденный сторонник Коммуны, считающий честью быть среди ее последних защитников в Бельвиле; кучер Арман Аллан⁴, сержант отряда «Тюркосов Коммуны», бившийся в Исси, в Пасси, на Страсбургском бульваре и у заставы Тронной площади, избежав смерти в XX округе, он попал на другой день за городом в руки пруссаков, *которые выдали его версальцам*; виноторговец Жозеф Лимассе, гвардеец 150-го батальона (IV округ), отмеченный Коммуной за стойкость в бою, назначенный 20 мая сержантом-писарем, сражался в Ванве, Исси, Жантйи, откуда вернулся 25 мая, чтобы участвовать в обороне площади Бастилии, а за-

¹ AN, ВВ 24/744. Родился 19 апреля 1854 г в Париже, жил на улице Галанд, 35 (V округ). 14 марта 1872 г. был приговорен к ссылке. (Новая Каледония — Бель-Иль-ан-Мер).

² AN, ВВ 24/734. Родился в Исси-ле-Мулино, ему 24 года, был арестован 28 мая у Роменвильских ворот. 16 января 1872 г. был приговорен к году тюрьмы и десяти годам лишения гражданских прав.

³ AN, ВВ 24/751. Родился 17 июля 1849 г. в Ла-Шарите (департамент Ньевр), жил на улице Вьей-дю-Тампль, 97 (III округ). 19 марта 1872 г. был приговорен к ссылке (остров Сосен — Бель-Иль-ан-Мер).

⁴ AN, ВВ 24/748. Родился 19 декабря 1839 г. в Дангю (департамент Эр).

тем мэрии XI округа, и, даже не забежав по дороге в свое кафе на улице Жанны д'Арк, стал в ряды последних защитников Менильмонтана¹; капитан Камил Дебара, командир 4-й роты 239-го батальона (III округ), оборонял форты Бисетр и Иври, а потом сражался на улице Баньоле, на баррикаде улицы Ла-Рокет, на укреплениях Сите-Бертран, откуда, когда отзвучал последний выстрел, ему удалось бежать².

Около пяти часов утра баррикада на улице Ребеваль, защищаемая полковником Бено, сдается, выпустив последний снаряд. Нижний конец Бельвильской улицы захвачен версальцами, прорвавшимися по улице Венсан и через пассаж Ренар (ныне Лозен). Улица Рампоно становится последним укреплением Бельвиля. В XI округе уцелевшие бойцы отбиваются в маленьком прямоугольнике 800 на 500 метров (улицы Фобур-дю-Тампль, Труа-Борн, Труа-Куронн, Оберкампф и Бельвильский бульвар). Но пока еще есть хоть одна пушка, один снаряд, один патрон, никто не думает бежать. Около 10 часов, когда обороняться на улице Рампоно становится невозможно, Варлен, Ферре, Гамбон, опоясанные красными шарфами и с винтовкой за плечом, пересекают Бельвильский бульвар и присоединяются к защитникам баррикады на улице Фонтен-о-Руа. Версальцы не могут пробить это громадное сооружение и обходят его по улицам Сен-Мор и Бишá. Еще идет бой на неприступных баррикадах на улицах Оберкампф, Сен-Мор, Пармантье (авеню в то время еще не была проложена полностью) и Фобур-дю-Тампль, которые версальцы обстреливают прямой наводкой до тех пор, пока боеприпасы осажденных не приходят к концу, и тогда они начинают последний штурм.

В полдень последняя организованная группа федератов окружена на улице Фонтен-о-Руа, где командир

¹ AN, ВВ 24/753. Родился 23 апреля 1843 г. в Бурбон-Ланси (департамент Сона и Луара). Был приговорен к ссылке. Его досье с просьбой о помиловании содержит интересные письма, посланные из Нумей, свидетельствующие о его горячих семейных привязанностях.

² AN, ВВ 24/856 А. Родился в 1839 г. Был заочно приговорен 25 сентября 1872 г. к ссылке с заключением в крепости под именем Дебанаса. Бежал в Испанию. Работал санитаром в больнице Сен-Луи-де-Франсе в Мадриде.

94-го батальона Луи Пиа взят в плен вместе с шестьюдесятью федератами.

Зловещая тишина опускается на Бельвиль, Сент-Амбруаз и Фоли-Мерикур.

Коммуна скончалась.

Спрятавшись в мансарде на Монмартре, Эжен Потье набрасывает на бумаге дрожащей рукой строчку за строчкой. Так рождается поэма. Он взывает к будущему, которое нельзя похоронить:

Вставай, проклятым заклейменный...

Глава девятая

В ПАРИЖЕ ЦАРИТ ПОРЯДОК

«Отныне борьба окончена: порядок, труд и безопасность будут восстановлены», — заявляет главнокомандующий, маршал Франции Мак-Магон, герцог Маджента¹.

В Париже царит порядок...

23 мая Тьер заявил перед Национальным собранием: «Мы люди честные; правосудие будет свершаться законным путем...»

Одержав победу, вот как эти «честные люди», по их собственному признанию, вершат правосудие над побежденными и ранеными противниками: «Их отвели к подножию дерева, где и вылечили в один миг»².

В одной тюрьме Мазас за четыре дня было расстреляно 400 человек³, а в тюрьме Ла-Рокет за один день — 1907⁴. Газета «Le Siècle» от 28 мая пишет по поводу взятия Бютт-Шомон и Бельвильских высот: «Разъяренные солдаты не брали пленных»; на Бютт-Шомон и Пер-Лашез, отмечает газета, осталось около 10 тыс. трупов. Газета «Times» от 29 мая подтверждает, что в Бельвиле «чудовищное количество людей было расстреляно без суда на месте». Та же газета подчеркивает, что в Бельвиле не только «не был оставлен в живых ни один лежавший на земле раненый», но «солдаты считали, что каждый оказывающий раненым помощь, заслуживает той же участи»⁵. Некоторые казни свидетельствуют о зверской жестокости. Эжена Варлена, которого какой-то священник опознал вечером 28 мая на террасе кафе на улице Лафайет, тащат по Монмартру, осыпая ругательствами, ударами и плевками; его «водят напоказ» окровавленного, с выбитым и висящим глазом, а когда он падает, пинают ногами, заставляя подняться. Когда его прислоняют к стене на улице Борн,

¹ «Mirailles politiques françaises», t. II, p. 586.

² Henry Morel, Le pilori des communaux, Ed. Lachaud, Paris, 1871, p. 217.

³ По сообщению Дюма, помощника мэра XII округа, который выдал разрешение на погребение.

⁴ По свидетельству профессора Жаке, приведенному Лиссага-ре. (Lissagay, op. cit., p. 523—525.)

⁵ Номер от 31 мая 1871 г.

он уже не держится на ногах и его приходится посадить на стул. Но все же Варлен находит в себе силы крикнуть «Да здравствует Коммуна!» и тут же падает, сраженный двумя пулями; он приподнимается на руках, пытаясь крикнуть в последний раз «Да здравствует Коммуна!», когда третья пуля приканчивает его под аплодисменты банды каннибалов. Лейтенант Сикр, командир расстрелявшего его взвода, крадет часы у своей жертвы и носит их как трофей¹.

Обыскивают дома — квартиры и подвалы — и каждого человека с испачканными руками или с красным пятном на правом плече немедленно расстреливают, по словам самого командира пеших егерей, которому приказано было занять Бютт-Шомон².

Повсюду лежат чудовищные груды тел: семьдесят трупов на улице Ла-Рокет, десятки в бараках Ла-Виллет, шестьдесят на одной баррикаде на улице Пуэбла, пятьдесят на площади Вольтера. Всех прохожих останавливают и заставляют помогать рыть траншеи и закапывать трупы, как сообщает «Times». Трупы закапывают возле Французского театра и во рву баррикады на улице Риволи. «Le Siècle» бьет тревогу: «Можно ожидать ужасной вспышки чумы, если не принять мер для ее предупреждения».

Пятнадцать тысяч трупов брошены в колоссальный ров на парижском кладбище Иври³. Тысячи других закопаны в предместьях, в траншеях, выкопанных еще во времена первой осады⁴.

Уже расстреляно больше людей, чем погибло на баррикадах⁵. Могильщики не могут угнаться за карателями. Берега Сены завалены трупами. Трупы валяются повсюду: в домах, на улицах, на площадях и в общественных садах. Страх перед чумой кладет конец этим жертвоприношениям: «Все же не следует, чтобы

¹ См. «Le Radical», 12 mai 1877.

² Camille Pelletan, La semaine de mai, p. 325—326.

³ См. Benjamin Raspail, Une première campagne contre l'administration de l'Assistance publique, Paris, 1875, p. 29.

⁴ «Le Français», 29 mai 1871.

⁵ Со слов Корбона, мэра XV округа («Enquête parlementaire», II, p. 621). Генерал Аппер, главный докладчик Военного суда, называет цифру в 17 тыс. расстрелянных, несомненно значительно преуменьшая истинное число.

эти негодяи, причинившие нам столько зла при жизни, могли вредить нам и после смерти», — пишет один версальский листок. 38 565 пленных, уцелевших от расправ карательных отрядов, уводят в лагерь Сатори: их собираются судить «по закону»...

Достаточно нескольких примеров, чтобы обрисовать, как вершится правосудие в созданных версальцами военных судах.

Лейтенант Луи Дюффо, штабной офицер, адъютант Домбровского, приговорен к ссылке с заключением в крепость, причем основанием обвинения служит выданная им расписка на получение 27 франков от штабного казначейства.

Капитан Жорж Дюбур двенадцать лет служил в 12-м гусарском полку, затем во время первой осады командовал ротой 22-го батальона (IV округ), а при Коммуне был уволен, так как заболел ревматизмом. Его приговорили к ссылке с заключением в крепость за то, что он согласился работать в конторе мэрии XI округа. Принимать участие в работе какого-либо коммунального учреждения считается преступлением. Жоржа Кавалье, главного инженера управления дорог, арестованного 28 мая у его друга Армана д'Артуа де Бурнонвиля на улице Виктоар, 92, «судят» одним из первых.

— Как может интеллигентный человек согласиться служить у мятежного правительства, бунтующего против законной власти? — упрекает его председатель военного суда.

— Служба, во главе которой я стоял, работала на благо общества, эту работу надо было выполнять, — отвечает Кавалье.

— Вы должны были предоставить ее другим. Нашлось бы немало охотников.

— Эту работу надо было хорошо организовать и выполнять со знанием дела. Речь шла об уборке целых гор нечистот, накопившихся во время осады. Надо было очистить сточные трубы. Все это делалось ради здоровья общества...

Несмотря на все разумные доводы, Деревянную Дудку приговорили к ссылке с заключением в крепости¹.

¹ Он был осужден 5-м военным судом в Версале 7 сентября 1871 г. Наказание было затем заменено изгнанием.

В судебном деле рабочего-зеркальщика Жана Пьера Дубля, батальонного адъютанта 1-го батальона (I округ), имеется всего два показания свидетелей. Один утверждает, что у подсудимого «никогда не было крайних убеждений», другой, «что человек этот имел самые крайние убеждения». Дубль был приговорен к ссылке с заключением в крепость.

Свидетелей заставляют говорить все, что хотят судьи. Во время расследования дела о поджигателях Пале-Руаяля следствие принуждает консьержа Фурнье, управляющего Барбе и газовщика Стама, служащих Пале-Руаяля, официально обвинить полковника Дамерэ. Неделю спустя этих «свидетелей» вызывают вторично и приказывают им изменить показания и на этот раз обвинить капитана Рея¹.

Для военного суда годится любая жертва. Молодой восемнадцатилетний федерат Огюст Вюгта был схвачен с оружием в руках и расстрелян солдатами. Ему повезло больше, чем множеству несчастных, которых сначала пытали, а потом бросили умирать в муках: последним выстрелом в голову его хотели прикончить. Однако, хотя тело его изрешетили пулями, он не умер. Милосердные руки подобрали Вюгта, перенесли в больницу и после нескольких месяцев заботливого ухода, в октябре 1871 г., он почти совсем поправился. Но он попадает в лагерь Сатори и по-прежнему подлежит военному суду².

Предел зловещей иронии судьбы: большинство истрепанных во время «Кровавой недели», приговариваются к смерти «заочно». Так было с Раулем Риго, приговоренным к смертной казни 29 июня 1872 г. VI военным судом *за убийство*. Так было и с Варленом, зверски убитым 28 мая 1871 г. и приговоренным к смертной казни 30 ноября 1872 г.³

*

Левая версальского Национального собрания ничего не предпринимает, чтобы умерить жестокость репрессий.

¹ См: Archives historiques de l'armée, IIIe conseil de guerre, dossier 762.

² См: «Le Français», 2 octobre 1871.

³ APP, Va 1291, délégations judiciaires (Cabinet, 1er bureau, note 5918).

Артур Рембо клеймит ее в письме от 9 сентября 1871 г., записанном якобы неким бароном де Петдешевром, членом Национального собрания, — собирательным образом «деревенщины» — своему секретарю, находящемуся в провинции, «в замке Сен-Маглуар»¹:

«Левые!.. Что это значит, левые?.. У всех ложное представление об этих людях... На деле они гораздо покладистее, чем думают. Старики признают свои ошибки и бьют себя в грудь на трибунах и в суде присяжных; у них прямо мания произносить публичные исповеди, которые дискредитируют кающегося и подрывают уважение ко всей партии. Молодые честолюбивы и готовы приспособиться к любому событию. Есть, правда, несколько крикунов, которые вызывают смехотворные бури вокруг трибуны, но только мы одни умеем метать настоящие громы, а крикуны, которые хотят бороться до конца, умрут от горловой чахотки...

...Теперь нам надо отдохнуть. Воистину мы заслужили отдых, который нам так скупно отмеряют. Мы реорганизовали армию, разбомбили Париж, подавили мятеж, расстреляли бунтовщиков, осудили их главарей, установили законную власть, надругались над Республикой, подготовили монархическое министерство и издали несколько законов, которые рано или поздно снова переделают...

...Ах! Военные суды!.. Мы просто на седьмом небе, дорогой мой. Мнение честных людей глубоко взволновало этих славных военных судей, чуть было не свернувших на извилистую тропинку милосердия и жалости. Но теперь они на верном пути, на прямой дороге: они справедливы, но главное суровы. Видели вы, как они осудили Деревянную Дудку? Теперь мы взяли у вас реванш, граждане Коммуны!»

*

Большинству руководителей Коммуны и Центрального комитета, имевших связи, единомышленников и небольшие сбережения на случай возможного бегства,

¹ BN, L 60 Z 1766 (14).

удалось перебраться за границу. Но некоторые попали в сети полиции.

Эжен Жерарден, схваченный пруссаками 27 мая, когда он переходил линию городских укреплений, и переданный в руки версальцам, был приговорен к ссылке 25 января 1872 г. 16-м военным судом 1-й дивизии.

Франкен, арестованный 14 июня 1871 г. во время обыска у его товарищей по мастерской, печатников-лиотографов, отца и сына Апи, живших на улице Фобурдю-Тамплль, 33, был приговорен 19 апреля 1872 г. 3-м военным судом в Версале к пяти годам тюрьмы единственно за ту роль, которую он играл во французских секциях Интернационала. «Что касается его роли в восстании,— заявил капитан, докладчик по его делу¹,— то она не вполне ясна, но известно, что настоящие вожаки движения 18 марта оставались в тени...»

Если людей приговаривают за то, что они оставались в тени, то их тем паче не оправдывают тогда, когда они выступали у всех на виду. 30 октября 1871 г. Тьер посылает поздравления префекту полиции генералу Валлантэну по поводу произведенного накануне ареста доктору Пийо, делегата от I округа².

Пийо под именем Верньо работал в качестве зубного техника в Ла-Варенн-Сен-Мор, на бульваре Кретейль, 38. 28 мая 1872 г. он был приговорен 5-м военным судом к пожизненной каторге, затем наказание это было заменено пожизненным заключением, а еще позже десятью годами тюрьмы (19 июня 1875 г.). Сначала он сидел в Версале, потом в тюрьме Санте, где женился 23 декабря 1874 г. Он умер в центральном доме заключения в Мелёне 13 июня 1877 г.

Кловис Дюпон, делегат от III округа, выполнявший в мэрии этого округа лишь безобидные обязанности помощника своего коллеги добряка Демэ, продолжал заниматься своим ремеслом корзинщика, скрываясь под именем Ардуена, ибо «не извлек из своего пребывания

¹ Archives historiques de l'armée, IIIe conseil de guerre, dossier 400 Франкена — прекрасного казначея — во время его заключения больше всего беспокоило, что он не рассчитался с издателем Шевалье (улица Ришелье, 54, I округ) за 500 экземпляров брошюры о процессах Интернационала, деньги за продажу которых он не успел ему передать. Кстати Шевалье их и не требовал..

² APP, Ba 1224.

в Ратуше никакой выгоды и остался нищим», пишет его жена¹. Его арестовали 23 февраля 1875 г. на улице Гутт-д'Ор на Монмартре, приговорили 31 июля 1875 г. к двадцати годам каторжных работ и отправили в Новую Каледонию.

•

Большинство арестованных попали в руки полиции отнюдь не вследствие необыкновенного чутья ее агентов, а попросту по доносам добровольных осведомителей. В конце июля 1871 г. некий Ж. Дюбуа, живший в Сен-Море, в письме префекту полиции доносит, что какой-то человек, именующий себя Леконтом, с 28 или 29 мая скрывается у хозяина постоялого двора в Ла-Варенн-Сент-Илере:

«Этот высокий молодой человек довольно ловко изменил свою наружность: сбрил бороду, остриг длинную белокурую гриву и снял синие очки, однако он не кто иной, как Гастон Да Коста, бывший заместитель Рауля Риго. С ним находится молодая женщина, темноволосая, красивая, по-видимому, вполне ему преданная»².

Теперь арестовать Да Коста проще простого, и этот двадцатилетний студент становится легкой добычей комиссара Клемана, который 28 июля 1871 г. приступает к его допросу³. Да Коста заявляет, что сожалеет о том, что был секретарем Риго и называет имена секретарей, бывших под его началом в префектуре: Ломбара, д'Арка, Пилотеля, брата Ферре, а также имя своего связанного Жюля Мартена, сына владельца ресторана в его квартале. Он даже описывает приметы женщины, которая помогла ему выбраться за пределы Парижа и достала фальшивые документы! Он берется записать все, что он делал и даже собирался делать. После чего пишет префекту полиции⁴ и просит в награду за свою «искренность» вернуть отобранные у него 33 франка,

¹ Письмо с просьбой о помиловании от 30 апреля 1878 г. (AN, ВВ 24/854 В 6 957 S 75) Кловис Дюпон умер в Исси-ле-Мулино 29 декабря 1902 г.

² APP, dossier 1167, pièce 30.

³ APP, Ba 1167, pièces 45 et 46.

⁴ APP, Ba 1167, pièce 56.

так как не может удовлетворить «ни одного из своих законных желаний, столь настоятельных в тюрьме».

Потом он начинает забрасывать письмами комиссара Клемана, префекта полиции, председателя военного суда. К нему подсылают агента-провокатора Перну, который из него кое-что вытягивает, а после решает некоторое время «помариновать» его в камере. В префектуре полиции полагают, что «полная изоляция через некоторое время должна побудить его к новым разоблачениям», и, когда Да Коста заявляет, что хочет сделать «очень важное сообщение», полиция выслушивает его в «особой приемной тюрьмы»¹. Заключение болен, он лежит. Его дрожащий почерк свидетельствует о депрессии. Он просит свидания со своей подругой², так как, по его словам, он так серьезно болен, что долго не протянет.

Клеман приходит к Да Коста (28 сентября), и жалкий арестант выдает, что «через рантье Фонтена, бывшего предпринимателя, можно узнать, где прячется Прото; Фонтен живет в доме, где помещались его мастерские, на улице Сен-Мартен, возле бульвара, на той стороне, где идут четные номера. Когда Прото скрывался от преследований полиции за причастность к делу кафе «Ренессанс», это Фонтен содержал его»³. Если Фонтен и не видится лично с Прото, то должен общаться с ним через Брикона, адрес которого Да Коста тоже сообщает⁴. Он выдает также, что прокурор военного суда Коммуны Гуа, должно быть, прячется на улице д'Асса, напротив Люксембургского сада, у своего друга де Гранже, «в беседке в глубине сада, где при империи прятался Бланки».

Следует также повидать «часовщика, который был помощником мэра III округа во время прусской осады. 4 сентября Бланки ночевал у этого часовщика»⁵.

¹ APP, Va 1167, pièce 84.

² Луизой Бодело, портнихой 22 лет.

³ Да Коста хорошо осведомлен Прото, став делегатом юстиции, назначил Жозефа Фонтена (не путать с Жюлем Фонтеном, руководившим Управлением коммунальных имуществ) хранителем секвестрованного имущества церковных общин

⁴ И тут его сообщения правильны Прото и Брикон не расставались, живя в изгнании в Швейцарии.

⁵ Речь идет наверно о Клерэ.

В своем рапорте Клеман подчеркивает, что получил все эти сведения, не давая Да Коста обещания разрешить ему свидание с его любовницей. Теперь, когда заключенный заговорил, пусть выложит все, что знает... Если выполнить его просьбу, тогда не останется средства оказывать на него давление. Этот элементарный полицейский прием дает ожидаемые результаты: 28 октября Да Коста «вспоминает» имя часовщика и приблизительно место, где тот живет. Он предлагает поехать вместе с Клеманом (который должен взять с собой и любовницу Да Коста) «в закрытой карете» и показать нужное место.

Но подполковник Гайяр, начальник службы военной юстиции при префектуре полиции, считает, что нет никакой нужды разрешать Да Коста возвращаться в Париж:

«Следствие, проведенное по его показаниям, дало нам возможность выяснить, что раненный в шею Прото был спрятан неким Фонтеном¹, который помог ему бежать из Франции. В настоящее время он должен находиться в Берне»².

Вытянув все, что возможно, из доносчика, его отбрасывают, как грязную тряпку.

«Этот тип,— пишет полицейский чиновник Ломбар³,— хуже, чем другие, переносит тяготы заключения, и, мне кажется, он способен выдумать что угодно, лишь бы облегчить свое положение».

Ему несколько не благодарны за «сотрудничество». На суде (26 июня 1872 г.) его приговаривают к смерти. Этот приговор заменяют пожизненной каторгой. Из Версаля его переводят в тулонскую тюрьму и вскоре отправляют в Новую Каледонию.

Но наряду с одним жалким падением, каков случай с Да Коста, сколько примеров стойкости и непоколебимой революционной веры!

¹ Фонтен, Жозеф Мари Франсуа д'Ассиз, родился 24 февраля 1825 г в Париже, проживал на улице Сен-Мартен, 314, предприниматель резиновых изделий 16 марта 1875 г был заочно приговорен к 20 годам каторжных работ Бежал в Брюссель (AN, VB 24/856 B)

² APP, dossier 1167, pièce 101.

³ APP, dossier 1167, pièce 103.

Коле де Тейяк заявил 6 декабря 1871 г. перед военным судом:

«Я атеист, социалист и революционер. Атеист, потому что, углубляясь в историю народов всего мира и изучая современные события, увидел, что каждый раз, как люди собирались начать кровопролитие или совершить великую несправедливость, они тотчас прикрывались именем какого-нибудь божества.

Социалист, потому что я хочу раскрепощения труда, так же как и свободы мысли. Революционер, потому что считаю, что настало время во что бы то ни стало добиться победы справедливости и правды»¹.

Читатель помнит, что Амуру в ночь с 21 на 22 мая был захвачен версальскими передовыми частями в Пасси, имея при себе документы на имя Гисбрехта. Прошло три месяца, а полиции так и не удалось установить его личность. Амуру держат в плавучей тюрьме «Йонна» на брестском рейде. Он пользуется большим авторитетом среди товарищей по заключению, читает им курс политической экономии, организует по вечерам представления, на одном из которых ставит свою драматическую поэму «Смерть Авеля». 24 августа 1871 г., темной и бурной ночью, во время смены караула, Амуру, раздевшись догола и привязав одежду за спиной, идет вдоль правого борта, чтобы обмануть стражу, а затем огибает нос баржи и бросается в море через бортовой люк; плавучая тюрьма стоит на якоре в пяти километрах от берега. Полтора часа он плывет, стараясь выбраться из зоны плавучих тюрем, но не может справиться с течением, относящим его к заливу Трепасе. Выбившись из сил, он хватается за какую-то доску и теряет сознание. С проходившей канонерки услышали его стоны. Его вытаскивают из воды и бросают голого и мокрого в трюм, где держат шесть суток, кинув ему только одеяло. Побег обращает на него внимание, его опознают и начинают таскать по военным судам².

¹ 13 декабря 1871 г. он был приговорен 1-м лионским военным судом к ссылке с заключением в крепости Отправлен в Новую Каледонию.

² APP, Va 931; AN, BB 24/791/73/8074.

Перед лионским военным судом (3 сентября 1871 г.) обвиняемый полностью и без оговорок признает свою ответственность за все совершенные им поступки. Его спокойная и холодная речь становится пылкой, лишь когда он обвиняет деятелей правительства 4 сентября, о которых говорит, что «их патриотизм длился ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы договориться с пруссаками». Он описывает возмущение парижан Бордоским пактом¹ и договором с неприятелем. Говорит, что закон о заложниках не был выдуман Коммуной, а всегда оставался непреложным законом во время всех войн.

В Риоме (16 ноября 1871 г.), когда председатель суда напоминает Амуру, что он был уже много раз осужден по разным политическим делам, Амуру прерывает его:

— Я жалею, что так мало нападаю на империю. На мой взгляд, с ней следовало бороться еще раньше.

А когда его спрашивают:

— Какими средствами хотели вы защищать Республику?

Он парирует:

— Теми же средствами, какими вы ее разрушали.

В Версале (22 марта 1872 г.) он признает.

— В том, что вы говорите, немало правды, но во многом вы ошибаетесь, и я позволю себе объяснить, в чем...

— Стойте,— прерывает его председатель,— вы обвиняемый, и должны отвечать на вопросы как обвиняемый.

— Однако я не могу...

— Не выходите из своей роли, не спорьте! Установлено, что вы принимали участие во всех совещаниях.

— Я получил мандат от избирателей... Что бы я ни делал, я могу сказать, что всегда имел в виду лишь общественное благо.

— Мы находимся не в Ратуше, и ваши теории здесь не к месту.

¹ Соглашение реакционного большинства Национального собрания в феврале 1871 г относительно отсрочки решения вопроса об определении формы правления во Франции. Вслед за тем главой исполнительной власти был избран Тьер. — *Прим. ред.*

— Если вы не даёте мне говорить, тогда незачем меня и спрашивать.

На этом заседание прерывается, чтобы разыскать какой-то документ, однако суд не теряет времени даром и во время перерыва решает прослушать пятиминутное дело мелкого служащего из префектуры полиции: всего пять лет каторжных работ!

Амуру стойко встречает свою судьбу. Он пишет:

«...можно заранее сказать, что я приговорен к смерти! Что вы хотите? Я одно из тех молодых деревьев, которые надо срубить, чтобы проложить дорогу, и я примирился со своей участью. Поверьте, что мои убеждения не изменятся, и перед дулами винтовок я, как всегда, воскликну: «Да здравствует Республика, единая и неделимая!» Я сделал все что мог для защиты нашей несчастной страны, предатели победили — пусть за нас отомстят другие. Я думаю, вам следует подготовить мою семью к этой роковой вести»¹.

Но его приговорили только *один раз* к пожизненной каторге и *два раза* к ссылке с заключением в крепости.

*

Полицейским никак не удастся напасть на след Теофиля Ферре. Они ни на минуту не прекращают слежку за его домом в Левалуа. Однажды, застав госпожу Ферре у постели больной дочери, они угрожают арестовать больную, если старая женщина не укажет им, где скрываются ее двое сыновей. Несчастливая мать заболевает «горячкой»². Полицейские вслушиваются в ее бессвязные слова, дожидаясь, не слетит ли с ее губ невольное признание. В бреду госпожа Ферре бормочет: улица Сен-Совёр... улица Сен-Совёр... Полицейские ликут. Наконец-то у них в руках необходимая нить...

В ночь с 8 на 9 июля 1871 г. они приводят в осадное положение целый квартал. В доме № 6 по улице Сен-Совёр (II округ) в очень скромной комнате находят

¹ АРР, Ва 931, ріесе 131.

² Она сошла с ума и умерла в больнице св. Анны 14 июля 1871 г. (из письма Мари Ферре полковнику Гайяру, напечатанного в газете «La Liberté belge» 5 ноября 1871 г.).

спящего крепким сном Теофиля Ферре. Шесть недель живет он здесь под именем Шарля Жийе со своим младшим братом Ипполитом, которому достали документы на имя Антуана Барре.

Теофиль Ферре отказывается участвовать в судебном процессе. Он входит на заседание улыбаясь, быстро, слегка подпрыгивающей походкой, встает на цыпочки, чтобы хорошенько разглядеть свидетелей обвинения, следит за ходом процесса, оживленно поблескивая глазами, но не произносит ни слова вплоть до 22 августа 1871 г., когда зачитывает свое политическое завещание, в котором в общих чертах обрисовывает несколько наиболее богатых событиями месяцев в истории своей страны, и заканчивает его гордым заявлением:

«Я, член Парижской Коммуны, нахожусь в руках ее победителей: они требуют моей головы, так пусть же возьмут ее! Никогда я не соглашусь спасти свою жизнь ценой подлости. Свободным я жил, свободным и умру!

Скажу еще только одно слово: судьба изменчива; я полагаюсь на будущее, оно сохранит память обо мне и позаботится об отмщении».

«Le Figaro» от 18 октября 1871 г. показывает нам Ферре в камере смертников: «Каждое утро он делает гимнастику для рук и похож на сумасшедшего». Он называет это «самосохранением». Написанное адвокатом обжалование его мало интересует: «Если тебя ждет конец, — говорит он, — так уж лучше сразу, чем потом».

Он мужественно умирает 28 ноября 1871 г. на плацу Сатори рядом с полковником Росселем и сержантом Буржуа¹.

Газета «Le Peuple souverain» от 30 ноября напечатала посмертное письмо Ферре. Оно адресовано военному министру:

«Господин министр, теперь, когда я уже мертв, нет никаких оснований держать в заключении моего старого отца и моего душевнобольного брата. Поэтому прошу вас отправить их к моей сестре, она

¹ Смертный приговор, вынесенный Люлье одновременно с Ферре, был заменен пожизненной каторгой.

одна может о них позаботиться. Шлю вам свой поклон».

Последняя трогательная черта этого несгибаемого и благородного человека: прежде чем идти на казнь, он роздал свое скудное имущество товарищам по заключению.

Из 10 тыс. осужденных судом на основании противоречивых показаний 3859 заключенных были сосланы в Новую Каледонию. Плавание длится более четырех месяцев. Четыре месяца в трюмах, без воздуха, в ужасных санитарных условиях, во власти жестоких надсмотрщиков, набрасывающихся на узников за малейшую провинность.

Во время якорной стоянки у мыса Доброй Надежды Асси, сказавшись больным, просит доставить его к судовому врачу «Данаи». Когда надсмотрщик ведет его вдоль бортовых люков, Асси набрасывает ему на голову свой плащ и прыгает в море. Он разбивает себе лоб о стенку люка, но, несмотря на рану, плывет изо всех сил по направлению к британским судам, стоящим по близости на якоре. Опомившись, надсмотрщик делает шесть выстрелов из револьвера, стараясь попасть в пловца. Отряд морской пехоты, выбежавший на палубу по тревоге, готовится дать залп, но ялик с «Данаи», плывущий наперерез беглецу, мешает стрельбе, так как солдаты боятся попасть в своих товарищей. Асси вылавливают¹. Это единственная попытка бегства во время перевозки заключенных в Новую Каледонию.

Журд оказался счастливей: в марте 1874 г. ему удалось бежать в шляпке вместе с Рошфором, Паскалем Груссе, Оливье Пэном и еще двумя ссыльными. Газета «La Patrie» от 1 апреля 1874 г. кипит негодованием: «Одни только мертвые не возвращаются». «Le Radical» ей отвечает: «Спасибо за урок, когда придет время, мы его припомним».

В душераздирающей книге² Жан Аллеман описа

¹ См. Ненгу Бауер, Mémoires d'un jeune homme.

² Jean Allemane, Mémoires d'un communal. Des bagnes au bagne.

крестный путь каторжников и просто ссыльных. Мы отсылаем к ней читателя: такую книгу невозможно пересказать.

На острове Ну отбывают каторжные работы члены Коммуны Амуру (номер 3776), Тренке (3328) и Юрбен (3330), а вместе с ними продавец бутылок Амю (4202), сапожник Бутен, 36 лет (3799), землекоп Бюфферн, 49 лет (5126) и картограф Жиффо, 22 лет (3794), причастные к поджогу префектуры полиции и приговоренные пожизненно; переплетчик Этьенн, 21 года (4203), за поджог Дворца юстиции; каменщик Дюмон, 25 лет (5155), и слесарь Жоб, 53 лет (5136), за арест священника церкви Мадлен; грузчик Жирардо, 36 лет, за поджог Ратуши; асфальтщик Манье, 46 лет, за поджог Тюильри; главный привратник Тейс, 39 лет (4174) (выше мы отмечали его мужественные попытки потушить пожар в министерстве финансов); Гастон Да Коста (4623), скульптор Фортен, 24 лет (4419), и Виртели, 39 лет, из ведомства общественной безопасности (3810), профессор Жюль Фонтен, начальник Управления коммунальных имуществ (6048), за разрушение дома Тьера¹; журналист Анри Бриссак, 46 лет (5160), за участие в разрушении Вандомской колонны; журналист Шалье, 46 лет (4558), водопроводчик Дюбрёй, 41 года (5168), маклер Лакай, 38 лет (5158) и кондитер Пайере, 38 лет (4185), за повреждение церкви Нотр-Дам-де-Виктуар и Сен-Лё, Лувра и казармы Сите; храбрый полковник Лисбонн, драматический актер, 34 лет (4589), кузнец Неан (5221) и аппретурщик Жюэль (4188), обоем по 20 лет, за участие в поджогах в целях защиты II округа, в магазинах Птит-Вуатюр и в доме № 1 по улице Тевено (на углу улицы Реомюр и Севастопольского бульвара).

На полуострове Дюко отбывают ссылку с заключением в крепости Асси, юный Бауер, Коле де Тейяк — он болен чахоткой и харкает кровью, Адольф Колло, Пей-

¹ Полиция сделала у него на квартире 19 обысков; семь месяцев держала его жену в заключении в Версале и в тюрьме Сен-Лазар; трех его детей (от 9 до 16 лет) посадила в арестный дом при префектуре, пытаясь состряпать против Фонтена обвинение в воровстве. Вернувшись домой, его семья убедилась, что все их белье, вещи, серебро исчезли. См. письмо гопози Фонтен президенту Республики 16 сентября 1879 г (AN, BB 24/741).

зан, секретарь Клуба Никола-де-Шан, Фортюне Пиа, командир 94-го батальона.

На острове Сосен живут среди приговоренных к ссылке Огюст Брион, Гюстав Демель, представлявший IV округ в Центральном комитете, Эжен Жерарден, член Коммуны.

Малоизвестный эпизод из жизни ссыльных свидетельствует о политической незрелости некоторых коммунаров. Амуру, оказавший большие услуги при прокладке дорог в Новой Каледонии, добровольно вызывается командовать отрядом разведчиков, которому приказано подавить восстание канаков. Под его командой ставят тридцать три ссыльных коммунара из Парижа и Нарбонна. Разведчики окружают одиннадцать «мятежников». Предоставим слово «La Marseillaise» от 18 марта 1879 г., которая напечатала следующее письмо из Нумеи:

«Разведчики ползком, прячась в густой траве, окружили кольцом лесную прогалину и собирались ружейным залпом уложить на месте ошеломленных мятежников. Но начальник отряда вышел вперед, запретил своим стрелять и, протянув руку канакам, стал убеждать их от имени командующего Канолы сдать, если они хотят спасти свою жизнь. Через несколько минут одиннадцати пленникам [.] перевязали раны, и они с благодарностью приняли пищу, которая была в запасе у разведчиков на этот день...»

20 июня 1879 г. Амуру был помилован и в августе, покинув остров Сосен, отправился в Сидней (Австралия), где и поселился, дожидаясь, когда ему разрешат вернуться во Францию.

•

До сих пор лишь в очень немногих случаях известно, каким способом удалось некоторым коммунарам бежать от преследовавшей их полиции. Мы знаем, что честнейший Эли Реклю, директор Национальной библиотеки, нашел убежище у некоего друга на улице Муфгар, возле брата Поля, студента-медика, практикующего в больнице Питье¹; что близорукий Антуан Арно выше

¹ APP, Ва 1237.

28 мая из мэрии Бельвиля и, потеряв очки, слепой, словно крот, бродил всю ночь по XX округу, терпя вдобавок жестокие муки из-за нарывающего карбункула, убедившись, что все двери закрываются перед ним, он не нашел иного выхода, как отправиться к сестре на улицу Жюльен-Лакруа¹. В конце концов оба они попадают в Англию, где Реклю поселяется в Лондоне на Джон-Стрит, 8, Голден-сквер, а Арно становится членом Генерального совета Интернационала (август 1871 г.).

Считают, что Ключере удалось покинуть Париж благодаря госпоже Ла Сесилиа². Но в рапорте полиции³ сообщается, что, купив форму жандармского полковника, он добрался до Тонон-ле-Бен, «отдавая по пути приказы встречным жандармам». Чтобы его наказать, полиция «захватила» его маленькую дочь и поместила в «благотворительное» заведение в Плезансе, где ее готовят к первому причастию⁴.

Далу и его маленькую семью спрятал Барбе де Жуи у своих родителей, на улице Вивьен. Хранитель Луврского музея помог им бежать в Англию⁵.

Франсуа Винан, член муниципальной комиссии I округа, приезжает в Великое герцогство Люксембург через Брюссель по железной дороге. Жандармерия в Понт-а-Муссоне сообщает, что 17 июня 1871 г. он «проехал Паньи семичасовым поездом», направляясь в Брюссель, «имея командировку от начальника станции Восточной железной дороги»⁶.

Особенно рьяно разыскивает полиция Жюль Валле-са. Он сам рассказывает нам, как ему удалось удрать от версальцев⁷.

«В воскресенье 28 мая я занимался уборкой трупов семь часов подряд, под палящим солнцем, плечом к плечу с пехотинцами и офицерами, порой даже

¹ См статью Оливье Пэна в газете «L'Intransigeant», от 16 августа 1880 г.

² См «La France nouvelle», 29 juillet 1871.

³ Рапорт № 6806 от 15 февраля 1872 г. APP, Ва 1015—1016.

⁴ «Paris-Journal», 11 juin 1873.

⁵ См интервью Эрона де Вильфос в газете «Le Gaulois», 19 mai 1885, и «Le Temps», 6 fevrier 1914.

⁶ APP, Ва 1300.

⁷ См статью в газете «Le Cri du Peuple» от 22 августа 1884 г.

прося их подсобить, когда приходилось поднимать федерата, которому всадили под кожу так много свинца, что я не мог забросить один такую тяжесть на мою тележку. На мне была шапочка санитарного врача и белая повязка с красным крестом. Я отправился под предлогом поисков раненых, но до пяти часов вечера видел одних только мертвецов».

Он ругается как извозчик, потому что у его лошади выпал гвоздь из подковы и она захромала. На нем тот самый костюм, что он купил 5 марта у «Алавиля д'Амьен», в Пале Руаяле, и который был на нем 12 марта, когда он предстал перед военным судом.

«На этот грязный, мятый, порыжевший костюм я повязываю свой шарф члена Коммуны, чтобы выступать перед павшими духом батальонами или чтобы встречать восторженные делегации».

Два дня он сидит притаившись в отеле пассажира Коммерс. И все в том же костюме, с которого он очистил пятна крови и брызги мозга, он отправился на улицу Сен-Сюльпис, где надежный друг спрятал его на целых три месяца¹. Сообщают о том, что он проехал через Аррас, потом Дьепп², а 3 августа 1871 г. его замечают в Лондоне. Однако это не мешает некоему жителю Монружа своими глазами *видеть его* 7 сентября в Лонжюмо.

Посетители замка Рош-Гийон возле Манта могут заметить на внутренней стене башни следующую надпись: «Жюль Валлес, бывший член Коммуны, несмотря на полицейских ищеск, покинул Париж и посетил этот замок 17 июня 1871 г.»³ Что это, уловка единомышленника, чтобы сбить охотников со следа? Может быть. Как бы то ни было, но, дав своей бороде отрасти и превратиться в окладистую бороду, Жюль Валлес в ясный августовский вечер 1871 г. отправляется на Северный вокзал в длинном сюртуке, узких брючках и

¹ Полиция усердствует. Бенуа, бывший комиссар в Сен-Жермен-де-Пре, 17 июня 1871 г. сообщает в префектуру, что кассир Жюль Валлес живет в каком-то доме на улице Сен-Сюльпис (APP Va 879).

² Рапорт железнодорожного комиссара по особым делам от 28 июля 1871 г. (APP Va 879, рисе 44).

³ APP Va 879, рисе 168.

с цилиндром на голове. Он усаживается в купе первого класса брюссельского поезда напротив пьяного лейтенанта, который храпит и, видя во сне коммунаров, кричит «Стадо свиней!».

Лефрансе живет у фотографа Лаво, на улице Фийдю-Катьвер, пока тот не узнает через служащего мэрии, что у него в ближайшее время произведут обыск. Затем Лефрансе находит убежище на улице Марэ у одного из своих друзей, сын которого, гражданский инженер, был комиссаром Коммуны на одном из парижских вокзалов. Вскоре Лефрансе приходится бежать и отсюда, так как газета «*Journal Officiel*» сообщает, что все лица, занимавшие при Коммуне административные должности, подвергнутся преследованиям за незаконный захват власти. И вот он уже скрывается у гражданина Шарля Козара на улице Наций, у подножия Монмартра, в квартале, за которым усиленно следит полиция, но ей и в голову не приходит, что у него хватит смелости прятаться у нее под носом. Преданные ему друзья Б, негодяи с улицы Инвалидов, разыскивают его и предлагают помочь уехать из Франции. Б выправляет паспорт себе и жене для поездки к сыну, который учится в Женеве. Ради такого случая Б сбрил бороду, чтобы придать себе сходство с Лефрансе. Теперь Лефрансе остается только постараться придать себе сходство с Б. Но у Лефрансе красивая черная шевелюра, а у Б волосы седые. Однако обычно никто не хочет казаться старше своего возраста, и потому у специалистов по окраске волос нет белой краски. Приходится фотографу Лаво изобрести белый краситель. После трех дней упорных втираний Лефрансе обретает седую гриву благородного старца. Вечером 2 июля, в день допоздних выборов, когда многочисленные шпикеры бьются вокруг избирательных участков в надежде высмотреть какую-нибудь подозрительную личность, скрывающуюся под видом законного избирателя, Лефрансе и госпожа Б садятся на Лионском вокзале в женевский экспресс. В Бельгарде вдруг возникает тревога: «Выходить из вагонов запрещается!» — кричат во все горло проводники. Полицейский обыск. Но грим у Лефрансе настолько удачен, что подделка проходит незамеченной. Полчаса спустя Лефрансе выходит на швейцарском вокзале в Корнавене и посылает своему другу Лаво победную те-

леграмму: «Фотографии удались превосходно. Скоро закажу еще»¹.

В Женеве Лефрансе отыскивает своих коллег из IV округа: Артюра Арну, которому удалось скрыться из Парижа с помощью одного священника, и Адольфа Клеманса, спрятавшегося от розысков, предпринятых комиссаром квартала Сен-Жерве, в доме 19 на улице Жюиф, настоящем лабиринте, в котором всем управляла консьержка госпожа Бартес, тетка коммунара Авриала². Арну живет очень скудно, зарабатывая небольшими очерками; впоследствии в поисках материала он исколесил полсвета: был в Тессине, в Бразилии, в Монтевидео, в Ла-Плате, в Сардинии, ездил по всей Италии и снова вернулся в Женеву³. Клеманс находит работу на лозаннской железной дороге. Он печатает в виде брошюры⁴ речь, которую ему не пришлось произнести на Конгрессе мира и свободы (28 марта 1871 г.), под заголовком «О социальном антагонизме, его причинах и следствиях».

«...Насилие было нам всегда отвратительно; никогда мы не собирались возводить его в систему или делать нормой поведения, и до последних развернувшихся в Париже событий мы надеялись, что битва между пролетариатом и буржуазией не станет тем, чем захотел ее сделать Версаль; мы не хотели дожить до новых Июньских дней; увы, беспощадная буржуазия на этот раз продлила их на несколько недель; только так понимает она прогресс!

Теперь, видя, какую жажду крови вызывает пролетариат у слепой и беспощадной реакции, вспоминая о бесчисленных жертвах последних событий, думая о бесконечных страданиях и нищете, терзающих тысячи семей, мы должны заявить, что считаем себя более не вправе призывать к умеренности, и хотя не жалеем, что делали это до сих пор, теперь мы спрашиваем себя, следует ли после того, как мы все про-

¹ См.: *Lefrançais, Souvenirs d'un révolutionnaire*, p. 563—599.

² APP, Ba 1013, pièce 141.

³ См. Paul Verlaine, «Les hommes d'aujourd'hui», № 97

⁴ Imprimerie G. Guillaume fils. Neuchâtel, 1871. (BN, Lb 57/2818)

стили в июле 30-го, позабыли в феврале 48-го и пренебрегли прошлым в сентябре 1870 г., снова проявлять такое же великодушие. Мы только ставим вопрос, народ возьмет на себя его решение».

Согласно рапорту полиции¹, Клеманс получает сообщения от парижских рабочих синдикатов и держиг их в курсе «социалистической революционной деятельности, главным очагом которой является Швейцария». В годы изгнания активность Клеманса не уменьшается, и в 1877 г. он выпускает брошюру «Памяти Адольфа Тьера, президента Версальской республики»:

«Вы готовите ему памятник!

Но будьте уверены, придет день, когда он тоже будет сброшен в навозную кучу!..»

Он часто встречается с Алавуаном, который нашел работу наборщика. На похоронах Разау² Алавуан несет знамя 22-го батальона.

В октябре 1871 г. приезжает Прото с глубоким шрамом на щеке — память о ране, полученной на баррикаде в предместье Тампль. Чтобы заработать на жизнь, он берется за любое ремесло, начиная от охоты на улиток и кончая сочинением стихотворных пьес для кукольного театра. Он возобновляет дружбу с Бриконом, который не пал духом и принялся изучать медицину в Лозанне.

Изгнанники встречаются в «Кафе Коммуны», открытом Гайяром-отцом, начальником комиссии по строительству баррикад, которому, несмотря на его «громоздкий параболоидный» нос, удалось пройти через границу неузнанным³.

Виртели добирается до Базеля через Страсбург под видом торговца баранами. Он продолжает свой путь до «Шарметт» в Женеве, где его встречают Артюр Арну, Прото, Эд, Разау и другие. От множества переживаний у него помутился рассудок. В припадке буйного помешательства Виртели стреляет в своих друзей. Его преследует навязчивая идея, что его выдадут «базельцам». Виртели обуздывают и убеждают поселиться в психиатрической лечебнице в Верне, чтобы спрятаться от

¹ APP, Ba 1013, pièce 202, рапорт от 10 июня 1876 г.

² 1 июля 1878 г. См.: *Vuillaume, Mes cahiers rouges*, t. VII, p. 51.

³ *Vuillaume, Mes cahiers rouges*, t. IV, p. 108.

«базельцев» Но он оттуда бежит, переходит границу и идет просить защиты... у французских жандармов! Версальский суд приговаривает этого помешанного к двадцати годам каторжных работ.

— Двадцать лет — это мало, — говорит он, — я предпочел бы пожизненно. Ну да ладно! Хотя двадцать лет я буду спокоен. Эти бродяги-базельцы не посмеют преследовать меня в Новой Каледонии¹.

В Швейцарии скрываются также Пенди, который становится пробирщиком в Локле, Вийом, нашедший работу в компании по строительству Сен-Готардского туннеля, Норо, бывший командир 22-го батальона (IV округ), географ Элизе Реклю, прошедший через четырнадцать тюрем, прежде чем его освободили благодаря петиции самых крупных европейских ученых, Андре Слом, бывший секретарь Риго, делающий рисунки для газеты «La Suisse illustrée», Клермон и Фуэ, бывшие служащие префектуры полиции, открывшие парфюмерный магазин, Гюстав Курбе, который выйдя из тюрьмы Сент-Пелажи, поселяется в Тур-де-Пельц, возле Вева, где дает уроки живописи... Кюзере, бывшему военному делегату.

Кюзере чрезвычайно интересуется полицию. Один доносчик сообщает²: «Я обедал с ним и с Вийомом. Несмотря на его недомолвки и полупризнания, я теперь уверен, что Интернационал поручил ему руководство испанскими делами. Центром его деятельности будет Барселона, а отплывает он из Генуи»³.

Правда ли, что Кюзере тайно приезжал в Париж в 1872 г.? Этому невольно начинаешь верить, когда читаешь некоторые документы из его громадного досье в префектуре полиции (Ва 1015—1016): выдержку из газеты «Figaro», где провокатор Барраль де Монто⁴ утверждает, будто встретил его на улице Монмартр; факсимиле записки, переданной неким Уитменом: «Париж, 27 февраля 1872 г., половина пятого. По просьбе

¹ APP, Ва 892

² APP, Ва 1015—1016, rapport 6806.

³ Кюзере действительно отправляется в Испанию 18 февраля 1873 г он приезжает в Мадрид, а 5 марта его высылают из Португалии.

⁴ О роли Барраля де Монто во время Коммуны см. M. Chouly, La Commune au Quartier latin, p. 224

господина Уитмена, корреспондента газеты «Evening Post» и в доказательство моего присутствия в отеле «Сен-Фар», на Фобур-Монмартр, 32, в указанное время, я ставлю свою подпись — Кюзере», и, наконец, таинственное объявление, появившееся 14 марта в «Le Journal de Genève»: «Дорогой генерал, возвращайтесь скорей. Все ложь. Амберни»¹.

В письме, написанном в марте 1873 г., Кюзере, однако, отрицает свою причастность к конспирации².

«...что до полиции, то я придерживаюсь принципа не писать ни единого слова, которое она не могла бы прочитать, а я знаю, что она читает все. И я не дам и 25 сантимов, чтобы дело обстояло иначе. Мой старый друг Мадзини принимал столько предосторожностей, что вечно либо попадался сам, либо кого-нибудь подводил. Я действую в открытую и никогда об этом не жалел.

Я уже давно изверился в заговорах и заговорщиках. Лучший заговор состоит в том, чтобы сеять, предвидеть и ждать. Ничего иного я и не делаю, и пусть кто-нибудь попытается мне помешать!»

Изгнанники имеют веские причины держаться настороже. За каждым их словом, каждым движением следит туча тайных агентов французской полиции. В Женеве, например, в 1872—1873 гг. орудует необыкновенный агент-провокатор Жюль Перну, по кличке Альбер³. Этот тип служил поочередно у девятнадцати префектов полиции, а с 22 мая 1871 г. по 1 января 1872 г. по его доносам было арестовано более 270 известных коммунаров⁴, добыв у префекта полиции Валантена приказ о специальной миссии, он выехал для надзора за изгнанником Прото; несмотря на все зло, которое он принес коммунарам во время и после «Кровавой недели», ему удалось примкнуть к Интернационалу и стать управ-

¹ Женевский адвокат-социалист

² APP, Ва 1015—1016, pièce 314

³ Родился 19 марта 1819 г в Пон-де-Мартель (Швейцария), часовщик, в Париже жил на улице Сен-Жозеф, 7 (II округ).

⁴ В том числе Гастон Да Коста, завербованный им в осведомители, доктор Пино, бельгийский делегат Тренке, «поджигатель Тюильри» Буден, расстрелянный впоследствии Вердаге и др. Этот Перну сфабриковал — за триста франков — знаменитую полицейскую фальшивку «Поджигайте финансы!», послужившую вещественным доказательством против Ферре.

ляющим кафе «Тампль-юник», места встреч изгнанников в Женеве! Попался он на том, что обжуливал скрывавшихся в Швейцарии коммунаров и тогда был разоблачен; жульничество было второй натурой этого мерзавца, проделки которого всегда покрывали его «хозяева»¹.

Полиция располагает неограниченными кредитами для ведения слежки за границей. 25 августа 1871 г. анонимный доносчик извещает, что Рауль Риго не умер и что его со дня на день ждут в Лондоне.

«Его брат, носивший глубокий траур, чтобы все поверили в эту смерть, недавно записался во 2-й зуавский полк. Как говорят со слов того же брата, Рауль Риго намерен открыть в Лондоне книжную лавку на деньги, украденные у государства»².

В рапорте министерству внутренних дел от 19 января 1872 г. утверждается, будто Риго находится в Женеве и посещает кафе «Леван».

О Рауле Риго действительно говорят в Швейцарии, и он дает пищу для мрачного юмора: газета «Patrie de Genève» от 16 июля 1872 г. сообщает, что на стенах Цюриха можно прочесть следующую надпись:

«Да здравствует Коммуна!

Галиффе! Я жду тебя в этом году у Бога,

Посмотрим, что скажет его трибунал!

Рауль Риго».

Из Лондона сообщают в канцелярию префекта полиции (5 февраля 1873 г.):

«Газета «Morning advertiser» утверждает, что Рауль Риго спокойно живет в Вене. Я слышал разговоры о том, что бывший префект полиции действительно жив. Но добравшись до источника информации, я убедился, что с ним спутали другого человека. За него приняли корсиканца Сервьетти, имеющего с ним большое сходство».

¹ Длинный перечень мошенничеств Перну можно найти в его досье (Ва 1218) в архиве префектуры полиции. В ноябре 1873 г. он поступает на службу к герцогу де Броли, в 1880 г. организует предвыборную агитацию за кандидатуру Клемансо, в 1889 г. проникает в газету Рошфора «L'Intransigeant» и в буланжистское движение. После «51 года преданной службы», сколотив богатое приданое для дочери, он просит у префекта полиции «небольшого ежемесячного пособия» и в то же время предлагает снабжать его информацией о замыслах анархистов (1894 г.).

² АРР, Ва 892, pièce 23.

Некий осведомитель, подписывающийся буквой Ф., уверяет (июль 1873 г.), что отец Риго «обладает богатством непонятого происхождения» и что вся его семья изучает английский язык, чтобы эмигрировать в Англию.

Тайный агент № 16 отыскал след Риго (декабрь 1873 г.):

«Этот человек живет в Гааге или, вернее, жил там год назад. Быть может, он скрывается под именем некоего Мейера, торговца картофелем, чья красная рыжая борода меня сразу поразила. Природа не создает сама таких золотистых красок (*sic!*)».

Три года спустя (8 сентября 1876 г.) агент № 51 сообщает, что Риго живет в Роттердаме на улице Кальверстраат, 18 В и зарабатывает на жизнь, давая уроки высшей математики. На полях этого рапорта стоит пометка: «Господину Ломбару: следует проверить и, если потребуется, послать человека в Роттердам... За этим делом надо следить...»

И они следят! 16 ноября 1876 г. агент № 12 докладывает из Брюсселя: «На улице Кальверстраат (или Бычьей улице) нет № 18 и вообще в Роттердаме не живет ни один француз. В Амстердаме на улице Кальверстраат нет № 18 В. А в № 18 С живет некий В. А. Ван дер Каат, сапожник, член Интернационала, но слежка за ним ничего не дала.

И только 4 июня 1877 г., после девяти месяцев «самых усиленных поисков» в Амстердаме и Роттердаме, агент № 12 прекращает свои туристические прогулки по Голландии...

Но это лишь один из многих случаев розыска отдельных лиц. Можно себе представить, какие средства были пушены в ход, чтобы следить за колонией изгнанников в Лондоне, самой важной с политической точки зрения.

Действительно, в Лондоне члены Генерального совета Интернационала — Эдуар Вайян, Констан Мартен и Антуан Арно — встречаются с Карлом Марксом, который 30 мая закончил свое знаменитое воззвание «Гражданская война во Франции». За Антуаном Арно, вероятно потому, что он до конца состоял в Комитете общественного спасения, следят особенно пристально. Известно, что его жена работает в позументной мастер-

ской, что один из его друзей, Андриё, достает ему уроки французского языка. В рапорте полиции из Лондона¹ говорится, что он делает удивительные гипнотические опыты. Из другого рапорта² мы узнаем, что «ему удалось создать компанию по использованию его электричества» и что он зарабатывает пятнадцать ливров в неделю. Но жизнь в изгнании тяжела: в один прекрасный день оказывается, что «бывший гипнотизер стал продавцом жареной картошки у въезда на мост Блекфрайерс»³.

Антуан Арно, Вайян и Констан Мартен выходят из Интернационала во время Гаагского конгресса (сентябрь 1872 г.), на котором они одсбрили исключение анархиста Бакунина, но выступили против решения перенести местопребывание Генерального совета из Лондона в Нью-Йорк. Все трое вместе с Эдом, Альбером Гулле, Виаром и др. возглавляли впоследствии бланкистскую группу «Коммуна». Антуан Арно сурово осуждает позицию, занятую делегатом финансов Журдом по отношению к Французскому банку. Он заявляет на публичном собрании, что если Журд и не предал Коммуну, то он по меньшей мере «дал себя одурачить Белэ»⁴. Бывший делегат внешних сношений Паскаль Груссе не более снисходителен к Журду, когда тот приезжает в Лондон после побега из Новой Каледонии:

«Ваша ошибка,— пишет он ему 27 июня 1876 г.,—

на мой взгляд, состоит в том, что вместе с другими вы считали, будто надо спасать «кредит» Парижа, тогда как дело шло о самом его существовании».

Мы видим впоследствии подписи Антуана Арно, Бурсье, Жоаннара, Тейса и Лонге под манифестом изгнанников, приветствовавших открывшийся в Марселе 23 октября 1879 г. рабочий конгресс, положивший начало французской Рабочей партии⁵.

Жоаннар, о котором есть сведения, что он жил у вдовы Домбровского (март 1873 г.) и у Лео Мелье (январь 1874 г.), зарабатывает на жизнь изготовлением

¹ Рапорт X. от 28 сентября 1877 г., APP, Ва 935.

² Рапорт агента № 25 из Лондона от 25 декабря 1878 г.

³ «L'Empire», 30 juin 1877.

⁴ Рапорт полиции от 21 января 1879 г., APP, Ва 935, pièce 176.

⁵ Alexandre Zévaès, Les proscrits de la Commune, Bureau d'éditions, Paris, p. 43—44.

искусственных цветов. В апреле 1872 г. его переизбирают членом Генерального совета Интернационала. Он близкий друг Серрайе, и оба поддерживают связь с подпольным революционным движением во Франции. Не исключено, что Жоаннар тайно приезжал на континент: «Le Figaro» от 18 апреля 1872 г. утверждает, что он проехал через Аранхуэс (Испания), а госпожа Курти, владелица мастерской по изготовлению искусственных цветов, живущая в предместье Сен-Дени, 80, сообщает, что встретила его 7 мая 1872 г. в Париже: «Он сбрил бороду, носит только усы, перекрашенные в рыжий цвет, и косит левым глазом». Когда она воскликнула: «Жоаннар!» — он убежал в сторону Больших бульваров...¹

Везинье 2 июня 1872 г. женится в Лондоне на дочери Ранвье. Андриё и Лиссагаре выступают как свидетели. Карл Маркс, Ландек, Эжен Вермерш присутствуют на свадьбе в числе гостей. Ландек и Везинье основывают газету «La Fédération»², но в свет выходит только шесть номеров. Вермерш доволен этим провалом: «Несомненно, чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь зайца, а чтобы сделать газету, нужен журналист»³. К Везинье, по-видимому, все относится довольно плохо. В Париже версальцы называют его Подстилкой Пиа и Шутком Коммуны. В Лондоне Серрайе боится, как бы он не повредил Интернационалу: «Этот проныра не только наглец, но и настоящий кретин и может скомпрометировать любое дело»⁴.

Вермерш пишет замечательную поэму «Зажигательные речи» и побуждает своего друга Верлена, живущего вместе с ним в изгнании, добавить несколько разящих строф к его большой поэме «Побежденные». Но у Вермерша много врагов, так как перо его часто напоено желчью и он бичует тех изгнанников, которые воображают, что, вернувшись во Францию, они встретят на пути триумфальные арки, на фронтоне которых будет начертано: «Гражданину X. от благодарного парижско-

¹ Рапорт Жоффруа, APP, Ва 1128.

² BN, Lc² 2558.

³ Письмо Максиму Вийому от 15 декабря 1872 г. (Maxime Vuillaume, Mes cahiers rouges, p. 39).

⁴ APP, Ва 1293.

го народа, потерявшего по его вине лишь 30 тыс. человек»¹. Вермерш умер в Лондоне 9 октября 1878 г. в припадке безумия.

Нам ничего не известно о пребывании в Лондоне скульптора Антуана Демэ, избранного в Коммуну от III округа. Зато о Далу мы имеем много сведений. Его приотлил с женой и маленькой дочкой скульптор Легоро и ввел в круг лондонских любителей искусства. Граф Карлейль передает ему много заказов. Далу выставляется в Королевской академии и становится модным скульптором среди британской аристократии. Его принимают профессором лепки в музей Саус Кенсингтон. Он совершенно не знает английского языка, но, несмотря на это, его уроки усердно посещаются, ибо он решительно обрабатывает глину, сопровождая каждое движение своих пальцев повелительным «Like that!» («Вот так!»)². Эжен Шатлен, горячий приверженец теорий Распайля, выдает себя за врача на острове Джерси. Эли Реклю, далекий от практической жизни, продолжает свои научные работы. На форзаце своих книг он пишет совет «Cui prodest»³, что завоевывает ему, как не трудно догадаться, много друзей. Жюль Андриё дает уроки французского языка, литературы и латыни. Он переносит свое изгнание с таким достоинством, что восемнадцать видных британских деятелей — членов парламента, пэров королевства, профессоров Итонского и Кембриджского колледжей подписывают петицию о предоставлении ему амнистии⁴. Полковник Брюнель тоже преподает французский язык и литературу в дармутской морской школе.

Жюль Валлес пишет в Лондоне несколько произведений. Он получает много писем из Франции на имя Паскаля. Парижская газета «Le Siècle» печатает его «Вентра» под псевдонимом Ла Шоссад. В «Voltaire» Андриёна Шоля он подписывается: «Француз». Валлес встречается с Ранвье, Пьером Дени, Рулье, Шаленом. Но изгнание его тяготит. В конце 1878 г. он пишет:

¹ APP, Ва 850.

² См.: Henriette Caillaux, Aimé-Jules Dalou, Delagrave, 1935, p. 19—21.

³ Кому впрок, кому выгодно (лат.).

⁴ APP, Ва 850.

«...хлеб в изгнании обходится мне дороже, чем во Франции — я не скажу, что здесь он более горек, но английская булка пресна, без соли, она похожа на губку, глину, штукатурку и склеивает рот. Ее необходимо сдабривать несколькими каплями вина, если, живя под лондонским небом, вы хотите остаться французом. Если вы хотите, чтобы чернила в вашей чернильнице не заплесневели и ваша кровь сохранила свой цвет, вы должны добавлять в ваши чернила и в вашу кровь аромат и приправы французского соуса и несколько слезинок вина. А ведь в Англии нет вина. Вот и выписывай бутылки из Франции!.. Ужасная страна, уж я вам говорю!..»¹

Эжен Потье, «казненный» 25 мая на площади Птипер, тоже находится в Лондоне и живет в Чипсайде, 117². В марте 1873 г. его жена по-прежнему держит банное заведение в пассаже Лемуан. В 1876 г. Потье оказывается в Америке, зарабатывая как рисовальщик. На банкете, устроенном в Ньюарке для делегатов рабочих корпораций, приехавших на Филадельфийскую выставку, он читает стихотворение, написанное им в честь Коммуны.

В Брюсселе, откуда Виктор Гюго был изгнан 30 мая 1871 г. за то, что предложил приют изгнанникам Коммуны, находят убежище Габриель Бажу³ генеральный секретарь Управления ввозных пошлин, distinguished .: Тирифок, открывший ателье по кройке одежды на улице Сен-Жан, и Жорж Кавалье. Деревянная Дудка дает уроки математики, а потом становится режиссером в «Театр руаяль де ла Монне», где ставит новогоднее обозрение. Блестящий собеседник и великий насмешник, он по-прежнему интересуется политикой. Он корреспондент бордоской газеты «La Conventio», часто выступает на собраниях и пишет множество мелких брошюр. После поездки к бастующим шахтерам в Шарлеруа его высылают в январе 1876 г. из Бельгии, и он уезжает в Страсбург, в то время как брюссельские студенты

¹ APP, Ва 879, pièce 477.

² APP, Ва 1226, рапорт Фонтена.

³ Родился 30 апреля 1830 г. в Париже, управляющий крупной свечной фабрикой, получавшей медали на выставках, пользовался большим уважением в торговых кругах. (AN, BB 24/850.)

устраивают овацию его пьесе «Амиго», сыгранной в день его бенефиса 4 ноября 1876 г он просит у министра внутренних дел разрешения приехать на месяц в Париж, чтобы устроить учебные дела своих малолетних детей Но получает отказ Снова просит разрешения в сентябре 1878 г из Мюлуза, подчеркивая свою болезнь и суровость тамошнего климата Доктор Клипп дает ему 22 сентября следующее свидетельство «Хронический катар и истощение»¹ Справка дана ему не из любезности Вскоре по приезде в Париж Кавалье умирает — 25 октября 1878 г Многие изгнанники и ссыльные держались, как и он, до возвращения на родную землю, после чего очень быстро угасали Так случилось и с Коле де Тейяком, больным туберкулезом, как и Кавалье, получив помилование, он вернулся из Нумей и умер у отца 9 июля 1877 г

Бланки, все еще сидящего в тюрьме, избирают в 1879 г² депутатом от департамента Жиронда, а «каторжник» Тренке побеждает кандидата-гамбеттиста на муниципальных выборах 1880 г в Бельвиле Перед стоящими у власти правителями встает необходимость срочной амнистии Изгнанники и сосланные возвращаются во Францию

19 января 1880 г парусно-паровое судно «Крез» отплывает из Нумей и направляется в Пор-Вандр с большой группой амнистированных, среди которых Амуру и Анри Бриссак 6 апреля Амуру прибывает на Монпарнасский вокзал 2 мая префект полиции выражает недовольство, что тот до сих пор не явился к нему, несмотря на данное им обязательство³ Амуру, живущий на бульваре Бомарше, 28⁴, выступает 27 мая в XX округе и разоблачает зверское обращение с каторжанами из группы в 320 ссыльных 85 человек умерло в Новой Каледонии

11 июля 1880 г из изгнания возвращаются Журд Алавуан и Комбо 6 сентября 1880 г приходит черед Потье с женой и дочерьми Он в очень стесненном положении Сняв самое скромное помещение в Леваллуа,

¹ APP Va 1004 ресе 216

² Он умер в Париже 1 января 1881 г

³ APP Va 913 ресе 207

⁴ В ноябре 1881 г он поселяется на улице Сен Луи ан т Иль, 81

улица Фокар, он выступает в Кружке по изучению социальных вопросов этого города Потье открывает маленькую графическую мастерскую на бульваре Клиши, 34, но ему никогда уже не удастся достичь того достатка, в каком он жил до Коммуны

В девятую годовщину казни Ферре на его могиле в Леваллуа состоялась манифестация И это не в первый раз В ноябре 1872 г на кладбище Леваллуа, за которым полиция установила постоянный надзор¹, были арестованы молодая работница 20 лет и восьмилетний мальчик, которые сорвали на память с могилы Ферре несколько иммертелей На следующий год, когда надзор проводился менее упорно, полиция обнаружила на могиле венок с надписью «Мученику» В каждую годовщину смерти Ферре полиция снимает с его могилы «революционные знаки внимания» 28 ноября 1880 г Бланки возглавляет манифестацию Комитета помощи амнистированным на могиле Ферре, здесь собираются Эд, Гамбон, Курне, Луиза Мишель и Натали Лемель, Алсид Кадоль и его мать, Эрмини Кадоль, жительница из мастерской «Ла Бель Жардиньер», живущая на улице Сен Луи-ан-л'Иль, 78 (IV округ) Полицейский чиновник Жирар прикладывает к своему рапорту «образец красной розы, какими были украшены манифестанты»² Полиция произвела десять арестов В 8-й палате уголовного суда Эрмини Кадоль смело отвечает председателю

— Что вы хотели сказать словами «мы за тебя отмстим?» — спрашивает он

— Мы трудимся над этим каждый день

— Говорите яснее

— Вот увидите! Почему нам запрещают почитать наших мертвых? 45 тыс наших людей расстреляли!

— Вы забываете о невинных, которых сами убили

— Как можно сравнивать 60 человек с одной стороны и 45 тыс с другой!

Ее оправдывают

Гастон Да Коста возвращается во Францию на судне «Лу», которое прибывает в Брест 16 июня 1881 г Он

¹ APP Va 1074 28 ноября 1872 г

² APP Va 1074 28 ноября 1880 г

останавливается в отеле Гей-Люссак, где был арестован Риго, и посещает Рошфора, Журда, Курне¹.

Клеманс возвращается только 17 мая 1885 г.² и поселяется на улице Жур, 9 (I округ). На другой день после приезда он посещает вместе с Лефрансе кладбище Пер-Лашез и окрестности тюрьмы Ла-Рокет³.

Лефрансе, тоже вернувшегося с опозданием, молодое поколение уже не знает. В 1887 г. на парламентских выборах в Клиньянкюре он получает всего 68 голосов. В 1896 г. он предсказывает, что «если пролетариат будет упорствовать в безумной надежде добиться своего освобождения путем знаменитого завоевания *органов власти*, то он, несомненно, готовит себе новую кровавую бойню и новое разочарование». Он склоняется к анархизму и в 1901 г. оказывается замешанным в «заговоре против безопасности государства»⁴. Констан Мартен живет на улице Берже, 14 (I округ). Он связан с самыми известными анархистами⁵. Винан, основатель бланкистского комитета, редактирует газету «Ni Dieu, ni Maître»⁶ («Ни бога, ни хозяина»).

Артур Арну к этому времени становится модным романистом

Тренке умирает 13 марта 1882 г., вскоре после его избрания депутатом от Бельвиля. Журд пытается пройти на выборах в муниципальный совет XI округа (январь 1881 г.) и в депутаты от Лиона, но терпит поражение. Он основывает газету «La Convention nationale» и выпускает около ста номеров; вместе с Клемансо и Ранком он присутствует в зале Гранд-Ориан в день создания Лиги прав человека (1888 г.)

Толен, перебежчик из Интернационала, примыкает к франкмасонам и радикалам. В апреле 1876 г. его избирают сенатором. «Господин Иуда» кладет деньги в банк. «Рабочий парламентарий» становится крупным рантье, он «самая внушительная борода в сенате».

Амуру, ставший в 1882 г. муниципальным советником в Шаронне (группа независимых социалистов), входит в редакцию газеты «Le Citoyen» вместе с Жюлем Гедом, Полем Лафаргом и Анри Бриссаком. Он женат, и у него две маленькие дочки. Но силы его подтачивает туберкулез. «Господин Амуру дышит на ладан. Здоровье его подорвано. Его мучает сухой кашель», — написано в рапорте полиции от 26 июня 1884 г.¹. 10 июля он заходит в квартиру ребенка, умершего от холеры, и целует маленького покойника, чтобы положить конец панике, охватившей округ, который он представляет в парижском муниципалитете. Он умирает в 1885 г., вскоре после избрания его депутатом от Сент-Этьенна. Над могилой вице-председателя муниципального совета Эд произносит надгробное слово.

Вернувшийся из изгнания Далу выступает на открытии памятника Бланки (9 августа 1885 г.), автором которого он является². Далу живет вдали от интриг и группировок, целиком отдавшись работе над своим шедевром «Триумф Республики» и проводит все дни в своей мастерской на авеню Мэн.

Клюзере, оставшийся таким же авантюристом, находится в Константинополе на службе у Высокой Порты, но в 1880 г. его приговаривают к пятнадцати месяцам тюрьмы за статью против генерала де Саса, одного из палачей во время «Кровавой недели». После амнистии Клюзере выставляет в Париже свои восточные пейзажи в галерее Вивьенн. Он антидрейфусар, в 1888 г. его избирают депутатом от департамента Вар. Он носит длинную белую бороду, основывает общество по холодной обработке эмали, называет себя «антиеврейским патриотом», примыкает к буланжизму, а в 1893 г. его переизбирают как «революционного социалиста»³.

¹ АРР, Ва 931, ріесе 671.

¹ АРР, Ва 1167, ріесе 32, рапорт 2-го сыского отделения.
² АРР, Ва 1013, ріесе 252, телеграмма комиссара по особым делам Понтарлье

³ Рапорт полицейского чиновника Дюрантона.

⁴ См «L'Aurore», 17 mai 1901.

⁵ АРР, Ва 1174.

⁶ АРР, Ва 1300.

² Далу создал еще бронзового Виктора Гюго на кладбище Пер-Лашез и памятник Делакура в Люксембургском саду. Он умер 16 апреля 1902 года от сердечного приступа. Согласно завещанию Далу, его гроб покрывают только простыней и везут на бедняцких похоронных дрогах, нет ни цветов, ни венков, ни священника, ни воинских почестей, хотя он был командором ордена Почетного легиона

³ АРР, Ва 1016. Он умирает от воспаления легких 23 августа 1900 г. в Ла-Капте, возле Йера.

Жюль Валлес, которому предлагают выставить свою кандидатуру от Гренеля и в квартале Тампль, отклоняет эти предложения, так как хочет остаться «депутатом расстрелянных»:

«Меньше всего на свете я люблю парламенты,— пишет он 3 августа 1881 г. редактору газеты «Le Citoyen» Ашилю Сегондинье.— Я принадлежу к той породе людей, которые предпочитают входить в них через окна, а не через двери... Я возвращаюсь к книге, которую начал писать, она будет называться «Инсургент».

В 1883 г. он снова принимается издавать газету «Le Cri du Peuple» и печатает ее у Алавуана, типография которого помещается в квартале Круассан, на улице Сен-Жозеф, 10 (II округ).

Все коммунары, занимавшие высокие должности и распоряжавшиеся крупными государственными средствами, кончают свою жизнь в бедности, граничащей с нищетой, что, несомненно, доказывает их скрупулезную честность.

Тейс, пользовавшийся глубоким уважением Маркса, 23 декабря 1871 г. был избран в Каруже (Швейцария) генеральным казначеем Интернационала. В изгнании он очень плохо переносит лондонский климат и не в силах заработать на жизнь своим ремеслом чеканщика, к тому же чеканщики «часто сидят без работы». Его жене приходится зарабатывать стиркой белья. Когда в июле 1880 г. он возвращается в свою парижскую квартиру на улице Бобур, 54, он в очень тяжелом физическом состоянии. Однако он снова принимается за работу, такой же приветливый и скромный, как всегда. Каждую неделю он печатает статью в рабочей хронике газеты «L'Intransigeant». Когда 10 января 1881 г. он угасает, его друзья Амуру, Демэ, Журд, Жоаннар, Жюль Валлес, Рошфор и Клемансо — все сбегаются на улицу Бобур.

На этой же улице в крошечной мастерской сапожник Рулье, вдохновитель Комиссии труда и обмена, по-прежнему латает сапоги. «Вот уж не стоило,— сказал он как-то Вийому¹,— устраивать Июнь, Декабрь и

¹ См. Villainet, Mes cahiers rouges, t. V, p. 261.

Коммуну, чтобы подышать с голоду, подобно старому псу». Он дотягивает до 80 лет только благодаря небольшому ежемесячному пособию от благотворительного общества.

В 1884 г. в зале Редут устраивают лекцию «в пользу Лефрансе и Потье, которые в настоящее время терпят жестокую нужду»¹. Наполеон Гайяр кончает свои дни консьержем мэрии II округа и до восьмидесятичетырехлетнего возраста, уже полуслепой, тоже подбивает подметки на старые башмаки, когда ему нужны деньги на табак. Гражданка Маньер, активистка III округа, мать пятерых детей, мастерит искусственные цветы, не теряя надежды добиться процветания «Пролетариата» — так называется кооператив, который ищет способов улучшить участь женщины; но, как мы узнаем из рапорта полиции², «она задумала такой грандиозный план, что ей для начала надо не меньше 50 тыс. франков, однако, что весьма успокоительно для нашего социального строя, у нее пока нет ни одного су».

20 марта 1893 г. на похоронах Журда, на которых присутствуют Артюр Арну, Алавуан, Бурсье, Бриссак и Кловис Дюпон, у выхода с кладбища Монпарнас устраивают складчину, «чтобы собрать на хлеб его вдове»³.

Когда 8 ноября 1887 г. умирает Эжен Потье, его друзья — Кловис Дюпон, Дюмэ, Жюль Гед, Лефрансе, Эдуар Вайян и Виар — приходят на пятый этаж жалкого доходного дома в глубине темного двора, чтобы вынести тело автора «Интернационала».

Похороны Адольфа Клеманса (6 февраля 1889 г.) «были проведены по самому последнему разряду. На катафалк положили только маленький венок из лилового бисера а в середине — букетик иммортелей»⁴. В похоронном шествии участвовало меньше сорока человек.

«Мы были бездарны, глупы, все что хотите,— писал впоследствии Амуру (APP, 931),— мы не сумели

¹ APP, Va 1226

² APP, Va 1035

³ APP, Va 1130

⁴ APP, Va 1013 Вынос тела происходил на улице Сены, 54, а погребение — на кладбище Банье.

воспользоваться прекрасными средствами воздействия, которые были у нас в руках. Короче говоря, мы оказались не на высоте положения; но одно говорит в нашу пользу: мы свалились с вершины власти без гроша в кармане».

*

Если смерть Жюля Валлеса (14 февраля 1885 г.) вызвала внушительную манифестацию, то многие коммунары, напротив, умерли в забвении: Андриё и Демэ в 1884 г., Антуан Арно — в следующем.

Но некоторые прожили достаточно долго¹, чтобы присутствовать на открытии «Триумфа Республики», монументальной скульптурной группы их товарища Далу. Она была торжественно открыта на площади Нации 23 сентября 1889 г. председателем совета министров, которым был не кто иной, как... Тирар, яростный противник Коммуны, избранный в свое время в Коммуну от II округа.

Через несколько месяцев после открытия памятника гипсовый макет был разломан для отливки в бронзе. Но пришлось ждать еще десять лет, пока памятник был водружен на площади Нации таким, каким мы видим его ныне. Интервью, данное Далу газете «Le Petit Bleu» 19 ноября 1899 г., доказывает, что талантливый скульптор своей работой прославлял верность делу Парижской Коммуны, доблестным защитником которой он был.

«Случилось, что из-за удивительного стечения обстоятельств и ряда бессмысленных задержек торжественное открытие «Триумфа» происходит именно в тот час, когда противники Республики — жалкое, маленькое, поредевшее войско — собирают свои разрозненные силы и, как видно, пытаются, подняв побольше шума, убедить нас, что они очень многочисленны. Но будьте спокойны, народ здесь, по-прежнему доблестный, по-прежнему трудолюбивый, по-прежнему

проницательный, тот самый народ, который я по мере сил изобразил в своей группе, и завтра его призыв к свободе заглушит все остальные крики. И очень хорошо, что время от времени вновь гремит мужественный и благородный голос парижского народа».

¹ Журд умер в 1893 г., Артур Арно — в 1895, Лефрансе — в 1901, Кловис Дюпон и Везинье — в 1902, Эдуар Вайян — в 1915, Прото и Шарль Жерарден — в 1921 г.